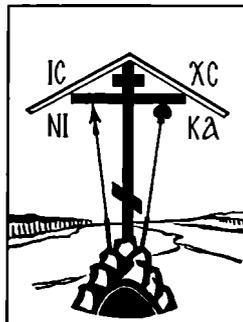

✠ митрополит Андрей

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ

МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

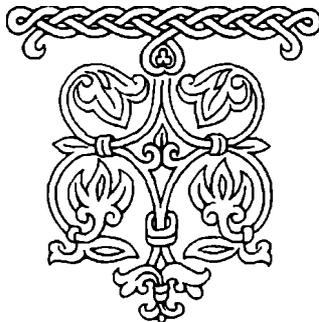
Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Воробьев
(главный редактор)

Протоиерей Александр Салтыков

Иерей Александр Щелкачев

Н. Е. Емельянов

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕРНУВШИЙСЯ ДОМОЙ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
И СБОРНИК ТРУДОВ
МИТРОПОЛИТА
НЕСТОРА
(АНИСИМОВА)

ТОМ I

Москва 2005

ББК -3*63.3

В 31

Главный редактор профессор протоиерей Владимир Воробьев

Автор-составитель О. В. Косик

*В работе принимали участие: С. Н. Баконина, проф. А.Б. Ефимов,
А. К. Караулов, О. А. Меркулов*

В 31 **Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). В 2 т. / Авт.-сост. О. В. Косик. Т. 1. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2005. – 575 с.: ил. + [32] с. ил.– (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Редкол.: проф. прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.).**

ISBN 5-7429-0219-0

© Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005

© О. В. Косик, 2005 (жизнеописание, составление, подготовка текста, примечания)

ISBN 5-7429-0219-0

К 300-летию Православия

на Камчатке

*К 120-летию со дня рождения
митрополита Нестора (Анисимова)*

+ Многоуважаемый Батюшка О. Дамаскинъ,
прежде всего позвольте Васѣ поздравить
со мною. Я - Николай Анисимовъ, окончив-
ший Реальное училище и Миссионерскѣ Курсы.
Васѣ я хорошо знаю и всегда помню и
люблю. Помню, когда Вы еще учились на
М. Курсахъ, а главное воспоминаніе объ
управленіи Вами Хараѣ (Ф. М.) - я же въ то
время былъ реальномъ и всегда держалъ
книжку и посылъ О. Андрею. Ну-ка не вспоми-
тали меня? (Только пожеланія не
считайте меня съ Львовыми или Кургановы.)
Въ Вашемъ письмѣ, батюшка Батюшка,
къ О. Андрею съ предложеніемъ о желаніи
идти о Камчатской миссіи, я съ великимъ
требеніемъ ощутилъ призывъ отъ
Святаго Промыслителя Господа, меня на
миссионерскія служенія въ Камчатку.
Да будетъ воля Твоя, и отъ лица Твоего
судьба моя изидетъ.

Письмо Николая Анисимова, будущего митрополита Нестора,
перомонаху Дамаскину (Цедрику),
будущему епископу священномученику, от 16 марта 1907 г.
РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник трудов и писем митрополита Нестора (Анисимова) и его жизнеописание составлены на основе материалов об этом замечательном архиерее, которые в течение многих лет собирались в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Начало работе положила набранная на машинке рукопись митрополита Нестора под названием «Мои воспоминания», переданная заместителем Свято-Троицкой Александро-Невской лавры архимандритом Кириллом (Начисом). Затем в университет стали поступать материалы от людей, почитавших митрополита Нестора, некоторые из них когда-то лично знали Владыку. В разных архивохранилищах обнаруживались труды самого митрополита. Хранящийся в Университете архив святителя Афанасия Ковровского содержит несколько десятков писем Преосвященного Нестора к своему духовному отцу, лагерному другу и сополитвеннику Владыке Афанасию. Многие доклады и письма о воссоединении дальневосточных епархий с Московской Патриархией найдены в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Материалы следственного дела митрополита Нестора позволили уточнить и дополнить собранные сведения. В результате накопилось большое количество документов, отражающих жизнь и многостороннюю деятельность Владыки на разных поприщах церковного делания – как миссионера, организатора благотворительных обществ, ревнителя церковного единства, Экзарха Восточной Азии, исповедника и архипастыря.

В основу сборника положены труды самого митрополита Нестора, который был не только выдающимся архиереем, но и талантливым писателем, обладавшим даром ярко воссоздавать картины пережитого на Камчатке, в революционной Москве, залитой кровью Украине, в эмиграции. Сбор материалов и их обработка производились в Отделе новейшей истории Русской Православной Церкви под руководством профес-

сора протоиерея Владимира Воробьева и на кафедре истории миссий под руководством заведующего кафедрой профессора А. Б. Ефимова.

В первый том вошли произведения, написанные до эмиграции, в 1907–1921 годах. Том состоит из трех частей. Часть первую – «Очерки камчатского миссионера» – открывает цикл «Из Камчатки» – миссионерский дневник иеромонаха Нестора, публиковавшийся во «Владивостокских епархиальных ведомостях» в 1907–1910 годы. В эту же часть включены книги: «Православие в России» и «Расстрел Московского Кремля» (публикуется по 2-му, дополненному изданию, вышедшему в Токио в 1920 году). Вторая часть сборника – «Очерки архиерея в изгнании» – составлена из произведений, написанных в Харбине и изданных за границей: «Харбин – Маньчжурия», «Очерки Дальнего Востока», «Очерки Югославии», «Египет, Рим, Бари», «Часовня-памятник памяти Венценосных Мучеников» и «Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира Киевского». Две последние работы продолжают тему гибели России, начатую «Расстрелом Московского Кремля». Материалы третьей части, объединенные под общим названием «Слово архипастыря», собраны по материалам дореволюционной и эмигрантской периодической печати и ряда архивов. В эту часть включены проповеди, воззвания, речи, открытые письма и пр.

Во второй том включены «Мои воспоминания», составившие часть четвертую. Эти воспоминания Владыка начал писать еще в эмиграции, а завершил по благословению Патриарха Алексия I после освобождения из заключения. Текст воспоминаний заново выверен. Часть пятая – «Письма и доклады». Внутри этого корпуса документов особенную историческую ценность имеют письма и доклады, связанные с воссоединением дальневосточных епархий с Московской Патриархией. Половину раздела составляют письма к епископу Афанасию Ковровскому, в которых, как и в письмах к духовному сыну и ближайшему помощнику Владыки К. А. Караулову, с наибольшей полнотой раскрывается внутренняя сторона жизни митрополита после освобождения из лагеря.

Тексты митрополита Нестора не сокращались и не редактировались. Авторские выделения текста оставлены без оговорок. Стихотворные тексты без указания автора, скорее всего принадлежащие Владыке, не подвергались правке. Также не унифицировалось употребление прописных букв в случае, если такое употребление несло на себе особую стилистическую нагрузку. Пропущенные слова заключены в квадратные скобки.

Тексты приводятся по современной орфографии и пунктуации. Авторские сноски даны в подстрочных примечаниях. В конце каждого то-

ма помещены примечания составителя. В оформлении библиографических ссылок встречается неполнота описания. Это вызвано тем, что в расположении составителя порой были лишь вырезки из харбинских изданий, где трудно было установить номер или дату выпуска той или иной газеты.

Для иллюстраций и комментариев использованы: база данных ПСТГУ и справочные издания, в частности: За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1: А–К (М., 1997); Протоиерей А. Киреев. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 гг. М., 2002; Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893–1965 гг. (включительно): В 6 т. Erlangen, 1979–1989; Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000–2005. Т. 1–7, а также такие труды, как: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 2004; священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае. М., 1998; Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997; Его же: Белый Харбин: середина 20-х. М., 1998; Косик В. И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000; Его же: XX век – биографии зарубежного духовенства: Материалы к истории Русской Церкви (рукопись); Божией милостью архиерей Русской Церкви / Автор-сост. С. В. Фомин; М., 2002, Огороков А. В. Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003; Троицкая С. С. Харбинская епархия, ее храмы и духовенство: К 80-летию со дня учреждения Харбинско-Маньчжурской епархии. Брисбен (Австралия), 2002, и многие другие. Широко использовались ресурсы интернета.

Материал собирался в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Центральном архиве ФСБ РФ, Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Славянской библиотеке г. Праги (Чехия). В библиотеках Москвы были просмотрены подшивки дореволюционной и эмигрантской прессы. Значительное количество статей и фотоматериалов были предоставлены А. К. Карауловым и В. В. Коростелевым, которым, в свою очередь, передавали материалы З. Д. Астахова, В. А. Дворецкий, В. И. Иванов, С. В. Карпенко, С. С. Лешошко, А. В. Маркелов, Л. П. Маркизов, М. Ю. Нечаева, А. Г. Пе-

тренко, Т. В. Пищикова], А. В. Попов, Г. Б. Разжигаев, Н. Г. Разжигаетва, В. Б. Румянцев, А. Д. Степанов, О. Сумарокова, Н. С. Якимова (Россия), А. А. Алферов, О. Н. Божко, Е. К. Коростелева (Крупка) (Украина), О. Аникеенко, Т. Жилевич, Н. Заика, Г. Кучина (Сухова), В. Стаценко, И. Суворов, Н. Суворова, М. Толмачева, священник Игорь Филяновский (Австралия), священник Серафим Ган, В. В. Шкуркин (США).

В сборе материала оказали неоценимую помощь А. К. Караулов, Г. Б. Кремнев, сотрудники ГА РФ Д. Н. Нохотович, А. А. Литвин, А. А. Федюхин, заведующий РГИА ДВ А. А. Торопов, сотрудники ЦА ФСБ РФ В. С. Христофоров, В. В. Марковчин, А. Т. Жадобин, сотрудник РГВИА А. М. Кульчицкий, краевед Э. С. Дяченко. Сборник готовился при участии студентов-дипломников, ныне выпускников Института, Л. Л. Беляевой, С. Н. Бакониной, О. А. Меркулова.

За помощь в составлении сборника выражаю огромную признательность ректору ПСТГУ профессору протоиерею Владимиру Воробьеву. Особая благодарность моему мужу д. и. н. В. И. Косику за редактирование научного аппарата и консультации по вопросам истории русской эмиграции. Также благодарю за консультации и предоставление материалов протоиерея Петра Иванова, священника Олега Давыденкова, священника Дионисия Поздняева, инокиню Вассу (Ларину) (Мюнхен), директора Пражской Славянской библиотеки Лукаса Бабку, Н. А. Кривошееву, И. И. Ковалеву, О. И. Хайлову и многих других людей, на разных этапах оказавших содействие в подготовке настоящего издания.

Собранное в настоящем издании духовное наследие митрополита Нестора – бесценный материал к его жизнеописанию, замечательный памятник трагического и сложного периода истории нашей Церкви.

XX век наполнил жизнь многих народов и судьбы отдельных людей необыкновенно большим количеством грандиозных и разнообразных событий, героических подвигов и падений, сильных впечатлений, связей и разделений, территориальных перемещений и изменений мировоззренческих позиций. Одним из самых удивительных церковных деятелей XX века был митрополит Камчатский Нестор (Анисимов), изучению жизни которого посвящается настоящий труд.

О. В. Косик

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (АНИСИМОВ)

Жизнеописание

Епископ Нестор Камчатский и Петропавловский встретил октябрьский переворот сравнительно молодым архиереем. И конечно, он не мог не разделить судьбу своих собратьев – испытать муки тюрем и лагерей или оказаться в эмиграции. Пожалуй, он был одним из немногих русских архиереев, которому в полной мере пришлось испытать и то и другое.

Родился Николай Александрович Анисимов в г. Вятке 9 ноября 1885 года в день иконы Божией Матери «Скоропослушница». Он воспринял от родителей благочестие и героические черты русского воина-патриота. Глубокая, горячая вера была заложена матерью, Антониной Евлампиевной (в девичестве Нагорничных), происходившей из семьи священника. Предки со стороны отца, Александра Александровича, не раз защищали на поле боя свое отечество. От них передались Николаю и его старшему брату Иларику мужество, бесстрашие, любовь к славе русского оружия – все это не раз проявил Владыка в течение своей долгой жизни. Но главное призвание дало знать о себе очень рано. Мама и бабушка часто водили ребенка в собор, и красивые, праздничные архиерейские службы особенно полюбились мальчику. С детства Коля желал стать архиереем. Этот путь предсказал отроку Николаю настоятель Вятского Успенского монастыря Преосвященный Варсонофий (Курганов), епископ Глазовский. Учился Николай в реальных училищах Вятки и Казани, так как отец по долгу службы вынужден был переезжать из одного города в другой.

Когда Коля был на каникулах в Вятке, тяжело заболела его мать; врачи не оставляли надежд на выздоровление. В это время в город

приехал о. Иоанн Кронштадтский. Николаю удалось попросить о. Иоанна помолиться о здравии тяжело болящей Антонины. После молебна в доме Анисимовых, который отслужил о. Иоанн, Антонина Евлампиевна поправилась. С тех пор между будущим архипастырем и о. Иоанном Кронштадтским возникла не прерывающаяся духовная связь.

Большое влияние на духовное возрастание Коли оказал законоучитель о. Николай Варушкин, которого до сих пор помнят и знают в Казани. Мальчик любил бывать в Спасо-Преображенском миссионерском монастыре. Обитель находилась на территории Казанского кремля, там же размещались миссионерские курсы при Казанской духовной академии. Своей ревностью к богослужению юноша обратил на себя внимание настоятеля монастыря архимандрита Андрея (князя Ухтомского), будущего известного архипастыря, который стал духовным отцом Николая. Отец Андрей был в эти годы наблюдателем Казанских миссионерских курсов. Это имело большое значение для Николая при выборе жизненного пути.

Отец Коли хотел, чтобы дети продолжили семейную традицию. Старший сын Иларий окончил Московское Алексеевское военное училище, был произведен в офицеры. По настоянию Александра Александровича Николай также сдал документы в Казанское военное училище. Но здесь его ждали большие огорчения: во время занятий с винтовкой он упал, а на экзамене по алгебре, забывшись, написал на доске вместе формул начало 90-го псалма: «Живый в помощи Вышняго...», в результате попал в карцер, после чего решил оставить училище¹. Он поступил на миссионерские курсы (калмыцко-монгольский отдел), которые завершил в 1906 году. По окончании курсов остался при монастыре.

В начале 1907 года архимандрит Андрей получил письмо, написанное по поручению архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия (Никольского) с просьбой прислать на миссионерскую службу на Камчатке выпускников курсов. Судя по всему, письмо было написано будущим епископом, священномучеником Дамаскином (Цедриком), который несколькими годами ранее окончил миссионерские курсы КазДА и служил во Владивостокской епархии, будучи причислен к архиерейскому дому.

В книге митрополита Нестора «Мои воспоминания» подробно описано, как, по благословию архимандрита Андрея, будущий миссионер не сразу, после колебаний, принял решение отправиться на Камчатку, ощутив призвание к миссионерскому служению на этой далекой окраине русского государства. Сохранилось удивительное, горячее, искреннее ответное письмо Николая Анисимова к иеромонаху Дамаскину, в кото-

ром как нельзя лучше отразился духовный облик и настрой молодого человека, его решимость полностью предаться воле Божией. «В Вашем письме, дорогой Батюшка, к о. Андрею с предложением желающим о Камчатской миссии, я с великим трепетом ощутил призыв от Самого Промыслителя Господа меня на миссионерское служение в Камчатке. Да будет воля Божия и от Лица Его судьба моя изыдет. Ваш призыв послужить вере Христовой на Камчатке я с любовью принимаю. Зная, что я иду на ниву жизни мало расчищенную, утешаю себя тем, что Вы будете там и труд наш совместный будет нам легче. Я сейчас мысленно перенесся на Камчатку и уже душевными очами предвижу почти все, что нас там ожидает, но ведь добрые дела трудом тяжеляются и скорбями исправляются. Только верую и уповаю на Божию помощь во всем»².

Камчатка была одним из самых бедных, малонаселенных и диких краев Российской империи. И готовность Николая Анисимова к служению в этом краю было проявлением его стремления выполнить волю Божию, которую он с такой силой почувствовал и которой всю жизнь старался следовать. «Промысл Божий предрешает пути человека, если человек верующий следит за порядком своего жизненного пути. От Господа стопы человека исправляются воистину. Вот как от мира ясно и очевидно Господь меня призывал на великое апостольское служение» («Мои воспоминания»). «От Господа стопы человека исправляются», – эти слова много раз повторял Владыка в течение своей жизни. Подвиг благовестия – это в первую очередь подвиг христианской любви, способности к состраданию до полного самозабвения, мужества и терпения. Потому-то и откликнулась душа Николая Анисимова на призыв свыше, что все эти качества были заложены в нем от рождения и заботливо возвращены в родной семье.

На подвиг миссионерства Николая Анисимова благословил святой праведный о. Иоанн Кронштадтский. Он прислал будущему миссионеру свою фотокарточку с надписью: «Раба Божия Николая Анисимова благословляю на великий подвиг миссионерства, если он находит себя способным и чувствует в себе призвание к нему. Да явится в нем благодать Божия, немощная врачующая. Целую его братски. 18 марта 1907 года. Протоиерей Иоанн Сергиев».

17 апреля 1907 года в Великий вторник на Страстной седмице в Крестовой церкви градского Архиерейского дома в кремле г. Казани Николай был пострижен в монашество. Постриг совершал его авва – архимандрит Андрей, который благословил постриженника иконой Казанской Божией Матери. В нижней части этой иконы были изображения мученика Нестора Солунского и преподобного Нестора – русского летописца. Казанский образ иконы Божией Матери, Заступницы усердной рода хри-

стианского, был с Владыкой Нестором до самой его кончины (которая произошла в день празднования этой иконы – 4 ноября по новому стилю).

6 мая 1907 года бывший алтайский миссионер епископ Иннокентий (Солодчин) в Казанском кафедральном соборе рукоположил постриженника во иеродиакона. Он дал молодому монаху наставление о трех крестах – монашеском, пастырском и миссионерском, которые предстояло нести о. Нестору. Уже в старости митрополит Нестор писал: «Эти три креста я нес в сердце своем во все годы моей жизни. Куда бы судьба ни забрасывала меня, с какими бы людьми ни сталкивала, я помнил о том, что я сын моей Великой Родины, добровольно несущий святое это бремя. Я сознательно отрекся от мирских, суетных благ житейских, пренебрег служебной карьерой и отправился в далекую, необжитую, всеми забытую, в неведомую тогда еще мною Камчатку, движимый желанием помочь страждущим там в темноте, невежестве и лишениях людям» («Мои воспоминания»).

9 мая, в день празднования памяти святителя Николая, епископ Алексей (Дородницын) хиротонисал отца Нестора во иеромонаха. Со дня рукоположения иеромонах Нестор был назначен к Гижигинской церкви.

26 мая 1907 года о. Нестор, которому еще не исполнилось двадцати двух лет, на корабле «Амур» выехал к месту служения³. Накануне посыльный из Кронштадта привез ему от о. Иоанна Кронштадтского его священническое облачение и сосуд с вином при следующем напутствии: «Передай Камчатскому миссионеру (я его монашеское имя не знаю) от меня облачение. Бог ему в помощь... А вот этот сосудик передай ему и скажи – все выпитое (больше половины), это мной выпито за мою жизнь, а оставшееся он будет допивать в его жизни, но пусть переносит все невзгоды терпеливо, да благословит его и спасет Господь Бог» («Мои воспоминания»). (Этот образ чаши скорбей впоследствии часто вспоминал Владыка Нестор. В своих стихах он писал: «Бессильны мы пред Тем, Кто нашу / Из слез, нужды, томлений и скорбей / Готовит жизненную чашу: / Не прекословь; но пей!»)

И вот 18 июня 1907 года иеромонах Нестор прибыл во Владивосток⁴. Там состоялась его первая встреча с архиепископом Евсевием (Никольским), к которому о. Нестор привязался сразу и навсегда, называя его «любимейшим духовным отцом»⁵. 23 июля 1907 года Владыка Евсевий поручил отцу Нестору заведование Корякской миссией⁶.

Владыка Нестор писал впоследствии: «Свое служение на Камчатке я начал в Гижиге, севернее Камчатского полуострова у берегов Охотского моря. С большими трудностями добрался я с моря до места своего служения. Это небольшое, но, по камчатским масштабам, очень важ-

ное селение на реке Гижиге – центр моей первоначальной миссионерской деятельности. С парохода я пересел на катер и миль двадцать проплыл в открытом море, а потом по реке Гижиге поднимался бечевой. Лодку тянули собаки. Затем я верхом на полудикой лошади добрался до Гижиги» («Мои воспоминания»).

Административный центр Гижигинск (или Гижига) представлял собой поселок рыбаков, коряков и тунгусов, где жило несколько русских семей. Зимой в этом поселке ураганы порой полностью заносили дома, и, чтобы выбраться из дома на улицу, приходилось прорывать тоннель. На собаках ездили в уровень с крышами домов.

Удивительно то, что молодой иеромонах сразу же почувствовал себя среди местных уроженцев спокойно и радостно. Туземцы быстро становились его добрыми друзьями, верили ему, чувствуя его любовь и заботу. «Коряки – самый симпатичный, прямой, честный, простодушный, трудолюбивый народ из всех камчатских обитателей», – писал он, составляя альбом фотографий Камчатки. Труднее налаживались отношения с русскими, в большинстве своем потомками людей, сосланных на Камчатку за различные преступления. Погрязшие в разнообразных пороках, лени, пьянстве, они крайне враждебно восприняли пастырские увещания о. Нестора.

Чтобы оценить подвиг камчатского миссионера, надо представить себе, в каких условиях и в каком окружении трудился иеромонах Нестор. Камчатка представляла собой нищий, забытый, ограбленный край. В отчете о состоянии Камчатской области с 16 августа 1909 года по 20 ноября 1911 года и. д. губернатора В. Перфильева говорилось о религиозной жизни Камчатки: «К сожалению, при настоящем положении дела духовенство области едва ли может соответствовать требованиям... высокой просветительной миссии. Достаточно сказать, что из 10 священников Петропавловского уезда только один благочинный и настоятель Петропавловского собора с образовательным цензом духовной семинарии, а из остальных восемь священников не кончили даже духовных училищ. Из указанных 10 священников четыре священника из местных же инородцев, не получивших никакого образования, а дошедших до высокого звания иерея исключительно продолжительностью службы, начиная таковую с псаломщика. Некоторые из них страдали присущей большинству инородцев слабостью – пристрастием к спиртным напиткам... Главная причина этого печального явления – тяжелая, полная лишений обстановка службы на севере вообще и совершенная материальная необеспеченность сельского духовенства в частности... При таких условиях, конечно, весьма трудно найти достаточный контингент достойных

духовных пастырей, которые согласились [бы] на подвижническое, можно сказать, служение в суровых условиях Охотско-Камчатской окраины, почему и приходится довольствоваться полуграмотными и малоразвитыми местными уроженцами... Православных храмов в области имеется 22, а часовен 44, – продолжает автор доклада. – С грустью надлежит отметить здесь, что большинство храмов, как по своему внешнему устройству, так и внутреннему благолепию, оставляют желать многого. Даже областной город Петропавловск довольствуется небольшим храмом легкой дощатой постройки, не приспособленным для зимнего служения; старый же зимний храм, тоже деревянный, в настоящее время пришел уже в совершенную ветхость и служение в нем прекращено»⁷.

Нельзя не удивляться мужеству молодого человека, из дворянской семьи, не обладавшего крепким здоровьем, который совершал свое апостольское служение, многократно рискуя жизнью, претерпевая тяжелые болезни, лишенный общения с близкими по духу людьми.

Камчатку безжалостно грабили американцы и японцы. Несмотря на неисчислимые богатства края, коренные жители голодали, вымирали от эпидемических болезней, страдали от невежества и темноты. Митрополит Нестор вспоминал: «...Например, японцы безнаказанно заграждали устья рек в Камчатской области, вылавливая для себя неисчислимые богатства рыбы, а населению приходилось голодать, потому что на Камчатке, как для населения, так и для ездовых собак, рыба-юкола являлась хлебом насущным, которого на Камчатке в те времена не было, а американцы в Анадырском и Чукотском районах прививали свою американскую культуру и грабили камчатское золото, имея для этого уже в то время землечерпалки и всевозможные приспособления. Десятки лет американец Свенсон и другой... плавали по океану и Охотскому морю на собственных шхунах с американскими товарами и закабалили путем навязывания населению ненужных товаров и отбирая за это у населения всю богатую промышленную пушнину за навязываемую безделицу»⁸.

В год его приезда в Гижигинском уезде произошло большое несчастье. В результате наводнения были смыты все запасы пищи, снесены многие юрты, уничтожена зимняя одежда местных жителей. Им грозили голод и смерть. По своему духовному устройению о. Нестор не был способен пассивно созерцать страдания обреченных людей, он подал архиепископу Евсевию рапорт, прося разрешить сбор в церквах Владивостокской епархии в пользу голодающих. Владыка первым оказал помощь, но небогатая Владивостокская епархия не могла предоставить необходимых средств, и тогда о. Нестор обратился к епископу Андрею (Ухтомскому) и о. Иоанну Кронштадтскому с письмами с просьбой о по-

мощи гижигинской пастве. Епископ Андрей и о. Иоанн Кронштадтский послали пожертвования, кроме того Владыка Андрей разместил во многих печатных изданиях воззвания о помощи голодающим. На эти статьи отозвались многие добрые люди, присылавшие свою помощь.

Отец Нестор отдавал все силы духовному просвещению инородцев. Он крестил, венчал, обучал молитве, рассказывал о христианской вере диким уроженцам края, и их сердца откликались на его проповедь горячей любовью и признательностью. Но будущий митрополит не только духовно просвещал жителей Камчатки – он обучал их грамоте, лечил, прививал навыки гигиены, часто делился последним куском. Заметки и воспоминания миссионера проникнуты бодрым, чуждым уныния духом, и не всегда можно ощутить, как тяжело приходилось их автору.

В 1909 году он заболел цингой и вынужден был просить об отпуске. На прошении о. Нестора архиепископ Евсевий написал: «26 августа 1909 года. Сам наблюдал и убедился, что иеромонах Нестор серьезно болен и отправиться к месту службы не может, не рискуя умереть даже еще в дороге. Сильное и продолжительное кровотечение из десен после того, как зубной врач выдернул ему сразу четыре зуба, особенно обессилило его...»⁹

Получив отпуск, о. Нестор выезжает в Москву. Знаменательным фактом в биографии Владыки было участие в монархическом Съезде русских людей, проходившем с 27 сентября по 4 октября 1909 года¹⁰. На Съезд собралось большое число представителей духовенства, в одном из заседаний принимал участие митрополит Владимир (Богоявленский)¹¹. На третий день съезда слово было предоставлено о. Нестору, который рассказал о бедственном положении коренных жителей области и призвал обратить внимание русских людей на их страдания. На съезде было признано желательным, «чтобы учреждена была на Камчатке особая кафедра Епископа...»¹²

Не имея возможности существенно облегчить участь обитателей Камчатки, о. Нестор приходит к мысли, что, только объединив усилия многих людей можно преобразовать жизнь Камчатского края. Он решил создать благотворительное Братство во имя Всемиловитого Спаса, призванное собрать средства для просвещения и развития края и защитить население от «хищников, грабивших, заставлявших голодать, тогда как богатства Камчатской области были неисчислимы»¹³. Как пишется в воззвании «К открытию Православного Камчатского братства», «больному, одинокому, беспомощному миссионеру стало невыразимо больно, обидно, досадно и завидно видеть спокойную, сытую, культурную, теплую жизнь счастливой России, и тут же представилась в его мыслях уже знакомая ему

картина жизни среди снежной пустыни совместно с грязными, дикими и голодными людьми, с собаками и дикими зверями, наконец, вспомнилось о. Нестору, что богатую Россию не мало греет, одевает и украшает мехом убогая Камчатка, а сама за то почти ничего не получает... Отец Нестор верил, что Матушка Русь была и будет «Святою Русью»...¹⁴

Он едет в Петербург, где выступает с докладами и лекциями о Камчатке, возбуждая интерес и сочувствие к этой далекой окраине. Он принимает меры для защиты населения от иностранных и своих хищников, выступает на эту тему в печати. Так постепенно готовилось создание Камчатского братства.

На Камчатку о. Нестор привез пожертвования из России, в гижигинской Спасской церкви было установлено распятие с предстоящими. С любовью украшал о. Нестор гижигинский храм. В нем он ввел монастырскую службу. «Хвалите Имя Господне» пелось в два псалма афонским напевом с канонархами. Эту службу полюбили гижигинцы, храм всегда был переполнен. В нем велись беседы. Всецерковно пелись акафисты. Иконы были созданы местным мастером Иосифом Флетчером¹⁵.

Отец Нестор разработал Устав Братства, для утверждения которого в Св. Синоде пришлось вновь отправиться в Петербург. В столице идею молодого миссионера поддержали многие влиятельные люди, среди которых были члены Государственной думы, Государственного совета, профессора, директор Государственного банка, генералы. За короткое время было собрано свыше двухсот подписей лиц, пожелавших стать учредителями Камчатского братства. Для утверждения Устава осталось получить одобрение обер-прокурора Св. Синода С. М. Лукьянова. И здесь возникло серьезное осложнение. Обер-прокурор не пожелал даже дослушать сообщение о. Нестора. Что побудило этого чиновника, известного медика, в 1882 году служившего врачом пехотного полка на Камчатке и, следовательно, представлявшего себе ее беды, отправить ни с чем камчатского миссионера, остается загадкой.

Через своего духовного отца епископа Андрея о. Нестор познакомился с директором департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел А. Н. Харузиным, известным ученым, этнографом, автором ряда солидных исследований. Будучи знатоком малых народностей России, Алексей Николаевич отнесся сочувственно к проекту учреждения Братства на Камчатке и помог о. Нестору выступить с докладом в кулуарах Думы. Об иеромонахе Несторе было доложено Императору Николаю II. Государь и Государыня отнеслись к рассказу о. Нестора с большим интересом и сочувствием. Человек, живущий подвигом, всегда заражает людей с живой душой желанием уча-

ствия в добром деле. Поддержка царственных супругов и вмешательство вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны помогли преодолеть сопротивление обер-прокурора, и, наконец, вопрос о Братстве был решен. По определению Св. Синода в апреле 1910 года был утвержден Устав Православного Камчатского братства во имя Нерукотворенного Образа Всемилостивого Спаса. Был утвержден состав Братства: почетный председатель, почетный попечитель – архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий; основатель Братства, почетный попечитель и пожизненный член Совета и Отделов Братства иеромонах Нестор, камчатский миссионер; председатель Совета – настоятель Владивостокского собора протоиерей А. И. Муравьев; казначей протоиерей Н. П. Чистяков. В качестве членов советов Братства были утверждены, в частности, настоятель Петропавловского собора А. А. Дернов, обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер, графиня С. С. Игнатьева, князь Н. Д. Жевахов (Петербургский отдел), архимандрит Арсений (Жадановский), протоиерей И. Восторгов (Московский отдел), епископ Пермский и Соликамский Палладий, Н. И. Знамировский (будущий архиепископ Стефан), архимандрит Варлаам (Коноплев), игуменья Чердынского монастыря монахиня Руфина (Пермский отдел)¹⁶. Кроме того, была учреждена особая Камчатская миссия. По ходатайству архиепископа Евсевия на должность начальника Миссии был назначен иеромонах Нестор¹⁷.

С 24 июня 1910 года Братству «была предоставлена бесплатная перевозка ежегодно одного вагона предметов и вещей, жертвуемых в пользу Православной миссии на Камчатке и местного православного братства»¹⁸.

В июле 1911 года иеромонах Нестор опять едет в Петербург. Обер-прокурором Св. Синода уже был В. К. Саблер, который поддержал все начинания о. Нестора. Он вновь был принят Императором. На этот раз Братство удостоивается чести иметь своим покровителем Цесаревича Алексея. Государь пожаловал иеромонаху Нестору образ преподобного Серафима Саровского. Император благосклонно отнесся к проекту строительства в глухой части Камчатской области – селении Тилички¹⁹ близ Гижиги, где было лишь восемь корякских юрт, – церкви в честь святителя Иоасафа Белгородского, почитаемого в народе как чудотворца. Просьба была удовлетворена. Великая княгиня Елисавета Феодоровна вручила о. Нестору пожалованное ему от Царской семьи специальное, «иоасафовское», облачение. По инициативе о. Нестора селение переименовали в Иоасафовское.

В сентябре 1911 года о. Нестор участвует в открытии мощей святителя Иоасафа Белгородского. Великое торжество, отмеченное многи-

ми благодатными явлениями, произвело большое впечатление на о. Нестора, который в письме к архиепископу Евсевию, опубликованному во «Владивостокских епархиальных ведомостях»²⁰, подробно описал виденное. На торжестве присутствовали Великий князь Константин Константинович и Великая княгиня Елисавета Феодоровна.

Вернувшись в столицу, о. Нестор выступает с лекциями о Камчатке, затем выезжает в Москву открывать отдел Братства. Председателем Московского отдела был избран настоятель Чудова монастыря епископ Арсений (Жадановский).

В Москве укрепляется духовная связь о. Нестора с преподобномученицей Елисаветой Феодоровной. Он совершает богослужения в Марфо-Мариинской Обители Милосердия, созданной Великой княгиней, участвует в освящении храма Обители. Великая княгиня Елисавета Феодоровна, которая, так же как и о. Нестор, была проникнута стремлением помогать неимущим и страждущим, оказала Братству существенную помощь. Усердием Великой княгини Братство получало большие пожертвования деньгами, медикаментами, перевязочным материалом.

Отделы Братства были открыты в Петропавловске-на-Камчатке, Петербурге, Москве, Перми, Киеве, других городах России.

На собранные средства отец Нестор организует походные аптеки, снабженные лекарствами и перевязочным материалом. Им создана община сестер милосердия, многие из которых отличались редкой самоотверженностью. На Камчатку отправились три сестры милосердия пермской Мариинской общины Красного Креста – начальница этой общины А. М. Урусова, А. А. Кашина и М. Г. Волкова-Жукова. «Население Камчатского края впервые увидело самоотверженный труд русской женщины в лице этих трех медицинских сестер милосердия. Их энергичная работа заключалась не только в помощи больным, – ласковая, внимательная, поистине материнская забота в деле культурного переустройства и переоборудования всего хозяйственного и домашнего уклада туземцев принесла большую пользу общественной и семейной жизни камчатского населения. В адрес этих сестер всегда изливались чувства глубокой благодарности, большой радости и немалого изумления. По добрым следам этих трех первых медсестер пошли на самоотверженный труд сестры и из других общин Красного Креста, например Казанцева и Иванова» («Мои воспоминания»).

Средства Камчатского братства шли на постройку церквей, школ, школы-приюта для детей кочующих оленеводов, восстановление мужского монастыря, который 200 лет тому назад был основан еще монахом Игнатием (в миру – казак Иван Козыревский) вблизи реки Никол-

ки, впадающей в реку Камчатку. В разобранном виде постройки на пароходах отправлялись в Камчатскую область.

В 1914 году для учреждаемого на Камчатке женского монастыря было получено разрешение из Лесного департамента (от 25 февраля 1914 года № 2724) отвести 150 десятин казенной земли в местности «Паратунка».

Продолжалась просветительская деятельность о. Нестора. Изучив местные языки, о. Нестор составил краткий русско-корякский словарь; на тунгусский язык им переведены избранные молитвы и заповеди блаженства.

На берегу моря в Раковой бухте, в 9 верстах от Петропавловска он создал колонию для больных проказой, устроив в этой колонии церковь во имя Иова Многострадального. Бесстрашно заходя в жилища, будущий архипастырь молился с прокаженными, совершал литургию, исполнял требы. Пасхальную службу в колонии прокаженных он описал в стихах, выразивших его любовь к страдальцам и удивительную способность утешать обреченных людей, пробуждать в них радость христианской веры. Для больных приобретались продукты, появилась возможность готовить горячую пищу. Колония была снабжена кроватями, посудой, приспособлениями для рыбной ловли, ручного труда.

Не раз жизнь миссионера подвергалась серьезной опасности. В своих воспоминаниях он описывает случаи, когда, застигнутый пургой, он 8 дней провел в снежной пустыне без еды и надежды на помощь, когда проваливался под лед и в обледенелой одежде сутки добирался до ближайшего селения. Последствием подобных приключений была болезнь ног, от которой всю жизнь страдал Владыка.

18 февраля 1914 года в селении Тиличики, где был открыт Иоасафовский храм, состоялся первый миссионерский съезд. Это было выдающееся событие, ведь камчатские миссионеры почти не имели возможности общаться друг с другом, разделенные многими десятками и сотнями верст. На собаках, оленях съезжались миссионеры. Чтобы добраться до селения Тиличики, многие подвергались серьезной опасности попасть в пургу, замерзнуть в снежной пустыне. Коряки впервые увидели соборное торжественное богослужение с участием диакона. Заседания велись на русском и на корякском языках. На съезде в атмосфере дружеского общения, столь необходимого миссионерам, были обсуждены подробности миссионерской работы. Отец Нестор сделал доклад о положении камчатской миссии. Он говорил о необходимости более тесной и постоянной духовной связи между крещеными и священниками, что можно было достигнуть только путем строительства церквей, часовен, школ, молитвенных домов, миссионерских станций и походных миссий. Он говорил о том, что

влияние русского населения на местных уроженцев часто было отрицательным. Не христианская вера, а жажда наживы часто руководили людьми, вступавшими в общение с коряками или тунгусами. Вместе с тем, живя по соседству с язычниками, русские люди легко перенимали их дикие обычаи и обряды. Отец Нестор рассказал о преобразении жизни в Иоасафовском селении (Тиличихах) с постройкой храма и школы. Прекратились ритуальные сожжения умерших на кострах, реже стали жертвоприношения животных и заклинания злых духов, ослабла вера в колдовство и заговоры, многоженство стало уступать место христианскому браку. Будущий Владыка убедительно раскрывал перед миссионерами возможности совместной работы, он собирал силы для спасения Камчатки, и все с Божией помощью удавалось ему в те далекие годы.

«К 1917 году, – спустя много лет свидетельствовал Владыка Нестор, – на Камчатке было уже 32 церкви и прихода, 60 часовен, приписанных к другим приходам, и 45 школ, а в г. Петропавловске была второклассная учительская школа и высшее начальное училище, получившие существование при содействии Братства»²¹.

25 мая 1914 года за богослужением в Уссурийском Свято-Троицком монастыре о. Нестор был возведен в сан игумена²². Однако непомерная нагрузка расшатывала даже молодой организм. С 3 июля о. Нестору был предоставлен шестимесячный отпуск для восстановления на Кавказе расстроенного здоровья и для устройства дел Братства и Миссии. Но вскоре он оказывается не на Кавказе, а... на фронте.

1 августа началась первая мировая война. Игумен Нестор откликнулся на призывы к духовенству помочь сражающейся армии. Он поступает в Лейб-гвардии драгунский полк священником и одновременно начальником санитарного отряда «Первая помощь под огнем врага», организованном Великой княгиней Марией Павловной. Впоследствии он писал: «Я видел смерть храбрых, собирал на поле брани раненых, принимал святую исповедь умиравших воинов и благословлявших своими устами дорогую Россию – родину, своего царя и благодарящих Бога за то, что они честно послужили и честно в бою умирают»²³.

Игумен участвовал в действиях русской армии в Привислинском крае, где в 1915 году шли тяжелые сражения.

В военном архиве сохранились карандашные записи на клочках бумаги, написанные его полковым командиром. Вот одно из них: «Находясь всегда при полку и не покидая его в самые трудные и тяжелые минуты, своим личным примером и словом оказывает как на офицеров, так и на всех нижних чинов самое лучшее влияние. Отец Нестор следует всегда впереди полка, сопровождает отдельные эскадроны в течение раз-

ведки и проводит ночи в сторожевом охранении. В течение Петроковских²⁴ боев о. Нестор сопровождал эскадрон в окопы, где и находился среди нижних чинов, всегда их ободряя в трудные минуты. 21 февраля, когда наши спешенные эскадроны наступали в лесу у деревни Дрополе на германские окопы, о. Нестор следовал впереди в цепи с нижними чинами с крестом в руке под сильным огнем противника, пренебрегая всякой опасностью, увлекая за собой нижних чинов. В тот же день игумен о. Нестор доставил быстро из наступавших по линии цепей донесение командующему полком, следуя верхом под огнем противника. 22 февраля, когда наши взводы... атаковали германские разъезды, после чего... спешенные части противника открыли сильный ружейный огонь, игумен о. Нестор, пренебрегая всякой опасностью, вдвоем с санитаром пошел пешком к самой позиции, занятой противником, дабы оказать помощь раненым. На основании вышеизложенного, относясь с глубоким уважением к храбрости и мужеству игумена о. Нестора, ходатайствую о пожаловании ему золотого наперсного креста на георгиевской ленте из кабинета Его Императорского Величества»²⁵.

Из другого сообщения: «Вследствие исключительной храбрости, игумен Нестор, состоя при полку в течение многих месяцев кампании, всегда проявляет исключительную храбрость, полное хладнокровие под огнем и с неутомимой энергией и рвением исполняет свои обязанности. Игумен о. Нестор никогда не покидает нижних чинов и в самых тяжелых обстоятельствах всегда находится среди них, воодушевляя их своим словом. Когда эскадроны занимали стрелковые позиции, 26 мая, о. Нестор находился в цепи под огнем противника и с полным хладнокровием разделял с нижними чинами их трудную службу. 9 июня, когда полк занимал позиции у деревни Погемонт, о. Нестор находился безотлучно в окопах с эскадронами. Вследствие выдающейся и полезной деятельности о. Нестора в полку, вследствие неоднократно проявленных им подвигов храбрости и мужества ходатайствую о награждении... [далее текст обрывается]»²⁶.

Эти строки говорят о том, что отвага, бесстрашие были так же присущи личности замечательного пастыря – воина и патриота, как и сострадательность и любовь к каждому человеку, особенно бедствующему и немощному. Необыкновенная способность к любви, к беззаветному подвигу давала силу и энергию его нежной, поэтической, чуткой душе. Военные годы о. Нестора обнаружили его доблесть, которая была удостоена очень высоких воинских наград. 10 апреля 1915 года игумен Нестор был награжден орденами с мечами и бантом святой Анны 3-й и 2-й степеней, а несколько позже высшей военной наградой, предназначенной для духовенства – золотым наперсным крестом на георгиев-

ской ленте²⁷. Кроме этих наград Владыка был удостоен ордена святого Владимира 3-й степени с мечами и бантом и других отличий.

И на фронте не прекращались миссионерские труды. В донесении игумена Нестора от 25 марта 1915 года из первого летучего отряда «Первая помощь под огнем врага» командующему Лейб-гвардии драгунским полком говорится: «Честь имею донести Вашему Высокоблагородию, что 22 марта сего года в фольварке Поланце, Сувалкской губ. пред пасхальной утреней мною присоединен к Православной Церкви через св. Миропомазание старший полковник Лейб-гвардии драгунского полка Генрици и наречен Александром в честь святого Александра Невского (30 августа). За литургией Александр Эдуардович причастился Святых Христовых Таин. Восприемным отцом полковника Генрици был командующий Лейб-гвардии драгунским полком Ст[ефан] Ст[ефанович] Джунковский. Игумен Нестор»²⁸. В 1915 году о. Нестор, приезжая по делам санитарного отряда в Вильно, познакомился с будущим Патриархом – архиепископом Тихоном²⁹.

Великая княгиня Мария Павловна ходатайствовала о награждении игумена Нестора «за его самоотверженную деятельность, глубоко-серьезное отношение и духовную помощь нашим доблестным воинам в военных организациях Ея Высочества саном архимандрита»³⁰. В этот сан он был возведен 14 июня 1915 года в домовая церкви Святителя Николая Чудотворца на Благовещенском синодальном подворье председателем Миссионерского совета при Священном Синоде епископом Иннокентием (Ястребовым) по поручению митрополита Петроградского Владимира (Богоявленского)³¹.

В конце 1915 года архиепископ Евсевий попросил о. Нестора вернуться на Камчатку, так как без своего начальника его детище – Камчатское благотворительное братство – могло захиреть и погибнуть. Надо было делать выбор, и 6 декабря 1915 года архимандрит Нестор прибыл в Петропавловск-Камчатский. Сразу же по прибытии он организовал патриотический вечер в пользу раненых воинов и беженцев. Его доклад о войне сопровождался «световыми картинками»³². Был создан Комитет по сбору средств для оказания помощи русским воинам. В числе первых жертвователей архимандрит Нестор внес в фонд этого комитета имевшиеся у него ценности.

Зиму 1916 года о. Нестор провел в Петропавловске. Во время одной из многочисленных поездок по Камчатке он простудился и тяжело заболел воспалением легких. Чуть поправившись, 21 мая 1916 года архимандрит Нестор пишет рапорт правящему архиерею с просьбой разрешить ему четырехмесячную поездку в Петроград, Москву и другие го-

рода Европейской России по делам Камчатской духовной миссии, а также для совета с докторами. Неожиданно от архиепископа Евсевия он узнает об учреждении Камчатской епархии и о предполагаемой хиротонии его во епископы. Архимандриту Нестору в то время был лишь 31 год.

24 августа 1916 года во время заседания Петроградского отдела Камчатского братства в синодальном подворье, где присутствовал о. Нестор, был получен Указ Св. Синода «о бытии священноархимандриту Нестору епископом Богоспасаемого града Петропавловска-на-Камчатке»³³.

Направившись из Петрограда во Владивосток, о. Нестор заехал в Москву, где на заседании отделения Камчатского братства митрополит Макарий Московский благословил о. Нестора на епископское служение и подарил ему панагию и четки. Великая княгиня Елисавета Феодоровна пожаловала три иконостаса, один из них был расписан ею. (Икона Воскресения Христова, писанная Великой княгиней, была вывезена после революции в Харбин и стояла в церкви Дома Милосердия на горнем месте.) Москвичи пожертвовали Братству церковную утварь, которая отправилась отдельным вагоном.

Заехав в Казань, чтобы получить благословение родителей, о. Нестор со своей любимой матерью отправился во Владивосток³⁴.

16 октября 1916 года в кафедральном соборе Владивостока состоялась его хиротония во епископа Петропавловского, второго викария Владивостокского и Камчатского епископа с пребыванием в г. Петропавловске с правами полусамостоятельного управления епархией в силу особых условий положения Камчатской области. На торжества прибыли первый викарий Владивостокской епархии епископ Павел (Ивановский), епископ Японский Сергей (Тихомиров), епископ Благовещенский и Приморский Евгений (Бережков), которые приняли участие в хиротонии.

А вечером того же дня был получен указ Св. Синода: «Архиепископу Евсевию Владивостокскому и Камчатскому о бытии архиепископом Приморским и Владивостокским, а епископу Петропавловскому о бытии епископом Камчатским и Петропавловским с самостоятельным управлением Камчатской епархией и с жительством в г. Петропавловске-Камчатском». Епископский титул «Камчатский и Петропавловский» Владыка носил около 40 лет, унеся его с собой в далекую Маньчжурию, не расставшись с ним и тогда, когда он был отрезан от России суровыми «часовыми Родины».

Вернувшись на Камчатку, Владыка отправился объезжать селения. В колонии прокаженных отслужил первую для них архиерейскую службу. В селение Ганалы был свидетелем сильнейшей эпидемии черной оспы. Епископ Нестор посещал жилища, где иногда целые семьи уми-

рали от страшного заболевания, исповедовал и причащал страдальцев. Жители окрестных сел еще не успели похоронить умерших от черной оспы, как в январе 1917 года в районе действующего вулкана Ключевская сопка произошло землетрясение небывалой силы, которое прошло полосой в 400 километров, унеся жизни многих людей. Епископ Нестор оказался в эпицентре катастрофы. На паперти покосившегося храма села Ключевское он отслужил молебен об избавлении от бедствия. Прибыв в Петропавловск, Владыка узнал о беспорядках в России. «Наш радиотелеграф Петропавловский забросали срочными телеграммами, адресованными «всем, всем, всем» от Керенского о «Великой бескровной революции». Изменилась сразу вся жизнь и у нас на Камчатке. Откуда-то выползли подонки, и пошла та же безумная свистопляска, словно пир во время чумы, как и всюду тогда в несчастной России. По милости Божией у нас на Камчатке тогда еще не коснулось революционное вмешательство в церковное управление и жизнь, и известие из Синода о созыве Всероссийского Церковного Собора было встречено в Петропавловске с чувством духовной радости»³⁵, – писал он впоследствии.

Вскоре состоялся выбор делегатов на Поместный Собор. На заседании 7 июля 1917 года в г. Петропавловске большинством голосов были избраны делегатами епископ Нестор и мирянин Иван Трифонович Новограбленов. Кроме того, епископ Нестор имел голос на Соборе, как правящий епископ, по должности. 27 июля скорым поездом епископ Нестор отправился на Собор. По пути между Пермью и Екатеринбургом делегатам встретился бронированный поезд, в котором ехала в Тобольск по приказу Временного правительства Царская семья.

И вот епископ Нестор в Москве. Он выступает с сообщениями о Камчатке перед членами Собора, в учебных заведениях Москвы. 25 октября (7 ноября) совершился большевистский переворот – так называемая Великая Октябрьская революция, и Временное правительство было низложено. В Москве начались уличные бои. Как писал епископ Нестор, «с 27 октября по 3 ноября 1917 года Первопрестольная Москва пережила свою Страстную седмицу, когда в течение семи суток расстреливалась артиллерийским, бомбометным, пулеметным и ружейным огнем» («Расстрел Московского Кремля»). Штурмовали Кремль, который обороняли юнкера Александровского военного училища и добровольцы. Безжалостно расстреливались древние святыни Православной Руси.

Свидетель этих событий князь И. Васильчиков, член Собора, писал: «Подожли дни Октябрьской революции. В Петербурге захват власти большевиками произошел в один день и почти без сопротивления. Не то было в Москве. Восстание большевиков началось на окраинах го-

рода, и оттуда их отряды, состоящие из солдат запасных батальонов и вооруженных рабочих, двинулись к центру города. В центре же на подступах к Кремлю сорганизовалось сопротивление, в состав которого вошли юнкера военных училищ и присоединившиеся к ним офицерские группы. В городе возникло чисто боевое положение со стрельбой, как ружейной, так и даже артиллерийской, при медленном продвижении большевиков от периферии города к центру. И это продолжалось почти целую неделю. Я проживал в это время в гостинице «Националь» близ Кремля, а так как работы Церковного Собора происходили в районе, удаленном оттуда и находящемся ближе к окраинам, то мне пришлось перебраться на жительство в семинарию. Очень скоро наша семинария оказалась в непосредственной близости к фронту наступающих большевиков. Во избежание внезапного захвата как ее, так и здания, в котором заседал Собор, решено было вокруг обоих зданий установить и днем и ночью караулы из членов Собора. Ими распорядился и постоянно их проверял молодой епископ Камчатский Нестор, бывший миссионер среди инородцев Северной Сибири»³⁶.

Владыка в эти дни вместе с другими членами Собора ходил по улицам Москвы, подбирая раненых и оказывая им медицинскую помощь.

По постановлению и избранию Собора была создана делегация в Военно-революционный комитет для прекращения кровопролития на улицах Москвы. В делегацию эту вошли члены Собора: митрополит Платон (Рождественский), архиепископ Димитрий (Абашидзе), епископ Нестор, архимандрит Виссарион, протоиерей Э. И. Бекаревич, священник В. А. Чернявский и крестьяне – А. И. Июдин и П. И. Уткин. По словам члена Собора С. П. Руднева, по возвращении делегация была встречена Собором пением тропаря Казанской иконе Божией Матери «Заступница Усердная...» На груди епископа Нестора, «самого молодого в Соборе владыки, как и у архиепископа Димитрия, на георгиевской ленте красовался наперсный крест».... «Несомненно, что эти георгиевские ленты на святительских мантиях обоих иерархов и белый клобук митрополита Платона немало импонировали солдатам, тогда еще не успевшим потерять веру во Христа и в родную Православную Церковь»³⁷, – писал С. П. Руднев.

В Москве военные части, главным образом юнкера, выдержали семидневную осаду Кремля. Бомбардировка Кремля и бои на улицах продолжались до 2 (15) ноября 1917 года. В этот день епископ Нестор с другими делегатами от Собора отправился в Кремль. Перед их глазами предстала горестная картина. Успенский и другие соборы были сильно повреждены. Чудов монастырь, где когда-то о. Нестор обсуж-

дал проект Камчатского братства, частично разрушен. Патриаршая ризница разграблена, все храмы осквернены солдатами.

Владыка писал впоследствии: «В момент первого входа большевиков в Кремль через Спасские ворота, когда они только что взяли Москву в свои руки, я, имея на руках повязку Красного креста, так как ходил по Москве и помогал раненым нашим защитникам Москвы, – вошел на этом основании смело в Кремль и взял с собой фотографа, и, пока шел грабеж в стенах Кремля большевиками завоевателями, мы с фотографом обошли все исторические места и зафиксировали все разрушения»³⁸. Эти бесценные снимки – свидетельство начала эры гонений на все святое, православное, русское, самое дорогое, – составили книгу «Расстрел Московского Кремля». Она была издана Собором тиражом 10 000 экз. 8 000 экз. было уничтожено большевиками, 2 000 разошлись по Москве и России. Книгу рекомендовали покупать руководители Совета объединенных приходов («желательно, чтобы приходы брали по несколько экземпляров для продажи на местах»)³⁹.

12 ноября 1917 года состоялись торжественные похороны погибших защитников Кремля. Массы народа двигались от здания университета до церкви Большого Вознесения, где должно было совершиться отпевание жертв вооруженных столкновений. 37 гробов поместили на погребальные колесницы и с пением «Святой Боже...» процессия направилась в Вознесенскую церковь. Площадь у храма была заполнена тысячами людей. Архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) с сонмом духовенства совершил литию, и гробы были размещены в храме. Присутствовали ректор и профессора университета, члены Священного Собора, пел хор А. П. Архангельского. После отпевания процессия направилась на Братское кладбище, ныне уничтоженное, где хоронили героев первой мировой войны. Впереди процессии за хором шествовали архиепископ Дмитрий (Абашидзе), епископ Гермоген (Долганев) и епископ Нестор. Офицеры и студенты несли 20 гробов, остальные 17 были размещены на колесницах. К 5 часам вечера процессия достигла Братского кладбища, епископ Нестор с другими священнослужителями совершил литию⁴⁰.

В эти смутные дни епископ Нестор продолжает выступать с лекциями. 6 декабря 1917 года в старом здании университета он прочел лекцию «Значение Камчатки для России» в сопровождении световых картин. Сбор с лекции должен был пойти на помощь жертвам гражданской войны и увековечение памяти павших⁴¹.

В Москве сразу же после октябрьского переворота, которому столь героически сопротивлялись офицеры и юнкера, стали возникать тайные офицерские организации. В 1918 году их было не менее двенадцати⁴².

Мог ли архиерей-воин, бесстрашный участник недавних военных действий, остаться в стороне? Несомненно, он был связан с группами сопротивления. Одной из таких групп принадлежит попытка освобождения Царской семьи. Ее освещают несколько источников, в частности очерк К. Соколова «Попытка освобождения Царской семьи (декабрь 1917 г. – февраль 1918 г.)»⁴³. К. Соколов был командиром 2-го Сумского гусарского эскадрона. Сумские гусары и составили ядро организации по спасению Царя и его семьи. Главой группы был руководитель Союза приходских советов присяжный поверенный Владимир Сергеевич Полянский. Можно предположить, что В. С. Полянский был связан по вопросам организации приходских общин с епископом Андреем (Ухтомским), работавшим в Отделе о благоустройении прихода, и через Владыку Андрея был знаком с епископом Нестором.

Владыка Нестор благословил заговорщиков иконой Божией Матери «Утоли моя печали», и около 30 офицеров отправились в Тобольск выполнять свой план освобождения Царской семьи. В большевистском журнале «Революция и Церковь» упоминается обнаруженное при обыске у епископа Гермогена письмо, переданное ему через епископа Нестора от Императрицы-матери Марии Феодоровны. В письме между прочим, якобы, говорилось: «Владыка, ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь: это предзнаменование!!! Теперь настал черед тебе спасти родину: тебя знает вся Россия, призывай, громи, обличай!!! Да прославится имя твое в спасении многострадальной России»...⁴⁴ Трудно судить о подлинности этого письма, возможно, письмо было составлено самими большевиками. Попытка освобождения Царской семьи, как известно, провалилась, а память о безуспешных усилиях в деле спасения царственных мучеников всегда доставляла Владыке острое страдание.

16 февраля Святейший Патриарх Тихон сообщил Собору, что подтвердилось известие об убийстве почетного Председателя Собора священномученика митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). 19 февраля 1918 года епископ Нестор принял участие в панихиде по убиенному митрополиту, которую совершил Патриарх с сонмом духовенства в храме Христа Спасителя⁴⁵. 28 февраля состоялось торжественное заседание Собора, посвященное памяти митрополита Владимира. Было решено «установить на вечные времена нарочитое поминовение почившего святителя 25 января [ст. ст.] в день его кончины»⁴⁶. Этот день стал днем молитвенного поминовения всех усопших новых исповедников и мучеников.

Епископ Нестор был особенно близок к Патриарху в эти месяцы. Владыка писал: «С умилением вспоминаю, как я пользовался особым благоволением Святейшего Патриарха Тихона, с которым очень и очень ча-

сто сослужил Божественную литургию в различных храмах Москвы и Подмосковья. С благословения Святейшего Патриарха я многократно совершал по Москве крестные ходы с Иверской чудотворной иконой и с новоявленной Державной – Коломенской иконой Божией Матери, а также вел религиозные беседы в фабричных рабочих районах»⁴⁷. (Владыка Нестор везде оставался миссионером.) О близости молодого епископа к Патриарху говорят многочисленные факты, начиная с того что епископ Нестор, по желанию Патриарха Тихона, сопровождал последнего в Троице-Сергиеву Лавру, куда он поехал помолиться у мощей преподобного Сергия Радонежского ко дню своего поставления на первосвятительское служение. Святейший доверял епископу Нестору многие важные поручения.

В эти месяцы он часто выступает с лекциями. Он говорит не только о Камчатке, тема многих его выступлений – поругание и разрушение Кремля. Молодой архипастырь стал одним из самых популярных епископов среди москвичей в начале 1918 года.

В ночь на 1 марта 1918 года (н. ст.) Владыка был арестован. В «Воспоминаниях» А. Аросева⁴⁸, по приказу которого был расстрелян Кремль, упоминается некий епископ Камчатский Варнава. Скорее всего, автор воспоминаний неправильно назвал имя епископа Нестора. Во время пребывания в заключении в Политическом отделе штаба Красной армии (в здании бывшего Александровского военного училища) какой-то проходец обманом выманил у Владыки золотой крест и 4 000 руб. По-видимому, Аросев не подозревал в заключенном автора крамольных фотографий, так же как и Владыка Нестор не знал о роли Аросева в расстреле святынь. После тщательного обыска были отобраны антибольшевистские стихи, сочиненные епископом, письма родных. Епископ Нестор из здания Александровского училища был перемещен в Таганскую тюрьму, а 2 марта (н. ст.) переведен в Новоспасский монастырь.

Арест Владыки обсуждался на заседаниях Священного Собора. 1 марта было заслушано сообщение на эту тему архиепископа Гродненского Михаила (Ермакова), который сообщил об обстоятельствах ареста Владыки: «Преосвященный Нестор квартирует в Гродненском военном госпитале в Трехсвятительском переулке. В ночь на сегодня в 12 часов в госпиталь явилось 9 красноармейцев для производства обыска. Домовой комитет обратился в местный комиссариат, откуда были присланы милиционеры. Милиционеры сначала не хотели позволять красногвардейцам производить обыск и не признавали правильным предъявленный красногвардейцами ордер, так что между красногвардейцами и милиционерами едва не произошло драки. Но после ордера

был признан правильным, и обыск продолжался с 12 часов до 4 часов ночи. У Преосвященного Нестора найдено было письмо от родных и еще шуточное стихотворение, в которых красногвардейцы усмотрели неуважительное отношение к советской власти. Однако ареста произведено не было, красногвардейцы уехали, и Преосвященный Нестор собирался лечь в постель, но около 5 часов утра к зданию госпиталя подъехал вновь автомобиль с четырьмя красногвардейцами. Их них двое было из тех, которые уже приезжали раньше, а двое было новых. Эти-то четверо и арестовали Преосвященного Нестора»⁴⁹.

На следующий день, 2 марта, заседание Собора было посвящено исключительно аресту Владыки Нестора. Была составлена комиссия в составе А. А. Салова⁵⁰, как члена Московского окружного суда, и А. И. Юдина, члена Собора – крестьянина. Делегаты отправились вести переговоры с властями об освобождении епископа⁵¹.

Машинописную копию протокола одного из допросов неожиданно удалось найти в следственном деле Патриарха Тихона в архиве ФСБ. Эта копия занимает лишь 2 страницы машинописного текста и состоит из одних ответов. Дата документа отсутствует, однако епископ указывает, что был он под арестом примерно двенадцать дней.

На допросе поднимался вопрос об авторе сатирических стихов, но главным было не это. Епископа спрашивали о знакомстве с В. С. Полянским и о монархической организации офицеров, «поставивших целью ниспровергнуть в феврале 1918 года Советскую власть». И хотя Владыка категорически отрицал свою принадлежность к подобной организации, судя по протоколу, некоторые связи его с офицерами, готовившими заговор по освобождению Царской семьи, стали известны властям. Часто исследователи пишут, что Владыку арестовали за книгу «Расстрел Московского Кремля». Материал допроса и соборных деяний не дают основания для такого предположения.

Архиепископ Кирилл (Смирнов) сообщил, что по поводу ареста епископа Нестора в зале семинарии было собрание, на котором присутствовало значительное число членов Собора. Было признано, что положение епископа очень опасно и подчеркивалась необходимость заявить «решительный протест против насилия, которое применено к епископу Православной Русской Церкви». Участники собрания призывали оглашать обращения в защиту епископа в церквях, более решительные предлагали идти сейчас же с народом в тюрьму или штаб с требованием об освобождении епископа. В ранние месяцы гонений подобные меры иногда давали результат. Однако многие делегаты понимали, что, ходатайствуя об освобождении епископа, нельзя подвергать опасности Со-

бор. Была принята резолюция: «Заслушав сообщение о незаконном аресте в Москве члена Собора епископа Камчатского Нестора, Священный Собор, в полном единении с верующим народом, выражает глубокое негодование по случаю нового насилия над Церковью и требует немедленного освобождения преосвященного узника»⁵².

В церквах Москвы служились молебны о его здравии. Великая княгиня Елисавета Феодоровна, узнав по телефону об аресте Владыки, попросила отслужить молебен. Много лет спустя епископ Нестор писал: «И я ныне счастлив тем, что в самом начале нынешних гонений меня первым из епископов привел Бог в малой, крохотной мере, испытать тюремное заключение от гонителей веры Христовой»⁵³. Если бы он мог предвидеть, какой полной мерой он вкусит эти страдания!

25 марта 1918 года [н. ст.] Владыка был освобожден. «Тогда еще не разошлась вовсю злоба врагов. И хотя надо мной глумились и били и всячески унижали, но среди высшей администрации тюрьмы были и добрые люди, относившиеся сочувственно, они и спасли меня от грозившего мне расстрела», – писал Владыка впоследствии⁵⁴. 25 марта 1918 года епископ Нестор, освобожденный из заключения, появился на Соборе. Священный Собор, во главе с Патриархом, приветствовал епископа Нестора вставанием и пением: «Ис полла...»⁵⁵

Владыка снова проповедует, посещает тюрьмы, в том числе Таганскую, где сам находился в заключении. В одной из камер произошла поразившая его встреча с «кровавым человеком» (по определению епископа Нестора) – Михаилом Артемиевичем Муравьевым, главнокомандующим красными войсками. Муравьев открыл пред ним «тягчайший грех убийства старца митрополита Киевского Владимира», так как «он, могший предотвратить это убийство, даже поощрял прямых убийц». При участии Муравьева большевистские военные подразделения расстреляли в Киеве около 5 000 человек. Убийства, совершенные этим человеком, приводили его в отчаяние, писал Владыка Нестор, но настоящего покаяния убийца не испытывал. В июле 1918 года Муравьев поддержал выступление левых эсеров против большевиков, был арестован и убит.

17 апреля 1918 года Владыка отправляется в Казань, где жили его мать, отец и брат. Это было его последним свиданием с родной семьей. Владыка служил в своей «духовной колыбели» – Спасском монастыре и других храмах, читал лекции, беседовал с рабочими алафузовских заводов. Знакомый с детства, родной город страдал от бесчисленных злодеяний большевиков, разгулявшейся разбойной стихии, наступления ига «совдепов». В ночь на 8 апреля 1918 года был зверски убит

священник Макарьевской церкви в Адмиралтейской слободе о. Иоанн Богоявленский. Убийства иереев стали происходить повсеместно.

После Пасхи Владыка возвращается в Москву, где уже ищут автора книги «Расстрел Московского Кремля», обнаруженной во время обыска у Патриарха Тихона.

Судя по воспоминаниям Владыки, опубликованным в Харбине, он остается в Москве до середины августа 1918 года, после чего, по благословению и совету Святейшего Патриарха Тихона и митрополита Евсевия, выезжает в Петроград, а оттуда безостановочно в Киев⁵⁶. Однако источники противоречиво указывают дату выезда. Судя по публикациям в газете «Московский листок», в сентябре епископ Нестор возглавлял крестный ход от церкви св. Иоанна Предтечи за Пресней⁵⁷. В книге «Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира»⁵⁸ епископ Нестор пишет, что он выехал из Москвы в Киев лишь 18 октября 1918 года. Ни слова не говоря о Петрограде, Владыка описывает свое путешествие в Киев, до которого добрался 22 октября (ст. ст.), в день праздника Казанской иконы Божией Матери.

На руках у Владыки Нестора были пакеты от Святейшего Патриарха к митрополиту Киевскому Антонию (Храповицкому) и послания к Патриархам Александрийскому и Иерусалимскому⁵⁹. В Киеве в это время проходил Всеукраинский церковный собор под председательством митрополита Антония. Город был в руках гетмана Скоропадского. Во время пребывания Владыки в Киеве гетмана сменили петлюровцы, а петлюровцев большевики.

Владыка со своим спутником, молодым офицером Сумского полка, который ехал как секретарь Владыки, первоначально поселился в Златоверхом Михайловском мужском монастыре, где совершал богослужения, читал акафисты у мощей святой великомученицы Варвары. В Киеве епископ встретился с героем двух войн, генералом от кавалерии легендарным графом Федором Артуровичем Келлером. До войны генерал был командиром в том самом Лейб-гвардии драгунском полку, в котором с 1914 года находился Владыка Нестор. Среди всеобщего предательства и отступничества, захватившего русское общество, граф Келлер один из немногих сохранял верность в служении Государю. Он отказался верить в добровольное отречение Императора от престола и в телеграмме Царю выразил готовность вместе со своим корпусом защищать его, если будет на то приказ. В Киеве генерал стал во главе «особого отряда Северной Армии», состоявшего из остатков белых отрядов. Епископ Нестор передал генералу от Патриарха шейную иконку Божией Матери «Державная»⁶⁰.

Вскоре произошло подлое убийство генерала Келлера занявшими Киев петлюровцами. 18 декабря 1918 года Владыка сам отпел генерала, который был похоронен на кладбище возле Покровского монастыря⁶¹. После убийства графа Келлера Владыка поселился в этом монастыре. Настоятельницей обители была замечательная игуменья, духовная дочь оптинских старцев София (Гринева). Претерпев закрытие монастыря в начале 1920-х годов и арест, в 1934 году она была пострижена в великую схиму священномучеником епископом Дамаскином, тем самым, которому в 1907 году писал будущий митрополит Нестор, призывая вместе совершать миссионерский подвиг на Камчатке. Игуменья София приютила в своем монастыре Сергея Александровича Нилуса и его жену. С Сергеем Александровичем епископ Нестор очень подружился, они проводили часы в оживленных беседах.

Петлюровцев вытеснили большевики. С последним поездом епископ Нестор покидает Киев, добирается до Одессы, а затем до Крыма. 10 февраля 1919 года епископ Нестор принимает участие в хиротонии архимандрита Вениамина (Федченкова) во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. Чин хиротонии также совершали архиепископ: Таврический Димитрий (Абашидзе), епископ Гавриил (Чепура), епископ Варлаам (Ряшенцев) и др.⁶²

В это время в Ялте находилась вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, Великий князь Николай Николаевич и другие члены Императорской фамилии. Владыка совершал богослужения во дворце «Чаир» у Великого князя Николая Николаевича, посещал дворец «Харакс» Императрицы Марии Феодоровны. Он стал их духовником. Там же он познакомился с Великой княгиней Ксенией Александровной, ее сыновьями Андреем и Никитой, их женами, Великой княгиней Анастасией Николаевной. В апреле 1919 года большевики заняли Крым. За Императрицей Марией Феодоровной и Их Императорскими высочествами был послан английский корабль. Но она заявила, что отправится в путь только в том случае, если все раненные, священнослужители, врачи и жители Ялты, чья жизнь находится в особой опасности, отправятся с ней. На следующий день из Севастополя прибыли военные английские корабли. Императрица поднялась на борт «Мальборо» только тогда, когда последний корабль принял эмигрантов⁶³. 26 марта на одном корабле с членами Императорской фамилии епископ Нестор отплыл в Константинополь.

Пасху 1919 года Владыка встречал в этом городе, служил в русской посольской церкви вместе с архиепископом Анастасием (Грибановским), будущим главой Русской Православной Церкви за границей, который в эти годы нес послушание в Палестине. В Константинополе епи-

скоп Нестор вручил послание Патриарха Тихона Местоблюстителю Константинопольского Патриаршего Престола митрополиту Николаю, затем отправился в Александрию, где встретился с Патриархом Александрийским Фотием, которому также вручил послание Патриарха. Ему же оставил послание, адресованное Патриарху Иерусалимскому. На пароходе «Томск», который ранее обслуживал владивостокско-камчатские рейсы, Владыка совершил кругосветное путешествие – через Суэцкий канал, Порт-Саид, Гонконг, Шанхай за 84 дня добрался до Владивостока, откуда на том же «Томске» поехал на Камчатку, «где встретил новую, но не большевистскую власть, чему был приятно удивлен»⁶⁴ (с конца 1917-го по ноябрь 1922 года политические режимы на Камчатке менялись шесть раз⁶⁵). В Петропавловске-Камчатском Владыка исполнил накопившиеся епархиальные дела, много служил и на следующем пароходе прошел вдоль восточного побережья Берингова моря, посетив камчатские селения. Его радостно встречала камчатская паства, он снова крестил, помогал больным и бедным. Однако обратно в Петропавловск пароход не пустили – там началось восстание.

Епископ Нестор отправился в Омск, где обосновалось Временное высшее церковное управление во главе с Омским архиепископом Сильвестром (Ольшевским). Там состоялась встреча епископа Нестора с адмиралом А. В. Колчаком. Верховный правитель Российского государства адмирал А. В. Колчак большое значение придавал сотрудничеству с духовенством. Число армейских священников достигло двух тысяч. Высшее церковное управление Сибири предписало создавать проповеднические отряды, которые были призваны поднимать в войсках боевой дух защиты отечества. В сентябре 1919 года был реорганизован военно-церковный аппарат Сибири, введены новые должности – «епископ армии», «главные священники фронтов».

2 (15) сентября 1919 года в омской газете «Сибирская речь» появляется информация о том, «что в Омск прибыл епископ Нестор Камчатский и Петропавловский. В беседе с журналистом, – пишется в заметке, – епископ Нестор заявил, что по отъезде из Москвы Патриарх Тихон поручил ему «передать в Сибири и Дальнем Востоке всем верным сынам Церкви его патриаршее благословение и просил всех объединиться для избавления от большевиков России и Москвы и ее святынь»⁶⁶.

Сказанное в Омске вскоре отозвалось в Москве. Уже на допросе Святейшего Патриарха в ВЧК 23 декабря 1919 года первым был вопрос о епископе Несторе. Допрашивал известный чекист М. И. Лацис, позади него сидел человек, приехавший с Казанского фронта. Вероятно, он и привез известия о сообщениях омской печати. «Прежде всего, хоро-

шо ли, давно ли вы знаете епископа Камчатского Нестора. Можете ли вы думать, что он способен лгать», – так иезуитски был поставлен первый вопрос. Следователи должны были выяснить, передавал ли Патриарх благословение Колчаку на борьбу с советской властью. Святейший рассказал о встречах с епископом в разные годы, но уклончиво ответил, что особенно близок к Владыке Нестору не был. «Позвольте же спросить, чем вызван ваш вопрос», – поинтересовался Патриарх Тихон. «Епископ Нестор, явившись к Колчаку, заявил ему, что он привез ему благословение на его дело от Святейшего Патриарха», – ответил Лацис. «Решительно заявляю, что никакого благословения Колчаку с епископом Нестором я не посылал, да и послать не мог, так как епископ Нестор скрылся с нашего горизонта еще в начале сентября 1918 года до окончания Собора, и я, по крайней мере с тех пор, его и не видел, а Колчак появился на политическом горизонте позднее, и, следовательно, я никак не мог поручать епископу Нестору благословлять дело Колчака, которое тогда еще совсем не имело места. Это явная неправда, и я ее с решительностью отвергаю», – сказал Патриарх.

Следствие поставило перед Патриархом вопрос: если он не благословлял Колчака, то почему, прочтя известие в газетах на эту тему, он не сделал официального опровержения. Святейший Патриарх отвечал: «...никогда такого опровержения моего в газетах не напечатали бы, а если бы и напечатали, то опять, как это и бывало прежде, с новыми нападкамии на меня и вообще на Высшую церковную власть». Допрашивающий спросил, почему же тогда не было выпущено особое послание на эту тему. Ответ Патриарха пресекает дальнейшие вопросы на эту тему. «Делать это, – отвечал Патриарх, – не считал нужным, после того как мною выпущено последнее послание, в коем духовенству предлагается не вступать в политическую борьбу»⁶⁷.

В протоколе допроса Святейшего от 25 января 1923 года написано: «Ввиду моих настроений в то время я лишь оказывал Деникину и Колчаку моральную поддержку, не доходившую, однако, до дачи им благословения»⁶⁸. Не исключено, что епископ Нестор мог передать корреспондентам омской печати общее благословение русскому народу от Патриарха Тихона, которое было преобразовано журналистом в благословение на борьбу с большевиками.

14 сентября 1919 года адмирал А. В. Колчак принял епископа Нестора у себя. Результатом встречи стало постановление Высшего Временного церковного управления от 16 сентября о командировании епископа Нестора в распоряжение военных властей для священнослужения и проповеди в казачьих войсках Сибири и Дальнего Востока. Его задачей было поддер-

живать духовную связь с казачеством и населением, «ограждая от влияния пропаганды большевиков»⁶⁹. В распоряжении епископа были вагон-церковь и особый штат, с которым он отправился из Омска во Владивосток. Епископ пишет воззвание к казакам. Стремясь поднять боевой дух, упавший в последние месяцы на фронте, Владыка напоминает о славных делах казаков во времена князя Дмитрия Донского, взятия Казани, походах Ермака, Петра Первого и т. д. Однако духовником и проповедником в армии Колчака Владыка служил очень недолгое время.

Тем временем в статусе Камчатской и Петропавловской епархии произошли изменения, вызванные, по-видимому, слишком длительным отсутствием правящего архиерея. В фонде Канцелярии Патриарха и Св. Синода Русской Православной Церкви в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (ф. 831) обнаружен документ под названием «Иерархия Российской Православной Церкви» с правкой Святейшего Патриарха Тихона. Документ был просмотрен и выправлен Святейшим Патриархом 12/25 октября 1918 года. В этом документе Камчатская и Петропавловская епархия значится как викариатство, а епископ Нестор как викарий Владивостокский⁷⁰. Правящим архиереем указан архиепископ Приморский и Владивостокский Евсевий.

Его отсутствие на Камчатской кафедре в октябре 1919 года породило вопросы, сможет ли он руководить и дальше вверенным ему викариатством, поскольку он находился в Омске и делами своей епархии не занимался. Об этом говорится в докладе председателя епархиального совета протоиерея Д. Шерстенникова, впоследствии епископа Даниила, и членов епархиального совета Владивостокской епархии. На докладе епископ Самарский и Ставропольский Михаил наложил резолюцию: «24 (11) ноября 1919 года. Нужно спросить самого Преосвященного Нестора, будет ли он управлять Камчатской епархией, ввиду того, что, по его собственному заявлению, в «Слове» к казакам, он принял призыв казацкого начальства к усиленной работе в духовном строительстве жизни всего славного казачества. Епископ Михаил»⁷¹.

Епископ Нестор ответил письмом во Владивостокский епархиальный совет, в котором говорил о том, что сделанное ему предложение Высшей военной властью о служении в настоящее тяжелое время среди казачества он принял при условии совмещения означенной службы с управлением Камчатской епархией. Из Владивостока епископ Нестор в конце 1919 года выехал на Камчатку, а когда Петропавловск заняли большевики, в начале января 1920 года последним пароходом Владыка выехал из Усть-Камчатска⁷² со своим секретарем Г. Е. Боткиным, сыном лейб-медика Е. С. Боткина, мученически погибшего с Царской семьей.

Владыка остановился в Японии в г. Цуруга. Этот город в XIX – начале XX века стал «воротами» в Россию для Японии. В этом небольшом рыбацком поселке был построен порт, в 1902 году началось официальное морское сообщение между Цуругой и Владивостоком. После Русско-японской войны, прервавшей развитие этого сообщения, 15 июля 1907 года японское правительство предоставило разрешение на открытие Российского консульства в Цуруге и Отару.

В Цуруге жило много русских, служащих Добрфлота с семьями, и несколько православных японцев. Владыка служил в местном храме, участвовал в строительстве православного храма в честь святителя Николая Мирликийского. В Японии была вновь издана его книга «Расстрел Московского Кремля», в которую были внесены дополнения в виде фотографий, свидетельствующих об ужасах большевистских расправ, и добавлен новый текст. Книга была переведена на японский язык, через бывшего царского посла в Токио В. Н. Крупенского представлена японскому императору, от которого Владыка получил высочайшую благодарность⁷³.

Летом 1921 года епископ Нестор оказывается в Харбине. Одно из первых упоминаний харбинской прессы о пребывании епископа Нестора в Харбине относится ко дню годовщины убиения Царской семьи⁷⁴. 16 июля 1921 года он совершил всенощное бдение, а 17 июля литургию и панихиду по царственным мученикам. В проповеди звучит главная тема всех эмигрантских выступлений Владыки – измена русского народа своему Царю, общая вина русских людей, не сумевших защитить Царя, свою Родину и Церковь.

Чаще всего Владыка служит в Иверском храме на Офицерской улице, на мраморных досках которого были высечены имена всех георгиевских кавалеров, погибших на полях сражений в Русско-японскую войну, в стычках с хунхузами, на фронтах первой мировой и Гражданской войн⁷⁵, в ограде церкви был похоронен выдающийся военачальник генерал Владимир Оскарович Каппель, погибший во время Ледяного похода через Байкал⁷⁶.

В Харбине оказываются многие знакомые Преосвященного Нестора по его служению на Дальнем Востоке. Он общается с бывшим генерал-губернатором Приамурского края Н. Л. Гондатти, игуменией Руфиной (Кокоревой), основавшей в Харбине монастырь, регентом Д. Я. Поповым, хор которого пел во время празднования хиротонии епископа Нестора в 1916 году, и многими другими старыми знакомыми, многие из них становятся его ближайшими помощниками.

Осенью епископ Нестор снова в Японии. В середине октября он получает из патриаршего подворья от игумена Иоанникия, знакомого по

Владивостокской епархии, сообщения, которые представляют для оставивших Родину архиереев немалый интерес. 25 октября 1921 года в письме из Цуруги епископ Нестор поздравляет Преосвященного Иннокентия (Фигуровского) с возведением в сан архиепископа и сообщает ему о целом ряде событий и новостей из церковной жизни. Среди этих новостей, вероятно, было Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного управления от 7/20 ноября 1920 года № 362. Ввиду важности письма из Москвы епископ Нестор лично привез его в Пекин архиепископу Иннокентию, который передал документ в Архиерейский Синод. В начале 1922 года Постановление было получено и опубликовано. В Архиве Архиерейского Синода сохранился протокол заседания Высшего Русского Церковного Управления Заграницей от 11/24 января 1922 года, подписанный митрополитом Антонием и двумя членами Синода, епископами Гавриилом (Чепура) и Михаилом (Космодамианским), а также секретарем ВЦУ Е. Махароблидзе. Согласно этому протоколу, копия Постановления № 362 была передана в Синод архиепископом Иннокентием. В резолюции сказано «ПОСТАНОВИЛИ: Означенное Постановление Всероссийской Церковной Власти сообщить, для сведения, Начальнику Российской Духовной Миссии [от руки: в Японии] и управляющему военно- и морским духовенством, о чем им и послать указы»⁷⁷. Таким образом указ, сыгравший такую роль в организации Русской Православной Церкви за границей, поступил в Сремские Карловцы через посредничество епископа Нестора.

К лету следующего года Владыка Нестор рукополагает прибывших с Камчатки ставленников. Живя в Японии, он старается быть в курсе епархиальных дел, прося пересылать ему документы в Цуругу. Знаменательным фактом стало его участие в Приамурском Земском соборе, проходившем с 23 июля по 10 августа 1922 года во Владивостоке. Собор был открыт по указу Временного Приамурского Правительства. Деяния Собора носили ярко выражено монархический характер. Основной тезис, который принял Собор, звучал так: «Права на осуществление Верховной власти в России принадлежат династии Дома Романовых».

На Соборе предполагалось избрать Земскую думу, как представительный орган в крае наряду с Приамурским Церковным Собором. Правителем края был избран генерал-лейтенант М. К. Дитерихс. Войска Временного Приамурского правительства переименовывались в Земскую рать. Кроме Владыки Нестора, который подключился к работе Собора в последние заседания, в его деятельности участвовал епископ Владивостокский Михаил (Богданов).

10 августа 1922 года Земский собор завершил работу. Состоялся парад, на котором ратникам от имени Собора была вручена икона Державной Божией Матери. 23 августа, по указу М. К. Дитерихса, штаб Земской рати, резиденция Правителя и Земская дума переехали в г. Никольск-Уссурийский, где 22 сентября 1922 года состоялось совещание епископов.

В нем принимали участие архиепископ Мефодий (Герасимов), епископ Мелетий (Заборовский) и епископ Нестор. На совещании поднимался вопрос о созыве Дальневосточного поместного Церковного собора и создания Высшего церковного управления для дальневосточных епархий. Епископ Нестор принял активное участие в работе совещания, настаивая на необходимости создания церковного центра. «Так как, – подчеркивал он, – в настоящее время в России большевиками совершенно разрушено церковное управление, Патриарх Тихон арестован, большинство епископов расстреляно и так или иначе, но отстранено от управления Церковью; в жизнь Церкви внесен развал последними антиканоническими постановлениями большевистствующего духовенства: крещение в 18 лет, богослужение на русском языке, возведение женатых священников в сан епископа и многое другое, – поэтому есть настоятельная необходимость в создании объединяющего церковного центра»⁷⁸.

На основании этого совещания Архиерейским Синодом 13 сентября 1922 года было принято решение о выделении Камчатской епархии в самостоятельную, с присоединением к ней Охотского уезда и посвящением во епископа Даниила (Шерстенникова)⁷⁹, которого Преосвященный Нестор хорошо знал и ценил. «По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, Российское Высшее церковное управление, внемля голосу в августе месяце ст. ст. Дальневосточного Епископского совещания, образовало 31 августа – 13 сентября самостоятельную Камчатскую епархию, со включением в состав Камчатской епархии Охотского уезда, в государственно-административном отношении входящего в состав Камчатской епархии»⁸⁰. Едва ли это было не последнее епископское послание епископа Камчатского и Петропавловского Нестора ко своей пастве. К этому времени он уже находился в Харбине.

В октябре 1922 года Приамурский земский край был завоеван Красной армией. Многие видели свое спасение в бегстве в Маньчжурию и Шанхай. Положение церковных организаций в Маньчжурии было непростым. С 1907 года храмы на территории Северо-Восточного Китая были в ведении Владивостокско-Приморской епархии, которой управлял Преосвященный Михаил (Богданов). После оставления белыми Дальнего Востока связь Маньчжурии с Россией стала крайне затруднительной. В июле 1921 года митрополит Антоний (Храповицкий) писал Патриарху Ти-

хону по поводу канонического положения православных церквей в «государственных новообразованиях: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве и Польше, а также в Северной Америке, Японии, Китае и Урмии», которые испрашивают указаний по следующим вопросам: «1. Не будет ли признано соответственным учреждение для всех вышеупомянутых церквей в качестве объединяющего органа Высшего Управления Российской церковью за границей с подчинением сего органа непосредственно Вашему Святейшеству. 2. Не будет ли дано Ваше соизволение на учреждение должности Наместника Вашего Святейшества за границей»⁸¹.

В ответ последовало Постановление Патриарха Тихона, Священного Синода и ВЦС № 193 от 13 октября 1921 года о полномочиях ВЦУ за границей и о должности наместника Святейшего Патриарха Тихона за границей. Было постановлено: «1) Ввиду нецелесообразности подчинения существующему за границей Высшему Церковному Управлению Русской Церкви всех православных церквей и общин Московского Патриархата за пределами Советской России, оставить это Управление с прежними его полномочиями, без распространения сферы его действий на православные церкви в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, каковые сохраняют существующий у них ныне образ церковного управления, 2) ходатайство об учреждении должности наместника Святейшего Патриарха за границей, как ничем не вызываемое, также отклонить...»⁸²

Китай в этом списке нет, но из предыдущего цитированного документа можно заключить, что постановление относится и к этой территории.

Указом Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного управления от 5 мая 1922 года Карловацкое Всеаграничное Высшее церковное управление было упразднено⁸³. Этот указ был получен ВРЦУ за границей почти одновременно с сообщением об аресте Патриарха 21 мая 1922 года⁸⁴, что дало повод сомнениям по поводу добровольности принятия Патриархом данного постановления.

Тем временем в Северной Маньчжурии, принявшей в 1920–1922 годах приняла огромный поток беженцев, среди которых было много духовенства, почувствовалась необходимость создания своей епископской кафедры, тем более что частые политические изменения в Приморье затрудняли Владивостокскому епископу Михаилу управление приходами на линии КВЖД⁸⁵. Местное население во главе с железнодорожной администрацией обратилось в Заграничное Высшее церковное управление с просьбой о создании особой Харбинской епархии. Имеются сведения,

что глава Высшего церковного управления за границей митрополит Антоний (Храповицкий) смог связаться по этому вопросу со Святейшим Патриархом Тихоном и получил его благословение⁸⁶. Старейший из пребывающих в Харбине епископов-эмигрантов архиепископ Оренбургский Мефодий получил титул Маньчжурского и Харбинского.

13 сентября 1922 года Архиерейский Заграничный собор постановил Высшее церковное управление упразднить, на основании постановления Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного управления от 7/20 ноября 1920 года за № 362 было решено образовать Временный Священный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей.

Митрополит Антоний не оставлял попыток связаться с Патриархом Тихоном. В разных архивах обнаруживаются копии писем, предназначенных к отправке в Россию, Святейшему.

В письме Святейшему Патриарху Тихону от Архиерейского Синода за границей, написанном примерно в конце августа 1923 года, с поздравлениями Святейшего с Днем ангела (13/26 августа) и с возвращением из-под ареста митрополит Антоний предполагает, что указ о роспуске Высшего церковного управления за границей связан с неосведомленностью Святейшего о деятельности Карловацкого Собора и Высшего церковного управления, «все же принявшего помянутый указ к исполнению и закрывшегося»⁸⁷.

«Нашему Временному Синоду, – продолжает он, – подчинились до сего дня 3 архиерея в Китае, 3 в Харбине [имеются в виду, вероятно, архиереи Мефодий, Мелетий и Нестор)], один – в Японии⁸⁸, один – в Иерусалиме, а также их паства и миссия»⁸⁹. Письмо содержит правку митрополита Антония, но не подписано.

В другом письме митрополита Антония Святейшему (сведения о получении которого, как и вышеупомянутого, отсутствуют) написано: «Харбин с полосой отчуждения Китайской Восточной железной дороги по усиленному ходатайству администрации дороги и в виду затруднительности сообщения с кафедральным городом Владивостоком, Архиерейским Синодом выделен в особую епархию, с кафедрой в Харбине, и во главе епархии поставлен Архиепископ Мефодий с титулом Харбинского и Маньчжурского. Вскоре же после этого сообщения между Харбином и Владивостоком совершенно прекратились»⁹⁰.

К этому времени в Китае находились следующие иерархи: архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов) (с февраля 1920 года), архиепископ Нерчинский и Забайкальский Мелетий (Заборовский) (с августа 1920 года). (Впоследствии были посвящены в ар-

хиерейский сан протоиерей Николай Вознесенский, ставший епископом Димитрием Хайларским, и архимандрит Ювеналий (Килин), ставший епископом Цицикарским.)

Владыка Нестор получил благословение архиепископа Евсевия основать в Харбине Камчатское подворье. Это позволяло ему, находясь на канонической территории Владивостокской, а затем и Харбинской епархий, иметь свой храм, благотворительные учреждения и совершать богослужения и в то же время быть совершенно независимым от Харбинской епархии. Поэтому, как правящий архиерей самостоятельной Камчатской епархии, легально находящийся на канонической территории другой епархии, он подчинялся непосредственно Архиерейскому Синоду. В дела управления епархией Владыка почти не вмешивался.

Определением Зарубежного Синода Русской Православной Церкви за границей была образована новая епархия – Пекинская и Китайская, во главе с архиепископом Иннокентием (Фигуровским), который с 1897 года возглавлял Российскую духовную миссию в Пекине. В пределах Пекинской епархии были образованы викариатства – в Шанхае во главе с епископом Симоном (Виноградовым) и в Тяньцзине во главе с епископом Ионой (Покровским)⁹¹.

Харбин, по свидетельству современников, был «самым русским городом» в эмиграции. С 1898 года ведет отсчет история Китайско-Восточной железной дороги, которая через Маньчжурию соединяла сибирский путь с Владивостоком. Вдоль дороги появлялись города и села с русским населением – Харбин, Порт-Артур, строились храмы и возникали кладбища. Особенно бурно развивался расположенный на реке Сунгари город Харбин. После разгрома белых армий Колчака на Дальнем Востоке и атамана Дутова в Туркестане в 1919–1922 годы в Китай устремились сотни тысяч эмигрантов, бежавших через Дальний Восток и Среднюю Азию.

Беженцы прибывали в Китай на судах по Тихому океану, переходили по льду Байкал, пересекали границу с остатками белых армий. Центрами расселения русских эмигрантов в Маньчжурии стали Харбин, полоса отчуждения Китайской Восточной железной дороги и район Трехречья, населенный в основном казаками. Во Внутреннем Китае это были города Пекин, Тяньцзинь и Шанхай. Эмиграция представляла все слои населения дореволюционной России.

В многонациональном Харбине переплетались особенности китайского, русского, японского быта. Кроме двадцати православных церквей в Харбине были мечети, костел, кирха, синагога, армянская церковь. Чуждая культура, окружавшая русских беженцев, обостряла национальное

чувство. И вместе с тем велик был интерес к иным традициям, культурам, быту. Церковная жизнь связывала эмигрантов напоминанием о духовных и национальных корнях, о прошлой дореволюционной жизни, молитва устремляла души в Россию, к родным святыням, к близким, оставшимся на Родине. Праздники, колокольный звон, крестные ходы, молебны, по воспоминаниям эмигрантов, были особенно любимы в этом странном – и чужом, и русском городе. С 1924 года в жизни харбинцев проявился новый, «советский» элемент. Это было связано с установлением дипломатических отношений между Китаем и СССР и переходом КВЖД в совместное советско-китайское управление. В дни советских праздников над консульством СССР, над зданиями официальных учреждений загорались огни иллюминации, вывешивались красные флаги.

Оказавшись в Харбине, епископ Нестор сразу же занялся хорошо знакомым делом – помощью страждущим, нищим, обездоленным людям, которых всегда так много в периоды социальных катастроф. Исследователь Л. А. Вараксина пишет: «Архивные документы, сосредоточенные в фондах Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) и др., опровергают существующее мнение, что, оказавшись на чужбине после первых трудных лет, беженцы сумели приспособиться к новым условиям. В отличие от бедных и немощных местных граждан, которые оставались членами общества и с которым их связывали личные, семейные узы, русские изгнанники были вырваны из своей среды, лишены семейных, дружеских и прочих важных для человека связей. Поэтому самим им было не справиться с нищетой и голодом. Все это явилось причиной создания многочисленных объединений, которые могли бы оказать беженцам не только материальную помощь, но и помочь им как можно скорее устроить более или менее сносную жизнь, дать хотя бы временный кров над головой, накормить»⁹².

Владыка включился в благотворительную работу Свято-Иверского Богородицкого братства, учрежденного при храме 28 ноября 1920 года для помощи русским эмигрантам и миссионерской противосектантской деятельности. В 1921 году по инициативе епископа Нестора был создан Международный комитет помощи голодающим беженцам⁹³. 1 марта 1923 года при Иверской церкви епископ Нестор создает «Кружок ревнителей и сестричество» для оказания благотворительной помощи немущим жителям города. Кружок начал свою деятельность с организации бесплатных обедов, раздачи белья, одежды и обуви, денежной поддержки бедняков. Силами Кружка был создан в пригороде Харбина Мядгоу «приют для бедных хроников», здесь же была освящена домовая

церковь во имя иконы «Всех скорбящих Радосте». Из этого кружка и вырос Дом Милосердия.

Епископ Нестор писал впоследствии о кружке: «Это было первое созданное мною благотворительное учреждение. До этого я лишь принимал участие в деятельности других организаций. В августе того же года создается патронат, где нашли приют до 90 хроников и престарелых...⁹⁴

В эмиграции стараются следить за событиями в СССР. В день получения известия о кончине Святого Патриарха Тихона Архиерейским Синодом слушалось письмо архиепископа Иннокентия из Пекина, в котором он предлагал митрополиту Антонию возглавить Русскую Церковь в качестве Заместителя Патриарха, так как Патриарх Тихон «совершенно лишен всякой свободы [предложение было сделано еще до смерти Святейшего] и его именем может всякий злоупотреблять»...⁹⁵ 16 сентября 1925 года, проигнорировав факт назначения Местоблюстителя и подписания акта об этом почти шестьюдесятью архиереями, Архиерейский Синод отложил вопрос о признании митрополита Петра Крутицкого Местоблюстителем Всероссийского Патриаршего Престола и постановил представить этот вопрос на решение Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей⁹⁶. Таким образом, допускалась мысль о том, что 30 изгнанных архиереев имеют полномочия решать вопросы высшей церковной власти в России. Сам митрополит Антоний выражал сомнения в каноничности избрания митрополита Петра, будучи убежден в полном расстройстве церковной власти в России. Более того, он предполагал, что «заместитель⁹⁷ пойдет на живоцерковный собор, созывавшийся на конец 1925 года»⁹⁸.

В этой непростой ситуации важную роль сыграло письмо епископа Нестора митрополиту Антонию от 11 октября 1925 года. В нем содержался ответ на все вышеуказанные недоумения. Епископ Нестор сообщает о привезенном из России неким священником послании Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) об отношении к обновленчеству⁹⁹. В этом послании Местоблюститель резко высказывался против самочинных собраний обновленцев с их призывами к подготовке нового лжесобора. Владыка Нестор пишет: «Послание написано просто и хорошо, а, принимая во внимание все неблагоприятные условия, в коих приходится жить и вести церковный корабль среди бушующих волн Совдепии и врагов Православия – оно написано и смело (Деян. Ап. IV, 18–19¹⁰⁰) и (1-е Петр. 2, 12–14¹⁰¹)». Владыка пишет далее: «Самое же главное, почему-то за границей все считают Митрополита Петра соглашателем с живцами и пр., но теперь это посла-

ние рассеивает все сомнения и смущения»¹⁰². В середине ноября Карловацкий Синод «временно» признал митрополита Петра (Полянского) Местоблюстителем Патриаршего Престола Русской Православной Церкви. И в дальнейшем епископ Нестор принимает активное участие в обсуждении вопросов, касающихся отношений РПЦЗ и РПЦ.

Письмо епископа Нестора в Архиерейский Синод от 20 апреля 1926 года посвящено вопросу высшей церковной власти в связи с подготовкой к Собору Русской Православной Церкви за границей. Его мнение очень определенное, ясное и категоричное: «Структуру же и организацию всего управления Русской Православной Церкви за границей я мыслил именно в их настоящем виде с Архиерейским Синодом и Собором, во главе с митрополитом Антонием и с каноническим подчинением Всероссийской церковной власти Местоблюстителю Патриарха. В случае же, если безбожная большевистская власть лишит митрополита Петра или заместителей, им законно назначенных, малейшей возможности возглавлять Российскую Православную Церковь, я мыслил бы представительство Всероссийской Православной Церкви в лице митрополита Антония с Православным Синодом»¹⁰³.

В 1926 году, после ареста Патриаршего Местоблюстителя священномученика митрополита Петра Крутицкого зарубежные иерархи получили от его заместителя митрополита Сергия (Страгородского) теплое, сердечное письмо, в котором он советовал им создать «для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия... не прибегая к нашей поддержке», или «подчиниться (допустим, временно) местной православной власти», или в неправославных странах «можно организовать самостоятельные общины или церкви»¹⁰⁴.

Еще несколько писем в Архиерейский Синод дают возможность представить себе сложные проблемы, волнующие зарубежных архипастырей. В 1924 году Великий князь Кирилл Владимирович провозгласил себя главою Российского императорского дома в изгнании. Его поддержал митрополит Антоний, который писал: «Отцы и братие, умоляю вас, отрекитесь окончательно от треклятой революции против Бога и Царя и предайтесь во имя Отца и Сына и Святого Духа Законному царю нашему Кириллу Владимировичу и законному Наследнику Его Владимиру Кирилловичу»¹⁰⁵. Легитимистское движение существовало и в Китае. Однако в целом оно не было характерно для дальневосточной эмиграции. Не согласен с легитимистами был и Владыка Нестор. В 1926 году он пишет в Архиерейский Синод: «В ответ на запрос Ваш за № 442 от 17–30 Марта с. г. о поминании Великого князя Кирилла

Владимировича, как Императора, хотя бы и по просьбе лиц, почитающих Его таковым, имею долг сообщить, что, по нашим наблюдениям, ни в Маньчжурии, ни вообще на Дальнем Востоке провозглашение Великого князя Кирилла Владимировича себя Императором не пользуется сочувствием...»¹⁰⁶

В 1927 году муниципалитет г. Харбина прекратил финансовую поддержку патронату, который организовал епископ Нестор, и ему пришлось искать другие методы благотворительной работы. 1 февраля 1927 года был учрежден Дом Милосердия¹⁰⁷. Сюда Владыка перевел убежище для престарелых, открыл приюты для сирот. При Доме Милосердия были мастерские: иконописная, столярная, переплетная, шитья и вышивки, различных рукоделий, школа, амбулатория, больница, собственная пекарня и свечной завод. На станции Чен был устроен огород для снабжения приютов и столовых. Примером для епископа Нестора в этой деятельности был созданный святым праведным о. Иоанном Кронштадтским Дом Трудолюбия. Владыка организует благотворительные столовые, является одним из учредителей общедоступной больницы в память доктора В. А. Казем-Бека. По примеру харбинского в других городах Китая и даже в Америке открывались Дома Милосердия.

Одна благочестивая женщина из ближайших сотрудниц Владыки, Е. И. Курмей, пожертвовала для храма во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» свою собственную старинную икону. Она настолько потемнела, что на ней почти невозможно было разобрать лики святых. Однажды настоятель церкви священник Юлиан Сумневич заметил, что древняя икона начинает светлеть и обновляться. В течение суток образ полностью просветлел, отчетливо стали видны лики и надписи. Чудо привлекло многочисленных верующих людей, обновленный образ стал одной из главных святынь всего православного Харбина¹⁰⁸.

В «Воспоминаниях», написанных на склоне лет, Владыка Нестор задумывается над судьбой нищих, отверженных людей, встреченных им в ранней юности. «Скажу откровенно, – пишет он, – что жутко, а порой и страшно раскрывать книгу их мрачного прозябания уличного или трущобного ночлега, когда довелось мне с ними познакомиться и подбирать их в халупах на пути в мой приют «Дом Милосердия и Трудолюбия».

Дом Милосердия не имел постоянных источников дохода и существовал исключительно на пожертвования. Поддержку ему оказывали Харбинский комитет помощи русским беженцам, Бюро русских эмигрантов и многие другие организации, представители иностранных миссий и наиболее обеспеченные эмигранты. Среди них можно назвать походного атамана казачьих войск генерал-лейтенанта Г. М. Семенова, по-

печительниц приюта: Е. Н. Литвинову, Е. М. Бринер; фирмы: «Чурин и Компания», Мулинское углепромышленное товарищество, «Братья Бринер» и др.; княгиню Л. В. Голицыну; начальницу гимназии М. А. Оксаковскую, бесплатно обучавшую детей-сирот, получавших приют в Доме Милосердия; Т. А. Иваницкую, председательницу Дамского кружка, главная задача которого состояла в том, чтобы научить девочек женскому ремеслу. Большую помощь Дому Милосердия оказывали глава Харбинской епархии митрополит Мелетий и его викарии: епископы Дмитрий (Вознесенский) и Ювеналий (Килин).

В организации дел милосердия Владыка Нестор проявил все ту же свойственную ему особую участливость, сострадательность, вместе с тем у него был дар не только жалеть несчастных, но и зажигать сердца, поднимать и организовывать людей на помощь страждущим, что всегда придавало начинаниям Владыки особую масштабность. Высокое духовное устройство Владыки проявлялось в его открытости, доступности, искренности и доброте, что придавало ему неотразимую привлекательность – это отмечали многие знавшие его люди. Мягкий юмор, образованность, даже некоторый аристократизм дополняли облик Владыки. С ним любили общаться люди независимо от их воззрений, национальностей, имущественного положения. Недаром так велики списки помощников Дома Милосердия, которых он благодарит в прессе.

Особо надо сказать о помощи епископа Нестора в деле восстановления разрушенного землетрясением Токийского храма, разрушенного 1 сентября 1923 года. Владыка Нестор в ноябре 1923 году привез из Харбина в Токио церковную утварь, богослужебные книги и иконы¹⁰⁹. Он пишет воззвание «К добрым людям Харбина» (Русское слово. 1927. 15 апр.), где призывает приносить рукоделия, картины для отправки в Токио на благотворительный базар. 15 декабря 1929 года храм был восстановлен. И, как сам отмечал митрополит Сергей, немалую лепту в восстановление храма вложили православные харбинцы. Дружеское общение епископа Нестора с митрополитом Сергием, когда-то участвовавшим в епископской хиротонии первого, продолжалось долгие годы, хотя, как это будет видно дальше, порой не обходилось без осложнений.

В эти годы Владыка часто недомогал, сказывалась полученная на Камчатке болезнь ног – острый суставный ревматизм. В 1928 году ему приходится провести в Модягоузской общедоступной больнице около 70 дней. Его окружают заботой доктора Д. Н. Корелкин, В. А. Казем-Бек, сестра милосердия М. Волкова, знакомая по Камчатке. Для окончательного восстановления сил он уезжает в Японию на курорт Унзен. Оттуда руководит строительством нового храма в честь иконы Божи-

ей Матери «Всех скорбящих Радосте», способного вместить до 400 молящихся. Предполагает расширить приют, призывает к сбору пожертвований.

В августе 1927 года в России была выпущена Декларация митрополита Сергия. В ней, в частности, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя потребовал от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности. «Не давшие такого обязательства или нарушившие его, – говорилось в Декларации, – будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии»¹¹⁰.

9 сентября 1927 года в ответ на Декларацию был издано Окружное послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей, в котором говорилось: «Послание митрополита Сергия не архиерейское и не церковное и по сему не может иметь церковно-канонического значения и не обязательно для нас, свободных от гнета и плена богоборной и христоненавистной власти»¹¹¹. Собор Архиереев постановил, что «Заграничная часть Всероссийской церкви должна прекратить сношения с Московской церковной властью, ввиду невозможности нормальных сношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью...»¹¹² В послании подчеркивалось, что «заграничная часть Русской Церкви почитает себя неразрывной духовно-единою ветвью великой Русской Церкви. Она по-прежнему считает своей главой Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями»¹¹³.

Москва предприняла ответный шаг. В июне 1928 года харбинские архиереи получили указ Временного Священного Синода от 20 июня 1928 года, в котором от зарубежных иерархов требовалось четко определить свою позицию по отношению к московской церковной власти. «В Указе этом говорилось о том, что всякий клирик, признающий Московский Синод, но не вступающий в советское гражданство, отстраняется от несения своего церковного послушания»¹¹⁴.

Позднее архиепископ Хайларский Димитрий (Вознесенский) писал: «И только внешне пришлось нам отойти от Москвы из-за злосчастного вопроса о лояльности к Советской власти, о которой никто тогда не мог и поверить, чтобы она могла спасти Россию, как сделала это она по отношению к Гитлеру и Японии»¹¹⁵.

Все русские архиереи в Китае отказались принять данный указ, кроме епископа Нестора, который негласно обратился к митрополиту Сергию с просьбой принять его в состав Московской Патриархии. Указом

митрополита Сергия от 31 мая 1929 года № 1496 епископ Нестор был принят¹⁶.

Что побудило Владыку сделать этот шаг?

Скорее всего, внутренние, давно осознанные им мотивы, обусловленные невозможностью мыслить себя вне Матери-Церкви, а также его сложным положением епископа «без епархии», внутренним несогласием с церковной политикой Архиерейского Синода.

В интервью, опубликованном в газете «Гун-Бао» спустя два года, он писал: «Никогда, с самого момента святого Крещения я не был отделен или отлучен от общения со святой Матерью, Церковью Российской и ныне со смирением считаю я себя по-прежнему состоящим в неразрывном общении с Православной Русской Церковью.

Православная Российская Церковь, находившаяся под управлением покойного Святейшего Патриарха Тихона, впоследствии под управлением Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра, впредь до освобождения Местоблюстителя под управлением Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия Нижегородского, есть единая истинная, законная Церковь. Ее иерархи терпят жестокие гонения и преследования от врагов Христовой веры и несут великий крест исповедничества и мученичества. Митрополит Сергей не признал советской власти, он только совершенно отказался от всякой политической борьбы и работы, сосредоточив все усилия Церкви на трудах по укреплению и распространению веры Христовой в душах человеческих. Митрополит Сергей, находясь в полной зависимости от большевиков, тем не менее смело заявляет: “Будем искренними до конца, мы не можем замалчивать того противоречия, которое существует между нами православными и коммунистами-большевиками, управляющими союзом. Они ставят своей задачей борьбу с Богом и с Его властью в сердцах народа, мы же весь смысл, всю цель нашего существования видим в исповедании веры в Бога и в возможно широком распространении и укреплении этой веры в сердцах народа” (Обращение митрополита Сергия от 10 июля 26 года). Это ли не великое мужество православного иерарха. Мы, находясь в безопасности, за границей, не имеем никакого права осуждать за это митрополита Сергия, который имеет в виду не сохранение своего положения и жизни, а исключительно заботу о целостности Православной Церкви»¹⁷.

В отличие от множества священнослужителей, которые в России отошли от митрополита Сергия по причине недопустимого компромисса с большевистскими властями, епископ Нестор воспринимал ситуацию по-другому. Можно вспомнить слова митрополита Евлогия, писав-

шего: «Нам никогда не понять всей тяжести Креста, лежащего на наших братьях и особенно на плечах нашей церковной иерархии в Советской России!»¹¹⁸ И нельзя не почувствовать, что тот, во многом справедливый, укор в адрес митрополита Сергия, который исходил от мучеников за веру в самой Советской России, по-другому звучал в устах эмигрантов.

Конечно, просьба о воссоединении была решением исключительным, крайним, косвенно намекающим на глубокие расхождения с Архиерейским Синодом, решением, способным вызвать огонь критики, породить множество проблем, связанных с непониманием его причин.

В интервью, данном корреспондентам иностранной печати в феврале 1930 года, митрополит Сергий (Страгородский) включил епископа Нестора в число епископов, находящихся в каноническом подчинении Патриархии¹¹⁹.

Однако летом 1929 года епископ Нестор посылает письмо митрополиту Сергию Японскому на имя митрополита Евлогия, в котором просит не опубликовывать в «Церковном Вестнике Западно-Европейской епархии» указа Московской Патриархии от 31 мая 1929 года¹²⁰ (Тем не менее известие о присоединении епископа Нестора к Московской Патриархии получило распространение среди зарубежных иерархов).

В мае 1929 года произошел налет китайской полиции на генеральное консульство СССР в Харбине. По городу прокатилась волна арестов административных и гражданских лиц, имевших советское гражданство. Последовал разрыв дипломатических отношений с Китаем. Начались военные столкновения, в частности воздушные налеты и нападения регулярных частей Красной армии под командованием Блюхера на пограничные селения Восточной и Западной линий КВЖД, где проживали в основном русские. Было значительное число жертв среди мирного населения: женщин, стариков, детей. Тысячи семей в Трехречье и на Западной линии КВЖД бежали в поисках убежища в Харбин.

Десятки и сотни сирот были приняты в харбинские приюты, в значительном числе в Дом Милосердия. Воспитанница Дома Милосердия иконописец Н. С. Якимова вспоминала: «Эвакуация в город Харбин [...] Я с сестрой оказалась в детском приюте, основанном архиепископом Нестором. Так для меня Дом Милосердия стал вторым родным домом, где я прожила 16 лет. Незабываемая сердечно-глубокая благодарность Владыке Нестору и его сотрудникам»¹²¹.

События в Трехречье всколыхнули всю русскую эмиграцию. Глава РПЦЗ митрополит Антоний откликнулся на них посланием к народам мира: «Душу раздирающие сведения идут с Дальнего Востока.

Красные отряды вторглись в пределы Китая и со всей жестокостью обрушились на русских беженцев – выходцев из России, нашедших в гостеприимной китайской стране прибежище от красного зверя. Уничтожаются целые поселки русских, истребляется все мужское население, насилуются и убиваются дети, женщины. Нет пощады ни возрасту, ни полу, ни слабым, ни больным. Все русское население, безоружное, на китайской территории Трехречья умерщвляется, расстреливается с ужасающей жестокостью и с безумными пытками»¹²².

В Харбине царили те же возмущенные настроения, которыми было проникнуто послание митрополита Антония. Владыка Нестор также проникся этими настроениями, тем более что он, ежедневно общаясь с беженцами, слышал их рассказы. Остаться далее в каноническом подчинении Патриархии, лояльной к советской власти, для него сделалось невозможным. Он принимает трудное для себя решение вернуться в церковное общение с Заграничным Синодом Русской Православной Церкви за рубежом.

Ситуация была чревата конфликтами. Митрополит Сергей Японский не отделялся от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Наступает время жесткого самоопределения, и, когда епископ Нестор приезжает на освящение нового Собора в Токио, митрополит Иннокентий в сердцах называет его «епископом-гастролером».

В газете «Царский вестник» в 1930 году было опубликовано «Открытое письмо Китайского и Пекинского митрополита Иннокентия Епископу Нестору». Непримирымый противник политики митрополита Сергия (Страгородского), митрополит Иннокентий, узнав от митрополита Антония о присоединении епископа Нестора к «полуобновленцам» (как назвал митрополит Антоний сторонников митрополита Сергия), резко высказался в адрес Преосвященного Нестора. Митрополит Иннокентий оспаривал канонические права митрополита Сергия (Страгородского), напоминал о гонениях на Церковь, обвиняя епископа Нестора в карьеризме и лукавстве.

«Не пытайтесь обманывать себя и других словесами лукавствия, – с негодованием взывал он к епископу Нестору. – Признавать митрополита Сергия своим главою – не значит ли это исполнять все его распоряжения, следовать по тому пути, по которому он сам идет? Быть лояльным к большевикам, отказаться от всякой активной с ними борьбы, чего требует митрополит Сергей от всех признающих его, – не есть ли это отречение от Христа, принятие той печати антихристовой, о которой говорит Св. Евангелист Иоанн Богослов в своем Откровении?»¹²³ [...] Не мне судить Вас, судья Вам Христос. Ему дадите ответ. И я не стал бы

никогда касаться всех этих лично к Вам относящихся вопросов, если бы Вы не искали скрыть свою измену Православной Церкви и перехода к «полуобновленцам» за творимыми Вами делами милосердия и за утверждениями, что Вы ничего не ищите лично для себя. Вы вступаете на страшный путь, на путь гибели. Но Вы можете еще оставить фарисейское превозношение и с мытаревым смирением припасть к милосердию Божию. Тогда Господь Сам исправит пути Ваши и прославит Вас славою Своею...». «Я хочу верить, – писал он, – что Вы не стремитесь захватить Харбинскую епархию. Но почему Вы не возвращаетесь в свою епархию, коль скоро Вы признали митрополита Нижегородского Сергия своим Первоиерархом? Этого требуют от Вас как церковные законы, так и благо Камчатской епархии»¹²⁴.

Резкие обвинения, страшные угрозы, темпераментная речь... В ней была искренность, в ней была пламенность, в ней была принципиальность, в ней была и несправедливость.

28 марта 1931 года скончался митрополит Харбинский и Маньчжурский Мефодий (Герасимов). На кафедру был назначен Преосвященный Мелетий с возведением его в сан архиепископа. В июле 1931 года он писал митрополиту Антонию: «...Взгляды его (епископа Нестора) действительно странны; на раскол в церкви он смотрит именно как на личную ссору архиереев. Были ли наложены какие-либо прещения на епископа Нестора Архиерейским Синодом, когда он откололся от него, мне неизвестно, так как по этому делу епископ Нестор имел сношение с покойным митрополитом Мефодием. От епископа Нестора я только слышал, что из Москвы ему был послан указ образовать здесь особую епархию, но он от этого решительно отказался, да, конечно, хорошо и сделал, так как при том настроении русских, какое здесь существует, конечно, у него ничего бы не вышло. В видах, вероятно, этого, он ничем и не проявлял за богослужениями своей принадлежности к Московской Патриархии. Все время поминал митрополита Петра, Ваше Святое имя и митрополита Мефодия. Так что эта «церковная аполитичность» наконец привела его к убеждению, что он остался, как говорил мне, «без стула»...»¹²⁵

Между тем епископ Нестор продолжал служить, заниматься делами благотворительности.

Владыка постоянно обращается в печати к жителям Харбина с призывами о помощи. Заголовки статей взывают о помощи сиротам и болящим: «К добрым людям Харбина», «В Дом Милосердия подброшен истерзанный ребенок», «Два подкидыша» и пр. Чтобы собрать необходимые средства, он организывает благотворительные базары, концерты. Население Маньчжурии переживало экономический кризис и его след-

ствия – безработицу, нужду. «Но если для взрослых, для здоровых и полных сил людей тяжелы и страшны эти годы, если даже таким людям приносят они горькие лишения и ограничения, то для маленьких сирот, для больных, для стариков и старух суровые, тяжелые дни, наступившие ныне, являются страшной, непередаваемой трагедией, – пишет Владыка. – Приюты, убежища, всевозможные благотворительные учреждения принуждены сократить свои расходы, должны переживать тяжелые, критические дни. Тяжелые, страшные дни переживает и Дом Милосердия. Между тем мы не только не можем сократить эту работу, но постоянно принуждены бываем расширять ее, так как увеличиваются трудности жизни для несчастных бедняков и, следовательно, еще больше людей обращается к нам за помощью. За это время мы приняли еще пять новых сирот, увеличив число детей в нашем приюте до сорока девяти. А между тем поступления, пожертвования уменьшаются...»¹²⁶

В начале января 1931 года Владыка совершил освящение нового придела храма Дома Милосердия в честь святых мучеников Пантелеймона, Нестора, Иулиана и мучениц Екатерины, Варвары, Софии, Веры, Надежды, Любви, Антонины и Анастасии. Для нового придела он освятил антиминос, который был получен еще до революции от архиепископа Владивостокского Евсевия¹²⁷. В день освящения за литургией епископ Нестор рукоположил в сан священника сына протоиерея Николая Вознесенского диакона Георгия Вознесенского, будущего митрополита Филарета – первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Отец Георгий причислялся к храму Дома Милосердия.

22 мая 1931 года Владыка последний раз совершает литургию в Иверской церкви, настоятелем которой являлся протоиерей Николай Вознесенский, и в дальнейшем служит в новом и расширенном храме при Доме Милосердия в пригороде Харбина Модягоу¹²⁸, который был построен всего за сорок дней и освящен 24 мая 1931 года.

25 мая 1931 года открылся очередной Архиерейский Собор РПЦЗ, на котором было утверждено назначение архиепископа Мелетия на Харбинскую кафедру, Собор постановил сообщить архиепископу Мелетию о запрещении в священнослужении епископа Нестора, поручив ему преподавать последнему увещание.

Каково же было юрисдикционное положение епископа Нестора после запрещения?

Судя по письму митрополита Антония (Храповицкого) к Ю. П. Граббе от 9 июня 1931 года, епископ Нестор некоторое время находился в Западно-Европейском Экзархате, которым управлял митрополит Евлогий. Митрополит Антоний писал: «Епископ Нестор просится назад к нам, а был

он у Евлогия»¹²⁹. После беседы Владыки Мелетия с епископом Нестором последний вернулся в юрисдикцию Архиерейского Синода.

Летом 1931 года тяжело заболел митрополит Иннокентий. Епископ Нестор, узнав о болезни митрополита, написал ему теплое, дружеское письмо¹³⁰. В ответ получил приглашение приехать в Пекин, где и произошло примирение архипастырей. Преосвященный Нестор подарил митрополиту Иннокентию икону святителя Иннокентия с мощами. Его хорошая знакомая и благотворительница Е. Литвинова вспоминала, что первыми словами Владыки Иннокентия в ответ на ее поздравление «с дорогим приезжим гостем» были: «Я очень рад приезду Владыки Нестора. Он хороший человек». «И, подумав с минуту, – пишет Литвинова, – добавил: “большого человека мы приобрели”»¹³¹.

В открытом письме епископу Симону (Виноградову) епископ Нестор писал: «Счастливая для меня “светлая седмица” пребывания у Вас и в ежедневном близком душевном общении с болящим Владыкой Митрополитом останется незабвенной и святой по своему содержанию. Я безгранично счастлив, что мы с Владыкой Иннокентием расстались в полном мире и в братской Христовой любви, выше которой ничего не свете нет»¹³².

«При Доме Милосердия расцвела церковная жизнь»¹³³, – так писал ближайший помощник Владыки архиепископ Нафанаил. Этот юноша, сына обер-прокурора Св. Синода В. Н. Львова, примерно с 1924 года стал прислуживать епископу Нестору в храме Харбинского подворья, 17 апреля 1929 году был пострижен им в монашество, через два дня посвящен в сан иеродиакона, а 15 августа того же года рукоположен во иеромонаха. Он стал личным секретарем и келейником епископа Нестора, законоучителем в детском приюте при Доме Милосердия в Харбине.

Среди сотрудников Дома Милосердия нельзя не упомянуть об о. Филарете (Вознесенском). Священник Георгий Вознесенский, сын настоятеля Иверской церкви г. Харбина о. Николая Вознесенского, принял постриг с именем Филарета (одновременно со своим отцом, ставшим архимандритом Димитрием) и был оставлен служить при храме Дома Милосердия¹³⁴.

На следующий год к братии Дома Милосердия присоединились бежавший из Приморья священник о. Василий Быстров (впоследствии архимандрит Иннокентий) и рясофорный послушник Андрей (Перестюк), принявший постриг с именем Климента (бывший насельник Шмаковского монастыря, который после возвращения на Родину стал первым благочинным Владивостокского округа, а затем архиепископом Климентом Свердловским), иеромонах Мефодий (в миру Кирилл Йогель).

Сподвижниками епископа Нестора были также иеромонах Иона, иеромонах Серафим, бывший воспитатель цесаревича Алексея англичанин игумен Николай (Гиббс), монах Гермоген, монах Фома Ли – китаец, заведующий свечным заводом при Доме Милосердия. Иконописная мастерская возглавлялась игуменией Олимпиадой.

Один из воспитанников Владыки Кирилл Александрович Караулов стал его духовным сыном и ближайшим помощником¹³⁵, воспитанница Дома Милосердия Наталия Якимова сделалась незаурядным иконописцем (оба они вернулись в Россию и поддерживали тесную связь с митрополитом Нестором).

Начало 1930-х годов ознаменовалось большими переменами в жизни Маньчжурии. 18 сентября 1931 года командование японской Квантунской армии отдало приказ о наступлении на северо-восточные провинции Китая и к утру 19 сентября ввело войска в ряд городов Северо-Восточного Китая. Было создано марионеточное государство на территории Маньчжурии – Маньжоу-Го (или Маньжу-Диго). Правителем стал последний китайский император Пу-И, лишившийся трона в результате революции 1922 года. Настоящими хозяевами империи были японцы, своим военным присутствием обеспечивающие «независимость» этого новосозданного государства.

Первоначально режим был сравнительно мягким. В жизни русских эмигрантов не произошло радикальных изменений. До оккупации Маньчжурии японцами никакого централизованного управления эмигрантскими организациями не существовало. Японцы постепенно стали пытаться подчинить русскую эмиграцию своему влиянию. В 1934 году японской военной миссией в Харбине было создано Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), куда вошли все эмигранты. Им были выданы членские книжки и значки, которые обязательно нужно было носить открыто на левой стороне груди. Созданием БРЭМ японцы преследовали цель объединить русскую эмиграцию в одной организации, активизировать антисоветскую деятельность эмигрантов, подготовить их и в военном отношении к войне против СССР. Японцы и руководители БРЭМ жертвовали деньги на приюты Дома Милосердия.

Главное бюро по делам российских эмигрантов находилось в Харбине. Хотя начальниками отделов были русские, все мероприятия БРЭМ проводило с согласия японского советника. Во всех городах и железнодорожных станциях, где проживали белоэмигранты, имелись отделения БРЭМ. Первым начальником Бюро был генерал В. В. Рычков, после его смерти БРЭМ возглавлял генерал В. А. Кислицын, затем генерал Л. Ф. Власьевский, остававшийся до прихода советской армии.

Осенью 1933 года епископ Нестор пароходом «Таракуни-Мару» едет в Югославию для участия в Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за границей. Путь его лежит через Египет и Италию. Он посещает г. Бари, где покоятся мощи святителя Николая. На Собор Владыка опоздал и принял участие лишь в деятельности Архиерейского Синода, который 7 ноября 1933 года возвел Пресвященного Нестора в сан архиепископа¹³⁶.

Священный Синод поручил епископу Нестору начальствование в Корейской духовной миссии с пребыванием в Харбине¹³⁷ с титулом архиепископа Камчатского и Сеульского. Однако это назначение вызвало резкую отрицательную реакцию митрополита Сергия Японского, который, как писала Е. Литвинова 25 февраля 1934 года митрополиту Антонию (Храповицкому), был «глубоко возмущен архиепископом Нестором, что он мог принять назначение быть заведывающим Корейской миссией, когда эта Миссия, по указу последнего Всероссийского Собора, под председательством Святейшего Патриарха Тихона, отдана в ведение Японской миссии, то есть под его, митрополита Сергия, полное управление»¹³⁸. Желая избежать конфликта, Владыка Нестор впоследствии ходатайствовал о своем освобождении от этого послушания, что и было исполнено. Указанный эпизод не помешал в конце 1934-го – начале 1935 года митрополиту Сергию согласиться быть членом строительного комитета часовни-памятника Венценосным Мученикам.

Владыка Нестор глубоко переживал разделение, возникшее в Русской Зарубежной Церкви в связи с запрещением Архиерейским Синодом митрополита Евлогия (Георгиевского), управляющего православными русскими церквями в Западной Европе, и переходом его в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Многочисленны свидетельства о его попытках примирения сторон. Так, в уже цитировавшемся письме митрополит Антоний писал Ю. П. Граббе о Владыке Несторе: «С недавнего времени живет в Харбине и все говорит: лямур, лямур, зачем разделения? должна быть любоф и любоф. Будто кто-либо проповедует ненависть! Передаю его письмо в Синод!»¹³⁹

Ревнуя о единстве церковных людей в рассеянии, Владыка Нестор приходит к идее о возможности объединения эмиграции и воспитания русской молодежи на идеалах православия и патриотизма. На заседании 7 ноября 1933 года Архиерейский Синод слушал докладную записку епископа Нестора о «проекте организации Владимирских комитетов для раскрытия идеи Святой Руси». Братство было призвано объединить работу благотворительных, общественных, патриотических организаций. Используя опыт Камчатского братства, Владыка разработал Устав Братства.

Архиерейский Синод постановил «признать своевременным основание при Священном Синоде для всего Зарубежья Братства святой Руси имени святого князя Владимира, которое имело бы своей целью защиту и охрану Русской Православной Церкви, разработку и распространение идей народно-церковного идеала “Святая Русь” и объединение русских людей на основе этого идеала»¹⁴⁰. Был назначен главный совет Братства, в который входили: председатель митрополит Антоний, помощники председателя: архиепископ Феофан Курский и Обоянский и граф Ю. П. Граббе, члены совета Преосвященный Нестор, настоятель храма святой Троицы в Белграде протоиерей Петр Беловидов, священник того же храма протоиерей Иоанн Сокаль, редактор выходившего в Белграде «Царского вестника» Н. К. Рклицкий¹⁴¹, ревнители Русской Церкви в зарубежье Б. Р. Гершельман и П. С. Лопухин. Центр Братства предполагался в г. Сремские Карловцы. Отделы учреждались во всех епархиях и миссиях, а отделения во всех приходах Русской Зарубежной Церкви. Был выработан и знак Братства.

Проект Владыки Нестора не прижился. Однако он продолжает возлагать надежды на его осуществление, что покажет Второй Всезарубежный Собор 1938 года.

В октябре 1933 года Владыка Нестор прочел цикл лекций среди русских эмигрантов о Японии. Добрые черты национального характера тех народов, в среде которых оказались эмигранты, не оставляли равнодушным епископа Нестора, которому всегда была свойственна особая отзывчивость, открытость и любовь к людям. Это в большой мере относилось к японцам, с которыми он тесно соприкасался во время посещения Японии, которые не раз спасали его от болезней, давали приют, хранили его домик и архив в Цуруге. Кроме того, Владыка в эти годы разделял надежды, свойственные многим эмигрантам, на помощь Японии в борьбе с большевиками. Как же было не симпатизировать Японии? (Всего через несколько лет эмигранты убедились в том, что дружелюбие японцев не помешало им поставить русских эмигрантов в условия тяжелой зависимости. Нужно было пройти еще через много испытаний, чтобы понять, что русский народ, попавший под власть большевиков во многом по своей вине, не может быть избавлен от них другой нацией.)

В сообщении о лекции в югославском г. Кральево, которая состоялась 3 ноября 1933 года, говорилось, что в ней «трактовалось о жизни в Японии, о характерных и привлекательных чертах ее обитателей, боготворящих своего императора, об их любви к детям и семейным началам, преданности родине и самоотверженности, а также о последней политике Японии, решившей начать энергичную и планомерную борьбу-

бу с коммунизмом, насажденным в Азии советскими агитаторами и московскими деньгами». Докладчик обрисовал «напряженное положение на Дальнем Востоке, где «все русское население страстно ожидает войны, будучи твердо уверены, что она будет началом падения советской власти в измученной ею России»¹⁴².

С помощью княгини М. А. Святополк-Мирской удалось собрать деньги на издание в Белграде лекций Владыки в виде книг: «Маньчжурия–Харбин» и «Очерки Дальнего Востока». Архиепиеей объехал страну, отразив свои впечатления в поэтических «Очерках Югославии»¹⁴³. В этих очерках с огромной любовью к сербскому народу Владыка касается его истории, так тесно связанной с Россией, описывает жизнь русского духовенства в югославской эмиграции, обычаи и благочестивые обряды сербов, восхищается красотой монастырей. Он знакомится со многими сербскими архиереями, общается с русским духовенством. Святейший Патриарх Варнава, которого Владыка Нестор встречал, будучи молодым епископом, в Александро-Невской лавре, даровал ему мощи святого Арсения Сербского, югославское правительство удостоило ордена святого Саввы I степени. Поездка в Югославию дала Преосвященному Нестору много глубоких, сильных и радостных переживаний. Любящий поэтическое слово, архиепископ Нестор завершил «Очерки Югославии» своим переводом известной баллады о трагической гибели сербского войска на Косовом поле – «Песней о Косовской девойке».

В конце 1933 года Владыка покидает Югославию. Совершив поездку по городам Европы, он отправляется на Святую землю, где накануне Рождества совершает Божественную литургию в Вифлееме в сослужении с местоблюстителем Иерусалимского Патриаршего Престола митрополитом Келадином и другими архиереями Восточных Церквей. На второй день праздника он служил в Вифлееме с Владыкой Анастасием (Грибановским), а на третий день в Гефсимании. Здесь перед началом литургии он удостоился видения преподобномученицы Елисаветы Феодоровны.

Митрополит Келадион вручил Владыке Нестору часть Животворящего Креста Господня и наградил его орденом «Крест Живоносного Гроба Господня». Архиепископ Анастасий благословил Владыку и через него всех чад Православной Церкви Дальнего Востока частичей мощей Патриарха Гермогена Московского.

Вернувшись в Харбин, архиепископ Нестор читает лекции об Италии и Святой Земле. Первая лекция состоялась в самом большом зале Харбина – в театре «Весь мир» при переполненном зале и была по-

священа описанию путешествия. В том же году весь православный Харбин встречал святые мощи святителя Арсения Сербского.

Лето 1934 года ознаменовалось новым этапом в процессе разделения Русской Церкви. 22 июня вышло Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и при нем Патриаршего Синода «О Карловацкой группе». «Пять лет мы напрасно ожидали, – говорилось в нем, – вразумления карловчан. 23 марта 1933 года (№ 311) я просил Святейшего Патриарха Сербского быть посредником в наших переговорах с карловацкими архиереями и своим авторитетом повлиять на них в благоприятном смысле. Святейший Патриарх принял на себя этот братский труд. Прошел еще год. И вот посланием своим от 25 мая сего года за № 448 Святейший Патриарх сообщил мне, что Карловацкий Синод 7 того же мая прислал ему на наше предложение ответ совершенно отрицательный: они теперь не только не подчиняются, но уже не считают для себя возможным и какое бы то ни было соглашение со мною под довольно избитым предлогом моей якобы несвободы в словах и действиях»¹⁴⁴.

Далее митрополитом Сергием запрещались архиереи и клирики, находящиеся с ними в общении: митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Анастасий (Грибановский), архиепископ Серафим (Лукьянов), епископ Тихон (Лященко). Далее отдельным предложением следовали слова: «Подлежит запрещению и епископ Нестор (Анисимов): однажды осудив Карловацкую группу и принеся раскаяние перед Патриархией, он снова оказывается деятельным членом прежней группы». (Необходимо заметить, что права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя на запрещение иерархов были весьма сомнительными, так как был жив митрополит Петр и, несмотря на жесточайшее давление властей, от руководства Русской Церковью не отказывался.) 10 сентября 1934 года Архиерейский Синод особым постановлением отверг указ митрополита Сергия о запрещении в священнослужении карловацких архиереев. В эти годы окончательно выявилось и было оформлено с обеих сторон трагическое разделение единой Русской Церкви на долгие десятилетия.

В эмиграции Владыка часто выступает в печати, по радио. Его статьи посвящены деятельности Дома Милосердия, воспоминаниям о пребывании в России, его духовным наставникам – Владыке Евсевию («Кончина Митрополита Евсевия Крутицкого, заместника Всероссийского Патриарха»), Патриарху Тихону («Святейший Патриарх Тихон Московский и всея Руси»), миссионерской деятельности на Камчатке («Рождество у подножия дымящегося вулкана»). Его отличает несомненное дарование проповедника, живой, образный язык, сердечная искренность и горячность. Опубликованные в 30-е годы брошюры «Очер-

ки Дальнего Востока», «Маньчжурия – Харбин», «Очерки Югославии», написанные мастерским пером популяризатора и писателя, знакомят читателя с историей и этнографией народов, с которыми пришлось соприкоснуться эмигрантам.

Особняком в этом ряду произведений стоит небольшая работа «Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира» – одно из лучших творений архиепископа Нестора. Опубликовано оно в 1937 году, том самом, когда на Родине были расстреляны епископ Андрей (князь Ухтомский), митрополит Кирилл, когда-то на заседании Собора требовавший выступить в защиту арестованного епископа Нестора, дальневосточный миссионер – сподвижник будущего архиепископа Нестора – епископ Дамаскин (Цедрик), десятки епископов, тысячи клириков и мирян. Очерк продолжает начатую «Расстрелом Московского Кремля» тему гибели России. Мать городов русских, Киев, давший русскому народу равноапостольного Владимира, который возглавил сонм русских святых, стал местом мученической кончины другого святого Владимира, первого из архиереев-новомучеников. И не случайно в древней святой Киево-Печерской лавре было совершено это ужасное злодеяние. Символично на том месте, где совершался подвиг древних русских святых, начинался крестный путь Русской Церкви. Обостренная чуткость Владыки Нестора к духовной истории России и любовь к митрополиту Владимиру побудили его написать этот очерк, осветивший первые страницы трагедии Церкви и русского народа в XX веке. Очерк почти дословно воспроизведен протопресвитером М. Польским в его знаменитом труде «Новые мученики Российские»¹⁴⁵.

Осенью 1934 года в Харбин приходит весть о мученической кончине короля Александра I Карагеоргиевича, убитого националистами 9 октября 1934 года. Глубоко потрясенный, Владыка приступает к осуществлению проекта строительства у входа на территорию Дома Милосердия часовни-памятника Венценосным Мученикам – императору Николаю II и Царской семье и королю Югославии Александру I, – первый памятник такого рода. 19 мая 1935 года, в день рождения Государя Императора Николая II, была совершена закладка часовни. 17 мая 1936 года она была освящена.

Описание часовни архиепископом Нестором позволяет представить себе ее красоту, продуманность каждой детали и особую волнующую связь с былым величием и благолепием России. Иконостас с изображением святителя Николая и святого Александра Невского и других небесных покровителей царственных мучеников. Двуглавые орлы и короны на иконостасе. Пьедестал, на котором возвышается серебряная до-

ска с начертанными именами царственных мучеников, увенчанный императорской короной-лампадой из самоцветных камней. Паникадило, созданное из пожертвованных в часовню орденов и медалей – «знаков почести, данных некогда русским людям царской рукой»¹⁴⁶. С улицы возвышалась чугунная ограда, украшенная литыми медными двуглавыми орлами, которые когда-то украшали Российское Императорское генеральное консульство в Шанхае. Проект часовни принадлежал архитектору М. М. Осколкову. Внутреннее украшение часовни производилось художником-скульптором В. Ф. Винклером под руководством воспитанника и духовного сына Владыки К. А. Караулова.

Часовня во имя царственных мучеников – это был долг и приношение любви, но главное, это был образ покаяния русских людей в расеей. В нем выразились размышления о том, что причина бедствий русского народа – их вина перед Богом и его помазанником, Царем, и его семьей. Размышления о России и постигшей ее катастрофе вели к будущему судьбоносному решению, которое было принято, как только для этого создались условия, – о безоговорочном возврате на Родину.

На Пасху 1936 года Владыка обращается с пасхальным приветом к «русскому брату-христианину» в России. Потрясающее впечатление производит это произведение, напечатанное в газете «Заря». Оно называется «Письмо на Родину». Написанное короткими сильными предложениями, письмо напоминает ветхозаветные пророческие тексты, его хочется озаглавить «Плач архиепископа Нестора». Вся его любовь к России, вся его жалость и чувство вины от бессилия помочь братьям на Родине, его постоянная тайная тяга к родным пределам, его вера в русского человека, хранящего православие и в условиях гонений вылились в этом письме. «Следы твои целую я, а слезы твои считаю алмазами драгоценными, – пишет архипастырь. – Прими же, моя бедная родина, моя родная мать Россия, со всеми твоими подневольными страдальцами – русскими людьми, христианами православными, мой пасхальный привет: – Христос Воскресе! И поверь в мою безысходную тоску по Тебе, моя Матушка, страдальца Святая Русь!»¹⁴⁷

С 3 июня 1936 года началось регулярное служение молебнов с чтением акафиста и панихид в часовне-памятнике Венценосным Мученикам. 18 июля Владыка служил панихиду в часовне-памятнике. Горько звучали его слова: «Ни одна почти рука не поднялась тогда на защиту Государя. Даже голоса никто не возвышал со смелым и ярким словом защиты. Люди трусливо жались, трепетали за свою жизнь, за маленькие обрывки своего благополучия. И что же – ныне мы все потеряли счастье, благополучие, в томительных муках рабства или изгнания влачим

свою жизнь, а убиенные Государь и вся Царская семья в святых обителях Божиих радуются со Господом, Которому они сохранили верность в течение всей жизни и в самой смерти»¹⁴⁸. 21 апреля 1937 года архиепископ Нестор заочно отпел умученных и убиенных в России, призывая молиться о них свою паству.

В Маньчжурии, как и в других странах русского рассеяния, существовали многочисленные эмигрантские организации: военные, казачьи, литературно-художественные, юношеские и др. Очень высокий авторитет и влияние духовенства было причиной того, что руководители многочисленных организаций старались получить благословение иерархов, привлечь их к участию в своих изданиях и мероприятиях.

Особая и сложная тема – взаимоотношения архиереев Маньчжурии с руководителями Русской фашистской партии, которая играла немаловажную роль в политической жизни эмиграции. Русский фашизм 30-х годов в эмиграции – особенное явление. В 1931 году в Харбине двадцатичетырехлетним К. В. Родзаевским была образована Российская фашистская партия (РФП). В 1933 году она состояла из 5 000 членов, а к 1938 году открыла филиалы в Европе и насчитывала уже 20 000 членов¹⁴⁹. Движение это не тождественно германскому национал-социализму и расходилось с ним по многим параметрам. Русские фашисты подчеркивали направленность своей борьбы на коммунизм и капитализм. Молодому поколению эмигрантов фашизм представлялся идеологией, в котором не было места ни примирению с большевиками, ни чуждым русскому национальному духу ценностям западного капитализма. Питаемый националистической идеей, замешанный на антибольшевизме, русский фашизм привлекал многих перспективой консолидации русских, сохранения и умножения русского культурного наследия, воспитания юношества на началах патриотизма, религии, физического здоровья. Целью было восстановление России. Агрессивное начало, заложенное в движении фашизма, тогда в полной силе не выявило себя. Многие, в том числе и Владыка Нестор, обманывались насчет природы этого явления. Тем более что движение это демагогически провозглашало опору на Православие. Призывы обратиться к Православию, борьба за чистоту нравов и антикоммунизм сочетались в партии Родзаевского с пропагандой борьбы против мирового еврейства¹⁵⁰⁰.

Первый съезд русских фашистов, на котором было объявлено о создании русской фашистской партии, открылся 26 мая 1931 года в Харбине. Вторжение Японии в Маньчжурию, породившее надежды на освобождение России от власти большевиков с помощью Японии, воодушевляло сторонников К. В. Родзаевского. «Готовить освобождение

России, помогая японцам, – такова была идея-фикс Константина Родзаевского, который не видел никакого противоречия между патриотизмом и союзом с потенциальными врагами отечества»¹⁵¹.

Что заставило архиепископа в 1934 году участвовать в митинге партии и благословить фашистское знамя, что спустя годы припомнили ему следователи во время допросов? Скорее всего, у архиепископа Нестора вызвала сочувствие та составляющая идеологии «Русской фашистской партии», которая зывала к «русскости», к православной вере и борьбе за свержение большевиков. Например, в программе Харбинского отдела партии, опубликованной в № 1 за 1937 год газеты К. Родзаевского «Наш путь», первым пунктом указывалось: «Российские фашисты в эмиграции считают Зарубежную Православную Церковь своей духовной руководительницей, высшей ценностью и живой связью с Россией прошлой и будущей. Все русские люди призываются к активной поддержке представителей Церкви – православного духовенства». Митинговая демагогическая лексика, сильные энергичные фразы внушали надежду на то, что в русской эмиграции есть еще лидеры, способные ставить патриотические цели и вести к ним изверившихся, пострадавших людей.

Фашистская партия декларирует признательность и поддержку Империи Маньчжоу-Го, давшей возможность сохранения своей национальности («русскости»), выказывала готовность защищать ее от врагов. Вождем эмиграции российские фашисты признают атамана Г. М. Семенова, как «законного правопреемника адмирала Колчака, и руководящим центром дальневосточной эмиграции – Бюро по делам Российских эмигрантов, как административный орган, назначенный властями»¹⁵². (В действительности между Родзаевским и Семеновым существовали очень серьезные идеологические разногласия, выражавшиеся в том, что Семенов не принимал фашистскую доктрину Родзаевского, а Родзаевский считал атамана «политическим анахронизмом»¹⁵³.)

Сын самого близкого помощника архиепископа Нестора, воспитанника Дома Милосердия, Кирилла Караулова, крестник Владыки Александр Кириллович Караулов пишет: «Взаимоотношение владыки Нестора с фашистами очень сложное. Вначале это движение привлекало его, как альтернатива безбожному большевизму, – это видно из отдельных реплик в его книгах «Египет, Рим, Бари» и «Очерки Дальнего Востока». Родзаевский (лидер РФП) поначалу выступал с чисто патриотических православных позиций и пользовался поддержкой всех православных архиереев Харбина и лидеров эмиграции... Родзаевский пользовался неограниченным доверием японцев. Поступить на службу в государственное учреждение Маньджу-диго¹⁵⁴, и прежде всего в КЧЖД (основную кор-

милицу края), было невозможно без членства в РФП. Этим, прежде всего, и объясняется формально массовое членство в РФП в Маньчжурии (так же как в те времена, когда дорога была советской, все служащие были формально советскими гражданами). Да и ссориться с ним было опасно – можно было «загреть» в японскую жандармерию. С этим приходилось считаться. Даже Владыке. Ксенофобия Родзаевского не устроила даже японцев, поэтому они в начале 40-х распустили РФП, хотя Родзаевский продолжал им служить, работая в БРЭМ.

Владыка Нестор был всегда чужд ксенофобии. Прожив всю жизнь в среде инородцев, он был известен веротерпимостью и уважением к национальным традициям народов, среди которых жил. Среди жертвователей «Дома Милосердия» и других начинаний Владыки было много евреев, караимов и лиц других национальностей, с которыми у Владыки были прекрасные отношения [...]»¹⁵⁵.

Партия Родзаевского перестала существовать в 1943 году. 1 июля 1943 года харбинская военная миссия объявила о ликвидации его отделений в Маньчжоу-Го, Японии и Китае»¹⁵⁶. Были закрыты газеты «Наш путь» и «Нация». Владыка Нестор писал впоследствии, что в августе 1945 года перед вступлением в Харбин Красной армии К. В. Родзаевский искал его, чтобы, по предписанию японских властей, убить. Не обнаружив Владыку в Доме Милосердия, Родзаевский сказал: «Жаль, что мы с ним не рассчитались»¹⁵⁷.

В 1934 году Владыка общается с деятелем совершенно другого образа мыслей. В мае того года в Харбин приезжает Николай Константинович Рерих со своим сыном Юрием. Н. К. Рерих был встречен в Харбине с восторгом. Он выступил в Христианском союзе молодых людей, на Юридическом факультете, в приюте-училище «Русский Дом» и других организациях. Харбинские архиереи также тепло приняли Николая Константиновича. Дореволюционная известность Н. К. Рериха как прекрасного художника, поддержка митрополитов Антония, Евлогия и Платона, короля Югославии Александра были наилучшей рекомендацией. А. К. Караулов пишет: «По воспоминаниям моего отца, Николай Константинович неоднократно бывал в Доме Милосердия, сделал ряд подарков, в том числе и свои работы (их судьба мне неизвестна)... Видимо, после этих посещений и возникла у Владыки Нестора мысль создать музей-хранилище, причем его первыми экспонатами должны были стать дары Н. К. Рериха. Владыка Нестор пишет благодарственное письмо»¹⁵⁸.

Приезд Н. К. Рериха совпал с празднованием дня русской культуры, это дало ему возможность часто выступать с докладами на торжественных заседаниях. Его приезд широко освещается в прессе. Николай

Константинович поздравляет архиепископа Мелетия с учреждением Университета Святого Владимира, посещает Дом Милосердия и оказывает ему большую помощь¹⁵⁹. Главным его деянием в Харбине было создание «Комитета пакта и Знамени Мира Рериха в Харбине». В качестве почетного председателя возглавляет комитет архиепископ Нестор¹⁶⁰.

В проповеди Н. К. Рериха архиепископа Нестора привлекала идея единения, примирения, в чем так нуждалась эмиграция. В книге «Священный дозор» (Харбин, 1936) Н. К. Рерих писал в связи с Домом Милосердия: «И не только печется духовный хозяин о детях и престарелых и о всех нуждающихся. Его глубокая мысль живет среди великих миротворческих задач, всюду объединяя, заживляя и внося радость... Будем радоваться каждому объединению. Будем радоваться каждому преоборению мелких разделений и разложений»¹⁶¹.

Однако вскоре в эмигрантской дальневосточной прессе развернулась кампания против Н. К. Рериха. В 20-х числах ноября 1934 года ряд эмигрантских газет: «Харбинское время», «Возрождение Азии», «Наш путь» и другие выступили с нападками на Н. К. Рериха за идею создания «масонского государства»¹⁶² на территории Сибири.

Сотрудничество с Рерихом вызвало обвинения епископа Нестора в принадлежности к масонству. Е. И. Рерих писала в одном из писем (8 сентября 1934 года): «Н. К. основал в Харбине Комитет по Пакту и объединил несколько лиц, которые могут поднять образовательный уровень эмигрантской молодежи. Уровень этот очень снизился. Очень подружился Н. К. с епископом Нестором, человеком большого ума. Между прочим, врагов у епископа Нестора много, и тут они пускают против него обвинение в масонстве!!! Но все же он пользуется большим уважением, и, конечно, все выпады врагов создают ему ореол значительности и мученичества»¹⁶³. Владыка Нестор, по-видимому под влиянием «разоблачительных» материалов в харбинской прессе, постепенно отходит от сотрудничества с Рерихами, вызывая у них чувства непонимания и обиды. Проект часовни в память Венценосных Мучеников, который по договоренности с Владыкой Нестором, был заказан Н. К. Рериху, сделал архитектор М. М. Осколков.

В феврале 1937 г. в Харбине была проведена неделя протеста против организации Союзом воинствующих безбожников во главе с Е. Ярославским (Губельманом) в СССР конгресса безбожников всего мира. Во всех храмах Харбина и на линии железной дороги проходили богослужения и «общерелигиозные» собрания, на улицах была организована демонстрация. Все конфессии выступали широким фронтом: на всерелигиозном собрании участвовали представители православного духовенства,

католичества, старообрядчества, магометанства, буддизма. Архиепископ Нестор отозвался на эти события статьей «Настало время борьбы с отцом лжи», где призывал к единению всех верующих в Бога людей для борьбы с безбожием¹⁶⁴. (Небезопасность такого объединения всех религий даже против общего противника выявится позже, в конфликте русских архиереев с японскими властями по поводу поклонения богине Аматерасу.)

В газете «Наш путь» в юбилейном пушкинском номере архиепископ Нестор публикует очерки «Пушкин и современность», «Памяти Патриарха-Мученика» и др. Их объединяет стремление поднять русский дух, помочь русским людям ощутить себя детьми великой нации, воспринять пример героических предков «Смутного времени», Патриарха Гермогена.

Еще не исследованной страницей является общение архиепископа Нестора с атаманом Г. М. Семеновым. Знаменитый походный атаман казачьих войск Урала, Сибири и Востока Азии Г. М. Семенов в 1920 году под натиском красных сил с группой казаков отступил из Забайкалья в Маньчжурию. Атаман и Владыка Нестор познакомились в 1930 году, на панихиде по погибшим русским воинам в Русско-японскую войну. Г. М. Семенов был «главой русской эмиграции в Маньчжурии», хотя никакого официального положения в эмигрантских организациях он не занимал. Приезжая для совершения богослужения в Богородско-Казанский Табынский женский монастырь, расположенный неподалеку от места проживания Г. М. Семенова, архиепископ Нестор встречался с атаманом. Именно он 29 марта 1938 года ходатайствовал перед Священным Синодом РПЦЗ о награждении архиепископа Нестора саном митрополита. Однако ходатайство не было удовлетворено.

17 июня 1937 года Владыка получает поручение от митрополита Анастасия возглавить Русскую Православную Духовную миссию в Малабаре – одной из областей на юге Индии. Малабарская Церковь, или, как ее называли официально – Православная Сирийская Церковь Востока, была основана апостолом Фомой. С древних времен входила в состав Антиохийского Патриархата, в III веке Церковь святого Фомы вошла в юрисдикцию Восточного Католикосата с центром в Селевкии на Тигре. В IV веке на Малабарское побережье прибыла большая группа эмигрантов-христиан из Сирии со своим епископом. Сирийские христиане оказали большое влияние на церковную жизнь Южной Индии – богослужения стали совершаться на сирийском языке. Церковь в дальнейшем испытала влияние сиро-яковитских монофизитских общин. С XVI века часть индийских христиан подпала под власть Римского Престола. Во времена английского колониального господства некоторые христиане отошли к англиканской церкви.

Сирийские христиане совершали Божественную литургию святого апостола Иакова, первого Иерусалимского епископа¹⁶⁵. В 1933 году митрополит Евлогий (Георгиевский) послал в Индию русского иеромонаха Андроника (Елпидинского) с целью изучения путей сближения христиан Сирийской Церкви Индии с Русской Православной Церковью. Члены Малабарской Церкви (шестьсот тысяч) во главе с своим Патриархом, митрополитами и всем епископатом в 1935 году обратились к Священному Синоду Русской Православной Церкви за границей с просьбой о присоединении их к Православию. 10 февраля 1936 года состоялась поездка епископа Димитрия Хайларского к сирийским христианам Индии¹⁶⁶ для проведения богословского собеседования, в результате которого было составлено первое совместное исповедание веры¹⁶⁷.

После поездки епископа Димитрия к сирийским христианам в Малабар его миссионерское дело продолжил архиепископ Нестор. 19 июля 1937 года на заседании Синода была заслушана телеграмма Преосвященного Нестора о его согласии поехать в Индию. На том же заседании было вынесено постановление № 450, в котором Преосвященному архиепископу Нестору поручалось «поехать в Малабар для организации там Православной духовной миссии». Ему были предоставлены полномочия обращаться к ревнителям за пожертвованиями на устройство Миссии в Малабаре¹⁶⁸.

В конце 1937 года архиепископ Нестор покидает Харбин. Владыка вначале отправляется в Лондон с целью получить визу для поездки в Индию с рекомендательным письмом митрополита Досифея Загребского к архиепископу Кентерберийскому. Глава англиканской церкви благосклонно принял архиерея из Харбина и исходатайствовал визу¹⁶⁹. В Лондоне Владыка встречался с сестрой Императора Николая II – Великой княгиней Ксенией Александровной, которая и стала покровительницей Братства святого апостола Фомы, созданного (по образцу Камчатского братства) для развития проповеди православия в Индии.

В Англии Преосвященного Нестора посетил князь Ф. Ф. Юсупов, участник убийства Григория Распутина. Владыка вспоминал: «...Его сильно угнетала мысль о том, что он является убийцей Распутина. Он искал утешения у многих духовных лиц, но, как мне говорил, не мог успокоить свою совесть. Когда он от Ксении Александровны узнал о моем пребывании в Лондоне, решил повидаться и поговорить по этому вопросу со мной...» «Князю Юсупову я сказал, – продолжал Владыка, – что поскольку Григорий Распутин приносил большой вред России и Православной Церкви, то его убийство церковью расценивается как убийство врага на войне. Этим моим ответом Юсупов был удовлетворен»¹⁷⁰.

В Лондоне Владыка продолжает попытки преодолеть церковный раскол. Дипломат и общественный деятель Е. В. Саблин, который много занимался вопросами российских беженцев в Великобритании, писал 24 апреля 1938 года В. А. Маклакову: «Среди посетителей, с позволения сказать высокопоставленных, тут объявился архиепископ Нестор из Маньчжурии. Едет он в Малабар в Индию, где, оказывается, имеются какие-то православные индусы и где Белградский наш собор епископов решил устроить некую епархию. Архиепископ сей, к сожалению, приездом своим разбередил рану церковного разделения. Не будучи вполне «куран»¹⁷¹ наших церковных распрь, он выразил намерение – похвальное – служить заутреню и обедню с двумя приходами¹⁷². Но соборный приход, так называемые антоньевцы, воспротивились. Нестор снесся с Серафимом¹⁷³ в Париже, и оттуда пришло распоряжение ни в коем случае не объединяться с авлогиянами [так в тексте]¹⁷⁴. Все это вызвало большое огорчение среди паствы, и старая рана вскрылась»¹⁷⁵.

В Англии архиепископ Нестор пережил тяжелое потрясение, связанное с обвинением в принадлежности к ордену розенкрейцеров. Оно прозвучало в печати со стороны некоего г. Моллера. Возможно, что эти нападки были спровоцированы общением с Н. К. Рерихом. Возмущенный до глубины души, Владыка отлучил от церкви клеветников. Священный Синод РПЦЗ указом от 9/22 июля 1938 года наложил прещения за «распространение про архиепископа Нестора клеветнических сведений...»¹⁷⁶

Из Лондона Владыка отправился в Париж, где состоялась его встреча с митрополитом Евлогием. О ней известно лишь то, что снова и снова архиепископ Нестор стремится примирить митрополитов Евлогия и Антония¹⁷⁷. По приглашению епископа Сергия Пражского архиепископ Нестор посетил Прагу, откуда отправился в Болгарию, где был в течение недели гостем митрополита Стефана Софийского. Он вспоминал: «С митрополитом Стефаном я вел беседу об объединении всеславянской православной церкви в противовес объединенной католической церкви... Эту мою идею митрополит Стефан встретил сочувственно и одобрительно»¹⁷⁸. Болгарский Синод преподнес Владыке Нестору 20000 тысяч левов для осуществления миссии в Индии. Солидную сумму пожертвовала и Сербская Церковь.

Затем Владыка возвращается в Югославию для участия в Соборе Русской Православной Церкви за границей, который продолжался с 14 по 24 августа 1938 года и был посвящен 950-летию Крещения Руси. На Соборе архиепископ Нестор сделал доклад о Братстве Святой Руси имени святого Владимира. Вся боль за страждущую Родину

и Церковь проявились в этом докладе. «Русский народ на Руси, – говорит Владыка, – задушен и ушел в себя, в тайники своего многострадального сердца. Он молчит 20 лет, а мир издевается над ним и, умытая руки, так повторяет в адрес России: «Иных спасала себя ли не можешь спасти»¹⁷⁹. Владыка упрекает эмиграцию за то, что она, будучи не силах помочь России, даже и не готовится к делу спасения Родины. Изгнанники духовно разобщены, раздроблены на сотни организаций, созданных на разных основаниях. Между тем, считает архипастырь, только Церковь может объединить русских людей, и в этом апостольский долг духовенства¹⁸⁰. Владыка предвидит, что России, освобожденной от большевиков, потребуется трудная дорога по возвращению к Церкви. Архиепископ Нестор предлагает Собору составленный им Устав Братства. Помимо прочих пунктов, Устав предписывает своим членам совместную молитву по воскресеньям о спасении России. «Мы хотим, чтобы наш идеал опирался не только на землю, но и на небо, чтобы Россия, возвращаясь на свои исконные исторические пути, получая снова свои многообразные богатства, оказалась в полной мере обладательницей не только материальных своих владений, не только национального и политического достоинства наших предков, но и всего духовного их сокровища. Этот наш идеал мы формулируем как идеал Святой Христовой Руси»¹⁸¹.

После окончания соборных заседаний Владыка отправляется в Индию. Проездом, на Цейлоне, Владыка заболел воспалением почек и вынужден был лечь в местную больницу. Когда он находился в больнице, к нему на прием попросился ксендз Иосиф Альварец, португалец по происхождению, который назвал себя «независимым католиком». Он пришел с необычайной просьбой – принять в дар его костел со всей усадьбой и рощами, постройками и т. д. Причиной было то, что прибывшие из Рима на Цейлон иезуиты стали изгонять португальцев-ксендзов, стремясь отнять у них приходы. Последние объявили себя «независимыми католиками» от Ватикана и от папы. После этого были убиты епископ португалец и все ксендзы, кроме Альвареца, который слезно молил от имени прихожан и от себя принять костел и усадьбу безвозмездно, чтобы не оставлять их иезуитам. Передача была оформлена официально. В день летописца Нестора и мученика Нестора Солунского архиепископ Нестор освятил храм, отслужил в нем первую литургию.

Находясь в Индии, архиепископ Нестор изучил церковно-догматические установления малабарских христиан. Изучение их веры привело архиепископа Нестора к убеждению, что ересь Ария изжилась христианами Малабара окончательно¹⁸². Он привез им установления и ка-

нонические правила Вселенских Соборов для ознакомления, так как представители их иерархии не участвовали в последних четырех Вселенских Соборах.

После совещаний архиепископа Нестора с представителями малабарских христиан было согласовано воссоединение с русской церковью, но официальный акт был намечен на 1939 год, чтобы подготовить хиротонию во епископа для индусской Православной Церкви архимандрита Андроника. Уехав в Харбин, архиепископ Нестор оставил настоятелем архимандрита Нафанаила. В отсутствие архиепископа Нестора иезуиты стали причинять неприятности о. Альварецу и о. Нафанаилу. Против архиепископа Нестора, как незаконного захватчика ватиканского имущества, возбудили судебное дело. Однако суд признал законным хозяином архиепископа Нестора. Начавшаяся война Японии с Англией и Америкой преградили сообщение с Цейлоном.

18 декабря 1938 года Владыка вернулся в Харбин. Он отсутствовал 13 месяцев¹⁸³. Встречали его с радостью, особенно в Доме Милосердия, где сразу же он отслужил молебен в часовне-памятнике, а затем в храме. В 1936 году в нем находились уже тридцать семь инвалидов и престарелых и восемьдесят четыре ребенка¹⁸⁴.

С конца 1930-х годов положение русских в государстве Маньчжоу-Го становилось все более тяжелым. Усиливался контроль над всеми сторонами жизни эмигрантов.

Когда японцы поняли, что русское население в своей основной массе не склонно воевать с соотечественниками, их поведение резко изменилось. Началось вмешательство во все стороны жизни, в частности в церковные дела.

Церковно-общественные организации подчинялись всем распоряжениям БРЭМ. Посвящение в духовный сан, перемещение или назначение духовных лиц, хозяйственная сторона жизни церковью осуществлялись только с предварительного разрешения этой организации. Затрагивалась и богослужебная жизнь. Организовывались молебны в честь государственных праздников Японии и марионеточного государства Маньчжоу-Го¹⁸⁵.

Руководители БРЭМ постоянно ездили с докладами в военную миссию, начальником которой в Харбине был генерал Янагита (до 1942 года), а после него генерал Дои. Руководители БРЭМ всячески привлекали духовенство для проведения антисоветской пропаганды. Предписывалось проведение радиобесед с участием всех священнослужителей и лекторов богословского факультета. Конспекты бесед представлялись для просмотра в военную миссию. На пресс-конференциях в япон-

ской военной миссии должны были участвовать редакторы всех эмигрантских газет. Бюро издало приказ о регистрации всех служащих и призываемых Дома Милосердия, заставило заполнить соответствующие анкеты.

Положение обязывало архиереев поддерживать хорошие отношения с начальником японской военной миссии генералом Янагитой. К 25-летию юбилею архиепископа Нестора Янагита удостоил архиерея ценными подарками – двумя своими портретами (в дальнейшем это также было учтено следствием, инкриминировавшим Владыке связь с японской разведкой).

Однако отношение эмигрантов к оккупационным властям внутренне кардинально меняется. Подобную эволюцию претерпели и взгляды архиепископа Нестора. Протоиерей Иннокентий Петелин писал: «Японской администрацией края парализована вся хозяйственная жизнь эмиграции, исковерканы и больше чем наполовину уничтожены русские школы, и, наконец, своим нелепым вмешательством в церковные дела она создала чрезвычайно тягостное положение в церковном управлении и приходской жизни»¹⁸⁶.

Японцы стремились вовлечь русскую молодежь в отряды военной подготовки для борьбы с СССР. Если в Шанхае не была разрешена мобилизация русской молодежи, то в Маньчжоу-Го формировались отряды, где проходили военное обучение русские молодые люди.

К началу 1938 года с этой целью была образована воинская часть, получившая название «бригада Асано», по фамилии ее японского советника полковника Асано Такаси¹⁸⁷. Бригада была расквартирована в деревушке на реке Сунгари в ста километрах вверх от Харбина и получила у русских название Сунгари II. Бойцы бригады получали весьма опасные задания, пробираясь на советскую территорию и изучая расположения войск. Если они попадались, их обычно расстреливали, как предателей.

Мобилизация была насильственной, многие молодые харбинцы пользовались любой зацепкой, чтобы уклониться от призыва. По мере сил Владыка Нестор старался помочь им. Как свидетельствует Е. Б. Пешкова, «Владыка умел договориться с Японской военной миссией о том, чтобы не брали на военную службу в отряд Асано русских молодых людей, на попечении которых были престарелые родители или дети»¹⁸⁸.

Молодые люди, служившие в «Асано», особенно нуждались в духовном попечении. Поэтому православное духовенство участвовало в богослужениях в этом лагере, архиепископ Нестор в 1939 году освя-

тил церковь отряда Асано¹⁸⁹. Служа в отрядах Асано, молодые люди продолжали оставаться русскими патриотами.

Японцы (не без оснований) не доверяли русским, служившим в этих отрядах. В качестве одного из многих примеров можно привести расстрел японцами русского отряда в Трехречье, возглавлявшегося казачьим полковником И. А. Пешковым, после объявления войны Японии Советским Союзом¹⁹⁰.

Но самые тяжелые испытания для православных харбинцев, особенно духовенства, возникли в связи с поклонением языческой богине Аматерасу, прародительницей императора Пу-И, который считался особой божественного происхождения. В общественных церемониях, которые время от времени устраивались в Маньчжоу-Го, должны были принимать участие все жители Империи. Первоначально участие в церемониях ограничивалось поклонами в сторону резиденций императоров Маньчжурии и Японии, а также поклонов государственным флагам¹⁹¹. Однако вскоре было опубликовано «Наставление народам маньчжурской империи», в первом пункте которого говорилось: «Народы страны, памятуя, что первоосновой Государства является Божественный Путь, должны с глубочайшим и почтительнейшим уважением относиться к Прародительнице Императорской династии Аматерасу Оомиками и нерушимо блюсти верноподданность Его Величеству Императору»¹⁹².

На церемониях прибавлялся поклон в сторону храма «Кенкоку Синбио». В государственные праздники для совершения поклона служащие и учащиеся должны были направляться к храму «Дзиндзя», посвященному героям, которые, согласно японской традиции, возводились в разряд богов национального пантеона. Статуи богини Аматерасу предполагалось разместить в православных храмах Маньчжурии¹⁹³.

Многие представители эмиграции участвовали в поклонениях и даже в принесении ритуальных жертвоприношений. Однако духовенство Харбинской епархии считало, что участие в государственных церемониях носит религиозный характер, и поэтому участие в них для христиан недопустимо. Священники, не желавшие принимать участие в идолопоклонстве, были убиты (священники Александр Жуч и Феодор Боголюбов, иеромонах Павел), некоторые были изгнаны из Маньчжурии¹⁹⁴.

Архиепископ Нестор первым из архиереев Харбинской епархии выступил против какого бы то ни было участия православных в языческих ритуалах. Детей приюта при Доме Милосердия он никогда не пускал на японские праздники. Владыка обратился к митрополиту Меле-

тию с просьбой об ограждении православных граждан, а также учащих-ся от участия в подобных церемониях. В этой ситуации архиереи Харбинской епархии приняли решение о распространении среди верующих «Архипастырского послания православному духовенству и мирянам Харбинской епархии», гласившего о недопустимости поклонения иноверным божествам. 12 февраля 1944 года оно было подписано тремя харбинскими архиереями. Архиепископ Нестор не сразу подписал воззвание из-за некоторых частных расхождений с другими архиереями. 21 декабря 1944 года Владыка Нестор принял участие в епископском совещании, где согласился подписать текст Архипастырского послания харбинских иерархов.

В эти годы архиепископ Нестор много выступает, постоянно служит, активно участвует в общественной жизни Харбина. Член-корр. РАМН В. И. Иванов, тогда учащийся семинарии, иподиакон Владыки, вспоминал: «Мне довелось знать Владыку Нестора в 40-е годы, будучи учеником подготовительных классов Харбинской духовной семинарии, я был прислужником в его кафедральном соборе “Всех скорбящих Радосте”. После освоения обязанностей во время богослужения я был посошником Владыки, а позже – вторым иподиаконом с дикирием, кроме того часто брался за службу псаломщика – читал псалмы, часы, а в пасхальную ночь – Деяния Святых Апостолов. Мне вспоминается Владыка Нестор как высоко эрудированный богослов, философ, одаренный сердцевед – психолог, артистичный оратор и более всего – доброжелательный человек. Прибыв в Харбин в качестве архиепископа Камчатского и Петропавловского, Владыка Нестор считал себя таковым все годы эмиграции и в период советско-китайского управления КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога), и в годы японской оккупации Маньчжурии, и в период занятия Харбина Красной Армией, и в период китайской коммунистической власти. Все годы до 48-го, когда он неожиданно исчез (как выяснилось позже, был арестован и вывезен в СССР), архиепископ (митрополит) Нестор считал основанный им храм «Всех скорбящих Радосте» с сиротским приютом – Домом Милосердия, иконописной мастерской, свечным заводиком и небольшой обителью с полудюжиной насельников – подворьем Камчатской епархии. По-видимому в связи с этим, он не входил под юрисдикцию Харбинского митрополита, пока сам не был назначен на эту кафедру Московским Патриархом.

Помнится проникновенная с налетом артистизма манера богослужений Владыки, а особенно его проповеди, которыми он будил сострадание к неимущим и страждущим у прихожан. Хотя в Харбине бы-

до более двух десятков русских православных храмов, церковь «Всех скорбящих» была всегда переполнена, а призывы Владыки к доброхотным подавниям обычно в пользу сиротского Дома Милосердия открывали сердца, кошельки, а то и побуждали женщин посостоятельнее расставаться с драгоценностями. Полностью финансируя «Дом Милосердия», Владыка много жертвовал и на нужды других людей и учреждений благотворительного направления. При этом сам он жил без роскоши в 3–4 комнатах с большой приемной, а двери его архиерейских покоев были открыты для всех без различия звания и состояния.

За несколько лет мне ни разу не довелось наблюдать гнева или раздражения Владыки, хотя он был тверд и настойчив в делах»¹⁹⁵.

В 1941 году отмечался 25-летний юбилей архипастырского служения Владыки. В газете «Харбинское время» печатались выступления Владыки и близких ему лиц, он опубликовал свои краткие воспоминания. Духовный отец Владыки архиепископ Гермоген (Максимов), пребывающий в Югославии, сообщил через митрополита Мелетия о предоставлении архиепископу Нестору бриллиантового креста на клобук.

Архиепископ Нестор писал: «...хочется видеть еще поскорее возрождающуюся родную Россию и послужить Ей хотя бы последним слугой на земле»¹⁹⁶. Однако в речах и статьях митрополита Нестора в этот период Россия предстает страной, в которой нет места людям, покинувшим ее пределы, страной, которой управляют враги России и Церкви. Но уже в 1943 году он посылает через Харбинское генконсульство лично ему принадлежавшие золотые кресты и золотую панагию в фонд сражавшейся против фашизма Советской Армии.

Очевидно, что в душе Владыки произошел переворот. Подобное испытали многие эмигранты. Мучительно долго тянулось ожидание падения большевистского режима.

«После нападения Германии на Советский Союз для многих харбинцев стало ясно, что речь идет не просто о перспективах падения ненавистного многим советского режима, а о вероятности полного уничтожения Страны и Народа. Это пробудило у большинства русской диаспоры в Маньчжурии патриотические настроения.

Харбинцы старшего поколения рассказывали, как в эти годы многие бывшие царские генералы и офицеры, участники Белого движения, собираясь на квартирах друг у друга, обменивались информацией о положении на фронтах и с сочувствием (в первые годы войны), а затем с восхищением (в последующие годы) анализировали операции Красной армии.

Постепенно под различными предлогами стали отходить от сотрудничества с японцами лидеры эмиграции и, в том числе, самый непримиримый враг советской власти атаман Г. М. Семенов.

Японцы ответили на патриотические настроения харбинцев ужесточением террора. По малейшему поводу русских эмигрантов арестовывала японская жандармерия, и почти никто из них после этого не возвращался. Некоторые попадали в страшный лагерь, где на людях испытывалось бактериологическое оружие. Такой мученической смертью погиб и один из иподиаконов Владыки Нестора Павел Тростянский, сын бывшего настоятеля Скорбященского храма «Дома Милосердия» о. Иоанна.

Несмотря на репрессии, патриотические чувства большинства харбинцев не ослабевали»¹⁹⁷.

В 1943 году в войне произошел перелом. Победа над Гитлером породила новые размышления? А погибла ли Россия? Не рано ли ее отпели и похоронили? Не приняло ли ее существование новые исторические формы? Советская Россия победила сильнейшую европейскую страну, перед которой не устояли другие державы. Советская Россия создала мощную экономику. В Советской России нет эксплуатации человека человеком (да, и такое можно было встретить в эмигрантской прессе!). Так что же – стыдиться такой Родины? Выходцы из Шанхая, русские эмигранты рассказывают в своих воспоминаниях: «В конце войны, особенно когда Красная армия освободила советскую территорию и вела бои на территории Европы, – многие эмигранты, охваченные патриотизмом и сочувствием к русскому народу, захотели взять себе советское гражданство.

Много таких людей появилось после Указа Сталина о политической амнистии тем, кто был противником советской власти во время гражданской войны. После этого Указа множество людей стали в очередь на получение советского паспорта в Генконсульстве СССР. Очередь была такой огромной, что даже на мосту через реку Сучжоу стояли люди. Все хотели заполнить анкеты с просьбой о советском подданстве. Даже архиепископ Виктор (глава Русской Церкви в Китае) и некоторые генералы, охваченные патриотическим порывом и надеждой, – поехали в СССР. Их путь был прямым – сразу в лагерь, а кто-то и до лагеря не доехал...

Примерно через год после заполнения анкеты (проверка длилась около года) в совконсульство вызывали и вручали паспорта. Патриотизм двигал людьми... Хотя были люди, которые предупреждали: не верьте пропаганде, вам там жить не дадут! Подумайте о своих детях, стариках...

Хотя вся молодежь как один была за Россию! Мы ведь выросли в Шанхае, знали об ужасах гражданской войны только по рассказам родителей... А Родину свою любили, потому что верили: народ ни при чем, ведь во время войны больше всех народ и страдал! Японцы знали, что русские эмигранты больше всех сочувствуют СССР. Они запрещали нам читать газеты, слушать радио... Кстати, все радиоприемники были сначала зарегистрированы, затем – конфискованы»¹⁹⁸.

Были поколеблены и антисоветские убеждения автора «Расстрела Московского Кремля». Его глубокие патриотические чувства, накопившаяся горечь изгнанника, усталость от непонимания со стороны братьев-архиереев, тягостные, вынужденные отношения с японскими властями создали благоприятную почву для усвоения нового видения России, побеждавшей немецкие армии, изменившей отношение к религии. У эмигрантов рождались мысли о неизменяемости национальной сущности Родины, ее внутренней целостности, независимой от политического строя.

Некоторые исследователи пишут о советской пропаганде в Харбине, об иллюзиях относительно перерождения советской системы, о вере в невозможность репрессий относительно репатриантов. Несомненно, было и это. Но правда о репрессиях все же просачивалась, и люди часто узнавали о печальной участи своих родственников, арестованных в СССР.

Не наивность, не дезинформированность и не желание найти свое достойное место в церковной организации двигали архиепископом Нестором, а то, о чем много писал любимый им Достоевский, – согласие принять страдание, если так суждено Богом, и благословить на это свою паству. Соучастие в мученичестве и исповедничестве – тоже образ покаяния русского народа. И многие эмигранты, кто сознавая, кто нет, – влеклись в Россию на «вольную страсть»...

По свидетельству А. К. Караулова и В. В. Коростелева, после получения известия об избрании в 1943 году Патриарха Сергия, у Владыки «установился контакт с Патриархией через генеральное консульство СССР в Харбине. Первоначально связь осуществлялась через известного харбинского врача Н. Н. Бухалова. Николай Николаевич был «старым советским» (так харбинцы называли немногочисленную группу людей, которые не отказались от советского гражданства в годы японской оккупации) и мог свободно, не вызывая подозрений у японцев, посещать консульство». Позже, когда установилась переписка с Патриархией, обмен документами происходил на квартире К. Караулова¹⁹⁹.

В мае 1945 года, поздравляя Патриарха Алексия с избранием и посылая ему панагию в подарок, архиепископ Нестор писал: «Слышали мы, что в Вашем лице избран и поставлен на Свещницу нашей Матери Российской Церкви Святейший Патриарх Московский, Всея Руси и Всеславянский. [...] Я не могу открыто даже приветствовать Вас, ибо тем самым я подвергаю не только себя, но и свою паству большой опасности со стороны бдительных и суровых японцев, всячески изолирующих нас от Советской России.... Прошу принять мое недостойнство в Ваши объятия Отчии и все мои немощи покрыть Вашей любовью...»²⁰⁰

Положение Церкви в Китае осложнилось тем, что полностью прекратились сношения с Заграничным Синодом. Никто не знал, где находился митрополит Анастасий и иерархи, жившие в Югославии. В июне 1945 года Владыка Нестор первым из харбинских архиереев, с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, стал поминать его за богослужением²⁰¹. «По воспоминаниям одного из участников этих событий К. А. Караулова, время осуществления этого шага выбиралось достаточно долго и согласовывалось с Патриархией. Опасались, что преждевременные действия могут вызвать неоправданные японские репрессии по отношению к духовенству и мирянам. О дате, времени и месте события заранее знал очень ограниченный круг людей – архиереи: Нестор, Мелетий, Димитрий и Ювеналий, управляющий Домом Милосердия К. А. Караулов, а также протодиакон о. Николай Лобас, первым провозгласивший «Многолетие» Патриарху»²⁰².

В июле 1945 года архиепископ Нестор обратился с письмом к митрополиту Мелетию, в котором писал о разрыве с Карловацким Синодом и необходимости воссоединения с Московской Патриархией. Архиепископ Нестор пишет далее о том, что ему известно из прессы, что многие иерархи за границей вошли в общение с Российской Церковью, о братском общении Русской и Сербской Церквей. Он верит, что после окончания войны Российская Церковь стала торжествующей и великой, «да еще воссияла в мученическом ореоле после тяжких и долгих страданий»²⁰³.

Много было причин оставить прежнее недоверие и «потянуться к Москве». Но не будем упрощать сложнейшую проблему выбора, которая стояла перед эмигрантами. Недаром столь неоднозначной была позиция Владыки Иоанна (Максимовича), вначале принявшего решение о воссоединении, но затем, по получении известия о работе Архиерейского Синода, не благословившего свою паству воссоединиться с Патриархией. 31 июля 1945 года он в письме архиепископу Виктору (Святину) изложил свои соображения относительно канонического по-

ложения дальневосточных епархий. Он считал, что пекинским архиереям надлежит последовать примеру харбинских архипастырей, поскольку долго не было известий о Заграничном Синоде, а канонические основания для существования совершенно независимой, автокефальной епархии отсутствовали. Владыка Иоанн считал необходимым поминовение имени Патриарха, а затем Председателя Заграничного Синода митрополита Анастасия. Однако епископ Иоанн указывал, что на такие шаги можно пойти в связи с тем, что «в данное время нам не поставлены условия идеологического порядка»²⁰⁴.

Епископ Иоанн и архиепископ Виктор были уведомлены Патриархом Алексием о принятии их в общение с Русской Православной Церковью. Известие о том, что митрополит Анастасий и Заграничный Синод продолжают свою деятельность и требование советских властей принять советское гражданство заставили епископа Иоанна переменить свое решение.

О причинах, приведших к решению харбинских иерархов присоединиться к Московской Патриархии, свидетельствует письмо архиепископа Дмитрия Хайларского, написанное главе Зарубежного Синода митрополиту Анастасию (Грибановскому) через два месяца после возвращения в СССР. Письмо попало – не могло и быть иначе – не к митрополиту Анастасию, а в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совмине СССР. Архиепископ Дмитрий писал: «В июне 45-го года мы, четыре харбинских иерарха, находясь еще под нелегкой и отнюдь не мягкой рукой японской власти, телеграфом просили Патриарха Алексия принять нас под свою святительскую руку (покойный митрополит Мелетий, архиепископ Нестор, я и второй харбинский викарий епископ Ювеналий) и с тех пор стали церковно почитать его. В октябре приехали посланные от Патриарха тогда епископ Елевферий и священник Григорий Разумовский и совершили положенный чинопоем. Как Вам теперь, наверно, известно: то было время, когда ни о Вас, ни о других членах Архиерейского Синода Зарубежного, особенно с начала войны, вовсе не было ведомо приблизительно, и потом еще – с год времени».

Далее Владыка Дмитрий касается очень важного момента, оказавшего влияние на решение присоединившихся иерархов: «Можно сказать, что больше всего это наше присоединение вызвано было тем, что с конца 1944 года к нам стали поступать по почте – на имя митрополита Мелетия №№ Журнала Московской Патриархии, из которых мы, месяц за месяцем, стали читать об условиях, на каких принимались патриаршею церковью иерархи и клир из обновленчества. До тех пор мы

почти были уверены, что церкви – патриаршая и обновленческая – это как бы разные части в едином основном теле. Когда же книжки журнала одна за другой приносили сообщения о том, что иерархия обновленческая таковой не признается и даже епископы принимаются *in statu...* то протоиереями, а то и рядовыми монахами, тут наши опасения стали отпадать. А выборы и возведение в сан и самого Патриарха Алексия, можно сказать, окончательно нас успокоили».

Заканчивая письмо, Владыка говорит об «историческом факте явного спасения Родины, родной Матушки России» как промыслительном и о том, что и «и все грехи в прошлом от той партии большевиков, грехи немалые, но отнюдь не на ней одной лежащие», смтыты и «до конца очищены кровью сынов той же Советской России...»²⁰⁵

В августе 1945 года советские войска вошли в Харбин в тот момент, когда японцы собирались взорвать город. Вход Советской армии в Харбин был освещен архиепископом Нестором в письме-докладе от 19 августа 1945 года. Конец сомнениям – русский меч спас русских людей от японских самураев и «тевтона» (немцев). Этот документ и последующие полны торжествующей интонации победы, избавления, хвалы. «Где вы, японские самураи, кичившиеся своей дерзостью? Куда девалась Ваша дерзость, с которой вы навязывали свой пресловутый «новый порядок под одной Вашей крышей»²⁰⁶, – вопрошает Владыка 2 сентября на митинге, посвященном Красной армии.

Ликующие интонации, художественный пафос речи как нельзя более характеризуют патриотический подъем архиерея – потомственного воина, героя первой мировой войны. Однако... горячее «русское спасибо» адресуется и «великому вождю», который «одним твердым авторитетным словом» освободил русских эмигрантов от японского рабства. (Знание последующей судьбы архиепископа Нестора вносит в восприятие этих речей особое трагическое чувство.)

Но не только архиепископ Нестор, но и престарелый митрополит Харбинский и Маньчжурский Мелетий, и архиепископ Хайларский Димитрий, и епископ Цицикарский Ювеналий поздравили «дорогого Иосифа Виссарионовича» и помолились о его здравии на многая лета²⁰⁷. Об организации этого поздравления позволяют догадываться пометы: «Г. Белыйшев. Посылаю текст, о котором я говорил с Вами по телефону. А. Вышинский. 17 сентября 1945 года»²⁰⁸. Без подобных текстов, о которых так заботился Андрей Януариевич, по-видимому, не было шансов вернуться на Родину.

В. И. Иванов пишет: «В 1945 году после вступления в Харбин армии маршала Малиновского Владыка Нестор был в числе самых

первых принят во вновь открывшемся Генеральном консульстве СССР и получил «совзагранвид»²⁰⁹.

Довольно быстро истинное лицо режима стало открываться. Уже был арестован в августе 1945 года прекрасный русский поэт зарубежья Арсений Несмелов. В ноябре 1945 года архиепископ Димитрий пишет Святейшему Патриарху Алексию письма, где, кроме благодарности и свидетельства о любви к Всероссийской Патриаршей Церкви, звучат горькие знаменательные слова: «Но не могу я умолчать о том горе, которое навалилось на тысячи наших эмигрантских семей с широко проведенным розыском виновных в сношениях с японской властью, за эти три с лишним месяца. Реки слез пролиты были в нашем городе – материнских, супружеских, вообще осиротевших кровно-близких, плакавших об этих арестованных, и к тому же нередко в теплое время, – без теплой одежды. Ваше Святейшество, возлюбленный во Христе Владыко, Архипастырь. Пытались мы обратиться с ходатайством куда-либо, доходя до обращения к самому верховному вождю-избавителю России, – но не приняты были здесь наши ходатайства. [...] С восторгом, как родных, принял город Красную армию, город, как будто не сделавший ни единого выстрела, – и вдруг такие репрессивные меры, – скорбит Владыка и просит Святейшего дойти до самого «Иосифа Виссарионовича», чтобы вернуть сиротам отца, женам – мужей и восстановить христианские русские семьи»²¹⁰.

Но выбор архиепископа Димитрия тем не менее остался прежним.

Как он писал, для воссоединения Харбино-Маньчжурской епархии в октябре 1945 года Московской Патриархией в Харбин была послана делегация в составе епископа Ростовского и Таганрогского Елевферия (Воронцова) и священника Григория Разумовского. 27 декабря 1945 года на заседании Священного Синода было постановлено: «Считать воссоединенными с Русской Православной Матерью Церковью и находящимися в юрисдикции Святейшего Патриарха Московского АЛЕКСИЯ, с 26-го минувшего октября, архипастырей Харбинской епархии: Митрополита МЕЛЕТИЯ, Архиепископа ДИМИТРИЯ и Епископа ЮВЕНАЛИЯ, а также Архиепископа бывшей Камчатско-Петропавловской епархии НЕСТОРА, Архиепископа Пекинско-Китайского ВИКТОРА и архимандрита Корейской Духовной Миссии ПОЛИКАРПА, с принятием их в сущем сане; в лице названных архипастырей и архимандрита считать принятыми в лоно Матери-Церкви и находящийся на их попечении клир и паству»²¹¹. В Восточной Азии был образован единый церковный Восточно-Азиатский округ, с пребыванием возглавляющего этот округ епископа в г. Дальнем. Епархии Петропавловско-

Камчатская, викариатства Хайларское и Цицикарское упразднились. Управляющим Восточно-Азиатским округом был назначен архиепископ Нестор. Священный Синод подчеркнул особенную важность восстановления Православной миссии, «усматривая промыслительную любовь Божию в процветании Православия среди язычников Восточной Азии чрез православных эмигрантов»²¹².

2 апреля 1946 года архиепископ Нестор отправил Патриарху Александрию телеграмму (повторную) о вступлении во временное управление Восточно-Азиатским митрополичьим округом. 6 апреля 1946 года после тяжелой и длительной болезни скончался митрополит Мелетий.

21 апреля 1946 года на первый день Пасхи Харбин официально провожал отбывавшие на Родину войска Красной армии. В переполненном кафедральном соборе в сослужении всего харбинского духовенства был отслужен краткий пасхальный молебен, после которого было прочитано обращение архиепископа Нестора к пастве по случаю ухода частей Красной армии и провозглашено многолетие. По окончании молебна на соборной площади состоялся общегородской митинг и парад.

Митрополит Нестор вспоминал: «...после освобождения Харбина от японских захватчиков, мне, проживавшему там, привелось быть представленным маршалу Малиновскому. Этот легендарный герой Великой Отечественной войны, увидев на мне боевые ордена и знаки отличия, заинтересовался, когда и при каких обстоятельствах меня ими наградили, и со вниманием выслушал мой рассказ об этом, а затем подтвердил декрет, сказав:

– Вы имеете право достойно носить все эти боевые ордена»²¹³.

20 апреля 1946 года архиепископ Нестор посетил маршала Малиновского, который долго беседовал с Владыкой, пожертвовал ему легковую машину и оказал благотворительную помощь для приютов.

На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 5 июня 1946 года по докладу архиепископа Нестора были приняты постановления:

1) Преобразовать Восточно-Азиатский Митрополичий округ в Восточно-Азиатский Экзархат Московской Патриархии.

2) Определить, что Восточно-Азиатский Экзархат составляют церкви и церковные учреждения на территории Маньчжурии и Кореи. Китайская Духовная Миссия (г. Пекин) и Японская Духовная Миссия состоят в непосредственном ведении Московской Патриархии.

3) В виду кончины митрополита Мелетия, назначить архиепископа Нестора Экзархом Московской Патриархии в Восточной Азии, с возведением его в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского.

4) Представленного архиепископом Нестором кандидата в викарии протоиерея Леонида Викторова, по пострижении в монашество, назначить викарием Экзарха с титулом епископа Цицикарского (в виду освобождения Архиепископа Ювеналия от этого викариатства), с тем чтобы наречение и хиротония его во епископа были произведены в г. Харбине...

б) Благословить начинание архиепископа Нестора по устройению в г. Харбине православного храма для японского населения Маньчжурии, с приданием ему миссионерского характера²¹⁴.

Указ был получен только 8 августа 1946 года. 9 августа на литургии в храме Дома Милосердия Владыке Нестору был поднесен белый клубок²¹⁵.

Митрополит Нестор развернул столь ему близкую и любимую миссионерскую деятельность. Он писал Патриарху: «Пекинская духовная миссия практически прекратила свою работу – миссионерскую – в 1917 году, когда прекратилась государственная субсидия на содержание миссии, которая отпускалась в довольно значительных размерах. В течение последних 30 лет вся жизнь и деятельность миссии неуклонно регрессировала, и на сегодня значение и вся деятельная работа Пекинской Епархии как Духовной миссии сведена к полному нулю»²¹⁶. Однако телеграммой Патриарха Алексия митрополит Нестор был уведомлен о том, что «во изменении указа об управлении дальневосточными церквами Русской духовной миссии в Китае во главе с архиепископом Виктором определено состоять в непосредственном подчинении Патриарху Московскому»²¹⁷. Это огорчило Владыку Нестора, которой уже готовил обширную реорганизацию Пекинской миссии. Тем не менее, он создал миссионерский комитет, который занимался открытием школы-приюта и больницы для китайской бедноты и миссионерского православного храма для богослужения и проповеди на китайском языке. В помещении Благовещенского храма Пекинского подворья предполагалось открыть начальную миссионерскую школу и миссионерские курсы китайского языка.

Остро не хватало миссионеров, знающих китайский язык. Православные китайцы не были подготовлены к такого рода деятельности. Во внешней миссии при Экзархате была учреждена Китайская духовная миссия в Фудзяне (китайская часть Харбина), начальником которой являлся китаец Даниил Хэ.

В связи с отсутствием средств для благотворительной помощи был создан комитет по сбору пожертвований в фонд благотворительности и просветительного отдела Восточно-Азиатского округа Московской Па-

триархии. Собранные средства позволили оказать помощь приютам Харбина, голодающему населению на линии КЧЖД, где оказались в бедственном положении около 600 человек. В декабре 1947 года в Маньчжурии стояли небывалые морозы. Население страдало от отсутствия топлива и дороговизны. В Харбине было учреждено отделение советского Общества Красного Креста и Полумесяца, посредством которого населению Маньчжурии оказывалась медицинская и благотворительная помощь.

За недолгое время управления Экзархатом Владыка Нестор успел сделать очень много. Были открыты в Харбине Ориентальное отделение на Богословском факультете, лицей имени святого Александра Невского с десятилетней программой средней школы в соответствии с учебными заведениями СССР. Кроме предметов программы советских десятилеток туда входили такие предметы, как богословие, церковнославянский язык, латинский язык, китайский язык, логика, психология, педагогика. В лицей влилась Духовная семинария. При Экзархате функционировали курсы русского языка для китайцев и китайского – для русских. Положено начало женской обители в Трехречье. За 1946 год были заложены основы для дальнейшей деятельности, сулившей богатые духовные плоды. Журнал «Хлеб Небесный» был переименован в «Журнал Восточно-Азиатского Экзархата» и печатался в собственной типографии Экзархата. Заведовал типографией К. А. Караулов. Редактором всех изданий был о. Ростислав Ган. Вышло несколько номеров этого издания. Дом Милосердия стал митрополичьим подворьем.

15 марта 1947 года Владыка отправился с инспекционной целью по западной линии до станции Маньчжурия в район Трехречья. Он совершал богослужения, ревизировал приходы, устраивал филиалы Общества Красного Креста и Полумесяца, организовывал медпункты и больницы. В июне 1947 года митрополит Нестор обратился к представителям командования Советской армии с предложением о постройке в г. Дальнем собора святого Александра Невского в ознаменование побед Советской армии. Для этого церковно-приходскому совету был передан бывший японский храм «Дайрен-Дзиндзя». Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР сообщил об одобрении инициативы со стороны Патриарха Алексия и со своей стороны²¹⁸.

В декабре 1947 года положение православных осложнилось вступлением в Маньчжурию Китайской народно-освободительной армии. Были осквернены Успенское кладбище в Харбине, где были похоронены жертвы боксерского восстания, воины, павшие в Русско-японскую

войну 1904–1905 годов, а также погибшие советские воины. Патриарх Алексей пишет митрополиту Нестору о своем обращении в Совет по делам Русской Православной Церкви с просьбой принять меры к прекращению кощунства. «...Всеми мерами и силами сохраните вновь организованный Вами Лицей Св. Александра Невского, а также и Миссионерские учебные и действующие инстанции»²¹⁹, – пишет Святейший. МИД СССР признало целесообразным существование лицея Александра Невского, при условии если он действительно принадлежит Патриархии²²⁰. Московская Патриархия передала Экзархату значительную сумму – свыше 9 тыс. американских долларов. Это позволило наладить питание воспитанников, одеть, обуть их, обеспечить Лицей топливом.

Однако нельзя обманываться относительно подлинного отношения советских властей к архиерею-эмигранту, автору «Расстрела Московского Кремля» и антибольшевистских выступлений в печати. Консульство, МИД и Совет по делам РПЦ давно собирали материалы, которые могли скомпрометировать Владыку. Людей из окружения Владыки арестовывали и допрашивали (в частности К. А. Караулова, о чем сообщил его сын). Неоднозначным было и отношение к Владыке в среде русских эмигрантов. Нашлись люди, которые возненавидели митрополита Нестора, некий архимандрит написал на него донос, обвиняя его в службе в японской контрразведке²²¹.

Был собран материал, газетные вырезки, брошюры, где были цветными карандашами подчеркнута все, что могло свидетельствовать против Владыки. На книге «Свете тихий» протоиерея Василия Герасимова некто написал: «Интереснейшая книга... и каких только сотрудников себе Нестор не найдет, – или по себе ищет!?» – ненависть выливалась через край. В подборку компрометирующих материалов, которые внимательно собрал враг Владыки Нестора, были вложены две открытки – фотографии парада русских фашистов, на котором присутствовал и митрополит Нестор. Изображение Владыки Нестора помечено крестиком. На обороте фотографий пометка: «В л[ичное] дело». На основании этих материалов старший инспектор Совета по делам Русской Православной Церкви Ананьев 17 марта 1948 года составляет справку, которая должна была погубить митрополита. После ни чем не подтвержденных обвинений в аморальности следуют факты, свидетельствующие о белогвардейском прошлом Владыки, подобранные неизвестным помощником: общение с Великими князьями в Крыму, пребывание в армии Колчака и пр. Наиболее сильное впечатление должны были произвести следующие строки: «Имеются сведения, что основные богатства, оставшиеся после атамана Семенова, находятся теперь в руках Нестора». Да-

лее следует предупреждение, что «Нестор стремится перебраться в Америку»²²², чего, конечно, никогда не было в мыслях Владыки.

В конце 1947 года на заседании настоятелей и церковных старост храмов под председательством митрополита Нестора было решено провести инвентаризацию храмов, которая призвана была упорядочить церковную жизнь приходов²²³. Ананьев 6 апреля 1948 года составляет секретную справку с несколько зловещим содержанием: «Митрополит Нестор издал указ № 677 от 1/ХІІ года об инвентаризации церковного имущества по состоянию на 1/1-48 года. В этом указе согласно пункта 5 Нестор требует подробнее доложить данные о верующих... Такая "комиссия" по существу занимается шпионской работой и собирает нужные ей данные о советской колонии»²²⁴. Уже 8 апреля 1948 года от Заместителя Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Бельшева Заведующему Первым Дальневосточным отделом МИД Тункину следует секретный циркуляр: «По наведенным в Московской Патриархии справкам, инвентаризация церковного имущества митрополитом Нестором проводится по собственной инициативе, и Московская Патриархия никаких директив по этому поводу не давала... Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР считает необходимым немедленно пресечь сбор каких-либо сведений о верующих и просит предложить Нестору... распустить созданные... комиссии, а собранные данные сдать нашему Консульству. Указаний по этому вопросу Патриархия Нестору не может посылать, так как по этому вопросу ей ничего не известно»²²⁵.

6 апреля митрополит Нестор пишет Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову, поздравляя с праздником 1 Мая и посылая финансовый отчет. На письме резолюция: «Уткину. Ответа не давать». По-видимому, в Москве судьба митрополита Нестора была уже предрешена.

Летом 1948 года Владыка готовился ехать в Москву на празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. 13 июня в неделю святых отец в Свято-Николаевском кафедральном соборе города Харбина после литургии был отслужен молебен перед отъездом митрополита на Родину²²⁶. А 14 июня в своей квартире на Батальонной улице он был без предъявления ордера на арест задержан китайцами «по обвинению в связи с японцами в прошлом»²²⁷. Вместе с ним были арестованы юрисконсульт и секретарь епархиального совета Евгений Николаевич Сумароков, священник Василий Герасимов и монахиня Зинаида (Бриди) в Хайларе.

Правительство Китая информировало консульство о том, что задержанному инкриминируются деяния политического характера. Два дня принимали передачи, а на третий день 22 июня передачу не приняли, и консульство было уведомлено, что заключенные освобождению не подлежат и депортируются в Советский Союз. О здравии митрополита Нестора совершались молебны в храмах.

Несколько дней его держали в подвале на полу, в ограде католического костела. Затем он был перевезен в г. Читу. К делу были приобщены вещественные доказательства – книги и брошюры митрополита Нестора и протоиерея Василия Герасимова, вырезки из газет.

Епископ Никандр, на которого были временно возложены обязанности Экзарха, и начальник канцелярии Экзархата Н. Лобас телеграфировали Святейшему Патриарху Алексию: «14 июня накануне отлета в Москву митрополит Нестор арестован харбинским правительством по обвинению в связи с японцами в прошлом.хлопоты генконсула об освобождении успехом не увенались. Епископ Никандр с 14 июня вступил в управление Харбинской епархией»²²⁸. Первый допрос Владыки состоялся 25 июня 1948 года в Читинской внутренней тюрьме. Владыка в протоколе допроса был указан как свидетель. Официально днем ареста считалось 5 июля. На первом допросе, который продолжался три часа, Владыка излагал события своей жизни до эмиграции. Записанное в протоколе можно было произнести за 10 минут. Следовательно, то, что происходило на допросе, в главном не отражено было в протоколе.

В 22 часа этого же дня Владыку вызывают на новый допрос, который был окончен в 2 часа ночи. Следователь повторяет один и тот же вопрос, состоял ли митрополит Нестор в подданстве иностранного государства. Ответ был, естественно, отрицательным, но тем не менее вопрос задается снова и снова. Далее следователь допытывается о связях митрополита Нестора с руководством Бюро Российских эмигрантов в г. Харбине. Владыка не отрицает связей с генералом В. А. Кислицыным, генералом А. П. Бакшеевым, М. А. Матковским, генералом Янагита и др. Без контактов с БРЭМ не мог обойтись ни один церковный или общественный деятель. Говорил он и о встречах с руководителем «Российской фашистской партии» – К. В. Родзаевским, с атаманом Г. М. Семеновым.

5 июля 1948 года дело было принято к производству. Начальник следственного отдела УМГБ по Читинской области подполковник Шилионов нашел, что «Анисимов Н. А., он же Нестор, Герасимов В. А., Сумароков Е. Н. и Бриди Е. П. вместе с остатками разгромленных белых армий в годы гражданской войны бежали из СССР за границу в Мань-

чжурию. Находясь в эмиграции, они на протяжении ряда лет вели активную шпионскую работу против СССР»²²⁹. В анкете арестованного среди особых примет было указано: «Левая нога не сгибается». По свидетельству Н. Георгиевского, «когда он [митрополит] вспоминал о том, как сидел в китайских тюрьмах, где подозревался как русский шпион, и ему загоняли иглы под ногти, или как в наших тюрьмах пытались согнуть его давно не гнущуюся ногу, думая, что он притворяется, слезы начинали капать из его глаз...»²³⁰

Уже на другой день Шилионов «нашел», что по делу возникли новые обстоятельства и на основании распоряжения МГБ СССР от 28 июня 1949 года дальнейшее расследование целесообразно вести в Москве. По-видимому, подполковнику срочно объяснили, что обвиняемые не читинского масштаба, а их ждут в центре.

После этого «арестованного Анисимова Н. А.» отправили на Лубянку.

Арестованные были перечислены за 2-м Управлением МГБ (контрразведовательное). 24 июля 1948 года прибыли во Внутреннюю тюрьму (т. е. на Лубянку). Первый допрос вели два следователя: начальник 6-го отдела 5-го управления МГБ и заместитель начальника 2-го отделения 6-го отдела 5-го управления МГБ СССР. Следствие велось в соответствии с практикой ведения следствия в органах МГБ²³¹. Вначале арестованному предлагалось рассказать правду о своей шпионской деятельности. Затем предъявлялось обвинение в шпионской деятельности и антисоветской работе. Митрополит Нестор свою принадлежность к разведовательной деятельности отрицает. Но вопрос задается снова и снова. Подпись «Анисимов (Митрополит Нестор)» написана с трудом, дрожащей линией.

4 августа на допросе обвиняемый митрополит признает себя виновным в том, что, «являясь по своим политическим убеждениям монархистом, великую Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно и с первых дней установления советской власти на протяжении многих лет вел активную деятельность, направленную на свержение советского строя в СССР»²³². 4 августа следователь находит, что Н. А. Анисимов «достаточно обличается в том, что, находясь в эмиграции в Маньчжурии, был связан с рядом иностранных разведок и занимался шпионской деятельностью против Советского Союза. Кроме того, в течение многих лет проводил активную антисоветскую работу»²³³. Владыку заставляют вспомнить «Расстрел Московского Кремля», участие в молебне по случаю открытия Земского собора во Владивостоке, сотрудничество в белоэмигрантской прессе в Харбине, участие в цер-

ковных соборах в Сремских Карловцах, встречи с великими князьями в Лондоне, благословение богослужений в отрядах Асано²³⁴. Некоторые абзацы допросов точно повторяются, как будто переписаны из предыдущих. Ясно, что их писали следователи.

3 декабря 1948 года следователь Степанов составляет постановление, из которого следует, что «для привлечения Анисимова Н. А. в качестве обвиняемого по ст. 58-1а²³⁵ УК РСФСР не добыто достаточных материалов», постановил пункт 58-1а исключить, оставив обвинения по ст. 58-3²³⁶ и 58-10 ч. 1²³⁷ УК РСФСР. Это же относится и к другим обвиняемым.

В постановлении Особого совещания при Министре Государственной безопасности СССР от 25 декабря 1948 года было сказано: Анисимова Николая Александровича за активную враждебную деятельность против СССР заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет, считая срок с 5 июля 1948 года. Герасимов В. А. и Сумароков Е. Н. были осуждены на 10 лет ИТЛ каждый, Бриди Е. П. – 8 лет ИТЛ²³⁸.

В 1948 году митрополит Нестор был отправлен в Особый лагерь – Дубравлаг. Особые лагеря в системе МВД были созданы Постановлением Совета Министров СССР № 416-159 сс от 21 февраля 1948 года. Эти лагеря «должны были сконцентрировать всех осужденных к лишению свободы за шпионаж, диверсии, террор, а также троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников антисоветских организаций и групп...»²³⁹ «Как жилые, так и рабочие зоны надлежало специально оборудовать, чтобы исключить возможность побега, в жилых зонах вводился режим, близкий к тюремному (решетки на окнах, запирающиеся на ночь бараки, запрет покидать барак в нерабочее время); норма жилой площади «временно» устанавливалась вдвое менее чем в ИТЛ, – 1 м. кв. на человека. Заключенных особлягов следовало использовать на особо тяжелых работах. Охрана возлагалась на конвойные войска (а не на военизированную охрану, как в ИТЛ)²⁴⁰. В таких условиях Владыка прожил семь лет.

Дубравлаг находился в знаменитых Саровских лесах, где подвизался преподобный Серафим. Владыка рассказывал, что когда-то он, будучи архимандритом, приходил к блаженной Паше, которая встретила его отборной руганью. Оторопевшему архимандриту она предсказала: «Вот, батюшка, через сорок лет ты здесь, в этих местах, другого слова не услышишь»²⁴¹. От нецензурной ругани Владыка в лагере страдал больше всего. 5 марта 1953 года умер Сталин. Многих заключенных освободили из лагерей. Просит об освобождении и митрополит Нестор.

В заявлении Г. М. Маленкову от 5 мая 1953 года он писал: «Я забуду все тяжкие невзгоды ареста, лагеря и угнетения и нигде, никогда об этом не буду вспоминать, а последние годы жизни я отдам на служение народу, Родине и Церкви в Советском Союзе. Пожалейте великодушно и справедливо меня – старца и обрадуйте Вашей милостью». 12 июня 1953 года начальник секретариата Особого совещания при МВД СССР генерал-майор В. Иванов и начальник 2-го отделения полковник Седов, рассмотрев жалобу митрополита, нашли, что «материалами дела вина Анисимова доказана, осужден он за антисоветскую деятельность обоснованно». Поэтому было решено «жалобу осужденного Анисимова Н. А. о пересмотре решения по делу оставить без удовлетворения»²⁴².

В лагере митрополит Нестор познакомился с великим святителем священноисповедником епископом Афанасием (Сахаровым), с известным евразийцем Петром Николаевичем Савицким, с архиепископом Мануилом (Лемешевским). Там же находились многие другие дальневосточные эмигранты. Священноисповедник Афанасий был горячо любим митрополитом Нестором, который считал святителя Ковровского своим духовным отцом. Письма архиереями друг к другу полны взаимной симпатии, доверия, обнаруживают большую духовную близость. Оба святителя были ревнителями церковного единства, оба трудились и подвизались во имя этой святой цели, оба были исповедниками православной веры. Письма митрополита Нестора написаны после выхода епископа Афанасия из лагеря. Первое письмо подписано: «Николай А.» Подпись: «Митрополит Нестор» грозила неприятностями для заключенного.

В 1955 году была проведена дополнительная проверка по указанию заместителя начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР. Посылая архивно-следственное дело, заместитель начальника следственного управления комитета Госбезопасности при Совете Министров СССР полковник Каллистов 19 сентября 1955 года сообщает в секретариат центральной комиссии по пересмотру дел, что в «Комитете госбезопасности при Совете Министров СССР имеются оперативные материалы о шпионской и антисоветской деятельности Анисимова Н. А. и др. в период их пребывания в Маньчжурии»²⁴³. Наконец, прокурор отдела по спецделам прокуратуры СССР старший советник юстиции Шарутин дает заключение: «Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 25/ХІІ-1948 в отношении Анисимова Н. А. отменить, снизить ему меру наказания до фактически отбытого срока и из заключения освободить. В ссылку на поселение не отправлять»²⁴⁴. Постановлением Особой комиссии при МВД СССР от 27 декабря 1955 года Вла-

дыка должен был быть освобожден без последующих поражений в правах²⁴⁵. Он был освобожден 10 января 1956 года.

Незадолго до этого впервые за восемь лет он получил право переписываться с близкими людьми. Он пишет святителю Афанасию, который был к этому времени переведен в дом инвалидов-заключенных, семье Карауловых, которых любил как родных детей и внуков, а может быть, даже сильнее. Эти письма полны умиления, смирения и невыразимой любви. Нет в них ни ропота, ни озлобления, ни уныния. Жизнь, полная страданий, настолько очистила его душу, что, кажется, ее наполнила только одна любовь, изливающаяся на всех, кто был духовно с ним связан. «О себе что могу сказать? Старик стал настоящий; донашиваю свои болезни, и уже не за горами закат моей жизни. Но за все, за все благодарю Бога и всех людей, мне близких и дорогих», – пишет он Карауловым. 13 января митрополит шлет им телеграмму: «радуйтесь освобожден еду патриарху».

За митрополитом Нестором в лагерь присылают сопровождающего, привозят облачение. По приезде в Москву Владыка служит со Святейшим Патриархом Алексием в Елоховском соборе, в тот же день едет на могилу Святейшего Патриарха Тихона в Донской монастырь²⁴⁶, в день кончины Патриарха Тихона Владыка Нестор совершает панихиду у гробницы святого Патриарха²⁴⁷.

Святейший отправляет совершенно больного митрополита лечиться в Одессу, в Успенский монастырь близ дачи Патриарха, где митрополит встречает других архиереев – прибывшего из Парижа митрополита Серафима (Лукьянова), архиепископа Даниила (Юзвюка), епископа Феодора (Текучева), вернувшегося из Америки. Епископ Афанасий писал одному из своих знакомых: «Преосвященный Нестор месяца 1½-2 находится под Москвой на даче Патриарха. По-видимому, здоровье его не важно. Говорил, нашли 12 болезней. Особенно грустно, у него один глаз совсем не видит, другой очень плох²⁴⁸».

Митрополит помогает епископу Афанасию в составлении службы Всем русским святым, рецензирует «Чин архиерейского отпевания», составленный архиепископом Мануилом (Лемешевским).

Владыка намерен проситься у Патриарха на покой. Александр Кириллович Караулов, которому довелось сопровождать митрополита Нестора на ужин у Патриарха, помнит, «что в течение всего разговора за ужином Патриарх уговаривал Владыку занять кафедру и приводил множество доводов. Позже Владыка согласился²⁴⁹».

18 июля 1956 года митрополит Нестор получает назначение на Новосибирскую и Барнаульскую епархию. Эту кафедру, объединяю-

щую почти всю Сибирь, до него занимал митрополит Варфоломей (Городцов). Заместитель Председателя Совета по делам Русской Православной церкви при Совете министров СССР пишет 3 августа 1956 года письмо уполномоченному Совету: «Во взаимоотношениях с митрополитом Нестором Вам необходимо учесть то обстоятельство, что он всего несколько месяцев [?!] находится в СССР и не знает советских условий, поэтому с его стороны возможны действия, которые не будут соответствовать нашему законодательству, относящемуся к церкви и сложившейся практике взаимоотношений церкви с советскими органами. В такого рода вопросах следует оказывать ему необходимую помощь, разъясняя существо законов и практику взаимоотношений Уполномоченного с митрополитом Варфоломеем»²⁵⁰. Свыше шести месяцев ему, как бывшему заключенному, отказывали в прописке. Даже по установлениям того времени это было серьезным юридическим нарушением, так как Владыка был освобожден досрочно, «без последующих поражений прав».

Митрополит Нестор был встречен в Новосибирске с большой радостью. Несмотря на перенесенные испытания и болезни, он ревностно взялся за налаживание богослужebной жизни, упорядочение дел в епархии. По словам А. К. Караулова, «Владыка возобновил регулярные архиерейские богослужения в Воскресенском кафедральном соборе и в кладбищенской Успенской церкви. Много ездил по епархии, бывая даже в таких местах, где никогда не проводилось архиерейское служение (например, в самом северном городе епархии Колпашево). Владыка умел придать службе особую атмосферу молитвенности и высокой торжественности. Это привлекало большие массы молящихся и, в том числе, молодежи. В службах участвовало до 20 иподиаконов, многие из которых впоследствии навсегда связали свою судьбу с церковью. Регентом был назначен Константин Павлючек (бывший регент харбинской Скорбященской церкви в Доме Милосердия), что значительно повысило профессиональный уровень хора. В соборе зазвучали произведения Чайковского, Рахманинова, Гречанинова, Архангельского, Бортнянского, Ведыля и др. Стали проводиться (2-3 раза в год) духовные концерты»²⁵¹.

Митрополит сталкивался с большими трудностями в управлении епархией. «Но есть и печальная страница нашей епархиальной жизни, – пишет епископу Афанасию. – В отдаленных приходах, куда невозможно добраться, где ездят, как на Камчатке, на собаках и оленях, там скрываются самозванцы-священники, а также и миряне и женщины служат, причащают, крестят, мажут елеем и всяким маслом, отпевают. Много сектантов, баптисты, прыгуны и прочие разлагатели верующих...

В епархии группы, ссоры, раздоры, местничество и т. п. В ответ мои послания, прещения, перемещения, заштаты и проч. ... Вот слабый фон нашей жизни. ... Все же самое отрадное – это путешествие по епархии, радость верующих. Богослужение, проповеди, беседы, попутные дела, умиротворение и награждение. Недавно объехал всякими способами одиннадцать приходов».

Владыка посещает приходы, где никогда нога архиерея не бывала и люди впервые видели епископа и его служение. Он радуется: «Встречи, радость, слезы, приветствия весьма трогательны. Слава и благодарение Богу за все! Словно я снова в любимой Камчаткушке!..»²⁵²

А. К. Караулов пишет: «В почти миллионном Новосибирске в те годы было всего две церкви. Владыка Нестор постоянно ставил перед “уполномоченным” вопрос о передаче епархии бывшего Александроневского кафедрального собора, где в те годы находилась кинокопировальная фабрика. Это не устраивало местные власти. Собор находился на центральной улице – Красном проспекте, прямо напротив Новосибирского обкома партии. Наоборот, власти требовали закрытия Воскресенского кафедрального собора (местное название – Турухановская церковь, т. к. построена она была знаменитым купцом Турухановым), а также других церквей епархии. Владыка категорически возражал.

Весть об освобождении митрополита Нестора из заключения быстро облетела весь мир. Владыка стал получать письма и поддерживать переписку с его почитателями в США, Англии, Франции, Бельгии, Австралии, Бразилии, Аргентине и других странах (я тогда собирал марки, и Владыка их для меня вырезал из конвертов). Нужно знать атмосферу тех лет, чтобы понять насколько это не приветствовалось властями.

Личность Владыки Нестора притягивала многих. Часто посещали Владыку архиереи ближних и дальних епархий. Неоднократно бывали в Новосибирске епископ Вениамин (Новицкий) и епископ Венедикт (Пляскин). Приезжали епископ Мстислав (Волонсевич), епископ Василий (Шуан), архимандрит Климент (Перестюк), будущий епископ Свердловский, и др. Посещали Владыку приехавшие в Союз многие бывшие харбинские священники и миряне.

Получали приют бывшие заключенные, сидевшие вместе с Владыкой в лагере. Принимались монахи, получившие тайный постриг в «катакомбной церкви», общение с которыми по тем временам считалось опасным, и редко кто из архиереев отваживался встречаться с ними.

До приезда Владыки епархиальное управление и архиерейские покои (епархиального и викарного епископов) ютились в двух маленьких

домиках в т. н. «частном секторе» на улице Пушкина. По инициативе Владыки было скуплено несколько соседних участков с домами и сделаны пристройки к ним. В результате резко улучшились условия работы епархиального управления, появилась маленькая гостиница для приезжих батюшек.

Раздражало власти и то, что Владыка пытался наладить работу с детьми. Помню, как в Новосибирске в Архиерейском доме Владыка устроил на Рождество (это было, я думаю, в 1958 году) утренник для детей священнослужителей, служащих епархиального управления и хора. Вслед за этим последовал окрик уполномоченного и запрет на дальнейшую работу в этом направлении.

Сам Владыка очень тяготился обязанностями епархиального архиерея. Необходимость согласования каждого своего шага с уполномоченным, отсутствие возможности заниматься милосердной деятельностью и строительством храмов очень угнетало его»²⁵³.

В 1957 году, в день пятидесятилетия пребывания в священном сане, Святейший Патриарх Алексий наградил митрополита Нестора правом ношения двух панагий. В апреле 1957 года он находился в Лавре. Иеродиакон Феодорит писал епископу Афанасию: «Не так давно останавливался у нас и служил литургию митрополит Нестор Новосибирский. Нездоров он, болеет, и почти не гнется нога, сильные одышки, усталость, но все же трудится на ниве Христовой»²⁵⁴.

Власти вскоре постарались убрать митрополита Нестора с Новосибирской кафедры. Бывший сотрудник хозяйственного управления Московской Патриархии Е. С. Громов свидетельствовал: «... его настолько полюбили и настолько он был там в фаворе у верующих, что с этим никак не могли согласиться, – его оттуда, из Новосибирска, перевели – и перевели в Кировоградскую епархию»²⁵⁵. Поводом было спровоцированное волнение среди прихожан. А. К. Караулов пишет: «В Московскую Патриархию и Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР посыпались многочисленные жалобы на архиерея. Были собрания, голосования и всевозможные акции.

В постановлении Святейшего Патриарха и Священного Синода от 8 сентября 1958 года было сказано: «...Во избежание возможных неправимых последствий, губельных для здоровья и архипастырского достоинства Преосвященного митрополита Нестора, Святейший Патриарх и Священный Синод постановляет: 1. Освободить Митрополита Нестора от управления Новосибирской епархией, с увольнением его для восстановления здоровья на покой, с жительство и служением в Жировицком монастыре Минской епархии»²⁵⁶. «Без прошения уво-

ленный на покой “по прошению”»²⁵⁷, – как писал о нем епископ Афанасий их общему лагерному знакомому, ученому П. Н. Савицкому, живущему после освобождения в Праге.

В Жировицы Владыка так и не поехал, о чем очень жалел. Он получает назначение на Кировоградскую и Николаевскую кафедру. Владыка надеялся на лучшее в этом теплом и сравнительно богатом уголке России. Владыке Афанасию он пишет, что в первый месяц своего управления он посетил 21 храм и совершал там богослужения²⁵⁸.

Он принадлежал к немногим в те годы архиереям, которые проявляли стойкость в отстаивании храмов, защите прав верующих. Это раздражало власти. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви сообщал в Совет: «Правящий Митрополит Кировоградской и Николаевской епархии Нестор и его секретарь протоиерей Барщевский предпринимают все возможные меры для того, чтобы сохранить свое влияние на общины. Оба они добиваются сохранения принудительного порядка взимания взносов из религиозных объединений в пользу епархиального управления... Оба они, а также и некоторые другие священники предпринимают меры не только к сохранению религиозных воззрений, но и к активизации этих воззрений. Эти действия конкретно выражаются в попытках проведения юбилеев в честь митрополита, в выдаче наград за активную деятельность в пользу церкви, в организации торжественных богослужений с участием нескольких священников и диаконов и др. На воскресенье 12 ноября с. г. митрополит Нестор намеревался в одной из церквей гор. Николаева устроить юбилейное торжество в честь 45-летия его архипастырской деятельности. Предполагалось, что Нестор лично будет служить литургию в сослужении большого количества священников, диаконов и хора, а затем выдаст от своего имени грамоты ряду священникам и церковным старостам за активную деятельность в пользу церкви. Узнав об этом накануне октябрьских дней и расценивая это как прямую агитацию в пользу религии, я через уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при СМ СССР по УССР тов. Пинчука Г. П. сам лично предпринял меры к срыву этой затеи»²⁵⁹.

У старосты одного из храмов были неприятности в связи с тем, что он принял грамоту от митрополита Нестора, не зная о «белогвардейском прошлом» митрополита. С кандидатами на принятие священства представители власти беседуют, отговаривая принимать сан. Наконец, вражда к митрополиту выливается в журнальную травлю и клевету. На страницах журнала «Огонек» появляется статья Т. Степанчука, где митрополит обличается в прегрешениях, которые он не совершал; упре-

ки глупые, наглые, явно недостоверные. Но пятно на репутацию архиеерея положено, и он страдает, не в силах это перенести, пишет оправдательные письма, надеясь на восстановление справедливости. Но его объяснения никого не интересовали. Все знали, как и почему делаются такие публикации.

Еще в Новосибирске митрополит Нестор по благословению Святейшего Патриарха Алексия начал писать свои «Воспоминания». По словам А. К. Караулова, в 1957 году главным препятствием в этой работе было плохое зрение Владыки. «Писал он тогда через лупу, зажмурив один глаз. В это время в Новосибирске появился Михаил Андреевич Григорьев – бывший одесский журналист, сидевший с Владыкой в Потьме... Было решено, что Владыка будет диктовать, а М. А. записывать и редактировать текст. Из этой затеи ничего не вышло. Слишком разные были стили изложения. М. А. прожил в архиерейском подворье до отъезда Владыки из Новосибирска (1958 год).

Работа была продолжена (точнее, начата заново) в 1959 году в Кировограде. Тогда Владыка, после операции видел лучше и мог сам заниматься этим. Рукопись многократно редактировалась и перепечатывалась. Работа была завершена в 1961 году»²⁶⁰.

Владыка послал «Воспоминания» Патриарху на отзыв. «Если бы была возможность, – писал он, – то никогда бы не расстался с любимыми народностями – коряками, чукчами, тунгусами, орочёнами и другими туземцами Камчатского края»²⁶¹.

В 1959 году митрополит Нестор, находясь в Москве, участвовал в восстановлении могилы архиепископа Евсевия на кладбище Новодевичьего монастыря, которая была почти утрачена. На могиле был водружен «массивный гранитный монумент с крестом и следующей надписью, исполненной вызолоченными буквами: «Высокопреосвященный Евсевий митрополит Крутицкий. Настоятель Богоявленского монастыря. Скончался 18 (31) января 1922»²⁶².

3 апреля 1960 года митрополит Нестор участвовал в епископской хиротонии Владыки Стефана (Никитина), совершенной Святейшим Патриархом Алексием, митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, архиепископом Ташкентским и Среднеазиатским Ермогеном и епископом Дмитровским Пименом (будущим Патриархом). В этом же месяце он перенес трудную операцию, после которой пребывал в Троице-Сергиевой лавре, лечился.

После лечения митрополит вернулся в свою епархию. Во время очередного посещения Москвы с ним произошел инсульт. Парализованный, он лежал в Первой градской больнице, в одной палате с простыми

людьми, а через несколько дней 4 ноября 1962 года, в день Казанской иконы Божией Матери, отошел ко Господу. Чаша о. Иоанна Кронштадтского была выпита до дна. Всего за несколько дней до кончины митрополита 28 октября 1962 года преставился ко Господу священноисповедник Афанасий (Сахаров).

Игумен Сергей (Горошенко), рассказывал, что «до последнего дня своей светлой, многострадальной жизни он не забывал нашу Камчатку и молился о ее благополучии, о людях ее, которых он любил и называл “чистыми детьми природы”».

«Дни, прожитые на Камчатке, он называл не иначе, как самыми счастливыми и яркими. И хотя после Камчатки он жил в Харбине, был в Палестине, на Цейлоне, в Индии, где также делал очень много прекрасных, добрых дел, но Камчатка у него была всегда на первом месте, куда он стремился всей душой».

6 ноября 1962 года, в день его погребения в храме подворья Троице-Сергиевой Лавры в Переделкино собралось много людей проводить в последний путь новопреставленного архипастыря. Заупокойную литургию и отпевание совершил архиепископ Можайский Леонид в сослужении местного духовенства. «В конце отпевания к гробу подошел Святейший Патриарх Алексей и произнес краткое надгробное слово, а затем прочитал разрешительную молитву и простился с почившим»²⁶³. Похоронили митрополита Нестора за алтарем. Владыка завещал похоронить его в облачении, вышитом мамой, а на могильном кресте поместить надпись «Митрополит Нестор, Камчатский миссионер». Завещание не было исполнено. Похоронен он был в обычном облачении. На кресте написано: «Нестор, митрополит Кировоградский и Николаевский».

Необычайная личность митрополита Нестора не может не привлекать людей, горение его сердца, пастырская любовь, молодость и свежесть его души говорят о том, что духовные богатства, которыми он так щедро был одарен Богом, были не расточены, а умножились им до последнего дня на своей многострадальной родной земле, где тяжелые скорби не оставляли его.

В одной из своих книг, созданных на чужбине, митрополит писал: «Много различных краев и стран все мы перевидали за эти годы изгнания, но нет ни одного края, ни одной страны, где бы мы чувствовали себя дома, ибо один у нас дом, одна отчизна, родной край – Святая Русь»²⁶⁴. Эти слова перекликаются с признанием из «Воспоминаний»: «Куда бы судьба ни забрасывала меня, с какими бы людьми ни сталкивала, я помнил о том, что я – сын моей великой Родины, добровольно

несущий святое это бремя». Не случайно имя Нестор означает: «вернувшийся домой».

Имя и дела Владыка стали известны всем, благодаря его «Воспоминаниям», неоднократно публиковавшимся в последние годы. Его любит русская православная паства. Память Владыки свято чтут на Камчатке. Через его биографию просматривается вся церковная история XX века – самоотверженное просвещение камчатских жителей, героизм военного духовничества, благотворительная работа в Харбине, горечь отрыва от Родины, сложные запутанные канонические проблемы в эмиграции, скорби вынужденного подчинения японской власти, надежды на возвращение и страшные грозовые предчувствия новых скорбей, муки лагеря, архипастырское делание в условиях хрущевских гонений.

«Апостол Камчатки», как его многие называли, митрополит Нестор, стоит в одном ряду с замечательными русскими миссионерами. Патриарх Алексей II писал: « Я с любовью вспоминаю посещение Камчатки в 1993 году по дороге на Аляску, где отмечалось двухсотлетие православия на американской земле. Тогда я воочию видел те труды, которые были совершены нашими славными великими предшественниками: Святителем Иннокентием митрополитом Московским, митрополитом Нестором и другими подвижниками, которые просвещали светом Христовой веры эту землю и народы, которые живут на Дальнем Востоке и в русской Америке. Память об их подвиге сохраняется, и мы должны помнить о них, потому что их пример должен вдохновлять нас продолжать их дело, их служение, их подвиг»²⁶⁵.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОЧЕРКИ КАМЧАТСКОГО МИССИОНЕРА

ИЗ КАМЧАТКИ

Волею Божией, благословением и назначением Его Высокопреосвященства архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия я летом 1907 года отправился на далекую Камчатку, в Гижигу настоятелем и миссионером Корякской походной миссии. С первых же дней моего служения мне пришлось пережить немало как горьких, так и отрадных моментов, которые оставили во мне неизгладимый след на всю жизнь. Позволю себе рассказать читателям как о своей новой пастве, состоящей из русских, а также инородцев – тунгусов, чукчей, коряков и других, – так и о первых шагах своего служения.

В первой половине августа 1907 года от проливных дождей и от горных потоков в Гижигинском уезде случилось большое наводнение, причинившее много бед и русскому населению, и инородцам: смыло все запасы пищи и корма для собак, снесло поварни (хатенки), юрты, унесло зимние одежды у многих инородцев; к тому же от местечка Гижиги до границы Охотского уезда был недоход рыбы. Инородцы, пострадавшие от наводнения и лишенные рыбы, не имеют также и оленей, а следовательно, лишены возможности заняться охотой и не имея для прокормления своих семейств оленины, обречены на голодовку, болезни и вымирание. Такое положение вещей заставило меня тотчас же по моем прибытии в местечко Гижигу послать Его Высокопреосвященству рапорт с почтительнейшей просьбой о разрешении сбора в церквах Владивостокской епархии в пользу голодающих, причем Архипастырь, будучи всегда отзывчив к нуждам ближних, и в этом печальном случае первый подал помощь своей пастве, милостиво разрешив сбор в церквах на голодающих гижигинцев инородцев. Но зная, что Владивостокская епархия не сможет, по своей малолюдности, дать необходимой суммы, а также не надеясь на такую помощь от гражданского начальства, я написал письма горячо любящему меня Преосвященнейше-

му Андрею, епископу Мамадышскому, и о. Иоанну Кронштадтскому, в которых (письмах) описал тяжелое горе, постигшее мою паству, и просил помощи. Как Владыка Андрей, так и о. Иоанн, много утешавшие меня своими советами и драгоценными пожертвованиями для церкви еще пред моим отъездом на Камчатку, и на этот раз утешили, воодушевили и ободрили как меня, так и мою паству своими пожертвованиями и утешительными посланиями. За несколько дней до моего отъезда из Казани на Камчатку о. Иоанн прислал мне священническое облачение и свою фотографическую карточку с благословением ехать на Камчатку. На карточке он написал молитвенные слова: «Благословляю на великий подвиг миссионерства на Камчатку, да явится в тебе благодать Божия, немощных врачующая. Целую тебя братски. Протоиерей Иоанн Сергиев». Зимой я получил в Гижиге новое письмо от о. Иоанна следующего содержания: «Отец Нестор! Дерзай и уповай пред Лицем Пославшего тебя на апостольскую проповедь. Терпи, как Апостолы, уповай на помощь Божию, утешай новую паству твою надеждой жизни вечной. Переводом посылаю тебе четыреста рублей на голодающих. Протоиерей Иоанн Сергиев. 19 октября 1907 года». Конечно, такое доброе и сердечное письмо досточтимого пастыря, о. Иоанна, вызвало слезы радости и благодарности как у меня, так и у моей паствы и тем отерло и уничтожило слезы, проливаемые от голода и холода. В марте месяце я получил от него посылку, в которой были все его сочинения и поучения и чай с надписью на обложке – «освященный», который я раздал голодающим инородцам и русскому населению, и рады все они были разговеться этим чаем на Святую Пасху. Владыка Казанский Андрей, мой учитель и духовный старец, напечатал во многих газетах мои письма к нему из Камчатки и взывал к добрым людям о помощи голодающей моей пастве, оказав и свою архипастырскую помощь. На статьи Владыки Андрея и на любезное внимание редакций газет: «Казанского телеграфа», «Колокола», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Света», «Почаевского листка» и других, взявших на себя труд собирать пожертвования и отсылать мне в Гижигу, – отозвались и отзываются многие добрые люди и протянули руку помощи во имя Христа на далекую, всеми давно забытую Камчатку с ее насельниками, простодушными детьми природы – инородцами. Таким образом, печаль наша мало-помалу обращалась в радость.

Для того чтобы дать некоторое представление о состоянии голодающих, вкратце опишу встречу с одной голодной старухой-тунгуской, матерью многочисленных детей. Отправляясь с посильной помощью к голодающим тунгусам и с требами, я остановился в селении Наяха-

но, где неподалеку были сгруппированы голодающие семьи тунгусов в количестве двухсот человек, причем питались пищей «болтушкой», состоящей из смеси нерпичьего жира с водой. Завидев еще издали мое приближение, тунгусы, в свою очередь, быстро стали приближаться ко мне для принятия благословения. Благословляя их, я слышал какой-то неистовый крик. Оглянувшись назад, я увидел в шагах сорока от себя группу людей, ведущих под руки старуху тунгуску, надрывающую свой голос от крика. Когда старуху подвели ко мне, я увидел, что она, упав на землю, дико смотрела на меня, и слезы по ее щекам катились густыми, грязными каплями. С помощью переводчицы – одной русской старушки – я узнал, что тунгуска обрадовалась батюшке (мне) и кается ему, что они потому так голодают, что обманывали Бога, занимаясь шаманством, и что она сейчас с многочисленной семьей умирает с голоду; бедная старуха, видимо в каком-то припадке от голода и от тяжелого болезненного состояния души и тела, валялась по земле, кричала до надрыва голоса, била кулаками себя по лицу и в грудь, ломала руки и даже в полном умопомрачении обнажалась, срывая с себя лохмотья. Я поспешил дать ей сухарей, и она с жадностью, выкатив глаза и разинув до искажения рот, стала глотать их, предварительно обвалив их в земле, слизывала крошки с земли, затем, подзвав своих детей, пять человек, и старика, полуслеплого мужа, она по-прежнему с криком и болезненными судорогами своими руками вталкивала в рты детей куски сухарей, вынимая из своего рта; указывала детям на меня, крестилась, крестила детей, нагибая их головы для поклона мне, и кричала: «Кристос вукрес, аманза мутни (ты нам отец)», – когда же я дал ей плитку кирпичного чаю, то она начала его грызть, пока не отобрали у нее.

Выражение изможденных, бледных и сухих лиц этой голодной семьи и вообще всех голодающих невозможно описать, к тому же два сына у этой старухи немые идиоты, один девятнадцати лет, а другой еще старше. И, смотря на сотни людей, одетых в рубище, голодных, и утешая их добрым Божиим словом, я переживал самое ужасное состояние души, особенно сознавая, что нет средств, нет возможности утолить голод всей этой толпы.

Поездки к инородцам я совершал на нартах, запряженных собаками от двенадцати до двадцати, и на нартах, запряженных оленями от двух до четырех. Первое время меня укачивало от этой езды, но затем я привык. Хорошие собаки бегут в час до двадцати верст. Устройство нарты такое, что едущий должен находиться в ней в лежачем положении, как в гробу, а устроив подпорки позади нарты, можно и полусидеть. Во время своих поездок я всегда лежа читал книги, а каюр¹, сидя боком

на передке нарты, т. е. на моих ногах, управлял собаками. Если нужно повернуть вправо, то он кричит собакам: «хр, хр, хр», – гортанный звук, который нельзя точно изобразить на бумаге; если влево, то: «под, под, под», а если нужно остановиться, то каюр кричит: «тай, тай» или просто останавливает нарту остолом². После каждой остановки каюр, исправив на собаках алыки – упряжь и дав им немного поваляться по снегу и поесть его, кричит: «хах, хах», и собаки с новыми силами несут тебя по снежной пустыне. Для ободрения собак каюр часто или присвистывает, или кричит: «о, робаты!» (о, олень!), и собаки, поверив ему, во весь опор несутся вперед; а если они действительно завидят какого-либо зверя или учуют дух его, то с адской силой несут нарту по направлению к учуянной жертве, забыв о своем каюре и пассажире. В таких случаях нарта иногда опрокидывается, а пассажир и каюр вылетают из нее в снег, так что облегченные собаки еще с большей силой убегают вперед; и горе, и беда, когда в мороз и пургу путник остается один среди снежной пустыни. На оленях езда лучше, хотя устройство нарты олень крайне неудобное – нужно сидеть верхом на ней, но зато олени чистые и во время поездки более приличны и опрятны, чем собаки, наевшиеся юколы³. Приходилось ездить и верхом на лошади; они все там полудикие, так как зиму и лето бегают на свободе в тундре, отыскивая себе корм. Не могу без неприятного ощущения вспомнить о деревянных седлах: сколько ни накладывай на них подушек, все-таки после поездки похворает. Однажды, испугавшись дикого табуна лошадей, моя лошадь понесла меня во весь опор по тундре, выделывая разные скачки и прыжки, отчего мое седло скатилось на правую сторону, а правая нога осталась в стремени, и я долго в таком положении тащился по земле, попадая руками и головой в болотные рытвины; когда же лошадь забежала в глубокое болото и завязла, то я, перекрестившись, выпутался из стремени и, переступая по колено в болоте, опять выбрался с лошадьёю на проезжую кочковатую и узенькую тропинку. Пришлось идти пешком и вести за собою лошадь, так как, избитый кочками, я не в состоянии был вновь сесть на нее.

Инородческую мою паству, как я уже сказал, составляют тунгусы, коряки и чукчи. Тунгусы почти все уже крещены, коряков крещеных очень мало, а чукчей почти нет крещеных. С последним народом в этом году мне пришлось встречаться очень мало, так что о чукчах умолчу. Тунгусы мне очень понравились – простой, доверчивый народ. По жизни – это дети природы; проводят жизнь безотчетно, не отделяя худого от хорошего. Многие крещеные тунгусы, за отсутствием священников и миссионеров, не оставляли шаманства и языческих привычек. Ясного по-

нятия о Боге, о жизни будущей крещеным тунгусам никто, видимо, не дал, так как они одинаково призывают в молитвах: «Бог, храни меня, Матерь Божия, храни меня, Николай, Иннокентий, Улита, Прокопий, Илья, Новый год, храните меня» (тунгусы говорят: Пронька, Илья и т. д.), – и вообще на мои вопросы о Боге во многом затруднялись дать ответы; молитв никаких не знают ни на русском, ни на тунгусском языках, очень немногие тунгусы говорят по-русски, и то весьма худо. Прожив год, я, по милости Божией, немного научился говорить на инородческих языках самые необходимые фразы. С помощью некоторых тунгусов и русских людей я перевел на тунгусский язык молитву Господню, необходимые для них наставления, ектении, две главы Евангелия о Крещении Господнем и о Воскресении Христовом, заповеди блаженств и т. д. Неудобство заключается в том, что тунгусы разделяются по родам, как, например, Уяганский, Долганский, Гижигинский и т. д., и в каждом роде свое наречие, хотя многие слова сходны. Переводы мои, с благословения Архипастыря, в настоящее время напечатаны. Нахожу также крайне важным и необходимым научить инородцев русскому языку, грамоте, Закону Божию и молитвам. Когда при совершении служб и треб в тунгусских юртах я читал на их языке Евангелие, молитву Господню, говорил наставления, то они до такой степени умилялись, что вслух выражали свой восторг, повторяли за мной слова молитвы и Евангелия, крестились и плакали, чем несказанно утешали меня, приходилось повторять мне свое чтение многократно. Говорили, что они в первый раз слышат все это, и удивлялись, как-де батюшка в первый раз нас видит и мы его, а уже говорит нам все на нашем языке, а раньше мы никогда не слыхали ничего подобного. Не могу умолчать о весьма прискорбном факте отпадения некоторых крещеных инородцев от Церкви: впрочем, дальнейшее отпадение, по милости Божией, мне удалось предотвратить, теперь инородцы мне выражают свое доверие и полную преданность. Дело в том, что по первом моем приезде тунгусы встречали меня с недоверием и даже, судя по выражению их лица, с какой-то злобой и ненавистью; при входе в одну юрту несколько пар тунгусов с тунгусками заявили мне, что русский Бог сердится, русский батюшка на них сердится и что они будут шаманить и держаться старой языческой жизни, так как их не хотят повенчать, и что некоторые из них уже десять лет живут невенчаные, потому что даром и в долг батюшка их не венчает, а уплатить, как просит батюшка, они не в состоянии из-за того, что давно уже голодают, бедствуют и ничего не имеют, кроме своего рублища. Скорбя и сожалея о тунгусах и их положении, я не мог не скорбеть и о положении семейных священни-

ков, которые получают всего 40 рублей 84 копейки в месяц, а на эти деньги, особенно в таком краю, как Камчатка, жить невозможно. Когда же обвенчал этих тунгусов, окрестил детей, поговорил с ними, то они успокоились. Любят и радуются тунгусы и их дети, когда их обласкаешь, поцелуешь в голову и дашь кусочек сахара. Нравится им служба в юртах, облачения священника, мою мантию называют большой куклянкой, внимательно следят за службой и за каждым моим движением.

Устройство юрт у тунгусов проще, нежели у коряк. Неоднократно мне приходилось ночевать в них. Главное неудобство этого ночлега состоит в том, что, одевшись в куклянку, ложусь на мерзлую землю, причем с одной стороны припекает неугасимый костер в юрте, а с другой холодит от беззащитной стены. После нескольких ночей долго чувствуется ревматическая ломота во всем теле. Питаться в юртах приходилось из тунгусских плошек, при мне же вытертых подолом куклянки, а в случае насохшей грязи заботливая тунгуска тщательно ее смывала своей слюной. В котле варили мне кусочек мальмы¹ (по-тунгусски «мундушка»), конечно без соли, если не привезешь с собой. Всею провизией, какую бы я ни привез с собой, я должен поделиться со всеми присутствующими в юрте, хотя по крошечке сахару или сухаря и т. д., а в противном случае они очень обидятся и никогда не забудут «скопого». Иностранцы так привычны к морозам, что дети голые бегают возле юрты на морозе и, забежав в юрту к костру, чтобы немного обогреться, опять убегают на мороз; а новорожденное дитя мать обмывает снегом, и снег для тунгусского ребенка служит постоянной ванной. Прожив в юрте, волей-неволей увозишь оттуда миллиарды насекомых. Когда приезжаю к тунгусам с требами, то они из нескольких юрт составляют одну большую, и в ней свободно помещается двести человек, не считая детей. По окончании треб, пред отъездом на месте причащения иностранцев я ставлю крест, который заказываю соорудить раньше самим тунгусам; юрта сейчас же после службы разбирается, и крест остается тут навсегда памятником. Когда я уезжаю от них, то они расстаются со мной с грустью, старушки плачут, все кланяются мне до земли, берут благословение и стоят на коленях, осеняя себя крестным знаменем до тех пор, пока не скроюсь из виду.

Совершая требы, приходилось венчать сразу свадеб по девять-десять, вместо венцов шафера держали над головами иконы. Крестить приходилось также младенцев по восемь-девять сразу, причем они плачут и кричат так, что трудно читать молитвы. Некоторых детей приходилось крестить очень большими – трудно поднять их на руки, а сами они капризничают, боясь идти в купель. Кому сколько лет, иностранцы не зна-

ют; когда родился, определяют по дням особо чтимых святых до и после: например, на вопрос, когда родился, – тунгус отвечает «после Пронькин день» (Прокопия) или Мариин и т. д. Когда тунгусы просят отпеть своих умерших родственников, погребенных где-либо в тундре, то кладут на панихидный столик маленький камушек, а после отпевания этот камушек зарывают в могилу умершего. Праздники большие тунгусы знают и определяют по своему календарю, состоящему из доски, на которой проверчены дырочки и черточки, заменяющие дни, числа и месяцы. Живут они между собой очень дружно, любят свои семьи, нравственностью не отличаются, живут бессознательно; народ неопрятный, ленивый, много среди них сифилитиков. Тунгусы более бродячий народ, хотя есть и оседлые, занимающиеся оленеводством, рыболовством и охотой; много тунгусских юрт в настоящее время не имеют оленей, а потому не имеют возможности заниматься охотой. Кочуют они больше в горных хребтах. Мне пришлось быть у тунгусов на Вархаламе, на Гарманце, на Наяхане, в двух станах за селением Крестовое. Когда же они бывают в местечке Гижиге, то обязательно приходят в церковь к службе, а после нее долго и внимательно любуются убранством церкви и ее благолепием. Они во главе со своими старостами обратились ко мне с просьбой, чтобы поставить им часовню за селением Крестовое, куда все они собираются для поста и треб; но сами они на это не имеют средств. Поставить там часовню, действительно, необходимо, так как совершать богослужение и требы приходится в юрте, в едком дыму, полумраке, холоде, тесноте и при других неудобствах.

Коряки в моем миссионерском округе состоят из оседлых и кочующих (бродячих). Особенно густо населено коряками место Тайганос, где живет знаменитый коряк-язычник по прозванию Король, а по имени Евъятгим, имеющий до девяти тысяч оленей. Весь Тайганос подчиняется ему; он доверяет своим родственникам и соседям корякам большие табуны для пастбища и для охоты; все, что бы ни приказал Евъятгим своим тайганосцам, они исполняют беспрекословно. Сестра его корячка-язычница Еплена хотя живет и в юрте, но старается подражать жизни русских людей: каждый день умывается, даже мылом, очень опрятна, носит кофты, гребенки, имеет зеркало, стол, чашки, плошки и т. п. Это единственная корячка-язычница, которая живет по-русски. Как Евъятгим, так и Еплена бывают у меня в Гижиге. Евъятгим особенно любит беседовать со мной о Боге, о будущей жизни и т. п. Человек он весьма неглупый и говорит обдуманно: на мое предложение креститься Евъятгим ответил мне после долгой нашей беседы следующее: «Верно ты, батюшка, говоришь, что твоя русская вера истинная, я согласен,

потому ваш Бог светлый, добрый, а наш бог злой, черный, с рогами, и наш бог работник вашего Бога, ваш Бог хозяин и сильнее нашего; но если я крещусь, то наш бог рассердится на меня и разгонит всех оленей, как было когда-то с тунгусами». Я убедил Евъятгима, что они тяжело заблуждаются, признавая богом нечистую силу; объяснил ему о жизни христианской и о жизни языческой, сравнил ту и другую, указал на сонм святых, удовлетворил его любопытство относительно икон, когда он начал сравнивать их с языческими божками, объяснил жертву Богу христиан и сравнил с жертвой коряков-язычников своему богу. Коряки ставят возле юрт на палках собачьи головы – это их жертва, иногда убивают даже самую лучшую собаку-возницу, кладут табак или папиросу где-нибудь возле холмика, это тоже жертва. Все, что я рассказал, Евъятгиму очень понравилось, и он согласился, что я прав в своей христианской вере, но что он, любя своих предков, не согласен нарушить их завещание – крепко держаться веры и обычаев корякских, даже в том случае, если по смерти он будет в аду, то все же не один, а со своими предками. Еще в другой раз Евъятгим сказал мне, что если Царь, архиерей или губернатор пришлет бумагу, что надо креститься, то тогда он крестится. Еще одно соображение высказал мне по поводу того, что ему нет смысла креститься. Спросив меня, как должны жить христиане, что хорошо делать, а что худо, он ответил мне, что «христиане-то русские люди сами живут худо, не по-христиански, да и нас-то учат больше худому, чем хорошему; например, ты говоришь, батюшка, что пить худо, а кто нас научил, как не русские? И мы теперь любим пить, потому что весело и хорошо, только после голова болит. Ты говоришь, развратничать худо, грех, а русские-то что делают? Вот ты приехал и, как я слышал, запрещаешь пить и курить, в церковь гонишь, и все тебя бояться стали, а раньше и я пил вместе с ... он очень добрый, а ты даже рюмки не подашь, скупой. Покажи, батюшка, хоть одного русского человека, который живет по-христиански?» В таком роде разговор у нас заходил далеко и надолго. Евъятгим скоро полюбил меня, доверился и обещал десятилетнего сына привезти мне для обучения, но, как я слышал, мальчик-коряк очень боится оставаться жить в Гижиге без своего отца, и едва ли удастся мне обучить этого королевского сына-коряка. По поводу крещения тайганосских коряков Евъятгим сказал, что если он крестится, то и весь Тайганос тоже крестится, а если нет, то и Тайганос не будет креститься. По моему мнению, тайганосские коряки скоро вымрут, так как там все больны сифилисом, не исключая и Короля Евъятгима, а у иных этот сифилис, видимо, перешел в проказу; например, мне встретилась старушка, у которой нет уже глаз, носа, а вместо

рта где-то в щеке на боку дыра, все тело в язвах, в сухих отваливающихся коростах, тяжело смотреть на живые разлагающиеся трупы, и никакое лечение им не поможет. В Гижигинском уезде есть горячие Таватумские серные ключи, где сифилитики купаются, но очень редкому помогает, – видимо, у инородцев сифилис переходной, родовой и застарелый, потому и неизлечимый. Во время постигшего Гижигинский уезд несчастья Еввятгим откликнулся на призыв о помощи голодающим: пожертвовал тунгусам сто штук оленей для пищи и несколько оленей уступил по дешевой цене – три рубля за оленя. Чтобы спасти инородцев на будущее время от голода, отчасти от болезней и массовых вымираний, я решил всех, которые не имеют оленей, сделать оленьими, дать на каждую юрту минимум по двадцать оленей, тогда они будут работать, добывать пушнину, разводить оленей, охотиться и не будут голодать, но на это нужно все же 10 000 рублей денег. Общую сумму пожертвований из России я сейчас не могу определить, так как большая часть пожертвований отправлена ко мне в Гижигу на пароходе «Цинтау», с которым я встретился в Охотске, и не знаю достоверно о целостности посылок и денег жертвователей, так как «Цинтау», найдя на Охотские бары, для спасения и облегчения себя с пассажирами, выбросил весь груз в море, где между прочим выброшены свечи, церковное вино и масло, всего на сумму семьсот рублей, выписанные мной для Гижиги из Свято-Троицкого Уссурийского Николаевского монастыря. По получении всех пожертвованных денег и посылок я в Гижиге составляю общий отчет и разошлю в редакции: «Колокола», «Казанского телеграфа», также в «Санкт-Петербургские ведомости», «Свет» и «Почаевский листок» с выражением благодарности добрым людям, откликнувшимся на мой призыв о помощи голодающим инородцам. В настоящее время могу только представить тот список жертвователей, который у меня на руках, а именно: в Охотске я получил от Московского генерал-губернатора Гершельмана 1000 рублей с телеграммой следующего содержания: «телеграмма от московского генерал-губернатора губернатору Якутскому от 11 сего февраля. Московский генерал-губернатор просит отправить Гижигу Камчатку миссионеру иеромонаху Нестору тысячу рублей, пожертвованных Марией Морозовой, переводимую телеграфом. Гершельман».

35 рублей с копейками из Владивостока от причта кафедрального собора, 21 рубль из Москвы, от Долгинской, 15 рублей от А. И. Шмейль, 4 рубля 84 копейки из Тифлиса от Ермовой, 6 рублей от священника Фигурова Нижегородской губернии, 8 рублей от редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», 10 рублей из Козлова от Спас-

ской, 5 рублей из обители преподобного Тихона Калужского от Шмакова, 3 рубля из Керчи от протоиерея Экземплярского.

Много для голодающих сделала моя мамаша и с своей стороны, и чрез обращение к своим знакомым и многим другим для пересылки мне пожертвований. Отзывчивость из России на мое горе и горе инородцев много ободрила меня, воодушевила, подкрепила и придала новую энергию для дальнейшей моей жизни и службы в далекой холодной темнице Камчатской, среди диких инородцев-язычников. Радуюсь за Россию, что есть еще много добрых, искренних человеческих сердец, готовых отозваться на нужды и беды далекой окраины нашего отечества. Искренне выражаю свою благодарность жертвователям для моих дорогих ни с чем не сравнимых детей природы, простых инородцев – христиан и язычников. Не теряю надежды, что добрые люди не оставят без внимания мою дорогую Гижигу в случае могущих явиться и являющихся нужд, вроде постройки часовни-школы и церквей среди инородческих селений, на которые совершенно нет средств, а нужда неизбежная. Миссионерское же общество⁵ не только не может удовлетворить всех наших нужд, не имея больших средств, но, к сожалению, вынуждено даже прибегать к ежегодным убавлениям сметы на миссионерское дело.

При всем моем желании помогать бедным тунгусам и корякам из своих личных средств я это сделать не в состоянии. Я получаю жалованья 40 рублей 84 копейки в месяц и разъездных 200 рублей с небольшим в год, живу в местечке Гижиге на квартире в хатенке, за которую плачу добродушным хозяевам 30 рублей в месяц со столом, 10 рублей плачу прислужникам в церкви; при поездках по инородцам плачу по 6 копеек с версты за нарту, а менее двух нарт брать нельзя, разъезды же на 1000 верст. Гижига населена беднотой; сиротам, оставшимся после свирепой эпидемии, бывшей в местечке Гижиге в 1901 году и унесшей на тот свет всех стариков-родителей, – нет числа, много бессильных больных, беднейших старух, сирот, кроме того бедных, голодающих инородцев до 400 человек, не говорю уже о многих других мелких нуждах. Что же делать, где взять? А ведь я их отец духовный, называюсь отцом и всех сирот, я их пастырь; они еще пока очень любят меня и каждый день приходят ко мне с нуждой – я неоплатный должник пред своей бедной паствой.

Шаманством занимаются как коряки, так и корячки. Сначала они съедают по три мухомора (ядовитые грибы) – два маленьких и один большой, затем вскоре пьянеют, начинают бить в бубен, скакать, кружиться до полной потери сознания, так что идет изо рта пена; шаман падает в изнеможении и все еще судорожно бьется по полу и дико кричит;

затем, по их рассказам, начинается ему откровение от дьявола, где дьявол говорит шаману все, что ему нужно знать, и даже предсказывает будущее. Между прочим, многие коряки и Евъятгим рассказывали мне, что они во время этих сеансов и после принятия мухоморов видят иногда и русского светлого Бога, так что даже глаза не выносят такого света; а иногда видят светлого русского старичка, по описанию наружности похожего на Святителя Николая, а один коряк, даже зайдя за мной в церковь и увидев большую икону на холсте Святителя Николая, говорит, что он видел именно его, только во весь рост. Коряки более предприимчивый, живой народ, чем тунгусы; честные, добрые, не так ленивы, но неопрятны, нечистоплотны, больные, почти все любят пьянствовать и едят мухоморы. Занятия их: охота, рыболовство и оленеводство. Коряки встречаются и богатые, имеющие большие табуны оленей, как, например, Паткичин, Евъятгим, Еплена и др.; есть коряки, хорошо говорящие по-русски, например два брата, живущие близ Гижиги, Капка и Тыккала. Капка изъявлял желание креститься, но его старик отец не хочет и слышать этого.

Корякская юрта мудренее тунгусской. Чтобы попасть в юрту к корякам, нужно взобраться сначала на невысокую снежную гору. Вершина этой горы представляет из себя воронку с углублением внутрь в юрту. И внутри горы выходит в это углубление деревянный столб, так что желающий спуститься в юрту садится верхом на стоящий столб, обхватывает его руками и со страхом спускается в юрту, рискуя попасть в костер, который горит возле этого столба, а дым выходит в ту же дыру-трубу, которая и служит парадно-черным входом в нее. Пока спускаешься в юрту, переживаешь много неприятного и разных страхов; дым ест глаза, слезы льются градом, чихаешь и кашляешь от переполнения носа и рта тем же дымом, столб еще более страшит от непрочного укрепления и шатания; внизу огонь, отчего столб покрыт чуть не на вершок сажей, копотью, так что при опускании без перчаток угрожает грязными занозами. Первый разговор, конечно, начинается о только что пережитом страхе и устройстве их юрт. Один коряк, после того как я спустился в его юрту, говорит мне: «Вот, батюшка, я слышал об аде, где, говорят, будут так же худо жить худые люди, как мы сейчас живем в своих юртах, а нам так очень хорошо здесь, мы и в аду не боимся, будем как дома; а в раю-то мы испачкаем всех, да и там худо, пьяниц не будет, а в аду, говорят, они будут; я тоже пьяница, так я с ними и хочу быть». Но когда спустишься в такой ад, весь страх проходит; сидишь на земле в обществе коряков-язычников спокойно, вдыхая в себя убийственный воздух юрты и тотчас же атакуемый множеством скачущих зверь-

ков; о предстоящей вылазке чрез огонь и сажу по столбу из ужаснейшей юрты боишься даже и подумать, зная, что тут требуется гимнастическое искусство, с которым я не знаком. Но предупредительные хозяева-коряки в подобных случаях сами являются на помощь. Они встают друг другу на плечи и подсаживают меня на первого; с него я со страхом перебираюсь по спине другого коряка выше, тот подсаживает меня руками на столб, и вот я, обтирая грязный столб своей куклянкой, с замиранием сердца ползу кверху с прежним кашлем и чиханьем; когда же вылезу на Божий свет, так сам себе не верю, что я был в этом поистине аду. Инородцы не могут жить без табаку, как мужчины, так женщины и дети. Табак они курят из трубок, толкают его в нос и даже в рот, высасывая из него всю крепость и яд. Высокими нравственными качествами коряки тоже не отличаются, женятся на родственницах; обряд сватовства и свадьбы весьма простой. Коряк, желающий жениться, живет в юрте той семьи, где наметил себе невесту, и даром работает на эту семью, пасет табуны оленей у хозяина этой юрты. Если невеста согласна выйти замуж за работника, то в то самое время, когда он снимает с ног торбаса, девушка поднимает их с полу и прибирает их; этот момент и есть обряд сватовства; после этого погостят, попьанствуют, если есть чем, и молодые уходят или в свою юрту, или остаются тут же. Покойников коряки, одев в белую куклянку, торбаса, малахай, в руках с предметами рода занятий при жизни, сжигают на костре. Они устраивают и праздники. К известному дню съезжается много коряков из других отдаленных юрт и несколько дней подряд гуляют, угощаются, пьют, устраивают гонки на оленях и т. п. Среди коряков и тунгусов никогда не бывает крупных ссор, драк, убийств и воровства. Живут они миролюбиво, дружно, и заезжающим в эти далекие окраины русским людям следовало бы поучиться мирной жизни у этих диких, но добродушных инородцев.

Познакомившись ближе со своей гижигинской паствой, я вскоре же по приезде в Гижигу нашел, что первый год мне необходимо больше жить среди русского населения для устройства более правильной церковной, общественной, семейной и школьной жизни. Мой предшественник бывший настоятель Гижигинской Спасской церкви, ныне заштатный священник, разбитый болезнями и перед моим отъездом из Гижиги потерявший рассудок, в бытность свою настоятелем не вникал ни во что и даже, по слабостям своим, не стеснял население в свободной в нравственном отношении жизни; к тому же администрация – начальство Гижигинского уезда тоже стояло далеко не на высоте своего призвания; бывший начальник округа г. В. за свои дела в настоящее время

уволен в отставку и находится под следствием. Впрочем, население гижигинское нельзя строго осуждать за упадок в нем нравственности, так как, действительно, люди, стоявшие во главе населения и обязанные подавать пример всего доброго своим подчиненным – простым людям, не выдавшим ничего, кроме своей Камчатки, – напротив, сначала распустились сами, а затем приучили к разнузданности и некоторых гижигинцев.

Гижигинский приход я принял в весьма печальном положении во многих отношениях. Самое здание церкви я нашел в весьма неприглядном виде. Ограда церковная развалилась совершенно, внутренность церкви была запущена так, что едва можно было разобрать лики на иконах, иконы были только в иконостасе, да три небольших висели на правой стене в беспорядке; потолок, стены храма от копоти и грязи казались выкрашенными черной краской, алтарь был в полном запущении и загроможден разбитыми иконами и ящиками с разными книгами, иконами, сосудами, разными обломками и тряпьем; каменная единственная в церкви печь не отапливалась, утварь и ризница в самом плачевном состоянии; письмоводство в запущении, архива церковного не существовало, а все старые истрепанные дела валялись по углам алтаря и на квартире бывшего настоятеля; неподшитые метрические документы находились частью в церкви, а частью тоже на квартире священника, так что за целость их не ручаюсь. Казна церковная принята мною более с долговыми расписками от бывшего настоятеля. Служба в церкви бывала весьма редко, по рассказам жителей, даже в Святую Троицу и то обедни не было, а бывали иногда часы. Служба совершалась в более удобное время для священника; поучений, бесед никогда не велось, священник служил сбивчиво по слабости и по случаю потери памяти, к покаянию и причащению приступали далеко не все прихожане, псаломщики не знали своего дела и не исполняли. В пастырском отношении пастырь далеко отстоял от паствы; ясного понятия о богослужении, о Церкви, о житии святых многие не имели. Церковная жизнь замирала, глхла и никем не поддерживалась. При упадке церковной жизни не отличалась нравственностью, благочинием и благоустройством и общественная жизнь в местечке Гижиге. Говорить что-либо доброе в пользу гижигинского общества не решаюсь. Все гижигинское общество разделялось на два кружка, на так называемый интеллигентный и простой кружок мещанско-казачий. Во главе интеллигентного кружка стояло начальство. От скуки и безделия эта компания больше всего занималась непрерывной денно-нощной картежной игрой; иногда игра в карты продолжалась и по три дня, так что время церковного пра-

здничного богослужения уступало свое место пустому проведению за картами, нетрезвыми увеселениями, вечерками и т. п. Женщины, как мне передавали гижигинцы, не имели понятия о водке до тех пор, пока в Гижиге не появились лица, власть имущие, которые приучили скоро и женщин к своим вредным и пагубным привычкам. От скуки и лени общество занималось грязными, злыми сплетнями, чрез то ссорились и опять при удобном случае на время мирились. Кружок мещанско-казачий, конечно, отчасти подражал интеллигенции.

Доброй нравственностью почти никто не отличался: лень, сон, безделье, пустые сплетни, хождение по соседям, курение табаку (табак курили не только мужчины и женщины, как и у инородцев, но даже и дети – мальчики и девочки), вечерки – вот что бросалось в глаза. Работать там не привыкли, даже для отопления своих изб хозяева не запасали дров и ездили через два или три дня в ближайший кустарник-лесок и собирали там топливо; благодаря лени и безделью, конечно, и голодали многие семьи, а иные, нажив дурную привычку, ходили каждый день по домам и выпрашивали себе «взаймы» хлеба, оленины и т. п. Такая общественная мрачная жизнь в местечке Гижиге отражалась и на семейной жизни. Бывшая в 1901 году эпидемия кори унесла на тот свет всех стариков отцов и матерей, и сейчас остались одни молодые семьи, не умеющие жить и не имеющие руководителей. После эпидемии осталось много бесприютных сирот, которые тоже скоро спознались со всякой безнравственностью. Не менее жутко бывает и тогда, когда на вопрос, чей сын или чья дочь, дети, не зная главы семьи, затрудняются дать ответ; а незаконнорожденных в местечке Гижиге очень и очень много. Горе большое и в том, что заезжие люди из России, прожив год, два и более, заводят побочную семью, а потом уезжают, оставляя нищенствовать кучу ребят. Большинство матерей в Гижиге грудью своих ребят не кормят, молока же коровьего достать нельзя, кроме как летом, а дают младенцам сосать мутную водичку, и от этого дети выходят слабые, худые, болезненные; много в Гижиге больных чахоткой, есть и сифилистики. Школа в Гижиге церковно-приходская, находится в большом запущении. Был там когда-то учителем Д. Я. Попов, много доброго и полезного он сделал для населения и деточек, хорошо учил их грамоте, за это и любили его не только учащиеся, но и родители их, когда же Попов уехал, то и школы не стало. Начальство гижигинское стояло против церковно-приходских школ, следовательно, не только не шло на помощь к ним, но, напротив, старалось уничтожить таковые школы не только в Гижиге, но и по всей Камчатке. В здании церковно-приходской школы в местечке Гижиге в одно время, недавно совсем полицейское началь-

ство устроило казенный торговый склад. Священник о. П. Ч., конечно, и от школы держался в стороне, отказался от заведования школой, совсем не преподавал Закон Божий. После Попова было два учителя, о первом гижигинцы если и вспоминают, то с ужасом, а больше стараются забыть, а второго я еще застал. Он до меня учительствовал один год и заведовал школой. Человек это самый несчастный, с пропившейся потерянной совестью; без малейшего религиозного настроения, кощунственный ругатель, редко трезвый и нормальный; за свое поведение в последнее время был даже бит в Гижиге, вместо исполнения возложенных на него обязанностей по должности учителя и псаломщика занялся возмущением населения против духовенства, распространял по селениям грязные кощунственные писания г. Веденского, распевал свободные песни и вообще спознался с организовавшейся противоцерковной «освободительной» компанией, вооружавшей против меня население. Девочек, обучавшихся в школе, во время занятий учитель вводил на черные работы, к своему ближайшему начальству относился до крайности дерзко, непозволительно грубо, так что старожилы гижигинцы меня слезно и убедительно просили ходатайствовать от их имени пред Владыкой и училищным советом об удалении его от должности учителя и псаломщика и об увольнении его из местечка Гижиги, как человека весьма вредного. Таковую же слезную просьбу они послали и от себя на имя архипастыря. Вот в каком крайне плачевном состоянии судил Господь принять впервые миссию и паству – мне, еще совершенно молодому и неопытному. Тяжело, больно было мне видеть голодные толпы людей, обидно и горько также было мне видеть запущение храма, школы и упадок общественной жизни. И вот я решил начать исправление жизни паствы, поднять в ней религиозный дух, оздоровить семью и школу, помогать инородцам материально и духовно. Чувствуя в этом отношении свое полное одиночество, я всецело положился на волю Божию, веря, что сила Божия в немощах совершается и что человеку все возможно о укрепляющем его Иисусе Христе (Флп 4:13).

В Гижиге хотя имеется для священника дом, но в нем, по причине ветхости и бывшего лет пять тому назад пожара, жить нельзя совершенно; был еще дом для миссионера, но продан, а посему мне пришлось нанять комнату у хорунжего П. за тридцать рублей в месяц. Хозяева мои оказались люди весьма добрые и ласковые; вся семья П. ко мне, как священнику, относилась с уважением и даже благоговением. Старик и старушка окружали меня своею любовью и заботами, как родные отец с матерью. Пища моя состояла из оленины, строганины, юколы и других блюд: но так как все они были для меня крайне вредными по причине

сильного катара желудка, то главной и постоянной моей пищей был кисель, а когда кончился запас картофельной муки, то кисель стали варить на крахмале.

По приезде в Гижигу, я застал в церковно-приходской школе ремонт. По окончании ремонта мною в конце октября был совершен в школу крестный ход, где был отслужен молебен пред учением, освящено здание, затем были приняты дети для обучения. Всего учащихся оказалось тридцать три души, из которых двадцать мальчиков и тринадцать девочек (девятнадцать казачьих детей, девять мещанских и духовного звания и один корякского рода). Учащиеся были распределены на три группы, как это было ранее: в первом отделении вновь поступивших было семнадцать учащихся (девять девочек и восемь мальчиков), во втором отделении девять учащихся (одна девочка и восемь мальчиков), в третьем отделении семь учащихся, из коих шесть кончило (четыре мальчика и две девочки), а один мальчик вышел из школы после нового года, так как дома некому было помогать работать вдове-матери. Школьное здание пришлось внутри оклеивать старыми газетами, так как стены обуглились от бывшего в нем не так давно пожара; столы и скамейки местной работы, заменяющие парты, очень неудобны для письменных занятий, учебников тоже многих не было при школе; вообще вся обстановка школы весьма бедна. Я стал преподавать Закон Божий. Дети слушали со вниманием рассказы из Священной Истории Ветхого и Нового Завета, жития святых, учили тропари больших праздников и своих святых; всех учащихся я водил в церковь и в алтарь для наглядного изучения церкви, ее утвари и т. п. Многие дети, видя все это впервые, легко запоминали преподаваемое; хотя вообще про здешних детей я должен сказать, что они не отличаются большими умственными способностями, память у них слабая, при передаче рассказов из Священной Истории ученики употребляют много чисто местных слов и выражений. Одна одиннадцатилетняя девочка, например, так рассказала о видении таинственной лестницы:

«У Ишаака было два сына: Ишав и Яков. Яков молился Богу, а Ишав-от-нету. Ишав-от разьерестился с Яковом и напроход хотел его углушить. Яков-от здумал воткнуться в землю к матери, а по дороге штал ушнывать и привалил в изголовье камень; шпит Яков-от и видит шон: штоят сходни на жемле и упираются в небо, а по шходням туды-шуды, шюды-туды збегают ангелы, а шам Бог штоит на шходнях в небе и ба-ет Якову: “Не робей, Яков, я Господь Авраама и Ишаака, этта земля свята, а дека ты уснываешь, она будет Твоя!”» Дети, как мальчики, так и девочки, пели и читали в церкви. По всем предметам, кроме Закона Бо-

жия, обучал детей учитель М., который, впрочем, более занимался с детьми, уже обученными бывшим учителем Д. Я. Поповым, а маленькие первгодки еле могли читать по складам к концу года, к тому же учитель на уроки хотя и являлся, но не всегда со свежей головой, так как денно-нощная карточная игра продолжалась иногда даже до урочного часа. В первое время по приезде в Гижигу я старался влиять на эту ненормальную жизнь учителя, вредную и для его здоровья, и для дела: старался увещать, вразумлять его, но он, не желая понять меня, оставался ко мне не только холоден, но даже груб и дерзок. На мои просьбы и предложения бросить пьянствовать и вообще вести более нормальную жизнь, учитель мне ответил, что и со мной последует то же, когда я поживу в Гижиге; впоследствии из рассказов супруги учителя я узнал, что он страдает пьянством очень давно и что ей, несчастной, обходится это тяжело и дорого. Учитель М. (он же псаломщик) в церкви на клиросе вел себя невозможно, непозволительно, даже более: кощунственно. В первый день Рождества Христова во время царского многолетия он учинил громкий в церкви смех, и, конечно, глядя на него, все учащиеся засмеялись. Он потом пытался всеми силами и неправдами оправдать свой дерзкий и кощунственный смех в церкви, но старожилы гижигинцы, хорошо зная учителя, после смеха его убедительно просили меня не брать его в их дома, когда я пойду с крестом. Учитель, всегда относясь к церкви небрежно, своим бесчинством всегда возмущал душевное настроение как меня – служащего, так и всех молящихся. Вместо литургии, например Василия Великого, которую я служу, учитель поет Златоустого, да еще с большей скоростью, чем нужно, так что большую часть литургии верных, когда я читал большие тайные молитвы, клирос молчал, а народ и я чувствовали себя крайне смущенно. И в этот раз учитель оправдывался тем, что нет в церкви нот и т. п.

Весьма желательно было устроить для детей гижигинской школы экзамены, но так как учитель в это время вел себя крайне непозволительно и неблаговидно, то, несмотря на трехкратное назначение экзаменов, их все же пришлось, к сожалению, отменить. Большое неудобство в обучении детей в школе заключается в том, что поневоле приходится начинать учебный год очень поздно (после Покрова), а кончать очень рано (в апреле или мае); причина тому – жизнь семейств по зимкам на далеком расстоянии от местечка Гижиги, где укочевавшие гижигинцы устраивают себе рыбные запасы. На Рождество мною была устроена для детей гижигинцев в школе елка с лотереей (конечно, бесплатной). Игрушек я привез в Гижигу из Владивостока на сорок рублей, и на такую же сумму собралось пожертвований, так что все дети получили

и подарки и билеты на выигрышные игрушки (игрушки были заводные и немало забавляли детей), дети играли, пели, плясали и т. д., и остались все очень довольны, так как в первый раз им пришлось видеть такую елку. Детям в большие праздники показывали волшебный фонарь, стоящий шестьсот рублей; от невнимания бывших учителей фонарь оказался совершенно запущенным, много картин разбито.

Церковные службы в первое время гижигинцы посещали неохотно, во-первых потому, что отвыкли от служб, как они об этом сами говорили, так как бывший батюшка о. П. Ч. служил очень редко: литургия бывала в Пасху да еще в Рождество, а в остальные праздники иногда читались часы, и иногда ничего не было. Понятия о церковном богослужении почти никто не имел. С первой же службы я старался поставить свою паству ближе к церкви и к себе; говорил им поучения, толковал богослужение, рассказывал жития святых, знакомил с историей Церкви христианской. Когда же все жители узнали о постоянных моих поучениях, то начали интересоваться церковью; приходили к службам в большом количестве, матери стали постоянно носить детей к причащению, старушки начали утешать меня усердной молитвой. Что особенно приглянулось гижигинцам, так это службы в большие праздники, совершаемые с литией и благословением хлебов, с акафистами. На величании и на акафисте все стоят с зажженными свечами. В Рождественском и Великом постах гижигинцы и многие инородцы говели. По воскресным дням Великого поста за вечернями читались акафисты, велись поучительные беседы. При случаях часто совершались крестные ходы, в которых участвовало все население Гижиги. Особенную торжественность крестным ходам придавало множество хоругвей (десять), сооруженных и сшитых под моим руководством гижигинцами. В крестных ходах всегда носились все святыни, привезенные мною из Казани и благоговейно чтимые в Гижиге.

Навсегда останется в памяти как у гижигинцев, так и у инородцев, церковное торжество, бывшее 22 октября 1907 года, – перенесение святых икон с мощами с Кушки (устья) в Гижигу. К великому празднику гижигинцы начали готовиться молитвой и недельным постом. (О предстоящих крестных ходах и встрече святыни как русские жители по заимкам, так и многие инородцы были извещены заранее.) Служба в церкви с 14 октября шла непрерывно каждый день до 23 октября. 21 октября, в день Восшествия на престол, литургия была совершена в 6 часов утра, а после нее царский молебен. После молебна в 10 часов утра все гижигинцы в праздничных нарядах с радостным душевным настроением собрались в церковь, откуда при колокольном трезвоне кре-

стный ход с множеством икон, хоругвей, с торжественным воодушевленным всенародным пением пошел на Кушку. По дороге на заимках служились краткие литии и говорились поучения. Идти пришлось по тундре, по дрове, а частью снегом. Погода благоприятствовала церковному празднеству. К Кушке мы подошли к 3 часам дня (от Кушки до Гижиги считается от двадцати пяти до тридцати верст). Дом гижигинского уездного управления был убран и задрапирован, внутри мною заранее была устроена домовая церковь, убранная зеленью и задрапированная в национальном русском вкусе, все иконы и святыни были распределены по стенам, всего икон до двадцати. Комната-церковь сияла сотнями огней – лампад и свеч. Крестный ход сопровождали в полном составе казаки в парадной форме; по пути встречались инородцы, в изумлении смотревшие на не виданный никогда крестный ход, а после по всему Гижигинскому округу рассказывали в весьма любопытной своеобразной форме виденное ими наше торжество. Особенно им понравились хоругви и мое вышитое серебряное облачение, которое инородцы называют: «у попины большая вышитая куклянка». Богомольцы гижигинцы, никогда не имевшие понятия об иконах со святыми мощами, с искренней верой и с ревностным нетерпением ожидали момента, когда они увидят и с верою облобызают святыни. (Святыни мною привезены: икона Казанской Божией Матери, благословение покойного святителя Казанского архиепископа Димитрия и епископа Андрея; икона Апостола и Евангелиста Марка с частию мощей, присланная из Иерусалима; икона преп. Марка Гробкопателя Киевского с частию мощей; власы преп. Серафима; икона Рождества Христова с камнем от яслей Спасителя; икона Иоанна Крестителя; крест с мощами великомученицы Варвары и частию древа Креста Господня; икона Божией Матери и много других икон и святынь.) В 5 часов на 22-е началась всенощная с литией и благословением хлебов и с акафистом. Во время помазания я роздал богомольцам крестики и брошюрки о вреде пьянства (о. Иоанна Кронштадтского) с наилучшими пожеланиями удалиться от этого пагубного греха. Гижигинцы молились с слезами и умилением. Всенощная окончилась в одиннадцатом часу, после чего я обошел все дома на Кушке и окропил святой водой. Многие оставались в молитвенном настроении, бодрствуя всю ночь до ухода обратно в Гижигу. 22-го в 6 часов утра после молебна все святыни богомольцы подняли на руки, и, несмотря на поднявшийся пронзительный противный ветер, все мы с еще большим воодушевлением пошли в Гижигу. По пути нам встречались толпы богомольцев и присоединялись к крестному ходу. Святые иконы в первый раз после моего поучения несли женщины, хотя народ проти-

воцерковный и осмеивал их, но все же старушки, не смущаясь, с радостью несли их на руках. Еще на далеком расстоянии от Гижиги мы слышали трезвон, а за две версты от селения, во главе с заштатным священником о. П. Ч., нас встретила толпа богомольцев – русских и инородцев с хоругвями и иконами. Момент, когда соединились два крестных хода и народ с умилением запел: «Заступнице усердная», навсегда останется в памяти у всех присутствовавших там. Слезы радости невольно полились у всех богомольцев; иные рассказывали потом, что они в этот момент совершенно забыли, что они на земле, – таково радостно было у них на душе!

Также в памяти останутся у них все великопостные службы, многие слышанные ими в первый раз, и торжественное перенесение святой Плащаницы в Великую пятницу из кладбищенской церкви (где она находилась) в большую Спасскую церковь. При богослужении и требах я всегда говорил поучения и объяснял смысл службы, и гижигинцы охотно слушали. По милости Божией мне довелось с 26 сентября 1907 года по 13 июня 1908 года отслужить сто тридцать литургий и сказать тысячу с лишком поучений. При моем путешествии со святым Крестом по заимкам многие прихожане меня провожали со своими семьями на нартах. Встречали и провожали меня всегда с ружейными выстрелами. Любили все гижигинцы, когда я посещал их дома и поучал их и беседовал, а я заходил во все дома по возможности каждый день (особенно первое время), вообще я полубил свою паству. Как умел и насколько Господь дал мне силы, я заботился и трудился для них и от своей паствы чувствую большую любовь и верность ко мне; но появившиеся в местечке Гижиге недобрые, беспокойные люди всеми силами старались подорвать любовь и уважение ко мне моей паствы; распространяли по селению грязные, ругательные, кощунственные и крайне неприличные и дерзкие письма на меня и мое пастырское служение. И больше всего те люди, которые должны были стоять ближе всех к Церкви Божией, занимались грязной, безнравственной пропагандой. Благодаря темным личностям, в Гижигу проник свободный дух времени и даже заражал простодушный доверчивый гижигинский народ. Например, один гижигинец задает мне вопрос: «Правда, что Христос был “штудентом”? Мне сказал NN, что Христос был “штудентом” в Александрии 11 тысяч лет тому назад, а он, NN, был тогда левитом жидовским, и что душа человека переходит из одного в другого»!!.. Ну, конечно, мне пришлось невинного простачка разуверить в нелепости, безумном понятии о душе и Боге NN и принять меры к усиленному охранению паствы от вольнодумных людей,

развращающих других. Конечно, мои постоянные проповеди о нравственности и жизни христианской не нравились противникам Церкви, и они еще с большей злобой и ненавистью нападали на меня и бесчинствовали. Озлобление на меня дошло даже до различных угроз. Для охранения меня, часто идущего со Святыми Дарами и днем и ночью, начальником уезда была приставляема ко мне казачья охрана. Мой церковный староста тоже подвергался нападению на него со стороны г. В., который набросился на него с нечистой бранью, угрозами и кулаками, и только счастливая случайность спасла убежавшего церковного старосту от неожиданного и непонятного нападения. Во время моей поездки к голодающим инородцам с посильной помощью и Святыми Дарами местная администрация ставила мне разные препятствия и допускала по отношению ко мне вольные и дерзкие издевательства; так, отнимали у меня подводы уже в пути, когда я проехал двадцать пять верст, указывали, что я – священник – являюсь бременем для инородцев, а посему нарты господин помощник уездного начальника не может мне дать. Подобных издевательств и бесчинств со мною прodelывали немало. Всякий раз, вспоминая о подобных случаях и размышляя о падении людей до звероподобия в отношении к ближнему, я весьма волновался, так как все это чрезвычайно отражалось на моем больном, слабом сердце. И в этих случаях я был совершенно одинок и бессилен; только молитва, растворенная горячими слезами, утешала и несколько успокаивала меня. Но все же слава и слава Богу за все!.. Паства меня полюбила и слушается, исправляет свою жизнь и смиренно несет вместе со мной поругания и насмешки от безбожников, хотя есть люди и слабохарактерные и слабовольные среди моей паствы, которые, конечно, скоро подпали под влияние темных личностей и еще с большей силой впали в безнравственную нетрезвую жизнь, не желая обращать внимания на мои увещания о возвращении к христианской, мирной, трезвой и нравственной жизни.

Немало нас согревает и радует любовь и отзывчивость многих добрых людей, откликнувшихся на наше великое инородческое горе – наводнение и голод. Получив из России триста отзывчивых писем и переводов, не имею возможности лично всем отдельно выразить свою искреннюю благодарность. Теплая молитва моих дорогих инородцев будет вечною благодарностью за согревающих их добрых о Христе братьев.

Спаси и сохрани, Господи, всех любящих и отзывающихся на нужды нашей холодной и голодной Камчатки, умиротвори, Господи, обидящих нас, благодаря отдаленности края, долгое время беззащитных.

Прости, Господи, и ненавидящих нас за наше стремление к церковной, нравственной, трезвой и честной христианской жизни!

В минувшем 1907/8 году мною был представлен Его Высокопреосвященству отчет о моей пастырской жизни и деятельности в заброшенном полудиком углу Камчатки – в местечке Гижиге, среди суровой пустынной природы с ее холодными насельниками – русскими и инородцами.

То даже не был отчет, а, вернее, исповедь наболевшей души, встречавшей на каждом шагу препятствия благим, законным намерениям.

Ободренный благостнейшим Архипастырем и Отцом и воодушевленный отзывчивостью и сочувствием многих добрых людей к постигнутому моих бедных инородцев горю, я примирился в душе со всеми многими напастями и скорбями, сознавая, что как ни обидны всякие гнусные клеветы и поругания, но они неизбежны в пастырском служении и особенно в жизни монаха-миссионера.

С 17 сентября прошедшего года, со дня моего приезда в Гижигу до января 1909 года я всецело отдался на служение русской гижигинской пастве.

За церковно-приходскую школу я нынешний год был покоен, так как учителя, можно сказать, нам Бог послал на утешение в сравнении с прошедшими ранее учебными годами.

Новый учитель ехал в Гижигу на пароходе вместе со мною и за тридцатипятидневное морское плавание я успел присмотреться к нему, равно как и он ко мне, узнал все мои желания в предстоящей нашей совместной жизни и службе, и взгляды наши на школьное дело, к общей радости, сошлись.

Как не дорожить таким учителем, который имеет призвание к своему делу, который церковно настроен, отличается безукоризненной нравственностью и трезвостью и, несмотря на свои сравнительно молодые годы, заслуживает, по справедливой оценке, доброго названия: «отца гижигинской церковной школы» – за любовь, преданность и заботы о детях, не наших русских крестьянских, легко воспринимающих все хорошее, а детей камчадалов, унаследовавших от родителей только все безнравственное, развращенное, загрязняющее детские души.

Найдя в лице нового псаломщика-учителя доброго себе сотрудника, в котором столько нуждался в прошлом году, я со спокойным духом хотел приняться за работу, как в первый же день по приезде в Гижигу, даже еще в урочище Кушке, новый учитель был предупрежден каким-то субъектом, что если он пойдет по одной дороге со мною, т. е. будет являться мне помощником в борьбе со многими вредными и губельны-

ми пороками в общественной жизни, то и его постигнет такая же участь, как и меня.

Можно было думать, что и на него обрушатся обидные клеветы, поругания, злословия, что испытывал я в прошедшем году. Но на этот раз план начертан был другой, более жестокий. Дело в том, что предупредивший учителя оказался не кто другой, как ссыльный, прибывший вместе с другими ссыльными на пароходе, пришедшем в Гижигу в последних числах августа месяца, на котором отбыл уволенный и, вероятно вследствие этого, еще более озлобленный на меня бывший учитель.

Во время стоянки парохода в Гижигинском порте этот ссыльный неоднократно ходил по улицам местечка Гижиги с уволенным учителем; результатом их бесед, конечно, и явилось подобное застрашивание учителя: можно предполагать, по некоторым данным, вполне заслуживающим доверия, что новый план был задуман не без вмешательства бывшего начальника уезда, которого даже безошибочно можно назвать инициатором того дела, о котором я буду говорить сейчас.

22 сентября днем учитель один находился в здании школы, занимаясь, сидя на полу, приведением в надлежащий порядок разбросанной школьной библиотеки; вдруг быстро вошел человек, лицо которого было завешано красным платком, так что узнать его не было возможности. В одной руке вошедшего был кинжал, а в другой срубок дерева, набитый патронами.

Бросив срубок дерева на пол, неизвестный схватил сидящего учителя за горло и, ударив с размаху головой о пол, приложил кинжал к груди и говорит: «Предупреждали тебя не идти по одной дороге с монахом Нестором, ты не слушаешь, так клянись сейчас же, что ты будешь говорить, где нужно, так, как нам угодно, а в противном случае я тебя кинжалом», – и, указав на срубок с патронами, неизвестный сказал: «Счастье ваше, что вы вчера с монахом Нестором не пришли в школу, мы вас там ждали и с обоими хотели покончить».

Сделав легкое ранение кинжалом на груди учителя, он быстро бежал из здания школы, а учитель между тем увидел, что у двери стоял еще другой человек, лица которого ему тоже не удалось заметить.

Взывать о помощи учитель не имел возможности, да и последняя попытка с его стороны не помогла бы делу, а наоборот, ему пришлось бы покончить все счета с жизнью, потому что на него напали люди вооруженные, да к тому же, как после оказалось, привычные злодеи, за что-то заслужившие изгнание на Камчатку.

Обо всем происшедшем я немедленно довел до сведения временного начальника уезда г. Б., прося его принять меры к охранению нас

от преследователей. Мою просьбу он оставил без всякого внимания, и, когда я обратился к нему с официальной бумагой, он приехал в Гижигу и в моей квартире, пригласив двух фельдшеров, произвел дознание.

Обидно и больно вспоминать, как оно производилось: это был целый ряд издевательств над бедным учителем, и в заключение всего фельдшера констатировали, что учитель сам проколол себе грудь – шпилькою. Вся беда заключается в том, что фельдшера здесь в большой дружбе с господином начальником, а последний всегда рад чем бы то ни было досадить мне.

Между тем преследователи не дремали. Они, видя нас совершенно беззащитными, не давали нам покоя ни вечером, ни ночью. Их часто можно было видеть притаившимися где-нибудь у угла школьного здания или около моей квартиры, постукивающих в стены, а иногда нахальство их доходило до того, что снимали ставни с окон в моей комнате (здесь это сделать очень легко, так как ставни самого примитивного устройства). Мне, нередко идущему по долгу службы в темные осенние вечера, нельзя было даже попросить казака проводить меня; потому что попытка одного казака сделать это для обоих нас кончилась очень печально: он был на три дня арестован, а по поводу меня господин начальник управляющему гижигинской казачьей командой послал приказ для объявления казакам, что начальство у них не иеромонах Нестор, а он, и что они должны слушать приказаний, последующих только от него.

Из чего усмотрел г. Б., что я хочу воспользоваться его властью, Бог его знает!..

Так время шло до 16 октября. В эту ночь недалеко от здания школы ссыльные подкупили девицу Е. Р., чтобы она вывела как-нибудь к ним учителя, чтобы они могли убить его, или сама бы она взялась отравить его и меня за вознаграждение.

Но это слышал сам учитель через форточку в здании училища и провел всю ночь в тревоге, ожидая нападения. Наутро учитель пришел ко мне, рассказал все, что ему удалось слышать ночью, а я сейчас же послал за Е. Р., которая и рассказала, как ее действительно этой ночью поселенцы подкупали.

Последний раз обратился я к бездушной гижигинской администрации и заявил, что при таких условиях ни я, ни учитель нести служебных обязанностей не можем, если полицейское начальство не примет мер. Тогда г. Б. явился вновь в Гижигу и, опросив поселенцев, одного из них выслал в селение Каменское, отстоящее от Гижиги за четыреста верст. И вот в таких ужасных условиях нам с учителем приходилось работать. Совершенно одинокие, беззащитные, мы каждую

минуту могли ожидать нападения, и только надежда на Бога поддерживала нас.

Не было ни одного человека, который бы, так сказать, разделил нашу скорбь, посочувствовал нам: слишком черствы сердца всех обитателей Гижиги. А мои квартирные хозяева, семейство хорунжего П., в котором я так ошибался, считая его хорошим, простодушным, преданным мне, я видел, как оно теперь тяготилось мной, боясь получить из-за меня себе неприятность, почему я квартиру переменял и переселился в училище, чтобы вместе с учителем делить все невзгоды, и, как мог, утешал его. Больно сжимается сердце, когда вспомнится все пережитое. Минутами удивляешься, как у меня – нервного, болезненного – хватило сил перенести такие ужасы, но сейчас же невольно приходят на память слова: *«вся могу о укрепляющем мя Иисусе...»*

От души мне жаль бедного учителя, слишком уж неприветливо встретила его Камчатка, вообще не особенно радушно встречающая заезжих.

Его семья, ехавшая с экспрессом из Томской губернии, опоздала на два часа к отходу парохода из Владивостока, так как он вышел на сутки ранее предположенного срока. Одним словом, в первый же год службы здесь ему пришлось много пережить.

С ноября месяца жизнь наша в местечке Гижиге текла более или менее спокойно, если не включать сюда борьбу в селении с пагубными привычками, вернее пороками. Периодическое, но губительное пьянство, неукротимый, почти открытый разврат, поражающая неопишуемая лень народа (люди здесь большую часть года спят), следствием чего и является голод, попрошайничество, бедность, грязь и разные болезни.

Благодаря безделью и лени, естественной потребностью всех гижигинских жителей, особенно женщин, являются злые, наглые сплетни, осуждения, укоры, ссоры и прочие неурядицы. В первый год, когда я еще не вполне ознакомился с падением пасомых, мои беседы к ним имели всегда характер увещевающий, редко строгий, – больше проникнуты были жалостью к ним и безграничной любовью.

Я смотрел на них как на бедных, заблудших овец, давно не слышавших слова пастыря, почему и в душе, и на словах только глубоко сожалел их, прося их со слезами оставить пагубные привычки. Мои постоянные беседы с ними, в которые я, так сказать, влагал всю свою скорбящую за них душу, не привели к желаемому результату: пагубные пороки, гнездящиеся в холодных сердцах камчадалов, губящие их душу, нашли здесь плодотворную почву. Они так глубоко пали, так быстро самые юные идут по пути разврата и совершенно погрязают в нем, что не-

вольно при виде всего этого содрогаешься. Как образец, привожу здесь, как в Гижиге родители смотрят на падение своих детей. Однажды казачья вдова говорила мне по поводу рождения сына у ее незамужней дочери: «Слава Богу, мальчик родился, паек получать будет, а если бы девочка родилась, то я бы ее углушила»... Как подействовали на меня такие слова пасомой!

Это была одна из самых горьких минут моей пастырской жизни, какую не дай Бог испытать другому служителю алтаря.

Можно ли хладнокровно видеть, как погрязшие в разврате родители не только не препятствуют детям идти по пути разврата, а даже сами поощряют к нему?

Итак, беседы только увещающие оказались недостаточными, поэтому нынешний год я изменил их характер: вначале они стали обличительными, а после строго обличительными, но горько, что к желанному результату все же не привели.

Не находя себе покоя, как пастырь при виде гибели своих овец, я старался всеми силами уяснить себе, с какими людьми я имею дело, что это за звероподобные люди, совершенно утратившие образ Божий, интересовался родословной их, перерывая множество архивных рукописей, и нашел наконец ответ, какого они происхождения.

В 1824 году из Якутска в Гижигу были посланы под конвоем на поселение тринадцать пар порочных, беспокойных семейств, составляющих сорок шесть душ, затем еще тридцать семь поселенческих семейств, признанных вредными. Отсюда ясно видно, что какие корни, такие и отростки. Нынешнему здешнему народу очень трудно, даже невозможно внушить страх Божий.

Великое зло заключается в том, что давно уже гижигинские начальники, должны заботиться о народе и подавать добрый пример, как раз поступают наоборот. Их сближает с народом не осмысленное отношение к жизни этих полудикарей, а совместное пьянство, азартные игры, сплетни и прочее, в которых принимают деятельное участие и женщины, нередко даже забывая свой преклонный возраст.

Очень грустно, что все то, что должно преследоваться и изгоняться, начальством поощряется.

Глас Церкви, вот уже два года призывающий к трезвости и благонравию, остается голосом вопиющего в пустыне.

Не увещание и обличение пастыря приводит гижигинцев к раскаянию, а, так сказать, наказание, являющееся неизбежным следствием разнузданности: иногда полицейский протокол, а иногда жестокая болезнь; в первом случае это уже не есть раскаяние, а скорее страх нака-

зания, а во втором – бесомненно раскаяние, но уже слишком позднее, ни к чему не ведущее.

Чтобы оказать сколько-нибудь благотворное влияние на этот погибающий народ, нужна борьба и борьба не одного лица, а дружная совместная целого интеллигентного общества или кружка, – который здесь очень не велик по своей численности, но при дружной работе, я думаю, мог бы что-нибудь сделать. Жаль, что нет таких лиц, которые бы взяли на себя эту миссию.

Нынешний год у меня на этом поприще был сотрудник-учитель, но в лице администрации нельзя было рассчитывать на поддержку, я уже говорил выше, как она ко мне относится, а в отчете за 1908 год ясно сказано про ее враждебное отношение к моим благим начинаниям.

Будем надеяться, что Бог даст нам добрых помощников в этом святом деле отрезвления погибающего народа, а если не найдутся желающие поработать на благо народа, то, по крайней мере, будем просить Бога, чтобы они не препятствовали нам в этом добром святом деле.

Путешествие к корякам

В продолжение долгой камчатской зимы, я успел достаточно ознакомиться с коряками, посещая их острожки и юрты. Главные и многолюдные острожки, посещенные мною, суть: 1) Парень, 2) Куель, 3) Тылхай, 4) Микино, 5) Шестаково, 6) Лываты, 7) Каменское, 8) Таловка, 9) Авеково, 10) Иткана, 11) Мамечи и три острожка в Тайганосе, 12) Евьятгима, 13-15) Паткичина и 16) Янга – всего шестьдесят шесть юрт. Каждая юрта разделяется на четыре и восемь половов, а в каждом пологе живет семья коряков. Из всех инородцев Камчатки самое приятное и хорошее впечатление производят коряки.

Крупный, рослый народ, с грубыми, черными, как смола, волосами, выбритыми на затылке и на лбу и только окружающими голову в виде длинной бахромы. Глаза они имеют узкие, подвижные и блестящие. Народ этот отличается любознательностью и сметливостью. Коряки в оригинальных своих меховых костюмах, со своими еще более оригинальными и мудренными юртами, вход в которые возможен только через трубу, – окруженные стадами тысяч оленей или стадами собак-возниц в снежной суровой пустыне или занятые промыслом зверя и добычей китов, нерп и других морских животных в своих байдарах, – составляют красу всей Камчатки. Только путешествуя к этим диким инородцам – детям природы, и наблюдая их жизнь, можно перечувствовать всю оригинальную поэтичность ее. Любовь к своим единоплеменникам у коряков по-

разительная. Все они, несмотря на рассеянность острожков по тундре, живут между собою как одна семья. Богатые стараются не допускать бедственной голодной жизни среди своих единоверцев, а корякским сиротам дают приют состоятельные в своих юртах. Среди коряков распространено многоженство, но оно не разрушает мира семейного: младшие молодые жены охотно повинуются во всем мужу и первой старшей жене, каждая заботится о своих детях, причем заботу и воспитание корячками-матерями их любимых деток тоже следует отметить доброй материнской нежной чертой. Женщины-корячки не любят сидеть без дела: летом они помогают мужчинам в рыбных промыслах и заготавливают траву «ваю», из коей руками ткнут нитки, а затем делают невода. Зимой женщины работают куклянки, торбаса, шотуры, чажи, алыки (упряжь для собак), причем вместо ниток здесь употребляют оленье жилы для шитья. Мужчины-коряки летом промышляют морского зверя и рыбу, а зимой кочующие добывают пушного зверя и рыбу, а оседлые занимаются извозом товаров и груза у местных торговцев – «камчадалов».

Пища коряков, на наш взгляд, противная, а на их вкус, приятная и сытная, а именно: нерпа, жир и мясо которой имеет удушливый запах, и квашеная до гниения в земляных ямах рыба, называемая «кислая», от которой зловоние еще удушливее нерпы, а самое почетное блюдо у коряков «маняла» – это оленье кишки с экскрементами, смешанными с кровью и нерпичьим жиром. Эта ужасная, зловонная бурда подается у коряков на их языческих праздниках и «гонках на оленях» как почетное блюдо.

Коряки едят мухоморы, после которых дуреют, пьянеют, приходят в бешеный экстаз, скачут, дико кричат, кружатся до изнеможения; в это время изо рта идет пена, и, как они рассказывают, беседуют тогда со своим черным богом-диаволом.

Употребление мухоморов содействует усиленному выделению почек, которое снова выпивается ими, и вновь одурению их нет границ.

Коряки любят пить спирт и разводят его водой, а за неимением его иногда, случается, пьют и одеколон, выменивая его за пушнину у недобросовестных торгашей камчадалов. Спирт, или, как русские камчадалы его называют, «спиртяска», очень дорого обходится корякам, которые за самое незначительное количество готовы отдать на большую сумму пушнины, спирт, этот яд, – общий любимый напиток на Камчатке русскими и инородцами. Мухоморы, спирт и табак среди коряков употребляют не только мужчины, но и женщины, и дети.

Коряки очень любят блестящие стеклянные бусы, «килиля», которыми украшают свои меховые костюмы и прически. По жилищам ко-

ряков, по их пище ясно видна их нечистоплотность. Коряки никогда не умываются, в одной меховой одежде они и работают, и спят. Пищу коряки едят из посуды, предварительно вытерев ее подолом или грязной ровдугой⁶. В юртах от постоянного костра дым и копоть, куда ни прислонись, всюду сажа, пыль и грязь, а одежда кишит мириадами паразитов, и инородцы их не убивают, а когда уже очень начинают беспокоить, только тогда сбрасывают с себя на землю. В юртах я раздавал инородцам мыло и полотенца и убедительно просил их мыться для их же здоровья. Матери при мне же мыли детей, но нет возможности промыть их закопченное и покрытое корой грязи тело. Благодаря нечистоплотности, среди здешних инородцев развиты и заразные болезни. При поездках я много встречал инородцев-сифилитиков с изуродованными лицами и другими членами тела, и от одного вида и зловония я приходил в ужас. Нельзя не пожалеть, не выразить сочувствия этим гнилым, беспомощным страдальцам. Я, имея с собою походную аптечку и руководство, старался оказать несчастным больным посильную помощь, хотя бы в виде очистки и промывки засорившихся и загрязнившихся ран и снятия грязных струпов. Самим больным становится как-то весело и легко, когда очистишь их гнилую рану, и они от радости не знают, как и благодарить. Тяжелое удручающее впечатление произвел на меня один больной десятилетний мальчик-коряк по имени Айгых, который, упершись на руки, на коленях с опущенным вниз лицом только и находил себе облегчение в такой позе. У этого бедняжки было шесть мучительных ран: две на тазу, две на спине и две на икрах. Мать его, корячка, вычищала раны ножом-косарем и вытирала мелкой сухой травой и, конечно, засоряла раны еще больше. Глубина язв настолько велика, что кисть моей руки с тряпкой свободно туда входила. Подойти к этому несчастному мальчику нельзя было иначе как завязав нос и рот, слишком уж тяжел был запах. В этой юрте я прожил три дня. Весной я получил известие, что бедный страдалец умер слава Богу; его мучения кончились, многолюдная юрта эта оказалась теперь в большей безопасности. А ранее они могли заразиться, так как мать, братья и сестры этого Айгыха спали под одним пологом. С нынешнего года участь больных инородцев Камчатки начинает становиться лучше в смысле оказания им помощи, так как в Гижигинском и в Петропавловском уездах проживают сестры милосердия и оказывают инородцам и вообще жителям Камчатки громадную помощь, что свидетельствуют сами инородцы и камчадалы. Правда, и ранее здесь, как и теперь, имелись фельдшера из солдат, но они никогда не оказывают помощи инородцам (исключая официальных приказаний), так как, поселившись в русском селении, они

скоро сживаются с пагубной камчатской жизнью, спиваются, картежничают, рождаются с грязной безнравственностью камчадалов и живут почти бездельно и бесцельно, не имея над собою начальства, а инородцы болеют, страдают и гниют без медицинской помощи. Жаль тех и других: одни погибают бессознательно, а другие сознательно. Сестры же милосердия несут самоотверженный тяжелый труд. Их всего на Камчатке три: одна в Петропавловской колонии прокаженных, где мне пришлось быть нынешним летом и самому видеть, как самоотверженно трудится в колонии сестра милосердия, отдавшись всецело заботам об облегчении печальной участи несчастных прокаженных. Зимой их было двенадцать человек, но один из них уже шесть лет как не имел следов бывшей на нем ранее проказы и, по освидетельствованию врача, был выпущен из колонии, а пять человек умерли в страшных страданиях. В настоящее время осталось шесть прокаженных: одна старушка, одна девушка и одна девочка, затем трое мужчин, из коих один мальчик. Летом прокаженные чувствуют себя сравнительно легко и подчас не признают себя больными. Проказа в летнее время имеет пятнистую форму, а зимой несчастные больные страдают тяжело и мучаются; тогда все тело их покрывается проказными язвами, струпами, губы опухают, голос хрипит и глаза слезятся. Сестра М-я, как родная любящая мать, самоотверженно ухаживает за прокаженными и принимает все меры, чтобы облегчить их страдания. Заботится об их чистоте, обмывает и перевязывает их зловонные струпы и язвы, заводит им чистое белье, постели, одежду, пищу и всячески старается развлекать их и разгонять их душевную скорбь и тоску.

Ранее до приезда сестры М-и прокаженные были в полном забросе, не имели ни одежды, ни постелей, ходили в тряпье, спали на голом полу или на своих лохмотьях, голодали и, по рассказам, даже бегали ночью в Петропавловск воровать пищу. Фельдшер, приставленный к прокаженным, страдал запоем и на продолжительное время (месяца на два) оставлял их на произвол судьбы и т. д.

В настоящее время в колонии прокаженных имеется немало нужд серьезных, и сестра М-я печалится, что она не имеет возможности их скоро осуществить, тем более что не находится таких людей, которые бы всецело сочувствовали этому святому, доброму делу – уходу и заботам о мучениках прокаженных, а печальнее и обиднее то, что самоотверженность и бескорыстный подвиг сестры милосердия не только не ценится, но даже попирается. Истинно слово Божие: «будете ненавидимы всеми имени Моего ради»⁷. Другая сестра милосердия при больнице, и третья в Гижигинском уезде разъезжает по инородческим стойби-

щам и оказывает им помощь. Последняя, врачуя недуги страждущих инородцев, оказывает большую заботу и о душах этих детей природы. Она знакомится с их языком и ведет с ними религиозные беседы, будучи сама всегда благоговейно и христиански настроена. Обо всем этом мне с восторгом и умилением рассказывали инородцы сами – и тунгусы, и коряки. Да и как им не дивиться, не радоваться и не дорожить таким человеком, который, как мать родная, оказывает свои заботы и попечение! А что всего для них удивительнее, так это то, что вдруг женщина ездит по юртам и лечит и моет их, грязных. Все инородцы ее называют «сестрой» и относятся к ней с большой любовью и доверием; в Гижиге необходимо должно устроить больницу для инородцев – это будет великое и доброе дело. Тогда бы скорее можно было спасти инородцев от вымирания, а сейчас, благодаря тому что инородцы совершенно заброшены и забыты, несомненно, они от беспомощности и от пагубной жизни вымирают. Редкую юрту встретишь, в которой бы не было несколько гнилостно больных. На смерть коряки смотрят как на неизбежное переселение души в иную жизнь, куда переселились уже все их предки под вечное покровительство «кала-анганг» (черного бога). Трупы умерших коряки одевают в белую меховую смертную одежду, кладут покойнику разные орудия его занятий при жизни, сверх покойника кладут большой бубен и на нем играют сутки и более в карты, по окончании азартной игры на трупе вытаскивают последний из юрты через входную трубу, привязывают за шею ремнем, кладут на нарту и везут его на собаках или на оленях к разложенному костру, где сжигают труп. Из уважения к умершему и не желая разгневать «кала-анганг», все сопровождавшие труп должны присутствовать при сожжении до окончания, то есть до обращения трупа в пепел, смиряясь с непогодой, морозом и проч. После сожжения трупа начинается праздник, игры и угощение.

При рождении младенца ему нарекается имя опять при особом обряде. К невысокой устойчивой перекладине привешивается на оленьей жилке камушек, который толчком руки приводится в колебание, а коряк в это время перебирает разные слова: названия предметов и т. д., и на каком слове колебание камушка остановится, то имя и дается младенцу, а на шею его надевается шейный бог «инняким-анганг», на оленьей жилке кусочек ровдуги или пыжика, а иногда просто деревинку. Есть также и у коряков истуканы из дерева или меди, которые и хранятся вместе с тряпьем и хламом в ящике под пологом, и только во время праздников, например когда кита убьют и т. п., коряки выносят этого бога – «уттакин-анан» – на двор, ставят на землю, и во время праздничного обеда сам хозяин мажет каждым кушаньем

этого идола: салом, жиром, манялой и т. д. А после праздника опять истукан хозяином бросается в мусор домашнего скарба и лежит там до нового случая торжества. Коряки почитают еще «апапель» – небольшую выдающуюся скалу в виде холмика, которой приписывается особенное присутствие «кала», – повелевающего грозам, бурям, пургам, ветрам и другим явлениям природы. При проезде мимо «апапеля» коряки останавливают нарту, оставляют седока и бегут к апапелю, чтобы собственноручно принести ему умиловительную жертву, убитую для этого собаку, или спиленные рога с оленя, или щепотку табаку, или просто ваю (трава), надеясь за эту жертву получить просимую милость от всеильного духа.

При моих больших долгих поездках коряки неоднократно при встрече апапеля оставляли меня и убегали для приношения умиловительной жертвы, но я сейчас же следовал за ними и наблюдал; апапель был утыкан весь жертвами, более всего выделялись оленьи рога, мясо, жир и узелки с табаком. Господствующая религия камчатских инородцев: коряков, чукчей, ламутов и других – «шаманизм», верование в заклинание злых всеильных духов, владеющих силами природы, как-то: северными сияниями, бурями, пургами, грозам, молнией, морозами, громом, повальными болезнями и другими страшными стихиями. Заклинателями являются шаманы и шаманки, как бы посредники между злыми духами и людьми, трепещущими перед этими богами. Мне пришлось видеть старуху-корячку шаманку. Во время шаманства – заклинания злого духа – шаманка была одета в длинную красную кулянку, расшитую разными «килиля» и ровдужными хвостами, волосы на голове были раскосмачены, глаза блестели и отличались подвижным живым взглядом; лицо ее вначале было бледное, щеки ее были покрыты язвами застарелого сифилиса, а лоб татуирован оленьими жилами в узор. В руках шаманки был большой бубен и собачья лапа, которой корячка и ударяла по бубну сначала медленно и при каждом ударе приседала и испускала какой-то странный, длинный гортанный звук. Я и все коряки с семьями молча сидели в своих пологах и наблюдали за шаманкой. Всю эту дикую картину слабо освещал тлевший среди юрты костер. С течением времени такт бубна и голос шаманки нарушался, голос превышал звук бубна, вид старухи становился свирепый, тело при быстром приседании искривлялось, а лицо искажалось до безобразия, она то бледнела, то краснела, дико кричала, выла, из рта показалась пена, и, наконец, в изнеможении шаманка опустилась на землю и что-то несвязно бормотала. После шаманства корячка истолковывала милостивое или грозное возвещение «кала».

Тяжело и жутко было присутствовать при этом дьявольском шаманстве, пронизывает даже мороз; все тело приходит в содрогание, не говоря уже о душевном состоянии. Когда глубже вникнешь во всю обстановку жизни камчатских диких инородцев-язычников, находящихся всегда под разными влияниями природы в трудах, работах, промыслах, охотах и постоянных кочевьях, когда они бывают застигнуты зимой снежными бурями, пургами, заносами, сменяющимися тихой волшебной ночью, озаренной северным сиянием при едва терпимом морозе, а летом их пугают грозы с оглушительными раскатами грома и ослепительной молнией, а то посещают повальные болезни, эпидемии, голод и т. д., – становится вполне понятным искание напуганными инородцами и всемогущего духа в природе.

Находясь под постоянным влиянием стихий и не будучи сами в силах противостоять им или укротить их, инородцы и чувствуют в этих беспощадных свирепых явлениях сверхъестественную силу, каковую и приписывают всемогущему злему духу-богу, и умилоствляют его жертвами апапелю или привязывают на палки собак, приносимых убиением тоже в жертву, и ставят кругом юрты.

Крещеные тунгусы во время постигающих их свирепых стихий при кочевке, напуганные адской силой стихий, опасаясь больше всего разных влияний природы и за целость и здоровье табунов оленей, служащих им в их жизни и пищей, и жилищем, и одеждой, и средством передвижения, для укрощения стихийной силы, – тоже по примеру предков, принимаются за шаманство. На мои увещания к крещеным тунгусам последние кланяются, просят прощения, каются в шаманстве, но все же, боясь всяких явлений природы и падежа оленей и т. п., не оставляют своего шаманства. Хитроумно применил один пожилой тунгус свое шаманство к ворожбе и гаданию крещеными камчадалами и вообще русскими людьми на картах и других предметах.

«А ведь на самом-то деле, если, – говорит тунгус, – Бог не откроет, так никакими силами, в сущности, ничего не узнаешь и ничего не сделаешь; по жизни людей Бог и посылает кому хорошее, кому и худое, кто чего заслужил». Интересные разговоры о Боге и его всемогуществе, о рае и аде велись у меня и с некрещеными коряками. Сначала на мой рассказ они отвечали хитро-обдуманно, уклончиво и противоречиво, но в конце концов соглашались со мною и дивились многим событиям из жизни святых угодников и людей праведных. Находили, что христианская вера «всем верам вера», так как Бог христиан один главный и светлый, а их боги сильны темной силой. Любопытствуют инородцы немало нашей христианской верой, но принять ее упорно отказываются.

ся. Как будто инородцы и видят превосходство христианской веры, но сознание и чувство бессилия противостоят стихийным явлениям в их жизни и опять заставляют их трепетать злого духа, затем влияет и природный индифферентизм. «Все равно, лучше ли, хуже ли, а все есть вера и у нас и у вас». Также отговоркой от крещения служит и социально-политический взгляд у инородцев.

«Царь, губернатор, архиерей не приказывают бумагой креститься, значит и не надо». Но боязнь изменить вере своих предков, ныне живущих уже по их верованию под покровительством «кала-анганг», злого всеильного духа, – удерживает их более всего.

До сей страницы я с отрадным чувством заглядывал в свой миссионерский дневник, писал отчет о совместной жизни моей с инородцами, – моими дорогими детушками, а сейчас с душевной скорбью, сквозь слезы пишу горькие страницы свидания с крещеными коряками.

* * *

В языческих корякских острожках Каменское и Таловка я встретил несколько семейств крещеных коряков, и вперед будучи уверен (как у тунгусов) в желании поститься и в исполнении треб у них, я просил их собраться всех вместе. Они же все попрятались, и только один храбрый и дерзкий коряк, крещеный, явился ко мне и заявил, что никаких треб им не нужно, крестов на них нет («инняким-анганг» надет на шею), что все равно, говорит крещеный коряк, они живут с некрещеными коряками и имеют детей, как и он сам двоих, что их бабы-язычницы бунтуются от моего приезда, и лучше они готовы перенести всякое несчастье, чем креститься без выгоды. Далее на мой вопрос: «Как имя твое русское, христианское», – крещеный коряк ответил: «Валвутко, а больше никакого не знаю». А старик-язычник коряк вступился и говорит мне: «Неправда, его зовут Филипп, и он знает, но только лукавится. Крестился Филипп, будучи маленьким, и уже лет двадцать не был у святой исповеди и причастия». На мой вопрос, почему он не постился, Филипп отвечал: «Попины, приезжая к нам, не говорили нам ничего, а только пили да ели с нами, а ты чего захотел? Ведь деньги не дашь и богатым не сделаешь через это? Все равно, кто бы ни заставлял нас, исповедаться не будем, так как у нас есть шаманы, Богу мы не молимся, никого не обижаем, тебя не звали, уйди лучше от нас спокойно».

С моей стороны не помогли никакие увещания, ни сожаление об участи их в будущей жизни, ни слезы, ни ласка, ни, в конце концов, повелительный тон к отпадшим, все это опоздало уже на двадцать лет. Отпали коряки от веры благодаря беззаботности миссионеров тех времен.

Последних миссионеров они и не видали, говорят, а один миссионер бывал у них ранее проездом, только не в добрый час... Такова прискорбнейшая первая встреча моя была с крещеными коряками. Надо заметить, что даже некрещеный старик изумился дерзости Филиппа и грустно смотрел на мои слезы, покачивая головой, при частом повторении звука «э» (да). Все же после долгих бесед Бог помог троих привести к исповеди и причастию, из коих двоих – коряка и корячку обвенчал по их согласию. Многих еще коряков крещеных я не видал, так как они раскочевались по хребтам. Инородцы эти как малые дети, их нельзя оставлять без внимания и без присмотра, но опять винить строго и миссионера нельзя, так как живут крещеные коряки за тысячу верст от священника, а последнему недостает средств добраться в столь отдаленные углы к инородцам. Жить миссионеру в суровых снежных хребтах тоже невозможно, где пищей миссионеру может служить один только снег, и ни одежда, ни юрта его никогда не согреют. Тяжело и трудно было мне добраться до этих крещеных коряков; среди пург и морозов, а еще тяжелее и холоднее на душе было выезжать от них, но да будет и над ними воля Божия.

Инородцы эти – дети природы, буквально не ведают, что творят; а вот когда умышленно люди, стоящие во главе административной власти наших захолустных мест, препятствуют святому делу миссии, и благодаря только тому, что миссионер-монах-священник не поддерживает их нетрезвую богомерзкую компанию, его дела страдают. Еще в прошлом году я писал, что на будущий учебный год у меня в школе будут учиться дети коряка, из коих один сын коряка Евъятгима. Приют и все заботы я брал на себя. Отец-коряк был рад отдать сына для обучения в русской школе и привозил своего сына в Гижигу для знакомства со мною. Евъятгим заходил в школу во время занятий и лично вынес хорошее впечатление сам об учителе, об учениках и об учении, но во время пребывания в Гижиге Евъятгим с сыном, по общему корякскому обычаю, обходил дома жителей, – авось, где не угостят ли водкой.

На беду Евъятгим зашел к фельдшеру Б., справлявшему свой семейный праздник. У фельдшера сидел не имеющий чина канцелярский служитель, г. Б., исполнявший в то время должность начальника Гижигинского уезда. Оба они большие друзья бывшего учителя Мстиславского и все крайне нетрезвого поведения. Конечно, известный коряк Евъятгим с сыном, искавший по селению выпивки, был охотно встречен нетрезвой компанией. В разговоре начальник и фельдшер узнали от Евъятгима о его желании отдать сына в школу и сказали Евъятгиму, чтобы он не вздумал в самом деле отдать, так как священник

и учитель шибко худые и лукавые люди и учат-де плохо. Вечером того же дня Евъятгим заходил ко мне, но был сильно пьян, и бедный десятилетний мальчик тоже был напоен. Обнаружилось же все это ныне весной, когда я, путешествуя по Тайгоносу, заехал к Евъятгиму и на вопросы о сыне узнал вышеописанное. Говорил Евъятгим по-корякски, но я все понял, хотя предварительно попросил перевести мне слова Евъятгима сопровождавшего меня миссионерского псаломщика О. Тут же в юрте находилась в это время и сестра милосердия, тоже слышавшая. Все мы от слов Евъятгима пришли в ужас, мне же было жестоко больно и обидно, но этого надо было ожидать. В прошлогоднем же отчете я, предчувствуя эти скорби, говорил: *отрадно и дорого иметь в нашей церковной школе детей-язычников, но чувствую, что недобрые люди стараются препятствовать этому святому делу. И не ошибся!..*

Сей же господин начальник по примеру прошлого года (так как ему и тогда обошлось совершенно безнаказанно) делал мне препятствия и в нынешних поездках к инородцам. По приезде из одного острожка домой я получил официальную бумагу от г. Б., где он пишет, что ему жалуются на меня коряки, якобы за недоплату пятнадцати рублей им за нарту. Собственное достоинство еще никогда не позволяло подобных историй, и я решил, что тут опять какая-то подцепка. Мною было взято две нарты, на собственной третьей – ехал псаломщик С., а четвертая нарта добровольно была взята коряками с кормом для собак, о чем я справлялся при выезде из острожка. Я созвал везших меня коряков и других свидетелей; коряки рассказали мне, что они никому на меня не жаловались и мною вполне довольны, и что г. Б. расспрашивал их о моей поездке, о нартах и т. д. и сказал корякам, чтобы они за ту нарту, на которой они везли свой корм, требовали с меня пятнадцать рублей, и что об этом он, Б., мне пошлет бумагу с приказанием уплатить якобы недоданные пятнадцать рублей. Коряки, выслушав господина начальника, рассудили по-своему, благоразумно, что они не вправе просить пятнадцать рублей за ненанятую нарту, – и ко мне не обращались, как то приказал им начальник, а при моем допросе ответили: *«Верно, господину начальнику надо пятнадцать рублей, а нам не надо: мы тобой шибко довольны»*. Я, конечно, ответил начальнику официально словами коряков с указанием на свидетелей и в ответ получил замечание, что я его в бумагах называю *«благородие»*, а *«не высокородие»*. Подобные придирки – незаконные и бестактные – тоже не мало причиняют скорби, а помощи, конечно, нет в Гижиге! Начальство твердо держится в своих сверхзаконных правах и поступках пословицы, что оно здесь *«Царь и Бог»*. Боже! как трудно, тяжело работать, когда тут же твой труд раз-

рушают, попирают, а как дело это церковное, миссионерское и школьно-воспитательное, то смело можно сказать – и кощунствуют, и издеваются! Сколько обидных сплетнетворных гадостей – и устных, и письменных – выпадает на мою церковь, школу и миссию, на мой сан, звание и личность, на моего доброго и верного сотрудника в святом деле – учителя, – и не перечесть. Хотя это и не подобает мне, но по немощи человеческой скорбишь, и скорь эта тяжело отзывается на моем слабом здоровье и чувствительном сердце. И опять не с кем поделиться невзгодами и скорбями и не от кого получить облегчение, сочувствие и защиту.

Один Бог наша защита!

Если будет воля Твоя, Господи, яви милость Твою на нас к дальнейшему служению камчатской миссии!

А ты, благостный Архипастырь и Отец, ободрив, воодушевив и наставив, благослови меня на новый крестный подвиг для добросовестного исполнения возложенной на меня тобою святой миссии!

ПРАВОСЛАВИЕ В СИБИРИ

Исторический очерк

Водворение Православия в Сибири началось при самом завоевании ее. Покоритель Сибири Василий Тимофеевич Ермак, как свидетельствует Ремезова летопись⁸, особо чтит Святителя Николая Чудотворца и еще весной 1579 года на месте первого своего зимовья у реки Сылвы перед походом в Сибирь соорудил часовню во имя Святителя Николая – там, где теперь Ермаково городище. Затем в 1580–1581 годах во время своего геройского похода в эту страну идолопоклонства, смешанного с привитыми мечом хана Кучума магометанскими понятиями, он имел при себе трех священников и монаха, совершавших богослужения в подвижной часовне. Особо чтимой святыней был у них образ Святителя Николая Чудотворца, с которым после Ермака отважные казаки и стрельцы продолжали дело дальнейшего покорения Сибири. Эта древняя походная святыня покорителей Сибири хранилась впоследствии в тобольской архиерейской ризнице, а затем в июне 1826 года, в день коронавания императора Николая Павловича, была поднесена ему Преосвященным Евгением (Казанцевым) и сделалась с тех пор благодатным наследием Царствующего Дома. Другие древние иконы из походной часовни Ермака хранятся в соборе г. Березова как дар казаков Ермака (см.: «Оренбургские губернские ведомости», 1881, № 39).

Таким образом, первые пути в Сибирь для нашей православной государственности были проторены в предшествии Святителя Николая Чудотворца самоотвержением благочестивых воинов и сопутствовавших им священнослужителей, имена которых, к сожалению, не сохранились в истории. Доказательством того, что герои Ермака, а по их примеру и все поселявшиеся в Сибири русские люди приписывали свои ратные успехи не столько себе, сколько благодатной помощи Господа

и святых Его, служат следующие слова летописи Саввы Есипова: «Прииде же Ермак с товарищи во град Сибирь, сиречь Искер, в лето 7089 (1581) октября дня 26 на память святого великомученика Дмитрия Селунского прославиша Бога, давшего им таковую победу на окаянных агарян и идолопоклонник, радостью радуящиеся». С тех пор установился в Тобольске благочестивый обычай особо чтить день святого Дмитрия Селунского – современника царицы Александры, святого Георгия Победоносца и его родственницы, святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, – восприявшего одну с ними мученическую славу.

Знамя Ермака

В течение первых пяти лет со времени появления Ермака в пределах Сибирских уже так прочно водворилось там русское влияние, что в 1586 году был заложен воеводою Сукиным первый русский город Тюмень с двумя храмами: один во имя Святителя Николая Чудотворца с приделом Феодора Стратилата – ангела царствовавшего в то время Феодора Иоанновича – и другой – во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Затем в следующем, 1587-м, году, основан близ разоренной Ермаком Кучумовой столицы Искера (Кучумово городище в шести верстах от села Абалакского) город Тобольск, укрепленный, как говорится в летописи, церковью во имя Нерукотворенного Образа Всемилоственного Спаса и Святителя Николая Чудотворца.

Вслед за основанием городов Тюмени и Тобольска последовала царская грамота 3 мая 1590 года, подтвержденная указом 1597 года, об устройстве быта переселившихся в Сибирь многих русских людей из Каргополя, Сольвычегодска, Устюга, Вятки и других мест: «Чтобы у каждого хозяина, – говорится в наказах тобольскому воеводе Чулко-ву, – было по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по два гуся, да по пятерку куров, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да раз по 25 рублей денгами». В такой удивительной по тому времени попечительности о сибирских переселенцах сказалось сознание правительства, что край Сибири заслуживает особенно теплой заботливости, как страна великих богатств. Ведь уже в 1594 году царь Федор Иоаннович имел случай от щедрот Сибири пожертвовать Австрии в виде субсидии на 45 000 рублей соболей. Субсидия по тогдашнему времени колоссальная!

Приток православных людей в Сибирь в период первых же двадцати пяти лет со времени ее присоединения к Русской державе был на-

столько велик, что города возникали один за другим, «укрепляемые храмами». Уже к 1607 году государственная власть располагала городскими поселениями Пелыма, Березова, Тары, Сургута, Обдорска, Нарыма, Епанчина (Туринск), Кетска, Томска, Кузнецка, Туруханска и Енисейска, из которых в Пелымском остроге, равно как в Тюмени и Тобольске, еще в 1596 году были устроены на средства казны командированными из Москвы мастерами большие мукомольные мельницы. С 1613 года возникло Царево городище, переименованное в 1782 году в город Курган.

Духовное попечение о Сибирской области по повелению царя Иоанна IV принадлежало архиепископу Вологодскому и Великопермскому. Поэтому первые священнослужители являлись в Сибирь, главным образом, из Вологды и Устюга. Каждому отъезжавшему в Сибирь священнику полагалось от казны жалование по восьми рублев «денгами», по пяти четвертей ржаной муки, по четверти круп и по столько же толокна. Это обеспечение было очень значительным по тому времени и очень существенным.

Опираясь на заботы и пособия самой государственной власти, священнослужители безбоязненно шли в дикую Сибирь. Их апостольское усердие повсюду, так сказать, расчищало места для появления поселений, и под их духовно-нравственным влиянием прочно водворялись мир и согласие между пришлым и коренным людом Сибири, и поэтому положительнее складывалась жизнь населения. О благодарной памяти Сибири к царю Иоанну Грозному за его первые попечения о ее духовном устройении свидетельствует в Тобольском соборе древняя икона, на которой Премудрость Слова Божия изображена на древе, при корени которого стоит царь Иоанн с митрополитом Московским Дионисием, а на ветвях восседают шесть первых сибирских архиепископов, положивших твердое основание православному просвещению в Сибири.

Быстрое возникновение городов с последовательным, равномерным и дружным распределением их по Сибирской стране служит ясным доказательством, что волна заселения края, управляемая предшествовавшим светом Божественного Православия, была в то время по своей сущности именно мирным победным шествием русской государственности сквозь дебри Сибири. Даже Коднское и Обдорское языческие княжества воинственной финской отрасли остяков, находившиеся по берегам реки Оби и отбившие в период 1549–1551 годов югорско-обдорский поход московского воеводы Ивана Бражника¹⁰, не устояли перед победоносным светом Православия и быстро покорились русской власти.

Из остяцких князей первым принял Православие обдорский Анда с именем Василия и построил в 1600 году в своем Обдорске церковь во имя святого Василия Великого. А два года спустя обратилась в Православие вся языческая семья кодского остяцкого князя Игичея и сам Игичей с именем Александра Алашеева. И соорудили они в своем княжестве храм во имя Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев («Древняя Российская Вивлиофика», ч. 1 под 7141 (1632) годом)¹¹.

Тем не менее при дальности расстояний новых русских поселений Сибири от центральной духовной и государственной власти быстрое развитие там православной жизни уже в начале XVII века потребовало для себя устройства местных духовно-просветительных организаций. И вот к этой-то сибирской нужде прежде всего явились на помощь монахи, подготовленные школой иночества XIV и XV веков, прославившие себя в коренной Руси удивительную культурную предприимчивостью.

Самоотверженные монахи, верные просветительным заветам великих национально-религиозных собирателей Святой Руси XIV века – святителя Алексия, митрополита Московского, епископа Стефана Великопермского и преподобного Сергия Радонежского и их приснопамятных учеников и последователей, – поспешили основать в Сибири в самом начале XVII века несколько монастырей, послуживших школами для просвещения и приютами для старых и малых. Первыми сибирскими монастырями были: в Тобольске, основанный в 1601 году во имя святых Зосимы и Савватия, в Епанчине (Туринске), основанный в 1604 году во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и в Тюмени Преображенский, основанный в 1616 году пришедшим из Казани монахом Нифонтом.

Указанное государственное строительство в Сибири, одушевляемое православным просвещением, совершалось с удивительными успехами как раз в такие годы, когда сама коренная Русь изнывала от смут самозванщины. Сибирские поселенцы одни из всего русского населения не поддались тогда долетавшим до них буйным слухам и оставались верными своему святорусскому долгу. Торжественными молебнами ознаменовала Сибирь радостное получение в 1612 году окружных посланий князей Пожарского и Трубецкого об очищении Москвы от поляков и «перелетов» – изменников. С еще большею торжественностью встретила Сибирь разосланную во все города запись Московского Земского собора 6 февраля 1613 года об избрании боярина Михаила Феодоровича Романова на царство. Однако, несмотря на преданность верноподданническому долгу, Сибирь еще со времен

Бориса Годунова сделалась местом ссылки. При Годунове в нее были сосланы несчастные угличане по делу убийства Царевича Дмитрия. Потом стали появляться ссыльные казаки и стрельцы и, наконец, всевозможные военнопленные. Так погибла чистота нравов сибирских в омуте шельмованного порока.

Новоизбранный царь Михаил вскоре отозвался на сибирскую любовь особенною отеческою любовью, выразившейся, например, в том, что он в 1614 году совместно с боярскою думою безусловно отказал английскому посланнику Джону Мерику в его ходатайстве о допуске англичан в Сибирь. Государь Михаил особенно крепко помнил «сибирское милосердие», которое было оказано в Пелыме сосланному его дяде Михаилу Никитичу, томившемуся в душной землянке и питавшемуся молоком и жидкою снедью, которую ему подавали в окошечко чрез дудочки пелымские крестьянские дети. За это милосердие к страдальцу пелымцы были вознаграждены от Михаила Федоровича особой «обельною» грамотою. Затем, немедленно по укрощении смут самозванщины и междуцарствия и по исправлении вызванных ими существенных неурядиц в нравах и делах державы, государь Михаил, по указанию своего родителя Патриарха Филарета, учредил в 1620 году для Сибири особую святительскую кафедру в г. Тобольске и даровал от казны жалованье духовенству.

По учреждении в Сибири правильного средоточия церковной жизни лучше прежнего оживилось там победное шествие русской государственности.

Первый архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан (Старорусенков) был из архимандритов Новгородского Спасского Хутынского монастыря. «Веси бо, – писал ему Патриарх Филарет, – колики сокровища благочестивый и христолюбивый сын наш великий государь Михайло Федорович и аз истощих красоты ради Церкви Божией и человеческого спасения, егда рукоположих тя епископа быти в далечайшей оной стране, да проповедь спасения Слова Божия растет и множится». При этом Патриарх поставлял Владыке Киприану в пример для подражания апостольство Стефана Великопермского (Собрание грамот и договоров, т. III¹²).

Архиепископ Киприан за три года святительства основал в Сибири несколько монастырей и церквей и упорядочил обители и приходы. Наконец, жалобой царю на бесчинство и своеволие сибирского воеводы Матвея Годунова и других правителей вызвал в 1623 году строжайшее следствие. Это следствие, произведенное московским сыщиком Иваном Спасителевым и подьячим Арефою Башмаковым, пресек-

Туруханский Троицкий монастырь

ло развитие нравственного зла и послужило основанием для издания необходимейших по тому времени нескольких царских указов о том, чтобы воеводы беспрекословно содействовали сибирскому архипастырю в деле водворения в Сибири добронравия среди пастырей и пасомых. За время недолгого архипастырства Киприана деятельные силы Православия успели широко распространить пределы своего влияния. В Таре возник монастырь во имя Нерукотворенного Образа, в Томске – Успенский, в Туринске – Николаевский и в Енисейске – Рождественский женские монастыри. Архиепископ Киприан положил основание обеспечению архиерейской кафедры в Тобольске устройством самостоятельного земледелия и сельского хозяйства на отведенных пустопорожных полях при устье реки Ницы. Ему же обязана история составлением первой Сибирской летописи об Ермаковых и казацких завоеваниях и об именах первых русских героев, подвизавшихся по покорению Сибири¹³. Владыкой Киприаном было установлено поминовение Ермака и его товарищей, совершаемое доныне в Неделю Православия. Он оставил Сибирь 15 февраля 1624 года с тридцатью храмами и двенадцатью монастырями, в которых числилось белого духовенства до трехсот и монахов и монахинь до пятидесяти человек.

Преемник Киприана архиепископ Макарий (Кучин) из игуменов Костромского Богоявленского монастыря святительствовал в Сибири с неменьшею ревностью в течение десяти лет со 2 апреля 1626 года и скончался 24 июля 1635 года. Насколько он был воодушевлен чув-

ствами верноподданного русского человека, видно из того, что по его приказанию сибирское население весь 1629 год, в который явился на свет долгожданный царевич Алексей Михайлович, праздновало каждое воскресенье молебнами и красным колокольным звоном. Необычайно благостен был архипастырь Макарий и правил паствою в духе отеческих обличений, советов и молений. Но недаром возведено Господом через пророка Исаию: «На кого воззрю, как только на кроткого и молчаливого, и трепещущего словес Моих» (Ис 66:2). Поэтому кроткий дух управления Макария даже в те грубые времена послужил только к дальнейшему распространению православного владычества по Сибири. Животворный свет христианства неудержимо разливался до Енисейска и Красноярска, оживляя русскую жизнь и разнося повсюду русский дух. В дни архиепископа Макария основан в 1631 году при впадении реки Куты в реку Лену Усть-Кутский острог, где в 1639 году была устроена первая соляная варница Ерофея Хабарова. А также заложен в том же году Братский острог против Падунского порога на реке Ангаре, и, наконец, в 1632 году покорены казаками якуты (соха) и заложен нынешний Якутск. Все это водворение русского владычества в киргизско-якутском округе, бывшем уделом четвертого Чингисханова сына Тулая и его потомков, совершилось в предшестве Креста Христова, воодушевлявшего русских героев к перенесению всяких трудностей. Но самым главнейшим делом Владыки Макария и духовенства была в то время не только для Сибири, но и для всей России первая пламенная проповедь против торга женщинами. Владыка Макарий, следовательно, первым провозгласил в XVII веке о человеческих правах женщины и этим положил начало признанию за женщиною права на брак по любви и на семью по материнству.

Третий архиепископ Сибири Нектарий из игуменов Ниловой пустыни, предсказавший царю Михаилу рождение царевича Алексея и бывший воспитателем царевича от купели, управлял сибирскою паствою в течение четырех лет с 4 февраля 1636 года по 4 января 1640 года и скончался в 1666 году. В его время в Абалаке, отстоящем за двадцать пять верст от Тобольска, было в 1636 году многократное явление Пречистой Богородицы одной благочестивой женщине Марии, из чего православные поселенцы Сибири вынесли твердое убеждение, что их страна не лишена особенных явлений благодати Божией и принята Царицею Небесною под чудодейственное покровительство. В ознаменование такого события архиепископ Нектарий соорудил в Абалаке храм и поставил там написанную по его мысли икону «Знамения» Божией Матери с предстоящими Святителем Николаем Чудотворцем

и преподобной Мариєю Египетскою. Эта икона донныне служит неистощимым источником чудес и почитается как главная святыня Абалакского монастыря¹⁴. Владыка Нектарий лично в 1639 году освятил основание г. Ялуторовска на месте татарского городища Явлатура. Он оставил по себе замечательное «Сибирское письмо», служащее драгоценным памятником о состоянии в его время церковного учения в Сибири и проникнутое пророчеством о торжестве Православия над всей Азией¹⁵.

Четвертый архиепископ Герасим (Кремлев) из игуменов Новгородского Тихвинского монастыря управлял Сибирскою епархией ровно десять лет с 31 мая 1640 года до 16 июля 1650 года. Он отличался замечательною духовною образованностью того времени и успел чрез вывезенных им из Новгорода ученых монахов учредить несколько монастырских школ для образования юношества и приготовления священнослужителей. При нем основаны мужские монастыри: в Енисейске в 1642 году – Спасский, в Красноярске в 1646 году – Введенский и в Кузнецке в 1648 году – Христорождественский, послужившие оплотами для движения русского владычества далее к востоку. Так, например, из Спасского Енисейского монастыря были отпущены в 1643 году приютившиеся там пятьдесят человек «гулящих охотников» и два инока в поход с Василием Поярковым, который в 1644 году покорил даурских князьков Досия и Колпу, обложил ясаком гиляков, разгромил юкагиров, живших между реками Яною и Колымью близ Ледовитого океана, побывал в стране ламутов, обитавших около Охотского моря между реками Колымью и Омолою, и в 1646 году привез первые сведения о воинственных чукчах. В том же 1646 году сопровождавший мезенца Исая Игнатьева неизвестный по имени монах Красноярского Введенского монастыря совершил плавание до разлива Чаунского и огласил землю чукчей первою проповедью. Так же другой монах из того же монастыря в 1649 году с казаком Семеном Шелковниковым положил основание Косому острожку, где ныне г. Охотск.

Сам архиепископ Герасим широко содействовал восстановлению Тобольска после великого пожара 1643 года. Он же положил начало полезной церковной критике написанием для духовенства первого «Алфавита неудобь разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенскаго языка». Сверх того архипастырь Герасим, будучи иконописцем, положил начало художественному образованию в сибирских обителях и сам написал образ Святителя Николая Чудотворца, сохраняемый в Междугорском Иоанновском монастыре в десяти верстах от Тобольска при реке Шанталыке. Благодаря трудам

Абалакская икона Божией Матери

не из игуменов Боровского Пафнутиева монастыря Калужской губернии, святительствовавшем с 9 марта 1651 года до 1664 года, владычество православного просвещения в Сибири проникло не только к устьям Енисея в Туруханск, где в 1663 году был основан Троицкий монастырь, но еще и на берег реки Лены в далекий Якутск, а также в страну хаминганов (тунгусов), кочевавших на всем протяжении реки Амура до Анадыря. Это воинственное племя, происходившее из Маньчжурии и называвшееся тогда «сущень», было объяснено русскими в 1657 году. Основались в 1653 году г. Балаганск и монастырь в Конде, а также Тобольский Иоанно-Введенский Междугорский женский монастырь во имя Образа Почаевской Божией Матери. При Владыке Симеоне насчитывалось по Сибири белого духовенства до 1500 и монашествующих до ста человек. Незначительное по сравнению с числом монастырей количество монашествующих свидетельствует, что, в сущности, монастыри того времени, по мысли архипастыря Симеона и его предшественников, основывались только «для научения Царствию Христову словом и житием» и поэтому служили пристанищами для учащихся и призреваемых, руководимых монахами. При Владыке Симеоне в 1660 году основан на реке Тунгуске соловецким старцем Тихоном Троицкий монастырь, в который о. Тихон перенес из старой Мангазеи тело девятнадцатилетнего убиенного юноши Василия Мангазейского (см.: «Иркутские епархиальные ведомости» за 1864 год,

и влиянию Владыки Герасима установилась система в преподавании образовательных знаний и развилось в населении особенное влечение к восприятию наук того времени и к основанию новых рассадников просвещения как подспорья для христианского духа против враждебного язычества. Сам Владыка с особенным усердием распространял в народе и среди духовенства первую русскую печатную азбуку Бурцева, вышедшую в свет в 1637 году¹⁶.

Поэтому при пятом Сибирском архиепископе Симеоне

«Источники русской агиографии» Н. Барсукова¹⁷, с. 87–88, и «Странник» за 1866 год, № 12, с. 104–112).

Время святительства Симеона ознаменовалось с 14 ноября 1654 года явлениями чудес и исцелений от большого Нерукотворенного Образа Всемилоственного Спаса в Тобольском Софийском соборе.

После Симеона шестым архипастырем Сибири с 24 июля 1664 года по 23 декабря 1678 года был Корнилий из архимандритов Новгородского Хутынского монастыря, возведенный 25 мая 1668 года Патриархами Макарием Антиохийским и Иосафом Московским в сан первого митрополита Сибирского. Четырнадцатилетнее правление Владыки Корнилия ознаменовалось в 1667 году обращением в Православие родственника китайского богдыхана тунгусского князя Гантимура со всею его семьею. Этот князь имел от богдыхана поручение защищать берега Амура от водворения русского владычества, но уже, будучи в то время под влиянием какого-то неизвестного проповедника Православия, положил оружие перед встреченными казачьими отрядами и вступил в лоно Святой Церкви и в русское подданство со своею семьею и с пятьюстами отборными тунгусскими воинами Лугамоцкого рода. Это обращение влиятельного повелителя тунгусов дало возможность митрополиту Корнилию в 1672 году основать в Иркутске Вознесенский мужской монастырь, который был построен схимонахом Герасимом и вскоре сделался передовым постом владычества православного просвещения и послужил впоследствии колыбелью духовного покорения дальневосточной окраины, благодаря вышедшим из него многим знаменитым дальневосточным миссионерам.

Во дни святительства митрополита Корнилия в 1665 году совершилось в Тобольске празднуемое до сих пор с 8 до 23 июля великое чудо от сооруженного в 1636 году при архиепископе Нектарии образа Абалакской Божией Матери: при появлении образа мгновенно перестал многодневный дождь и воссияло солнце.

Митрополиту Корнилию обязана Святая Русь образованием его знаменитого ученика Афанасия (Любимова), который в сане архиепископа Архангельского прославился ученостью и ревностью к Православию.

Седьмой архипастырь Сибири митрополит Павел из архимандритов Чудова монастыря управлял сибирскою паствою около двадцати лет, с 21 июня 1678 года до 4 января 1692 года. Он был основателем и покровителем каменного церковного строительства в Сибири, и при нем водворилось господство Православия далеко за Иркутском в Селенгинске благодаря устройству Троицкого монастыря и Посоль-

ского Преображенского с училищами для инородцев и богадельнями. Этот последний, служивший оплотом для дальневосточных миссий, был основан в 1681 году назначенными Владыкою Павлом дальневосточными миссионерами игуменом Феодосием, иеромонахом Макарием и несколькими монахами – и является памятником того места, где в 1650 году был убит бурятами царский посол Заболотный с семьей казаками. Митрополиту Павлу пришлось первому со своими монахами и священниками выступить на борьбу против «злоречия и ожесточения» раскольников, сжигавших не только самих себя, но и православных с их храмами во время богослужений. Ревностный архипастырь, однако, не увлекся преследованием одних темных изуверов. Он скоро по своему богатому духовному опыту разгадал, что истинная причина распространения губительного для гражданской жизни церковного бунта кроется «в презорстве, гордости, неистовом житии и всяческом блудодеянии» самих воевод и служилых людей Сибири. Поэтому Владыка Павел предписал всему духовенству строгое обличение «надругателей и привередников» и сам 6 января 1682 года подверг Тобольского воеводу Михаила Приклонского церковному отлучению, чем навлек на него царскую опалу.

Такое удивительное для нашего времени единение светской власти с церковною объясняется тем, что правительство того времени не могло не знать общее правило тогдашних русских сибиряков, по которому они совершали покорение Сибири: где зимовье ясажное – там и крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное – там одновременно и церковь, и где город – там и монастырь как школа порядка. По такому правилу совершилось все беспрецедентное в мировой истории по быстроте покорение обширнейшей страны с многочисленными дикими и буйными племенами. Еще в 20-х годах XVII века, когда была открыта Сибирская епархия, владычество русское простиралось только от Урала до Енисея, но за сорок лет господство русское утвердилось на низовьях Лены и Колымы и у верховьев Амура, а при митрополите Павле оно уже было на пороге Камчатки. Следовательно, его епархия представляла собой область протяжением в 10 000 верст. Этот удивительный успех русского владычества был всецело обязан нравственной силе духовенства, воодушевлявшего русских людей к отважной предприимчивости.

Из уважения к такой роли духовенства сама государственная власть тогда особенно широко принимала все меры к возвышению авторитета духовенства. Владыки сибирские были зависимы только от царя и патриарха, а воеводам вменялось в обязанность полное подчи-

нение их пастырским указаниям, как видно из того, что им с 1668 года было предписано во время святительского шествия в Неделю Вайи «водить осля»¹⁸. Этим и объясняется то обстоятельство, что в 1682 году был подвергнут опале отлученный от Церкви тобольский воевода Михаил Приклонский, а в 1685 году другой воевода его брат Иван Васильевич Приклонский и тюменский воевода Тимофей Григорьевич Ртищев за оскорбительные речи против митрополита Павла были «выданы ему головою». Из указанных случаев строгой расправы с грубыми воеводами вся Сибирь получила надолго вразумительное знамение, что авторитет Святой Церкви велик в глазах светской государственной власти, как предшествующий государственному строению светоч.

Митрополит Павел был первым ходатаем за расширение пределов христианского просвещения далее на восток. Он дважды делал представления об учреждении в Сибири новых епископских кафедр, мотивируя свои доклады указанием, что без епископов нет правильного средоточия церковной и гражданской жизни и не может распространиться «до подлежащих Даурских, Нерчинских и Албазинских стран умягчающая нравы, покоряющая сердца и окриляющая умы светоносная проповедь Слова Божия». Однако это ходатайство митрополита Павла получило осуществление только в царствование приснопамятного преобразователя России Петра I. Тем не менее митрополит Павел «собственным усмотрением» учредил нечто наподобие походного духовенства и обязательно давал «попов» каждому отряду и каждому каравану, шедшему куда-либо по Сибири. По преданию, он с особенною христианскою надеждою взирал на «землю Синим» (Китай) и всегда напутствовал отправлявшихся в китайскую сторону священников словами пророка Исаии: «На всех путех пасться будут, и на всех стезях пажить их. Не взалчут, ниже вжаждут, ниже поразит их зной, ниже солнце, но Милуяй их утешит их и сквозе источники водныя проведет их. И положу всяку гору в путь и всяку стезю в паству им. Се, сии издалеча приидут, сии от севера и от моря, инии же от земли Синим» (Ис 49:9-12)¹⁹.

Восьмым святителем Сибири был митрополит Игнатий (Римский-Корсаков), служивший сперва стольником у государя, а затем, по принятии монашества в Соловецком монастыре, проходивший духовную службу в сане архимандрита Московского Новоспасского монастыря. Митрополит Игнатий святительствовал в Сибири с 3 апреля 1692 года до 1700 года – восемь лет – и скончался в Московском Симоновом монастыре 13 мая 1701 года. Им основан в 1693 году в Иркутске Знаменский монастырь, и по его грамоте освящен иереем Мак-

симом Леонтьевым в 1696 году первый православный храм в Пекине во имя святой Софии Премудрости Божией, построенный русскими людьми, захваченными китайцами в плен при срытии крепости Албазинской в 1685 году. Преподав усердию русских пленников архипастырское благословение в языческом Пекине и послав туда в 1695 году с верхотурским священником Григорием и тобольским диаконом Лаврентием различные церковные принадлежности, Владыка Игнатий тем положил начало заграничному миссионерству Русской Святой Церкви. Замечательна грамота митрополита Игнатия к первому священнику в Пекине, хранящаяся с 1808 года в архиве Святейшего Синода в деле № 439. «О Святом Духе сыну и сослужителю нашего смирения, – между прочим писал архипастырь, – проповеднику Святаго Евангелия в Китайском царствии, *благоговейному* иерею Максиму Леонтьеву и всем православным христианам, обитающим в Китайском царствии, архипастырское благословение. Радуюся аз о твоём исправлении; аще и в плене пребываеши, но сам, с Божиею помощию, пленяеши человеки, неведущие в познание евангельския правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается ниже да оскорбляется душа твоя и всех плененных с тобою о вашем таком случае, понеже Божии воле кто противится может? А пленение ваше не без пользы китайским жителям, яко Христовы православныя веры свет им вами открывается, и вам спасение душевное и небесная мзда умножается». Перечислив затем лиц, о которых священник Максим должен был молиться за литургией, митрополит Игнатий приказал прилагать прошение и о китайском императоре: «...молитися сиеце после государских ектений: “...Еще молимся Господу Богу нашему помиловати раба Своего (имярек) богдыханова величества (как его в титулах пишут), умножити лета живота его и даровати ему благородное чадо в наследие рода их, и избавити его и бояр его от всякия скорби, гнева и нужды и от всякия болезни душевныя и телесныя, и открыти им свет евангельскаго просвещения, и простити ему всякое прегрешение, вольное и невольное, и соединити его Святей Своей Соборней и Апостольской Церкви, яко да получит и Царствие Небесное”». Тот же Владыка Игнатий исходатайствовал в 1697 году патриарший указ об учреждении, по постановлению Собора 1675 года, вместо светских «десятильников» – духовных «казачиков», т. е. выборных начальников и поповских старост (благочинных), деятельность которых сообщила службе духовенства стройность и правильную преемственность в отношении влияния на религиозно-нравственную жизнь приходов. Наконец, митрополит Игнатий, упорядочивший управление делами Православной Церкви в Сибири,

прославился еще как деятельный увещатель раскольников и оставил в обличение раскола «Три окружных послания»²⁰, которые хранятся в рукописях в Академии наук. Вся деятельность его была проникнута духом патриотического завещания предпоследнего Патриарха Иоакима, который в 1690 году заповедал: «Несть убо добро еретику неправославну сушу христианы православными в благочестивой царской державе володети и начальствовати, и судити тыя». Во дни митрополита Игнатия русские силы под начальством первого анадырского коменданта Владимира Атласова проникли на Камчатский полуостров и уже в 1700 году «поклонились царю Петру Камчаткою».

Девятый архипастырь Сибири Святитель Дмитрий (Туптало), Ростовский Чудотворец, был хиротонисан в митрополиты Сибирские 23 марта 1701 года, но по случаю болезни остался в России, и поэтому сибирскую паствою более двух лет управлял епископ Вятский Дионисий.

Десятым архипастырем Сибири был митрополит Филофей (Лещинский) – воспитанник Киевской духовной академии, из архимандритов Брянского Свенского монастыря – с 4 января 1702 года, скончавшийся 31 мая 1727 года в Тюменском Троицком монастыре схимонахом под именем Феодора. Немедленно по вступлении на кафедру он созвал первый и последний собор сибирского духовенства для выяснения церковных нужд. На этом соборе были составлены на основании указных статей Патриарха Адриана пятьдесят одно правило в руководство духовенству и, кроме того, была выработана особая записка о двадцати пяти нуждах Православия в Сибири, поданная царю Петру I при челобитной от 31 декабря 1702 года, в которой была, между прочим, выражена первая мысль о посылке в Китайскую миссию архиерея.

Однако многое из того, о чем писал царю Петру митрополит Филофей и о чем потом не раз возобновлял ходатайства, осталось неудовлетворенным, благодаря немецким влияниям. Ведь во дни святительства Филофея уже действовал первый суперинтендант лютеранских церквей в России, выписанный Петром из Гамбурга Бартольд Вагений, положивший начало открытым гонениям лютеранства против Православия.

Митрополиту Филофею обязана Сибирь устройством в 1704 году первого церковного хора из сосланных за неважные вины казаков и первой славяно-латинской школы в Тобольске с учителями из образованных киевских монахов. Он же для наибольшего упражнения умов духовной молодежи ввел с 1705 года представление духовных

драм. При нем особенно усиленно велось по Сибири каменное церковное строительство, которым руководили вызванные им из Киева художники, удивившие, между прочим, всю Сибирь сооружением в Тобольском Успенском соборе прекрасного резного иконостаса. Он ископал для обеспечения сибирского духовенства отвод земельных угодий под пашни и сенокосы и установил определенную ругу²¹ с прихожан. Он же основал вторую для Сибири кафедру епископа Иркутского и Нерчинского и рукоположил в святительский сан архимандрита Варлаама (Косовского).

Стараниями Владыки Филофея собраны были первые сведения о буддийской вере и была в 1705 году снаряжена из Тобольска под начальством архимандрита Мартимиана в отдаленнейшую Камчатку первая духовная миссия, которая сопутствовала походу пятидесятника²² Колесова. Таким образом в дни святительства Филофея проникли первые лучи православного просвещения в страну диких камчадалов и была основана самим миссионером Мартимианом близ Нижне-Камчатского острога у реки Ключевской в качестве заимки Якутского монастыря в 1711 году Успенская пустынь с первым камчатским храмом во имя Святителя Николая Чудотворца, а после того в 1713 году еще второй храм в Ключевском поселке. По оставлении митрополичьей кафедры Владыка Филофей продолжал апостольство по Сибири и обратил в Православие несколько тысяч остяков в Березовском, Сургутском и Нарымском краях и множество вогулов в Пелымском округе и по реке Конде, уничтожая их языческие кумирни и сооружая храмы Божии.

Апостольская деятельность митрополита-схимника Филофея во дни правления его преемника митрополита Иоанна (Максимовича) и после Иоанна внесла в историю православного просвещения Сибири много блестящих страниц. Преемник Филофея митрополит Иоанн из питомцев и учителей Киевской духовной академии своим ревностным попечением об умножении образованного духовенства в Сибири дополнял апостольские стремления неутомимого Филофея. Он был не только богослов, но и стихотворец и обогатил духовенство и население многими назидательными сочинениями и таким образом вооружил православные умы для деятельного и разумного распространения просвещения. Его перу принадлежит удивительный по богатству духовного опыта «Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественною волею»²³, изданный в пяти книгах, а равно «Феатрон поучительный царям, князем и владыкам»²⁴ об обязанностях разного рода властей. Наконец, как бы вся его благоговейная душа отразилась в сочинении «Богородице Дево»²⁵ и в книге под заглавием «Богомыс-

лие в пользу правоверных»²⁶. Ему же принадлежит важное дело посылки первой православной миссии в Пекин под начальством воспитанника Киевской духовной академии архимандрита Илариона Лажайского, с которым были отправлены священник Лаврентий, диакон Филимон и семь церковников из учеников первой тобольской славяно-латинской школы. Святительствовал Иоанн – одиннадцатый архипастырь Сибири – с 1711 года, всего около четырех лет, и скончался вечером 10 июня 1715 года, стоя на коленях пред иконою. Он погребен в Тобольском соборе, и над гробницу совершаются верующими

Икона свт. Иоанна Тобольского

в его святость многочисленные панихиды. Благодарный православный народ крепко помнит, что Святитель Иоанн еще в бытность черниговским архимандритом предсказал Петру Великому Полтавскую победу. Весной 1709 года, встретив царя Петра в Городце, отстоящем от Чернигова в пятидесяти четырех верстах, архимандрит во всеуслышанье перед войском сказал царю: «Предает Господь Бог враги твоя. Супротив тебя путем единым приидут на тя и седмию путии побегут от лица твоего».

Отеческое влияние митрополитов Иоанна и Филофея особенно сказывалось на правительственных распоряжениях не только бывшего в их время сибирского губернатора князя Гагарина, но и самого царя Петра. Князь Гагарин приказывал «строить на Камчатке церкви и крестить инородцев». А царь Петр, поощряя его к заботам о покорении Камчатки, твердил, «чтобы посланные шли без сомнения, так как Церковь им Заступница».

После митрополита Иоанна вторично вступил на кафедру, по повелению Петра Великого, его неутомимый предшественник митрополит-схимонах Филофей. Он посвятил много времени для личного обозрения сибирской паствы, был в 1719-м и 1720 годах в Иркутске, проезжал Байкал, устраивал миссионерские станы и благословил Омск, основанный в 1716 году для защиты от набега киргизов. Сам Владыка Филофей и его миссионеры обратили в Православие туруханских остя-

ков, чулымских татар и более половины кыштымцев, живших по реке Томи. В то же время был учрежден Владыкой миссионерский стан для просвещения киргизов, кочевавших на реке Кие. Митрополит Филофей при вступлении на кафедру нашел в Сибири всего сто шестьдесят церквей, а оставил четыреста сорок восемь и обратил в Православие 40 000 язычников и магометан. На него очень злобились татары за красноречивое порицание «разбойных стремлений» Корана. Оставил Владыка Филофей кафедру, будучи награжден царскою похвальною грамотою от 15 сентября 1720 года. Была назначена ему и пенсия, но он до самой смерти в течение семи лет не мог ее получить и остатки дней своих скоротал впроголодь.

Еще при жизни этого великого светильника Сибири, вполне заслужившего быть признанным равноапостольным, место его заступил двенадцатый достойный архипастырь митрополит Антоний (Стаховский), который управлял сибирскою паствою с 1721 года по день кончины 27 марта 1740 года. В его время в Таре по подговору казачьего полковника Подушкина был бунт раскольникового населения против присяги по уставу 5 февраля 1722 года на верность тому наследнику Престола, какого Государь изберет. Тогда бунтовщики в 1724 году, не желая отдаться в руки правосудия, взорвались на воздух, а затем до тысячи человек было казнено. Такой буйный дух населения вместе с необузданностью учрежденного в 1728 году воеводского правления отправлял и извращал всякое мероприятие Владыки Антония и делал его жизнь невыносимою. Тем не менее он прилагал особенное усердие к просвещению Православием дальневосточных окраин, лежащих по берегам Охотского моря. Владыка Антоний с целью подготовки для пограничного Китая сведущих миссионеров открыл в 1725 году в Иркутском Вознесенском монастыре русско-монгольскую школу и добился основания с 1727 года отдельной Иркутской епархии. Он в 1728 году отправил в Китайскую миссию архимандрита Антония Платковского и на Камчатку игумена Иоанна с монахом Феофилактом. Потом в 1734 году был послан митрополитом Антонием иеромонах посольского монастыря Иларион Трусов, снабженный образками и крестиками для раздачи новокрещенным. По распоряжению Владыки Антония была снаряжена из Якутска миссия под начальством образованного священника Ермолая Иванова для исполнения христианских треб в Зашиверском остроге и в трех Камчатских: Нижнем, Верхнем и Большерецком.

После того в 1737 году митрополит Антоний отправил из Якутска на Камчатку иеромонаха Александра и иеродиакона Дамаскина, ко-

торые сопутствовали знаменитому исследователю Камчатки Ст. Крашенинникову. Ими в существовавшей Камчатской Успенской пустыни был устроен храм на прописанном Владыкою основании и заказное духовное правление, а также были сделаны первые удачные опыты хлебопашества. Во дни его архипастырства одна Тобольская епархия, не считая Иркутской, имела уже триста восемьдесят три храма. Он еще при жизни распределил все свое имение по церквам и духовенству.

При митрополите Антонии воссиял первый благодатный светильник и духовный собиратель

Дальнего Востока епископ Иннокентий (Кульчицкий) из уроженцев Киевской губернии. Питомец Киево-Печерской лавры и Академии, потом префект Московской духовной академии и, наконец, деятельный наставник и руководитель новоустроенной в те времена Петербургской Александро-Невской лавры и ее Академии, обер-иеромонах флота Иннокентий получил от самого царя-работника назначение в миссионеры для проповеди христианства в Китае и был 1 марта 1721 года хиротонисан во епископский сан. Однако в Китае тогда уже существовало пропитанное закваскою ненависти к Православию иезуитское гнездо, заведенное Матвеем Риччи, бывшим впоследствии душою заговора и бунта против испанского короля Карла III. Кроме иезуитов были в Китае и миссии доминиканцев и францисканцев. Поэтому Святителю Иннокентию после утомительного пути около 7 000 верст до границы Китая пришлось встретить подстроенное католиками запрещение доступа туда, и он поселился в Селенгинском Троицком монастыре. Здесь он научился бурятскому языку и огласил евангельской проповедью диких бурят. При этом личное существование Святителя совсем не было обеспечено ни жалованьем, ни доходами, вследствие чего он зарабатывал себе пропитание личным трудом иконописца и сам шил для себя одежду.

Вступив затем на Иркутскую кафедру, Святитель Иннокентий нашел нравы населения и даже духовенства в таком жалком состоянии,

Икона свт. Иннокентия Иркутского

что оказался окруженным яростным безумием невежества, пороков и жадности. Целых десять лет он содержал буквально своими трудами при Вознесенском монастыре училище для детей разного звания и боролся с апостольским воодушевлением против нравственного зла, разъедавшего русскую жизнь, и против изуверских происков свирепых шаманов, старавшихся всеми силами погубить этого ратоборца Христа Света.

Скончался Святитель Иннокентий на пятидесятом году жизни, истощив себя ради спасения многих, но его воодушевление и самоотверженность не остались бесплодными. Сила его примера и оружие Слова Божия духовно покорили Христу не только многих падших русских людей, но и огромное множество язычников.

Таким образом, ценою святительского самоотвержения был куплен для Русской Церкви Дальний Восток, на пороге которого доднесь стоит угодник Божий Иннокентий, прославленный нетлением мощей и подкрепляющий русский дух своими благодатными молитвами и чудесами. Он по справедливости считается первым Иркутским епископом, потому что поставленные ранее – в 1706 году Варлаам (Косовский), а затем в 1721 году Игнатий (Смола) – совсем не вступали на кафедру по причине «тяжкой скудости».

После Святителя Иннокентия был хиротонисан 25 ноября 1732 года в преемники ему префект Московской Славяно-греко-латинской академии Иннокентий (Нерунович). Он крестил множество тунгусов, за которыми до сих пор сохранилось прозвание «неруновских». Подробные сведения о деятельности этого замечательного архипастыря, просветителя тунгусов, скончавшегося 26 июля 1747 года, напечатаны в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1865–1871 годы.

Вместо митрополита Антония был назначен в Сибирь митрополит Никодим (Сребрицкий), который не мог по причине болезни явиться к своей пастве и остался в Чернигове.

Вместо него был хиротонисан 10 марта 1741 года в митрополиты известный противник временщика Бирона и немецких влияний воспитанник Киевской духовной академии Арсений (Мацеевич). Побывав предварительно с октября 1729 года в течение двух лет проповедником Слова Божия в Сибири во дни митрополита Антония (Стаховского), затем совершив в 1734–1736 годах четыре северных экспедиции к камчатским окраинам для исследования пролива Дежнева (ныне Берингова) и, наконец, отслужив законоучителем Первого Петербургского кадетского корпуса в 1738 году и гимназии при Академии наук в 1739 году, митрополит Арсений явился на Сибирскую ка-

федру с огромным духовным опытом и широкою осведомленностью. Первым его делом в Сибири было снаряжение миссии на Камчатку под начальством архимандрита Иоасафа (Хотунцевича) из пяти священников, двух диаконов и десяти причетников, в числе которых состояли несколько питомцев духовных академий.

Насколько удачен был сделанный Владыкой Арсением выбор личного состава Камчатской миссии, это видно из того, что миссионеры за семь лет успели обратить в Православие почти всех камчадалов, завели там школы для них в Большерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске. Из миссионеров особенно прославились иеромонах Пахомий, как просветитель камчадалов, и иеромонах Иоасаф, совершивший с камчатским сержантом Емельяном Басовым на шитике отважную экспедицию, во время которой открыты острова, получившие впоследствии название Командорских, причем Иоасаф первым проповедовал христианство на Курильских островах.

Владыка Арсений первым из архиереев распорядился переименовать свою Тобольскую духовную канцелярию в консисторию, с помощью прав которой открыто выступил на защиту своей судной власти над духовенством, стремясь его избавить от всяких светских притеснений. Связи Арсения с Петербургом и личная известность воцарившейся дочери Петра Великого Елизаветы помогли ему даже отстоять и возвратить из камчатской ссылки архимандрита Платона (Малиновского), который, как выразился Арсений в письме к императрице, «страдал по единой злости плута Остермана». Ведь Арсений сам был свидетелем свирепых гонений против Православия сперва со стороны Вагения, Лефорта и пастора Глика – воспитателя Екатерины I, а затем со стороны Бирона, Миниха и Остермана.

Бироном в 1734 году было отдано распоряжение, допускавшее пострижение монахов только из вдовцов и отставных солдат, отчего, как говорят летописи, «многие обители тогда пришли в конечное запустение». За малейшее неосторожное слово против лютеран мучители казнили и ссылали духовных лиц, в числе которых был и названный архимандрит Платон (Малиновский). Благодаря заступничеству Арсения Платон сделался впоследствии архиепископом Московским и Севским. Арсению также принадлежит честь заступничества за Анну и Петра Артемиевичей Волынских – детей злополучного Волынского, которым он облегчил положение во время их ссылки в Селенгинск, а затем выхлопотал помилование. Сверх того Арсений положил конец самоуправному вмешательству Сибирской коллегии экономии²⁷ в хозяйственные дела духовенства и вообще проявил решительное

стремление, чтобы удержать на надлежащем месте «бездельных» ябедников, которых в его время накопилось «из ссыльных дворян и приказных» до 20 000. Против них он всегда говорил и писал словами указа от 15 января 1739 года: «Что можно ожидать доброе от воевод из мужиков, казаков и ссыльных?»

Всего одиннадцать месяцев святительствовал Арсений в Сибири и 10 февраля 1742 года покинул Тобольск, заняв вскоре Ростовскую кафедру и должность члена Святейшего Синода. Впоследствии, как известно, посягатели на церковно-имущественное право столкнулись с пламенным протестом Арсения и, почувствовав за ним юридическую силу, обвинили самоотверженного защитника интересов Церкви в выдуманных преступлениях и фанатизме, дабы тем затмить и его дело, и его имя. Арсений окончил дни свои 28 февраля 1772 года в Ревельском каземате, оставив на его стене надпись: «Благо, яко смирил мя еси, Господи»²⁸. Между тем Сибирь не рассталась с Арсением и сохраняет о нем из рода в род легендарную память, свидетельствующую, что в отношении его народ соблюдал и соблюдает долг признательности. Его мнимую могилу на Нерчинском тракте в Забайкалье на горе у Троицы украшает часовня, в которой ежегодно 8 мая бывает великое богослужение по его душе, любившей Сибирь и Камчатку и ревновавшей об интересах Церкви с полным самозабвением. Впрочем, сохранился указ Иркутской духовной консистории от 8 марта 1773 года на имя настоятеля Селенгинского Троицкого монастыря, свидетельствующий, что Арсений по указу 7 октября 1763 года был сперва в Нерчинской Успенской пустыни, а затем переведен в Селенгинск. По преданию, он умер за сорок восемь верст от Удинска, где и имеется упомнутая его могила. На судьбе Арсения сбылись слова царственного псалмопевца: «Ревность дому Твоего снетет мя» (Пс 68:10).

Четырнадцатым архипастырем Сибири был митрополит Антоний (Нарожницкий) из наместников Троице-Сергиевой лавры с 26 сентября 1742 года по 9 октября 1748 года. При его вступлении Сибирь уже имела 900 православных приходов, для которых Владыка Антоний первым делом озаботился самым широким развитием духовно-учебной части с целью приготовления возможно большего числа «учительного» духовенства. Он исходатайствовал в 1743 году преобразование основанной митрополитом Филофеем (Лещинским) тобольской школы в духовную семинарию, для которой отстроил каменное здание и написал через особо командированного енисейского архимандрита Дмитрия (Смеловского) дельных учителей из Киева и Чернигова: Якова Волынского, Ивана Блажевского, Герасима Граневича и иеромонаха Паф-

нутия (Даневского). Ему принадлежит первое и полезное по тому времени распоряжение о принудительном собирании учеников для семинарии из священнослужительских детей, для обучения которых он открыл, помимо Тобольской семинарии, еще особые школы в г. Троицке и при Рафаиловском и Енисейском монастырях. Он исходатайствовал временное закрытие Иркутской епархии, «дабы там по недостатку ученых людей не разводились худые попы», и наблюдал строгое испытание ставленников на приходские места и сам их экзаменовал. Тем не менее митрополит Антоний не покидал отеческими заботами Камчатский край. Туда по его выбору был отправлен архимандрит Иоасаф (Хотунцевский), который своею проповедью просветил камчадалов и внушил им покорность к русской власти.

По смерти Антония преемником его был пятнадцатый Святитель Сибири митрополит Сильвестр (Гловатский) из префектов Казанской духовной академии, правивший паствою с 16 июля 1749 года по 1755 год (умер 20 мая 1760 года) и отличавшийся особенною ревностью по обращению магометан в Православие. Он настойчиво проводил в жизнь указ 1743 года (ПСЗ, т. XI, № 8786) о том, чтобы раскольники, обратившиеся в Православие, и вообще все новокрещенные не оставались бы без пастырского попечения и просвещения. По ходатайству Сильвестра причт Обдорского храма был обеспечен казенным содержанием из неокладных доходов Сибирской губернии (ПСЗ, т. XII, № 9529), и последовал указ о беспрепятственном пользовании лесами для постройки храмов и домов для причтов (№ 9917). Владыка Сильвестр был очень уважаем Святейшим Синодом за благочестие и участвовал в 1756 году в канонизации мощей Святителя Дмитрия Ростовского.

Преемник Сильвестра шестнадцатый архипастырь Сибири Павел (Конюскевич) из архимандритов Велико-Новгородского Юрьева монастыря управлял сибирскою паствою десять лет с 23 мая 1758 года до 11 января 1768 года.

В ту пору русская предприимчивость уже имела широкое развитие. Русские зверопромышленные и ясачные зимовья возникали повсеместно. Даже под $68\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты был Хатангский погост с храмом, и там жили, по свидетельству Гмелина²⁹, 452 человека. Само собой разумеется, что с развитием поселений усиливалась и потребность в соответствующем устройстве православной жизни. Поэтому еще за пять лет до митрополита Павла была вновь восстановлена Иркутская кафедра, на которой с 18 апреля 1753 года состоял епископ Софроний (Кристалевский) из наместников Александро-Невской лав-

ры, который до дня своей кончины, последовавшей 30 марта 1771 года, подвизался восемнадцать лет подвигом любящего отца своей паствы. Щедрость Святителя Софрония не знала границ, он отдавал всего себя на дела благотворения, не съедал куска, не поделившись с кем-либо. Его жилище и весь Вознесенский монастырь в его время были переполнены призываемыми больными, бездомными и разными сиротами. «Делами проповеди и светильником любви согревайте мир человеческий, ибо только от любви любовь воспламеняется и собою всякую ревность по Бозе приводит», – поучал Владыка Софроний. И действительно, так у него и было: не он искал людей, нуждающихся в православном просвещении, а сами люди без различия племен и вер шли к нему тысячами и отдавали ему свои души и сердца, умножая собою церковную семью.

Не уменьшилось это людское влечение к Святителю Софронию и после его смерти. Его гробница вот уже 140 лет служит пристанищем для скорбящих людей и неугасимым алтарем для их молитв, возносимых ежедневно. И многое множество благодатных утешений и исцелений ниспосылает Господь молящимся у гробницы Святителя Софрония, изображения которого очень распространены по всей Сибири.

С таким кристально-чистым проповедником «делами любви» легко и отраднo было митрополиту Павлу. Поэтому время обоих святителей было в духовной жизни сибирского населения временем зжидательным, временем бодрого христианского соревнования в заботах о благосостоянии Церкви Сибирской и ее деятелей.

Митрополит Павел привез с собою в Сибирь указ о назначении духовенству на Камчатке сверх жалованья еще по двадцати пудов ржаной муки на каждую семью в год. Он обращал строгое внимание на соблюдение монастырями духовных уставов. Для смягчения нравов духовенства особенно ревностно проводил в жизнь исходатайствованный им указ 1761 года «О воздержании духовных лиц от непристойных поступков при следствиях по делам веры и об употреблении ими для обращения заблудших меча духовного, а не гражданского» (ПСЗ, т. XV, № 11277). При нем основан в 1764 году Енисейский Иверский женский монастырь, в котором почивает чтимый старец Давид³⁰. Владыка Павел открыл в Тобольской семинарии кафедру по преподаванию Богословия и выпросил для семинарии жалованье по 490 рублей в год. От него получил подвизавшийся на Камчатке иеромонах Пахомий значительное пожертвование деньгами, церковной утварью и книгами для тринадцати камчатских школ, причем эти свои

дары Камчатке отправил с протоиереем – начальником камчатских духовных дел, назначенным по указу 25 ноября 1760 года. Его же стараниями было организовано в Тобольске и Красноярске постоянное проповедничество для просвещения обращенных в Православие и для научения всего духовенства живыми образцами проповеди. Так же с особенным воодушевлением он распространял по Сибири указ 16 августа 1760 года, осуждавший «внутренних врагов, предпочитавших незаконную прибыль присяге, долгу и чести». По его приказу духовенство гремело проповедями, основанными на словах этого указа, что «несытая алчба корысти превратила места правосудия в торжища лихоимства».

Распоряжением о церковном обличении «служилого люда» Владыка Павел приобрел себе множество врагов. Наконец, кроткого Владыку Павла постигла взведенная преподавателем семинарии Савватием Исаевичем клевета за расточительное пожертвование средств епархии, вследствие чего Владыка был отозван и определен в Киево-Печерскую лавру, где скончался 4 ноября 1770 года и поживает в нетлении и чудесах.

Владыка Павел (Конюскевич) был шестнадцатым и последним митрополитом Сибирским. После него сохранилось для святителей Тобольских право ношения креста на митре.

Семнадцатым святителем Сибири был родной брат митрополита Петербургского Гавриила Варлаам (Петров) из архимандритов Новоторжского Борисоглебского монастыря с 5 октября 1768 года по 27 декабря 1802 года – всего около тридцати четырех лет. При евангельской кротости души архиепископ Варлаам отличался неутомимую деятельностью по развитию духовного образования и по введению в семинарии общеобразовательных наук: философии, математики, истории, географии, медицины, физики и высшего красноречия. Исходатайствовав преподавателям хорошее по тому времени обеспечение, Вла-

Икона свт. Софония Иркутского

Митрополит Павел II

своих духовных задач по просвещению Дальнего Востока. Им в 1769 году была отправлена в Пекин миссия и при ней три воспитанника Тобольской семинарии для изучения маньчжурского языка. В его время была совершена игуменом Мисаилом в 1788–1789 годы обширная миссионерская поездка в Туруханский край для восстановления Православия у остяков («Христианское чтение», 1864, т. 1, № 2, с. 229–240). Владыкой Варлаамом был отправлен на Иркутскую кафедру его любимец, первый ректор семинарии Михаил (Миткевич), вместо скончавшегося епископа Софрония. Этот Владыка с 5 декабря 1772 года по 1 августа 1789 года был в Иркутской области деятельнейшим сотрудником архиепископа Варлаама по развитию в духовенстве ревности к миссионерским подвигам на камчатских окраинах. Стараниями обоих владык учреждена 23 марта 1780 года Иркутская духовная семинария. Ими же в Сибири заведена была необходимая тогда церковная проповедь о пользе оспопрививания и о необходимости разведения картофеля по указу 1765 года, что сильно сокращало вражду темного люда против этих полезнейших мероприятий.

Много хлопот обоим владыкам было по учреждению новых приходов в удовлетворение возникших в их время многих поселений и новых городов и в особенности по борьбе против ламаитской пропаганды, которая ожила и широко распространялась с 1773 года, т. е. с того времени, как правительство дозволило каждому бурятскому роду иметь свои дацаны – монастыри, которые мгновенно попали под

дыка Варлаам выписывал к себе ректоров для семинарии из Киева и готовил опытных наставников посредством командировки лучших тобольских семинаристов в Петербургскую и Казанскую духовные академии. Ему пришлось много потрудиться по восстановлению своих церквей и зданий после большого пожара 27–28 апреля 1788 года, истребившего почти весь Тобольск. Но он нашел своим стараниям самое широкое сочувствие в Петербурге, и деньги к нему лились рекою, вследствие чего храмы и дома возобновлялись с изумительной скоростью. Он не забывал

покровительство продажных чиновников и сделались враждебными для православных гнездами. Желая укрепить свое православное духовенство против такого лагеря, Владыка учредил в Иркутске запасный капитал на церковно-строительные нужды Якутской области и Дальнего Востока, и они же, пользуясь жалобами Камчатской миссии, вызвали издание в 1787 году указа о воспреещении чинить жестокости над инородцами Камчатки и островов Тихого океана (ПСЗ, т. XXII, №№ 16592 и 16709). Во дни Владыки Варлаама были в 1791 году первые случаи обращения японцев в православную веру и снаряжена самим Владыкой в 1794 году на американские острова первая духовная миссия десяти иноков под начальством Валаамского иеромонаха Иосафа (Болотова). Впоследствии этот отважный миссионер был 10 апреля 1799 года хиротонисан Владыкою Варлаамом во епископа с назначением на Иркутское викариатство в Кадьяк, но на пути туда на корабле «Феникс» вместе со всюю свитою утонул вследствие кораблекрушения у берегов Америки, после чего это викариатство осталось упраздненным навсегда. С благословения Владыки Варлаама отправился в 1799 году ученый протоиерей Григорий Слепцов с походною церковью на евангельскую проповедь в дальневосточных окраинах, просвещал землю чукчей, достигал Чукотского Носа и после шестнадцатилетнего миссионерства среди чукчей скончался в Якутском Спасском монастыре в 1815 году. По указаниям о. Григория, как редкостного знатока Дальнего Востока, была проложена дорога от Якутска до устья реки Май и от урочища Нелкана до устья реки Алдана.

Тридцатичетырехлетнее святительское служение архиепископа Варлаама было высочайше оценено. От Павла I он получил орден святой Анны I степени и от Александра I награжден 12 мая 1801 года именным рескриптом, хранящимся в Тобольской архиерейской ризнице, а 15 сентября того же года – орденом святого Александра Невского. Надо удивляться, что Владыка Варлаам не потерпел никаких гонений за свои пламенные обличения против Мальтийского иезуитского ордена²¹, который в то время насаждал повсеместно в России своих ставленников, отличавшихся изумительною дерзостью против Православной Церкви. Владыка против пропаганды этого ордена усердно боролся с целью общей защиты православного духа от иезуитских кавалеров и тем не менее не был погублен ими. Скончался Владыка 27 декабря 1802 года в Тобольске на семьдесят четвертом году жизни, оставив по себе благоговейную память.

Восемнадцатый святитель сибирской паствы Антоний (Знаменский) из ректоров Александро-Невской духовной академии состоял ар-

хиепископом в Тобольске всего три года, с 13 февраля 1803 года по 25 мая 1806 года. Его сотрудником по Иркутской кафедре был епископ Вениамин (Багрянский), святительствовавший с 9 декабря 1789 года по 8 июня 1814 года. При них последовал в 1803 году указ об устройстве областного управления в Камчатке и предварительного управления в Охотске (ПСЗ, т. XXVII, № 20889) и объявлено высочайшим рескриптом о явлении святых мощей первого Иркутского епископа Иннокентия (№ 21540), которые и были Владыкой Вениамином канонизованы 9 февраля 1805 года.

После Антония святительствовал девятнадцатый архипастырь Сибири Амвросий (Келембет), переведенный 25 мая 1806 года с Оренбургской кафедры и остававшийся в Тобольске шестнадцать лет до 21 декабря 1822 года, когда был уволен на покой в Лубенский монастырь, где и скончался 4 июля 1825 года. Его сотрудником после кончины Иркутского епископа Вениамина был епископ Михаил (Бурдуков) из ректоров Тверской семинарии, с 18 октября 1814 года, скончавшийся 5 июня 1830 года.

Время правления обоих святителей было самое неблагоприятное для развития духовно-просветительной деятельности в Сибири. В их годы четырнадцать лет владычествовал в должности генерал-губернатора Пестель – отец известного декабриста, имевший правую руку в иркутском губернаторе Трескине. Оба эти правителя, запасшись с помощью петербургских вольнодумцев чрезвычайными полномочиями, ознаменовали свою сибирскую деятельность тем, что разведали шпионство с целью перехватывания всякой корреспонденции и таким образом отрезали Сибирь, а следовательно, и ее духовенство от всякого правосудия. Под покровом водворившегося немного произвола Трескин без всякого уважения к законам и распоряжениям из столицы грабил Сибирь и отправлял обильную дань Пестелю, проживавшему в Петербурге, а Пестель, с своей стороны, тушил всякие жалобы на Трескина. Эти достойные сподвижники по одному подозрению против монголиста Игумнова в писании частных сообщений о сибирском бесправии отдали этого образованного человека своего времени под суд, отрешили от должности и запретили ему въезд в Иркутск. Губернаторское своеволие, простиравшееся помимо поборов и несправедливостей до катания на полах и чиновниках, конечно, вызывало страшную анархию в нравах. Енисейский городничий тоже катался на чиновниках, осмелившихся подать на него жалобу. Охотский начальник именовал себя «царем и богом» и истязал всякого без разбора. Нижнеудинский исправник Лоскутов публично высек плетьюми

соборного протоиерея за донос архиепископу. Словом, при таком произволе, возведенном в систему и царившем повсеместно в Сибири четырнадцать лет, была извращена вся духовная жизнь сибирского населения до совершенного одичания и даже в 1810–1811-м и 1815–1816 годах доходила в Туруханском крае до людоедства. А так как в то же время и в самой России приходилось всем иерархам бороться против масонского вольнодумства, занесенного Британским Библейским обществом³², то и все духовные начинания сибирских Владык Амвросия и Михаила оставались гласом, вопиющим в пустыне, и им приходилось ограничиваться только поддержанием духовенства на ногах. Кто склонен осуждать означенных иерархов за малую деятельность, тому следует прочесть указы, дававшие Пестелю, а следовательно и Трескину, царские права над Сибирью, против которых что могли поделаться епископы и их духовенство! (См. о степени власти сибирского генерал-губернатора в ПСЗ, т. XXIX, № 22123, 22143, и в т. XXX, № 22823 и 23738.)

Даже просвещение язычников светом Божественного Православия было приостановлено произвольным извращением законов со стороны Пестеля и Трескина. Так как существовали указы, запрещающие обращать инородцев в крепостных, «чтобы Сибирская земля не пустела», то установилась тогда система, по которой инородцев почти насильно крестили, превращая по документам в коренных православных, и затем делали их крепостными. Такое извращение всякого понятия о благочестии при тогдашнем чиновничьем самовластии делало миссионеров жалкими прислужниками и невольными пособниками сибирских крепостников. Конечно, инородцы смотрели на Православие как на преддверие рабства и потому даже преследовали миссионеров и охотно шли в мусульманство, успевшее купить себе у чиновников недостижимые для православных льготы (см.: ПСЗ, т. XXIII, № 17099: о дозволении магометанам покупать земли и заселять их; т. XXV, № 18596: об охране свободы киргизов; № 19145: о выдаче награды за счет Кабинета за исправный платеж ясака; № 19196: о сохранении калмыкам разбирательства по их обычному праву; т. XXVI, № 19325: о принятии на почте всех татарских писем на Высочайшее имя; т. XXVII, № 20171: грамота о вольностях кочевых киргизов; т. XXX, № 23039: о предоставлении оседлым киргизам льгот от всяких податей и службы на 10 лет и т. п.). Помимо такого извращения положения и прав Православия, существовало насильственное определение способных духовных юношей к делам разных светских канцелярий (ПСЗ, т. XXVI, № 19723). Вследствие этого даже личный состав

духовного сословия, умноженный прежними иерархами, неудержимо таял, так что время владычества Пестеля с Трескиным ознаменовалось крайним недостатком кандидатов в священство. Про Трескина все историки в один голос говорят, что он «заел камчатского коменданта Кошелева, представлявшего светлый луч в жизни края». Кошелеву принадлежит честь деятельной борьбы против распространения страшной венерической болезни, занесенной на Камчатку в 1799 году «Сомовским полком»³³. С целью предотвращения заразы им была устроена в селе Малки на горячих ключах первая больница. Кроме того, Кошелев очень боролся против безумств русских людей и против грабительских операций Русско-американской компании³⁴. И однако, Трескин заморил Кошелева под судом.

При таких условиях неудивительно, что время святительства Владык Амвросия и Михаила было временем крайнего упадка православного просвещения в Сибири и усиления магометанства, язычества и всякого иноверия, плодившихся на своих льготах на зависть православным.

Тем не менее оба иерарха не ослабевали в поддержании отдаленных церквей Якутска, Охотска и Камчатки, и в 1808 году ими отправлено туда значительное пособие, и они добились особых указов об обеспечении Камчатского края провиантом (ПСЗ, т. XXXII, № 25432), об учреждении там под наблюдением местного духовенства ремесленной школы (т. XXXIV, № 26698) и об окладе продовольствием для гижигинских жителей (№ 26931).

Но самая драгоценная заслуга Иркутского Владыки Михаила заключалась в том, что он успел уговорить разоренного местной администрацией мещанина Саламатова «пронести до Государя мирскую и духовную жалобу на пестельские порядки». Жалоба была составлена Владыкой Михаилом в доме купца Трапезникова «с тайностью под крестным целованием», после чего Саламатов захватил по пути жалобу в Тобольске от архиепископа Амвросия и подал в 1818 году все написанное лично Императору Александру I. Следствием этой жалобы была отдача Пестеля под суд с полным разгромом всех его подражателей и сподвижников. Тогда же был назначен на Камчатку комендантом Петр Иванович Рикорд, который после несчастного Кошелева представлял новый светлый луч в жизни области. Когда он оставил Камчатку, то его преемнику Станицкому Высочайшим указом 1822 года было строго предписано «при управлении Камчаткою соображаться правилам флота капитана Рикорда и воздерживаться от всяких перемен». Так кончилась сибирская эпоха от Ермака до Пестеля, и началась с гра-

фа Сперанского новая, уже теперь вполне заслуживающая себе конца за дальневосточное безделье.

Одновременно с разгромом Пестеля добились сибирские Владыки Амвросий и Михаил указа 1820 года о запрещении иностранцам селиться в Охотске и на Камчатке (Вагин³⁵, т. II, с. 357), «дабы отклонить происходящее от них рассеяние Христову просвещению». Завершилась же заботливость обоих Владык о церковных интересах в Сибири удалением из Пекина вольничавшей миссии под начальством известного ученостью, но слабого по характеру архимандрита Иакинфа (Бичурина), взамен каковой миссии была послана новая из двух иеромонахов Вениамина и Даниила под начальством архимандрита Петра (Каменского).

Во дни упомянутых архипастырей появилась с 1817 года в Сибири разрешенная по ходатайству главы методистов³⁶ Рихарда Ватсона английская миссия, раздававшая населению книги Священного Писания, переведенные на русский язык с искажениями в протестантском духе. Помимо этих переводов, английские миссионеры беспрепятственно распространяли в среде грамотных людей, например, такие изуверские сочинения: «Таинство Креста» («Mystere de la croix»)³⁷, в которой Синоды и Вселенские соборы названы «зверем, порождением Вавилона и духом антихристовым», и «Победная повесть»³⁸, обещающая торжество над Православием для меннонитов³⁹, сепаратистов⁴⁰, методистов, пиелистов⁴¹, квакеров⁴² и пр. Стараниями английской миссии был введен в моду по Сибири их «Сионский вестник»⁴³, в котором одновременно с масонскими бреднями проводилось отрицание святости постановлений и преданий Православной Церкви. Против всего этого английского набега на Православие трудно было архипастырям Амвросию и Михаилу что-либо предпринять. Они сами по приказанию учрежденно в 1817 году Министерства духовных дел⁴⁴ поневоле состояли членами издававшего означенные книги Британского Библейского общества и были вынуждены отписываться от грозных запросов по поводу их слабого содействия английскому посеву ересей. На глазах у архипастырей Библейское общество переписывалось с раскольниками и открыто поддерживало их жалобы на духовенство, пользуясь своим влиянием в Петербурге. Помимо раскольников стояли на стороне этого влиятельного общества и все разночинцы и служебные люди Сибири, которые были уже в то время развращены собственным безнаказанным своеволием, обилием преступного люда и веявшим из внутренней России западным вольнодумством.

В такое-то время Тобольский Преосвященный Амвросий (Келембет) покинул кафедру и его место заступил 28 октября 1822 года

Амвросий Рождественский (Вещезеров), святительствовавший до 14 февраля 1825 года. После него архипастырем Тобольским был с 30 сентября 1825 года Евгений (Казанцев), переведенный потом в Рязань с 7 августа 1831 года.

На Иркутской же кафедре продолжал святительствовать до 5 августа 1830 года Владыка Михаил (Бурдуков). Ему Бог судил видеть в жизни сибирских православных людей несколько светлых лет во время генерал-губернаторства М. М. Сперанского. Преосвященный Михаил служил Сперанскому опытным советником и успел через него довести до сведения правительства о всех бедах и напастях, мешавших распространению православного просвещения. Следствием этих представлений Владыки Михаила было издание указа об отобрании злобредных книг (ПСЗ, т. XI, № 30191), вызвавшего прекращение английской религиозной пропаганды в Сибири, а также наступил поворот внимания правительства в сторону миссионерского дела среди инородцев, выразившийся в издании указа об отправлении монахов-миссионеров и об отпуске им казенного пособия (ПСЗ, т. XI, № 30343).

Однако достигнутые Владыкой Михаилом незначительные мероприятия в пользу Православия не имели тогда и не могли иметь существенного значения для жизни обширной Иркутской епархии, потому что как раз в то время, по благосклонности сибирских чиновников, сильно оживилась проповедь ламаизма, которая очень приходилась по грешным вкусам не только бурят, но и других инородцев и даже русских. Поэтому и настойчивое распоряжение Святейшего Синода в 1828 году о посылке в область Иркутской епархии способных миссионеров и об устройстве при Тобольской семинарии курсов местных инородческих языков являлось недостаточным противовесом успехам языческой пропаганды.

По указу Святейшего Синода 1823 года учреждена миссия в Уналашке на Алеутских островах, куда Владыкою Михаилом был отправлен молодой двадцатипятилетний священник Иркутской Благовещенской церкви Иоанн Евсеевич Попов-Вениаминов, просветивший алеутов и Камчатский край, прославившийся в науке исследованием об естественных богатствах края и дальневосточных островов⁴⁵ и бывший впоследствии под именем Иннокентия митрополитом Московским.

Преемник Михаила архиепископ Иринея (Нестерович) оставался на Иркутской кафедре всего около года, с 26 июля 1830 года по 28 июня 1831 года, и был оклеветан генерал-губернатором Лавинским «в бунте против светских властей». Хотя Владыка Иринея впоследствии доказал, против каких именно злоупотреблений чиновничества он про-

тестовал, хотя и было им доказано, что сам его обвинитель Лавинский, помимо разных самочинств, требовал для себя в соборе возвышенного места, наподобие царского, но тем не менее Владыка до самой своей смерти не получил кафедры и скончался в 1864 году на должности настоятеля Толгского монастыря близ г. Ярославля. Сведения об его процессе и о несправедливостях к нему подробно изложены в 35-37 томах «Русской старины» и в «Восточном обозрении» за 1882 год, № 31.

После Иринейя на Иркутскую кафедру вступил 18 июня 1831 года архиепископ Мелетий (Леонтович). В то же время в Тобольске после Владыки Павла Морева (Павлова), занимавшего кафедру с 7 августа по 18 декабря 1831 года, святительствовал архиепископ Афанасий (Протопопов) с 24 января 1832 года по 21 сентября 1842 года. Иркутский архипастырь Мелетий – миссионер по призванию и аскет в личной жизни – известен своим знаменитым в свое время «ставленническим катихизисом» и не менее знаменитым пастырским воззванием к бурятским родоначальникам («Иркутские епархиальные ведомости», 1872). Это послание представляет первое в истории церковного проповедничества убедительное обличение низменного ламаизма и потому много способствовало к сокращению успехов этого темного языческого иезуитизма. Пламенная борьба против беспредельного владычества лам чуть не стоила ему жизни – подсланный ламаитами убийца был схвачен в то самое время, когда ломился в келлию Высокопреосвященного.

Владыка Мелетий был основателем Алтайской миссии, в которой при нем начал свои подвиги первый алтайский миссионер архимандрит Макарий (Глухарев), ушедший на покой в 1843 году и скончавшийся в Болховском Троицком Оптине монастыре в 1847 году.

Владыка же Мелетий совместно с Тобольским Высокопреосвященным Афанасием исхлопотал образование Томской и Енисейской епархии, которая открыта в 1834 году, а также Камчатской епархии, открытой в 1840 году, на которой первым епископом состоялся знаменитый Иннокентий (Вениаминов). Тогда же были образованы Владыками для просвещения якутов духовные миссии с двумя походными церквями – Благовещенскою и Николаевскою.

Первый Томский епископ Агапит (Вознесенский), святительствовал с 12 августа 1834 года по 10 июня 1841 года, принимал вместе с Тобольским Владыкой Афанасием деятельное участие по борьбе против раскольников всевозможных сект, населявших обе епархии. Святительские братские послания к раскольникам, распространенные во множестве, производили сильное впечатление на простонаро-

дые и немало душ сберегли от ада. Владыки прилагали особые заботы к распространению единоверия, и при них возникли в Сибири первые единоверческие церкви.

Во дни названных архипастырей удостоилась Сибирь первого высочайшего посещения – Августейший Наследник Престола Цесаревич Александр Николаевич в 1837 году обозревал Западную Сибирь до Ялуторовска и Кургана и, убедившись, по докладу Тобольского Владыки Афанасия, в эксплуатации евреями религиозной вражды между православными и раскольниками, отдал личное приказание о воспрещении евреям селиться в Сибири, что потом было подтверждено особым указом.

По перемещении Иркутского епископа Мелетия в 1835 году в Харьков был его преемником Иннокентий (Александров) с 22 июля 1835 года до 23 апреля 1838 года. К этому времени Камчатская область была для административных властей землей забвенной. Там по конвенции с Великобританией 28 февраля 1825 года (ПСЗ, т. XI, № 30233)⁴⁶ и с дозволения Министерства внутренних дел, получившего Камчатский край на свое единоличное попечение (2 ПСЗ, т. III, № 1835), уже хозяйничали с 1828 года иностранцы на правах свободно-хищнической заграничной торговли. Один только неутомимый иерей-миссионер Иоанн Вениаминов продолжал на камчатской окраине поддерживать в действии живительную «закваску» православного просвещения.

И вот о нем-то, о будущем митрополите Московском, очень заботился Иркутский Владыка Иннокентий (Александров). *Этим архипастырем было сделано представление об учреждении на Камчатке епископской кафедры в целях водворения хоть какого-нибудь духовного облегчения для детских сердец темных дикарей, изнывавших от произвола культурных иностранцев.*

Хлопоты Владыки Иннокентия о Камчатской кафедре продолжал и довел до конца преемник его архиепископ Нил (Исакович) из магистров Петербургской духовной академии, пребывавший на кафедре с 23 апреля 1838 года по 24 декабря 1853 года. Даровитый по природе и всесторонне образованный Высокопреосвященный Нил много путешествовал по дальневосточным окраинам и был отличным знатоком инородческих вероучений. Его сочинение «Буддизм, рассматриваемый в отношении к исследованию его обитателей в Сибири»⁴⁷, считается до сих пор выдающимся капитальным трудом. Так же замечателен отчет Владыки Нила Святейшему Синоду, напечатанный в «Христианском чтении» за 1849 год, и много интересного представляют все его записки, помещенные в «Ярославских епархиальных ве-

домостях» за 1868–1870 годы. Его личность и высокохудожественный талант по части оценки иконописного творчества и глубокого понимания ближайших задач истинного миссионерства охарактеризованы в удивительных чертах нашим знаменитым писателем Н. С. Лесковым в прекрасном рассказе «На краю света». Владыка Нил основал в 1845 году в 257 верстах от Иркутска на левом берегу реки Иркут при Туранских минеральных источниках Нило-Столбенскую пустынь, служащую теперь благоустроенным пристанищем для больных, а ранее служившую целям распространения Православия на западной нашей границе с китайскою Монголиєю. Стараниями Владыки Нила был устроен возле Чаунской губы Николаевский миссионерский храм. Первый настоятель этого храма священник Иркутской епархии Андрей Аргентов простер слово евангельской проповеди в чукотские пределы и составил важное в этнографическом отношении первое обстоятельное описание Чукотского мыса. При Владыке Ниле были усилены и упорядочены миссии и построено много церквей среди бурятских поселений, а также переведены богослужебные книги на монголо-бурятский язык.

Сподвижником архиепископа Нила по переводу книг и по просвещению бурят был Николай Иосифович Нилов-Доржеев. Замечательна судьба этого человека. Родом монгол из племени дзалайр-удзонцев и ревностный ламаист, он во время своих языческих созерцательных подвигов увидел во сне Святой Крест, сиявший дивным светом над погруженной во мрак Дауриєю. Это видение заставило его обратиться к Православию, причем крестился и его восьмидесятилетний отец со всею семьею. Приняв Святое Крещение в Великий четверг 1848 года с именем Николая, он сделался ревностнейшим христианином, служил в Иркутской семинарии учителем монголо-бурятского языка и переводчиком богослужебных книг. Его стараниями была построена в селе Гужирском церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, в которой архиепископ Нил рукоположил его во священники в 1853 году. После того о. Николай в 1854 году переселился с Владыкой Нилом в Ярославль и окончил жизнь в Петербурге, занимаясь переложением богослужебных книг на монголо-бурятский язык. *«Имя его не должно умереть»*, – завещал Владыка Нил в своем упомянутом сочинении о буддизме в Сибири. Да и как забыть о. Николая, когда ему обаяна наша наука интереснейшими сведениями о всех тайнах ламаизма, которыми ламы страшно дорожили и которые поэтому до чудесно обращенного к Православию о. Николая оставались никому из христиан не известными!

От Владыки Нила достался в наследие Петербургскому университету собранный им при путешествиях по Сибири прекрасный минералогический кабинет. В заботах о нуждах диких северо-восточных окраин Сибири он исходатайствовал учреждение с 1852 года Якутского викариатства, в чем ему помог тогдашний генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев – граф Амурский, с которым Высокопреосвященный Нил состоял в большой дружбе.

Встретив в 1841 году Иннокентия (Вениаминова), возвращавшегося из Петербурга в сане епископа Камчатского, архиепископ Нил в сослужении с ним рукоположил 6 апреля 1841 года ревностного миссионера из воспитанников Рязанской семинарии Дмитрия Хитрова в священники Якутской Преображенской церкви. Впоследствии Дмитрий был походным протоиереем-миссионером в Якутском крае, потом ректором семинарии, а с 9 февраля 1868 года под именем Дионисия викарным епископом сначала Иркутской, затем Камчатской епархии и, наконец, с 12 января 1870 года епархиальным епископом Якутским и Вилюйским. Преосвященный Дионисий оставил по себе славу истинного просветителя якутов, как составитель азбуки и грамматики их языка и переводчик для них Евангелия, Апостола и некоторых богослужебных и общепользных книг. Он, как изучивший Якутский и Чукотский край в течение сорокатрехлетнего там священства, был деятельным и полезным членом Императорского Русского географического общества⁴⁸. В его время в Чукотской миссии прославился просветительными успехами священник Петр Смирнов, а в Китайской миссии – иеромонах Палладий. Этому последнему обязано русское правительство получением в 1848 году обстоятельных сведений о торговых путях из внутреннего Китая в западный и к границам Сибири.

Между тем в епархиях, соседних с Иркутскою и Камчатскою, в период архипастырства архиепископа Нила (Исаковича), Дионисия (Хитрова) и Иннокентия (Вениаминова) произошли перемены.

На Тобольской кафедре после архиепископа Афанасия святительствовали: сперва Владимир (Алаудин) с 14 ноября 1842 года, при котором скончался 28 марта 1843 года известный исследователь Сибири Петр Андреевич Словцов, а вслед за Владимиром – Георгий (Ящуржинский) с 30 июня 1845 года по 1 апреля 1852 года. Оба названные владыки всецело отдавались борьбе против раскола и особенно против беглопоповщинского толка⁴⁹, облюбовавшего для себя пермско-уральские окраины Тобольской губернии.

Такую же противораскольническую борьбу, только еще в больших размерах (вследствие обилия рационалистических и изуверских сект),

вел Томский Владыка Афанасий (Соколов), заступивший с 14 июня 1841 года место Агапита (Вознесенского), а чрез двенадцать лет сделавшийся преемником Иркутского архиепископа Нила (Исаковича). На Иркутской кафедре Владыка Афанасий прослужил недолго, всего около трех лет, и его место заступил с 3 ноября 1856 года Евсевий (Орлинский), оставивший кафедру 13 сентября 1860 года своему знаменитому преемнику Парфению (Попову).

Преосвященный Парфений из магистров Киевской духовной академии начал свое архипастырское служение с 14 марта 1854 года на Томской кафедре и чрез шесть с половиной лет был перемещен на Иркутскую кафедру, на которой и оставался в сане архиепископа до дня своей кончины, последовавшей 21 января 1873 года. Он совершил миссионерское путешествие в Тункинский край, описанное в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1871 год, и написал очень обстоятельное сочинение под заглавием «Иркутская духовная миссия»⁵⁰.

В его время и по его ходатайству, направленному чрез генерал-губернатора графа Муравьева, образована с 25 мая 1861 года Енисейская епархия, на которой в одни годы с ним святительствовали: сперва до 6 апреля 1870 года Никодим (Казанцев), а затем до 31 марта 1873 года Павел (Попов), скончавшийся 25 мая 1877 года в бытность на Камчатской кафедре.

Во дни названных енисейских архипастырей были при содействии генерал-губернатора Муравьева учреждены две новые викарные кафедры: Новоархангельская в Камчатской епархии на острове Ситхе, существовавшая до 1870 года, а затем Селенгинская, упраздненная 12 марта 1894 года, и, наконец, с 10 июня 1870 года Алеутская и Аляскинская.

Новоархангельскую кафедру занимал с 29 марта 1859 года до 9 ноября 1866 года епископ Петр (Екатериновский), описавший в «Душеполезном чтении» за 1860 год (ч. 3) свое плавание из Аяна на остров Ситху и тамошний быт⁵¹. После него вторым и последним епископом был Павел (Попов), перемещенный потом в Енисейск и, наконец, на Камчатскую кафедру.

Алеутская и Аляскинская епархия существуют доднесь. Первым епископом ее был Иоанн (Митропольский) с 5 июня 1870 года до 12 апреля 1877 года. Вторым епископом – Нестор (Засс) из лейтенантов флота, святительствовавший с 17 декабря 1878 года. Святитель Нестор исключительно проповедовал против всяких влияний иностранных миссий, особенно против католических и протестантских. За такую ревность о Православии он был сброшен с борта парохода в море като-

лическими миссионерами. Уже много времени спустя волны морские возвратили на берег любимой им Уналашки его тело совершенно неповрежденным, и оно теперь покоится в Уналашке в одинокой могиле, почитаемой даже язычниками.

Время вышеназванных иркутских архипастырей Нила и Парфения является в истории Сибири последней величественною жатвою тех государственных плодов, которыми так щедро дарила всю державу Сибирь, возделываемая руками православного апостольства и согреваемая благодатным теплом православного просвещения. Вообще-то в жизни нашей державы действовал и действует таинственный закон, по которому у нас всякий политический успех идет только по светлым следам успеха Православия. В периоды упадка Православия падают и успехи политики, и во дни расцвета Православия расцветают и политические успехи. Эту неизъяснимую жизненную связь государственного организма с духом и светом Православия особенно горячо сознавал генерал, губернаторствовавший во дни иркутских архипастырей Нила и потом Парфения, граф Н. Н. Муравьев. Он всегда пламенно отзывался на все нужды Православия и с полною готовностью помогал каждому мероприятию, направленному к распространению владычества православного русского духа. И за это милосердие Божие и всеобщее сочувствие его государственным планам помогли ему предупредить все коварные замыслы английской политики и овладеть Амуром и Уссурийским краем. Благодаря ему же тогда русская политика уже стояла твердою ногою на острове Цусиме. И будь бы у Муравьева в ту пору достаточные силы и средства для укрепления русского владычества на острове Цусиме, командующем проливами Броуна и Крузенштерна и преграждающем доступ из японских вод в Желтое и Восточно-Китайское моря, тогда Россия была бы обладательницею ключа от Тихого океана («Исторический Вестник», 1882, т. IX, № 7, с. 129–163). Вот до каких горизонтов еще так недавно простирался русский государственный дух, воспитанный на закваске Православия. Но как только светская власть позволила себе несколько пренебрегать велениями интересов Православия, так в ту же минуту зашатался прежде всего Дальний Восток. В 1867 году за 7 200 000 долларов мы потеряли Аляску в 23 000 кв. миль с естественными богатствами на неисчислимые миллиарды. Еще несколько ранее была оставлена почти на произвол судьбы Камчатка, проявившая геройство 17–24 августа 1854 года во время нападения англичан. Наконец, в 1866 году был очищен остров Цусима и возвращен Японии, которая от такого дара удесятерила свою дерзость и теперь держит весь Дальний Восток в угрожаемом положении.

Указанные вознаградимые политические потери как раз совпадают с временем странного пожертвования интересами Православия в пользу ламаитского язычества и еще более странного увлечения противными природе русской души новейшими принципами Запада.

Все это точно предвидели три знаменитых сибирских современника: Иркутские Владыки Нил, Парфений и их друг граф Н. Н. Муравьев, дружно прилагавшие все меры к удержанию дальневосточного населения в повиновении духу Православия. Они единодушно заботились об устройстве правильного средоточия православной жизни там при посредстве епископской власти. И Господь даровал им знамение, что именно новые светочи Божественного Православия угодны Ему для блага России.

Таким знамением было появление на новоучрежденных ими трех кафедрах достойных святителей, из которых Селенгинский Вениамин (Благодетель) оказался достойным современником апостола Дальнего Востока Иннокентия (Вениаминова), который в одни с ним годы святительствовавал в Благовещенске. Бывший профессор Казанской духовной академии, прошедший пятилетнюю школу труда по духовно-учебной части, Вениамин был хиротонисан 5 февраля 1862 года и вступил на Селенгинскую кафедру в тридцатидевятилетнем возрасте с запасом сил, знаний, энергии, апостольского воодушевления и с выдающимся литературным талантом. После шестилетней службы в Селенгинске он святительствовавал пять лет в Камчатской области, затем около двадцати лет в Иркутске. За тридцатилетний период он обстоятельно изучил дальневосточные окраины как святитель-миссионер и как ученый, вдумчивый и проникновенный наблюдатель всего, что ему встречалось на трудном, ненастном пути. Его путешествия по реке Ангаре и ее притокам, в Тункинский край, по Якутскому тракту, реке Лене и ее притокам, по Аларскому и Илимскому трактам, по Забайкалью, по Иркутскому, Балаганскому и Якутскому округам, описанные в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1874–1877, 1882-й, 1884 годы, полны удивительных картин и сведений, которые представляют научную и бытовую ценность. В его подробнейших описаниях о состояниях Забайкальской, Амурской и Камчатской духовных миссий за время с 1862-го по 1872 годы каждый миссионер найдет готовое жизненное руководство, на что именно следует обращать внимание, какие нужды и явления должно подмечать и как надо действовать при тех или иных обстоятельствах, чтобы миссионерский труд имел положительные результаты (см.: «Иркутские епархиальные ведомости» за 1863–1864, 1866–1868 и 1872 годы и «Духовную беседу» за 1865-й

и 1867 годы). Особенно выдающимися являются повествования Пресвященного Вениамина о деятельности Камчатской миссии и о Камчатке, а также о пребывании между коряками (см.: «Иркутские епархиальные ведомости» за 1872–1873 годы, «Домашнюю беседу» за 1873 год, «Миссионер» за 1874 год и «Православное обозрение» за 1880 год). Сделанное им всестороннее исследование о гольдах, ороченгах, гильяках, корейцах, чукчах и коряках, напечатанное в № 16 «Московских церковных ведомостей» за 1881 год, обратило на себя внимание всего ученого мира. Возбужденное Владыкой Вениамином «Дело о препятствиях, чинимых Камчатской миссии с целью своекорыстного противодействия обращению камчадалов в православную веру», опубликованное в № 26–27 «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1874 год, заключает в себе неопровержимое доказательство того, что неукротимая вражда против Божественного Православия кроется не в дикости инородцев, а в грубости нравов самих их цивилизованных опекунов. Владыке Вениамину принадлежит слава крещения и просвещения аларских бурят, проживавших по реке Ирети в степи между Московским трактом и Саянским хребтом.

Долгое и внимательное наблюдение над бурятским миром и близкое знакомство со всеми уголками этого мира дало Владыке Вениамину богатейшую возможность представить в 1863 году Святейшему Синоду обширную записку «О ламском идолопоклонническом суеверии в Восточной Сибири». В этой записке заключается такая обстоятельная критика непомерной любезности к идолопоклонническому суеверию во вред православному просвещению и так много в ней убедительных доводов, указывающих на жестокую государственную опасность от дальнейшего потворства ламаизму, что даже сам архипастырь решился опубликовать свою записку только спустя двадцать лет после представления ее Святейшему Синоду и напечатал ее лишь в 1882 году в «Православном обозрении» (сентябрь, с. 164–186).

Из означенной записки о ламаизме православная Россия впервые узнала, как в Сибири многие чиновники поступались законом, собственной совестью, интересами Православия, русскими правами и казенными землями, лишь бы только устроить лам как можно лучше, лишь бы только им да их ламаитам было бы хорошо. В этих целях для удобства лам с их дацанами-монастырями, наполненными бездельной изуверской армией бандиев (вроде идольских пономарей) и ховараков (учеников) с ширетуями (настоятелями дацанов) во главе и под общим владычеством языческого папы хамбо-ламы, наши сибирские правители, вопреки Высочайшей воле, провели в жизнь не

утвержденное «Положение 15 мая 1853 года о ламайском духовенстве». А в 1860 году даже позволили себе делать представления об угодных ламам изменениях в этом незаконном, но тем не менее осуществленном «Положении». При таких условиях не удивительно, что не только обратившиеся к православной вере буряты, но и коренное русское простонародье, имевшее несчастье оказаться в соседстве с ламаитами, изнывали и до сих пор изнывают под беспредельной властью изуверных лам.

Сам Владыка Вениамин при обозрении своей селенгинской паствы испытал на себе в 1862 году безнаказанное надругательство со стороны хамбо-ламы Чайрупа Ванчикова, ездившего везде с многочисленной свитой вслед за архипастырем и призывавшего все население под страхом мести к непослушанию архиерею Христову. Под влиянием такого привилегированного положения для ламаизма при полном бесправии и беззащитности для православных людей были в 1857–1862 годах случаи фанатического нападения язычников на православных священников. Между тем сами ламаиты даже еще при первом расцвете своего могущества чувствовали себя в такой силе, что по призыву политических ссыльных Банзарова⁵² и Бакунина⁵³ собирались тогда отложиться от России и восстановить свое «Чингисханово царство»⁵⁴. Насколько вообще ужасно положение православных там, где водворился ламаизм, видно из того, что сам Владыка Вениамин был вынужден в 1864–1866 годах добиваться отвода хоть каких-нибудь наделов крещеным людям. Он и мечтать не смел о допуске их в степные думы⁵⁵, потому что Иркутский губернский совет всегда отклонял признание за христианами равноправия с язычниками и, наконец, журналом 3 мая 1872 года за № 21 решительно отказал христианам в равноправии «впредь до преобразования ламаитских учреждений».

Таково основанное на фактических данных содержание двух записок Высокопреосвященного Вениамина «О ламском суеверии и о положении христиан в бурятских обществах под начальством язычников». Приходится в доказательство неимоверного роста языческой тьмы под владычеством лам добавить, что в 1773 году был у них всего один дацан (монастырь) – Ходонский, через десять лет появился второй – Тушуйский, еще через тринадцать лет третий – Анинский, а теперь имеется тридцать четыре дацана, к которым принадлежат до 10 тысяч лам и разных прислужников языческого изуверства. Так же ужасающе велик рост количества ламаитов. В 1727 году их почти не было, в 1848 году насчитывалось 125 тысяч, а теперь их до миллиона, и уже наблюдаются частые обращения в ламаизм всевозможных инородцев.

Высокопреосвященный Вениамин, как убежденный преемник духа приснопамятных строителей русского дела в Сибири и замечательный знаток государственной жизни, с особенным воодушевлением указывал на вред подобных вышеописанным всяких искусственно поставленных препятствий для евангельской проповеди среди сибирских инородцев. Он утверждал, что дело православного просвещения есть дело жизненное и, следовательно, не церковное только, но и государственное, и что поэтому какие бы то ни было государственные акты, гарантирующие привилегированную обособленность сибирских инородцев с их языческими суевериями, могут только помешать, а не помочь правильному развитию государственного строительства.

Такое убеждение Владыки Вениамина, сложившееся при свете всего предшествовавшего исторического опыта Православия в Сибири, изображено с неопровержимой обоснованностью в его произведении «Об обязанностях русского государства по обращению иноверцев и раскольников к Православной Русской Церкви». Закрывающееся в этом произведении красноречивое истолкование основных начал, которыми должны определяться отношения государственной власти к Церкви в деле обращения иноверцев и раскольников, представляет собою безошибочное указание прямого пути к народному единству и крепости государственного организма.

Не сбылись надежды Высокопреосвященного Вениамина на исправление нравов и понятий интеллигенции, выраженные им в красноречивейшей пламенной статье под заглавием «Обязанности русского государства по обращению иноверцев и раскольников к Православной Русской Церкви»⁵⁶. Безграничная критика веры Христовой сделалась приятным занятием для очень многих людей, именующих себя просвещенными. Очевидно, за сорок лет с того времени, как появилась последняя статья Владыки Вениамина, людские нравы ничуть не отрешились от того пагубного настроения, которое с таким пламенным красноречием сердца отрицал Высокопреосвященный.

Вообще же он оставил в своих произведениях такое великое духовное наследие, что оно и теперь служит и долго еще будет служить для современных деятелей православного просвещения неистощимым и жизненно-свежим источником назиданий и позаимствований.

Одного убеждения с Владыкою Вениамином был и одного направления держался его современник епископ Мартиниан (Муратовский), святительствовавший с 9 февраля 1869 года на Селенгинской кафедре, потом с 17 октября 1877 года на Камчатской и оставивший Сибирь только 11 мая 1885 года, вследствие перемещения на Таврическую ка-

федру. Он совершил одинаковый с архиепископом Вениамином подвиг апостольских путешествий и оставил по себе записки о важнейших задачах православной миссии как орудия государственности, напечатанные в «Миссионере» за 1878 год, в «Московских церковных ведомостях» и «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1884 год.

Такой же апостольский путь прошел в дальневосточных окраинах с 5 ноября 1878 года в течение около пятнадцати лет преемник Мартиниана на Селенгинской кафедре Мелетий (Якимов), оставивший свои обширные миссионерские записки в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1887–1888 годы.

Но особенно выдающиеся исследования дальневосточных окраин совершил в течение пятнадцатилетнего святительства там Макарий (Дарский), бывший с 9 октября 1883 года первым епископом на Киренской викариальной кафедре, учрежденной по ходатайству приснопамятного печальника Дальнего Востока архиепископа Вениамина (Благоврадова). Владыка Макарий после шестилетнего святительства на Киренской кафедре пребывал с 15 июля 1889 года на Селенгинской и, наконец, с 25 октября 1892 года на Камчатской кафедрах. Его путешествие в Илимский округ, по Верхней Тунгуске и в Тункинские станы, лежащие к северо-западу от Байкала в ложбинах и долинах между Байкальскими и Саянскими горами, оставили светлый след в жизни инородцев, из которых многих он обратил в Православие.

В полном единодушии с вышеуказанными светильниками Дальнего Востока слагалось духовно-просветительное русское дело и у их современников в Енисейской, Томской и Тобольской епархиях.

В Тобольской была еще в 1870 году учреждена Березовская викариальная кафедра, на которой святительствовал Ефрем (Рязанов), приостановивший раскольничью пропаганду среди тобольских инородцев.

В то же время в пределах Томской епархии возник Благовещенский монастырь в Алтайских горах, устроенный по инициативе игумена Макария (Невского) для нужд Алтайской миссии начальником этой миссии архимандритом Владимиром (Петровым). Преосвященный Владимир с 16 марта 1880 года был первым епископом на Бийской кафедре, учрежденной по ходатайству Томского архипастыря Петра (Екатериновского) и впоследствии, с 9 июля 1889 года, сделался его достойным преемником.

Сподвижник епископа Владимира по Алтайской миссии игумен Макарий (Невский) снискал среди населения Алтая такую любовь, что был у них не только пастырем-учителем, но и судьей совести. А его духовные стихи знали там и до сих пор знают наизусть почти все де-

ти. Этот неутомимый труженик двадцать восемь лет обогрел ниву православного просвещения на Алтае своей поэтической душой, исполненной чувством глубокого благожелания. Он был преемником епископа Владимира на Бийской кафедре, а затем, после Исаакия (Положенского), на епархиальной Томской с 26 мая 1891 года, где до сей поры пользуется пламенной сыновнею привязанностью всего православного населения.

После Владимира и Макария святительствовал на Бийской кафедре и руководил Алтайской миссией апостол киргизов Владимир (Синьковский), передавший свою паству с 30 апреля 1894 года епископу Мефодию (Герасимову). Владыка Мефодий перед тем двенадцать лет состоял сподвижником упомянутых четырех архипастырей Томской епархии по Алтайской миссии, где прошел все степени священства и прославился как способнейший заведующий миссионерским катехизаторским училищем и как деятельный начальник всех миссий в Томской епархии.

Если православное просвещение на дальневосточных окраинах имело против себя много искусственно созданных светскою нерассудительностью и сохранившихся до сих пор затруднений, описанных в статьях «Наши миссионерские задачи на Амуре» («Владивосток», 1885, № 25) и «Трудности миссионерской службы на Амуре и Уссури» («Иркутские епархиальные ведомости», 1887), то еще более затрудненный испытывало дело Православия в Томской епархии. Во времена вышеупомянутых томских архипастырей действовали законоположения: 1) от 16 августа 1864 года о свободе раскольничьих домовых богослужений и требоисправлений и 2) от 19 апреля 1874 года об установлении полицейской метрической регистрации их браков, рождений и смерти. Такое признание законной силы за фанатической обособленностью раскольников разнуздало их до того, что они к 1880 году уже имели свои тайные типографии («Дело архивного Томского губернского правления», связка 110 за 1880 год)⁵⁷. Да и до сих пор ими пользуются со всевозможными целями. Хотя светская власть видела в даровании им вольностей справедливое продолжение системы «свобод, примененной перед тем к язычникам-ламаитам», и оправдывала свою снисходительность к раскольникам желанием удержать их от бегства «за волею в Беловодье⁵⁸ Опоньскаго царства» (Японию), но от этого православное просвещение, а с ним и государственное дело только страдали. При таких условиях одна оборонительная отписка против раскольничьих наветов отнимала у томских архипастырей и их сподвижников много драгоценного времени. Приходилось им при всей право-

те испытывать положение подозреваемых в инквизиторстве и в то же время заслонять собою православное стадо от хищных волков, организованных с 1862 года первым раскольничьим лжеархиереем в Сибири Савватием Левшиным-Кулаковым и его заместителем Мефодием Выдрицким из шайки конокрадов⁵⁹.

Еще в худшем положении обстояло дело Православия в Якутской и Енисейской епархиях, служивших по закону 7 июля 1835 года местом ссылки вреднейших сектантов и политических преступников, где нравственное одичание доходило у крещеных людей в 1861 году до шаманских человеческих жертвоприношений («Туруханский край» в записке Императорского Русского географического общества), а в 1883 году до людоедства («Енисейские губернские ведомости», 1883, и «Сибирь», 1883, № 49).

Тем не менее, к благополучию дела православного просвещения в Якутской епархии, там, со времени учреждения ее 4 ноября 1889 года, четырнадцать лет руководствовал паствой вышеназванный епископ Дионисий (Хитров), оставивший очень ценное во всех отношениях описание своей поездки в Чукотскую миссию в 1868–1869 годах.

После него святительствовал Иаков (Домский) с 8 января 1884 года и, наконец, вышеупомянутый исследователь инородческой жизни епископ Мелетий (Якимов). Дух этих архипастырей и их доступность и готовность на всякое добро много способствовали к поддержанию власти Православной Церкви в этой области, переполненной анархией сектантства и преступности. В их дни основалась Покровская Нининская община в восьмидесяти трех верстах от Якутска, сделавшаяся убежищем для бесприютных, преследуемых ссыльными женщинами и девиц.

В Енисейской епархии в те же годы святительствовали епископы: Антоний (Николаевский) с 31 марта 1873 года, Исаакий (Положенский) с 30 мая 1881 года и Тихон (Донебин) с 8 марта 1886 года, сделавшийся потом достойным преемником приснопамятного архиепископа Иркутского Вениамина (Благодярова). Архипастырская деятельность этих владык развивалась с замечательною преемственностью. Они одинаково были воодушевлены заботами о сооружении новых оплотов Православия. Епископ Антоний основал в 1878 году Успенский общежительный монастырь в Красноярске с богадельнею, больницу для духовенства епархии и школой иконописания и ремесел. Епископ Исаакий в смутные 1881–1883 годы отлива народовольческой крамолы из внутренней России в Сибирь неумолимо рассылал пастырские послания, предостерегавшие население, как выражался Владыка, «от

злоумышленников против Божеских и человеческих законов, хотящих завладеть народною душою, дабы исказить ее до своего состояния звероподобного».

На долю же Владыки Тихона (Донебина) выпал высокий жребий осуществления святительских планов его знаменитого предшественника Вениамина (Благодравова) по образованию оплотов Православия в преддверии дальневосточных окраин. По его ходатайству в Забайкальской области с 12 марта 1894 года был назначен отдельный архипастырь Георгий (Орлов), и в его время образовалась самостоятельная Владивостокско-Камчатская епархия с 1 января 1899 года.

Первым архипастырем на эту Дальневосточную кафедру вступил с Камчатской кафедры 7 марта 1899 года и ныне состоит Высокопреосвященный Евсевий (Никольский).

Владивостокско-Камчатская епархия вначале заключала в себе Южно-Уссурийский край, Сахалин, Командорские острова и Камчатку с громаднейшими Анадырским, Гижигинским и Удским уездами, а потом, с 1907 года, добавлены все приходы Маньчжурии и Харбина, и, наконец, с 1908 года, по указу Святейшего Синода от 27 октября 1908 года за № 12565, присоединена учрежденная в 1897 году Корейская миссия с ее девятью заграничными станами. Сверх того Владыка Евсевий основал Посьетскую походную миссию. Таким образом, епархия включает теперь в себе более 1 ½ млн кв. миль. На этом пространстве при открытии ее было до ста тысяч населения, а теперь оно удвоилось и быстро возрастает вследствие притока русских переселенцев.

Владыка Евсевий при вступлении на епархию нашел всего шестьдесят церквей и тридцать восемь церковно-приходских школ, но за десять лет его святительства число церквей возросло до ста двадцати шести, образовалось три походных церкви для нужд русских переселенцев и насчитывается сто пять школ.

Духовное управление епархией открыто Высокопреосвященным Евсеем 21–22 марта 1899 года, причем в то время ни для Владыки, ни для консистории не было собственных помещений, вследствие чего Владыка некоторое время вынужден был проживать на квартире в еврейском доме, а консистория долго ютилась в доме кафедрального протоиерея о. А. Муравьева.

В самом начале своего управления епархией Высокопреосвященный Евсевий посетил православные приходы на Сахалине, Командорских островах, на Камчатке и по всему побережью от Тигиля до Гижигинска, Охотска и поста Де-Кастри, жители которого достают себе священника зимой с низовьев Амура (Благовещенская епархия), а ле-

том с Сахалина. Одно кратковременное появление архипастыря в указанных отдаленных и забытых цивилизацией местностях ознаменовалось массовыми обращениями инородцев к Православию, что ясно свидетельствует о готовности сердец в этих взрослых младенцах для Христова сева. Хотя для них культурные сограждане не представляют до сих пор такой среды, которая укрепляла бы в них привязанность к правилам православной жизни и не давала бы им уходить из-под материнской власти Святой Церкви, но тем не менее в них жив и силен идеал детского сердца. Они только все твердят: «Вера христианская – великая, светлая вера, и если бы царь бумагу прислал, чтобы мы все крестились, тогда мы давно побросали бы своих богов, которые все только отнимают, ничего не давая».

Личное ознакомление с зрелой для Христа жатвой, гибнущей вследствие отсутствия духовных вождей и от произвола всевозможных хищников, побудило Владыку Евсевия к ходатайству о назначении на Камчатский полуостров викарного епископа, дабы он служил там неотступным руководителем православного просвещения и деятельным светочем нравственной жизни.

Северо-восточные окраины Камчатской области отстоят от резиденции епархиального архиерея в тридцати пяти днях морского пути, причем лето при холодном морском течении, омывающем берега полуострова, не каждый год позволяет совершить путь в оба конца, а сухой путь и очень долог, и непосилен. Вследствие этого приходы по целым годам остаются без пастырей, а имеющиеся пастыри чувствуют себя в положении нравственно-одиноких и беззащитных перед наветами хищных иностранцев и русских порочных людей. Но как только появится вблизи них архипастырь-руководитель, сострадалец и заступник, так с той же поры начнется быстрое и правильное развитие православной жизни в этой суровой области, богатой детской простосердечностью коренных обитателей и дарами океана, моря, рек и пустынь («Взгляд на значение Камчатки в будущем» («Иркутские губернские ведомости», 1858, № 36, 37, 41), «Записки Филиппеуса о Камчатке и Охотском море» (СПб., 1885) и «Промысловые богатства Камчатки: Отчетный доклад Н. Слюнина» (СПб., 1895)). Ведь на Камчатке в южной ее половине в период 1831–1837 годов при начальнике Голенищеве было земледелие, имеются медоносные травы для пчеловодства, но только нужна культурная инициатива, нужно сочувственное отношение ко всем обитателям, нужна правительственная бережливость к дарам области и нужно правильное средоточие для святорусской жизни, а также, по примеру 1820 года, необходимо суровое законодатель-

ное противодействие влиянию иностранцев, уже распоряжающихся ее богатствами как военную добычу.

Тяжелые дни пережила Камчатская область в недавнюю Японскую войну. Японцы с особенным старанием разорили в Петропавловске кладбищенский православный храм и невообразимо осквернили святыне образа и престол. А в настоящее время те же японцы лично и с помощью проницательных евреев и других ссыльных наводняют область кощунственными прокламациями, внушающими грамотным людям ненависть к Православию и ко всему русскому. Многочисленные ламы, японские бонзы и политические соглядатаи, всевозможные еретики и противогосударственные агенты католического и протестантского вероучений из Америки, Англии и Дании уже устремились неудержимым потоком во Владивостокско-Камчатский край с богатым запасом средств, приманок и угроз. Их религиозная пропаганда отторгает от организма русской государственности душу за душою и сердце за сердцем, чтобы таким путем подготовить в ближайшем будущем бескровное окончательное политическое отторжение от Российской державы этого огромного, богатого и важнейшего во всех отношениях края.

Уже появилось предвестие грядущих грозных событий. Начатая калмыком Чет-Чалпаном проповедь об изгнании из Сибири русских и о восстановлении «ойротовского царства»⁶⁰, т. е. золотого века, распространяется с ужасающею быстротою. Конечно, грозный для православного русского духа успех буддийско-панмонгольской пропаганды Чет-Чалпана и его последователей имеет свой корень в современных политических условиях и обстоятельствах. Счастливая для Японии война 1904–1905 годов и полученные ею большие права по Портсмутскому договору⁶¹ воспламенили у японцев идею панмонголизма и сильное стремление провозгласить Японию царицею желтого мира. С этими угрожающими белому миру целями японское правительство щедрою рукою теперь развивает и поддерживает основанную в Киото секту буддийских иезуитов Ниси-Хонганзи, осыпая ее золотом, привилегиями и всеми благами широкой дипломатической поддержки. Глава этой секты «лорд-аббат» Оотани-Козуи, родственник микадо, рассылает по всему материка Азии тысячи своих пропагандистов и уже создал на боевых началах буддийский тройственный союз из буддистов Японии, Индии и Китая. Таким-то вот образом и появились в нашей Сибири в великом множестве глашатаи об «ойротовском царстве» наподобие вышеупомянутого ненавистника России Чет-Чалпана. Они действуют убеждением и золотом. А у нас вконец расшатано государственное чувство, и на помощь против панмонголизма сыплют-

ся одни фразы да гроши при полном пренебрежении к Православию и историческим устоям. Например, всем памятен прискорбный недавний случай, когда секта Ниси-Хонганзи получила разрешение на сооружение кумирни в нашем Владивостоке. Городская дума дала ей для этого бесплатно участок земли. Отсюда является одним только шагом проникновение влияния секты Ниси-Хонганзи к нашим бурятам и калмыкам, признающим главенство далай-ламы, с которым граф Оотани установил ныне сношения. Нельзя не видеть, что в буддийском мире Восточной Азии происходит какая-то сильнейшая эволюция, за поступательным движением которой следить крайне важно и в научном, и в политическом отношении. А между тем даже в петербургском обществе есть кружки, сочувствующие и следующие уполномоченному от «лорда-аббата» Оотани-Козуи некоему фон-Чинскому, известному под именем «Мага Пунар-Бавы». Даже устроено буддийское капище, содержимое на средства упомянутой секты Низи-Хонганзи.

Теперь не только сибирские миссионеры, но и все русское население воочию видят, как фантазия В. С. Соловьева о нападении желтого мира на белый (см. главу «Об антихристе» в его сочинении «Три разговора») начинает превращаться в готовое сбыться зловещее предсказание. При таких условиях каждый миссионер и приходской священник должен либо делаться сторонником творящихся на Камчатке беззаконий, либо быть героем и погибать жертвой, политически бесполезно.

Для рассеяния вот этих-то ужасов, а также чтобы хоть сколько-нибудь помочь дальневосточному русскому населению оправиться от недавнего военного и революционного разгрома, и предположил теперь архиепископ Евсевий учредить на Камчатке постоянную кафедру епископа и Братство во имя Нерукотворенного Образа Всемилового Спаса с деятельным пособием этому Братству родственным сочувствием, силами, способностями, средствами от всего православного мира.

Высокопреосвященный Евсевий испытал на себе, как малосильны даже апостольская ревность миссионеров и мужество светской власти, когда нет правильного преемства в заботливом руководителстве настроением и направлением окружающей людской среды. Он пережил все мучительные затруднения, вызванные недавно войною с вероломными желтыми соседями, а после того – политические бунты, устроенные пришлыми евреями и иностранными соглядатаями на почве местного духовного невежества русских. Почти четыре года была приостановлена его архипастырская деятельность бурными политическими событиями. Все кругом никло, отчаивалось и шло вразброд.

Но не падал духом один Высокопреосвященный светильник благочестия и любви к Родине. Одних утешал, других увещевал и всех ободрял надеждою на скорое притупление двух нависших над Дальним Востоком мечей: меча войны и меча крамолы, отточенных русскими изменниками.

И почти в самом начале этих подвигов его благочестия и милосердия снизошла с благодатною помощью епископу Христову и всему его стаду Царица Небесная в Высочайше дарованном образе «Торжества Пресвятыя Богородицы». Под стопами Препоблагословенной Владычицы, торжественно простершей перед Собою Нерукотворенный Образ Предвечного Просветителя человечества, православные очи узрели попираемые два сломанных меча, об избавлении от которых молился архипастырь – зрели и пролили слезы радостной надежды. Все утешились, все ободрились, а более всех сам Владыка Евсевий, живущий только чужими радостями и для чужого счастья.

В молитвах перед этим монаршим благословением почерпнул архипастырь Евсевий так много воодушевления, что вторая половина десятилетия его святительства сделалась в истории Дальнего Востока светлым периодом чудесного роста оплотов Православия и просвещения. За последние пять лет удвоилось в епархии число храмов и утроилось количество школ. Возник свечной завод, обеспечивающий насущные нужды духовного управления. Возникли разъездные причты и несколько новых миссионерских станов. Возникло Братство Пресвятыя Богородицы при Уссурийском Свято-Троицком монастыре, где неутомимый игумен Сергей из валаамских иноков с помощью монастырской маленькой типографии печатает листки из дневников пригнопамятного о. Иоанна Кронштадтского и бесплатно раздает православному народу.

Сам Владыка Евсевий устроил на Седанке архиепископский дом с храмом и школою, которую содержит на собственные средства, и с бесплатным пристанищем для духовенства, являющегося к нему по делам паствы.

До сих пор не осуществилось желание Владыки иметь собственную епархиальную типографию и духовные семинарию и училище, жизненно необходимые для быстрорастущих приходов епархии, но молитвы перед Торжествующею Царицею Небесною и Победоносною Путеводительницею русского православного духа окрыляют благоговеяного архипастыря надеждою, что его стремления восторжествуют над всеми затруднениями и опасностями для православно-го просвещения.

В молитвах перед чтимым Владивостокской епархию образом «Торжества Пресвятая Богородицы» Господь ниспослал Владыке Евсевию святое желание учредить особые миссии в Маньчжурии и в среде китайцев и образовать викарную кафедру для управления миссионерским делом в западной половине епархии и в Корее.

В тех же молитвах перед Торжествующей Царицей небес и земли воспламенилась в скорбящей о Камчатской области душе Владыки Евсевия благодатная мысль об учреждении Камчатского Православного братства во имя Нерукотворенного Образа Всемилоостивого Спаса. По вдохновенному убеждению печальника Камчатских обитателей, пришло время, благоприятное для восхода животворного светила Божественного Православия над людьми, сидящими в могильной тьме земли забвенной.

Камчатская область нуждается в даровании тех же средств, какими три века просвещалась и покорялась Сибирь, т. е. в умножении храмов, приходов, походных миссий, школ с общежитиями для детей бродячих инородцев, больниц для врачевания недугов и мощных организаций для пробуждения дремлющих в инородцах сил и способностей и для воспитания и направления их на святорусское дело края.

Жизненно необходимо с помощью Камчатского Православного братства во имя Нерукотворенного Образа Всемилоостивого Спаса торжественно завершить трехвековое победное шествие православного просвещения по Сибири.

Вся Православная Россия должна крепко помнить, что Нерукотворенный Образ Всемилоостивого Спаса много веков предшествует делу нашего государственного строительства. Со знаменем сего Святого Образа подвизались древние наши святые ратоборцы за единодержавие: Александр Невский, Андрей Боголюбский и Феодор Ярославский. С этим образом Православная Русь в XIV и XV веках восторжествовала над дикими варварами Сибири – татарами – и в конце XVI и в начале XVII века над смутами враждебного Православия католицизма. Во имя сего Святого Образа был сооружен первый храм в Тобольске, послуживший колыбелью православного просвещения Сибири. Сей же Святой Образ первый из сибирских святынь прославился в Тобольске в XVII веке чудесами, доселе просвещающими Сибирь. В молитвах перед Нерукотворенным Образом Всемилоостивого Спаса черпал воодушевление для своих преобразований царственный попечитель о просвещении Сибири и всей России Петр Великий. Его малый домик, сияющий сим Святым Образом, сделался по благодати и чудесам Всемилоостивого Спаса великой колыбелью основанной им им-

ператорской столицы – Петербурга. Наконец, как уже выше сказано, в тягостные дни Японской войны царственный потомок великого преобразователя Государь-Император благоизволил духовно подкрепить православное население Дальнего Востока, благословив его Святым Образом «Торжества Пресвятыя Богородицы», на коем в руках Царицы Небесной и Победоносной Путеводительницы Православного Мира красуется начало спасительного иконопочитания и благодатное знамя нашей государственности – Нерукотворенный Образ Всемилоостивого Спаса.

Таковое убеждение, вынесенное из истории православного просвещения в Сибири, побуждает Владивостокско-Камчатского архипастыря Высокопреосвященного Евсевия звать ко всему православному миру о насущной помощи словом и делом его обширнейшей в мире епархии, где православные либо бедствуют, либо коснеют в одинаковом с дикими язычниками невежестве на краю пропасти нравственного одичания и распада.

Предпринятое Высокопреосвященным Евсеем святое дело просвещения Камчатской области с помощью Братства во имя Нерукотворенного Образа Всемилоостивого Спаса есть дело общегосударственное. Братство поставляет себе главнейшею целью содействие просвещению Божественным Евангелием остатков языческого мира, уцелевшего на дальневосточных окраинах, а также вознамерилось укрепить там православную жизнь деятельным образованием такой среды, которая бы силою добрых примеров и попечений удерживала просвещенных Православием язычников под материнскою властью Святой Церкви. Следовательно, дело Братства есть дело жизненное и общенародное, требующее для себя дружной, воодушевленной поддержки со стороны всех государственных жизненных сил и способностей. Именно теперь приспела пора всем православным людям приложить все свое христианское и верноподданническое усердие к восстановлению и укреплению на Дальнем Востоке и вообще по всей Сибири самого сильного владычества нашей православной государственности. Уже близок трехсотлетний юбилей со дня избрания на Всероссийский Престол предка царствующего Дома Романовых Михаила Феодоровича, повелением которого была учреждена в 1620 году Тобольская архипастырская кафедра – первосветильник православного просвещения в Сибири. Предстоит, следовательно, в 1920 году и второй – во славу того же Царя и его Державного Дома трехсотлетний юбилей водворения православной церковно-государственной жизни в Сибири. А потому благовременно будет накануне юбилея воцарения До-

ма Романовых положить начало окончательному осуществлению преемственного подвига Российских Самодержцев по покорению сибирского язычества, дабы ко дню юбилея православного просвещения в Сибири пройти до конца этот подвиг с братским крестом Нерукотворенного Образа Всемиловитого Спаса и торжественно завершить сие великое историческое дело, составляющее священную славу Дома Романовых.

Поспешим же всею братскою семьею самоотверженно порадеть словом и делом о благополучии своей Владивостокско-Камчатской области как драгоценной части нашего Православного Отечества. Покров для нас – братское знамя Нерукотворенного Образа Всемиловитого Спаса. Надежда у нас на небесное предстательство приснопамятных православных просветителей Сибири и строителей в ее пределах святорусской государственности. А источником благодатного воодушевления да послужит нам обращенный к каждому рабу Божию великий завет Христов: «и́зыди на пѹти и халѡги, и оубѣди вни́ти, да напѡлнитѡ домъ мой» (Лк 14:23).

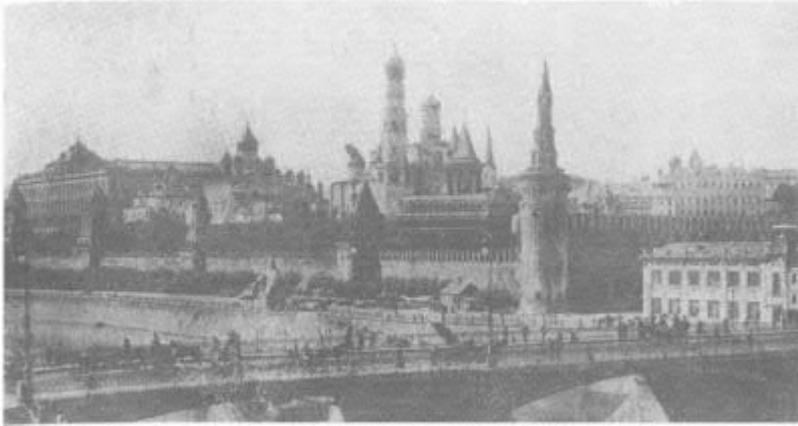
РАССТРЕЛ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

27 октября – 3 ноября 1917 года

Первое издание было выпущено в Москве 1917 года, в количестве 10 000 экземпляров, но из них 8 000 уничтожено большевиками, а также конфискованы и клише фотографий расстрела Кремля. Бумага, печать и снимки первого издания имели весьма неприглядный вид, так как лучшего материала в советской России невозможно было достать.

В настоящем втором издании, исправленном и дополненном, не без затруднений удалось переснять фотографии уцелевшей книжки первого издания, и в лучшем виде невозможно воспроизвести, а подрисовывать фотографии не желательно, дабы каждый читатель мог убедиться в подлинных фотографиях, удостоверяющих жестокое варварство большевиков и все их злодеяния в Московском Священном Кремле и повсюду, где появляются эти варвары двадцатого века.

Епископ Нестор

Плач Иеремии

(из Библии)

Как одиноко стоит город, некогда многолюдный. Он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником.

Все друзья его изменили ему, сделались врагами его.

Все, преследовавшие его, достигли его в тесных местах; враги его стали во главе.

Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу.

В негодовании гнева Своего отнял Господь Царя и Священника.

Дети и старцы лежат на земле по улицам; девы и юноши пали от меча.

Сором и мерзостью Ты сделал нас среди народов. Разинули на нас пасть свою все враги наши.

Язык грудного младенца прилипает к гортани его от жажды; дети просят хлеба, и никто не подает им. Умерщвляемые мечом счастливее умерщвляемых голодом.

Дыхание жизни нашей, Помазанник Господень, пойман в ямы их.

Наследие наше перешло к чужим, дома наши – к иноплеменникам.

Нас погоняют в шею, мы работаем – и не имеем отдыха.

Рабы господствуют над нами, и некому избавить от руки их!!...⁶²

*И когда приблизился ИИСУС
к городу, то, смотря на него,
заплакал о нем.
(Лк 19:41)⁶³.*

Грозное пророчество Исаии во всей полноте сбывается ныне над нашей многострадальной Родиной, над некогда Великой и Святой Русью.

«Слушайте небеса и внимай земля; потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня» (Ис 1:2).

Чаша гнева Господнего исполнилась. «Отнял у нас Бог всякое подкрепление хлебом и всякое подкрепление водою, храброго вождя и воина, судью и пророка, прозорливца и старца, советника и мудрого, художника и оратора, и дал нам отроков в начальники, и дети господствуют над нами. И один угнетается другим, и каждый ближним своим. Юноша нагло превозносится над старцем и простолудин над вельможей. И мы хватаемся за первого встречного и говорим: «У тебя хоть есть одежда, будь нашим вождем и царствуй над нашими развалинами», но он отвечает с клятвой: «Я не могу исцелить ран общества, и в доме моем нет ни одежды, ни хлеба, не делайте меня вождем народа» (Ис 3:1-7)⁶⁴. И наши, некогда честные, некогда прекрасные лица, покрытые шлемом защиты Родины, ныне опозорены печатью всяческой слабости, всяческого страха, и позорный ужас владеет нашими душами, «когда от угрозы одного, тысячи нас бросаются в бегство, а от угрозы пяти бежим все мы» (Ис 30:17)⁶⁵.

Так погиб некогда славный Иерусалим, так гибнет Россия.

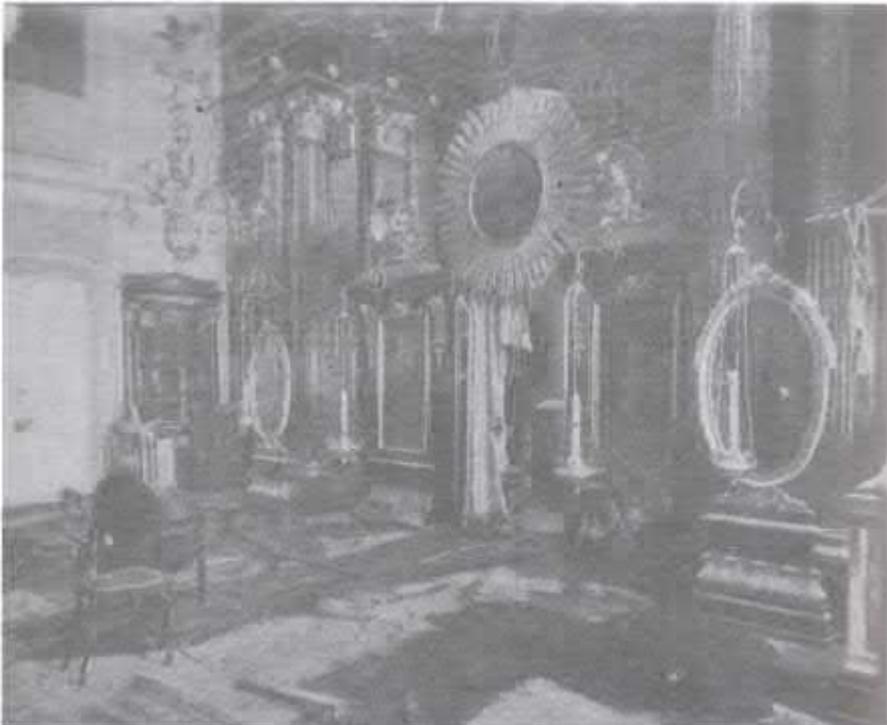
С 27 октября по 3 ноября 1917 года Первопрестольная Москва пережила свою Страстную седмицу, когда в течение семи суток расстреливалась артиллерийским, бомбометным, пулеметным и ружейным огнем.

Обезглавленная снарядами Беклемишевская башня

**Икона святителя Николая
«Раненый Никола»**

**Церковь святых апостолов Петра и Павла. Завеса на Царских вратах разорвана надвое.
Среди церкви лежит неразорвавшийся снаряд**

Никольские ворота. Вид из Кремля

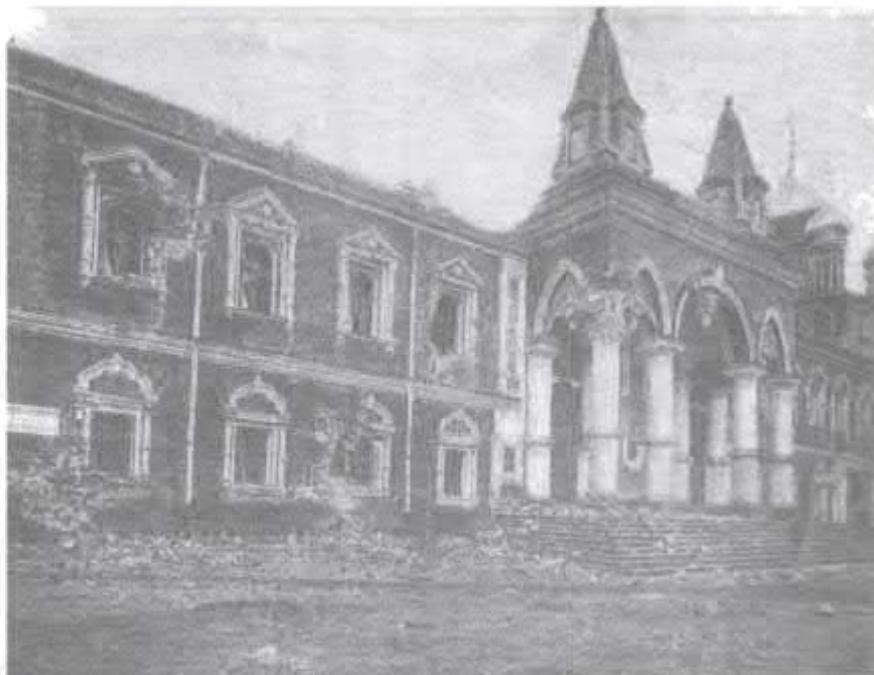
**Никольские ворота и образ Святителя Николая,
оскверненные большевиками**

**Святой алтарь церкви Николы Гостунскаго в колокольне Ивана Великого.
На полу между престолом и Царскими воротами
лежит разбитое осколком снаряда святое Евангелие**

**Разрушения в святом алтаре церкви Николы Гостунскаго,
что в колокольне Ивана Великого**

Чудов монастырь

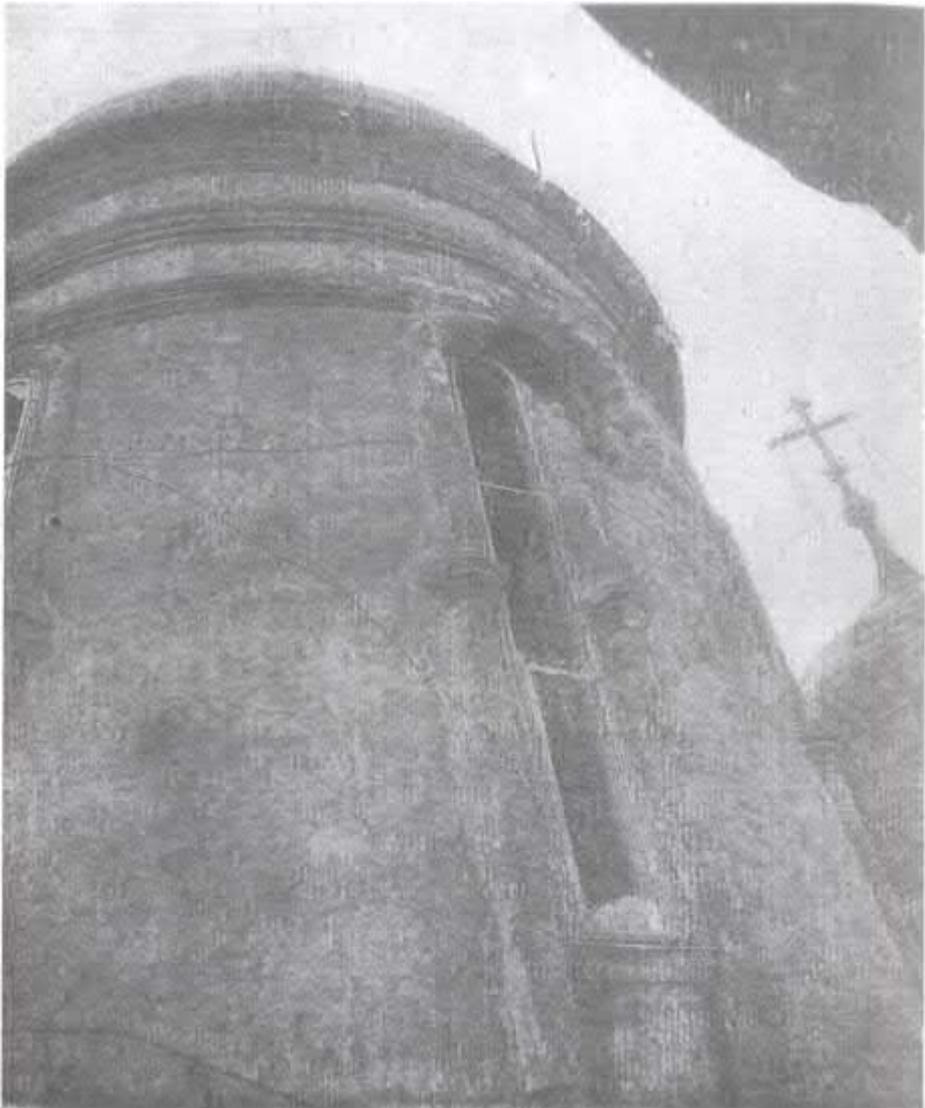
Чудов монастырь. Снарядом разрушена стена, а святая икона, стоящая у стены, и лампада остались неповрежденными

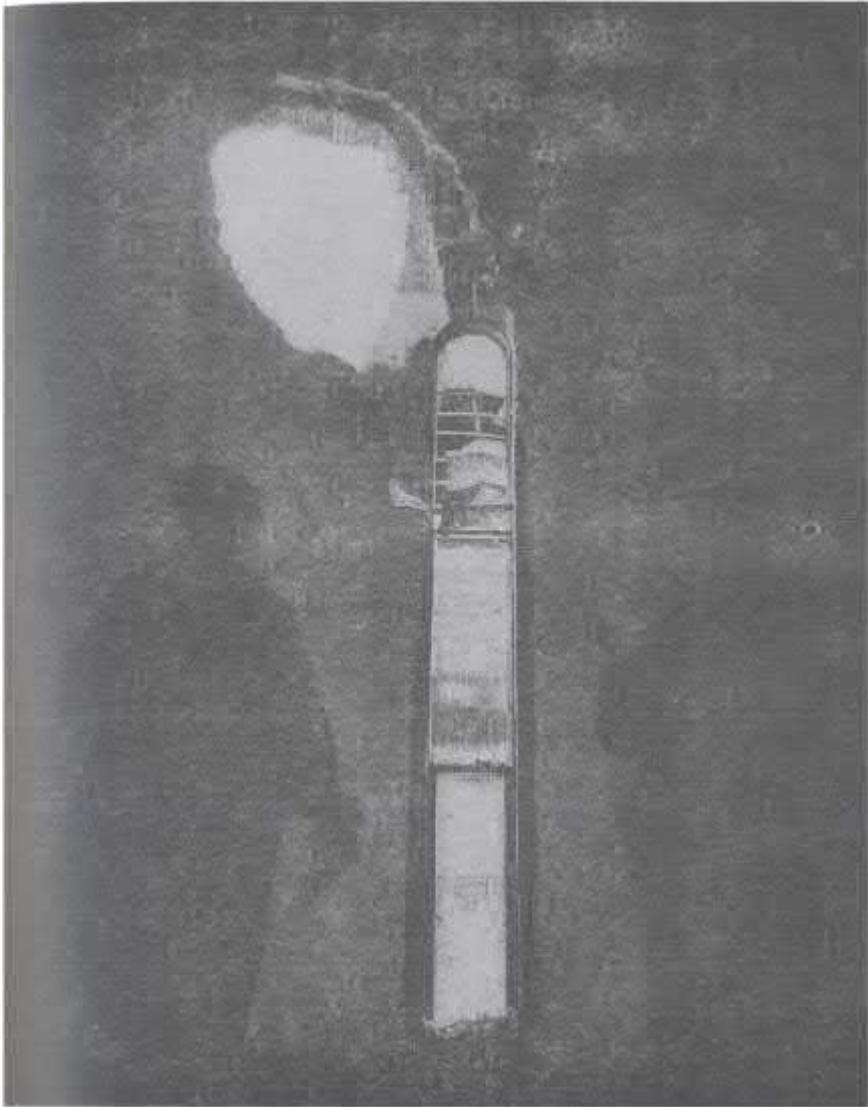
Разгром митрополичьих покоев в Чудовом монастыре

Чудов монастырь. Митрополичьи палаты

Пробоина в куполе Успенского собора

Пробитый купол Успенского собора

Алтарная стена церкви Двенадцати апостолов, разбитая снарядами

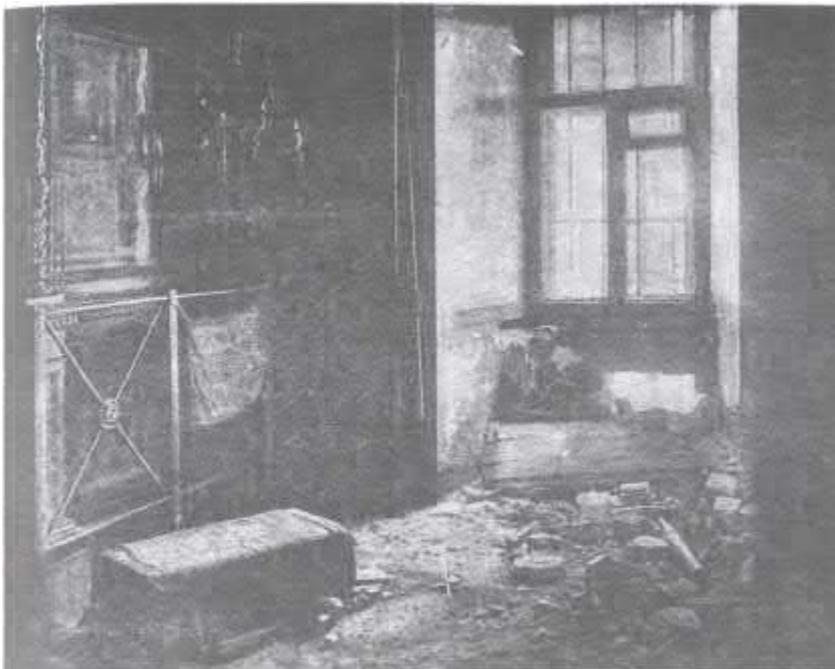
**Внутренний вид церкви Двенадцати апостолов.
Слева святое Распятие, с которого отбиты осколком снаряда
пречистые руки Спасителя**

**Церковь Двенадцати апостолов и ворота в Синодальную контору,
разбитые снарядами**

Расстрелянная церковь Двенадцати апостолов

Внутренний вид церкви Двенадцати апостолов. Отверстие в стене под окном от снаряда, пущенного в церковь большевиками

Разбитая стена и внутренний разгром в церкви Двенадцати апостолов

**Николаевский дворец, в котором пробита снарядом
церковь святых апостолов Петра и Павла**

Внутренний вид Николаевского дворца после разгрома большевиками

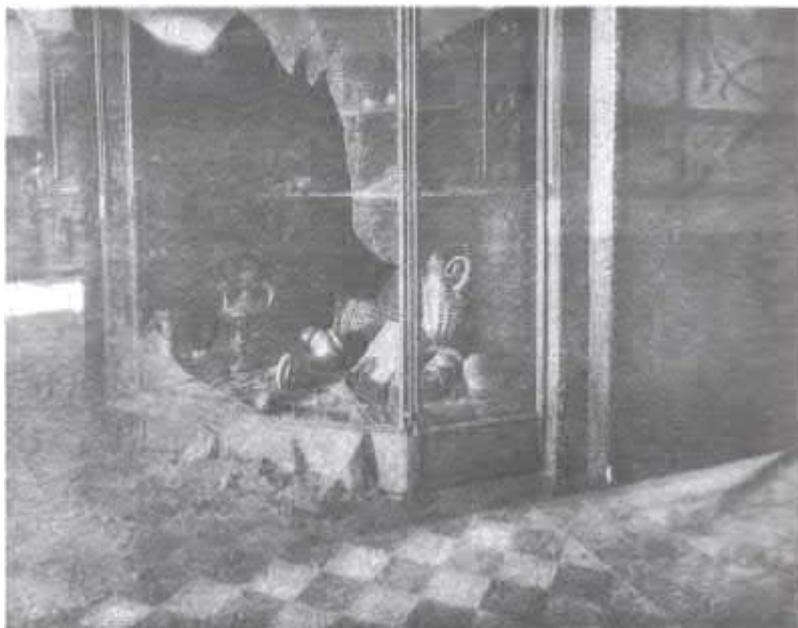
Разрушения в Патриаршей ризнице

**Мстиславово Евангелие XII века, пострадавшее от осколков
разорвавшегося снаряда в Патриаршей ризнице**

Разрушения в Патриаршей ризнице. На полу разбросаны святыя сосуды

Патриаршая ризница

Русское оружие, в котором ощущался недостаток для обороны против сильно вооруженного неприятеля на фронте в начале войны, ныне было заготовлено (нами и нашими союзниками) в огромном количестве, но, к ужасу нашей Родины, оно было обращено не на неприятеля, а на своих же русских братьев, на расстрел своих родных городов и святынь.

Лишь только замолкли вечерние колокола «московских сороков» и верующий народ возвратился из храмов в свои мирные домашние очаги, как улицы Белокаменной оглушились первыми ружейными выстрелами. Было бы понятно, если бы, действительно, полонил нашу Москву лютой враг немец, то и жизнь бы свою не пощадил тогда всякий из нас – русских людей, кому дорога Родина и дороги великие московские и всероссийские святыни с их Священным Кремлем, но если бы вы пристальнее всмотрелись в лица людей, стрелявших по мирной Москве и разрушавших Священный Кремль, то вы увидели бы в большинстве случаев в них своего родного, русского брата.

С 28 октября жизнь в Москве становилась все страшнее и ужаснее. Засверкали в воздухе тысячи ружей и штыков, затрещали ружья и пулеметы, загудели орудия, снаряды прорезали воздух с зловещим свистом и воем и беспощадно разрушали все встречавшееся им на пути. Мирное население Москвы притаилось в своих домах и попряталось в сараи и подвалы, но снаряды настигали людей и здесь, засыпая их под развалинами домов. Сколько в этих холодных подвалах было страха, горя и слез, холода и голода. Матери и дети плакали и молились, многие женщины от испуга впадали в обморочное состояние и теряли рассудок. И в продолжение восьми дней в районах обстрелов несчастные московские обыватели, сидя в подвалах, вынуждены были страдать и голодать, так как всякий выход из дома или подвала угрожал им быть намеренно или ненамеренно убитыми или застреленными. Сколько эта междоусобица породила горя и несчастия, об этом и не нужно говорить, оно слишком очевидно и чутко для всех.

Позволю себе сообщить мои личные наблюдения и переживания в Москве во дни бывших смятений и братоубийства.

Свободный от соборных занятий воскресный день 29 октября дал мне возможность отправиться в качестве пастыря-санитара на улицы Москвы. Всякий слышанный мною выстрел и разрыв снарядов толкал меня идти и исполнять свой долг, поскольку хватит сил и умения.

Жутко было проходить по пустынным улицам и переулкам того района, где происходил ружейный, пулеметный и орудийный бой родных русских братьев. Обычная кипучая уличная жизнь Москвы замерла. Ис-

чезли хвосты голодных людей, и днем и ночью ожидавших очереди возле лавок и магазинов. Попрятались все люди, только кое-где из подъездов или из приоткрытых дверей показывались испуганные лица обывателей, прислушивавшихся к разрыву снарядов и трескотне пулеметов.

Гул от разрыва снарядов все усиливался и учащался, и при каждом разрыве тяжелое эхо болезненно ударяло в сердце и отражалось на мозг, давило его, а мрачная мысль уже рисовала все действительные последствия этих разрывов еще прежде, чем глаза увидят самые разрушения и смерть.

Но вот я уже на боевом фронте мирной Москвы.

Небольшая группа солдат, вооруженных винтовками, смело подходит ко мне и допрашивает меня. Кто я такой? К какой принадлежу партии? Нет ли при мне оружия? Потребовали у меня документ, удостоверяющий личность, осмотрели мою сумку, в которой было походное, соответствующее пастырю одеяние и перевязочный материал. Эти солдаты с площадной руганью обыскали меня и, ничего не найдя, отпустили. Подобных допросов и обысков трезвыми и пьяными вооруженными людьми, и даже в более грубой форме, было немало еще впереди, но к этому я себя подготовил и относился совершенно спокойно, как к неизбежному явлению. Уже в районе Пречистенки и Остоженки я попал под перекрестный огонь, уносивший много жертв. Я решил обслуживать этот район. Здесь же на улицах среди раненых и убитых я нашел подростков, учащихся, женщин, солдат и раненую сестру милосердия и имел возможность принести посильную помощь несчастным жертвам. В одном из проулков я снова столкнулся с вооруженной командой в пять человек. Один из них по приказу солдата: «Вон идут люди, стреляй!» – уже нацелился из револьвера по проулку, но мгновенно на мой резкий окрик: «Не стреляй, там мирные обыватели», – опустил револьвер и подбежал ко мне для допроса. Если бы мне не удалось удержать своим окриком руку этого ожесточенного человека, искавшего кого-либо убить, то неизбежно еще одной неповинной жертвой пал бы какой-то мирный обыватель. Хотя в то время нервы мои совершенно притупились, но все же я чувствовал усталость и зашел отдохнуть к незнакомому мне священнику Троицкого Пречистенского прихода. Добрый батюшка оказал мне самый радушный и ласковый прием, и я, обогревшись и подкрепив свои силы предложенным мне чаем и хлебом, снова мог пойти на уличную работу. Особенно тяжело я почувствовал себя, когда наступили сумерки, когда, подобно мыши, попавшей в ловушку, я не мог выбраться из обстрела. С этого времени по всякой отдельной фигуре прохожего открывался ружейный огонь с чердаков. В даль-

нейшем своем пути я встретил санитарный отряд, состоявший из трех учащихся и двух сестер милосердия. С их согласия я присоединился к ним и поделился с ними перевязочным материалом. Ни вечером, ни в течение ночи стрельба не прекращалась и не стихала ни на минуту. Остаться в темноте на произвол озверевших людей я не мог, и, так как добраться домой, в семинарию, было немыслимо, я приютился у добрых людей, моих давнишних знакомых. Несмотря на ружейный и орудийный огонь, вспыхнувший к полудню с невероятной силой, наутро мне удалось пробраться к Соборной палате.

Собор ни на один день не прерывал своих занятий. Люди работали сосредоточенно и глубоко. Будто стыдясь лишних слов, ораторы снимали свои имена с очереди. В эти дни был решен самый большой вопрос – восстановления Патриаршества на Руси.

Кто участвовал в деяниях Церковного Собора, тот знает, как неожиданно для всех выявилась идея восстановления Патриаршества на Руси. Первоначально эта идея не одинаково была воспринята членами Собора. Были защитники, были и противники ее. В довольно сплоченной группе противников Патриаршества были ученые силы, красноречивые ораторы. Среди сторонников восстановления Патриаршества тоже были мужи науки, но были и скромные ораторы крестьяне, и все они, сознавая всю тяжесть переживаемого смутного времени, горели пламенной верой в силу Патриаршества. Слушая горячие речи ораторов, казалось, трудно примирить противников, – не найти общего языка. Но все усиливался и усиливался зловеющий гул орудий; на улицах Москвы шла своим чередом бойня. Тогда избранники верующего народа сердцем своим почувяли, что в этот грозный исторический момент прежде всего необходимо единение. Все это заставило биться сердца одним темпом всех членов Собора. Болезненно озабоченные грядущей судьбой русского народа, все члены Собора, как один человек, сознали, что дальше медлить нельзя и что в грозный час разрушения врагами Церкви и Государства надлежит быть на Руси Патриарху. И как показало ближайшее будущее, все надежды сторонников патриаршества оправдались. ПАТРИАРХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЯВИЛСЯ И ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ПЕЧАЛЬНИКОМ, ЗАЩИТНИКОМ И ОТЦОМ ВЕРУЮЩЕГО НАРОДА В КРОВАВЫЙ ПЕРИОД ВЛАДЫЧЕСТВА БОЛЬШЕВИКОВ.

Незабвенный исторический момент избрания Святейшего Патриарха!

Благоговейно осенили себя крестным знамением все члены Собора и с молитвой «Днесь Благодать Святаго Духа нас собра» – единодушно приступили к избранию кандидатов, и, конечно, все чаяли видеть в ли-

це будущего Патриарха – второго Гермогена. И Господь Бог дал русскому верующему народу в лице Святейшего Тихона, неустрашимого борца за Веру и Церковь, грозного, справедливого обличителя жестоких, кровавых деяний советской власти, горячего молитвенника, болеющего душою за многострадальный русский народ.

Не смолкаемые ни днем ни ночью орудийные залпы и грохот от разрывов тяжелых снарядов, зарево пожаров, грабежи, убийства – все эти ужасы тяжелой мучительной болью отзывались в сердце. Так страстно хотелось прекратить пролитие братской крови, остановить жестокую, кощунственную руку, беспощадно разрушающую наше святое достояние – древнерусские святыни Священного Московского Кремля. Таинственный внутренний властный голос, указывающий на великую ответственность перед Богом и Родиной за целость родных святынь, был сильнее сознания личного бессилия в борьбе с разрушителями драгоценных национальных сокровищ.

Весь во власти охватившего меня настроения я испросил благословение у Собора епископов на разрешение мне снова пойти, как пастырю, для решительных и настойчивых переговоров о прекращении братоубийства и ограждения от поругания и разрушения Кремля с его святынями и великими кремлевскими соборами. Для исполнения этой миссии я предложил пойти вместе со мной Димитрию, архиепископу Таврическому; тут же митрополит Платон изъявил и свое желание и готовность исполнить вышеупомянутую миссию. После переговоров по этому вопросу с прочими членами Собора к нам присоединились: архимандрит Виссарион, протоиереи – Бекаревич и Чернявский и два крестьянина – Июдин и Уткин. Уже почти в 12 часов ночи соборяне желали отслужить в семинарском храме молебен об умиротворении враждующих братий. Всех присутствовавших на этом ночном молебне охватило необычайное молитвенное настроение и высокий религиозный подъем. Как-то верилось тогда в грядущий мирный исход. Все люди без различия представлялись тогда добрыми братьями, казалось, что ничего нет проще и легче, как начать скорее жить мирно, единократно и согласно. Все это кошмарное братоубийство в нашем сознании являлось каким-то недоразумением, объяснялось влиянием вражеской темной силы, губящей и порабащивающей всю Россию.

Наутро мы в качестве депутатов Собора по окончании ранней литургии отправились, куда призывал нас долг перед Церковью и Родиной.

Впереди нашей мирной процессии шли два крестьянина с белыми флагами, на которых был красный крест, далее следовали два свя-

щенника, архимандрит с иконой Святейшего Патриарха Гермогена, архиепископ Димитрий со Святым Евангелием, рядом с ним я, имея на себе Святые Дары, а позади всех митрополит Платон со святым Крестом. Батюшки были в епитрахиях, а архиереи в епитрахиях, малых омофорах и клобуках. От самого здания Соборной палаты почти до Петровского монастыря нас провожали с пением молитв некоторые члены Собора, многие из них шли со слезами. Случайные встречные с благоговением снимали шапки, молились и многие плакали, становились на колена, настойчиво просились пойти с процессией, но присоединиться к нам мы не разрешали, дабы не подвергать их опасности расстрела.

Печальное зрелище представляли из себя московские улицы. Стекла во многих домах были выбиты или прострелены. Всюду следы разрушений. Местами по улицам нагромождены баррикады. Конные патрули, грузовики и автомобили, наполненные солдатами с винтовками наперевес, разъезжали во все стороны. По площадям были расставлены пушки и пулеметы. У большевистского комиссариата много солдат. Когда мы приблизились к дверям, нас остановили. Пришлось долгое время ждать. В ожидании доклада о нашем приходе у крыльца на улице, в толпе солдат мы перенесли площадную брань и оскорбления. Здесь нам пришлось видеть тяжелую, потрясающую картину. К дому комиссариата солдаты вели под конвоем человек двадцать пять – тридцать весьма прилично одетых мужчин. Солдаты встретили их с угрозой немедленно расстрелять и, сжимая тесно кольцо пленников, все настойчивее и настойчивее кричали о их расстреле. Несчастные громко зывали о пощаде, поднимали свои руки к небу, и некоторые из них плакали. Потрясающая, страшная и жуткая картина...

После долгого ожидания на улице был пропущен в комиссариат только один митрополит Платон, которому и было обещано, как он сообщил Собору, сохранить в целостности Кремль и объявлено, что стрельба в этот же день будет прекращена и что переговоры об этом уже ведутся.

Несмотря на обещания, в ночь со 2-го на 3 ноября Священный Кремль подвергся жестокому обстрелу и разгрому со стороны большевиков. Узнав об этом 3-го же ноября, я со священником Чернявским отправившись в Кремль. Нас каким-то чудом большевики пропустили в Спасские ворота. Войдя в Кремль, прежде всего мы зашли по пути в женский Вознесенский монастырь. Здесь уже было полное разрушение. В храме святой великомученицы Екатерины артиллерийским снарядом насквозь пробита стена верхнего карниза и верхний свод храма.

Отверстие по одному квадратному аршину. Другим снарядом разрушена часть крыши на главном куполе. От ружейных пуль и снарядных осколков разбиты купола храмов монастыря и крыши всех построек обители. Стекло выбито до 300 мест. В храме святой Екатерины на носилках среди церкви на полу лежал убитый ружейной пулей в висок юнкер Иоанн Сизов. У тела убиенного я отслужил литию. Когда большевики уносили из Кремля тело этого юнкера, в ответ на соблезнование из толпы о мученической смерти они выбросили тело с носилок на мостовую и грубо надругались над ним.

Из Вознесенского монастыря мы с батюшкой отправились осматривать разрушения Кремля. Вошли во двор Синодальной конторы. Вблизи казарм мы услышали какой-то крик и гул. Скоро увидели приближающуюся к Чудову монастырю озверевшую толпу солдат. Над кем-то они требовали самосуда и вели свою жертву к немедленной зверской расправе. Я перебежал с поспешностью со двора к толпе солдат-большевиков, бушевавших между Царь-Пушкой и Чудовым монастырем. Батюшка Чернявский подходил к толпе с другой стороны. Здесь я увидел, как неизвестный мне полковник отбивался от разъяренной окружившей его многолюдной толпы озверевших солдат. Солдаты толкали его, били прикладами и кололи штыками со всех сторон. Полковник окровавленными руками хватался за штыки. Ему прокалывали руки и наносили глубокие раны. Он что-то пытался выкрикивать, но никто его не слушал. Толпа требовала, чтобы немедленно его расстреляли. Какой-то офицер вступился за несчастного и, пытаясь защитить его своей грудью, тоже что-то кричал... Я подбежал к толпе большевиков и стал умолять пощадить жизнь полковника. Я заклинал их именем Бога, родной матери, ради малых детей просил оставить в живых, всячески, как только мог, уговаривал пощадить, но озверевшей толпой овладела уже сатанинская злоба. Отвечали угрозами немедленно расстрелять и меня, ругали буржум, кровопийцей и проч. В это мгновение какой-то негодяй большевик отбросил несчастного мученика в сторону. Раздались выстрелы, которыми все было кончено. Офицер, защищавший полковника, здесь же бросил бывшую у него винтовку, отошел к разрушенной стене Синодальной конторы и повалился на груды кирпичей. Причина убийства этого полковника (56-го полка), как впоследствии оказалось, заключалась в том, что полковник должен был временно сократить довольствие солдатам за недостатком провианта на $\frac{1}{3}$ порции хлеба в течение полудня до подвоза нового запаса.

Подавленный, с разбитой душой, отошел я от толпы. Кровавая картина кошмарного убийства неотступно стояла перед моим взором.

Озверелые лица солдат, размахивающих оружием, дикая расправа с полковником, глумления и пытки... Дикий крик: «Товарищи! Расстрелять его, кровь нашу пьет, буржуй»...

Тяжелые, мрачные мысли, точно калеными стрелами, пронизывали мозг. Неужели на Руси начинается кровавый пир сатанистов? Ведь то, чему я был свидетелем, так походило на пляску обезумевших детей-убийц на трупе своего отца... Боже! Неужели на Руси Святой начинается владычество темной, злой силы? Вопрос за вопросом один мучительнее другого... Размышлял, строил всякие предположения и ничего утешительного не находил. Проникла в пределы дорогой Родины-Матери чужая злая рука, влила искусно яд в душу народную, и помрачился ум, озверело сердце, развратилась воля. Даже святынь не щадят.

На Кремль поднялась святотатственная, варварская рука...

Но вот замолк рев артиллерийской пальбы, затих на время шум браотоубийственной бойни – большевики стали у власти.

Из дыма гражданской войны выглянул, зияя ранами, Кремль, разбитый, оскверненный, опозоренный. Кремль – твердыня национального духа, немой свидетель прежней нашей славы и настоящего позора. Кремль, сложенный по кирпичу трудами поколений, залитый в каждом камне кровью его защитников. Кремль, стоявший свыше полтысячи лет, переживший всякие непогоды и бури, павший ныне от руки своего же народа, который через полтысячи лет стал разрушать свои вековые святыни, покрыв ураганным огнем его златоглавые соборы. Так поступили с Кремлем, этим дивным дивом, восьмым чудом мира, привлекавшим к себе за тысячи верст толпы любопытных иностранцев, приезжавших в Москву подивиться на красоту кремлевских соборов.

Пробраться в Кремль сейчас нет никакой возможности. Только лишь первое время, после занятия его большевиками, с большими неприятностями и после долгой волокиты и всяких хлопот большевистские правители Москвы выдавали на небольшом обрывке бумаги с какими-то непонятными отметками пропуск, который при посещении Кремля бесконечно и грубо проверялся часовыми. Но скоро виновники, в безумной ярости разрушившие святыни, в ужасе затворили Кремлевские ворота, и скрыли Кремль от взоров, справедливо боясь народного гнева, который, безусловно, последовал бы, если бы толпы людей, с жадным любопытством устремившихся осмотреть свой Кремль после боя, пропустили бы внутрь, в его распавшееся каменное недра. Чувство невыразимой тоски, поистине неизглаженного горя и ужаса охватывает вас при виде этих разрушений, и чем дальше вы углубляетесь в осмотр поруганной святыни, тем эта боль становится сильнее

и сильнее. С не поддающимся описанию волнением вы входите за ограду на каменную площадь к великому Успенскому собору и видите огромные лужи крови с плавающими в них человеческими мозгами. Следы крови чьей-то дерзкой ногой разнесены по всей этой площади.

Успенский собор

Успенский собор расстрелян. В главный его купол попал снаряд, разорвавшийся в семье его пяти глав, из коих, кроме средней, одна еще попорчена. Пробоина в главном куполе размером в три аршина, а в поперечнике два с половиной аршина. В барабане купола есть опасные трещины. От сильных ударов осколками снарядов в некоторых местах кирпичи выдвинулись внутрь собора, а на стенах барабана образовались трещины. Все это еще не исследовано архитекторами окончательно, еще не определено, излечимы ли эти страшные раны. Снаружи вся алтарная стена собора испещрена мелкими выбоинами от пуль и осколков снарядов. Таких следов на белокаменной облицовке насчитывается свыше семидесяти, да на северной стене пятьдесят четыре выбоины. Зеркальные стекла всюду в окнах выбиты и прострелены пулями. Одних только стекол перебито в соборе на двадцать пять тысяч рублей (по ценам того времени). Внутри Успенского собора разбросаны осколки разорвавшегося там шестидюймового снаряда, и по солее, и по собору разбросаны осколки белого камня, кирпича и щебня. Стенопись внутри храма в куполе попорчена, паникадила погнуты. Престол и алтарь засыпаны разбитым стеклом, кирпичами и пылью. Гробница Святейшего Патриарха Гермогена тоже покрыта осколками камней и мусором. Такова мрачная картина разрушения и поругания нашей православно-русской святыни – великого Успенского собора, этой духовной твердыни многократного возрождения и укрепления православно-русского благочестия даже во дни древних тяжелых лихолетий.

Страшно становится, когда вы узнаете, что эта всероссийская народная святыня расстреливалась по прицелу, по обдуманному плану. Расстрел всего этого происходил в ночь на 3 ноября, когда мир был уже заключен и господствовали большевики над Священным Кремлем. Последний ужасный удар по Кремлю приходился в 6 часов утра 3 ноября.

Православные! Не отзывается ли в вашем сердце нестерпимой болью эта зияющая рана вашей родной святыни, разбитая глава вашего великого собора?! Не стыдно ли вам за вашу Родину, когда вы слышите, как стоящий в толпе перед развалинами кремлевских святынь чужест-

ранец – серый китаец изумленно глядит на развалины и бормочет: «Русский не хороший, худой человек, потому что стреляет в своего Бога!»

Чудов монастырь

Тяжелое впечатление производит вид расстрелянного Чудова монастыря. Фасад с южной стороны пробит шестью тяжелыми снарядами. В стенах глубокие разрывы и трещины. Выбоины достигают от двух до трех аршин в диаметре. В сильной степени пострадала монастырская иконная и книжная лавка. Двумя снарядами пробиты стены митрополитских покоев, которые занимал член Собора Петроградский митрополит Вениамин. Внутри покоев полное разрушение. Обломки мебели и всего того, что находилось в покоях, смешалось с грудами камней и мусора. В одной комнате снаряд пробил огромной толщины оконный откос и разрушил вплоть до стоящей рядом иконы Богоматери всю стену, а икона со стеклом и висящей возле нее лампадой осталась невредима. Храм, где покоятся мощи Святителя Алексия, не пострадал, там выбиты только окна. Мощи Святителя Алексия с начала обстрела были перенесены в пещерную церковь, где под низкими сводами пещерного храма денно и ночью митрополит Вениамин, архиепископ Михаил Гродненский, наместник Чудова монастыря епископ Арсений, Зосимовский старец-затворник о. Алексий и вся братия совершали моление под несмолкаемый грохот орудий, потрясавших стены храма. В настоящее время большевики нехристи вместе с женщинами живут в храме Чудова монастыря, где покоятся мощи Святителя Алексия.

Кремлевская колокольня Иван Великий

Одиноко стоит, мрачно и уныло выглядит Иван Великий в эти дни позорного поругания святого Кремля. Молчит его великий колокол, он осажден врагами, только несколько раз простонал он глухо и едва слышно, когда пули и осколки снарядов попадали в него, а потом надолго замер этот дивный благодатный колокол Великого Ивана, так часто прежде призывавший своим мощным звоном в Кремлевские соборы на молитву верующих москвичей. Но верит русский народ, что близок тот час, когда возвестит Иван Великий всей России своим мощным набатом об освобождении Кремля от врагов иноплеменников, засевших там на древних тронах Русских Царей и православного Патриарха. При обстреле колокольни Ивана Великого остов ее покрылся выбоина-

ми и пулевыми ранами. С восточной стороны один снаряд целиком вошел в толщу стены и впился в нее.

Николо-Гостунский собор

В алтарное окно Николо-Гостунского собора влетел снаряд и разрушил внутри алтаря восточную стену, разорвался в самом алтаре. Большое старинное Евангелие, стоявшее у разрушенной стены, отброшено на пол к престолу, верхняя крышка с Евангелия сбита, и бывшие на ней иконы Воскресения Христова и Евангелистов выбиты и разбросаны в разные стороны. Много листов из этого Евангелия скомкано и разорвано. Жертвенник разбит. Богослужебные книги разорваны. По всему алтарю разбросаны кирпичи, осколки снарядов, церковные предметы, и все это нагромождено между Престолом и Царскими вратами. Престол же, несмотря на свою близость к пробоине, остался невредим. В храме Николы-Гостунского предлежит великая святыня, часть святых мощей Святителя Николая, того святого, которого чтут все христиане и даже язычники. Увы, русский человек подверг эту святыню такому поруганию, о котором страшно и говорить! Стены у входа в храм испишаны самыми площадными, грязными и кощунственными надписями и ругательствами на русском и немецком языках, а при входе в храм, где находится святыня, устроено отхожее место. Заметьте, что это устроено не на улице, а наверху в колокольне Ивана Великого.

Благовещенский собор

Знаменитое крыльцо Лоджетты Благовещенского собора, с которого Грозный Царь любовался кометой, разрушено орудийным снарядом. Мы видели одного художника, который бросился к этому крыльцу и, увидев его расстрелянным, заплакал. Здесь разрушен знаменитый образец красоты человеческого искусства. Удары снарядов были настолько сильны, что от них сотрясались стены храма и рушились храмовые святыни.

Архангельский собор

Рассыпая губительные снаряды по Кремлю, безумцы, очевидно, заранее решили не щадить ни одного кремлевского храма, и действительно, следы преступления остались на всех кремлевских святынях. Архангельский собор изъязвлен ударами снарядов. Смерть, не разли-

чая святости места, оставила свои кровавые следы между этими двумя святыми алтарями. Между Архангельским и Благовещенским соборами видны громадные лужи крови.

Подверглись разрушению и святотатству кремлевские храмы: Воскресения Словоущего, Ризположенская церковь с часовней в честь иконы Печерской Божией Матери и Предтеченская церковь на Боровицкой башне. Последняя подверглась сильному ружейному обстрелу. Несколько пуль попало в иконы Московских святителей и Казанской Божией Матери. Искалеченный лик Пречистой укором глядит на злое дело рук человеческих. Я уверен, что ни один негодяй, причастный к позорному делу поругания святынь, не смел бы приблизиться теперь к этой иконе.

Патриаршая ризница

Патриаршая ризница, представляющая собою сокровища неисчислимой ценности, превращена в груды мусора, где в кучках песку и щебня, обломков стен и разбитых стекол от витрин, раскапываются бриллианты и жемчуг.

Самому большому разгрому подверглась палата № 4, которая пробита разорвавшимся снарядом, и здесь несколько витрин и шкапов с драгоценными старинными покрывами, украшенными золотыми дробницами и камнями, превращены в щепы. Некоторые покрывы-памятники пробиты и попорчены непоправимо. От осколков снарядов пострадало Евангелие XII века (1115 год) Великого князя Новгородского Мстислава Владимировича. С верхней серебропозлащенной крышки сбита часть финифтяной эмали, чрезвычайно ценной по своей старинной работе. Различные предметы драгоценных украшений Патриархов: митры, поручи, а также и церковная старинная утварь, сосуды и проч. – все это выброшено из разбитых витрин на пол и вбито в щебень и мусор. Вторым снарядом в палате № 6 разрушены витрины с патриаршими облачениями.

Разбита церковно-историческая русская сокровищница, составляющая самый лучший памятник патриархальной жизни Великой Святой Руси*.

* Вскоре после занятия «народными комиссарами» Кремля Патриаршая ризница была окончательно разграблена. В настоящее время нет никакой возможности восстановить разгромленную сокровищницу русской церковной старины.

Собор Двенадцати апостолов

Собор Двенадцати апостолов расстрелян. Изборожденная снарядами, изрытая, развороченная восточная часть зияет дырами, пропастями и трещинами; она производит впечатление живой развалины, которая держится каким-то чудом. На наружной стене этого храма виднеется шестнадцать орудийных, девяносто пять осколочных и множество ружейных тяжелых и, так сказать, болезненных ран. Несмотря на толщину старинной кладки кирпича, в местах удара образовались глубокие прострелы, а внутренняя алтарная стена покрыта опасными трещинами. Один снаряд пробил стену с южной стороны под окном и разорвался в церкви, причинив разрушения: подсвечники оказались разбитыми, многие иконы на стенах изранены осколками. Стоявшее у северной стены большое распятие жестоко поругано. Ударом снаряда сорваны распростертые пригвожденные ко Кресту Пречистые Руки Спасителя. Тело Его покрылось изъязвлениями от кирпичных вонзившихся осколков, и распятие все залито маслом от лампы. Красные мокрые пятна создают потрясающую картину живого окровавленного Тела. Богомольцы, которым удалось проникнуть в Кремль, подходя к этому разбитому и поруганному святому распятию, не могли спокойно смотреть на это жестокое поругание, предавались неопишущему отчаянию, плакали навзрыд, обнимали подножие Распятого Христа.

Один из снарядов влетел в окно так называемых Петровских палат, где спасался от стрельцов Петр Великий, разбил оконный простенок и разорвался внутри палаты. В настоящее время в этих палатах все разрушено.

Николаевский дворец

Николаевский дворец, принадлежавший ранее Чудову монастырю, сильно пострадал от орудийного разгрома. Снаружи видны громадные сквозные пробоины. Внутри все тоже разрушено, и когда мне пришлось обойти комнаты, то я увидел картину полного разгрома. Громадные зеркала и прочая обстановка дворца варварски разбиты и разрушены. Шкапы разбиты, книги, дела и бумаги разорваны и разбросаны по всем комнатам. Петропавловская в Николаевском дворце церковь пробита снарядом и разгромлена. Иконостас разбит. Сотрясением от взрывов распахнулись Царские врата, и завеса церковная разорвана надвое. Отсюда расхищено много ценных вещей.

Здание судебных установлений

Расстрелян суд, где пробит снарядом купол знаменитого Екатерининского зала. В том же зале разорван замечательный портрет Екатерины и причинено много других повреждений. Безумцы натолкнулись в комнатах судебной экспертизы и у следователя на горшки и банки с вещественными доказательствами, т. е. с препаратами отравленных желудков, мертвых выкидышей и проч., и пожрали эти «маринады», благо они были налиты спиртом.

Никольские ворота

На Никольской башне, которую разбили в 1812 году французы, образ Святителя Николая, оставшийся невредимым от французского нашествия, ныне подвергся грубому расстрелу. Как Никольская башня, так и Никольские ворота совершенно изрыты снарядами, пулеметами, ручными гранатами. Совершенно уничтожен киот, прикрывающий икону Святителя Николая. Сень над иконой сбита и держится на одном гвозде. С одной стороны изображение Ангела сбито, а с другой прострелено. Среди этого разрушения образ Святителя Николая уцелел, но вокруг главы и плеч Святителя сплошной узор пулевых ран. При первом взгляде кажется, что иконы нет, но, всматриваясь внимательнее, сквозь пыль и сор вырисовывается сначала строгое лицо Святителя Николая, а затем становится яснее весь этот чудотворный образ – Стена и Ограждение Священного Кремля.

В 1918 году произошел необычайный случай перед этим образом Святителя Николая, который вызвал даже в большевиках большое недоумение и смущение. Здесь я приведу дословно сообщение члена Церковного Собора А. А. Салова, правдиво описавшего чудо с образом Святителя Николая, что на Никольских воротах Кремля.

«1 мая (по новому стилю), в Великую среду, властители, засевшие в Кремле и назвавшие себя народными, устроили торжество социализма; они долго его подготавливали и много денег на него затратили, но торжество их не удалось: в манифестациях и шествиях участвовали жалкие кучки в несколько сот человек; улицы и площади, обвешанные красными тканями, были безлюдны, и напрасно гремели на пустых перекрестках оркестры музыки...

А храмы Божии были полны, как никогда, и покаянный день Страстной седмицы народ московский провел не под знаменами революции, а у подножия Креста, у святых алтарей Господних. Это была первая круп-

ная моральная победа духа над служением только плоти, победа тех, кто с Христом, над Его врагами, и видимым, чудесным знаком этой победы было открытие силами неземными иконы Святителя Николая на Никольских воротах Кремля. Эта икона, чудесно уцелевшая в дни Наполеоновского нашествия в 1812 году и несколько поврежденная (в левом краю своем) в дни Октябрьского переворота, была завешена красным широким полотнищем, которое на глазах тысячных очевидцев крестообразно разорвалось, и суровый лик Святителя открылся взорам толпы, и ткань, до того времени крепкая и неповрежденная, постепенно изменила свой цвет в коричневый и скрученными клочками стала падать на каменную мостовую у ворот. Это всенародное чудо быстро облетело Москву, и к иконе Святителя со всех концов потекли вереницы богомольцев. День и ночь горячо и пламенно молились православные Великому Чудотворцу. Непреложность факта этого закреплена на бумаге документально целым рядом бесспорных свидетелей. В Николин день, 9 мая, по почину Совета объединенных московских приходов, с благословения Его Святейшества, был совершен крестный ход из всех храмов Москвы на Красную площадь, и здесь Патриарх Тихон, среди несметного моря народа, под немолчный гул колоколов московских, пламенно молился Святителю Николаю у подножия Никольских ворот. Этот день святого Николая был днем великой радости и светлого торжества Православия, ибо под святые хоругви церковные и иконы Божии встало и притекло на Красную площадь море людей. Здесь было около миллиона народа. Все фабрики и заводы стали, магазины и рынки закрылись, и весь рабочий и торговый московский люд пошел молиться любимому святому своему – Николаю Угоднику. Чудный, весенний день, прохладный и солнечный, безоблачное, чистое небо, – все это дало торжеству ликующий блеск и незабвенную красу. А самозванные властители, задолго до 9 мая приказали, чтобы “день Николая был днем будней, рабочим, и чтобы все станки фабричные непременно работали, и магазины и рынки торговали”, и грозили эти властители мечом и огнем тем, кто не подчинится их приказам и будет с контрреволюционерами церковниками покушаться на их советскую власть...»

Кремлевские башни

Испорчены Кремлевские башни, из которых угловая Беклемишевская сбита и стоит без вершины. Еще в 1812 году при нашествии французов, когда наш Священный Кремль подвергся разгрому и поруганию, тогда осталась нетронутой вражеской рукой единственная из многочисленных Кремлевских башен – Беклемишевская. С XVII века эта

башня, красавица по своей архитектуре, стояла неприкосновенной. Зубчатые узоры придавали ей особенную художественную красоту. И вот 28 октября 1917 года зловещий снаряд зажуужал над башней и мгновенно ее разрушил.

Стоит одиноко обезглавленная разбитая башня. Безучастно проходят мимо этой развалины каждый день толпы народа, и каждый думает, как бы не запнуться о разбросанные камни и черепки. Никто не понимает, что в разбитой башне поруган, уничтожен драгоценный памятник древнерусского строительства.

У самой башни стоит группа людей. Все смотрят, как один господин с типичной наружностью русского художника, нагнувшись над грудой обломков, выбирает черепки узора, сбитого с башни. Толпа не понимает и этого странного человека, собирающего черепицы керамики, она клеймит его грубыми, бранными словами, называет провокатором. И не сознает толпа зевак, что человек этот не странный, не провокатор, а честный потомок благочестивых строителей Священного Русского Кремля; она не понимает, что он оплакивает разрушение памятников древнерусского искусства – драгоценное наследие наших русских дедов. Этот художник с болью в сердце собирает осколки и черепки в надежде потомству, которое в будущем, наверное, справедливо осудит варварство большевиков, разрушивших Святое Святых России – Священный Кремль.

Ружейной пулей прострелена на Троицких воротах икона Казанской Божией Матери.

Спасские ворота доньше были освящены святым обычаем, где всякий проходящий через эти Святые ворота, даже иноверец, с чувством благоговения обнажал свою голову. Теперь там стоит вооруженная стража с папиросами в зубах, ругается с прохожими и между собой площадною бранью.

Спасская башня пробита и расстреляна. Знаменитые часы с музыкальным боем разбиты и остановились. Остановилась и стрелка часов в ту роковую минуту, когда ворвался тяжелый снаряд в стены Кремля и наложил несмываемое пятно крови и позора на это священное сердце Москвы.

И как хотелось бы сейчас открыть все кремлевские ворота и чтобы не только москвичи, но все русские люди могли пребывать на раз-

валинах своих святынь. Но какие нужны слезы покаяния, чтобы смыть всю ту нечистоту, которой осквернили Священный Кремль наши русские братья солдаты, руководимые врагами!

Русская история отметит на своих страницах гнусно-позорное отвратительно-кощунственное деяние своих сынов. Большевистское варварство беспощадно и справедливо уже осуждается иностранцами всего мира.

Красная площадь

Осмотрев расстрелянный Священный Кремль, пойдем теперь на Красную площадь и посмотрим, что делается там.

Московская Красная площадь имеет свою историю. С древних времен Красная Площадь является центром религиозной, общественной, политической и торговой жизни Москвы. Все окружающие эту площадь храмы и здания есть памятники жизни древней Москвы и памятники величия и славы всей России.

На всех памятниках варвары XX века наложили несмываемое клеймо своего позорного деяния, подвергнув их орудийному обстрелу и кощунственному поруганию.

На Кремлевской стене, между Спасскими и Никольскими воротами, большевики вывесили громадного размера плакат, – красное полотнище с надписью аршинными буквами: «РЕЛИГИЯ ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА».

Там же, на Красной площади, у стены под плакатом, большевики устроили кладбище для «товарищей». Вид этого кладбища производит удручающее впечатление.

На могильных взрытых холмах нет ни одного креста, и только, подобно иудейскому кладбищу, на некоторых могилах торчат доски с какими-то непонятными надписями. Там лежат в красных гробах «товарищи большевики», зарытые в землю по революционному обряду «с песнями и марсельезой», без церковной молитвы.

Москвичи избегают проходить поздно вечером мимо этого кладбища, прозванного народной молвой «поганым» и «мерзостью запустения». И уже передаются из уст в уста различные легенды о подземном завывании неотпетых покойников, о зловонии возле этой «стены позора» от плохо зарытых трупов, о своре собак, ищущих ночью там себе добычу и проч.

Бывали даже случаи, что большевистские часовые в ужасе разбежались ночью с этого страшного места.

На той же Красной площади, вблизи указанного плаката, большевики-изуверы раздают и разбрасывают свою гнусную литературу, в которой поощряется разврат и кощунственно высмеивается религия и святая вера. Проходя через Красную площадь, я тоже получил мерзкую книжонку. Вот несколько образчиков ее.

Какой-то большевик, очевидно, иноплеменник, за подписью «И. Мост» в своей книжонке, озаглавленной «Религиозная язва»⁶⁶, пишет следующее: «Наша цель вывести людей из религиозного мрака. Всякое средство, употребляемое для достижения этой великой цели, должно быть признано хорошим всеми истинными друзьями человечества и должно быть применено на практике при всяком удобном случае.

Поэтому всякий человек, считающий себя врагом религии, пренебрегает своими обязанностями, если он ежедневно, ежечасно не делает все, что он в силах сделать, чтобы уничтожить религию. Всякий “неверующий” изменяет своим убеждениям, если он при всяком удобном случае не борется с попами...

Надобно бороться с ними, не покладая рук всюду, где это возможно...»

(Я опускаю кощунственное и святотатственное ругательство, написанное Мостом, где изрыгается хула на Бога, на Святаго Духа, на Церковь и т. д., моя рука не может этого писать.) В конце книжонки Мост призывает к поруганию и разрушению святынь. Он пишет: «Будем надеяться, что скоро наступит тот день, когда распятие и иконы будут брошены в печь, из священных сосудов и кадилъниц будут приготовлены полезные предметы; церкви будут обращены в залы для концертов, театральных представлений или собраний, а в случае если они не будут годиться для этих целей, в хлебные магазины или в конюшни».

Таков идеал своей животной жизни без Бога, без религии, без веры проводят большевики-сатанисты в жизнь русского народа Богоносца.

Поймите это, русские люди, да и вообще все человечество, верующее в Бога!

Поймите глубже своей душой весь ужас, все зло безбожного учения большевизма и остерегайтесь его!

Спасайте от него ваших детей!

Расстрел Священного Кремля, осквернение храмов, поругание святынь – все это есть организованный поход сатанистов-большевиков на религию, как о том и пишет один из разрушителей «иноплеменник Мост».

Ведь в самом деле, глядя на оскверненный Кремль, невольно задаешься вопросом. Кому и для чего понадобились все эти ужасы? Нель-

зя же не понимать того, что в Кремле вся история могущества, величия, славы, святости и силы Земли Русской.

Если древняя Москва есть сердце всей России, то алтарем этого сердца искони является Священный Кремль.

Святотатственно посягнуть на него мог только безумец или человек, в сердце которого нет ничего святого: человек, чуждый сознания значения и важности этого памятника свято-русской истории и, несомненно, под влиянием какой-то злой воли, исполненной сатанинской ненависти ко всему русскому – православному.

Нельзя считать серьезным основанием то, что артиллерийская канонада, направленная на Кремль, имела цель сокрушить горсть защитников офицеров и юнкеров. Не смея приблизиться к ним, их искали по Кремлю снарядами, разрушая то главу Успенского собора, то Церковь Двенадцати апостолов, то колокольню Ивана Великого, то Чудов монастырь и дальше по порядку все до единого храмы. Хороший, нечего сказать, «стратегический» прием борьбы, весьма характерный для тех, кто к нему прибегает.

То, что большевики сделали с Кремлем, делают ныне со всей Россией, разыскивая в ней орудиями смерти врагов своих неосуществимых противобожеских и противочеловеческих утопий.

Всюду и везде на Руси большевики разрушают исторические памятники, оскверняют и уничтожают святыни, алтари, храмы; морят людей голодом, заливают кровью и слезами русский народ. Во всех действиях большевиков-коммунистов нельзя не видеть определенного плана, последовательности. Так и сказывается во всем чужая, темная, злая сила, не русского происхождения.

Нельзя не заметить, не почувствовать, что тут орудует чужой ум, что чужая рука направляет и руководит.

Ясно, что если в этом преступном, позорном деле участвовали не только иноплеменники, но и русские люди, то, несомненно, такие, из сердец которых было совершенно вытравлено чувство любви к своей Родине и которые были духовными рабами врагов России.

Я видел Кремль, еще когда горячие раны сочились кровью, когда стены храмов, пробитые снарядами, рассыпались. Без боли в сердце нельзя было смотреть на эти поруганные святыни. Сейчас же эти раны чьей-то сердобольной заботливой рукой, по мере возможности, как бы забинтованы; защиты досками, покрыты железом, чтобы зимнее ненастье не влияло на эти разрушения еще более. Но пусть они – эти раны – будут закрыты, пусть их прячут, скрывают от нашего взора, они остаются неизлечимы. Позор этот может загладиться лишь тогда, когда вся

Россия опомнится от своего безумия и заживет снова верой своих дедов и отцов, созидателей этого Священного Кремля, собирателей Святой Руси.

Пусть этот ужас злодеяния над Кремлем заставит опомниться весь русский народ и понять, что такими способами не создается счастье народное, а вконец разрушается сама когда-то Великая Святая Россия.

К тебе, Православный Русский Народ, оплакивающий разрушение твоего Священного Кремля, прилично здесь обратиться словами псалмопевца: «Пойдите вокруг Сиона и обойдите его; пересчитайте башни его. Обратите сердце ваше к укреплениям его; рассмотрите дома его, чтобы пересказать грядущему роду» (Пс: 47, 13-14).

Всероссийская святыня осквернена и поругана в позорном деянии большевиков над Священным Московским Кремлем в октябрьские дни 1917 года.

Это было вступление, начало варварского «комиссароуправства» большевиков на Руси, называющих себя «русскими народными комиссарами». Но теперь народ русский уже знает, что это «не русские» и «не народные» властители засели и забронировались в Священном Московском Кремле, а «иноплеменники»: Бронштейны, Нахамкесы⁶⁷ и другие, подобные им.

Захвативши власть, эти «иноплеменники» научили русских воинов, недавно еще храбрых и непобедимых, бежать с полей сражения, угорили отказаться защищать Родину от врагов немцев.

Русские солдаты, у которых еще первые «творцы революции» вытравили патриотизм и сознание чести и долга перед Родиной, теперь под влиянием большевиков открыто заявили, уходя с фронта: «Зачем мы будем сражаться с немцами, мы самарские, мы вятские, мы пермские, а мы сибирские и т. д. К нам немец не придет. Будем лучше жить спокойно дома». Увы – как обмануты вы, доверчивые воины!

Вас большевики отвлекли с фронта для того, чтобы привести Россию к «позорному Брестскому миру», унижительные условия которого даже сами виновники – большевики – не решились обнародовать полностью. Вас те же большевики вовлекли в жестокое братоубийство, продолжающееся уже три года.

Взгляните, русские люди, теперь на ваши родные города, села и деревни! Они превращены в развалины и кладбища. Посмотрите, как те же обманутые большевиками самарские, вятские, пермские, си-

бирские и другие воины теперь лежат убитые, изуродованные, изрубленные в своих родных селах и деревнях, на своих хлебных полях-кормильцах.

Вот что сделали иноплеменники, комиссароправцы с русским народом. Им не жаль, что гибнет Россия, что миллионами гибнет русский народ. Что им русский народ?! Что им его страдания?!

Ведь под флагом интернационала, на крови русского народа готовится мировая революция, мировой большевизм. Им мало русской крови. Эти иноплеменники хотят принести в жертву Молоху кровь всего мира.

Всесильными кажутся они – самозванные властители, сидючи в Москве. Но загляните в их черную душу, и вы увидите страх – страх оставить Москву. Ибо они – пришлецы, лгуны и обманщики – погибнут в тот день, когда оставят Москву. А теперь еще стонет и плачет Россия под игом большевиков и ждет себе избавления.

Кто же избавит от рабского плена наших братий? Кто спасет поруганные русские святыни и Священный Всероссийский Кремль?

Все русские люди должны ополчиться на защиту Церкви и Отечества, как это было в смутное время на Руси 1613 года, когда по зову Патриарха Гермогена и под водительством князя Пожарского и Козьмы Минина-Сухорук народ ополчился и спас Москву, ее Священный Кремль и установил порядок на Руси.

Так и ныне, все должны идти к Москве.

Все немедленно пойдем спасать наших дорогих братий, изнемогающих от большевизма.

С Богом, Русские люди, с верой вперед!

Поспешите же к родной Москве в Священный Кремль, где будет положено начало порядка на Руси.

ЦЕРКОВЬ И РОДИНА ЖДУТ ВАС.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ОЧЕРКИ АРХИЕРЕЯ В ИЗГНАНИИ

МАНЬЧЖУРИЯ — ХАРБИН

Настоящий мой доклад о Маньчжурии и Харбине с искренним и глубоким благоговением посвящаю я светильнику Православной Русской Церкви – Блаженнейшему Митрополиту Антонию.

Каждая строчка этого доклада была мною прочитана Владыке, и все эти строки овеяны его добрым вниманием, орошены его благодатными слезами.

В далеких полях Маньчжурии творится и создается русская жизнь. И вся духовная работа совершается под осиянием имени Блаженнейшего Митрополита. И знаю я, что радостно будет русским людям Маньчжурии узнать, что их жизнью, их переживаниями и молитвами всею душою живет Блаженнейший Митрополит Антоний.

Глубоко, глубоко открылась душа Владыки, когда внимал он описанию русской жизни Дальнего Востока, и часто эта повесть окроплялась его слезами, слезами умиления и радости за то, что есть еще на темной земле места, где течет и кипит русская жизнь.

Эти слезы незабываемой, глубокой бороздой легли в мое сердце, и в каждой русской душе, в каждом русском сердце эти кристальные слезы найдут могучий и глубокий отклик.

Епископ Нестор

К

ЕПИСКОПЪ НЕСТОРЪ

МАНЬЧЖУРІЯ — ХАРБИНЪ.

.....

Б ѣ л г р а д ъ .

ИЗДАНИЕ „ЦАРСКАГО ВѢСТНИКА“.

1933.

Типографія „Слово“ И. Попова и А. Большакова, Неманьина 20.

После страшной бури, которая пронесится над городом, шумит, рвет и ломает все на своем пути, часто находят разбросанные остатки домов, обстановки, имущества в самых разнообразных, в самых отдаленных краях. Так, в конце XIX века страшное извержение и буря, разразившаяся над островом Кракатоа в Малайском архипелаге, разрушили этот остров и разбросали пепел от него по всему земному шару, так что тучи этого пепла находили потом даже в Норвегии. Так и в человеческом мире страшные, адские бури бунта и революции, разрушая все скопленное народами духовное и материальное достояние, далеко разметывают по лицу земли тех, кто дерзает противостоять черным силам зла.

И как пепел после землетрясения, как щепки после лесной бури, оказались мы, русские люди, разметаны по всему лицу земли после той чудовищной, адской бури – революции, которая постигла нашу страну.

И на запад и на восток, на север и на юг мы ушли из нашей страны, потому что там попирается все самое святое, потому что, чтобы жить там, надо быть или мучеником, или рабом, а мы не могли быть первыми и не хотели быть вторыми.

И вот все лицо земли оказалось усеяно осколками русской стихии. В холодных тундрах и пустынях Аляски и северной Канады, так же как и в знойной Африке, и в джунглях Голландской Индии, трудятся русские люди. В один и тот же момент русские люди Америки видят солнце над своей головой, а русские Парижа спят или молятся в ночные часы, в то же самое время, в ту же самую минуту.

Горек трудный хлеб чужбины, негостеприимно встретил огромный мир русских изгнанников. И особенно тяжело оказалось русскому человеку из-за того, что очутился он в совершенно чужих, незнакомых условиях существования, в чужих, неизвестных краях.

Только там – на дальнем востоке Азии, у самого рубежа родных просторов Сибири, оказалась страна, где русские могли и могут жить доселе не в чуждых, незнакомых условиях, а в родном, с детства привычном и милом быте. Страна эта – Маньчжурия с центром в Харбине.

На большие, чисто азиатские пространства раскинулась она, огромной плотною площадью легла она на пороге, на рубеже между двумя колоссами, Россией и Китаем, между этими двумя страшными бурлящими котлами современного мира.

Своеобразны и необычны условия жизни там. Своеобразна природа этого края. Ученые говорят нам, что Маньчжурия никогда не знала ледникового периода, никогда огромный пласт льда, залившего всю Европу и большую часть Сибири, не простирался на Маньчжурию. Поэтому и растения и животные этой страны постепенно приспособ-

сабливались к более и более холодному климату новых времен, пришедших на смену роскошному солнечному третичному периоду. В то же время вместе с постепенным охлаждением климата в пределы Маньчжурии проникали и новые формы жизни из холодных просторов Сибири. В глубине геологических пластов Маньчжурии находят исследователи кости мамонтов, носорогов, саблезубых тигров, первобытных быков. А ныне мы видим в лесах и полях Маньчжурии причудливое, интересное, волшебное смешение всех форм, всех видов жизни на земле.

Огромные тысячилетние кедры и сосны, детища холодной сибирской тайги, перевиты лианами, и рядом с ними высятся могучие аралии – представители тропиков, перемежаясь со стройными серебристыми родными березками.

Тигры и медведи, антилопы и северные олени, кряковые утки и мандаринки, соболи и еноты, удавы и гадюки – звери самых разнообразных краев водятся в Маньчжурии рядом.

И что особенно отрадно, несмотря на суровые зимы, в Маньчжурии растет и созревает прекрасный черный виноград, дающий отличное вино для церкви.

Но не только в каждом данном месте разнообразна природа Маньчжурии – разнообразна и она сама по своей природе.

* * *

На крайнем западе страны, у самого рубежа с нашей родиной, простираются огромные, необозримые степи, на юге переходящие в пустыню. Здесь начинается великая пустыня Гоби. Здесь, южнее полотна железной дороги, лежит большое, величественное озеро – Далай-нор – священное озеро монголов. Воды этого озера таят в себе большие запасы радиоактивности и привлекают многих больных из ближайших местностей. Берега озера кишат всевозможной дичью. Едва приближаетесь вы к нему, как над вами вздымаются неисчислимые тучи гусей, уток, лебедей, чибисов – всевозможных пород и разнообразных окрасок. Вблизи озера строго запрещается охота, запрещается всякое кровопролитие, ибо озеро священо и принадлежит монгольскому монастырю. Монахи строго следят, чтобы ни один дерзкий чужеземец не нарушил покоя священного озера. Они глубоко убеждены, что если будут совершаться какие-либо убийства на берегу озера, то исчезнет его чудодейственная целительность.

К северу от полотна дороги в этих местах весной и осенью зеленеют степи, которые в разгар лета превращаются в грустные желтые про-

странства выжженной травы, занесенные песками. По этим степям кочуют монголы со своими стадами. Здесь лежало когда-то, еще недавно, независимое монгольское княжество – Барга.

Далее к северу отсюда начинается местность, именуемая Трехречьем – кусочек истой, кондовой России, перенесенный в пространства Маньчжурии. Русские избы, русские речи, русское население, главным образом казаки-забайкальцы, переселившиеся на эту сторону рубежа из-за страшных гонений, из-за голода и чудовищных притеснений там, в родных пределах.

Здесь – в свободной стране – они своей кипучей энергией, трудолюбием, опытностью в хозяйстве, создали богатый край, поставили большое образцовое хозяйство в стране, где доселе паслись только монгольские стада.

Но до недавнего времени условия жизни для русских в Трехречье были чрезвычайно тяжелы. Русское население было задавлено тяжестью налогового пресса, выдавливались налоги за все, буквально даже за воздух, которым дышали русские изгнанники.

Запрещено было в Трехречье строить церкви с колокольнями: храмы ютились в обычных домах, над которыми не позволяли даже креста поставить, нельзя было открывать школы, за проезд из одной деревни в другую приходилось платить налог, так что объезды священниками своих приходов были сопряжены с большими расходами и затруднениями. Отбирали скот – коров, лошадей.

Огромный, тяжелый налог – семнадцать долларов с десятины земли – чиновники старались получить по нескольку раз в год, и никаких квитанций в получении его русским не оставляли. Торговцы и ростовщики угнетали тех, кто задолжал им и даже принуждали дочерей неплатных должников обрабатывать долг отца позорным ремеслом.

Наконец, вновь приходивших в Трехречье русских крестьян и казаков из Забайкалья местные власти попросту продавали большевикам на расправу обратно. Была даже строго установлена плата за голову – пятнадцать долларов с человека за возвращение его в пределы СССР.

Особенно тяжело пострадало Трехречье в 1929 году, когда почти все поселки его были разграблены красными партизанскими отрядами. Население, у которого китайцами было отобрано все оружие, не могло оказать никакого сопротивления, и множество людей в Трехречье было убито, ограблено, разорено. Целыми семьями, целыми поселками поднимались тогда трехреченцы и убегали из родных селений от страшного кровавого ужаса.

Десятки и сотни сирот были приняты в харбинские приюты, между прочим, в значительном числе в наш приют – Дом Милосердия, где они сейчас живут и воспитываются.

И тем не менее даже после этого разгрома Трехречье оправилось, и жизнь там опять наладилась. После установления нового государства¹ условия этой жизни облегчились очень значительно. Налог с семнадцати долларов уменьшен до двух, причем теперь уплата налога строго фиксируется, суд ныне совершенно равно относится к русским и китайцам. Разрешено строить церкви, в постройке школ даже оказывается содействие. Для охраны населения введены японские отряды, в помощь им созданы отряды из молодых трехреченских казаков, так что в смысле защиты от красных партизан Трехречье ныне значительно обеспечено.

Ныне, если Бог благословит, там намечены к созданию два монастыря – мужской и женский². Вообще русская жизнь этого уголка России под флагом Маньчжу-Го налаживается и расцветает.

* * *

Несколько лет тому назад, летом, в день святых апостолов Петра и Павла, архиепископа Харбинского Мефодия и меня пригласили в поселок Якеши, недалеко от Трехречья, освящать якешинский храм. Ко дню торжества в поселок Якеши собралось православное население всей окрестной местности.

И казаки-трехреченцы, и железнодорожники, и тунгусы во главе с зангином-старшиной съехались в Якеши из Бухэду, из Хайлара, из Маньчжурии, из ближнего села Кацынор, из иных сел и поселков Трехречья. Всенощная началась в 6 часов вечера. Службы совершались на площади перед церковью, где мы были встречены назначенным вновь настоятелем храма. В толпе молящихся было много китайцев.

На следующий день совершалось торжество освящения храма в небывалой для небольшой станции величественной обстановке.

Еще накануне обратились к архиепископу Мефодию начальник китайского отряда и представители местного населения – язычники с просьбой совершить моление о ниспослании дождя, так как всей местности вокруг станции Якеши угрожал неурожай от страшной изнуряющей засухи. Дождя не было в продолжение всего лета. Архиепископ Мефодий дал свое благословение и согласие китайцам на молебен, и после литургии мы вместе со всеми молящимися тронулись крестным ходом на реку Джандун-гол с громким единодушным пением: «Даждь дождь земле жаждающей, Спасе». Там, на реке, совершили мы молебен о ниспослании дождя.

В конце молебна архиепископ Мефодий, которому экстренно необходимо было в тот же день быть в Хайларе, уехал на станцию и отбыл из Якеши.

Между тем к реке Джандун-гол приближалась большая толпа китайцев-язычников вместе с охранным отрядом во главе с начальником отряда. Они шли босиком с венками из зелени на головах, под звуки хлопушек, под бой барабанов и свист свирели. На носилках они несли плоды и траву в сосуде с водою, как символ жаждущей земли. Они обратились ко мне с просьбой продолжить моление о ниспослании дождя, и я, внимая этой просьбе, обратился к молящимся русским с призывом усилить молитвенное рвение и усугубить свою веру, для которой нет ничего невозможного. Наша вера должна была показать свою непоборимую силу этим простым, бесхитростным людям, которые так доверчиво прибегали к нашей молитвенной помощи, так как все их молитвы и жертвоприношения и даже гнев их на своих идолов не вызвали дождя. Молебен продолжался, и вся толпа китайцев-язычников вместе с русскими опустилась на колени в горячем молитвенном порыве. Когда под пение «Спаси, Господи, люди Твоя» Святой Крест был мною погружен в реку, язычники-китайцы бросились черпать освященную воду в заранее приготовленные сосуды. Когда крестный ход и китайское шествие, возвращаясь, подошли к поселку, то начал накрапывать дождь, который к вечеру обратился в ливень с грозой, и жаждавшая земля благодарно раскрыла свои объятия этой явно чудесно ниспосланной милости Божией. Китайцы горячо благодарили нас чрез особую депутацию и особенно трогательно выражали свою благодарность «Великому русскому Богу» за исполнение их усердных молитв. Долго еще радостно били они в барабаны и стреляли хлопушками.

По окончании всех торжеств и молений, на другой день, под проливным дождем в сопровождении некоторых жителей Якеши я поехал по узкоколейной железной дороге в вагонетке, запряженной лошадью, на реку в местность, называемую Гавань, где происходила ловля рыбы неводом, а вечером из Гавани на лошадях, в простой русской телеге, мы проехали в село Кацынор, где я был встречен местным населением, почти сплошь состоящим из казаков-забайкальцев, под звон подвешенных у церкви подобранных в тон рельс, заменяющих колокола.

На площади, перед маленьким уютящимся в избе храмом, на берегу реки Аргуни, я совершил всенощную. На другой день в храме совершил литургию, после которой с крестным ходом мы прошли к реке, где я освящал воду и провел религиозную беседу. Эта литургия бы-

ла первой отслуженной епископом в тамошнем храме, который по скромности и смиренной убогости напомнил мне Вифлеемский вертеп.

Из Якеши, куда я вернулся на лошадях, я выехал на станцию Бухэду, где также провел время в молитвенном общении с русскими людьми.

В Бухэду настоятелем был трудолюбивый, выдающийся батюшка, отец протоиерей Иоанн Тростянский. Благодаря его трудам, церковная жизнь в Бухэду чрезвычайно процветала. Прекрасная, благолепная церковь была окружена роскошным чудным садом, множеством красивейших цветов. Около своего батюшки, около церкви, объединялись все русские люди не только станции, но и окружающих хуторов. Я любил приезжать в Бухэду весной к храмовому празднику в честь святой мученицы царицы Александры, когда после литургии и торжественного молебна окрестные русские хуторяне пригоняли свой скот и своих многочисленных лошадей для окропления святой водой по древнерусскому обычаю в Егорьев день.

Теперь о. Иоанн Тростянский является заведующим приюта Дома Милосердия и моим ближайшим помощником.

Из Бухэду мы проехали на реку Хори-гол в дикую, ненаселенную местность за двадцать верст от станции, где оазисом расположен хутор Н. А. Чикина. Мы ехали туда на телегах. Высокие зеленые горы и густые леса из берез, лиственниц и дубов окружают долину, где расположен хутор Н. А. Чикина. Ему принадлежит 500 десятин земли. Там в союзе с природой на ее неоскверненном лоне проводят жизнь русские поселенцы частью из простых крестьян, частью из интеллигентных жителей города, предпочитающих здоровую, трудовую жизнь на земле сурового городского существования. Все эти рабочие ведут полезную трудовую жизнь, вставая в 5 часов утра, прерывая работу в полдень на обед и снова работая до ночи. На хуторе имеется трактор и другие сельскохозяйственные машины.

В чистых прозрачных водах реки Хори-гол мы ловили рыбу, а потом вместе со всеми рабочими и хозяевами ели их здоровую вкусную пищу. Мы остались там ночевать и вечером прислушивались к пению птиц и часто раздававшемуся крику диких коз, многочисленных в тамошней местности.

На следующий день верхом на лошадях мы отправились освящать реку и при приближении к берегу испугнули стадо диких козочек, спустившихся с гор на водопой. Они грациозными прыжками стрелой унеслись в сторону. Их неосторожность, как и неосторожность всех зверьков и птиц, которых мы встречали, ясно говорила, что дивная, роскошная природа этой местности еще не осквернена кощунственным при-

косновением рук человека, ибо люди, которые живут там, живут одной жизнью с природой, любят ее и присутствием своим не оскверняют, но еще более подчеркивают вечную правду в союзе трудящегося человека с благостной матерью-природой.

На полях пшеницы, ячменя, ржи и льна я совершил молебствие. Зеленые хлеба шелестели своими колосьями, и в этом шелесте чудилась их молитва, молитва земли, приносящей людям лучший плод, величайший из даров Творца – насущный хлеб.

Так же, как приехали, мы возвращались обратно по полям, покрытым ковром из ягод, цветов и спелых абрикосов.

* * *

На восток от трехреченских степей и от пустыни, окружающей станцию Хайлар, лежит могучий, величественный кряж Хингана. Огромные, скалистые или поросшие лесом горы тянутся от севера к югу. Через эти горы проходят железная дорога с большим глубоким туннелем со своеобразной станцией Петля, около которой поезд должен делать петлю, поднимаясь на значительную высоту.

Горы и леса Хингана также полны всевозможной дичью. Когда вы идете среди высокой, почти в человеческий рост травы, у вас из-под самых ног порой выскочит красивая, грациозная косуля и плавными, прекрасными движениями легкой молнией скроется вдаль; золотистые, с радужным оттенком фазаны поднимаются там целыми стаями из густой травы, тучи уток самых разнообразных пород обитают в многочисленных горных речках.

Проехав через Хинган, миновав чудные, красивейшие станции Бухэду, Барим, Чжалантунь, из которых последняя в течение короткого, но блестящего периода была одним из лучших курортов Дальнего Востока, – мы оказываемся на берегу прекрасной реки Нонни с прозрачными голубыми водами.

Здесь в степной, полупустынной местности расположена чудодейственная курортная станция для туберкулезных – Фуляэрти. Я видел там совершенно безнадежных больных, которые излечивались от тяжелого недуга в два-три года. Недалеко от станции в степи лежит старинное монгольское кладбище князей. Над княжескими могилами стоят изваяния огромных каменных черепах. Одна из этих черепах более полуторы сажени длиной, высотой в человеческий рост. Проезжающие мимо кочевники монголы и близживущие китайцы-крестьяне, проходя мимо черепах, приносят им жертву – различные съестные припасы. Поэтому в течение веков около черепах образовались целые залежи полугнилых припасов.

На противоположной стороне реки Нонни расположен большой город, когда-то столица Маньчжурского княжества, теперь главный город Хейлудзянской провинции – город Цицикар.

От Цицикара и до Харбина тянется одна необозримая степная равнина на многие сотни верст. В большие наводнения, как, например, в 1932 году, вся эта огромная площадь была залита водою могучих рек Сунгари и Нонни.

Подъезжая с запада к Харбину, миновав богатейший хлебный и бобовый район станции Аньда, Дуйциньшань и Маньгоу, мы окажемся на берегу реки Сунгари у огромного железнодорожного моста через нее. Сунгари – главная водная артерия края. На ее берегах стоит Харбин, по Сунгари ведется торговля с северными областями страны. На западном берегу Сунгари лежат многочисленные, кишачищие рыбой озера, в которых харбинцы летом ловят рыбу. Рыбные богатства Маньчжурии, так же как и богатства фауны, чрезвычайно велики. Очень часто хорошие рыбаки на одну удочку налавливают за день по десятку и более фунтов прекрасной, вкусной пресноводной рыбы – сазанов, карасей, амуров, щук, сомов. Попадают в Сунгари и осетры и стерляди, но редко, очевидно занесенные случайно с Амура.

Проехав по мосту через Сунгари, мы окажемся в черте города Харбина, самого большого города Маньчжурии, центра русского рассеяния на Дальнем Востоке.

Минuem пока Харбин. О нем надо говорить слишком много.

* * *

На восток от Харбина лежит опять равнина. Здесь, в нескольких верстах от Харбина, протекает речка Ашихэ. Всего в десяти верстах от большого, можно сказать, огромного города, на берегах этой речки царит дикая, первобытная, богатая природой жизнь.

Если ранним утром, весной, встанете вы и, выйдя из города, пройдете к речке Ашихэ, вы будете поражены тем богатством природы, которое встретите там. Тучи, буквально тучи, сотни гусей и уток будут взвиваться над вами. Серые чибисы с печальными заунывными криками стайками будут все время кружить над головой, пока вы будете проходить среди небольших озер, где птицы вьют бесчисленные гнезда. Высокие, стройные цапли то тут то там поднимают из травы свои красивые серые головы. Всевозможные грызуны – мыши, хомяки, суслики шныряют в траве. Кулики и бекасы населяют берега речки.

И все это в нескольких верстах от города, в ближайшем от него соседстве. А как неисчислимо богатство страны в глубине еще не исследованных, еще не пройденных пространств!

На реке Ашихэ, в сорока верстах от Харбина, расположен китайский город Ашихэ, один из самых древних городов этой местности.

Начиная от Ашихэ, на восток тянутся здесь прекрасные, живописные горы, отроги малого Хингана. Особенно красива высокая, поднимающаяся могучим пиком гора Мао-эр-шань, называемая русскими «сахарной головой».

У ее подножия расположился маленький старинный маньчжурский монастырь, некогда место обитания шаманов. Теперь, вследствие долгого преследования, которому подвергался шаманизм в Китае, этот монастырь называется даосистским³, но в своей внутренней жизни продолжает оставаться шаманским. Самое место расположения этого монастыря связано с шаманистскими представлениями. По верованию шаманистов, духи любят опускаться на землю через острые, одиноко стоящие предметы: башни, колья и т. п. И поэтому они верят, что через острую высокую вершину Мао-эр-шаня опускается на землю могучий великий дух.

Население всей этой местности на восток от Харбина – исключительно маньчжуры. Китайцы тут встречаются только как купцы или чиновники.

Когда-то, несколько лет тому назад, я путешествовал по этим местностям, и эти путешествия оставили во мне самые хорошие, самые отрадные воспоминания.

Помню, я приехал из Харбина на станцию Мао-эр-шань, недалеко от великой горы, и вечером служил там всенощную на вершине одной из сопок. Всенощная началась в восьмом часу вечера, и в ясном безоблачном небе уже зажигались звезды, как вечные, немеркнущие лампы перед Ликом Создателя. К моменту, когда церковный хор любителей запел торжественный гимн: «Хвалите имя Господне», над горизонтом поднялась светлая царица ночи – луна. Казалось, и природа и люди соединились в трепетной и благоговейной молитве, и сердца наши наполнились умилением и тихим счастьем от сознания близости Бога. Зеленая, сплетенная из ветвей церковь с походным алтарем сама казалась не произведением рук человеческих, а частью божественного храма природы. Фимиам ладана смешивался с благоуханием цветов, и величавому пению хора вторили голоса птиц. Сами певчие с восторгом передавали свои впечатления: «Мы пели не устами, душой», – говорили они.

Утром на следующий день я совершил литургию. Яркое солнце сияло с голубого неба, и природа по-прежнему соединялась с нами в мо-

литве. Лазурное небо улыбалось нам, гора служила престолом и алтарем. Солнце, горы, долины и вся цветущая природа внимали молитвам. Невольно уста каждого повторяли тогда слова древнего псалмопевца: «Хвалите Господа с небес, хвалите Его солнце и луна, хвалите Его звезды и свет, хвалите Его горы и холмы, хвалите Его звери и птицы пернатые. Всякое дыхание да хвалит Господа»⁴.

После литургии мы служили молебен святым Зосиме и Савватию. Их обновленную икону чудесно обрели в прошлом году на дереве в маэрошанском лесу.

Днем мы совершили прогулку в монастырь, расположенный в четырех верстах от станции среди гор, в красивой зеленой долине. На пути, с помощью первобытного парома-колоды, мы переехали через реку и далее проходили по урожайным гаоляновым, рисовым и кукурузным полям. В монастыре мы были встречены гостеприимными старцами-монахами, насельниками даосской обители. В божнице трапезной они показали нам хранимый, как святыню, старинный, видимо старобрядческий, небольшого размера образок Святителя Николая Чудотворца. Старший монах объяснил нам, что они почитают этот образок, и сложил молитвенно перед ним свои руки, преклонив голову.

Эти старцы, с длинными седыми волосами, с седыми же окладистыми бородами, в черных монашеских шапочках, с четками в руках, показали нам свою кумирню, трапезную и дивный-дивный сад, где множество цветов разводится их трудами. Всякий период года отмечается новыми цветами в этом саду. Розы теперь уже отцвели, и сад наполнен махровыми разноцветными мальвами, георгинами и пр. Дивное маэрошанское солнце ласково освещает этот красивый букет-сад, любимое детище маньчжурских отшельников. Как отцы о любимом детище, заботятся седовласые старцы о своем цветнике. И при нас они ухаживали за цветами, заботливо очищая с лепестков малейшие пылинки. Осмотрев все, мы вернулись в поселок, где вечером была снова всенощная.

Снова сердца внимали молитве людей и природы. Можно сказать без преувеличения, что вся станция Мао-эр-шань, без различия возраста, пола, политических убеждений и национальностей, была с нами в молитве в этот вечер. Да и не только Мао-эр-шань: многие богомольцы приехали с линии, и густая толпа наполняла зеленый храм и прилегающую площадь.

Был канун праздника Происхождения Древа Креста Господня, и на всех особенно сильное впечатление произвела церковная служба в умирительной обстановке храма на лоне природы. В величественный момент великого славословия, с возведенными дикирием и трикирием,

я вышел из темного грота алтаря и, когда произнес священные слова: «Слава Тебе, показавшему нам свет», – и светильниками освятил молящихся, я увидел на глазах многих богомольцев слезы умиления и молитвенного вдохновения. Каждому молящемуся во время помазания я вручал по цветку из той массы цветов, на которых покоился святой крест по выносе из алтаря.

Все молящиеся стояли с возжженными свечами и единодушно пели: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». Горное эхо далеко-далеко разносило по вершинам и ущельям отзвуки молитвенного пения. Множество китайцев плотной толпой окружало алтарь – вершину горы, с уважением смотря на наше духовное торжество. Вся церковь – молящиеся и пастыри – слились в одном молитвенном восторге, и внятный вздох трепетного вдохновения пробегал по толпе богомольцев. Далеко, под горой, виднелись хижины поселка, весь склон горы, на которой совершалось богослужение, был усыпан звездочками – свечами богомольцев, как бы отражая в себе звездное синее небо, которое широким пологом простерлось над нами. И горы, и лес молчали в эту минуту. Казалось, они с благоговением внемлют молитве людей. Высокие вершины гор уходили в самое небо, небо низко опустилось над нами, как бы заглядывая в душу каждого. Казалось, что в молитвенном трепете все слилось воедино. Небо сочеталось с землей, и природа соединилась с человеком.

* * *

На другой день я проехал в близлежащий старинный маньчжурско-китайский город Ашихэ. Мы въехали в город через восточные ворота. «Ворота, встречающие солнце», как гласит китайская надпись на них. Город Ашихэ отличается исключительной религиозностью и поэтому большой нравственностью населения. Там сосредоточены как местные религиозные центры, так и иностранные духовные миссии.

Прежде всего мы попали в католическую миссию, где в то время шла церковная служба на китайском языке в честь Успения Божией Матери, которое по новому стилю праздновали в тот день католики-китайцы. Крестный ход со статуей Божией Матери совершал молодой ксендз-китаец, и трогательно было смотреть на маленьких детей-китайчат, воспитанников католической школы при миссии, так красиво и дисциплинированно участвовавших в церковной процессии.

Из католической миссии мы проехали в пресвитерианскую, устроенную скандинавскими миссионерами. При пресвитерианской миссии находятся аптека, больница и школа, отдельно для мальчиков, отдель-

но для девочек, и воскресная школа для изучения Библии. Одна из миссионерок, женщина-врач, сказала нам, что в этот день, незадолго до нашего прихода, она сделала четыре серьезных операции китайцам. Я со своими спутниками посетил амбулаторию и больницу, прекрасно содержимые миссией, и видел всех пациентов: китайцев и маньчжур, мужчин и женщин, которые находятся под внимательным наблюдением и попечением миссионеров. Завидно смотреть на эти иностранные миссии, обладающие такими большими средствами и ведущие такую большую работу.

Оттуда мы проехали в китайско-дунганскую мусульманскую мечеть, выстроенную в интересном арабско-китайском стиле. Самая мечеть образует род китайской пагоды, с полумесяцем на куполе и с крыльями крыши, приподнятыми по краям, но балкончик, откуда муэдзин призывает на молитву мусульман, и Михраб – священное место внутри мечети, обращенное по направлению к Мекке, – говорят о том, что это храм магометан, которых в Китае, по официальным данным, насчитывается около 20 миллионов, а по рассказам самих мусульман, до 60 миллионов. При мечети существует благотворительное общество, школа, странноприимный дом и бесплатная столовая для бедняков.

Из мечети мы направились в буддийский монастырь. В этом монастыре нас встретили монахи, которые показали нам свои кумирни. Особливо интересен храм трех обоготворенных императоров, из которых каждый, по преданию, жил свыше ста лет и которые положили основание китайской культуре более чем за две тысячи лет до Р. Х. В китайском городе при храме богини милосердия – Гуаньинь – существует благотворительное общество, которое помогает нуждающимся и служит делу милосердия.

После буддийского храма мы посетили храм даосистов-маньчжур. В этом храме есть много изображений богов – покровителей разных искусств и ремесел; есть бог земледелия, сапожничества, портных и т. д. У ворот храма перед небольшим полуоткрытым зданием сидела пожилая женщина, склоняясь над гробом своего мужа, недавно убитого хунхузами китайского капитана. Ее окружали ее родственницы и знакомые. Они жалобно и печально стонали и плакали. «На кого ты нас покинул», – причитали они. Их жалобный плач щемил душу.

Быть может, как раз тут уместно будет мне сказать несколько слов о том тяжелом и характерном явлении, которое чрезвычайно вредно отражается на всей жизни Маньчжурии, сказать о хунхузничестве.

Хунхузы – это китайские разбойники, которые, вследствие тяжелых условий жизни китайского народа, всегда были чрезвычайно мно-

гочисленны в Китае, но которые особенно умножились за последние годы после китайской революции, так как умножились войны в стране, умножилось число лиц, обладающих оружием, уменьшилась сила центрального правительства и областных правительств.

В годы русского влияния хунхузы орудовали только в диких, удаленных местностях и никогда не осмеливались приближаться к районам, охраняющимся русскими войсками. Потом же хунхузничество расцвело пышным цветом. В Харбине, среди белого дня, похищали детей богатых китайцев и иностранцев, и приходилось платить огромные выкупы для их спасения. Войска совершенно не боролись с разбойниками, но вступали с ними в сделки и совместно грабили население. Когда же надо было показать плоды борьбы с хунхузами, солдаты нападали на мирные маньчжурские деревни и снимали головы с крестьян. Эти головы впоследствии в мешках отсылались военному начальству, как головы хунхузов, для доказательства успешности военных действий, а патроны, якобы расстрелянные во время сражений, продавались.

Ныне власть повела с хунхузами упорную и настойчивую борьбу, и как раз местность между Ашихэ, Харбином и Сунгари представляет тот стратегический треугольник, куда японцы чаще всего заманивают или загоняют хунхузские отряды и где они уничтожаются.

Далее за Ашихэ и Мао-эр-шанью начинается горный район с густыми лесами, доставляющими прекрасный строевой лес для всего края. Там, на станциях Шитоухецзы, Ханьдаохецзы и прилежащих районах, расположены лесные концессии всевозможных предпринимателей. Работа на концессиях далеко не безопасна как от хунхузов, так и от диких зверей, барсов и тигров, водящихся в этих районах. Многие русские охотники на этих станциях существуют охотой на больших зверей-хищников, кабанов и оленей. Шкуры тигров сбываются главным образом за границу, а желчь и мясо, считающиеся целебными, в Китай, и китайцы делают из них лекарство.

Там же, на восточной линии КВЖД, на берегу большой реки Му-дадзяни, расположена горная курортная станция Эхо с огромным опытным ботаническим садом, где русские садоводы совершают опыты с разведением в Маньчжурии различных сортов культурных растений. На восточной же линии расположены виноградники, дающие прекрасное вкусное и очень полезное маньчжурское вино.

Наконец, на самом краю Маньчжурии, недалеко от границ с Приморьем, над поселком станции Пограничная, возвышается высокая горная вершина, с которой виден туннель, отделяющий китайскую, ныне маньчжурскую, линию КВЖД от советской. По обеим сторонам тунне-

ля стоит стража, с одной стороны – китайская, а с другой – советская. И взор русского изгнанника, стоящего на этой горе, с тоской всматривается вдаль, в этот край страшных мук и непередаваемых страданий.

* * *

На юг от Харбина линия КВЖД проходит все время безрадостной однообразной степной равниной, чрезвычайно плодородной, но очень убогой.

Кончается линия КВЖД на юге станцией Куанченцзы, расположенной в нескольких верстах в ближайшем соседстве с новой столицей нового государства – городом Чаньчунь, или Синьцзин, где живет Верховный Правитель Маньчжу-Го – бывший император Китая Его Императорское Величество Генрих Пу-и.

* * *

Центром всего этого обширного района, лежащего около линии КВЖД, всей Северной Маньчжурии является город Харбин, большой город с четырьмястами тысячами населения. Из этого числа около трехсот тысяч китайцев. Но китайцы сосредоточены главным образом в городе Фудзядяне, прилегающем к Харбину, в самом же Харбине преобладают русские, которых там около 100 000 человек. Из них 50% эмигрантов, 10% китайских, ныне маньчжурских, подданных и 40% советских.

В приходах состоит из 60 тысяч человек. Остальные 40 тысяч – это евреи, армяне, татары и те из советских граждан, кто по политическим причинам отказались от Церкви. Большая же часть так называемых советских подданных – люди, принявшие это клеймо по экономическим соображениям, и они продолжают исполнять свои религиозные обязанности, состоя членами приходов; таковых принято называть «редисками» – внутри белые, а снаружи красные.

Для удовлетворения духовных нужд русских жителей Харбина существует там двадцать два православных храма и устраиваются еще временные церкви в русских учебных заведениях.

И в праздничные дни, особенно в пасхальную ночь, и в течение всей пасхальной недели, когда гудят колокола всех этих церквей, кажется русскому человеку в Харбине, что черные тени последних лет – это только кошмарные видения, что он снова на Родине слышит родные колокола.

Хороши праздники в Харбине.

На рубеже лета и осени, когда зеленые листья тополей и вязов в городе начинают покрываться первой нежной желтизной, когда листья ви-

нограда загораются пурпуровыми и золотистыми жилками, когда поспевают плоды в садах: яблоки, груши и сливы, – тогда празднуется первый двенадцатый праздник после длительного перерыва – Преображение Господне. Китайцы-торговцы отлично знают все русские обычаи и к 6 августа готовят и продают около церквей красивые красочные корзины с фруктами и виноградом.

А уже через неделю готовится Харбин молитвенно и умирительно праздновать день Успения Божией Матери. В некоторых церквях накануне этого праздника совершается служба погребения Божией Матери, глубоко проникновенная, глубоко умирительная.

Между тем осень все приближается. Жаркие дни сменяются уже прохладными и прямо холодными ночами, деревья становятся совсем золотистыми и пунцовыми, но яркое маньчжурское солнце еще посылает на землю свои горячие лучи, и в многочисленных харбинских садах еще много прекрасных маньчжурских цветов.

И вот, когда наступает праздник Воздвижения Креста Господня, аналой, на который кладут святой крест, утопает в цветах. Торжественно и величаво проходит всенощная накануне Воздвижения. И под пение трисвятого, после великого славословия, чинно выходит из алтаря ряд за рядом сонм священнослужителей, свещеносцы, диаконы, священники, епископ на главе своей несет святой крест, священники поддерживают его, а иподиаконы с рипидами и свечами окружают епископа и священников, склоняя рипиды перед крестом. Медленно, медленно проходит эта процессия по церкви среди густой толпы народа. Сердца бьются тихим горячем пламенем, уста шепчут молитву, раздается приглушенный тихий плач, как волны моря, склоняется народ перед знаменем креста.

Потом торжественно-победно, в знамение победы, победившей мир, епископ на кафедре воздвигает святой крест над всею церковью, осеняя четыре стороны, под мощное, умирительное пение хора: «Господи, помилуй».

Незабываемы, действительно глубоко величавы и умирительны эти часы напряженной молитвы и пламенного молитвенного восторга.

Все дальше и дальше уходят теплые летние дни, все глубже внедряется осень. Уже облетает листва с поблекших деревьев, уже по утрам легкой коркой льда подергивается вода в садах, уже серебристой пленкой инея встречает земля восход золотистого солнца. И только в самый разгар дня по-прежнему ослепительно светит золотое маньчжурское солнце. Осенних дождей почти не знает Маньчжурия.

Проходит ряд храмовых праздников нашей церкви при Доме Милосердия, когда со всего города собирается православный сердоболь-

ный Харбин почтить именины Дома Милосердия, принести посильную лепту, посильный подарок маленьким сироткам-детям и больным, страдающим старцам и старицам.

* * *

Все холоднее становится осень. И, наконец, в одно холодное утро в белой одежде снегов просыпается Харбин. Густой пеленой покрывает снежный саван весь город – и улицы, и высокие серые дома деловой части города, и маленькие уютные домики предместья Модягоу – собственность русских жителей. Снег блестит яркими красками под улыбкой солнца и кажется каким-то таинственным сказочным одеянием под белым светом луны.

Ах, как красив в первом свежем, чистом, снежном уборе Харбин. Еще ближе становится он тогда русскому сердцу.

Зловещим и грустным пятном на фоне харбинской жизни выделяются в эти дни празднования советской революции. Над консульством СССР, над управлением КВЖД, над Железнодорожным собранием и некоторыми другими официальными учреждениями загораются зловещим красным светом многочисленные иллюминации. Подданные серпа и молота вывешивают у своих квартир красные знаки. Когда-то этот день во времена тесной дружбы красной России и красного Китая праздновался в Харбине очень пышно. Теперь празднование его потускнело, и осталась только официальная часть, а православный русский люд в эти дни усиливает свою молитву за страдальцу Россию и оплакивает всех мучеников, убиенных на родной земле.

Крепчают морозы, холод пробирается уже в плохо отопленные дома бедноты, жжет холодным дыханием бедняков на улице, пробираясь под ветхие лохмотья их одежд.

В задушевной теплой молитве проходит праздник Николая Чудотворца – храмовый праздник кафедрального собора и нескольких городских церквей. Приближается праздник Рождества Христова. У дверей китайских лавок и магазинов появляются группы елок. В сочельник, по доброму, старому обычаю, русские дети Харбина, как все русские дети, в течение уже многих веков, с волнением смотрят на темное зимнее небо, ожидая того заветного часа, когда на бледном небе загорится первая звездочка, та самая, которая некогда привела мудрецов дальней страны к яслям Христа. В некоторых церквях Харбина и, например, в нашей церкви, Дома Милосердия, накануне Рождества и Крещения, бывает две всенощные службы: в обычное время – в 6 часов вечера и глубокой ночью – в час.

Темною, черною ночью, когда снег хрустит под ногами и белый покров на деревянных низеньких домах Модягоу сверкает огоньками в ответ на огоньки звезд, кажется русскому человеку Харбина, что он снова в России, в одном из бесчисленных русских уездных городов. И могучий звук колокола, который внезапно прорезывает ночную тишину, еще более подчеркивает, что Харбин не чужбина, что там русский дух, что Русь веет там своими духовными крылами.

Еще более русский вид имеет Харбин утром в праздник Рождества, когда «со звездой путешествуют» толпы русских детишек, поющих тропарь и кондак праздника, славящих своими чистыми голосами Родившегося Богомладенца.

Так же ночью собираются харбинцы в церковь 31 декабря старого стиля, накануне Нового года. В этот день совершается в полночь торжественный молебен во всех храмах, и с трепетным волнением заглядывают в этот миг русские люди вперед, в неизвестное будущее с одной мыслью, с одним заветным желанием, которое объединяет всех наших родных изгнанников во всех странах земли. И молятся, и плачут русские люди, и ждут с трепетом, с верою ждут, что все-таки час пробьет, что заветная надежда исполнится, что услышат они когда-нибудь снова родные колокола. Год проходит за годом, обманывая надежды, но твердо знает верующее сердце, что претерпевший до конца спасется.

Величественно празднуется Богоявление в Харбине. На реке Сунгари, покрытой толстым ледяным покровом, сооружаются ледяной крест и бассейн изо льда. После литургии туда направляется многолюдный крестный ход из всех храмов Харбина. Колышется лес хоругвей, черным потоком течет несметная толпа народа. На углах и перекрестках к главному крестному ходу подходят процессии из других церквей, слышится пение церковных песнопений. На реке множество народа, десятки тысяч людей покрывают ледяную поверхность.

В бассейне с освященной водой, по старинному русскому обычаю, купаются богомольцы. Несмотря на тридцати-сорокаградусные морозы, обычно бывает от десяти до двадцати купальщиков.

Китайцы-язычники придают большое значение нашему крестному ходу на реку. В прошлом году, вследствие политических волнений и всевозможных беспорядков, крестный ход на Сунгари не был разрешен. И вот в наступившее лето город постигло наводнение. Весь город был затоплен водою, так что на некоторых улицах вода достигла сажени глубины. Было снесено более тысячи домов, погибли огромные запасы хлеба, утонуло несколько тысяч китайцев. И все это несчастье,

по единогласному мнению туземцев, случилось именно потому, что «русские ламы» не молились над рекою в тот год.

Зима в Харбине бывает лютая. Мороз достигает иногда сорока градусов, тридцатиградусные морозы держатся иногда неделями. И особенно ужасно то, что обычно мороз сопровождается страшным пронзительным ветром.

Конец зимы, последние ее аккорды связаны в Харбине с двумя праздниками двух половин населения нашего города – с китайским новым годом и с русскою масленицей. Китайский новый год празднуется туземцами очень шумно и весело. По улицам ходят процессии в странных фантастических костюмах, на ходулях, звучат туземные барабаны, трещотки, флейты, все время непрерывно трещат хлопушки фейерверка.

Шумно, весело празднуется в Харбине и русская масленица. Празднуется она, так же как и прежде в России, с жирными блинами, с языческим разгулом и русской широтой.

* * *

Но вот, когда веселье достигает, кажется, предела, когда уже стираются все грани и все пороги, тогда вечером, в воскресенье, в шумный праздничный масленичный карнавал вливается тихий призыв церковной молитвы, церковного покаяния и отрезвления. И православный Харбин не остается глухим к этим призывам. Множество народа наполняет храмы вечером в Прощеное воскресенье, когда входит в церковную жизнь Великий пост. Прекрасные харбинские церковные хоры поют по древнему обычаю в этот день пасхальные стихиры, а богомольцы в искреннем, трогательном порыве, послушные призыву Церкви, склоняются друг перед другом, прося взаимного прощения. Много и часто ссорятся русские люди в Харбине, как и везде. Но во время обряда взаимного прощения находят они в себе силы и умение, во имя Христово, протянуть друг другу руку мира. В Прощеное воскресение трогательно примиряются между собою самые ожесточенные враги.

Утром, в Чистый понедельник, все двадцать с лишним харбинских храмов гудят медленным заунывным колокольным звоном, зовут на покаянную молитву. Даже внешний вид улиц города меняется с этого дня: становится скромнее, тише, сосредоточеннее народ на улицах. Меняется вид храмов внутри. Черным флером задернуты иконы Воскресения Христова, и в черных ризах совершаются богослужения.

Вечером на первой неделе читается в церквах канон Андрея Критского, этот чудный, умилительный, покаянный вопль грешной души с мольбой о покаянии, с горячей жадной очищения.

По воскресеньям Великим постом совершаются в церквах пассии – чтения страстных евангелий, с проповедями, с беседами. Любят харбинцы и всегда охотно посещают духовные концерты, которые устраиваются в течение Великого поста в самых больших залах города. Несмотря на отсутствие какого-либо давления в этом отношении со стороны властей, темп мирской жизни Харбина Великим постом значительно сокращается, а на Страстную неделю закрывается большинство кинематографов и других театров.

Уже с начала Великого поста чувствуется в городе и во всей стране первое дыхание весны.

О, весна в Маньчжурии совсем не та, что в России. Это не пышная чарующая красавица, теплым дыханием снимающая покров зимы с полей, сыплющая подснежники и фиалки, рокошущая тихим шепотом звонких ручейков. Нет, весна в Маньчжурии приходит с гневным, шумным, сокрушающим ветром, сразу срывает снежный покров, сушит талые лужи воды и слепит глаза пешеходов мелкой едкой пылью пустыни. И долго стоят в Маньчжурии черные прогалины оттаявшей земли, долго не одеваются зеленой одеждой тополя и вяза на улицах Харбина. Только смелая верба в окрестностях города поспевает как раз к празднику Вербного воскресения со своими белоснежными праздничными вербными барашками.

И вот перед праздником Входа Господня в Иерусалим появляются на улицах и перед церквами продавцы, продающие вербы, искусственные цветы.

Церкви полны молящихся. Порядок поддерживается отрядами скаутов и других юношеских организаций. В храме – море огней, и когда архипастырь поднимает с кропилом руку, чтобы благословить вербы, вверх поднимается лес рук, верб и цветов... После окончания всеобщей улицы Харбина пестрят огоньками возвращающихся домой богомольцев, из храмов выливаются огромные людские потоки с фонариками, свечечками и вербами в руках.

Весна уже наступила, уже горячий ветер смел последние остатки снежного покрова, уже ждет Харбин, что вот-вот лед тронется на реке, но весна как бы дожидается, как бы не хочет слить свою последнюю окончательную победу с победным звоном пасхальных колоколов.

И в Великий четверг на двенадцати евангелиях, когда перед святым распятием звучит великая священная повесть евангельская о страдании Спасителя, и в Великую пятницу, когда совершается вынос Плащаницы, не удивитесь, если встретите в Харбине за богослужением евреев, язычников-японцев, китайцев и других иноверцев. Это чудное, уми-

лительное наше богослужение, это вдохновенные хоры и в душу проникающее пение привлекли не ведающих Христа людей в святые Христовы храмы.

В Великую субботу ясно чувствуется приближение чего-то особенного, таинственного, величавого. И ясно выделяется с этого дня глубокое значение русских праздников для всего города, не русского только, но и иноземного. С утра идут причастники в храмы, и с особенной чудесной торжественностью звучат в этот день слова церковных песнопений – торжествующего гимна: «Воскресни Боже, суди земли».

Начиная с трех часов дня Великой субботы, несут православные люди в церкви для освящения куличи, пасхи, яйца. В оградах церковных выстраиваются ряды столов со всевозможными пасхальными припасами, и множество народа – интеллигенции и простонародья, ждут благословения священника. Священник со святой водой и молитвой обходит столы, еще не решаясь провозглашать святые слова – «Христос Воскресе», но окропляя святой водой пасхи и куличи, на которых уже начертаны полные глубочайшего значения буквы – Х. В.

Наконец, темной пасхальной ночью весь город оглашается колокольным звоном и зажигается тысячами огней, горящих с высоты колоколен и храмов – целое море огня.

В пасхальную ночь в церквах бывает буквально весь Харбин, не только русский, но иностранцы, китайцы, японцы, инославные, иноверные. Не быть в церкви в этот день – страшное несчастье, глубокая духовная потеря для каждого верующего человека. И потому бывает особенно жаль тех русских людей, которые в святую пасхальную ночь почему-то не имеют возможности побывать в храме. А таких в наше тяжелое время, конечно, очень много и в районах, лежащих у Харбина: на маленьких станциях, в захолустных деревушках и китайских городках, в ближайшей, наконец, местности России, лишенной храмов и священников. И вот для этих людей, жаждущих духовного утешения и хотя бы крох с богатейшего духовного пира, великой духовной радостью является передача нашей пасхальной службы по радио. И сколько горячих, пламенных откликов мы получаем отовсюду. И от больных, не имевших возможности пойти в храм людей Харбина, и из страдающей подъяремной России: из Иркутска, из Николаевска-на-Амуре, из Благовещенска.

Кто бывал в России, тот знает, а тем, кто не бывал, – нашей молодежи, растущей на чужбине, – только Харбин может дать понятие о величии и красоте пасхальной ночи в России. Многие, даже далекие в повседневной жизни от Церкви люди, говорили мне, побывав на богослу-

жении в пасхальную ночь, что они действительно чувствовали себя как на небе, что хотелось забыть о мире, о земле.

Церкви, все многочисленные церкви Харбина переполнены народом, ограды, площади заполнены толпами богомольцев. Двери в церквах раскрыты настежь, чтобы и те, кто стоят на улице, могли участвовать в богослужении.

В двенадцать часов громко и торжественно раздается пение: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси», из алтаря выходит духовенство в праздничном пасхальном облачении, сделанном к празднику трудами и заботами богомольцев, отряды молодежи раздвигают толпу. Крестный ход выходит на улицу и проходит вокруг церкви. Пламенный, горящий восторг владеет душами в эти мгновения. На земле нет ничего выше, чище и лучше этих минут. Хочется, чтобы как можно дольше продолжались они, но в то же время не терпится душе дожидаться радостнейшего момента, когда послышится: «Христос Воскресе!».

И вот, наконец, священные, радостные слова раздались перед закрытыми еще церковными воротами, потом мощно, торжественно и радостно влились слова священного пасхального гимна в самую церковь, могучий хор подхватил их. А народ, заглушая пение хора, в ответ на слова священнослужителя – «Христос Воскресе!», едиными устами, единым сердцем тысячеголосым радостным кликом победно восклицает: «Воистину Воскресе!»

В эти минуты забывается все. Ни усталость, ни утомление, ни страдание, ни горести этих страшных лет – ничто не чувствуется, все забывается, душу наполняет только великая, ни с чем не сравнимая радость.

Во все время Пасхи весь Харбин, и улицы, и дома имеют поистине праздничный вид.

Весна в это время обычно вполне уже вступила в свои права. И русский люд с облегчением снимает с себя зимние одежды, и радостно за бедняков, которым не угрожает теперь гибель от холода.

Хорошо, чудно хорошо весной за городом, даже недалеко, где-нибудь на ближнем пригородном поле. Еще лучше на зеленом, красивом харбинском кладбище, с большой заботой и внимательностью содержимом.

Туда, на кладбище, приходит весь Харбин через неделю после Пасхи, во вторник, когда празднуется Пасхальная Радоница. В этот день все, кто имеет почивших близких, друзей и знакомых на городском кладбище, приходит туда, чтобы похристосоваться с ними, поделиться с ними пасхальной общей радостью, объединяющей и живых и усопших.

В день Радоницы народ еще с утра идет к литургии в храмы. Там, посредине церквей, стоят длинные вереницы столов, заставленные кушечей, просфорами, куличами, пасхами, яйцами для христосования с почившими и для раздачи бедным. После литургии служится панихида, а потом все – и духовенство и миряне – едут на кладбище.

Конечно, есть какой-то отголосок язычества в этом поминальном торжестве, особенно к вечеру, когда на могилах родственники почивших начинают есть и пить, доставая из принесенных корзин и кульков заготовленные припасы. Но утром и днем, пока поминальные пиршества не начались, народ истово молится у родных могил, христосуясь с покойниками по доброму христианскому обычаю.

От могилы к могиле ходят священники. И среди зеленеющих кущ и деревьев, среди пестреющих цветами могил, звучат слова церковных песнопений, пасхальных и заупокойных. Безвестные могилки безродных бедняков также не остаются непосещенными в этот день. Как среди некоторых священников, так и среди многих благочестивых мирян, есть добрый, благочестивый обычай в день Радоницы посещать забытые могилы с молитвой и радостным приветствием – «Христос Воскресе!».

Вот в светлом уборе из богатых, роскошных маньчжурских цветов – пионов, фиалок, цветущих абрикосов, вишен и яблонь, в золотистом сиянии яркого маньчжурского ослепительного солнца приходит тот месяц, который месяцев всех краше – месяц май.

Начинается он для православного русского люда светлым и радостным праздником в честь Святителя Николая Чудотворца. Русский народ в Харбине, как и всюду, свято и глубоко чтит своего Небесного Заступника – великого Мирликийского Святителя.

9 мая совершается большой крестный ход к чтимой иконе Николая Чудотворца, находящейся на вокзале. С этой иконой связан интересный, значительный эпизод.

В 1924 году, когда Китайская Восточная железная дорога перешла в совместное управление СССР и Китая, все признаки религии стали тщательно изгоняться с дороги, закрыты были церкви: в железнодорожных школах, в коммерческом училище³ и в Хорватской гимназии⁶, изъяты были духовные книги из железнодорожных библиотек, убраны иконы из присутственных мест. Хотели советские руководители дороги убрать с вокзала чтимую всем населением Харбина икону Святителя Николая, но китайцы, обычно относившиеся ко всем антирелигиозным мероприятиям своих совладельцев по дороге вполне равнодушно, на тот раз вмешались и не позволили убрать икону, указывая, что она пользуется почитанием не только русских, но и китайцев.

Известно, что один из почтенных и влиятельных китайцев, занимавший высокий пост на КВЖД, сказал: «Этот старик давно стоит тут, это добрый и хороший старик, пусть он стоит».

Как раз в это время произошел чудесный случай с одним купцом китайцем. Переплывая в лодке через Сунгари, реку очень коварную и опасную, китаец, настигнутый бурей, стал тонуть. Погибая, он вспомнил о святом, о котором он много слышал от своих русских знакомых, образ которого видел на вокзале. Не видя иного спасения, несчастный взмолился о помощи: «Святой старик, который стоит на вокзале, спаси меня». И святитель Николай услышал эту молитву темного язычника, и тот оказался спасенным. Теперь этот китаец, считая, что своим спасением он обязан исключительно помощи Святителя Николая, постоянно приходит на вокзал и ставит свечи пред образом Святителя и молится перед ним по-своему.

* * *

В эти дни, когда весна становится все более и более теплой, когда зеленеет нежная листва на деревьях и днем горячее солнце напоминает о том, что скоро наступит знойное лето, наступает страдная пора для харбинской русской детворы – время выпускных и переходных экзаменов.

В Харбине восемь высших учебных заведений, двадцать эмигрантских и тринадцать советских гимназий, реальных и ВНУ училищ, девятнадцать эмигрантских и семь советских низших школ, двадцать всевозможных специальных технических и ремесленных школ. Ныне учреждается там русский университет имени святого князя Владимира⁷. Как совершенно справедливо указал мне один из руководителей харбинского педагогического мира, в Харбине в пять раз больше русских университетов, училищ и школ, чем во всех остальных странах зарубежья. Учится в этих школах 15 833 ученика. Целая армия учащихся всех возрастов и положений.

И вот в дни экзаменов в церкви Харбина ранним утром приходят ученики и ученицы в гимназических формах. Они торопливо заходят в церковь помолиться и поставить свечечки перед иконами, чтобы лучше, успешнее пройти страшное испытание – экзамен. Не удивляйтесь, если среди этих молящихся детей в Харбине вы увидите многих советских детей. Церковь в Харбине имеет огромное влияние на всю молодежь, даже на советскую. К Церкви тянутся детские души. Конечно, не дремлют, далеко не дремлют и темные адские силы безбожия. Они также пытаются влиять на души детей, и они, в свою очередь, не огра-

ничиваются только детьми советских родителей. Они протягивают свои цепкие лапы в исконные православные христианские семьи. Но Церковь в Харбине не отдает своих позиций, и борьба за душу ребенка там ведется постоянно, настойчивая, большая, глубоко важная.

Часто целые семьи раскалываются и распадаются из-за вопроса о воспитании ребенка в Церкви или безбожии.

Дети тянутся к Церкви. По праздникам в храмах всегда много детей, мальчики прислуживают в алтарях, любят это и глубоко дорожат возможностью прислуживать.

Благодаря школам и училищам Церковь имеет возможность глубоко влиять на души детей. Закон Божий преподается во всех эмигрантских школах.

У хороших законоучителей, таких, как покойный о. Иоанн Сторожев, священник выдающихся качеств, последний духовник Государя в г. Екатеринбурге, как о. Петр Рождественский, о. Николай Вознесенский, о. Леонид Викторов и некоторых других харбинских священников, не только православных, но и иноверных, дети ходят на уроки Закона Божия. Часто ходят на эти уроки ученики китайцы.

Тяжелая, трудная работа над детской душой, борьба за нее с темными силами ведется в Харбине с неослабной энергией.

Белые эмигрантские юношеские организации льнут к Церкви. Под глубоким церковным влиянием находятся скаутская⁸ и разведческая⁹ организации Харбина. Там молодежь, получающая хорошее национальное воспитание в порядке и дисциплине, находится под постоянным и близким надзором священников.

Глубоко отраднo то, что очень многие из харбинской молодежи по окончании средне-учебных заведений идут на Высшие богословские курсы¹⁰, которые являются центром всей интеллигентной церковной молодежи.

На курсах в настоящее время учится более шестидесяти студентов. Курсы дали уже два выпуска молодых пастырей для Церкви. Не все окончившие курсы принимают сейчас же священный сан, так как в Харбине достаточно много священников. Но вся молодежь, прошедшая богословский курс, продолжает и по окончании его работу для Церкви, они ведут беседы в церквях, являются проводниками религиозного влияния в тех юношеских организациях, где они работают. При курсах существует религиозно-философский кружок окончивших для продолжения церковно-научной работы и освежения полученных на курсах знаний. Кружок этот устраивает еженедельно собрания, доклады, собеседования за чашкой чая.

Для женской молодежи, также при Богословских курсах, существует кружок святой великомученицы Екатерины. Кружок этот также ведет религиозно-научную и просветительскую работу.

Но Богословские курсы являются хотя и главным, но не единственным руслом, по которому направляется к Церкви православная молодежь Харбина. Около каждого почти храма в Харбине существуют группы молодежи, несущие обязанности иподиаконов, псаломщиков, певчих, рипидоносцев. Из этой молодежи также выходят иногда хорошие служители Церкви.

Вообще тесная близость к Церкви значительной части молодежи в Харбине есть большое и отрадное явление.

В условиях здоровой, нормальной и спокойной жизни, которой пользуется Харбин в наше мятежное время, вырастает здоровое и хорошее поколение молодежи. Но чрезвычайно тяжел для них вопрос с материальным устройством своей жизни. В Харбине найти хорошую, подходящую службу труднее, быть может, чем где бы то ни было. Город переполнен молодыми силами с большими полезными знаниями: инженерами, переводчиками, бухгалтерами, стенографами. Но применить свои знания им совершенно негде. И приходится или идти на маленькие, плохо оплачиваемые должности, или уезжать в чужие края без уверенности, что и там понадобятся с трудом накопленные знания.

И вот часто приходится встречать в Харбине молодых инженеров, которые служат сторожами магазинов, молодых бухгалтеров и стенографов – полицейскими.

Но не лучшее ожидает и тех, кто покидает Харбин. И знания, которые получили они в прекрасных харбинских высших учебных заведениях, ими забываются, лежат втуне, без применения. А между тем эти знания приобретались большим трудом, большими страданиями. Почти все высшие учебные заведения в Харбине имеют лекции по вечерам, чтобы дать возможность студентам учиться и служить в одно время. И вот молодые люди и девушки, учащиеся на этих факультетах, должны напрягать все силы, чтобы и служить и учиться. Все их время занято без остатка, учению часто приносится в жертву здоровье. А полученные знания оказываются часто впоследствии совершенно бесполезными.

Развита в Харбине, как и всюду в русской эмиграции, общественно-политическая жизнь. И так же, как и всюду в эмиграции, общественная жизнь Харбина представляет печальную картину дробления и разделения национальных сил.

В Харбине официально зарегистрированных русских эмигрантских организаций, общественных, политических, военных и благотвори-

тельных, сто тридцать девять единиц. Многие из них группируются в объединяющие организации более крупного масштаба – около Общевоинского союза¹¹, около Беженского комитета¹², Общественного комитета¹³ и Казачьего союза¹⁴. Существуют организации молодежи: фашисты¹⁵, мушкетеры¹⁶, сокола¹⁷, крестоносцы¹⁸ и проч. Некоторые организации ведут свою работу самостоятельно. Существует нездоровая и мешающая делу конкуренция между отдельными организациями. Но к числу отрядных явлений в Харбине надо причислить отсутствие непримиримой вражды между отдельными организациями. Несмотря на существующее дробление, все эмигрантские организации в ответственные моменты находят пути для совместных объединенных выступлений. Так, например, совершенно объединенно выступила эмиграция в дни посещения Маньчжурии Комиссией Лиги Наций¹⁹, чем привела некоторых членов Лиги, знакомых с условиями жизни русского беженства, в удивление. Так же объединенно выступила эмиграция пред лицом новых властей края, представляя им пожелания в деле улучшения быта и работы эмиграции в Маньчжурии. Еще более единодушно была в 1929 году проведена работа по оказанию помощи пострадавшим жителям Трехречья, в 1932 году по спасению жертв наводнения.

Но долго держаться такое единодушие не может, и всякий раз осуществившееся на время объединение снова распадается на составные части. Поэтому, несмотря на чрезвычайную желательность полного объединения эмиграции в Харбине для того, чтобы иметь объединяющий орган, могущий постоянно вести переговоры с краевой властью и говорить от лица всей эмиграции, – такое мероприятие до сих пор осуществиться не может. Остро болезненно ощущает эмиграция в Харбине отсутствие в своей среде сильных могучих людей, которые бы спасли ее в одно целое. Нет вождя, нет стержня.

Но духовным центром, важнейшим фактором, объединяющим в Харбине и на линии КВЖД всю русскую эмиграцию, а частью даже многих советских подданных, ставших такими под давлением обстоятельств, – является Православная Церковь, правящим архиереем которой состоит архиепископ Мелетий.

Огромная общественная сила Православия в Маньчжурии и его объединяющая роль там объясняется главным образом тем, что Церковь в Маньчжурии не разделена ни на какие группировки и тесно объединена.

И тогда, когда русский человек все потерял в страшных бурях переживаемого времени, когда погибла веками налаженная жизнь под ударами бури, а те осколки, которые были спасены или которые пыта-

ется строить на чужбине русский человек, гибнут от взаимной грызни и недоразумений, тогда единственным оплотом национальной и духовной жизни, единственным твердым центром является Церковь, основы которой лежат не в этом переменчивом и колеблющемся мире, а там, где господствуют законы вечности.

Церковная жизнь Харбина проявляется со многих сторон. Проявляется она в большой и напряженной благотворительной работе. И приюты, и школы, и столовые существуют при церквях: Дом Милосердия, Русский Дом²⁰, Дом-Убежище²¹, Серафимовская столовая²² и др. Работают много и самоотверженно всевозможные благотворительные женские кружки при храмах – Кружок милосердия и т. п.

Проявляется любовь к Церкви и в храмостроительной деятельности. Из церквей Харбина многие являются исключительно ценными с художественной, архитектурной стороны. Прекрасен величественный новый, только что отстроенный Софийский собор, имеющий внутри девятнадцать саженей, а по наружному обмеру – двадцать пять саженей в высоту, построенный стараниями отца протоиерея М. Филоломова и его сотрудников, прекрасен Иверский храм, весь расписанный строгой иконописью в стиле Васнецова и Нестерова. Трогательный сравнительно небольшой собор, возвышающийся посередине города, величественна и прекрасна Покровская церковь, стоящая рядом с католическим костелом и лютеранской кирхой, но затмевающая инославные храмы своей красотой. Стильна и художественна маленькая церковь нового кладбища, как будто сошедшая со страниц Грабаря, с иллюстрациями древнерусского зодчества. Не блещет особой красотой снаружи, но прекрасна по своему внутреннему убранству наша церковь Дома Милосердия в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте», художественно украшенная иконописью из собственной иконописной мастерской.

Развита в Харбине православная иноческая жизнь. Есть монастыри: мужской и женский. При мужском монастыре есть типография, в которой печатается богатая церковная литература, издается журнал. Есть подворье Пекинской миссии, есть, наконец, наш Дом Милосердия, при котором также существует монашеская община.

Многие из молодых религиозных юношей льнут к монашеству. Некоторые уже оставили мир и трудятся добрым трудом во славу Божию на церковной ниве. Среди них есть высокообразованные, культурные люди, есть военные, есть инженеры.

Многообразна и богата духовная жизнь Харбина, этого центра, в котором сочетаются все культурные силы русского населения в Маньчжурii. Конечно, и там есть много недостатков, несовершенств, как несо-

вершено все земное, в пределах нашей земной жизни происходящее. Но нигде, вероятно, во всем мире не чувствует себя православный человек так глубоко и полно наследником всей духовной русской культуры и жизни, как в Харбине.

И тот невидимый, но духовно осязаемый фимиам молитв, который струится над Харбином, как крепкая, нерушимая стена, защищает этот благословенный город от тревог и волнений нашего многомятежного времени. Со всех сторон: и с востока, и с запада, и с юга подходила к Харбину не раз военная буря, ибо расположен этот город между двух постоянно бурлящих вулканов, России и Китая, но невидимой силой благодати Божией ни разу не был Харбин глубоко задет смятениями и бурями гроз, бушующих вокруг него.

Ныне Харбин и вся Маньчжурия приобретают еще новое, чрезвычайно большое значение в судьбе всей русской эмиграции, может быть и вообще всей России. Там куются и централизуются те силы, которые должны послужить освобождению хотя бы части территории нашей Родины. Но даже малейшая часть свободной от адских сил территории нашей страны является ключом к освобождению всей поработанной России. Ибо здесь полнее, чем некогда в устах Архимеда, справедливы слова этого мудреца: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Русские люди вправе сказать: «Дайте нам точку нашей родной земли, и мы освободим ее всю».

Медленны шаги истории, особенно медленны они в условиях восточной жизни, но твердо знаем мы, что зреют глубокие процессы, несущие нам светлые надежды и добрые сбывания.

Печатаю эти страницы на родной нам по вере и племени славянской земле, пользуясь я случаем принести нашим дорогим братьям сердечный привет от русских изгнанников далекой Маньчжурии.

ОЧЕРКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Быт, религия и современное положение

Огромные, многотысячеверстные расстояния разделяют два полюса человечества – Восток и Запад, Азию и Европу.

Эти тысячеверстные расстояния положили грань не только в пространстве, но и в мышлении великих человеческих половин, и потому так часты явления полного непонимания между ними.

Пропасть этого разделения, этого непонимания стараются заполнить мыслители и исследователи, раскрывающие Восток для Запада и Запад для Востока. Их глубокие, значительные и важные труды протягивают мосты взаимного понимания между двумя разделенными половинами.

Желал бы я, чтоб и мои беглые очерки оказались хотя бы малыми камешками в этом нужном, важном и необходимом здании единения и понимания двух половин человечества, необходимого особенно для нас, русских изгнанников.

Мое долговременное пребывание в течение двадцати семи лет на Дальнем Востоке, личные свидания со многими вождями Востока и с русскими знатоками внутренней жизни Японии, Китая и Маньчжурии дают мне некоторый материал, могущий заинтересовать русского читателя-эмигранта и наших родных братьев-славян. С чувством особенного благоговения отмечаю я имена: Святейшего Патриарха Варнавы, благословившего мои лекции и сообщения в Югославии, и имя нашего светоча Блаженнейшего Митрополита Антония, осенившего настоящие мои очерки своим предисловием и ободрившего меня для моих докладов и лекций своим теплым вниманием.

С благодарностью отмечаю я книги: А. М. Котенева «New lamps for old»²³ и Л. В. Арнольдова «Китай как он есть»²⁴, так же как и не-

которых прежних русских дипломатических деятелей, имена которых не могу помянуть, ибо не получил на то их разрешения.

В переживаемое нами время понимание процессов, совершающихся на Дальнем Востоке, особенно важно, особенно необходимо для нас, русских изгнанников, и для наших друзей в Югославии.

Если лекции, которые я прочитал в Европе, и мои печатные очерки окажут этому делу хотя бы малую услугу, я буду искренне и глубоко рад.

І. Япония

На крайнем восточном рубеже Азии – там, где царственное светило дня поднимается из волн старика Океана и начинает свой сверкающий путь по небосклону, там лежат острова людей Восточного моря – дунь-янь-жень, или солнечных людей – жи-бэнь, – Япония – Страна восходящего солнца.

К этим островам в настоящее время прикованы взоры всего мира: там настойчиво и упорно совершаются таинственные политические и общественные процессы, таящие совершенно неведомые сюрпризы, так или иначе имеющие отразиться на будущих судьбах нашей планеты.

Из красочной истории этого народа, где были и темные языческие божества, сшедшие на землю, и драконы, поедающие людей, и доблестные рыцари-самураи, сражавшиеся за благо народа, – из всей этой истории надо запомнить только несколько важных черт. Во-первых, то, что Япония уже несколько раз совершенно меняла свою культуру, так что всякий раз ее учителя и образцы приходили в восторг от ее восприимчивости, и что в то же время она по своему внутреннему содержанию оставалась более неизменной, чем большинство консервативных, неизменяющихся народов.

Когда-то Япония была заселена смешанным населением из народов сибирского корня – айносов и народов корня полинезийского. Эти народы создали крепкое и сильное государство со своеобразной религией – шинтоизмом²⁵ (видоизмененный шаманизм), – сохранившимся и доселе как религия государственная.

И вот это-то государство на известной ступени своего развития совершенно изменилось под могучим воздействием культурного влияния соседнего с Японией Китая. Культура: быт, письменность, ученость китайская в конце концов даже религия, – все было воспринято и усвоено японцами так, что один ученый китаец, посетивший Японию в начале XVIII века, говорил о японцах как о единственных из «ян-гуй-за»,

К

АРХИЕПИСКОПЪ НЕСТОРЪ

Очерки Дальняго Востока

Губернатору
Василію Николаевичу
Думеву въ распоряженіе
Архидіакону Нестору

Въ л г р а д ъ .

1934.

Типографія „Слово“ И. Попова и А. Большакова, Немањина 20.

Титульный лист книги «Очерки Дальнего Востока» с дарственной надписью архиепископа Нестора

т. е. некитайских народов, постигших настоящую, т. е. китайскую, культуру.

Но эпохи и культуры меняются. Через полтора ста лет в такой же восторг приходят при виде японских успехов в деле культуры уже не китайские, а европейские мудрецы. Сущность же великого восточного народа опять остается неизменной.

Необходимо также запомнить из японской истории то обстоятельство, что это единственный народ, который сохранил на протяжении тысячелетий одну и ту же династию, происшедшую, по верованиям японцев, не откуда-нибудь, а с неба, от древней богини Аматерасу.

Для понимания внутреннего содержания Японии эти два обстоятельства очень важны.

Для понимания внешней политики Японии очень важны другие два обстоятельства из ее прошлого и настоящего. Во-первых, то, что японцы живут на вулканических островах, стесненные со всех сторон морем, а население островов умножается с огромной быстротой, ибо мальтузианство²⁶ Японии почти незнакомо. И каждому японцу с детства известно старинное предание о том, что когда-нибудь Японские острова погрузятся в море, как из моря они некогда вышли, каждому японцу с детства показывают на огромные пространства соседнего материка, из которых многие почти не заселены, и каждому японцу с детства разъясняется, что от его усердия, от его усилий будет зависеть: погибнет ли он и вся Япония вместе с гибелью островов, или они добьются места под солнцем на огромных просторах малозаселенной суши. И каждое землетрясение с наводнениями и пожарами, которые так часты в Японии, дают японцу предметный урок, напоминают ему яркими картинками о том, что древнее предание о возможности гибели родных островов не только предание, но и потенциальный факт.

Во-вторых, интересно свойство японского народа, бросающееся в глаза при чтении древних японских легенд. Японцы органически не любят риска. У них совершенно нет правила «риск – благородное дело». Наоборот, во всех легендах Японии все ее герои предпринимают свои героические деяния не иначе, как все обдумав, взвесив, все обсудив, предохранившись от всех возможностей, не спеша. Знаменитые сорок семь самураев, мстившие за своего князя-даймио, ждали сорок лет возможности отомстить²⁷, а знаменитый борец против злого дракона из Восточного океана шестьдесят лет готовил свою экспедицию²⁸.

Эти основные элементы национального духа и обуславливают как внутреннее содержание, так и внешние формы японской политики в нынешнее время, как и в прошлые века.

* * *

Удивительная, интересная страна Япония. Удивительны и ее обитатели, трудно проникнуть в глубины духовной жизни этого народа, первого из всех народов встречающего и видящего утреннее восходящее солнце, и немногим доступно такое проникновение.

Но как в ярком блеске глаз человека иногда выявляется глубочайшая глубина души его, как в резком движении плеч, в повороте головы можно угадать, что происходит в сердце и уме человека, так иногда и во внешних признаках, во внешних явлениях жизни какого-либо народа проявляется внутренняя сущность народной души.

Из всех внешне проявляющихся чувств японца яснее всего, резче, ярче всего проявляется его пламенный, огненный, горячий патриотизм, его безмерная любовь к родной стране, к тому чудному Ямато²⁹, которое, по древним японским преданиям, так прекрасно, что некогда боги не захотели возвращаться на свои небеса, но остались в этой чудной стране и положили начало династии императоров японских.

С самых ранних, с самых нежных детских лет приучается японец к глубочайшему благоговению и обожанию своей страны и ее верховного повелителя – императора.

На каждом выпускном акте в гимназиях и школах Японии всегда читается тот исторический декрет великого императора Митсухито, которым Япония выводилась из ряда отсталых стран, которым объявлялось о введении всеобщего обучения в стране.

В торжественной обстановке, с торжественной церемонией декрет этот вынимается из ковчежца, в котором обычно хранится, приносится в зал, где собраны все ученики данной гимназии или училища, и торжественно читается директором или шефом училища. Все учителя и учащиеся учебного заведения слушают декрет благоговейно склонив голову, потом свиток свертывается с подобающей церемонией и уносится, чтобы снова храниться весь год в ковчежце, будучи в то же время начертанным в сердце каждого японца.

Трогательно заботятся японцы о своих детях, о тех, кто будет обитать в Японии и творить ее судьбу в будущих поколениях. Детей учат с большим старанием, с огромной заботой, детей любят в Японии, берегут и охраняют. И в вагонах железных дорог, и в трамвае, и всюду

в Японии вас поразит эта глубокая заботливость каждого японца о каждом ребенке. И детей в Японии очень много, все улицы полны этими маленькими прелестными существами в пестрых изящных кимоно.

Интересны, оригинальны и глубоко поучительны особые, специально детские японские праздники. Ежегодно бывает в Японии праздник в честь мальчиков, когда около каждого дома, где есть сыновья, по их числу вывешивается на высоких шестах сделанная из материи рыба – «кой», рыба, которая даже в быстрых японских горных реках идет против течения. Она символ смелого, не сдающегося обстоятельствам жизни мужчины, который не задумывается, если этого потребует его честь, идти против течения во славу родной страны. С самых детских лет мальчиков в Японии приучают в средних и в высших школах к военному делу, к готовности защищать императора и отечество. Еще в раннем детстве приучают японских мальчиков к обращению с винтовкой, к строю, к военному делу.

Также ежегодно бывает в Японии и праздник девочек, которых нежно любит семья, нежно к ним относится. В этот день в каждом японском доме вынимают из хранилища старинные художественные куклы и по всей стране бывают красочные выставки кукол. Куклы представляют собой цариц, поэтов, мудрых женщин древней Японии и простых скромных крестьянок, рыбацек, продавщиц; есть и мужчины – герои и императоры, но преобладают среди кукол фигуры женщин. Вечером праздники кончаются детскими блестящими фееричными карнавалами.

Бывают в Японии общие национальные праздники в честь великих императоров и героев древности. В эти дни совершаются специальные молитвы, читаются лекции, бывают торжественные уличные шествия, во время шествий носят декорированные изображения тех героев, памяти которых посвящается праздник.

Среди этих праздников особенно выделяется со своему смыслу праздник труда в честь императора Тенчо-сетсу, одного из древнейших императоров Японии, прославившегося некогда поразительным трудолюбием. 29 апреля, в день его рождения, каждый японец должен выполнить какую-либо работу, какой-нибудь труд безвозмездно в пользу своего государства. Ученики в школах починяют парты или другое имущество школ, служащие правительственных учреждений отказываются в этот день от своего дневного жалованья, рабочие исполняют правительственную работу бесплатно. Удивительная, глубокая, добрая традиция!

Дважды в год бывает в Японии праздник цветов. Весной это праздник вишни-сакура, символа Японии, символа рыцарских законов Бу-

сидо, которыми должен быть проникнут каждый японец. Лепестки японской вишни бледно-розового цвета, без единого пятнышка – так незапятнана должна быть душа рыцаря-самурая. Как только цветение вишни окончено, прежде чем начнется гниение, лепестки вишен отлетают – так каждому самураю в законах Бусидо предписывается умереть, если он не может найти достойного выхода из положения.

Как раз в дни цветения вишен совершается в Японии первое насаждение риса, главного продукта питания всей страны. И вот два смысла, два значения придается этому весеннему празднику. В этот день совершаются моления в храмах Японии о благополучном возрастании хлеба насущного. Главное празднество происходит в древней столице Японии, в Киото, на это празднество со всех сторон Японии съезжаются японцы. В течение всего периода цветения вишен там совершаются торжественные церемонии. Молодые девушки лучших семей страны участвуют в торжестве священных танцев. Часть девушек танцуют на эстраде священные танцы, часть поют, часть играют на старинных оригинальных инструментах. Танцы эти – особые танцы, выражающие те или иные патриотические переживания японцев. Есть танец почитания императора, он называется танцем насаждения риса, перед императорским дворцом, с благоговейными поклонами дворцу. Есть танец Формозы³⁰, танец Сахалина, танец Кореи – показывающие распространение японского владычества в этих странах. Танцы эти сопровождаются соответствующими красочными декорациями: снежными суровыми картинами Сахалина, роскошными тропическими видами Формозы и т. п.

Осенний праздник посвящен хризантемам. Это время, когда в стране поспевают рис и император впервые пробует рис нового сбора. С этого времени и все японцы могут готовить пищу из новособранного риса. Во время этого праздника бывают выставки хризантем, искусно выращенных японскими садовниками, бывают, например, хризантемы, разветвляющиеся тысячью цветков из одного стебля различными фигурами, представляющими национальные эмблемы и даже целые исторические сцены.

Весенний и осенний праздники пышно справляются при дворе императора, и в этот день император и его семья принимают у себя высоких сановников страны и иностранных дипломатов.

* * *

Во всех этих праздниках, во всех этих торжествах – вообще во всей видимой жизни страны – проявляются огромное самообладание и дис-

циплинированность японцев. Почтение к дисциплине, культ ее – отличительная черта японцев, роднящая их, как и многое другое, с древними римлянами.

В этом отношении интересен случай, происшедший во время коронации последнего императора. Группа высоких, почтенных сановников во время прохождения императора в храме в порыве благоговейного патриотизма не удержалась и только перешагнула через черту места, для этих сановников отведенного. Этим они несколько нарушили общий порядок. Такое событие, которое осталось бы почти не замеченным в любом европейском государстве, вызвало добровольную отставку всех этих сановников, которые заявили в своем прошении об отставке, что они сознают, что своим поступком совершили преступление, нарушив порядок императорского шествия.

Очень часты бывают среди японцев случаи, когда губернаторы, в провинции которых произошли какие-либо инциденты, начальники отдельных частей войска, в чьих отрядах произошли какие-либо замешательства или неудачи, вообще ответственные лица подают в отставку или даже лишают себя жизни по древнему обычаю харакири – вспарывают себе живот, даже если инцидент произошел не по их вине. Потому что законы Бусидо неумолимы и цветок вишни должен облететь, чтобы не подвергнуться тлению.

На весь мир прогремело в 1912 году самоубийство знаменитого героя русско-японской войны – генерала Ноги. Когда-то, еще до великих реформ, он верно служил шиогунам (японские вожди феодалов, которым до 1868 года принадлежала высшая власть в стране наравне с императором), а потом еще более незапятнанно верно стал он служить императору Митсухито. Победам генерала Ноги главным образом обязана Япония своим успехом в войне с Россией. Во время этой войны при осаде Порт-Артура погибли два сына генерала, и их принес он безропотно на алтарь императору и отечеству. И когда император умер, генерал Ноги не считал возможным пережить своего повелителя. В день смерти императора генерал Ноги и его жена покончили с собой по древнему ритуалу: он вскрыл свой живот коротким мечом, она перерезала себе горло. С тех пор генерал Ноги стал для каждого японца священным символом верности лучшим традициям страны, великим заветам Бусидо, незапятнанной чистоте лепестков вишни.

Множество чрезвычайно высоких примеров доблести и героизма дали японцы и в самые последние годы, во время дряхлеющего столк-

новения с Китаем. Весной 1932 года во время событий в Шанхае японцам необходимо было взять укрепленные и затянутые проволочными заграждениями позиции китайских войск. И вот помочь своей армии выжились трое японских солдат. Они обвязались динамитными шашками, подошли к проволочным заграждениям и взорвались. Путь был очищен, победа обеспечена. Вся страна славилась и славит доныне память этих героев.

Тогда же, в 1932 году, зимой, в середине января, над Харбином, еще занятым китайскими гоминдановскими³¹ войсками, реал японский аэроплан. Аэроплан был подбит китайскими солдатами и должен был снизиться. Летчик – капитан Симидзу очутился на вражеской территории. Немедленно он был окружен толпой русских и китайцев, с любопытством смотревших на машину. Между тем с китайских позиций быстро подъехал конный разезд. У капитана Симидзу был на аппарате пулемет. С этим пулеметом он в течение долгого времени мог бы защищаться от китайских всадников и подождать подкрепления со стороны других японских аэропланов. Но всем японским военным во время операций в Маньчжурии около Харбина было дано строгое распоряжение ни в каком случае не причинить ни малейшего вреда мирным жителям. Между тем для Симидзу, окруженного толпой любопытных мирных жителей, было невозможно применить свой пулемет без вреда для них. Он обратился к любопытным с просьбой разойтись, но они, не понимая его языка, продолжали окружать его. И он остался стоять, не пуская в ход пулемет, и был убит подошедшими солдатами. Его память также чтится японцами.

Готовясь к морской войне, японцы озабочены усовершенствованием минных аппаратов, достижением большей точности попадания. И вот недавно в министерство поступило изобретение одного инженера, предлагающего особые минные аппараты с кабинкой для одного пловца внутри мины. Этот пловец имеет возможность безошибочно направлять свой аппарат, но, конечно, при взрыве мины сам подвергается неминуемой гибели. Когда сведения об этом изобретении проникли в японскую печать, немедленно со всех сторон в министерство поступило свыше пяти тысяч писем охотников, желающих послужить отечеству и пожертвовать своей жизнью на минном аппарате.

Во время действий против генерала Сун-бин-вена японские войска должны были перевалить через кряж Хинганского хребта.

Отряд японской пехоты поднимался на гору вдоль по линии железной дороги. Железная дорога в этом месте идет настолько круто вверх,

что поезд, шедший по тому же пути в том же направлении с военными припасами, очень медленно обгонял пехоту.

Во главе отряда шел капитан. И вот на одном очень крутом участке пути капитан, шедший во главе отряда, заметил, что связь между вагонами в поезде порвалась. Задние вагоны должны были покатиться под уклон вниз, и так как гружены они были всевозможными взрывчатыми припасами, то катастрофа была бы неминуема. И тогда, не размышляя, не задумываясь ни секунды, капитан бросился под колеса вагона и остановил не успевшие приобрести инерцию вагоны. Здесь ценность самопожертвования определяется огромной быстротой его выполнения. Дело шло не о секундах даже, а о сотых долях секунды, потому что, если бы эти сотые доли секунды были пропущены, вагоны приобрели бы инерцию и никакая человеческая сила не могла бы предотвратить страшной катастрофы. Желая помочь отечеству, японцы все от мала до велика откладывают по 1 сен (копейке) в день, собирая сотни тысяч иен ежедневно для постройки т. н. «айкоку» – народных аэропланов.

* * *

Красочна, интересна и своеобразна жизнь Японии. Сквозь все обычаи и привычки японца проглядывает его душа, душа рыцаря-самурая, насквозь пропитанного традициями отцов, которые на веки веков начертали в своих сердцах как всегдашний девиз: «Родина и Император».

С тех легендарных времен, когда, по японским преданиям, богиня солнца Аматерасу передала правление над страной своему внуку, первому Микадо, в Японии царствует одна династия.

Пройдя через периоды различных ступеней власти, династия то обладала полнотой самодержавия и религиозного почитания, то находилась в состоянии полной беспомощности, когда страной фактически владели вожди феодального класса – шиогуны. Наконец, с 1868 года в лице великого императора Митсухито, преобразователя Японии, династия снова поднялась на недостижимую огромную высоту власти и значения.

И японцы хранят благодарную, благоговейную память о своем великом императоре Митсухито.

В столице, в Токио, есть посвященный ему храм-памятник, похожий на ветхозаветную скинию колоссальных размеров. Деньги на построение этого храма были собраны путем пожертвований всей страны, каждый японец считал для себя за честь и счастье вложить свою лепту в дело построения этого храма. В парке около храма посажены де-

ревья. Эти деревья были одновременно в день открытия храма привезены и посажены маленькими японцами, учениками различных учебных заведений, отовсюду, со всех частей страны съехавшимися для празднования освящения храма памяти великого императора. На всех деревьях парка написано, какое из них из какой части страны привезено. Как неувядаемый, всегда цветущий и крепнущий в своих корнях чудный, прекрасный венок, окружают эти деревья памятник великого государя, ясно говоря взору посетителя, что вся страна соединена здесь в общем единомудушном почитании своего императора.

В центр этого храма не допускается входить никому, кроме лиц царствующей фамилии. За перегородку, внутрь храма, посетители бросают свои пожертвования, идущие на нужды просвещения страны.

Почитание императора и благоговение к нему выражается в Японии различными путями. Когда император проезжает по улице, проходящие должны останавливаться и наклонять голову, не глядя на проезжающего обожествленного повелителя.

Незабываемое впечатление оставил в моей памяти отъезд японского наследника из Иокогамы в 1922 году. Это был первый случай в истории Японии, когда высочайшее после императора лицо, наследник императорского трона, оставлял страну и ехал в чужие края, в Европу, чтобы посмотреть свет.

Старые сановники страны были очень против этого, молодежь же горячо приветствовала смелое решение наследника.

День его отъезда был с утра пасмурный. И тем не менее к полудню, когда был назначен момент отъезда, на пристань Иокогамы собралась несметная многосоттысячная толпа народа. Все ждали появления наследного принца. Когда он появился на пристани, впервые в японской истории народная толпа не выдержала и вместо привычного безмолвного приветствия только преклонением головы приветствовала наследника оглушительным тысячеголосым криком «банзай». В момент появления принца, ровно в двенадцать часов дня, солнце прорвало покровы туч и засверкало над городом. И в то же время почва под ногами собравшейся толпы заколебалась легким колебанием очередного землетрясения.

* * *

В своеобразные, но глубокие формы выливается иногда общее духовное настроение некоторых японцев. Мне пришлось встретиться однажды с одним чрезвычайно интересным стариком-японцем. Я приехал

в Японию лечиться от последствий жестокого ревматизма. Ни ванны в горячих источниках, ни курортное лечение мне не помогли: мои ноги после ревматизма не могли согнуться.

И вот мне посоветовали обратиться к одному старику японцу – Какубо-сан, который лечил древними азиатскими методами. Всего две недели полечился я у этого туземного врача, и через двенадцать дней я был совершенно здоров.

Какубо-сан рассказал мне свою интересную жизнь. Его отец был врачом, унаследовавшим от целого ряда предков глубокие знания азиатской медицины. Он хотел, чтобы и его сын Какубо был его наследником и продолжателем. Но Какубо предпочел стать торговцем и фабрикантом мебели. Этим путем он нажил огромное состояние: имел дома, магазины в столице. Но все это состояние погубило во время страшного землетрясения и пожара 1923 года, Какубо-сан стал совершенно нищим, и он понял, что в этом постигшем его несчастье – указание ему свыше вернуться на тот путь, которым шли его предки, путь врачевания человеческих страданий. Много дней провел Какубо в горячей напряженной молитве. Подверг он себя тяжелому физическому испытанию, сжегши 18 свечей, поставленных на руку, так что на руке остались шрамы и глубокие борозды от сожженных до кости мест. И этой напряженной духовной тренировкой он восстановил свои духовные силы и стал врачом, как и все его предки.

Когда впервые после этого приступил он к лечению и чрезвычайно успешно вылечил от туберкулеза жену правителя той округи, то местные университетски образованные врачи подали на него жалобу, как на лечащего без соответствующих документов. Но на суде Какубо-сан ожидал новый триумф: он был оправдан и ему было дано полное разрешение лечить страдающих древними способами азиатской медицины.

Поняв после гибели своего прежнего скопленного имущества, что не в богатстве, не в деньгах счастье, Какубо-сан с больных за лечение брал минимальную, скромнейшую плату – 40 сен с человека.

Пролечившись у этого старика-японца, я вернулся в Харбин и рассказал многим своим друзьям и знакомым о нем, и множество русских больных стали ездить к доброму врачу, получая от него здоровье. К пригорюнию, недавно этот добрый врач скончался.

Принцип служения ближним вообще распространен среди японцев более чем среди иных азиатских народов.

Умилителен и очень глубок обычай, существующий в Японии, – посвящать первый месяц нового года трудам на пользу ближним. Из доб-

рых духовных побуждений некоторые японцы или японки дают в Новый год обет посвятить первый месяц наступающего года совершению какого-либо благого дела. И вот они надевают черное монашеское платье, иногда даже совершенно закрывают лицо и ходят из города в город с пением молитв под звуки особых музыкальных колокольцев, останавливаясь для совершения молитвенного гимна у каждой двери каждого дома, прося подаяния. Эти собранные – иногда очень значительные – средства они относят по обету на то или другое благочестивое дело.

Иногда в этих закутанных в черное платье фигурах скромных сборщиц скрываются знатные женщины – матери, жены или дочери высококих сановников страны – наряду с простолюдинами.

Особенно красочен и умилителен вид этих паломников по вечерам, когда в темноте то тут то там по всей Японии идут группы по десять, двадцать, тридцать человек сборщиков-пилигримов с фонариками в руках с пением и музыкальным звоном.

Этот глубокий и трогательный обычай тесно связан с празднованием Нового года – самого большого праздника в Японии. В этот день, 1 января нового стиля, над каждым японским домом, над дверью каждой квартиры вешаются красиво сплетенные листья папоротника с крабом и апельсином. Краб, согласно древним японским легендам, символ благодарности, благодарности божеству за прожитый год, апельсин, зеленый и невкусный, когда его снимают с дерева, но становящийся сладким и оранжевым после некоторого времени, символизируют совершенствование человеческой природы. Папоротник, вырастающий из маленького побега в пышный куст, – символ роста благополучия. Вместе с этими тремя символами ставятся у входа в дни Нового года различного роста побеги бамбука по числу членов семьи – символы долголетия.

В дни Нового года все магазины, все предприятия, обычно торгующие круглый год, бывают закрыты. Интересно, что, кроме Нового года, Япония не имеет иного времени, когда бы ее торговые или промышленные предприятия были закрыты. Ремесленники Японии вместо еженедельных праздников имеют ежемесячные цеховые праздники: раз или два в месяц, когда они отдыхают от обычного труда.

Я много раз бывал в Японии, и меня всегда поражали многие даже мелкие подробности жизни этой замечательной страны.

Поражает, например, всеобщая вежливость. В вагоне железной дороги, в трамвае, в автобусе, когда вы входите в вагон, вас, каждого посетителя отдельно приветствует кондуктор, когда вы выходите из вагона, вас благодарят японские кондуктора.

При прощании, при встрече японцы долго кланяются друг другу низким, церемонным поклоном, справляясь о здоровье, о солнце, которое светит в этот день, и желая друг другу, чтобы все это благополучие продолжилось как можно дольше. При этом они благодарят друг друга за всякое внимание, которое один другому оказал хотя бы в течение года.

Японцы во всем своем повседневном быту очень честный народ. В городе Цуруга в течение многих лет у меня находился маленький арендованный домик, где хранились архив, различная церковная утварь и личные вещи. Уезжая из Цуруга, я всегда оставлял этот дом на попечение соседних японцев, и никогда ни одна вещь у меня не пропадала, хотя я даже не закрывал дом. Больше того, японцы, видя, с каким благоговением относился я к находившимся там иконам и портрету моей любимой матери, всегда ставили перед ними свежие цветы, клали к иконам как жертву свои копейки и совершали – как пред иконами, так и пред портретом, – ритуальный глубокий поклон. Приезжая из Харбина, я всегда умилялся, видя на карнизе около икон целые ряды мелких японских монеток – скромные жертвы моим святыням от неизвестных мне японцев-язычников.

В то же время японцы очень подозрительно и недоверчиво относятся к иностранцам, и потому о каждом вновь прибывающем в страну человеке уже заранее сообщается во все местные полицейские участки и по дороге в Японии иностранца по несколько раз самым подробным образом, очень деликатно, но строго подвергают настойчивым допросам, оберегая свою страну от вредных иностранных влияний.

Но когда иностранца в этой стране узнают близко и хорошо, когда увидят, что вреда от него нет, к нему начинают относиться с полным доверием и уважением.

Проникнутые глубоким патриотическим самосознанием, японцы внимательно заботятся о том, чтобы японские деньги не расходовались в чужих интересах. Поэтому японцы никогда ничего не покупают чужого или у чужих такого, что могут купить у себя. Это явление особенно заметно при сравнении с той падкостью на экзотические японские вещи, которую проявляют в Японии иностранцы.

* * *

Так же как и в быту, своеобразны японцы и в политических течениях, и в отражениях политической мысли на жизнь.

Я помню: однажды в Токио я шел по улицам города и случайно проходил мимо большого социалистического митинга, каковые там свобод-

но разрешаются. Говорил оратор-социалист. По японским традициям он отличался даже видимыми признаками: длинные волосы и белая лента с соответствующими иероглифами через плечо. Толпа внимательно его слушала, полицейские, стоявшие тут же, ничем не прерывали оратора. Только когда он закончил свою речь, старший полицейский указал социалисту на возвышающийся над городом императорский дворец. И пламенный социалистический оратор тотчас же стал творить перед этой великой тенью – эмблемой национальной славы – традиционные ритуальные поклоны, а толпа спокойно разошлась.

Так же, как и к иным радикальным течениям политики, относились японцы в течение долгого времени и к коммунизму, не уясняя его сущности. По своей природе японцы медлительны, осторожны и недоверчивы. Они знакомились с коммунистическими доктринами очень долго, приглядывались к ним, изучали, даже допустили в своей стране вкусить этот горький плод. И только тогда, когда увидели, что от страшного яда советской агитации не застрахован и их народ, когда они поняли и осознали весь вред, все зло коммунизма и его опасность для каждого народа, для каждого отдельного человека, тогда приняли японцы решительные и энергичные меры против вредного страшного течения.

И ныне Японская коммунистическая партия как таковая уже отыграла свою роль: ее смыла волна подъема национального духа, связанного с маньчжурскими событиями.

Расцвет коммунистического движения в Японии должен быть отнесен к 1924–1929 годам, когда русский народ не был еще доведен своими и чужими коммунистами до полного обнищания и правительство СССР могло тратить колоссальные средства для развития коммунистического движения во всех уголках земного шара, в том числе, конечно, и в Японии. Но как только эта деятельность Коминтерна была замечена японскими властями, ими были приняты самые решительные меры к ее пресечению, и в этом им на помощь одновременно пришло и само общество, которое не осталось пассивным к тлетворному влиянию коммунизма. Особенно горячо откликнулась самая здоровая часть общества – военная среда, которая совместными с остальными слоями общества усилиями начала организовывать разные патриотические кружки и общества в противовес деятельности коммунистов, ставивших своей целью подрыв исторически сложившихся государственных устоев Японии, ее бытовых, семейных, религиозных и других здоровых начал, на которых зиждется мощь ее государственного организма.

В результате переживаемого сейчас всей японской нацией патриотического подъема два самых видных руководителя Японской коммунистической партии – С. Набеяма (из рабочего класса) и М. Сано (из интеллигентов) – обратились к официальным кругам с заявлением, что они признают свою деятельность в прошлом явно ошибочной и направленной во вред интересам японского рабочего класса и всего японского народа.

Одновременно ими же было отправлено заявление в Компартию с требованием изменения ее деятельности, так как эта деятельность, по заявлению указанных партийных лидеров, ведется исключительно по директивам Москвы и влечет плохие последствия для японского рабочего класса и всей японской нации.

Кроме того, Набеяма и Сано обратились к японскому народу с пространной декларацией, в которой открыто порицают деятельность Коминтерна и признают ее абсолютно вредной для рабочих и крестьян Японии. Они настаивают на полном отходе Японской коммунистической партии от Коминтерна и считают, что интернациональный социализм должен перейти на путь народного государственного социализма (национал-социализма). Они признают необходимость существующего в Японии монархического образа правления, который нисколько не мешает осуществлению такого национал-социализма, так как император Японии является выражением и символом народного объединения вокруг него всей японской нации. (Тут снова глубокий поклон в сторону императора.) Они требуют отхода Японской коммунистической партии от Коминтерна еще и потому, что Коминтерн давно уже отошел от жизни рабочего класса и ставит такие задачи, которые являются явно вредными и для рабочих, и для крестьян, превратившись в какую-то фанатическую секту. Коминтерн мыслит революцию в каждом государстве на русский образец и требует присоединения всех иных национальных образований к СССР и таким образом работает для частного интереса этого государства, а не для рабочего класса Японии. Оба указанных руководителя Японской коммунистической партии призывают японский народ единодушно участвовать в войне за свою родину и способствовать ее победе. Говоря о войне Китая и Японии, Набеяма и Сано заявляют, что эта война ведется не против китайского народа, а против трех его группировок, которые преследуют личные интересы в своей деятельности. В случае же возникновения новой великой войны, говорят эти раскаявшиеся коммунисты, эта война явится борьбой азиатских народов против засилья европейско-американских государств, и в этой

борьбе японские рабочие должны выступить во главе остальных азиатских народов и основывать свои интересы не на абстрактных отвлеченных принципах интернационала, а приложить все силы к осуществлению государственного национального социализма, в котором Япония должна занять центральное господствующее положение среди народов Азии. Она имеет все данные, чтобы создать такой национал-социализм, так как народ ее сплочен, прекрасно дисциплинирован, работоспособен и высококультурен.

Проповедуемая Коминтерном политика независимости колоний является абсурдом. По мысли гг. Набеяма и Сано, японский народ должен стремиться к образованию из Японии, Кореи, Маньчжурии и Формозы одного большого национал-социалистического государства, где бы рабочие были объединены со всеми остальными классами населения, и центром такого объединения должен быть японский император. Чувство преданности и уважения к нему является среди японского народа естественным явлением, которое основано на глубоком историческом прошлом и религиозных верованиях.

Такое открытое выступление лидеров Японской коммунистической партии отнюдь не является провокацией и не стоит в противоречии с теми настроениями, которые царят среди рядовых ее членов. Очень многие из них с началом событий в Маньчжурии открыто отказались от своих увлечений коммунизмом и сами добровольно отправились на фронт, желая загладить свою вину перед родиной, которой они безотчетно приносили вред, распространяя разрушительные идеи коммунизма.

При таких сдвигах в Японской коммунистической партии едва ли сможет она когда-либо выявить серьезную активность, особенно лишившись материальной поддержки Коминтерна, который теперь за обнищанием русского народа не может рассчитывать на те неограниченные кредиты, какими он раньше располагал за счет правительства СССР.

Эти решительные внутренние сдвиги в Японии, совпавшие по времени и по внутреннему смыслу с такими же внутренними сдвигами в Германии, несомненно, отразятся на политическом положении всего мира.

В последнее время телеграммы из Токио сообщили о распоряжении японского правительства всем японским профессиональным союзам порвать связи, связующие профессиональное движение в Японии с интернациональными профессиональными союзами. Отныне профессиональное движение в стране берется непосредственно под руко-

водство правительства и таким образом Япония становится на путь, указываемый фашистской идеологией, – путь государственной регуляции взаимоотношений между трудом и капиталом и кооперации их.

Не случайно, но таит в себе глубокий смысл то обстоятельство, что идейно во главе этого фашистского движения и фашистских настроений в Японии, во главе вообще всей государственной жизни этой страны в настоящий момент, когда Япония приступает к выполнению всемирной миссии, стоит православный человек – японец Савва Данилович Араки, военный министр, неофициальный диктатор Страны восходящего солнца.

2. Христианство в Японии

Религиозная жизнь в Японии своеобразна, как и все другое. Мало известий имеем мы о тех ранних временах, когда первобытный шаманизм первобытных обитателей Японских островов перерабатывался в шинтоизм с его сложной мифологией.

Более ясные известия о японской религиозной жизни получаем мы только с начала V века нашей эры, когда в страну прибыли первые проповедники буддизма – корейцы Ачики и Вани. В 552 году в Японию привезены были изображения Будды и книги его учения.

Вместе с буддизмом приняла Япония и всю тогдашнюю китайскую цивилизацию. Тогда же, согласно древним летописям Японии, прибыли в страну и проповедники других религий.

Буддизм имел огромный успех в Японии, множество храмов покрыло эту страну, множество народа надевало на себя одежду монахов, отрекаясь от мира во имя созерцания. Впрочем, вскоре буддизм в Японии раздробился на множество мелких сект и учений, взаимно друг с другом ожесточенно враждовавших.

Более высокое развитие получила японская душа много веков позднее, когда в страну прибыли первые проповедники католичества.

Начало этого события относится к середине XVI века, когда в Японию прибыл знаменитый проповедник Франциск Ксавье – в 1549 году. Он высадился в Кагосима, на южном острове Киу-сиу и получил разрешение от Сацумского князя-даймио, правителя этой местности, на проповедь в его владениях.

Прибытие Ксавье и его сотрудников – монахов-иезуитов, францисканцев и доминиканцев – совпало с мрачным периодом в жизни Японии. В стране царил двоевластие: императоры находились как бы

в почетном плену, власть все более и более захватывали шиюгуны – вожди феодалов. Но и между самими феодалами шла отчаянная борьба. Ко всему этому присоединялись разрушительные землетрясения, засухи, неурожай риса, голодовки, чума. Где могли искать утешения японцы?

В религии. Но шинтоизм погрузился в непроницаемые бездны мифа и сказаний, а буддизм в Японии принял ярко политическую окраску и потерял религиозную сущность. Народ был в состоянии религиозного паралича. Вот в такой-то период и явились в Японию проповедники католичества.

Ксавье, не имея таланта к изучению языков, все же действовал очень успешно через японца Андзири, в крещении Павла, сделав его своим ближайшим помощником и сотрудником.

В первый же год посеянное семя христианства принесло обильные плоды и в Японии быстро образовались общины христиан.

В 1551 году умер Ксавье, но дело католической миссии в Японии не умерло, а наоборот, разрасталось под влиянием преемников Ксавье. В 1581 году в окрестностях тогдашней столицы Японии – Киото – и в самой столице было семь церквей, а во всей стране – около двухсот церквей и до ста пятидесяти тысяч туземных христиан. Большую помощь делу распространения христианства оказал из ненависти к буддизму шиюгун Набунага*.

Но в 1582 году он был убит, и после его смерти начались притеснения христиан, так как отношения между католиками и буддистами все ухудшались. В 1585 году новый шиюгун Хидееси издал декрет об изгнании в двадцать дней всех иностранных миссионеров из Японии.

Через двенадцать лет после этого по приказу Хидееси три священника-португальца, шесть испанцев и семнадцать японцев-христиан были схвачены в Киото, переправлены в Нагасаки, и там 5 февраля 1597 году они были распяты на бамбуковых крестах. Тела их были сверх того пронзены копьями от бедра до плеч.

Но эти гонения еще не в силах были остановить распространение христианской веры в стране. В начале XVII века число христиан в Японии превысило один миллион восемьсот тысяч человек, т. е. почти третья часть японцев того времени были христианами. В Японии были школы, семинарии, монастыри, христианами становились японцы самых раз-

* Мы видели в Ватиканском музее относящуюся к этому времени переписку Японской Церкви с Римским папой.

нообразных классов – от высших феодалов, даймио, до самых бедных крестьян.

Но в 1637 году решительным эдиктом шиогуна Токугава из Японии навсегда изгоняются все проповедники новой религии – двести два францисканца, сто семнадцать иезуитов и двести японцев-священников.

Поднялось гонение на руководителей душ, их не только изгоняли, но и мучили.

В ответ на это гонение вспыхнуло страшное восстание христиан-японцев в Шимабуре. Восстание это было подавлено чрезвычайно жестокими мерами: до тридцати семи тысяч христиан было перебито в этом городе.

После этого начались ожесточенные гонения вообще на всех исповедовавших христианство в Японии. Многие не твердые в вере люди под страхом казней возвращались к своим кумирам. Но много оказалось адамантов веры. Многие шли безропотно на мечи, на копья, на кресты, в кипящие ключи, в море. Многие японцы-христиане показали миру, что японская душа может не только стать христианской, но и дать миру примеры мужества и стойкости в вере.

Целые семейства были поголовно распинаемы. Длинные вереницы крестов водружены были вдоль проезжих дорог. На этих крестах мученически исповедовали свою веру японцы-христиане. Всего в эти годы гонений было перебито около двухсот восьмидесяти тысяч христиан-японцев. Несмотря на ожесточенность этих гонений, католичество в Японии осталось. В Нагасаки и около него до самого XIX века оставались значительные общины христиан-японцев, скрывавшихся от преследования правительства. Они оставались христианами, хотя не имели священников, не имели никакой связи со своими заграничными единоверцами. В течение трехсот лет эти тайные христиане потаенно хранили иконы и четки в своих домах как драгоценнейшую святыню.

С 1637-го до 1854 года Япония была совершенно закрыта для всех иностранцев, кроме голландцев, имевших право высаживаться лишь на острове близ Нагасаки.

В середине XIX века, когда двери Японии снова оказались раскрыты для миссионеров и вообще для иностранцев, в Японию прибыли уже не только католические проповедники, но началась проповедь Православия.

В 1861 году в г. Хакодате прибыл молодой, горящий верой православный священник – иеромонах о. Николай.

Этот человек великого духа – один из величайших наших православных миссионеров, происходивший из древнего княжеского рода князей Касаткиных. Он окончил Петербургскую духовную академию, принял монашество в 1860 году и, движимый неодолимым стремлением работать на ниве Христовой, повинувшись божественному призыву, прибыл в Японию.

Настойчивым трудом о. Николай добился скорого изучения японского языка. В ближайшие дни после прибытия о. Николая в Японию к нему явился самый ярый противник христианства в Хакодате – буддийский жрец Савабе. Этот жрец вооружился мечом и злобно грозил убить о. Николая.

Глаза Савабе сверкали ненавистью, скрипя зубами он заявил о. Николаю: «Вас, иностранцев, всех надо перебить: вы своей проповедью несете зло и вред Японии, выглядываете нашу страну».

Далее он заявил о. Николаю, что он – Савабе, как японец, не допустит о. Николая проповедовать, скорее убьет его, ограждая честь и веру своего императора и родной страны.

С кротостью и огорчением выслушал о. Николай угрозы жреца, но спокойно задал ему вопрос: «А ты разве знаком с моим учением?» Жрец смутился. Это был честный и прямой человек, не умевший лгать.

«Нет, не знаю», – сказал Савабе. «А разве справедливо осуждать и угрожать кому-нибудь, не выслушав его? – возразил о. Николай. – Разве справедливо хулить то, чего не знаешь? Ты сначала выслушай да узнай, а потом суди. Если мое учение будет худо, тогда и прогоняй меня, и убивай, если хочешь».

И вдруг Савабе неожиданно согласился и сказал: «Ну, говори».

И то, что оказалось невозможным, неосуществимым, сделалось действительностью. Души закоренелого язычника-жреца коснулась благодать Божия.

Вскоре о. Николай уже писал письмо в Россию митрополиту Исидору: «Ходит ко мне один жрец древней местной религии – изучать нашу веру. Если не охладет он или не погибнет от смертной казни за принятие христианства, то от него можно ждать многого». Потом о. Николай писал, что его новый друг – жрец Савабе – переводит Библию на японский язык с китайского, что он с нетерпением ждет от о. Николая крещения. Сообщал, что он хорошо образован, умен, красноречив и всею душой предан христианству. Единственная цель его жизни теперь – послужить отечеству распространением христианства.

Не раз о. Николай удерживал от проповеди Савабе, боясь, что он потеряет голову прежде, чем успеет что-либо сделать полезное для распространения веры Христовой. А что положение Савабе становилось опасным, это видно из того, что рассказывал сам жрец: «Открыто читать Евангелие я не мог, – говорит Савабе, – а читать очень хотелось. Вот я и выдумал читать Евангелие в то время, когда совершал службу в своем омии, т. е. в языческом храме. Положишь, бывало, пред собой Евангелие вместо языческого служебника да и читаешь, постукивая в барабан».

Убедившись в искренности и прочности настроений Савабе, о. Николай уступил наконец мольбам и просьбам его и крестил, дав ему имя Павел.

Едва лишь пережил светлую радость крещения Павел Савабе, как его постигли тягчайшие испытания в жизни, обрушившиеся как удар на его голову. Надо было иметь горячую веру в Бога и покорность Его святой воле, чтобы на пороге новой христианской жизни вынести все испытания. Прежде всего, у Павла Савабе сошла с ума горячо любимая им жена. Через несколько дней в припадке помешательства она сожгла собственный дом и все имущество. Павел с сыном и больной женой лишился крова и имущества. С переходом в христианство Павел лишился службы и остался положительно нищим. Родные и знакомые отвернулись от него и стали относиться к Павлу с такой же злобой, с какой он сам раньше относился к христианам. Озлобленные за проповедь о Христе, язычники выдали Павла Савабе японскому правительству, и его заключили в сырое подземелье. Насколько тяжело было состояние Савабе, можно видеть из слов самого о. Николая: «Савабе получил тяжкое бремя скорби, до того тяжелое, что редкий в мире не согнулся бы под этой тяжестью». Здоровье его надломилось. Мужественно перенося все несчастья, Савабе болел душой за сына, который еще оставался в язычестве. Позднее он увидел своего сына христианином и священником, служащим в Японской православной миссии.

Когда Савабе освободился из темницы, его ревность о Христе еще усилилась. В 1875 году от руки епископа Камчатского, Высокопреосвященнейшего Иннокентия (Вениаминова, впоследствии Митрополита Московского), Павел Савабе был посвящен в сан священника, а впоследствии был кафедральным протоиереем в японской столице – Токио.

В 1872 году в Японии снова вспыхнуло гонение на христиан. В городах Сендай и Хакодате было арестовано много христиан и про-

поведников. За принадлежность к христианству японцев, даже десятидвенадцатилетних детей, подвергали тяжелым допросам. И замечательно, что среди арестованных было много еще не просвещенных святым крещением, но никто из них не изменил своим убеждениям, а еще более утвердился в принятой вере. Проповедников сажали в тюрьму, христиан-чиновников лишали службы. Православных изгоняли из Хакодаге. Но это была последняя вспышка ненависти к христианам.

В 1873 году последовала отмена старых указов против христианства, и проповедь о Христе стала теперь свободной.

Изучив в совершенстве японский язык, среди дела проповеди о. Николай, посвященный в 1880 году в сан епископа, успевал заниматься переводами Библии и богослужебных книг на японский язык. В течение тридцати лет ежедневно минута в минуту в 6 часов вечера входил в скромную келью Владыки его постоянный сотрудник по переводам Никаи-сан, садился рядом с Владыкой и писал под его диктовку. Работа эта продолжалась в течение четырех часов до 10 часов вечера ежедневно, кроме дней праздничных богослужений. Работа эта никогда не отменялась: «Хотя бы небо разверзлось, – говорил архиепископ Николай, – я не имею права отменить занятий по переводу».

За пять лет до кончины архиепископ Николай однажды тяжело заболел и близок был к смерти, но душа его болела за не выполненные им переводы Священного Писания. И в горечи, и в скорби, дерзновенно, с верой воскликнул тогда Владыка: «Смерть, дай мне прожить еще лет пять, чтобы я мог окончить мое дело». И смерть отступила от него.

Архиепископ же, оправившись от болезни, с удвоенной энергией принялся за свое дело, т. е. за переводы книг, чтобы обеспечить этим свою Миссию в будущем. После занятия переводами Владыка успевал редактировать четыре журнала, издававшихся при Миссии на японском языке. Составлял обширную и богатую библиотеку и собственноручно писал каталог. С 6 часов утра до 12-ти Владыка занимался церковными делами и перепиской с верующими. Немало времени уходило у Владыки и на строительство в Миссии. Владыка построил обширное каменное здание с крестовой церковью, устроил духовную семинарию, столь необходимую для обучения будущих кандидатов в священники. В семинарии Владыка сам в течение многих лет преподавал на японском языке догматическое богословие. Во многих городах Японии Владыкой Николаем построены православные церкви, а самым дорогим памятником строительства и трудов архиепископа Николая являлся грандиозный кафедральный собор в Токио, разрушенный впослед-

ледствии землетрясением и недавно снова восстановленный Владыкой Сергием Японским.

В 1909 году, за два года до кончины Владыки Николая, Японская Православная Церковь праздновала 50-летний юбилей его апостольского служения в Японии.

Два глубоких старца стояли тогда друг пред другом в храме Божием, окруженные христианами Японской Церкви, и о. Павел Савабе с сияющим духовной радостью лицом приветствовал своего отца и крестителя в день его полувекового служения Духовной миссии Японии.

«В сей день, – сказал о. Павел Савабе, – пятьдесят лет тому назад я, твой враг – жрец языческий, приготовил тебе нож за веру твою Христову, но, как некогда ангел Божий, удержал руку, занесенную с ножом над старцем Симеоном Богоприимцем, усумнившимся в пророчестве³², так и ты, мой ангел-хранитель, своей горячей верой обезоружил меня и дал мне светлую радость познать Бога. И сегодня, через пятьдесят лет, стоя с благоговением пред тобой, мой архипастырь и отец, я, взысканный любовью твоей, уже твой друг и священник православный, счастлив поднести тебе от твоего детища – японской паствы – драгоценный крест, благодатной силой которого ты кротко победил зло и привел нас ко Христу».

И радостно воспела тогда вся Японская Церковь хвалебный гимн Христу Богу, воздвигшему от сени смертной верой и трудами Владыки Николая тридцать три тысячи душ.

Уже семидесятишестилетним старцем почувствовал Владыка приближение смерти и спокойно стал готовиться встретить тихий закат своей труженической жизни. В 1911 году, в январе, Владыка Николай так заболел, что вынужден был позволить перевезти себя в госпиталь в Цукидзи, и с его отъездом опустела, замерла Миссия. Все ждали, скоро ли возвратится он – ясное солнышко – к своему делу. Владыка действительно 23 января вернулся в Суругадай, чтобы на смертном одре успеть перевести Цветную Триодь на японский язык. Но дни его жизни были сочтены, и он сам, сознавая близость своей кончины, поспешил, лежа на смертном одре, закончить отчет и донесение в Святейший Синод о состоянии Духовной миссии в Японии, и до самой кончины Владыка заботился и давал распоряжения относительно церкви, школ и проповедников.

День 3 февраля 1911 года был для Японской Православной Церкви днем печали и скорби. В этот день мирно отошел ко Господу апостол Японии – архиепископ Николай.

9 февраля совершилось отпевание и погребение его. Среди множества венков, возложенных на его гроб, выделялся венок японского императора – это единственный случай в истории Японии, когда императорский венок был возложен на могилу иностранца. Впрочем, в Японии давно уже стали считать архиепископа Николая своим, родным, близким.

Когда десять лет тому назад после землетрясения восстанавливали в Токио сломанные мосты через реку, то решено было новый мост провести от православного собора, называемого по-японски «Николаи», через большой канал – реку, называемую Очана мидзу, до храма почитаемого японского бонзы. И в токийском муниципалитете обсуждался вопрос о том, как назвать новый мост. Хотели назвать его «Николаи», но тогда обидно будет почитаемому бонзе. И решили назвать «Мост святых», ибо в Японии не только у православных, но и у язычников-японцев память Владыки Николая почитается как память святого.

После его смерти осиротела его паства. Но дело его не умерло, нет. И теперь, в годы тяжких испытаний и невзгод, оно развернулось снова в ярком блеске. Во главе Церкви встал Владыка Сергей (Тихомиров), бывший викарием Владыки Николая с 1908 года.

Конечно, всероссийская беда, всеобщее разрушение всей церковной и государственной жизни нашей Родины не могло не отразиться на положении православных заграничных миссий, получавших моральную и материальную помощь от Матери – Церкви Российской. Но в Японской миссии не только прекратилась эта русская помощь, но и то, что оставалось от прежних лет благополучия, было разрушено и разорено страшным землетрясением, разразившимся над столицей Токио 1 сентября 1923 года.

Землетрясение разразилось в 12 часов дня с ужасающей силой. В короткое время было разрушено три четверти всего города: то, что было пощажено землетрясением, сгорело в страшном пожаре, возникшем во многих местах одновременно, так как во всех японских домах разрушены были печи, на которых как раз в это время японцы готовят обед. Тушить пожар было невозможно, ибо водопровод лопнул. Многие места огонь охватывал сразу с нескольких сторон, и в огне погибли жители многих кварталов столицы.

Не пострадали в Токио тогда два почитаемых места: храм-памятник Мейдзи и кладбище около Уено-парка, где находится могила архиепископа Николая. Как раз в это время православные японцы предполагали поставить над его могилой новый памятник, и потому могила

Владыки была окопана рвом, около этого рва собралось множество народа, и ни пожар, ни землетрясение не коснулись его.

Я был в Токио через месяц после землетрясения, был на огромной площади Хонджо, где видел несметные горы костей – пятьдесят восемь тысяч скелетов, сложенных пирамидами. Все это останки людей, погибших на этой площади во время землетрясения. Из всего этого множества народа спасся только один мальчик, которого подняло ветром и бросило в реку Хонджо.

Когда через месяц после землетрясения мы с Владыкой Сергием подошли к этому страшному месту, к нам обратились с просьбой о молитве православные японки, скорбевшие над костями своих близких родных, и мы с Владыкой молились над этими грудями костей, где были сложены вместе останки и христиан и язычников, и православных и инославных. Японцы, окружавшие нас, пережившие эту ужасную национальную трагедию, молились вместе с нами.

Впоследствии над костями был воздвигнут памятник-храм, в котором каждый может молиться о своих родных и близких. Там всегда курится фимиам над могилами в колоссальных урнах и никогда не прекращается паломничество туда.

Православная Церковь в Японии пострадала от последствий землетрясения ужасно: был разрушен и сгорел прекрасный Токийский собор, центр Православия в Японии. Миссия и Церковь оказались в ужасном положении, лишившись всего скопленного в течение десятилетий на добрые жертвы православной России имущества.

Раздавались голоса скептиков и маловеров, думавших, что собор никогда не восстановится, что центр Православия в Японии обречен на умирание без помощи России.

20 октября 1923 года был созван экстренный Собор Православной Японской Церкви. И Собор этот постановил – возрождаться.

Архиепископ Сергей начал подомовный объезд всех православных японцев по всей стране. С сентября 1924 года по июнь 1927 года он объездил всех, а потом снова начал такой же объезд. Побывал во всей Японии, побывал и в Корее, и в Маньчжурии.

Японцы широко откликнулись на призыв своего Архипастыря. Несли и гроши, и тысячи. Собирали сами: и знатные дворянки, и простолюдинки, по сотням и по копейкам. Собрали в течение шести лет двести сорок тысяч иен (более двух миллионов франков приблизительно).

Но не только деньги – и души человеческие, сокровище во много раз более ценное, – притекали к Церкви Христовой за время поездок по

своей пастве Владыки архиепископа Сергия. Силой своей вдохновенной проповеди, своих неустанных трудов все более и более привлекал Владыка Сергий сидящих во тьме, но чистых сердцем людей к свету Евангельскому.

И вот 15 декабря 1929 года славным венцом были увенчаны эти самоотверженные труды. Слава Господня вновь осияла благолепный, более прекрасный, чем прежде, токийский собор, и высоко над живописной столицей Японии вознес он свой крестом осененный купол.

Радостно звонили новые колокола собора – добрая жертва Польской Православной Церкви, радовались мы – русские гости из Харбина, еще больше радовались верные добрые сыны Святой Церкви Японской, но превыше всего духовно торжествовал и радовался Ангел Церкви Японской – Высокопреосвященный Сергий.

Даже язычники радовались: «У Николая торжество, опять раздался звон Николая», – говорили они, так как в Японии «Николаем» называется все православное.

После освящения собора, после литургии там был радостный акт, на котором Владыка Сергий с вдохновенным словом обратился к собравшимся:

«Возлюбленные братья и сестры, спала с сердца тоска, давившая его с 1 сентября 1923 года. Господу, Благодателю нашему, слава.

Осуществилось то, о чем страшно было и во сне мечтать: мы опять имеем собор. Господу, Благодателю нашему, слава.

Господь внушил Церкви нашей в октябре 1923 года твердую решимость: восстановить собор. Ему – слава.

Господь раскрывал сердца ваши и карманы ваши во время сборов на собор с 1925 года по сегодня. Ему – слава.

Господь не отверг наших даров Ему и не возгнушался наших нечистых рук. Ему – слава.

Церковь Японская, познай свое ничтожество и преклонись перед Благодателем, с головы до ног покрывшим тебя милостями. Ему, Ему, нашему Благодателю, и прежде, и теперь, и после в нетленные века – слава и благодарение.

Но глаза мои видят и сердце мое радуется радостью, что сюда на наше историческое торжество притекли чада Японской Церкви от запада и севера, и моря, и востока. Счастливы вы, братья и сестры, что вас Господь избрал быть орудиями восстановления сего великолепного собора.

Но Господь не насилем брал средства ваши на собор. Вы свободно по сердечному расположению давали – и от избытков своих, и от ску-

дости своей – Господу. И я не могу удержаться, чтобы с восхищением не поведать миру о вашем жертвенном подвиге.

Спасибо вам, общины, давшие и раз, и два, и три раза.

Спасибо вам, отдельные братья и сестры, дававшие и единожды, и дважды, и трижды.

Спасибо вам, общины, дававшие сотни, тысячи, даже десятки тысяч.

Спасибо вам, братья, сестры и общины, давшие иенами, десятками и сотнями. Пять иен от сердца не ниже пред Богом и пяти миллиардов.

Спасибо вам, безымянные сотни, безымянные десятки, безымянные полтинники: Бог знает ваши имена.

Спасибо тебе, четырехлетка Давид, давший на собор два сена (2 копейки), – не беспокойся: собор готов*.

Спасибо вам, кои давали и плакали, плакали слезами надежды и радости или слезами радостной надежды. Утрите слезы ваши: вы видите, чем Бог нас благословил. Собор воскрес во славе большей.

Спасибо глубокое и тебе, русская святая душа, которая поддержала мои руки, будучи сама без родины или в беженстве.

Всем спасибо, с поклоном земным. Радуюсь за всех и поздравляю всех. Вы – Божии избранники. Через вас совершил Бог чудо.

Сказал я: чудо совершил Бог. Ибо кто из нас мог бы и подумать, что мы – малая и юная Японская Церковь – можем сделать то, что мы сделали. Но Премудрый Архитектор усмотрел новый, чудный материал для постройки собора: не гальку, не песок, не цемент, а крепкую как скала веру юной Церкви, непоколебимую ее надежду на помощь Божию и поразительную широкую жертвенную любовь юной Церкви.

Это они: вера, и надежда, любовь – и все три в атмосфере святого мира строили собор.

Братья и сестры. И это от Бога. Вера, надежда, любовь, мир – от Бога. Богу паки и паки благодарение и слава.

* – Папа, архиепископ говорил в Церкви, что если кто даст Богу на собор, Бог воздаст сторицею. Я хочу отдать все свои деньги Богу на собор, – говорил четырехлетний Давид Аказава отцу.

– Хорошо сделаешь. Отдавай, помоги отремонтировать собор, – ответил отец. Мальчик порывлся в своих вещах, нашел две монеты по 1 сену и, красиво завернув по-японски в бумажку, положил перед иконами на божницу: на собор.

А после он беспокоился может ли архиепископ кончить ремонт, если соберет 10 иен. Детская ангельская лепта от чистого сердца.

Собор готов, а впереди-то сколько работы. Подумать только. Мы должны будем теперь день за днем строить живой собор православных душ человеческих.

Да и одна ли работа церковная перед нами впереди? Мир мятется. Переоцениваются ценности. Ниспровергаются троны. Перечеркиваются карты мировые. Бьют волны разных ядовитых течений о берега нашей островной империи. Но она как один стоит около Трона. И не рай ли сейчас Япония среди стран всего мира?

Однако вспышки духовной чумы время от времени бывают и у нас в Японии.

Братья и сестры. С верой в помощь Божию, с надеждой на конечный успех, в атмосфере жертвенной любви все до единого поднимемся на строение живого собора православных душ.

Ложечка соли дает вкус пище. Фунт соли предотвращает пищу от гниения.

Сорок тысяч православных, триста тысяч всех христиан в Японии – не ложечка ли это соли? Да, только ложечка на семьдесят миллионов населения.

Удвоим, утроим, удесятерим наши усилия. Поработаем в тридцать, в сорок, в сто раз энергичнее. Будем иметь не сорок тысяч, а четыреста тысяч. Тогда мы поистине явимся той солью, которая остановит гниение, если оно началось, и не даст загноиться здоровой молодежи.

Святые миллионы преданных империи лояльных христиан – вот девиз нашей работы в будущем.

Бог нам в этой святой работе в помощь. Аминь».

Но и после окончания возрождения собора православная работа в Японии не остановилась.

Продолжает свои ежегодные объезды православных в Японии Владыка Сергей, ныне митрополит Японской Церкви, продолжает он вести беседы, читать лекции, проповеди в церквях и различных залах по всей стране. И добрые семена ложатся на добрую почву и дают святой всход.

В Токио и других городах, когда около церкви, по японскому обычаю, вывешивают большой фонарь с надписью иероглифами на нем, что сегодня в церкви будет проповедь архиепископа, множество японцев, не только православных, но и язычников, стекаются в церковь.

Проходит мимо профессор; видит – на фонаре иероглиф: тема проповеди. Останавливается, задумывается – и заходит в церковь. Приходят и студенты, и прачки, и рикши, и купцы, и крестьяне – мужчины

и женщины. Отныне они становятся постоянными посетителями этого прекрасного храма, где раздается такое сильное, такое вдохновенное слово.

И роняются добрые словесные семена на благодатную почву японских душ.

В настоящее время в Японской Церкви сорок тысяч православных христиан, около пятидесяти священнослужителей, несколько десятков проповедников, два (немноголюдных, правда) учебных заведения для подготовки пастырей, много детских школ при церквях. На содержание всего этого тратится до пятидесяти тысяч иен ежегодно (около четырехсот тысяч франков). И все эти суммы собираются исключительно среди самих же православных японцев. В этом коренное отличие Православной миссии от миссий инославных, содержащихся за счет помощи других государств.

Растет и ширится Православная Церковь в Японии. Ежегодно в среднем принимают Святое Крещение до пятисот человек. Видно, коснулся Господь Бог огнем благодати Своей глубоких глубин японской души.

3. Китай, Япония и Маньчжу-Го

«Восток есть Восток, а Запад есть Запад»³³, – с прискорбием констатировал когда-то сын Британии Редьярд Киплинг, знаток индийского Востока. С прискорбием пришел он к заключению, что невозможно достигнуть полного понимания между этими двумя великими полюсами человеческого духа, человеческой культуры, как невозможно периодическую дробь превратить в десятичную без досадного мешающего остатка.

Но есть какие-то нити, нити настроений и знамений, протягивающиеся от Востока до Запада, общие и тому и другому. И некоторые параллели проводить можно.

То, что для Индии – Ганди, для Италии – Муссолини, для Германии – Гитлер, для Японии теперь – генерал С. Д. Араки, для Китая был доктор Сун-ят-сен.

Но если Муссолини, Гитлер и Араки – олицетворение напора, силы и активности, то вожди двух великих народных колоссов – Китая и Индии – гораздо более склоняются к роли не динамических, а статичных вождей своих народов, к роли философов, наставников типа Сократа или Конфуция, а не Наполеона или Александра.

Роль Конфуция более всего привлекала к себе доктора Суна. Этот спокойный образ философа, безмятежно, вдали от шумных и грязных волн жизни творящего свои бессмертные наставления для правителей и монархов, наставления, которым все не по принуждению, но вольно и охотно повинуются, тот образ, который пленял когда-то и великого Платона, этот образ был всего более по душе отцу китайской революции. Но как раз эта-то мечта в его жизни и не исполнилась.

Ему привелось стать не философом, а революционером, не Конфуцием – утвердителем доброго государственного строя, а прежде всего разрушителем и ниспровергателем.

История его жизни несложна. Еще мальчиком он принял крещение в одной из протестантских миссий, окончил американскую миссионерскую школу, потом получил высшее образование в Гонолулу.

Христианство его очень своеобразно. Есть отдельные моменты в жизни молодого Сун-ят-сена, которые говорят о его глубоком религиозном чувстве.

Огромной силой дышит его первая противоязыческая проповедь в родной деревне, когда он, вывертывая палец местному идолу, восклицал перед ужасающимся народом:

«Смотрите, в кого вы веруете. Это деревянные куклы. Хорош бог, который не может защитить самого себя! Как же этот идол может помочь вам в ваших нуждах? Пусть, если он в силах, он помешает мне выкручивать ему палец. Нет, он даже не в состоянии скорчить гримасу» («Китай как он есть». Л. Арнольдс).

За такие миссионерские выступления молодой Сун должен был оставить родные места и бежать в далекие страны.

Потом, уже совсем взрослым человеком, в разгаре политической борьбы, принесшей ему известность и славу, когда он был заключен в подвале китайского посольства в Лондоне, откуда выбраться он не имел никаких шансов и должен был ждать неминуемой смерти, он обратился с молитвой к Богу. Как он сам писал впоследствии, он семь дней горячо молился Богу, пока на седьмой день не почувствовал, что у него словно гора свалилась с плеч, что он будет спасен. Действительно, спасение в виде заступничества Британского правительства неожиданно пришло к нему.

Даже в самом зените своей славы он так или иначе был связан с христианством, и под его влиянием в христианство обратились и семья его второй жены – г-жи Сун-чин-лин, и генерал Чжан-кай-ши.

Но христианство у Сун-ят-сена носило совершенно своеобразный характер и походило на христианство его духовного предка вождя тайпингов³⁴ Хун-сю-чена, как известно провозгласившего себя в середине прошлого века младшим братом Иисуса Христа, воплощением Небесного Духа.

Вместе с проповедью против язычества Сун-ят-сен вел проповедь против маньчжурского императорского дома. Его горячая проповедь, его революционная работа увенчались успехом: в 1911 году императорское правительство Китая ушло от власти и в Китае была провозглашена республика с президентом – доктором Сун-ят-сеном во главе. Но лично его торжество длилось недолго. Чтобы закрепить свои позиции, революционеры желали добиться официального отречения императора от престола. А это отречение представители царствующей династии Цинов дали только ценой отстранения от главенства страной доктора Суна и возведения в президентское достоинство генерала Юан-ши-кая.

Доктор Сун был отстранен от управления государством, но пред отставкой он пожелал известить об этом важном событии, по древнему китайскому обычаю, духов предков последней национальной китайской императорской династии – Минов. Странно сочеталось при этом в Суне его своеобразное христианство с выполнением чисто языческой анимистической церемонии.

И вот Сун-ят-сен снова на родном юге, в том кипящем, волнуемом котле политических страстей, интриг и предприятий, который некогда породил его, – в г. Кантоне. Около него группируется плеяда сотрудников, пропитанных его идеями, горящих желанием осуществить эти идеи. Это ядро партии Гоминдан, национальной радикальной партии. Но партия эта до 1922 года была маленьким, неопытным ребенком, не умевшим стоять на собственных ногах.

Воспитателями этого ребенка неожиданно оказались сначала отечественные – китайские, а потом и заграничные – московские коммунистические политруки.

В 1922 году власть в Пекине в центральном китайском правительстве захватил в свои руки клуб Аньфу³⁵, т. е. китайская монархическая партия, и китайские революционеры с ужасом увидели страшную для себя возможность восстановления древнего трона Богдохана³⁶ в Китае. Это событие надолго соединило доктора Сун-ят-сена и его молодую партию Гоминдан с китайской коммунистической партией.

Последняя выступила с официальной декларацией, выясняющей основные принципы странного и, казалось бы, противоестественного союза национальной партии и партии интернационалистов.

Декларация эта, выработанная в Москве, гласила:

«Единственным выходом для нас является присоединиться к борьбе демократической партии Гоминдан против остатков монархизма и феодализма. До момента захвата власти в свои руки китайская коммунистическая партия в учете всех наблюдаемых в Китае явлений считает, что насущной задачей пролетариата являются совместные действия с демократической партией в целях образования единого фронта революции для борьбы за свержение военщины».

В Кантон прибыли Бородин и около шестидесяти натренированных московских политруков, и вскоре почти все профессиональные союзы Китая оказались в коммунистических руках и в партию Гоминдан были влиты кадры подлинных коммунистов. Между прочим, среди военных коммунистических инструкторов в Китае работал известный впоследствии командир Дальневосточной Красной армии Блюхер.

Таким образом крайний юг оказался в руках двух красных партий – Гоминдана и коммунистов, действовавших согласованно.

Как раз в процессе этого противоестественного соединения в Пекине умер от рака доктор Сун-ят-сен.

Его преемниками оказались два человека – кабинетный политический деятель Евгений Чен и командир южной Кантонской армии – генерал Чжан-кай-ши.

Последнее имя особенно выпукло выделяется в истории Китая за последние годы. Сын деревенского купца, член партии Гоминдан, с первых дней ее существования принимавший ближайшее участие в революции 1911 года, ближайший сотрудник доктора Сун-ят-сена, Чжан-кай-ши не любит рекламирования, но именно ему более всего обязан Китай тем, что избежал донныне самых худших последствий той политической анархии, которая царит в этой стране.

После смерти Сун-ят-сена положение Китая было очень тяжелым и сложным. Страна представляла собой картину полного разложения на мелкие части, небольшие владения различных самостоятельных правителей, так называемых дудзюней.

Маньчжурия и часть Чжили со столицей Пекином принадлежали самому сильному дудзюню – маршалу Чжан-цзо-лину, принявшему титул Верховного Правителя страны.

Мне приходилось неоднократно встречаться с маршалом Чжан-цзо-лином, когда он жил в г. Мукдене во дворце маньчжурских императоров. Этот старый маршал очень дружелюбно относился к белым русским.

Маршал ежегодно пышно праздновал день своего рождения, на который съезжались всевозможные сановники и купцы со всего Китая и Маньчжурии, а также и князья монгольские. Дворец маршала в этот день напоминал мне ставку древних ханов. Все внутренние дворы маршальского дворца были заполнены пестрыми, разноцветными представителями китайско-монгольской нации, которые несли с собой многочисленные дары – живописные материи, дорогие сорта чая и т. п., предназначенные как для самого маршала и его двора, так и для местных бедняков. Я привез маршалу подарок от детей приюта «Русский Дом»: сделанный детскими руками ящик с прибором китайской туши и кистей для письма. Возвратившись домой, я получил от маршала письмо по обычаю в красном конверте, написанное той же тушью и кистью. Письмо было в чисто китайском стиле. Вот его перевод:

«В день моего рождения я был преисполнен величайшей радости за высокую честь, оказанную Вами мне.

В теплый февральский день – день рождения цветов – я получил от Вас пожелание, чтобы я стал так бессмертен, как бессмертно божество, живущее на Пэнлайском острове.

Ваш драгоценный подарок, сделанный руками чистых детей, вполне может конкурировать с костным мозгом феникса (райской птицы) и светлой радужной лампадой Чжоуской династии³⁷, а также с прекрасной драгоценной тканью древности.

Ваше внимание ко мне так велико, и подарок так драгоценен, что мне чрезвычайно совестно получать все это от Вас.

Я уже не так крепок, как крепка в своем росте пальма.

Годы мои идут вперед, но я прошу у Создателя еще год жизни для того, чтобы научиться добрым примерам и чтобы мог исправить свои жизненные ошибки.

Прошел еще один год моей жизни, но я напрасно его прожил, ничему не научившись.

Мне и так стыдно, что я для народа не сделал ничего хорошего, а между тем Вы еще удостоили меня своей похвалой.

Мне тем более стыдно, что Вы лично посетили меня, а я не мог, быть может, достойным образом принять Вас в Вашем высоком служении (сане) и не в силах был ответить, как это следовало бы, на Ваш заздравный бокал по достоинству Вашему.

Прошу принять мою сердечную благодарность настоящим письмом.

Желаю Вам счастья, маршал Чжан-цзо-лин».

Провинция Шань-дунь, наиболее богатая и густонаселенная, принадлежала маршалу Чжан-цзу-чану, в войсках которого одно время служило много русских военных.

Центральной частью Китая, долиной Ян-цзы и важнейшими портами – Шанхаем и южными гаванями – владел маршал Сун-чуан-фан, третий из числа членов триумвирата дудзюней. Провинцией Шань-си владел маршал Ен-си-шань, не входивший ни в какие группировки и вообще старавшийся не принимать участия в делании «большой» политики. Наконец, на крайнем западе Китая, на границах с Монголией, пребывал и доньше пребывает маршал Фын-ю-сян, так называемый «христианский генерал», типичный политический янус. Будучи сам дудзюнем, феодальным владельцем раздробленного Китая, он в 1927 году принимал участие в борьбе против дудзюната, в то же время действуя и против национального правительства. Будучи тесно связан с советским правительством, он, однако, в 1927 году при расколе в партии Гоминдан по вопросу об отношении с советами становится на сторону Чжан-кай-ши, рвущего китайско-советские отношения. В 1933 году в разгар напряженной борьбы с японцами, когда центральное правительство Китая, видя полную невозможность этой борьбы, вступает в переговоры с Японией, маршал Фын-ю-сян неожиданными и блестящими успехами в действиях против японцев снова взбудораживает национальное самолюбие китайцев, но тем только мешает действительному замирению края, так как успехи его оказались очень кратковременными, а отношения между сторонами они только запутали.

На юге Китая, а провинции Гуан-дун с центром в Кантоне, находились владения партии Гоминдан и ее союзников – коммунистов.

Вся эта раздробленная страна представляла собой арену непрерывных войн и смут.

10 июля 1926 года Кантонское соединенное правительство двух красных партий объявило войну северянам. Гоминдан полностью исполнял при этом инструкции своих московских друзей. Впереди армии двигались отряды агитаторов, проникавшие в армию противника, в города, занятые северянами. Успех в этой войне у кантонцев был совершенно неожиданный, колоссальный. В короткий срок они заняли огромное пространство земли до Ян-цзы и совершенно вытеснили маршала Сун-чуан-фана из его владений. Многие города, и между ними Шанхай, были заняты не армией, а внутренним восстанием, подготовленным хорошо тренированными агитаторами.

Войска северян терпели одно поражение за другим, отступая форсированным маршем, северные войска целыми армиями переходили на сторону южан. Газеты не успевали отмечать ежедневные успехи кантонского правительства. Вскоре это правительство провозгласило себя центральным национальным китайским правительством. Почти весь Китай оказался сосредоточенным в его руках.

Героем этой победоносной войны был главнокомандующий южной армии – маршал Чжан-кай-ши.

Огромная и важная задача предстояла ему как раз в это время. В результате его побед партия Гоминдан оказалась распорядительницей судеб всего Китая. Но вместе с партией Гоминдан общие лавры делили и коммунисты, причем московские газеты так и отмечали успехи Кантонского правительства как свои собственные.

Между тем новое положение партии и руководимого ею правительства требовало более четких линий поведения.

После захвата доминирующего положения в стране партией Гоминдан и самому Китаю, и связанным с ним державам необходимо было знать, что значит новая перемена в государстве: образование ли национального Китая или создание нового, китайского СССР.

Бунт в Ханькоу, когда там была сокрушена британская концессия, захват Шанхая с разрушением миссии и православной церкви там, убийства иностранцев и особенно миссионеров, забастовка рабочих в Шанхае по приказу Цека профсоюзов, страшная резня 23 марта 1927 года в Нанкине³⁸ – все, казалось, говорило за последнее, за то, что Гоминдан – это только новый псевдоним, новая фирма ленинизма, что дальнейшим этапом явится создание нового СССР – Китая.

Вот эта-то, казалось, неизбежная опасность и была предотвращена усилиями Чжан-кай-ши.

18 апреля 1927 года Чжан-кай-ши создал самостоятельное правительство, порвал всякую связь с Бородиным и расстрелял целую группу китайских коммунистов, пытавшихся организовать антииностранные беспорядки в Шанхае.

Партия Гоминдан была расколота надвое, но Китай оказался спасенным от ужаса коммунизма. На стороне Чжан-кай-ши в этом вопросе стали все те же развитые круги китайской общественности и сильное китайское купечество, которые были напуганы чудовищными вспененными волнами гоминьдановской революции.

Отход Гоминдана от всякой связи с коммунистами, обуздание черни и переговоры, начавшиеся между новым нанкинским правительством

вом и представителями иностранных держав, заставили иностранцев не противиться дальнейшему росту успехов нового правительства, и 5 июня 1928 года, заняв Пекин, Чжан-кай-ши объединил в своих руках весь подлинный Китай. Вскоре к этому объединению присоединилась и Маньчжурия, и другие внешние провинции Китая.

Но на юге в мятежном бурливом Кантоне отдельное гоминдановское правительство левого крыла партии не желало признать нового диктатора и его умеренную политику, да в центральных провинциях Китая зрело семя, посеянное дружбой Сун-ят-сена с московскими друзьями: свирепствовала страшная китайская коммунистическая партия.

Решительные меры Чжан-кай-ши, порвавшие цепи, связывавшие китайскую национальную партию, привели к полному крушению тех планов, которые предносились в умах китайских коммунистов: планы захвата всего Китая в свои руки.

Но, потерпев неудачу во всекитайском масштабе, коммунисты решили действовать по местам. В декабре 1927 года произошло страшное, кровопролитное коммунистическое восстание в Кантоне, в результате которого город временно оказался во власти коммунистов.

В Кантоне была объявлена советская власть, и началась кровавая оргия. Были сожжены банки, магазины, убито множество представителей зажиточного класса.

Восстание это было с трудом подавлено соединенными усилиями гоминдановских правительств: кантонского и нанкинского. После этого восстания кантонская группа партии Гоминдан также увидела себя вынужденной порвать связь с коммунистами, но вполне подчиниться центральному нанкинскому правительству левая группа Гоминдана все-таки отказалась.

С Москвой оба правительства после кантонского события порвали окончательно. Все иностранные коммунисты были высланы из страны, а свои коммунисты расстреляны. Меры эти были очень благодетельны, но несколько запоздалы.

Внутренние части провинций – Ху-нань, Цзян-си, Гуан-дун, Фудзянь и Ань-гуй – оказались захваченными коммунистами, и там провозглашена была Советская республика Китая. Границы ее владений очень изменчивы, текучи, то расширяясь, то сокращаясь в борьбе с правительственными войсками, но территория, захваченная коммунистами, чрезвычайно огромна. И по площади, и по числу населения она равняется Франции, Италии и Германии, вместе взятым.

Несколько лет тому назад в г. Цзю-цзяй был созван съезд представителей компартии. Китайская красная армия была разделена на шесть корпусов, в каждом корпусе – три дивизии, дивизия делится на три бригады, в бригаде три полка четырехротного состава. При каждой бригаде существует учебная команда, эта команда пополняется новобранцами из захваченных районов и, не принимая участия в боевых действиях, готовит регулярную быструю смену выбывающим бойцам. При каждом корпусе существует военное училище для подготовки офицерского состава из выдающихся красноармейцев и студентов или китайских комсомольцев.

Первый корпус китайской красной армии летом 1932 году насчитывал сто двадцать тысяч солдат при тридцати семи тысячах винтовок, восьмидесяти пяти пулеметах и восьми полевых орудиях. Остальные пять корпусов несколько слабее.

Трудность борьбы с коммунистами заключается в том еще, что они ведут с национальным правительством партизанскую борьбу, используя опыт партизанщины в России.

Между прочим, командный состав в китайской красной армии состоит по большей части из тех юнкеров военного училища, которые в период тесного единения Гоминдана с компартией проходили курс обучения в военной академии Вампоа, созданной Сун-ят-сеном. Используют коммунисты в качестве подсобных отрядов и группы китайских девушек-комсомолок, организуют отряды и мальчиков лет тринадцати-четырнадцати, которые ведут главным образом агитационную работу: расклеивают коммунистические плакаты, распространяют советскую литературу.

Борьбу с красной опасностью ведет маршал Чжан-кай-ши. Перевес в этой борьбе постоянно колеблется. В 1931 году в провинции Цзяньси красным был нанесен ряд поражений. В 1932 году Красная армия отступила к границам Сы-чу-аня, но в тылу у правительственных войск вспыхнули восстания, руководимые красными партизанами. В 1933 году красным удалось захватить ряд важнейших центров на юге Китая – Нань-чанг, Фу-цзяо и других – и выйти к берегам Ян-цзы, движение по которой коммунисты прерывали несколько раз.

Такое беспокойное, постоянно меняющееся положение в китайском государстве не могло не вызвать тревоги в Японии, которая является гегемоном Дальнего Востока.

Постоянно усиливающееся влияние коммунистов в Китае и в южной Азии нарушало самые жизненные интересы Японии: островная им-

перия могла очутиться совершенно изолированной перед лицом материка, сплошь захваченного коммунистическими образованиями.

Щупальца коммунистических агитаторов широко простерлись по Азии, захватывая все большие и большие районы. Эти щупальца заметны и в Индонезии, и на Малайском архипелаге, и на южных океанских островах. Вся эта огромная область бассейна Тихого океана является как раз той сферой, на которой думает совершать свой исторический путь Япония, и естественно, что первой, важнейшей своей задачей ставит она упорную борьбу за преобладание в Азии с враждебными ей влияниями коммунистов, с империализмом СССР.

Первую решительную победу в этой борьбе одержала Япония на полях Маньчжурии. К Маньчжурии притягивали Японию с самых давних лет тысячи нитей, множество самых жизненных интересов. Уже в течение трех десятков лет узенькая полоска японских владений – Южно-маньчжурская железная дорога – проходит в самом сердце Маньчжурии. Маньчжурия богата всевозможными естественными богатствами: зерном, лесом, углем, железом, шерстью – всем тем, чем так бедна Япония. Маньчжурия богата незаселенными пространствами, могущими дать выход населению Японских островов. Маньчжурия, наконец, составляет тыл Японии со стороны материка, не имея которого Японская империя не может быть спокойна за свою будущность.

Историческое прошлое Маньчжурии пестро и для широких кругов малоизвестно. Несколько раз эта страна переживала периоды роста и могущества и столько же раз впадала в пропасть безвестности. Королевство Бохай³⁹, царство чжурчженей⁴⁰ и, наконец, империя Маньчжоу – вот периоды высочайшего взлета страны, называемой Маньчжурия по имени последнего народа.

Как известно, в середине XVII века народ Маньчжоу покорил Китай и основал династию Цинов, царствовавшую в Китае до начала XX столетия. Благодаря тому, что все способное носить оружие население Маньчжурии из поколения в поколение призывалось на службу под знамена императора, национальное маньчжурское население Маньчжурии все уменьшалось, хлынувшая же могучая волна китайских переселенцев затопила остатки маньчжурского народа. К настоящему времени в Маньчжурии более тридцати миллионов населения, из которых китайцев около двадцати миллионов, маньчжур семь миллионов, корейцев три миллиона, монголов, русских и японцев по несколько сот тысяч.

Но из остающихся семи миллионов маньчжур едва ли шестая часть сохранила свое национальное лицо и говорит по-маньчжурски, при-

чем из числа говорящих по-маньчжурски большая часть принадлежит диким охотничьим племенам. Основная же часть маньчжурского населения в Ашихейском, Нингутинском и других уездах к востоку от Харбина совершенно забыла свой язык и говорит по-китайски. Но сознание своей национальности и стремление к независимости живет и в этих китаизированных маньчжурах.

Так же националистичны и свободолюбивы и монгольские племена, живущие на западе от Харбина, не порвавшие до сих пор некоторой воинственности.

Бедствия, которые переживали эти слои населения Маньчжурии, явились для Японии благоприятной причиной для начала борьбы за освобождение Маньчжурии.

Политически Маньчжурия издавна уже была отделена от прочего Китая, управляемая династией генерала, потом маршала Чжан-цзолина. При этом чрезвычайно мудром и осторожном правителе население Маньчжурии пользовалось относительным благополучием.

Впоследствии это относительное благополучие прекратилось. У последующих властителей Маньчжурии испортились отношения со всеми слоями населения, испортились отношения и с могучим соседом – Японией.

И вот 18 сентября 1931 года сепаратистские тенденции, которые жили и живут в сердцах маньчжуров, получили возможность выживиться: началась борьба за освобождение Маньчжурии и официальным актом 16 февраля 1932 года была провозглашена независимая Маньчжурия – Маньчжу-Го. Столица этого государства – город Син-цзин (прежде именовавшийся Чань-чунь). Во главе государства стоит верховный правитель – Его Величество Пу-и, бывший китайский император. В период революции и изгнания молодой Пу-и был спасен от революционеров усилиями одного англичанина и японцев, принял англиканство с именем Генриха и ныне управляет страной своих державных предков. Хотя он не носит еще официально титула императора, но, вероятно, провозглашение его таковым состоится в ближайшем будущем.

По отношению к русским эмигрантам новое государство проявило большую заботливость, и эмигранты приравнены в правах к маньчжурским подданным. Флаг нового государства – на желтом поле четыре полосы – знаменует тесное единение пяти народностей, входящих в состав нового государства.

Рождение этого государства происходило в тяжелой обстановке всемирной гражданской войны. Для нас, русских жителей Маньчжу-

рии, эти события во многом напоминали условия жизни 1917–1918 годов. Японские войска подходили к Харбину, на горизонте рвались снаряды, по ночам слышалась оживленная перестрелка.

Наконец, 5 февраля 1932 года Харбин был взят японскими войсками. При этом японцы, гоня противника через весь город, не дали ни одного выстрела в черте города и на городской территории не пострадал ни один мирный житель.

Но еще долго шумела буря войны то на восточной, то на западной линии КВЖД, то на юге нового государства в провинции Жехэ. Пламя это не погасло до сих пор. Военные аэропланы до сих пор реют в воздухе, тяжелые танки и броневые автомобили до сих пор громят, ползут по пыльным маньчжурским дорогам, и хотя официально войны нет, но десятки, сотни и тысячи людей ежемесячно оплачивают своими жизнями тяжелый ход мировой истории.

Впрочем, уже с весны этого года в японо-китайских отношениях замечаются и значительные просветления. Закончившиеся в начале лета 1933 года переговоры между представителями Китая и Маньчжу-Го об установлении мирных отношений между названными государствами, являются фактором большого значения, несомненно, весьма чреватого своими последствиями. Эти переговоры, происходившие в Дайрене, станут той отправной точкой, с которой начнутся заметные сдвиги во взаимоотношениях между Китаем и Японией, интересы коих были всегда тесно связаны, хотя сложившееся по-разному их историческое прошлое мешало им сблизиться.

Победоносный подход японской армии к окрестностям Пекина и возможность такого же ее дальнейшего беспрепятственного шествия по всему Китаю побудили правительственные круги Китая, изверившиеся наконец в своих надеждах на помощь Лиги Наций и в посулах САСШ и СССР, в спешном порядке заключить соглашение о перемирии с Японией, которое было недавно подписано в Дайрене путем непосредственных переговоров, а не с участием третьих лиц, как это по началу развертывающихся событий намечалось Китаем.

Правительство Китая наконец пришло к убеждению, что дальнейшее сопротивление Японии в ее мероприятиях в Маньчжурии будет безуспешно и может еще более усложнить и без того тяжелое внутреннее положение страны. Оно поняло наконец, что расчеты на Лигу Наций и на отдельные государства Европы и Америки являются лишь фикцией, далекой от реальной действительности, так как ни одна держава не решится на активную поддержку Китая, даже при всем желании, в си-

лу переживаемых каждым государством собственных внутренних финансовых и политических кризисов.

К тому же среди будируемой против Японии части китайской общественности, в частности среди китайского купечества, являющегося в Китае нервом и центром его жизни, давно уже намечается сдвиг в пользу установления с Японией дружественных отношений. Объявленный при деятельной поддержке китайских правительственных кругов бойкот японских товаров, собственно, всегда был чужд китайским массам, в душе прежде всего торговцам, и прививался бойкот лишь насильственным путем. При первой же возможности, как только начало меняться общее настроение общества, китайские коммерсанты и само население начинают отказываться от применения бойкота, ибо этот бойкот наносит вред прежде всего именно китайской торговле.

Недавно морской министр Японии в заседании кабинета министров констатировал, что, по донесениям командиров судов 3-й эскадры, крейсирующей в водах Ян-цзы, наблюдается оживление с продажей японских товаров и что антияпонские настроения заметно улеглись.

Такой поворот в настроениях Китая, несомненно, будет использован Японией, государственные деятели которой давно настойчиво и твердо стремятся к возможно более тесному сближению с Китаем. В данном случае Дайренская конференция является началом завершения их усиленной деятельности, тянувшейся на протяжении многих лет.

К настоящему времени в Китае окончательно оформилась возможность к самому недалекому будущему официального признания Китаем Маньчжу-Го. Это показывает, что очень мудрый и глубоко патриотично настроенный маршал Чжан-кай-ши сознал, что самый опасный, самый непримиримый враг у Китая и Японии общий: страшный, всепроникающий азиатский коммунизм. И в борьбе с этим врагом Китай и Япония должны будут следовать общими путями.

В свете всех этих развернувшихся и развертывающихся на Дальнем Востоке явлений нелишне будет вспомнить выпущенное в начале маньчжурских событий обращение главы одной из самых влиятельных буддийских сект Нисинхонгази – графа Отани – к американскому народу. Это обращение как американская, так и европейская печать обошли молчанием, не учитывая, очевидно, того громадного значения и влияния, каким пользуется автор этого обращения в Японии и в том же Китае, ибо он является душой известного просветительного общества Тоадобункай (Восточно-Азиатского), раскинувшего по всем почти крупным городам Китая свои колледжи для подготовки китайской

и японской молодежи для будущей совместной работы на пользу сближения обоих народов Азии. Устами этого человека, можно сказать, говорила вся японская нация, и в этом обращении были суммированы все ее пожелания, которые теперь проводятся в жизнь с математической точностью. В нем было указано, что образование нового государства Маньчжу-Го вызвано не только одной материальной необходимостью Японии в делах охранения завоеванных там ее прав, но и желанием превратить эту страну из плацдарма СССР для развития коммунизма в Китае в буферную страну, которая могла бы приостановить дальнейшую поступательную разрушительную работу коммунизма в Китае, и, в частности, прежде всего в самой Маньчжурии, так как страдательным лицом от этого явится прежде всего и больше всего сама Япония.

В этом же обращении было ясно указано, что если Приморье или Забайкалье будут использованы правительством СССР как база для организации в них явно враждебных Маньчжу-Го отрядов из китайцев или корейцев и вообще будет вестись оттуда враждебная коммунистическая пропаганда, то Япония примет решительные меры для пресечения подобных действий СССР. В этом ключ к пониманию полной непримиримости Японии и коммунистического государства как такового: коммунизм не может отказаться от пропаганды, Япония с существованием коммунистической пропаганды не может примириться, ибо даже возможность такой пропаганды угрожает и самой Японии, и ее историческим устремлениям на Тихом океане.

Предсказывать будущее очень трудно, но мы думаем, что нет сейчас русского ни за рубежом, ни тем более в пределах нашей родной страны, который не сознавал бы, насколько важно было бы сейчас для России, для всего нашего национального дела вооруженное столкновение Советской России с любым достаточно сильным противником. В этом, насколько нам дано предвидеть события, единственный большой и значительный шанс для возрождения нашей Родины.

И в этом Япония будет нам деятельным помощником, потому что на ее собственных исторических путях к великодержавию ей необходимо раздавить коммунистическую опасность не в местных только, но и во вселенских масштабах, ибо, пока существует коммунистическая опасность и очаг коммунизма, Япония не может быть спокойна за судьбы Восточной Азии, где она в настоящий момент является признанным гегемоном.

Вопрос о борьбе с коммунизмом является для Японии вопросом жизни и смерти. Ибо вопрос идет о том, кому будет принадлежать бу-

дущее в восточной Азии, интересы двух противников не могут быть примиримы. И раз вопрос поставлен так серьезно, изменить его дальнейшее течение не могут никакие привходящие обстоятельства. Какие бы союзы ни заключало коммунистическое государство, как бы ни закрепляло оно свои позиции, Япония, раз она сознала необходимость борьбы, бороться будет. Японцы не раз показывали, что если им чужд риск, то столь же чужда и боязливость и что намеченных целей они добиваться умеют.

Приходят сроки великой борьбы. И на эту борьбу мы, русские изгнанники,зираем с упованием, с трепетом надежды, готовясь каждый момент выполнить наш долг перед нашей Великой Родиной.

Если некогда Столыпин говорил революционерам, строившим свои коварные планы против Царя и Родины: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия», то теперь, видя ужас повседневного существования и медленного умирания нашей Родины, мы вправе сказать: «Нам нужны великие потрясения, чтобы снова была Великая Россия». И во имя Божие Она будет.

Аминь.

ЕГИПЕТ, РИМ, БАРИ

Посвящение

Мой настоящий скромный труд – мои очерки о недолгом пребывании в Египте, в Риме и Бари посвящаю я с искренней любовью и благодарными чувствами тем добрым людям: харбинцам и ханькоуцам, которые материально дали мне возможность поехать по общецерковным делам в Югославию, в Священный Заграничный Синод и по пути посетить землю Египетскую, великие святыни Вечного Города и священнейший храм Святителя Николая в Бари, где покоятся его святыни, а на возвратном пути быть у Святой Святынь всей вселенной – у Гроба Господня, во святом граде Иерусалиме.

Там, у этих великих святынь, с молитвой постоянно вспоминал я имена всех моих добрых друзей, моля Бога, да воздаст сторицею им за их светлую любовь. Там же молился я за всех русских людей, пребывающих на Дальнем Востоке, за всех православных христиан наших стран, за многострадальную Землю Русскую, за города и села наши, за весь православный мир.

Архиепископ Нестор

С Дальнего Востока в Европу и снова на Дальний Восток

Двадцать семь лет, с 1907 года, живу я на Дальнем Востоке, отдавая его прекрасным краям свои силы и свою глубокую горячую преданность и любовь.

Первоначально, когда Господь поставил меня на миссионерскую работу в холодных, занесенных снегом, донныне дорогих и близких моему сердцу странах Камчатки, тогда моя работа духовно и морально имела свои истоки в глубинах Великой России, в неисчислимых духовных богатствах нашей Великой Родины. Когда страшная небывалая трагедия разразилась над нашим Отечеством, после Всероссийского Поместного Собора всей Русской Православной Церкви Бог благословил меня снова вернуться на любимый Дальний Восток, и, запасшись духовными силами от великих святых Московского Кремля, который мы посетили тогда, в 1918 году, последний раз, напутствуемый благословением Патриарха Тихона и наместника патриаршего митрополита Евсевия, моего незабвенного духовного отца, я встал на новую работу среди русских изгнанников, обездоленных, угнетенных, приниженных нуждой.

Человеческие силы слабы. И потому всегда нужна бывает нам в важные моменты нашего существования добрая моральная помощь, духовная поддержка. Где я мог найти ныне эту добрую отеческую поддержку, как не в духовном церковном центре нашей Зарубежной Церкви, где под осенением родной нам славянской Церкви Сербской соединились и русские православные иерархи.

Церковные нужды, нужды того дела, которому я посвятил свои силы, общие наши русские нужды требовали укрепления связи между православной русской эмиграцией Дальнего Востока и ее западными центрами.

И вот, Господь благословил мою поездку с моим секретарем отцом игуменом Нафанаилом.

Чудным прекрасным путем повел нас Господь. Чрез Египет, откуда «воззвал Господь Сына Своего»⁴¹, до Рима, где каждый шаг, каждая пядь земли, освящены кровью мучеников, где поклонились мы десяткам тысяч мощей святых, до Бари, где с молитвой за нашу мученицу – родную Землю Русскую мы склонились пред святыми мощами Великого Святителя – Николая Чудотворца.

И так мы прибыли в родную нам по вере и крови славянскую страну, заново создающую свои государственные формы существования.

Там мы получили благословение, духовную помощь, отеческую поддержку и великую ласку как от нашего духовного главы, Блаженней-

шего Митрополита Антония, так и от Святейшего Патриарха Сербского Варнавы.

Святейший Патриарх даровал мне, как свидетельство неразрывной любви и глубочайшего единения разделенных пространствами частей Святой Единой Церкви Православной, при своей Патриаршей грамоте, святые мощи архиепископа Арсения Сербского, часть души своего народа, часть его величайшей святыни. А Блаженнейший Митрополит наш своими благодатными молитвенными слезами отеческой любви окропил и благословил все неумелые мои повести о жизни русских братьев Дальнего Востока. И вот эти драгоценные свидетельства великой всеобъемлющей любви двух величайших иерархов я взял с собой на Дальний Восток от благословенной славянской страны.

Потом повел меня Господь чудным священным путем по долинам и горам святейшей Земли Палестинской, по тем городам и весям, которые освящены были стопами Христовыми, Господь дал мне высочайшую радость и счастье совершать Божественную литургию и молиться у Своих Священных яслей в Рождественскую ночь и там же ночью совершать Божественную литургию на том Святейшем Гробе, где воскрес Господь ради нашего спасения.

Там благодатный митрополит древней Птолемаиды, Местоблюститель Иерусалимского Патриаршего Престола, Владыка Келадион вручил мне величайшую святыню, часть Животворящего Креста Господня, и дал мне свою вдохновенную грамоту – истинный голос Матери Церквей – Священного Сиона. Там же в этом святом граде наш благодостный русский Владыка архиепископ Анастасий благословил меня и чрез меня всех сынов Православной Церкви Дальнего Востока частицей мощей нашего Великого Русского мученика – Патриарха Гермона Московского.

Преисполнил, много преисполнил Господь меня великими духовными радостями, несказанными сокровищами духа. За все это благодарение Богу, Единому, Всемиловитовому.

И вот, поделиться с моими друзьями моей духовной радостью, ярчайшими переживаниями, всем, чему я был благоговейным свидетелем, – это и является задачей моих настоящих очерков.

Более полугода тому назад, в жаркие летние дни, покинув пределы Дальнего Востока, мы направили путь наш в дальние страны Европы через роскошные тропические края, через теплые, ласковые, солнцем освещенные и согретые морские просторы.

С восторгом любовался я чудными закатами солнца в тропических странах, когда все небо залито лиловой краской, нежной-нежной, полу-

Архієпископъ Несторъ

Египетъ, Римъ, Бари.

Святое Семейство у пирамидъ.

Обложка книги архиепископа Нестора «Египет, Рим, Бари»

прозрачной, как будто затянутое тонкой кисейной завесой. Сквозь эту завесу пробивается ярко-красный пурпур заката, а по бокам виднеются полосы голубого, как эмаль, неба. Море же переливается всеми красками, какими сверкают небеса, отражая небо в своих глубинах другими оттенками, другими тонами.

Видел я Суматру, покрытую красочными кущами пальм, бананов, манговых деревьев, с детства знакомую по самым интересным, самым волнующим представлениям о диких племенах, до сих пор живущих в глубине девственных лесов, о диких зверях, о стадах орангутангов и гиббонов, населяющих эти леса.

Восхищался я ботаническими садами Сингапура и Коломбо, полными богатейших сокровищ роскошной природы, где воздух напоен ароматом цветов и плодов, где среди лиан, переплетающих деревья, скачут на воле обезьяны и порхают красивейшие многоцветные птицы.

Вспоминаю интересную поездку на слонах в окрестностях Коломбо, красочные, хотя и чуждые для нас храмы там, роскошные виды всесветного сада – Цейлона.

Но не буду останавливать ваше внимание на этих роскошных местах с их красотой, радующей только глаза и ничего не говорящей сердцу и душе.

Буду говорить о тех великих и прекрасных странах, к которым протягиваются многие крепкие и глубокие нити наших душ, с которыми связаны мы узами истории нашей веры и культуры.

Первой такой страной на нашем пути был Египет.

Уже тогда, когда наш пароход подходил к его берегам по прозрачной спокойной поверхности Красного моря, сердце трепетно билось, ибо вдалеке могучим кряжем поднимались горы Синая, с именем которого связано столько глубоко в сердце залегающих чувств и воспоминаний. И мой секретарь – о. Нафанаил передал одушевлявшие нас чувства в написанных им тогда стихах:

Вдали гора Синай вершиною туманной
Стремится в небо этих южных стран.
Когда-то здесь прошел народ Избранный
От пирамид на Иордан.
Как хорошо идти дорогой длинной, длинной,
Молиться Богу на вершинах скал,
И знать, что этот путь, песчаный и пустынный,
Сам Бог пророку указал.
Как хорошо достичь страны, давно желанной,
И умереть в виду земли Обетованной.

И казалось нам при взгляде на святую вершину Синая, что там невидимой тенью стоит Боговидец великий Моисей со скрижалями Божественного Завета, с огненным вдохновенным лицом, на котором отобразился свет Откровения, данного ему в грозе и буре страшных, святых синайских дней.

Вечером мы подошли к Суэцу.

В автомобиле мы выехали из Суэца, направляясь в Каир. Мы миновали высокие гряды холмов на берегу Суэцкого залива и оказались наконец в необозримой великой песчаной пустыне. Был ясный тихий вечер.

Абсолютно безжизненная серо-желтая равнина, без деревца, без травинки. Ясное небо над нами, полное звезд, сверкавших как священные лампы, да невысокие холмы налево – вот все, что окружало нас во время пути.

Пред нашим духовным взором вставали образы древнего еврейского народа, проходившего когда-то этим путем по повелению Божию, бежав из земли Египетской. Вставали образы и тех великих титанов духа, наших подвижников пустынных, о которых с детства знает каждый русский человек из житий святых, которые подвизались в этой пустыне – святые Антоний Великий, святой Павел Фивейский, святой Макарий Египетский и множество многих других, положивших начало монашеству, от богатейшего духовного источника которых доныне питаемся и мы, грешные, слабые и недостойные иноки новых времен.

Пустыня молчала глубоким, суровым молчанием. Ни звука, ни голоса. Только резкий свист ветра раздавался над нами и песок колот лицо, пылил глаза мелкой едкой пылью пустыни. Ни зверя, ни птицы, ни травинки.

Так понятна, так глубоко ясна здесь та великая вера, которая заставляла древних отцов искать пустыню для своих великих подвигов, ибо именно в пустыне яснее всего душа человеческая ощущает свое единение с Богом, с одним только Богом и больше ни с кем.

Вдоль дороги несколько раз встречали мы черные палатки бедуинов, шатры кочевников. В середине пути, за шестьдесят миль от Суэца, остановились мы на несколько минут в маленькой хижине среди песков, где можно найти воду, еду и бензин для автомобиля.

Отсюда путь наш стал еще прекраснее, еще красочнее, ибо взошла луна, бросавшая таинственный серебристый свет на бедуинские палатки, на высокие холмы дюн, на редкие-редкие кустики тамариска.

Наконец вдали замелькали огоньки города и пред нами скоро выплыл из тьмы Каир – столица современного независимого Египта, огром-

ный, широко раскинувшийся город, выросший на том месте, где когда-то поставил свои палатки воинственный арабский полководец Амру. Конечно, в иных странах город, возникший в VI столетии, был бы городом старинным. Но для Египта, где даже Александрия – создание Александра Македонского – молодой город, рядом с утонувшими в бездне тысячелетий Фивами, Мемфисом или Гелиополисом, для страны фараонов Каир совсем молодой, совсем юный город.

Мы проехали широкими освещенными улицами, любуясь почти каждым зданием в городе, действительно роскошными и прекрасными. Проехали мимо коптской церкви, мимо греческой церкви, мимо католического собора, мимо, по крайней мере, дюжины мечетей, мимо казарм египетских войск и, наконец, подъехали к Нилу. Через знаменитый мост Казр-эл-Нил мы пересекли великую реку, оба ее рукава. Задержались на минуту на острове посредине реки, чтобы полюбоваться красотами Нила и живописной окрестностью и, проехав мост, помчались мимо рощ пальм, мимо полей с зеленеющими хлебами, спеющими на благодатной египетской почве, мимо больших загородных домов. С напряжением всматриваемся мы в даль песчаной пустыни, где, наконец, огромной величавой тенью выступили пред нами пирамиды.

Съедая пространства, наш автомобиль бешено мчится вперед, и скоро мы оказываемся у подножия пирамид. Боже, даже не верится, что мы стоим около этих великих памятников седых тысячелетий. Мы вышли из нашего автомобиля. Луна бросала достаточно яркий свет, чтобы видеть местность кругом и в то же время набрасывала на всю картину тот таинственный мистический полумрак, который так подходит этим великим и действительно таинственным местам. Мы обошли вокруг самой большой из пирамид – пирамиды Хеопса, которая имеет 146 ½ метров в высоту и 54 289 квадратных метров по площади, подошли к пирамиде Хефрена и прошли к Сфинксу. Издали он казался таким маленьким сравнительно с пирамидами. Но когда мы подошли ближе к этому древнейшему памятнику человечества, почитавшемуся глубоко древним даже в дни построения пирамид, мы увидели его истинные размеры.

Пристальный мистический взгляд устремил каменный великан Сфинкс на Нил и на простирающийся за ним шумный беспокойный город, гудящий автомобилями, сверкающий электрическим светом. Мне вспомнилось древнее предание о том, что около пирамид и среди огромных лап этого каменного чудовища некогда отдыхал Богомладенец Христос с Божией Матерью и праведным Иосифом во время бегства в Еги-

пет. И с трепетом благоговения я почувствовал, что впервые вступил на землю, где некогда был Христос.

Есть какое-то спокойствие, какой-то шепот веков здесь, у этих стражей недвижущегося времени. Действительно великие памятники умели создавать повелители Египта. А на запад от нас на необозримые пространства простиралась великая, величайшая в мире пустыня – Сахара.

У подножия пирамид в живописном Мина-хауз мы провели остаток ночи, еще долго-долго любуясь с балкона на величавые пирамиды, так глубоко, таинственно приковавшие наш взор к себе.

Утром, с восходом солнца, мы были снова у пирамид. Верхом на верблюдах мы объехали вокруг пирамид и Сфинкса и снова уже при солнечном свете любовались их красотой.

Назад возвращались мы опять среди высоких хлебных полей, среди пальмовых рощиц и садов. Пирамиды высокой тенью стояли позади. Вот один поворот, другой – и они исчезли вдаль, оставив неизгладимый глубокий след в памяти.

От пирамид мы поехали в коптскую церковь во имя святого Сергия. Пройдя узенькими серыми переулками старинного арабского города, мы подошли к величественной стариннейшей коптской церкви. Собственно сама старинная церковь, некогда возвышавшаяся на значительном фундаменте над поверхностью земли, теперь под гнетом долгих столетий ушла в глубину. На поверхности же выросла новая, но также теперь уже старинная церковь. Подземная церковь учеными относится к III веку, и там находится то святое место, где, по древнему церковному преданию, пребывали в Египте Спаситель с Матерью Божией, со старцем Иосифом и с Иаковом во время бегства в Египет от преследования Иродова.

Высокий красивый деревянный иконостас отделяет в церкви алтарь от остального храма. В иконостасе небольшие резные иконы. Большие прекрасные образа установлены на стенах храма. Эти образа прекрасной древней живописи очень напоминают старинные русские иконы древних мастеров.

К нам вышел священник копт, настоятель церкви. Он показал нам иконы, алтарь, а потом провел нас к главной святыне – в темную пещеру под церковью, в место, где пребывало Святое Семейство в Египте.

Глубокое трепетное волнение охватило мое сердце, когда я склонил колена свои пред этим святым местом. Здесь, в то время далеко за городом, был Христос и Мать Божия, и меня, недостойного, грешного, сподобил Господь коснуться устами и челом того места, которого когда-то касались стопы Христа.

Пещерка темная, бедная, освещенная светом только одной лампы. У стены стоит темный, темный, совсем почерневший старинный образ Божией Матери.

И вот эта бедность, эта глубочайшая скромность, быть может, именно и приличествуют сему месту, где в унижении и изгнании был Творец земли и неба. О, как драгоценно было мне припасть с любовью к этому святому месту и с пламенной молитвой обратиться к Тому, Кто здесь был в изгнании, с молитвой о родных изгнанниках, рассеянных по всему необъятному миру, гонимых новыми иродами, врагами Его святого имени.

Из коптской церкви мы проехали в старинный греческий храм, где когда-то, по преданию, были и Афанасий Великий и Василий Великий, потом проехали в так называемый Кремль – цитадель Каира. Там осмотрели удивительно красивую знаменитую мечеть Али Магомета.

Побывали мы в Египетском музее с рядами высоких статуй древних повелителей Египта и жрецов. Более всего привлекли нас там старинные V и VI веков фрески коптских церквей. После чуждых холодных лиц Рамзесов и Аменхотепов, родным, святым, знакомым и духовно драгоценным повеяло от этих пестрых фресок, пред которыми когда-то молились святые и праведные люди старого Египта, Египта времен Антония Великого, Макария, Афанасия и Кирилла Александрийских.

В двенадцать часов, в поезде, направляющемся на Порт-Саид, покинули мы страну пирамид и снова на борту корабля по голубым водам Средиземного моря, направляясь далее на север к европейским берегам Средиземного моря.

Мы миновали побережье Сицилии, где, смотря на цветущий прекрасный город Мессину, вспоминал я великие подвиги наших доблестных моряков в 1909 году, бесстрашно спасавших среди ужаса землетрясений, извержения огненной лавы и пожаров погибавших жителей города. Помнят ли жители этого города доблесть русских моряков, знают ли дети спасенных родителей, кому обязаны их отцы и матери своим спасением, или же по слову поэта:

Дикой сказкой был для них провал
И Лиссабона и Мессины⁴².

Следующим этапом нашего пути был Неаполь, где красивой величественной сенью царит над городом дымящийся величавый Везувий, там, у подножия этой грозной горы, мы прошли по улицам знаменитого погребенного и воскресшего города Помпеи, где так явственно

встает пред взором древняя римская жизнь, где некоторые дома, как, например, дом Витиниев, как будто только вчера оставлен хозяевами и завтра ждет их возвращения, а между тем прошло почти два тысячелетия со дня землетрясения со времени разрушения Помпеи. Поразительные, прекрасные фрески пленяют человеческий взор там на стенах домов.

Из Неаполя мы направились в Рим.

Уже тогда, когда мы только подъезжали к этому великому городу, когда, минуя поля и долины Кампаньи, проезжали мы мимо холмов Лациума, уже тогда замирало сердце от воспоминаний об историческом величии этих мест.

Начали мы осмотр Рима с церкви святого мученика Климента. Церковь эта одна из стариннейших в мире, ибо была построена по преданию в самом начале II века вскоре после мученической кончины святого Климента на месте его дома. Во всяком случае, в начале V века эта церковь была уже настолько старой, что ее пришлось перестраивать. Конечно, как и все древние здания, церковь эта с веками глубоко опустилась уже под поверхность земли. В начале XII века над старой церковью выстроен новый храм, во всем передающий форму старой церкви. Мы обошли обе церкви: и древнюю подземную и новую верхнюю.

В древней церкви, помещающейся под полом нового храма, находятся мощи святого равноапостольного Кирилла Первоучителя Словенского.

Как известно, святой папа Римский Климент был сослан за исповедание веры Христовой в Крым и там скончался мученической смертью. Мощи его находились в неизвестности до 867 года, когда святыми Кириллом и Мефодием были перенесены в Рим. Вскоре после перенесения этих святых мощей святой Кирилл умер в Риме и, так как тогда Церковь была еще не разделенной, Римские папы были еще православными, то останки святого учителя славянского были с большой торжественностью и славой погребены в соборе апостола Петра. Но святой Мефодий упросил папу, чтобы тот перенес мощи святого Кирилла в церковь святого Климента, ибо с этой церковью душою молитвенно сросся при жизни святой Кирилл.

Над местом, где погребен святой Кирилл, находится икона святого Кирилла, сооруженная усердием болгарского народа. С благоговением склонились мы пред этой великой святыней, и я горячо молился святому Кириллу о том исстрадавшемся славянском народе, о котором при жизни мало знал святой Кирилл, но для которого столько сделал, о нашем родном многострадальном русском народе, бывшем еще язы-

ческим во дни святых Кирилла и Мефодия. Более всех других воспользовался русский народ духовным богатым наследством святых братьев – созданием церковно-славянского языка и славянской церковной литературы.

Интересны и прекрасные старинные фрески на стенах этой древней церкви, изображающие Распятие, Сошествие Христа во ад, Взятие Богоматери на небо, Брак в Кане Галилейской.

В верхней церкви покоятся мощи святого Климента и святого Игнатия Богоносца, того великого святителя древней Церкви, который оставил до наших времен много глубоких и прекрасных творений, который бесстрашно исповедовал Христа перед лицом самого императора и был замучен – первый из христиан – на арене Колизея.

В Колизей отправились мы из церкви святого Климента.

Уже в церкви видели мы многие толпы богомольцев, а теперь, выйдя на улицы римские, встречали мы паломников на каждом шагу то многолюдными торжественными процессиями, крестными ходами с хоругвями и крестом, то малыми группами в сопровождении патеров. Паломники-богомольцы тысячами, десятками и сотнями тысяч наполняют ныне улицы римские.

Пение молитв, звуки музыки, но музыки не чувственной, светской, а духовной наполняют улицы римские в минувшем святом 1933 году. Пение, молитвы, музыка – все это сливается в небесные звуки молитв.

Глубоко ошибочно мнение, неоднократно высказываемое, что Италия стала неверующей. Это совершенно неправильно. Быть может, она была похожей на неверующую в дни владычества социалистических правительств, когда вершители ее судеб всячески пытались вырвать веру из сердца народного, когда, например, из Колизея был выброшен святой крест и арена этого древнего места страданий святых мучеников, была превращена в место социалистических и коммунистических митингов. Но и тогда, вероятно, вера только скрывалась от глаз поверхностного наблюдателя и глубоко таилась в сердцах.

Ныне же с низвержением социалистических правителей Муссолини снова водрузил святой крест посредине арены Колизея, и улицы римские полны пилигримов, не просто обходящих для осмотра места римских святынь, но молящихся там со слезами, со вдохновением, с неистребимой верой.

Когда мы были в Колизее, там одновременно совершались две латинские службы. Справа перед водруженным крестом служил молебствие сельский патер со своими пасомыми, а слева молилась большая группа монахинь.

Патер, окончив молебен, обратился к богомольцам с пламенной проповедью, говоря, что на этом месте, освященном страданиями мучеников первохристианских, мы должны дать обет Богу так же, как и они, не страшиться борьбы и страданий в борьбе со злыми силами мира, с силами греха. Он указал, что ныне снова в России, в Испании, в Мексике силы зла восстают против веры Христовой. И теперь уже не темные язычники, но во много раз более жестокие безбожники поднимают гонение на христиан.

Мы были потрясены Колизеем до глубочайших глубин души. Тени многого множества святых мучеников, начиная от святого Игнатия Богоносца, первого из святых мучеников пострадавшего на арене Колизея, и до святого преподобного Телемаха, подвижника V века, мученически умершего здесь, – все эти святые страдалцы вставали перед нашим духовным взором в эти минуты.

Здесь, на этой самой арене, бесстрашно пред лицом всего народа римского исповедовали когда-то святые мученики свою веру во Христа Спасителя, терпели страшные муки и смерть под когтями зверей, на горящих столбах, на крестах, под мечами гладиаторов.

Не десятки, не сотни святых мучеников пострадали в дни гонений за Христа на этой арене, а многие, многие тысячи. Кровь их насковзь пропитала всю землю Колизея. Недаром святой Григорий Двоеслов, папа Римский, дал послам императора Юстиниана, пришедшим к нему из Византии, как высшую святыню, горсть земли из Колизея, завернув ее в богатую ткань. Заметив, что послы не понимают значения этого дара, он сказал им с сердечным умилением: «Вы не понимаете, что я даю вам: земля эта пропитана кровью мучеников за веру».

И мы с трепетом благоговения взяли с собой на Дальний Восток песок со святой арены Колизея, пропитанный святою мученической кровью.

Слезы навертывались на глаза, в душе рождалось глубокое умиление, и молитва здесь была горячее, чем где бы то ни было. Мы молились здесь о том, чтобы в наши страшные времена, когда снова гонимо и преследуемо на нашей отчизне имя христиан, когда вся Россия стала новым огромным Колизеем, чтобы дал Господь твердость духа исповедникам имени Его, как давал эту твердость тем, кто страдал за Него на этой арене, чтобы укрепил Господь и в нас, грешных, немощных, слабых ко всему земному, ту святую Свою веру, которая слабых делает сильными и которая дает власть человеку за ничто вменять все прельщения мира.

Невозможно описывать все то, что видели мы в Риме за несколько дней нашего там пребывания.

Видели мы древний Форум, на который собирался некогда царственный народ римский, чтобы решать судьбы города и вселенной, видели мы Капитолий, где некогда заседал сенат, это собрание царей, по словам посланца от Селевкидов.

Но все-таки неизменно более всего нас привлекали церкви римские, где хранятся неоценимые сокровища святости.

На следующий день после посещения Колизея мы были в Мамертинской тюрьме. Сырая, мрачная комната с узенькими просветами вместо окон и мрачное подземелье внизу, куда узников опускали, просто бросали сквозь отверстие, каменный люк в полу. Туда же, в нижнее подземелье, ведет и каменная лестница, по которой поднимался апостол Петр, когда вели его на казнь.

Вот страшная мрачная темница, в которой провели последние дни своей земной жизни святые апостолы Петр и Павел. И у меня пред духовным взором вставали те святые минуты, которые пережили они здесь, когда пламенной проповедью о Христе святой апостол Петр обратил тюремщиков к Христовой вере, когда по слову его источник вышел из недр земных внутри темницы, чтобы можно было крестить уверовавшего тюремщика.

И вспоминаются мне тюрьмы, подземелья, темницы российские настоящего времени, где так же, за ту же святую веру, за имя Христово через две тысячи лет страдают и мучаются новые мученики, родные российские страдальцы.

И я ныне счастлив тем, что в самом начале нынешних гонений, в 1918 году, меня, первым из епископов, привел Бог в малой, крохотной мере, испытать тюремное заключение от гонителей веры Христовой.

Тогда еще не разошлась вовсю злоба врагов. И хотя надо мной глумились, и били, и всячески унижали, но среди высшей администрации тюрьмы были и добрые люди, относившиеся сочувственно, они и спасли меня от грозившего мне расстрела.

А теперь мрак, ужас, беспросветность тюремного заключения русских страдальцев, пытки и издевательства, которые они терпят за имя Христово, уже ни с чем не сравнимы. И Бутырскую, Таганскую, Соловецкую, Нарымскую, Черемховскую и многое множество иных тюрем советских можно поставить рядом со страшной Мамертинской тюрьмой. Там, в этих тюрьмах Сибири и России, несут свой мученический крест святители, пастыри и миряне русские, прямые продолжатели подвига апостольского и мученического. И с ними Христос, утешающий и ободряющий, как был некогда Христос со Своими святыми апостолами и со всеми бесчисленными мучениками первых веков.

С благоговением опустились мы в нижнюю часть Мамертинской тюрьмы. На лестнице, на стене, видно ясное, вдавленное в камень изображение лица. Это, по преданию, место, где воин, сопровождавший апостола Петра, когда его вели на казнь, толкнул святого апостола, и апостол, пошатнувшись, ударился головой о стену, оставив в камне свое нерукотворное изображение. Мы вместе с бесчисленным множеством паломников проходим по этой лестнице и благоговейно прикладываемся к изображению апостола на стене.

Внизу, в тюрьме – мрак, сырость, теснота. Крохотная комната с низким-низким потолком, комната не более четырех квадратных саженей, а в нее было посажено вместе с апостолами Петром и Павлом сорок семь человек. Нынешние советские палачи имеют достойных предшественников в прошлом.

В левом углу подземной камеры стоит каменный столб. К этому столбу были прикованы святые апостолы. Около столба из-под земли бьет ключ, который явился по слову апостола Петра, и в нем был окрещен святым апостолом темничный страж, уверовавший во Христа.

Мы с благоговением омыли лицо свое в этой воде и с трепетом покинули места заключения, пыток и мук тех, кого весь мир не был достоин.

На следующий день пыльная древняя Аппиева дорога привела нас к катакомбам.

Когда-то по этому пути связанного в оковах вели апостола Павла от Путеол – пристани Неаполя – до Рима, двести с лишним верст. И не знали тогда эти серые камни, не знали тогда воины римские, подталкивавшие усталого измученного пленника, что ведут они того человека, который новой славой, бесконечно более высокой, чем вся древняя слава, освятит имя Вечного Города.

Вот и двор катакомб. На дворе огромная интернациональная толпа паломников богомольцев. Монахи бенедиктинцы, в чьем ведении находятся катакомбы, распределяют эту толпу по национальностям, к каждому приставляется проводник, говорящий на их языке. Увы, группа русских посетителей олицетворяется только нами.

Мы идем вместе с итальянскими посетителями, так как сопровождающий нас отец архимандрит Симеон идеально знает итальянский язык.

Узенькая крутая каменная лестница ведет вниз, в катакомбы. При входе на стене большая надпись – «Силентиум» – молчание. Действительно, шуму и праздным разговорам не место здесь, в этих черных подземельях, оваянных высочайшим подвигом мучеников.

Первое место, куда приходим мы в катакомбах, – место погребения святой мученицы Цецилии. Три дня и три ночи морили ее мучители в огнем накаленной комнате, но благодать Божия прохладжала и укрепляла ее. Тогда по приказу правителя воин, придя в эту комнату, трижды ударил ее мечом в шею и оставил окровавленную мученицу в месте пыток. Туда вскоре тайком пришли христиане, омыли раны святой, и еще в течение трех дней оставалась она живою, поучая своих братьев великой вере, великой твердости духа, этой победе, победившей мир. И чрез три дня отошла ко Господу и погребена была в той самой пещере, где ныне стояли мы, смятенные и смущенные святыми образами, простирающимися к нам из древних святых времен.

Огромная толпа богомольцев итальянцев наполняла вместе с нами эти маленькие, низенькие, но бесконечно длинные и глубокие подземелья. Мы были рады, когда к нам подошел один из монахов и по-русски сказал нам, что он как раз является проводником для русских. Русские теперь так редко бывают здесь, что ему пришлось быть проводником и для других наций, но в данную минуту он к нашим услугам.

Таким образом, мы могли отделиться от общей толпы и углубиться в узенькие проходы катакомб в благоговейной тишине, прерываемой только изредка пояснениями проводника. Шли мы, как и все паломники, с горящими светильниками в руках.

Рядом с катакомбой святой Цецилии почивают нетленно останки какого-то святого мученика, имя его, как и многих тысяч других мучеников, неизвестно, и только изображение пальмовой ветви при гробнице свидетельствует о его подвиге. Многие множество гробниц наполняет все проходы катакомб. И на каждой гробнице – трогательная надпись тех же времен – II и III веков «Пакс текум» – «Мир тебе». С миром о Господе, в великой радости и тишине спят святые Христовы мученики, истинные воины Христовы. А мир мятется, мир волнуется и еще силится восстать в непомерной злобе на ту святую веру, которую они, эти древние свидетели правды Христовой, запечатлели и кровью, и муками, и подвигами своими.

На стенах катакомб много древних изображений икон, свидетельства против тех, кто отвергает иконы. Есть прекрасные в своей трогательной простоте изображения Крещения Господня, Доброго Пастыря, Спасителя с Евангелием в руке, Воскрешения Лазаря, Матери Божией с волхвами, которые склоняются пред Ней, пророков Моисея, Ионы, символические изображения агнцев, рыб, деревьев, креста, свастики.

В одной из пещер покоятся останки двенадцати святых пап первых веков. Отдельно от них покоятся мощи святого папы Корнелия, в пеще-

ре с мощами которого на стене изображены четыре святителя в древних омофорах. Среди них особенно прекрасно изображение святого Киприана Карфагенского.

Катакомбы Каллиста, где мы были, – самые обширные из катакомб, они простираются на 20 километров под землей и большею частью расположены на глубине двадцати метров от поверхности земли.

Из этих катакомб прошли мы в катакомбы святого Севастиана. Там те же пещеры, те же узкие проходы, то же безмолвие священных могил, те же трогательные, полные верой надписи на стенах.

В этих катакомбах в течение первых веков покоились мощи святых апостолов Петра и Павла.

Пройдя длинными узенькими подземными переходами, вступаем мы в обширное сравнительно помещение, остатки древней загородной виллы патрициев Флавиев, оказавших когда-то гостеприимство апостолам Петру и Павлу. Вилла эта прекрасно сохранилась. На стенах видна фресковая живопись, пол покрыт мозаикой. Глава семьи Флавиев, по преданию, и есть тот самый святой Климент, в городском доме которого построена церковь, в которой почивают его мощи и мощи святого Кирилла, Учителя Словенского, где мы были уже накануне.

В этой вилле когда-то жили святые апостолы Петр и Павел, здесь же и почивали их мощи во время гонений. И потому вся прилегающая часть катакомб святого Севастиана полна благочестивой памяти об апостолах. На стенах видны их изображения от II и III веков, и все стены катакомб, окружающих виллу Флавиев и мраморную гробницу, где некогда покоились мощи апостольские, покрывают трогательные молитвенные надписи, молитвенные обращения благочестивых христиан к небесному заступничеству святых апостолов. Трогательны и глубоко священно просты: «Святые апостолы Петр и Павел, молитесь Бога за нас», «Святые Павле и Петре, вспомните нас», «Святые апостолы Божии, имейте нас в своем сердце», «Святые апостолы Петр и Павел, помяните меня, великого грешника», «Имейте нас в памяти своей, святые Павле и Петре, апостолы Божии».

Многое множество этих надписей свидетельствует пред всем миром, пред всеми – кто хочет слышать эти святые свидетельства, что молитвенное заступничество святых всегда призывалось Церковью, ибо слаба грешная молитва земных людей и жаждет, ищет христианская душа верных истинных друзей, могучих заступников в тех, кто предстоит Престолу Царя Царей.

И я, грешный, был взыскан великой милостью Божией – молиться вместе с этими древними христианами их молитвой: их простыми сло-

вами: «Святые апостолы Петре и Павле, молитесь Бога за нас» – у древних святых гробниц.

Из катакомб святого Севастиана прошли мы в церковь его имени. Там благоговейно поклонились мы мощам святого мученика. В этой церкви особенно сильно потрясает душу резной образ святого Севастиана, изображающий его мученичество под стрелами варваров.

Недалеко от церкви святого Севастиана находится церковь Святая Святых, где хранится лестница из Пилатова дома, по которой четырежды прошел Спаситель.

По этой лестнице богомольцы проходят на коленях, благоговейно целуя каждую ступень, которую касались стопы Христа. Мы видели тысячи паломников, поднимавшихся на коленях по ступеням и молитвенно читавших слова литании, то есть акафиста Иисусу Христу.

С трепетом духовным и страхом взирали мы на эту святую лестницу. Там, на ее вершине, некогда стоял страдавший за нас Спаситель мира, когда вывел его Пилат к народу и, указывая на Христа, сказал: «Се человек».

И Христос, судия живых и мертвых, стоял пред земным неправедным судьей.

«Что истина?» – Пилат Христу сказал,
И руку поднял высоко над головою.
И говоря о том, слепец не знал,
Что Истина пред ним с поникшей головою.

О святые минуты, о страшные минуты, которые видела эта святая лестница, которой коснулись мы нашими устами.

Центром Рима, алтарем всего города является величественный, торжественный, великолепнейший собор святого апостола Петра. Высоко, высоко поднимает он свой царственный купол к синему итальянскому небу. Алмазные, причудливо искрящиеся фонтаны разбрасывают свои звездочками сверкающие брызги на грандиозной площади грандиозного собора. Портки колонн ведут с двух сторон к подножию храма.

Мы входим в собор.

Величие, мощь, огромность этого величайшего из всех храмов всех времен подавляет душу первые моменты, пока глаз еще не привыкнет к пространствам, не разберется в деталях.

В соборе многие тысячи людей. На необъятном пространстве собора люди кажутся крохотными существами. Многолюдные крестные ходы то входят в собор, то выходят из него. Но, входя вовнутрь, они исче-

зают в безбрежных просторах храма. Наполненный многими десятками тысяч человек, собор не полон, он наполовину пуст.

Тут, посредине собора, в главном престоле покоятся мощи святого апостола Петра. На мраморной доске престола может совершать литургию только римский папа. Прежде паломников допускали спускаться в подземелье, где лежат мощи святого Петра. Теперь эта дверь закрыта, и мы можем лишь преклонить колена пред тем местом, где покоятся останки святого первоверховного апостола – рыбака галилейского, покрившего мир.

Там, в соборе святого Петра, мы поклонились мощам святых Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Григория Двоеслова, Льва Великого, Лина, Сикста, Виктора и многих других.

Из собора святого Петра наш путь лежал во внутреннюю часть Ватикана, составляющую отдельное государство. Папские гвардейцы в странных живописных пестрых средневековых костюмах стоят на страже у входа в государство Ватикан.

Там прошли мы в обширные светлые комнаты Ватиканского музея, этого удивительного хранилища самых драгоценных сокровищ человеческого духа, человеческой культуры и художественного искусства. Комната за комнатой, покои за покоями наполнены этими сокровищами. В Ватиканском папском дворце 12 тысяч комнат. Невозможно описать, невозможно пересказать в кратком докладе все сокровища, собранные там. Видели мы там огромные малахитовые вазы – подарки папам русских уральских заводчиков Демидовых, видели мы троице-сергиевские складни-иконы, резные деревянные русские переплеты евангелий. Видели древние богатые абиссинские кресты. Остановились с благоговением перед страницами Ватиканского кодекса⁴³, одного из древнейших списков Священного Писания. По преданию, этот кодекс тот самый, по которому некогда Ориген составлял свои знаменитые экзаплы. Древнее его только тот хранившийся в Петербурге Синайский кодекс⁴⁴, который ныне продан Британскому музею порабителителями нашей Родины. С особым для нас интересом остановили мы свое внимание на письме знаменитого японского шиогуна Нобунага от XVI века к папе Римскому с просьбой прислать монахов различных орденов на проповедь христианства в Японии. Вспомнились при этом яркие, поразительные страницы истории христианства в Японии. Успех проповеди в этой стране, обращение в христианство почти трети населения империи и потом страшные муки, пытки, гонения, распятия и мучительные смерти сотен тысяч христиан-японцев.

Там же, в музее, прошли мы в комнаты, где хранятся удивительные сокровища живописи. Есть там старинные византийские, старинные русские иконы. Есть иконы новгородского и строгановского письма. Есть иконы с Крита, из Палермо и других центров средневекового искусства. В этих старинных иконах есть много родного, близкого, молитвенного.

Совсем другое впечатление оставляет живопись Возрождения. В Ватиканском музее мы видели чудные полотна и Рафаэля, и Тициана, и Микель Анджело и многих других прославленных живописцев. Пред этими иконами можно восхищаться, можно стоять часами, замороженными их красотой, но молиться пред этими иконами трудно. Потому что слишком земные, чувственные, плотские эти изображения, потому что слишком земная красота в них отображена.

И вот, если скорбно и печально русскому православному сердцу видеть наши родные иконы и даже иконы средних веков, находящимися не в храме, а в музее, то изображения Рафаэля, Тициана и других именно в музее и должны храниться. Для восхищения и любования, а не для молитвы.

Центром всего этого богатства сокровищ искусства является всесветно знаменитая Сикстинская капелла, разделяющая в полной мере то же свойство, что и все великолепные полотна художников Возрождения. В этой капелле замираешь от созерцания красоты изображений, но молиться там невозможно. И как-то не подходит к этой музейной комнате престол, стоящий недалеко от входа.

Из множества других храмов, которые мы посетили в Риме, упомяну собор апостола Павла, Латеранский собор и церковь святого Алексия Человека Божия.

Собор апостола Павла, так же как и собор апостола Петра, подавляет своей величиной. Это второй по величине храм в мире. Там с благоговением поклонились мы мощам святого апостола Павла и святого апостола Тимофея, верного сотрудника и постоянного спутника Павлова. Над мощами святых апостолов возвышается большая византийская сень, балдахин, под ним находится престол, а внутри престола стоят святые мощи. Над мощами видна большая гранитная плита, сделанная во времена императора Константина Великого. На плите выбита надпись: «Павлу – апостолу и мученику».

В соборе апостола Павла справа и слева стоят два престола из малахита – дары Российского Императора Николая Павловича.

Латеранский собор – кафедральная церковь римских пап. Собор этот построен в бывшем дворце римского патриция Плавта Латерана, при-

нимавшего участие в восстании против Нерона. Ныне он посвящен святому Иоанну Предтече, а прежде был посвящен Спасу Нерукотворному, о чем свидетельствует прекрасная художественная икона Спасителя, возвышающаяся над главным входом в Собор.

Тут, в церковной абсиде, помещаются изображения римских пап от апостола Петра до нынешнего папы, для этих изображений оставлены свободные места на стенах собора. Предание говорит, что, когда все эти места будут заполнены изображениями пап, наступит конец света. Сейчас осталось незаполненными шесть или семь мест.

В Латеранском соборе находятся святые главы апостолов Петра и Павла, над драгоценными ковчежцами с этой святыней огромная богатая сень. Вверху в стене этого собора хранится доска от того стола, на котором Христос совершил Великую Священнейшую Тайную Вечерю, установил Таинство Причащения на вечные времена для нашего очищения от грехов и чтобы дать нам величайшее духовное оружие в борьбе со злом и грехом мира. Мы с благоговением взирали на эти великие святыни, благодаря Бога за то, что нам, грешным и недостойным, дал Он величайшее счастье видеть эти святыни и поклониться им, и мысли с трепетом уносились в Сионскую горницу, куда впоследствии также привел нас Господь.

Последняя церковь, которой хочется мне заключить этот краткий очерк моих впечатлений в Риме, церковь святого Алексия Человека Божия.

Кто из нас не знает этой чудной святой повести, которую так любили наши православные предки, которой они жили, которой питались духовно.

Сын богатых и знатных патрициев римских, святой Алексий стремился нераздельно служить Богу. Он оставил молодую жену, отца, мать и ушел в далекий город Эдессу, на восток, там поселился у церкви и в подвигах, в молитвах провел семнадцать лет. И своей благочестивой, праведной, ангелоподобной жизнью приобрел он в Эдессе славу святого, но, боясь славы, избегая ее, оставил он этот город и отплыл обратно в Рим. Там, скрывая свое имя, испросил он у своего родного отца разрешения поселиться под крыльцом дома. Отец не узнал в нищем страннике своего любимого сына, о котором всю жизнь скорбел и сокрушался. И поселился святой Алексий под лестницей отеческого дома и снова провел тут в тишине, молитве и подвигах семнадцать лет. И вот, когда пришел час его кончины, епископ римский совершал литургию в соборе и услышал таинственный голос, говорящий: «Поищите человека Божия, да помолится о городе, в доме Евфимиана поищите человека Бо-

жия». Все устрашились такого откровения. Сам же Евфимиан говорил, что он не знает подобного человека у себя в доме. Тогда служитель, приносивший пищу святому Алексию, сказал: «Не тот ли это человек нищий, который живет под крыльцом».

Отправились туда. Но человек Божий уже отошел ко Господу, а лицо его сияло необыкновенным светом. В руке его нашли хартию, и, когда прочитали ее, узнал Евфимиан в почившем сына своего и громко зарыдал, склонившись на грудь его. Пришли и мать, и жена святого Алексия, и все вместе они плакали над телом праведника Божия и радовались о том, что явил Господь среди них великого святого Своего.

Мы видели в церкви эту самую лестницу, под которой жил и спасался святой Алексий Человек Божий. Под ней высечена мраморная статуя святого, но ум и душа рисуют гораздо явственнее, гораздо правдивее чудный святой облик великого подвижника, отвергшего мир во имя величайшей любви Божией и питавшегося, подобно евангельскому бедняку Лазарю, крохами со стола отеческого дома.

Недаром так любили это святое житие благочестивые наши предки. Тогда, когда на сердце сходит тревога, когда кажется жизнь тяжелой и мрачной, когда, как теперь, так часто приходится встречаться с лишениями, скорбями, нищетой, о, как отрадно, как ободрительно тогда вспомнить святой образ Человека Божия, добровольно, во имя любви к Богу, взявшего на себя крест скорбей и лишений. Дивен Бог во святых Своих.

Там же внутри храма хранится и колодезь из дома родителей святого Алексия, тот колодезь, из которого святой праведник утолял свою жажду.

В той же церкви под одним престолом с мощами святого Алексия Человека Божия покоятся мощи и святого Вонифатия, бывшего сначала великим грешником, а потом очистившего грехи свои мученичеством и подвигом за имя Христово.

Много и иных церквей в Риме с великими святынями, но нет возможности обо всем рассказать.

Прекрасна, художественно прекрасна Русская Православная Церковь в Риме, небольшая, скромная и бедная сравнительно с богатыми соборами латинскими, она не уступает им по своей художественной красоте.

Иконостас и иконы в ней писаны нашими великими живописцами классиками – Брюлловым и Бруни, самая внутренность церкви отделана малахитом и мрамором. Кроме иконостаса, все это создано уже после войны и революции, на гроши и копейки русских беженцев и иных пра-

вославных людей, трудами и стараниями настоятеля церкви отца архимандрита Симеона, выдающегося, замечательного человека.

Для нас он был не только путеводителем, показавшим нам красоту Вечного Города, но воистину светочем, указавшим истинный смысл этой красоты, ибо, живя более четверти века в Риме, сумел он проникнуть в глубокие глубины жизни Великого Города, полюбить его, узнать и понять.

Дивен, прекрасен Рим. Прекрасен он не богатством своим, не красотой своих площадей и улиц и алмазных, бриллиантовых фонтанов, не славой столицы мира, не Ватиканским и королевскими дворцами и не сокровищами искусства, а сокровищами духа, святынями, там находящимися. Все мишура, все тлен, проходящий скоро, как тень, как прах. Минует слава дворцов, картин, статуй, рафаэлей и тицианов, как исчезла слава, быть может, более великих апеллесов и фидиев.

Но сила духа, но сокровища веры всегда останутся. И над страницами жития святого Алексия, над подвигами мучеников, над проповедью апостольской всегда будут проливать слезы умиления верные христиане, почерпая в этих священных воспоминаниях силу и крепость для несения жизненного креста.

Дивные, прекраснейшие воспоминания остались в наших душах о днях нашего пребывания в Риме. Привел меня Господь поклониться там мощам более тридцати тысяч святых мучеников, апостолов, святителей, мощам святых двенадцати апостолов, многих из числа семидесяти, мощам вселенских святителей: Игнатия Богоносца, Иоанна Златоустого, Григория Богослова, Григория Двоеслова, Льва Великого, мощам святых мучеников: архидиаконов Стефана, Лаврентия, Адриана, Наталии, Тапианы, Софии, Веры, Надежды, Любви, Клавдии, Фотины, Евгении, Хрисанфа, Дарии, Зои, Корнилия, Иулиана, Василиссы, Аглаиды, Вонифатия, Руфины, Констанции, Виктора, Севастиана, Поликарпа Смирнского, Марина, Валентины, Власия, Лонгина сотника, Климента. Были у мощей святого Алексия Человека Божия, святого равноапостольного Кирилла, праведной Анны матери Пресвятой Богородицы, Иосифа Аримафейского, святой царицы Елены. Всего не опишешь, всего не скажешь, ибо нет слов на языке человеческом, чтобы достойно сказать, достойно описать те святыни, которые покоятся там, те мысли, чувства, образы и молитвы, которые рождаются в душе при виде этих святынь.

Воистину дивно прекрасен Рим.

И прощаясь, расставаясь с Римом, оглядываясь на этот семихолмный город – древнюю столицу мира, я думал не о славе его, а о святости святынь, там находящихся.

Мой секретарь о. Нафанаил выразил это стихами:

Хвала тебе, Великий Вечный Рим,
Подножье и оправа Ватикана,
Ты осенил Распятьем золотым
От полночи и до полудня страны.
Ты трон вождя и главный войска стан,
Где вместо древних римских легионов
Простерлось царство мантий и сутан,
Ведущих за собою легионы.
Но нам, сынам истерзанной Страны,
Испившим чашу крови и мученья,
Твой чужд язык: нам внятны и слышны
От Божества иные откровенья.
Да, ты силен, ты страшен силам зла,
Ты держишь Крест и меч из твердой стали,
И ты врагов сражаешь, как стрела,
Христа ж враги, смеясь, заушали.
Ты величав, и славен, и силен,
Размерен, мудр, как древней оды строфы,
Ты преклонял царей державных трон
Христа же путь от яслей – до Голгофы.
И мы, поняв величие скорбей,
Храним в душе иной священный образ,
Не в славе он, поруган от людей,
Не грозный он, а милосердно-добрый.
То Церковь-Мать, которая Свой крест,
Томясь несет сквозь тьму тысячелетий,
Чей путь лежит вдали от ярких мест,
Чей тихий свет тускнеет в Вечном Свете.
Да, только Ей понятен смысл Креста,
И радости великих испытаний,
И вечная святая красота
Гвоздевых язв, Голгофского страданья.
Здесь на земле венца Она не ждет,
Покоя здесь Она нигде не вкусит,
И в страшный час Она, молясь, зовет:
«Ей, Ей, гряди, Господь мой Иисусе».

За грядой гор и холмов, за пылью долин в легкой дымке исчезал Вечный город. Много там мишуры, много внешнего, не глубокого блеска, много чуждого православному сердцу, но еще больше того, что наполняет душу трепетом и умилением. И скрывшийся вдали город ос-

тавил в душе моей вечный неистребимый след благоговения, умиления и духовной радости вместе с глубочайшей благодарностью Богу за то, что привел меня Господь увидеть, благоговейно прикоснуться и поклониться стольким великим святыням.

С самого детства у меня всегда было две мечты, об исполнении которых я всегда молил Бога, – поклониться мощам Святителя Николая и святому городу Иерусалиму.

В миру от святой купели крещения носил я имя Николая, и моим небесным покровителем был и остался Святитель Николай Мирликийский вместе с новым именем в иночестве.

И вот ныне допустил меня Бог не только склонить колени пред святыми мощами Святителя Николая в Бари, но скромно и тихо отслужить молебен пред ними.

Любезный и добрый католический священник открыл для нас врата пред престолом с мощами и позволил нам помолиться одним, без посторонних, которых не пустил за эти врата. Там молился я прежде всего о России, нашей Родине, которая всегда, всегда превыше всех иных стран мира любила и почитала память Святителя Николая, молился я за обезумевший русский народ, который так часто, так постоянно прибегал с молитвой к Святителю Николаю и который теперь в муках безумия и отчаяния стал игрушкой злодеев. Молился о прощении страшного нашего всеобщего греха пред памятью тезоименитого Святителю – Мученика Царя Николая Александровича.

Потом в ризнице церкви, где приобрел я маленькие склянки со святым миром от гробницы Святителя Николая, тот же добрый и любезный батюшка, католический священник, достал из хранилища и показал мне книги с подписями всех посещавших этот храм. И в одной книге показал он мне священную для нас подпись нашего Великого Императора-мученика, такую знакомую и драгоценную для нас – «Николай». Я с благоговением, с болью в сердце прильнул к этой подписи, целуя слова, начертанные мученической царской рукой.

Слезы навернулись у меня на глаза. И милый батюшка, католик, итальянец, почувствовал, несмотря на грани, нас разделяющие, глубину нашей скорби. Он сильно, дружественно сжал мне руку и прошептал какие-то слова утешения, которые были непонятны для моего разума, но ясны моему сердцу.

Проста, совсем не украшена церковь Святителя Николая в Бари, и после великолепных римских соборов казалась она мне совсем убогой и запущенной. Поистине, несмотря на всесветную свою славу, ос-

тался Святитель Николай и по своей кончине «нищетою богатым», каким был, по словам церковного тропаря, в жизни своей.

Но кругом этой скромной небогатой церкви шумят и суетятся целой огромной ватагой толпы детей. Сотни, тысячи их. Нигде во всем Бари не видел я столько детей. Кажется, что со всего города приходят они на эту маленькую площадь, теснятся к святой церкви Святителя. Ибо чувствуют чистые детские сердца, кто их истинный заступник, кто молитвенник о них пред Престолом Всевышнего.

Там же, в Бари, находится русское подворье с большим благолепным православным храмом. Подворье это выстроено на добрые пожертвования русских людей: от царя до последнего крестьянина. Ныне много трудов прилагает, охраняя подворье от различных посягательств, заведующий князь Н. Д. Жевахов.

Бари – большой город со значительным населением. Но центром всего этого города, единственным маяком, звездой, всех сюда привлекающей, является именно великая святыня церкви – мощи Святителя Николая.

И, помолившись у этих святых мощей, было мне легко и отрадно пускаться в дальнейший путь, чтоб достичь, наконец, близкой и родной по вере народности страны Югославии.

Длинен и тяжел был мой путь от Дальнего Востока до европейских стран и обратно. Много пришлось мне встретить в пути пестрых, ярких, разнообразных красивых картин.

Роскошные пышные пальмы юга кивали нам своими зелеными вершинами, видели мы теплые южные страны, роскошные изумрудно-зеленые коралловые острова южных морей, видели многотысячелетние памятники Египта, видели святыни Рима и Бари.

Но всегда и всюду на всем этом пути неизменно жил в наших душах образ нашей великой единственной Родины – Православной матушки России, Святой Руси, тяжело страдающей ныне.

И при виде роскошных пальм вставал предо мной милый образ родной гладкоствольной березки, бело-серебристой с зеленой кудрявой вершиной. Кокосовые и финиковые пальмы, манговые и банановые деревья ласкали взор, но не пленяли чувства, ибо к дубовым рощам, к соновым таежным зарослям тянется мое русское сердце.

А тогда, когда с благоговением и молитвой склонялся я пред святынями, виденными мною, неизменно молитва была одна, молитва о России, о нашем родном народе.

Моря и океаны, горы и пустыни проехал я, чтобы единой духовной нитью связать разделенных тысячеверстными пространствами русских людей, с минуты на минуту ожидающих двенадцатого часа, часа освобождения и Воскресения нашей Родины.

Не будем же убаюкивать свои души, не будем забывать нашего священного русского звания, но, припадая с молитвой к тем святым, которым искони молился русский народ, будем об одном просить их, об одном молить: о спасении нашей земли. И сами будем готовиться к этому часу, чтобы не врасплох застал он нас.

Много различных краев и стран все мы перевидали за эти годы изгнания, но нет ни одного края, ни одной страны, где бы мы чувствовали себя дома, ибо один у нас дом, одна отчизна, родной край – Святая Русь.

ОЧЕРКИ ЮГОСЛАВИИ

(Впечатления путешествия)

В дни печатания настоящей книги телеграф принес страшное, душу потрясшее известие о мученической кончине под пулей убийцы светлого витязя короля Александра.

Скорбь, мука, боль пронизывают сердце. Даже наше страшное, до краев переполненное злодеяниями время не переживало трагедии большей от самых екатеринбургских дней. Наши кровавые годы принесли к Престолу Всевышнего двух венценосных славянских мучеников.

Из темного мира ушел последний кристально светлый вождь, носитель чести, красоты, подвига и доблести. Зло торжествует снова.

И от края до края Вселенной, по бесчисленным городам и селениям, где только есть русские изгнанники, тяжело скорбит русское сердце, переживая скорбь сербского народа как свою собственную тяжкую муку.

Пусть же каждая строка, каждое слово, каждая буква настоящей книги будет гимном памяти великого Государя, короля-витязя, короля-мученика АЛЕКСАНДРА Карагеоргиевича.

Архиепископ Нестор

Предисловие

К юго-западу от родных нам пределов страны, носившей некогда великое и славное имя – Россия, простерлись горы и долины, заселенные братским славянским племенем сербов.

Разделенный латинским, мадьярским и тевтонским барьерами, славянский мир, несмотря на разделение, никогда не забывал своего единства, своей общности, но сознавал это и в горе и в радости.

Когда полоненная турецким игом Сербия боролась с неверными поработителями не на жизнь, а на смерть и в борьбе истекала кровью, Россия всегда принимала страдания сербского народа как свои собственные и удары, наносимые в горах Черногории или лесах Шумадии, ощущала как наносимые в ее собственное сердце.

Несмотря на все ухищрения западников, отрекавшихся от русской славянской души своей и сочувствовавших немецкому культуртрегерству, русское общество всегда чувствовало свое единство со всем славянским миром, а с православным славянским миром особенно. И это чувство единства не было только отвлеченным чувством. В семидесятых годах прошлого столетия оно из глубин России вызвало сначала множество отрядов добровольцев, а потом вдохновило и всю Российскую державу на священную борьбу за освобождение славян.

Это же чувство было основным и в момент начала мировой войны, жертвой которой пала наша Великая Родина.

И потому судьбы южных славян, единых нам по вере и крови, для нас сугубо не безразличны. И для нас в нашей страшной трагедии великим утешением является то, что по крайней мере жертвы, принесенные Россией за славянство, не пропали втуне. Южный славянский мир встал во весь свой могучий рост и поднялся на огромную высоту славы и значения. Югославия ныне – одно из главнейших государств Европы.

Для наших будущих исторических судеб это имеет еще то чрезвычайно важное значение, что в будущем, когда Россия вновь станет национальной, ей не придется искать союзников в среде чужих и внутренне чуждых народов, но она сможет опираться на родную, близкую, внутренне общую великую югославянскую государственность. Дай Бог еще нам нашими очами увидеть исполнение сего.

Своим расцветом и славой Югославия обязана прежде всего тому, что в наиболее ответственные и решающие моменты ее истории у кормила ее судеб стоял такой во всех отношениях выдающийся человек, как нынешний король ее – Его Величество Александр I Карагеоргиевич.

Это он вел родные полки во всех бесчисленных битвах, какие разыгрывались на сербских полях от 1912-го до 1919 года, это он сумел создать мощный непобедимый порыв в сербских и других югославянских сердцах в 1919 году, порыв, который спаял все разрозненные до толе части единого народа в одно великое целое. И, наконец, он принял от Господа Бога венец королевского служения не как пьедестал славы и могущества, но как тяжкий и ответственный долг перед Богом и Родиной и несет бремя этого служения с честью и достоинством в светлые и темные годы равно неустанно и непоколебимо. И наконец, это он недавно, когда, казалось, славянская страна подошла к позорному акту признания поработителей нашей Родины, спас родной народ от позора признания и предательства памяти великой родной России.

Но счастье Сербии и великая к ней милость Божия не только в том, что во главе ее государственного корабля стоит ныне такой великий вождь, как король Александр, но и в том, что церковный корабль ее возглавляется духовным вождем не меньших качеств – Святейшим Патриархом Варнавой.

Задача охраны сокровищ народного духа по своему значению ничуть не меньше, чем охрана и созидание благополучия государства. Эту задачу достойно и свято вершит ныне Патриарх Сербии Святейший Варнава. И задача эта тем выше, тем блистательнее и ответственнее, чем пристальнее ныне прикованы к Сербии взоры всего Православного мира.

После страшного паралича, в который временно повержена жестокими гонениями Церковь России, знамя хранительницы священной сокровищницы Православия перешло к Сербской Церкви.

Этим-то двум драгоценным и священным для всего славянского мира именам – ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ АЛЕКСАНДРУ И СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ ВАРНАВЕ – посвящаю я эти строки, с тем большей душевной отрадой, что в годы мук, унижений и страданий нашей Родины нет у нее друзей более верных, стойких и неизменных, чем два вождя сербского народа – его Король и Патриарх.

А друзья в беде – всегда самые лучшие друзья.

Архієпископъ НЕСТОРЪ.

MS6/52
БИБЛИОТЕКА
РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИИ
→ ПОКРОВИЧЕ →
№ 5494
1502 T

ОЧЕРКИ ЮГОСЛАВИИ

(впечатлѣнія путешествія)

~~38 5347~~

г. ХАРБИНЪ.
1935 г.

Обложка книги архиепископа Нестора
«Очерки Югославии»

1. Белград

В самой середине родного нам по вере и крови югославянского государства лежит его славная величественная столица – город Белград. Уже с 1841 года этот город служит столицей Пьемонта⁴⁵ югославянских земель – доблестного и героического Сербского великого княжества и королевства, деля вместе со всей страной и невзгоды ее, и радости, и великую героическую трагедию неравной борьбы малой силой, но великого духом государства за свободу не только свою, но и всех родных племен против сильнейших соседей-врагов.

В течение долгого времени находился Белград на самом краю сербских земель под угрозой пушек тевтонского соседа, и в первые же дни Великой войны стал он первой жертвой начавшейся кровавой эпопеи. И как памятник этого героического времени черными пятнами зияют на стенах старого Калемегдана⁴⁶ следы от снарядов, которые щедро посылали австрийцы в Белград с противоположного берега Дуная, из тех самых Земуна и Панчева, которые после войны являются пригородами Белграда, столицы Югославии.

В Белграде имеет свою резиденцию доблестный и славный король Югославии Александр I Карагеоргиевич, здесь же наравне со Сремскими Карловцами пребывает и Патриарх Сербии Святейший Варнава – два столпа великого государства Югославского, хранители самых высоких, самых священных заветов этого героического королевства.

Когда мы подъезжали к Белграду, мне вспоминались рассказы наших старых писателей об этом городе, о его чисто деревенском провинциальном виде, о маленьких домиках, о плохих мостовых, о темных неосвященных улицах.

И когда перед нами развернулась широкая, изумительно красивая перспектива широких, прекрасных улиц с гранеными тротуарами, с высокими многоэтажными художественно построенными домами, с величественными соборами и дивно прекрасным королевским дворцом, я был поражен и потрясен. Старожилы, русские беженцы первых годов эвакуации, говорят, что Белград изменился до полной неузнаваемости за последние десять лет, став из захолустного городка настоящей европейской столицей, могучим прекрасным городом. И с радостью, с чувством заслуженного удовлетворения русские отмечают, что большую и очень значительную роль в этом украшении Белграда сыграли русские архитекторы, инженеры, художники и строители. Много помогли делу устройства и украшения югославской столицы те репарации, которые получала в течение ряда лет Югославия как воз-

награждение за тяжелые разорения и убытки, понесенные ею во время войны. На эти деньги построены великолепные здания министерств, более великолепные, чем здания министерств Петербурга прежнего времени.

На площадях по бортам тротуаров на улицах Белграда в этом году разбиты красивые зеленые лужайки. Эти лужайки сделаны по повелению короля для того, чтобы спасти поденной работой безработных от отчаяния, нужды и голода. Глаз радуется, видя изумрудно-зеленые ковровые полосы среди серых улиц города, а сердце радуется, сознавая, что этой мерой спасено много жизней, много нуждающихся семейств.

Кое-где по окраинам столицы, на захолустных темных улицах видны еще и доныне маленькие серые здания, похожие на деревенские хижины дома, перед которыми тянутся кривые, мощенные неровными камнями мостовые – калдорма. Это остатки старого, хотя и недавнего Белграда, спрятавшиеся от глаз наблюдателя в захолустье окраин и ушедшие в небытие на главных улицах перед прекрасной асфальтовой или граненой мостовой с высокими, гордыми домами.

В центре города, на самой высокой его точке, возвышается величественными, хотя и не достроенными еще стенами огромный, прекрасный собор святого Марка, постройка которого начата восемь лет тому назад и который предполагено достроить в будущем году. Это будет действительно украшение столицы. И сейчас еще не оконченный, еще только намеченный в контурах, хотя вчерне и доведенный до кровли купола, этот собор поражает и радует взгляд православного наблюдателя своей мощной величиестью – достойный главный храм великого православного королевства. Начат этот храм при Святейшем Патриархе Димитрии, но своим осуществлением прекрасный собор обязан главным образом нынешнему Патриарху Варнаве, который многими заботами и непрестанными усилиями настоял на окончании его построения. Собор этот будет вмещать свыше пяти тысяч человек, он является лучшим образцом чисто сербского старинного архитектурного стиля, бесспорно сложившегося под воздействием Византии, но выработавшего свои характерные национальные особенности, знакомые каждому знатоку славянского искусства.

Рядом с величественными, хотя и не оконченными стенами собора святого Марка стоят две скромные маленькие церкви: церковь святого Марка, усыпальница последних королей из династии Обреновичей, погибших жертвами народного негодования за свою австрофильскую политику, и русская церковь.

Русская церковь в честь Пресвятой Троицы построена на жертвы русских беженцев, на их копейки и гроши, которые ни на что другое не дает так щедро русский человек, как именно на построение церкви Божией. Скромна, почти убога внешность русской белградской церкви, но, когда вы входите внутрь, вас поражает глубокая, замечательная красота этого храма. Главная его красота – это, конечно, изумительно художественный иконостас, расписанный точными блестяще исполненными копиями рублевских и иных лучших древнерусских икон. На боковых колоннах вдоль всего храма, на стенах, у икон высятся группами, кущами славные старые знамена великой русской армии, свыше ста знамен, сбереженных, сохраненных от плена и позора теми сынами великой России, которые ушли, но не сдались, были побеждены, но не сломлены, – действительными рыцарями белого дела, врангелевскими героями. А у левой стены, недалеко от входа в храм, под белой мраморной плитой видна и могила самого вождя, того, кто сберег и вывел свои дружины и с ними священный ковчег русской славы, старые знамена, – могила генерала Врангеля.

В стенах скромной белградской русской церкви пребывает великая российская святыня – чудотворная Курская икона «Знамения» Божией Матери вывезенная из пределов России архиепископом Феофаном Курским⁴⁷. Пред этой великой русской святыней с теплыми молитвами склонялись и мы, моля Пресвятую Богородицу спасти землю русскую. И вставали тогда пред моим духовным взором воспоминания тех грозных лет, когда я молился пред этой святой иконой в Курске в дни страшного 1918 года.

Прекрасно богослужение в русском храме Белграда. Когда накануне праздничного дня, во время всеобщей в храме, переполненном молящимися, отверзаются царские врата и духовенство выходит на середину храма, когда на два хора стройно и строго звучат церковные песнопения с канонархом в старинных церковных знаменных распевах, тогда ясно сознает и сердце и ум, что это великая любовь к Церкви, к церковному Уставу и глубокое понимание его создали эту поразительную духовную стройность при таких скромных условиях.

В Белграде в русском храме знают богослужение, понимают и любят его не только священнослужители, но и сами богомольцы, глубоко понимающие каждый момент, каждое значение священнодействия, и это понимание ясно создается, ясно видно каждому наблюдательному взгляду. Еще больше, конечно, любит и понимает богослужение каждый священнослужитель и церковнослужитель в храме. Каждый хорошо и твердо знает обязанности и свое место.

И на этом особенно ясно видно, как много заботы и умения проявило духовенство в деле церковного воспитания богомольцев и всего церковного народа русской колонии Белграда. Главным творцом и вдохновителем этой высокой работы является настоятель белградской русской церкви, всеми почитаемый отец протоиерей Петр Беловидов, успешно ведущий большую церковно-педагогическую и общественную работу.

Столь же полезно и много трудится среди русского населения Белграда и отец протоиерей Иоанн Сокаль, взявший на себя обязанности главным образом духовного целителя и утешителя исстрадавшихся, измученных русских душ и нравственного воспитания в них света Христова.

Кроме основной церкви во имя Пресвятой Троицы русские в Белграде имеют еще Иверскую церковь, копию московской Иверской часовни. Также великими трудами, также на гроши и копейки русских беженцев строилась эта маленькая, но удивительно благолепная церковь, в воспоминание об оставленной Родине, о ее святых, прекрасных храмах – той дорогой каждому русскому сердцу часовне Иверской, которая стояла некогда у московских стен и была снесена злодейской рукой. Много стараний к созданию этой церкви в Белграде приложила энергичная работница на церковной ниве – княгиня М. А. Святополк-Мирская. Благодаря ее же стараниям в эту церковь была прислана копия Иверской иконы Божией Матери со святой горы Афонской*, а иконостас был пожертвован Его Величеством королем Александром.

Иверская церковь стоит среди кладбища, на котором нашло вечный покой многое множество и русских и сербов. Могуче величественно поднимается там памятник над могилами доблестных героев, павших при защите Белграда во время Великой войны. Памятник этот – творение русского скульптора Р. Н. Верховского – изображает могучего сербского воина, поднявшего знамя над поверженным австрийским орлом.

Скромна и почти бедна та часть кладбища, где покоятся вечным сном русские изгнанники, переставшие уже быть изгнанниками, а ставшие гражданами той вечной страны, где нет ни печали ни вздыхания. Вечным покоем и глубокой примиренностью дышит это место, осененное святым куполом Иверской церкви, под алтарем которой спит вечным сном молодой русский епископ Лондонский Владыка Николай.

* Белградцы в память нашего молитвенного общения заказали икону Божией Матери Иверской на Афоне и послали к Св. Пасхе эту икону мне сюда. Теперь эта икона находится в нашей церкви Дома Милосердия.

Есть на кладбище и сербская прекрасная небольшая церковь в честь Святителя Николая. Отрадно и хорошо пройти по дорогам кладбища, идеально чисто и красиво содержащегося, покинув шумный, смятенный город, полный волнений и тревог. Хорошо прийти к тем дорогим могилам, где покоятся родные русские люди, и принести им привет с далекой стороны, где так же живут и страдают русские изгнанники и так же под сенью святых крестов на тихих кладбищах покоятся бранными останками вечным сном.

Главной церковью Белграда до постройки собора святого Марка являлся старый Белградский кафедральный собор. Собор этот строгой готической архитектуры, что свидетельствует о том, что в Сербии еще сильнее, чем в России, в свое время было западное влияние. Красив собор внутри пышной, роскошной красотой XVII столетия. В этом соборе в день рождения короля – 4 декабря нового стиля – я совершил по просьбе Патриарха благодарственный молебен.

Король в это время был в столице Хорватии – Загребе, но от королевского семейства на молебне присутствовал двоюродный брат короля – великий князь Павел с супругой великой княгиней Ольгой Николаевной – дочерью великой княгини Елены Владимировны. Все министры Югославского королевства, блестящий ряд военных и штатских чинов в блестящих парадных одеждах наполняли собор. Со мной служили епископы – Преосвященный Тихон Сремский, ныне Герцеговинский, и Преосвященный Митрофан, настоятель Раковицкого монастыря, – и множество священников.

Сербское богослужение некоторыми подробностями отличается от нашего. Особенно отличается пение, напоминающее то древнее пение, которое духовно пленило наших предков, – демественное⁴⁸ пение греков и всех православных славян. Наш слух отвык от этих звуков, и воспитанному на западных образцах, под западными звуковыми влияниями, нашему уху напевы демественного пения кажутся чуждыми и необычайными. Но я полюбил сербское пение. Сквозь непривычные мелодии я старался проникнуть в глубины святого вдохновения, которое руководило творцами демественных напевов, и улавливал в них шепот веков, овеянных молитвой. В сербском пении обычно мелодию ведет один певец, прочие же только следуют за ним. Ведущий певец устанавливает сам мелодию – и если у него красивый голос, если он музыкально образован и хорошо владеет искусством пения, тогда священные песнопения звучат удивительно сильно и духовно молитвенно, безыскусственно просто, глубоко вдохновенно.

Язык, принятый в Сербской Церкви, так же как и в Болгарской, – это наш церковно-славянский язык, и до сих пор в сербских церквях служат обычно по служебникам и другим богослужебным книгам, печатанным в прежней России. Только недавно сербы стали печатать свои богослужебные книги, но и те перепечатавают с наших синодальных изданий.

Как известно, наш церковно-славянский язык – это русская обработка древнего славянского языка, и было время, когда у сербов и у болгар существовали свои обработки этого языка, несколько отличавшиеся от нашей. В старинных сербских богослужебных книгах встречаются образцы этого языка. Им же написаны некоторые из донныне совершающихся богослужений местным сербским святым. Но в XVII и XVIII веках, когда католическая пропаганда стала чрезвычайно усиливаться в славянских странах и католики стали посылать в Сербию изданные у них богослужебные книги с некоторыми переделками, например с прибавлением слов «и от Сына» в Символ веры, тогда для избежания соблазна и разноречий славянские церкви решили пользоваться при богослужении только книгами, печатанными в России, как получившими каноническое авторитетное подтверждение.

В 1766 году была турками уничтожена самостоятельная Сербская Патриархия, и с тех пор голос единственной самостоятельной славянской Православной Церкви Великой России стал особенно авторитетен для всего славянского православного мира. Вероятно, нигде в мире не сохранилось столько старинных русских богослужебных книг, как именно в Сербии.

Прекрасный, большой и благолепный храм в честь святого Александра Невского воздвигли сербы на том месте, где в семидесятых годах прошлого столетия стояла походная церковь русских добровольцев генерала Черняева, участвовавших в войне за освобождение Сербии. В этом храме на мраморной плите высечена надпись: «В память Царя Освободителя – Николая Друга⁴⁹». В том же храме находится мраморная доска, память Царя-мученика от пажей Императорского пажеского корпуса во главе с королем Александром, который, как известно, также получил образование в Российском пажеском корпусе.

В этом храме пред памятником Государю Николаю II всегда горит неугасимая лампада, имя нашего Государя свято чтится сербским народом, как имя мученика за Россию и за все славянство.

Прекрасна старинная Вознесенская церковь в Белграде, где теперь поет большой и сильный хор русских и сербов под управлением русского регента.

Есть еще старинная маленькая церковь в честь святого Саввы, первого архиепископа Сербского, самого почитаемого в Сербии святого. Около этой церкви в недалеком будущем предполагается построить также большой величественный собор – еще больший и более величественный, чем строящийся ныне собор святого Марка.

Но самой старинной, дышащей столетиями церковью в Белграде является церковь во имя святой Розы* в пределах древней, еще римских времен, белградской крепости Калемегдана.

Когда вы пройдете роскошный, благоухающий, пестро цветущий Калемегданский сад и подойдете к пределам крепости над берегом Дуная, у места слияния его с Савой, вы окажетесь как будто в совершенно другом мире. Сурово нахмурились древние, пережившие тысячелетия стены, мрачно вззирающие на этот суетливый мир своими бойницами и зияющими ранами, полученными от австрийских снарядов в последнюю войну. Сурово и пристально смотрят на воды Дуная угловые башни, прислушиваясь к тому рокоту волн великой реки, который шумит у их подножия столько столетий.

В пределах этих-то старинных стен притаилась и церковь святой Розы и почитаемая всем православным миром пещера святой преподобной Параскевы. Церковь святой Розы стоит на этом месте вот уже почти тысячелетие. Даже турки пощадили эту церковь и никогда не трогали ее, допуская православных совершать здесь богослужения, хотя церковь и находилась в пределах городской крепости. У входа в эту церковь поставлены ныне две литые из бронзы могучие фигуры двух стражей церкви, двух воинов – один в шлеме, в броне и латах рыцаря XII столетия, времен начала сербского великодержавия, другой в мундире нынешнего солдата возрожденной сербской армии.

И стоят они, эти тени протекших тысячелетий, на страже святой Церкви как символы христоролюбивого воинства, которое было, и есть, и будет всегда слугою и рыцарем Церкви Христовой.

Рядом с церковью святой Розы находится пещера святой преподобной Параскевы, благоговейно почитаемой в Сербии святой, которая глубоко чтится и русским православным народом под именем Параскевы Пятницы**.

* Сербь вообще любят переводить значение имен на славянский язык. Так, вместо Феодор они называют – Божидар, вместо Феофан – Боголюб и т. д. Святую Анфису они называют святой Розой.

** Параскева по-гречески значит Пятница. А эта святая, будучи славянкой, и звалась Пятницей, т. е. по-сербски Петкой.

В день праздника в честь святой Параскевы-Петки мы были в ее пещере, где в течение ряда веков хранились ее святые мощи. Мы пришли туда под вечер, когда никакого богослужения там уже не совершалось. Шел проливной дождь, и тем не менее народ непрерывной лентой тянулся к святой пещере, к тому чудесному источнику, который бьет в глубине этой пещеры и почитается священным благочестивым православным народом. В толпе были и простолюдины-селяки из окрестных деревень, и городские жители, и особенно много солдат и офицеров белградского гарнизона. Каждый из них считал своим долгом войти в темную пещеру, помолиться там, поставить свечу пред образом святой Параскевы и получить от дежурного там стража немного святой воды из источника преподобной Параскевы.

Утром же, во время литургии, как рассказывали нам, здесь, у церкви и у пещеры, была несметная, огромная толпа молящегося народа, пришедшая из всех окружающих поселков и деревень, так же как и со всего Белграда, на «славу» святой Петки.

Благочестие сербского народа несколько своеобразно и не во всем похоже на русское благочестие. Сказывается на сербском народе его многосотлетнее пребывание под гнетом турецкого ига, когда все официальные, торжественные внешние проявления церковной жизни находились под гнетом и преследованием, когда каждый посещавший церковь находился под опасностью внезапного вторжения турок в храм и захвата христиан, когда православные храмы покоренные племена должны были строить в самых низких частях города и не выше определенного уровня, чтобы церкви были бы ниже всех городских мечетей и областного турецкого управления. Сражавшиеся в глухих лесах, тущобах и горах за Веру и Родину, сербы не имели возможности построить церкви, но молились под открытым небом в лесах и горах.

Эти тяжелые условия создали то, что сербы мало ходят в церковь. Только теперь под русским влиянием и благодаря упорным и настойчивым стараниям Патриарха и некоторых представителей сербского духовенства начинается постепенное приучение населения Сербии к посещению храмов. Но внутренне, в душе и в домашней жизни, сербы сохранили глубокую религиозность и настоящую православную церковность. Особенно характерен старинный сербский обычай, так называемые «славы». Обычай этот связан с теми древними временами, когда в IX столетии при великом князе Мутимире язычники-сербы принимали христианство. Святой, в честь которого получал имя новокрещеный серб, становился покровителем не только новообращенно-

го, но и всей его семьи, а впоследствии всего его рода, и празднование памяти этого святого строго сохранялось в православных сербских семьях, переходя из поколения в поколение до сего дня. Праздник «славы» сопровождается глубоко почитаемыми церковными обрядами. Даже самая бедная, самая скромная крестьянская сербская семья к этому празднику обязательно приготовит все самое лучшее: богатое угощение, торжественный стол для достойного принятия гостей. Не праздновать «славу» для серба значит отречься от веры, от национальности, от всего самого святого. «Слава» короля Александра бывает на святого апостола Андрея Первозванного, а «слава» Святейшего Патриарха Варнавы – на святого Иоанна Предтечу, 7-20 января.

Религиозность сербов сказывается в том почтении, с каким относятся они к духовенству. Все дети и многие взрослые при встрече на улице всегда приветствуют духовенство трогательным приветом – «любим руке», т. е. «целуем руку», на что епископ или священник отвечает «живи были», т. е. «будьте здоровы». В северных же областях страны, находившихся под воздействием австрийцев, общераспространенным приветствием при встрече являются священные слова: «Хвален Иисус». С глубоким одобрением отмечаю я этот обычай и чрезвычайно сожалею, что у нас ни школа, ни семья не обучают детей тому же. Прощаясь, сербы всегда говорят: «С Богом». Этот добрый привет отрадно слышать постоянно по всей славянской стране. А в войсках начальник здоровается со своими подчиненными словами: «Поможи Бог, юнаци!» Те же отвечают: «Бог ти помогло!» В каждом городке Сербии, в каждой даже маленькой деревушке есть прекрасные церкви, которые местное население окружает глубокой любовью и заботой. Каждый серб всей душой предан своей родной вере и готов защищать ее до последней капли крови. В этом воспитали его поколения героев, доблестно умиравших за Крест честной и свободу златну. Сектантство, измена Православию совершенно неизвестны в Сербии.

За время нашего пребывания в Югославии мы посетили много городов и монастырей. Мы были в тридцати одном городе, там в двенадцати монастырях и за три месяца нашего пребывания в Югославии прочитали семьдесят две лекции.

Мы поклонились там мощам святых архиепископов и патриархов сербских: Арсения, Саввы Второго, Никодима, Иоанникия, Ефрема, Спиридона, Макария, Гавриила, Евстафия, Иакова, Даниила, Саввы III, Григория, Иоанна, Максима и Никона, мощам святого царя Лазаря, царя Уроша, великого князя Иоанна Сербского, архиепископа Максима, преподобной Ангелины, великомученика Феодора Тирона, мучени-

ков Евгения, Ореста, Евстратия, Авксентия, Мардария и честнейшей деснице святого Иоанна Крестителя.

Центром государственного бытия сербского народа и всего Королевства Югославии является король Александр I Карагеоргиевич. Вероятно, в мировой истории найдется мало примеров, когда властелин какого-либо государства перенес бы столько испытаний вместе со всем своим народом, деля и радости, и горести, и страдания, как это всегда делал король Александр.

Начиная с 1912 года, в течение всех шести лет непрерывной тяжелой войны он всегда делил все трудности, все страдания боевой обстановки со всем народом. В Балканской войне 1912–1913 годов он руководил операциями против турок. В 1914 году после краткой передышки он защищал Белград от австрийцев, потом стал во главе армии, отступавшей шаг за шагом, пядь за пядью, обливая кровью каждую малейшую полосу родной земли, защищая ее против во много раз сильнеешего неприятеля. А когда после выступления против Сербии болгарских войск это отступление сербов превратилось в катастрофу, когда они немедленно должны были оставить свою родную страну, тогда и Александр, в те времена наследник Престола, пошел страшным мученическим путем с родной армией по горам и неприступным вершинам Албании, плача кровавыми слезами вместе со своими солдатами, прощаясь с родной землей, не зная, что ждет впереди среди дикого враждебного албанского народа с вражеской армией, преследующей по пятам.

Как святыню, несли сербские солдаты с собой своего престарелого короля Петра, отца Александра, пронося его на руках в носилках по неприступным горным тропинкам, по дорожкам, где только горные серны решались проходить. И Александр был также всюду, в каждой минуте этого истинно героического перехода со своими солдатами.

Отступление шло по направлению Ниш – Крагуевац – Валево – Рашка – Митровицы – Призрен – Джаково – Печь – Андриевац – Подгорица – Скутари – Сан Джиовани да Медуа.

От Печи были только горные тропинки по горам, покрытым снегом, над пропастями, достигавшими 2 500 метров глубины. Горы эти носят название Чакар – Проклятые. Отступало не только войско, отступала вся страна: дети, женщины, весь призывной возраст, больные, раненые. Это была поистине Голгофа страданий сербского народа.

Измученные, истощенные матери бросали в отчаянии умерших детей в пропасти и бросались сами за ними. Войска бросали в пропасти оружие. Сотни и сотни умирали на пути от истощения, болезней и голода.

Из 60 000 молодых людей, выступивших из Южной Сербии через Албанию, к морю вышли только восемнадцать тысяч.

Одно албанское племя, враждебное сербам, по горным тропам и ущельям систематически убивало всех сербских беженцев и солдат, и от пуль этих разбойников погибли несколько тысяч сербских солдат, женщин и детей.

Когда, наконец, в ноябре-декабре 1915 года, отражая бешеные атаки неприятеля, разбитая, полузамерзшая, голодная, истерзанная сербская армия вышла с гор к морю, был момент, когда казалось, что пришли последние минуты для этой армии. Враги окружали ее со всех сторон, выход был только к морю, но на море друзей у Сербии не было. Россия в Адриатике не имеет сил. Италия была бы только рада уничтожению Сербии, Франции было слишком много дела дома, чтобы заниматься несколькими тысячами разбитых героев. Известие об этом положении сербских бойцов разнеслось по всему миру, и тогда Россия в лице великого своего Государя отправила немедленно заявление представителям Франции, Англии и Италии, что если остаткам сербских войск на берегах Адриатики не будет оказана тотчас же помощь, то она – Россия – сейчас же прекратит войну, ибо ради Сербии она войну начала. Это заявление возымело действие: соединенный франко-итальянский сильный флот был послан к берегам Албании.

Но в том месте, где сосредоточились сербские герои, посадку их на союзные корабли произвести было нельзя. Слишком близки были австрийские крепости, имевшие возможность обстреливать транспорты с войском. Военный катер французского адмирала приблизился к берегу и предложил сербскому командованию прорываться дальше на юг. В то же время, сознавая опасность этого маневра для истерзанной, истощенной сербской армии, окруженной бдительными и сильными врагами, капитан катера от имени французского адмирала предложил королевичу Александру сесть на катер и встретить свою армию в безопасном месте, где можно будет совершать посадку войск на корабли.

Александр отказался от этого. Мог ли он – переживший со своей армией тысячи раз смертельные опасности, трагедию оставления родной земли, молитвы в минуты нестерпимых мук, морозные ночи на вершинах гор, беспрестанные налеты албанских партизан и неустанную канонаду австрийских орудий, – мог ли он оставить своих воинов в часы последней страшной муки? И он не оставил. Вместе прошли они еще в течение нескольких дней, истекая кровью, сотню верст по морскому берегу и покинули на чужих кораблях родные пределы.

Лишь ледовый поход через горы и леса Сибири наших каппелевских героев⁵⁰, пронесших с собою останки своего вождя, может сравниться по силе трагизма с этими страницами сербской истории.

Но, благодарение Богу, сербам готовилось не столь трагическое продолжение их судеб.

Сербскую армию союзники переправили на юг Балканского полуострова, на так называемый Солунский фронт.

Два года участвовали здесь сербские войска во всех операциях союзников.

1918 год был здесь столь же решителен, как и на всех фронтах войны. В октябре было назначено общее наступление союзников на противника. В наступлении, конечно, участвовали и сербы. О, они хорошо знали, что там, вдалеке, пред ними, за вершинами Македонских гор, лежат священные для них места: города и храмы Неманичей, леса и равнины Шумадии, великий плавыи⁵¹ Дунай.

Это хорошо знал и сознавал каждый серб – от Александра до последнего солдата. И конечно, ни одна другая часть разноплеменного войска, стоявшего на Солунском фронте – ни французы, ни англичане, ни негры, ни арабы, ни индусы, – не была одушевлена теми чувствами, теми настроениями, теми искрами светлых надежд, которые горели в сербских сердцах. И потому для них начинавшееся наступление имело особенный смысл: оно было путем на родину.

И вот неукротимым порывом сербы смяли стоявшие перед ними войска и проникли в глубину расположений противника. Остальные союзные армии, также начавшие наступление, скоро остановились, но сербы продолжали наступать. Как же могли они остановиться, когда пред ними были Охрид, и Битоль, и берега Вардара, и сербские деревни, и сербские города! Напрасно штаб союзных армий присылал Александру приказания прекратить наступление и вернуться к общей линии союзных войск. Александр, имевший одну душу со своей армией, в эти решительные часы знал, что он делал. Он развивал наступление. Для него, как и для каждого серба, не было безразличным, кто войдет первый в пределы родимой Сербии: он ли с юга или итальянцы с севера.

И великий геройский порыв победил: противник не выдержал нападения. На всех участках Солунского фронта стали свертываться войска немцев, австрийцев, турок и болгар. Дорога в Сербию была открыта, страна встала освобожденная, народ слезами радости орошал дорогу вождя-освободителя, единокровные, дотоле порабощенные племена хорватов и словенцев присоединялись к радости своих брать-

ев, маленькая героическая Сербия становилась великим Королевством Югославии, и будущий король ее, ее герой Александр навеки сковывал несокрушимые узы единения со своим народом.

И потому заслуженной яркой, незапятнанной славой сияют золоченые купола королевского дворца в Белграде, увенчанные коронами и белыми двуглавыми орлами Югославии. Королевский дворец красив. Красив он и гранитными серыми стенами, и роскошно прекрасным садом-цветником, и золотыми коронами, и белыми двуглавыми орлами, но настоящая красота, его великое духовное сокровище бережется далеко в глубине этих стен, в небольшой, но благолепной дворцовой церкви. Там хранятся величайшие святыни: десница святого Иоанна Предтечи, та самая десница, которая в оные дни покоилась на главе Спасителя в момент крещения в Иордане, стариннейшая икона Божией Матери, подлинник, писанный Евангелистом Лукой, и частица Животворящего Древа Креста. Эти великие святыни до дней страшной бури, разразившейся над нашей страной, бережно хранились в драгоценных ковчежцах в церкви Зимнего дворца, в царственном Петербурге. Императрица Мария Феодоровна и великие княгини вывезли эти святыни из пределов смятенной России и передали их Блаженнейшему Митрополиту Антонию, а Владыка вручил эти святыни на хранение царственному вождю православного сербского народа.

Редко кому разрешается теперь преклоняться пред этими великими святынями. Они хранятся обычно в потайном хранилище, недоступные для постороннего взора.

Я имел великое счастье еще в прежнее время, еще в Зимнем дворце преклониться пред этими святынями, иметь же это счастье снова в Белграде я не смел и надеяться. И вот, как раз утром 16 октября, в день моей епископской хиротонии, я получил возможность быть у короля во дворце и в дворцовой белградской церкви преклониться пред великими вселенскими святынями, которые для этого были перенесены в церковь из потайного хранилища. С трепетом благоговения, с глубоким умилением преклонились мы пред святейшими святынями, видя пред собой ту священную десницу, которая некогда возлежала на главе Спасителя, преклоняясь пред частью того Животворящего Древа, на котором ради нас, недостойных, пострадал Христос, молясь пред иконой, которую созерцали пречистые очи Той, Кто изображена на образе.

Дворец состоит из нескольких отдельных зданий. Огромный красивый тронный зал занимает центральную часть его. В верхней своей части этот зал соединяется с библиотекой, художественно переплетенные книги в которой содержатся с бережливым, заботливым внимани-

ем. Справа от большого зала во двор дворца выходит красивое крыльцо, с которого в прежние годы говорил народу король Петр. Теперь этот двор обращен в удивительно красивый, с большим вкусом сделанный сад, в котором иногда играет музыка – оркестр королевской гвардии, доставляющий художественное наслаждение жителям Белграда.

Широко развита в Белграде и научная и учебная работа. Стараниями короля и культурных руководителей сербского народа, которым большую помощь оказывали русские ученые, Белград стал не только политическим, но и культурным центром Югославии.

И научная, и учебная работа сосредоточивается главным образом в Королевском Белградском университете. В стенах этого университета учится много русских студентов. И, как всюду, как всегда, русские студенты держат высоко свое знамя, идя впереди прочих на поприще науки.

Много русских ученых трудится в этом университете, и вообще в научной жизни Югославии русские ученые играют большую роль. В медицинском мире Югославии значительная роль принадлежит докторам: профессору Игнатовскому, Софотерову, Трегубову и др. Между прочим, в больнице профессора Игнатовского лечился Святейший Патриарх во время тяжелой и опасной болезни, которой он был болен в сентябре минувшего года. Научную работу в области геодезии налаживал в Югославии русский профессор генерал Свищев, в области искусства по исследованию древнесербской живописи и архитектуры, столь близких и по духу и по оформлению к лучшим образцам нашего древнего искусства, много трудятся С. Н. Смирнов, барон Мейендорф и ряд других лиц.

Но не только в чисто научной области искусства сыграли русские значительную роль. И техническая сторона жизни нового родного нам по вере и крови королевства в значительной части налажена ими же. И притом необходимо отметить, что только благодаря тому, что как раз в решающий, переломный момент истории Югославии, когда малая и по пространству, и по техническим масштабам Сербия преобразовывалась в значительную державу, в нее хлынула могучая струя высококультурных сил русской эмиграции, – только благодаря этому государственное преобразование этой державы прошло столь блестяще и удачно и во внутреннюю жизнь славянского королевства не проникли чужие, инородные элементы. Таковое свидетельство мы с чувством глубокого восхищения всюду слышали от родного нам, дружественного сербского народа. Так, например, в 1915 году в Сербии было только сто шестьдесят два врача. Они никогда не могли бы справиться с громадной рабо-

той в новообразованном Королевстве Югославии. Им на помощь пришли триста двадцать русских врачей. И теперь в Югославии пять тысяч врачей.

В настоящее время Югославия обладает собственным большим штатом культурных работников. Для подготовки их по всей Югославии существует очень значительное число школ, гимназий и высших специальных учебных заведений. В Белграде шесть сербских гимназий.

Для русских в Югославии представлен полный простор – учить ли детей в сербских учебных заведениях или в специальных русских, существующих в Белграде, где есть мужская и женская гимназии, или в городе Белая Церковь, где есть русский кадетский корпус и женский институт.

При русской гимназии в Белграде есть благолепная и благоустроенная церковь, которую учащиеся любят трогательной любовью и окружают большой заботой, где я совершал литургию и молебен Божией Матери и вел беседу с учащимися. Кроме гимназии в Белграде есть и низшие русские школы, находящиеся под ведением Православной Русской Церкви.

Тяжелое экономическое положение, в котором находились русские с самого момента своего прибытия в Югославию, вызвало широкие и постоянные попечения югославского правительства, принявшего на себя заботы по оказанию моральной и материальной помощи русским в своих пределах. Это единственное, кажется, государство на всем земном шаре, где правительство отпускает значительные средства для помощи русским беженцам и дает возможность широко развернуться русским благотворительным организациям. Несмотря на тяжесть переживаемого сейчас всем миром глубокого кризиса, называемого в Сербии «врло тежка криза», югославское правительство продолжает оказывать широкую, щедрую помощь русским, ибо вся Сербия свято помнит свой глубокий долг благодарности пред нашим великим Царем и всем русским народом, неизменно отдававшим братскому сербскому народу лучшие свои чувства и силы, погибшим в начатой борьбе также во имя Сербии.

На правительственные ассигнования выстроено в Белграде великолепный, прямо роскошный дворец – Русский дом имени Государя Императора Николая Александровича⁵². В этом доме помещается русская гимназия, штаб русских соколов и различные художественные и ремесленные мастерские. Там же находится обширный и благоустроенный зал, в котором даются концерты, спектакли, читаются лекции, доклады. В этом зале происходили и мои лекции о Дальнем Востоке, к которым

добрые белградцы, как русские так и сербы, проявили столько любви и внимания. Есть там роскошная королевская комната, отделанная под малахит, в которой бываюл приемы наиболее почетных гостей. Там принимал Русский дом в день своего открытия короля Александра.

В Русском доме помещается также Державная комиссия, через которую югославское правительство оказывает поддержку русским беженцам. Комиссия эта, возглавляемая г. Беличем и г. Орешковым, поддерживает культурные начинания и просветительную работу в среде русских эмигрантов.

Частью на средства, выдаваемые правительством, частью на общественные пожертвования широко развил свою работу Русский Красный Крест⁵³, имеющий в Белграде два приюта, в Великой Кикинде большое и прекрасно устроенное убежище для хронических больных и престарелых, а в Панчеве великолепный блестяще оборудованный русский госпиталь. В здании детского приюта Красного Креста были предоставлены комнаты и нам с о. Нафанаилом во вторую половину нашего пребывания в Югославии. Так что и там мы находились в привычной и столь близкой сердцу обстановке дела милосердия, и тем ярче, тем сильнее постоянно, ежеминутно вспоминался нам наш родной и любимый Дом Милосердия в Харбине. Нас постоянно окружали там милые, сердечные, чистые детки – также сироты обездоленных русских беженцев.

Кроме этих благотворительных учреждений, получающих постоянную и широкую помощь со стороны правительства Югославии, есть в Белграде и другие благотворительные учреждения, обслуживающие русских. Из них прежде всего необходимо указать на два убежища для престарелых и больных, организованные и поддерживаемые человеком замечательной доброты и большого сердца – Миланом Михайловичем Ненадичем, бывшим еще недавно министром Королевского двора, ныне же оставившим блестящее положение и всецело посвятившим себя делам милосердия. Он верный друг старой России, служивший в прежнее время в Петербурге в сербском посольстве. С ним я имел большую радость и честь душевно, искренне подружиться.

Я посетил оба его учреждения, в каждом из них находят себе приют 50-60 несчастных страдальцев, измученных жизнью, не имевших на старости лет своего угла и пристанища. В убежищах М. М. Ненадича они находят для себя пристанище и трогательную о них заботу. С глубоким благодарным пониманием, с сердечнейшей признательностью относятся насельники этих убежищ к своему доброму попечителю – М. М. Ненадичу. Среди этих насельников есть много носителей

славных исторических имен России, много таких, положению которых завидовали вельможи. Но все они нашли в себе силы искренне благодарить Бога за те скромные радости и мирный закат жизни, который им посылает Господь трудами и заботами доброго христианского сердца, великого духом благородного славянина М. М. Ненадича.

Очень много трудится для налаживания жизни русской колонии в Югославии, для оказания помощи нуждающимся, для урегулировки взаимоотношений с югославянской администрацией бывший русский посланник в Сербии – В. Н. Штрандман. Когда-то представитель Великой России в Сербии, человек, на которого в решительные предвоенные минуты были обращены взоры всего сербского народа, ибо при его участии решались судьбы самого государства Сербии, В. Н. Штрандман теперь в новой своей скромной роли продолжает добрую плодотворную работу, храня добрую честь русского имени.

Общественная жизнь в русских кругах Белграда развита чрезвычайно сильно. Многочисленность организаций и сложность их взаимоотношений далеко не способствуют успешности их деятельности. Но это явление, увы, свойственно вообще всей русской эмиграции за немногими исключениями.

Из этих многочисленных организаций укажу на некоторые. Сильны и сплочены военные объединения. Из них наиболее мощной организацией является Общевоинский союз, имеющий свой центр в Офицерском собрании – большом благоустроенном доме с большим залом, где военные круги Белграда имеют возможность устраивать собрания, доклады, лекции. Там наряду с Русским домом мною было прочитано много лекций.

В этом доме помещается музей всевозможных близких воинскому сердцу регалий, реликвий, символов, портретов русских военных героев Великой войны и белого движения.

Там же есть и комната галлиполийцев⁵⁴ – святое святых белого движения юга России. Только попав на Запад, только соприкоснувшись с теми последними паладинами русской национальной работы, которые прошли огненные испытания Крыма и Галлиполи, я понял, что значило галлиполийское сидение для кристаллизации остатков русской армии, для сохранения в темной мгле эмигрантского существования немержнувших факелов патриотической жертвенности.

В Галлиполи совершилось великое чудо. Разбитые, павшие духом части русской белой армии, переведенные на полуостров чужой земли, сумели в течение краткого времени, несмотря на полуголодное существование, несмотря на презрительно-снисходительное отношение

иностранных сфер, несмотря на тягчайшие условия жизни, преобразиться в русские воинские части и в таком достойной виде эвакуироваться в пределы славянских земель, где они были приняты не как отдельные личности, а именно как русские воинские части.

Кроме этого сравнительно скромного практического результата пребывание в Галлиполи дало нам образец для будущего, показывая, как русские люди и на чужбине с малыми возможностями могут добиться великих результатов, как легко исчезает наша пресловутая неумелость и неорганизованность пред силой духа и жертвенным порывом.

Галлиполийцы и все воинские организации Европы свято хранят память о двух годах галлиполийского сидения Врангелевской армии, и в этих воспоминаниях почерпали свои силы год за годом те, кто следовал за Врангелем и Кутеповым по указанным ими путям.

При каждом моем посещении офицерского собрания, на каждой лекции, на каждом докладе и особенно ярко во время прощальной моей лекции военные круги русских в Югославии всегда выражали свое глубокое единодушие и братские чувства к своим братьям, русским воинам Дальнего Востока – единство веры, любви и стремлений и свою постоянную готовность к жертвенному сотрудничеству с воинами Дальнего Востока.

С большой любовью и тесным дружным единением встречались мы всегда в Белграде с небольшой, но крепкой духом организацией сибиряков, т. е. тех, кто в то или иное время побывал в Сибири или боролся на белом фронте в рядах колчаковской армии.

Святыней этого союза является большая и прекрасная икона Александра Невского, стоящая в русской церкви в память о мученически погибшем сибирском вожде Александре Васильевиче Колчаке. С теплым глубоким сочувствием я благословил этот союз иконой нашего сибирского великого святого Иннокентия Иркутского. В этом союзе работают генерал Флуг, генерал Романовский, генерал Добржанский, П. Н. Аксаков и многие другие.

По своим духовным устремлениям, по своей памяти о любимом Дальнем Востоке Сибирский союз в Белграде является крепким звеном единения между двумя половинами русских изгнанников – Дальнего Востока и Европы.

Среди кипящих, пылающих светлыми стремлениями, полных энергии и сил организаций молодежи самой могучей и жизнедеятельной в Белграде является организация младороссов⁵⁵. Я посетил первое организационное заседание этого движения и с глубоким сочувствием и искренней радостью стал свидетелем глубоких, добрых,

горячих чувств, воодушевляющих эту хорошую патриотическую русскую молодежь.

Особенно трогательно, особенно задушевно было наше общение с представителями младоросского движения – гр. Толстым и Тарасовым – во время моей прощальной лекции, когда младороссы просили меня передать их горячий, огненный привет и полное единомышленное устремление к Великой Матери России своим братьям по вере и мысли, по целям на Дальнем Востоке. И на молитвенную память о нашем духовном единении передали они мне икону Божией Матери. Много хорошей, энергичной и жертвенно настроенной молодежи работает в рядах Национального союза нового поколения⁵⁶, где наиболее плодотворную и глубокую работу проводит профессор Георгиевский.

Есть хорошие и полезные организации соколов и скаутов.

Для объединения всех русских людей, принужденных тяжелым трудом зарабатывать себе пропитание, для внесения духовных начал в их тяжелую и трудную жизнь в Белграде, так же как и всюду в Европе, существует Союз христиан трудящихся⁵⁷, в котором много и самоотверженно работают Г. Г. Миткевич и О. П. Данилевич. Организация эта имеет свои отделения по всем городам Югославии и объединяет на добрых христианских началах многие тысячи русских людей.

В самом Белграде и некоторых других городах среди русских работает Братство преподобного Серафима, возглавляемое П. С. Лопухиным, братом хорошо известного в Харбине и глубоко всеми уважаемого Н. С. Лопухина. Это братство развивает широкую культурно-просветительскую, религиозную работу среди русских. Братство устраивает лекции, доклады, раскрывающие церковное мировоззрение, и глубоко способствует оцерковлению православного русского населения.

Много и плодотворно работают русские организации на Западе, так же как и в наших краях, и Господь благословляет эту работу.

Несмотря на все разделяющие нас тысячеверстные пространства, моря и океаны, единой жизнью, едиными мечтами, надеждами и стремлениями живет и работает по всему миру рассеянная русская эмиграция.

И в Белграде, вообще во всей Югославии, русские имеют большое счастье, большую радость жить и работать в среде народа, столь близкого нам по вере, по крови, по исторической тесной братской связи, под скипетром высокого духом и разумом доблестного короля-рыцаря Александра Карагеоргиевича, под духовным руководством и под святыми благословениями великого архипастыря Святейшего Патриарха Варнавы, неизменных верных друзей прежней Великой России.

2. Сремские Карловцы

В светлый праздник Рождества Богородицы, теплым-теплым, почти летним днем, совершенно не чувствуя наступления осени, покинул я прекрасную столицу Югославии – Белград и приближался к древней патриаршей столице Сербской Православной Церкви – к городу Сремские Карловцы.

Утром в этот праздничный день в белградской русской церкви совершил я Божественную литургию, начав этим свое духовное общение с православным русским населением Югославии, и светлое праздничное чувство этого дня усиливалось во мне от сознания, что через несколько мгновений я увижу того благословенного Старца, с именем которого так тесно связана огромная страница истории Русской Церкви, того Старца, у которого еще во дни моей самой ранней юности почти сорок лет назад с детским трепетом благоговейного восторга я держал жезл в храмах далекой родимой Казани, которого не видал вот уже пятнадцать лет. В Сремских Карловцах я должен был увидеть митрополита Антония.

Протяжно гудя на многочисленных извивах и поворотах, быстро мчится наш поезд. Вот он исчез в темном мраке глубокого туннеля, вот опять помчался по светлым, залитым солнцем полям, вот еще поворот – и пред нашим взором открылся маленький городок, над которым величественными, в небо ушедшими шпилями царил величавый патриарший дворец.

Славой овеваны, кровью и слезами политы страницы этой Патриархии, прямой наследницы древних патриархов сербских.

В конце страшного для сербов XVII века неожиданно, казалось, счастье улыбнулось им. При поддержке знаменитого полководца Морица Саксонского успешно и блистательно росло и ширилось могучее национальное движение в поработанных турками городах и селах Сербии. Множились и крепи дружины славных комитов – партизанских борцов за родную землю, скрывавшихся в лесах Шумадии и горах Старой Сербии. И вот неожиданным блистательным взрывом всего народа огромная область сербская оказалась в руках освободителей, турецкие войска изгонялись из сербских пределов, казалось, пробил час воскресения.

Но не поддержали этого великого подъема австрийцы, не захотели помочь воскресающей Сербии гордые венгры, родная Россия была далека, и, «в бореньи силы напрягая», – она еще кипела и волновалась кровавыми стрелецкими бунтами, и среди мальчишеских игр потешных зрела императорская реформа Петра.

И вот, как молодой орел с недоросшими крыльями со стоном падает после первого взлета, если не поддержат его могучие крылья старших орлов, так в зареве пожаров, сжигавших родные города, в потоках крови доблестных славянских борцов склонилось снова и снова знамя сербской борьбы.

Восстание сломлено, кипящие гневом и жаждой мести турки врываются в города и селения сербов, не щадя ни женщин, ни детей, ни священников, ни архиереев, благословлявших народную борьбу. Последние остатки народных бойцов отступают на север.

Тогда с древних, насиженных мест, из сел и городов, овеванных славными воспоминаниями, поднялся целый народ. С женами и детьми, со стариками-дедами и маленькими внуками, со священниками и архиереями, с самим Патриархом Арсением III во главе, со святынями, с иконами, с мощами, с реликвиями царей сербских, со всем, что было дорого и свято, – целый народ лесными тропами и горными переходами шел на север.

Какое перо, какой талант опишет всю глубину страданий этого народа, столь любившего свои родные места, когда они покидали землю великих отцов для неизвестного будущего. Плакали все: плакал старый Патриарх, сидевший на взмыленном, нервно вздрагивавшем коне, плакали старые суровые воеводы, партизаны, селяки, комиты, вожди и простые воины. Они не стеснялись своих слез, они знали, что эти слезы последний раз падают на родную землю.

И вот опустела старая Сербия. С высоких албанских гор на ее плодородные равнины и долины спустились дикие арнауты, из соседней Боснии пришли потурченные босняки – вот почему теперь в священных для Сербии местах Косовской Митровицы, Печи, Дечан слышится только албанская речь, почему древняя Эль-Босана ныне в албанских, а не сербских руках.

С последними истощающимися усилиями переправились сербы через широкий Дунай и из порабощенного турками народа стали подданными Австрийской империи.

Новые беды ждали несчастных, измученных людей на новом месте их обитания. Турки их гнали кровавыми гонениями, на которые они отвечали непрерывными восстаниями, – здесь их ждало хитрое, медленное и осторожное притеснение, стремление заглушить все родное, православное, славянское, превратить их, кровью смывших с себя все попытки потурчения, в швабских наймитов.

В тех городах, в тех селах, где были поселены бежавшие сербы, высоко и величаво поднимали свои гордые шпили великолепные католи-

ческие храмы. Умные и образованные католические священники разъясняли сербам всю выгоду для них переменить свою веру на блистательную веру австрийского императора, гордые венгерские и австрийские дворяне с презрением упоминали о вере холопов, которая не имеет ни достойных храмов, ни сколько-нибудь образованных священников.

Низко склонив голову, стиснув в глубоких страданиях руки, все это слышали православные сербы, вынесшие за свою веру столько огненных мук, и ничего не умели ответить они, не искушенные в спорах, не постигавшие тонкостей богословского образования, но твердо немудрым сердцем и чистым разумом знавшие, что свята их вера, за которую не колеблясь умирали их деды и отцы. И постигали в эти тяжелые минуты унижений православные сербы то священное искусство смирения, которое освящает души и которого много в православных сердцах, ибо Божественная воля именно путем глубокого смирения ведет Свою Церковь – Церковь Православную.

Но не хотели сербы, чтобы унижалось за свое убожество Православие, не хотели, чтобы над бедностью родных церквей смеялись чужие народы, и вот в начале XVIII века среди разоренных беглецов, среди скрывавшихся в горах комитов, среди простых селяков, не имевших часто лошади для обработки поля, но на себе самих и на своих старших сыновьях вспахивавших землю, среди этого нищего народа начались сборы на построение патриаршего собора и патриаршего дворца.

И каждый находил копейку, каждый находил грош, кто отдавал мешок с зерном, кто отдавал лошадь, кто сам шел работником на постройку – построение Палладиума сербской веры и народности шло быстро вперед. Заволновались было австрийцы и венгры, но, на счастье сербов, австрийский престол в это время занимала Мария Терезия, женщина мягкого характера и умная, матерински относившаяся ко всем многочисленным подчиненным ей народностям, и, тронутая самоотверженностью сербских бедняков, она не только не воспретила построения собора и дворца, но и сама внесла в это дело малую лепту.

И вот собор и дворец оказались построенными, и высоко над малым приграничным городом вознеслись острые шпили, осененные святым крестом.

С благоговением вступили мы в высокие величавые палаты этого священного патриаршего дворца, быстро прошли большой приемный зал и вошли в тихие комнаты, где веет веянием мира и праведности, в кельи митрополита Антония.

Владыка чувствовал себя плохо, его изнуряла длительная малярия. Только добрые, добрые глаза его загорелись радостным оживлением, уви-

дя гостей из далекой страны, но наше сердце уже было согрето, растоплено, залито мягкими волнами горячего, светлого чувства, и так беспредельно отраднo было прильнуть к этой отеческой груди, слышать эти вдохновенные слова, к которым вот уже больше полувека прислушивается, как к вдохновенным глаголам, вся Православная Россия.

Владыка радовался нашему приезду, благодарил нас за те малые труды, которые мы понесли при этом, горячо и благодарно говорил он о тех, кто материально помог мне в этой поездке. Владыка с волнением в голосе спрашивал, что слышно там, на далеких восточных границах нашей Великой Родины. И вдруг слезы потекли из этих добрых глаз, и мы услышали слова, которые запомнятся на веки веков, которые обожгли душу: «А я о России скажу пушкинскими словами: “Как вино, печаль минувших дней в моей душе чем старе, тем сильнее”». И снова заплакал чистейшими, тихими, но огненными слезами. Это плакал не старик, принужденный оставить землю отцов, не изгнанник, тоскующий по Родине, это плакал духовный вождь о своем заблудшем народе, духовный отец о страдающих детях. Так, вероятно, на священной Синайской горе плакал молнией осиянный Моисей, видя народ свой склоняющимся пред рукотворенными кумирами.

Много счастливых часов, много благодатных дней провели мы потом вместе с любимым Владыкой. Лаской, отеческой любовью, глубокой добротой Владыки были согреты все эти дни и часы. Я прочитал митрополиту Антонию все свои доклады и лекции о Дальнем Востоке, о нашей жизни, о наших надеждах и чаяниях, часто, часто это чтение окроплялось умилительными, чистейшими слезами Владыки. Слабый здоровьем, которое потрясли тягчайшие испытания, выпавшие на его долю, Владыка митрополит сохранил кристальную ясность ума, озарив ее праведнейшей чистотой сердца.

Владыка с интересом расспрашивал о церковной жизни Харбинской епархии, о просветительной деятельности и работе Духовной китайской миссии, и так как я не мог успеть прибыть на церковный минувший собор, то просил представить все ценные сведения в ближайшие сессии Священного Синода, что я по долгу и выполнил.

Особенно глубокое незабываемое воспоминание осталось у нас в сердцах о тех часах и минутах, которые мы провели на молитве вместе с митрополитом Антонием. Ежедневно утром и вечером совершали мы иноческое правило в келье Владыки митрополита, и во время этих молитвенных часов, казалось, он озарялся тихим, неземным светом молитвы, просто, трогательно, по-детски, как ребенок пред Любящим Отцом, предстоя пред Богом.

Вместе с митрополитом Антонием живет его верный, добрый послушник, сотрудник и келейник, беспредельно ему преданный, – архимандрит Феодосий, воспитанник Киево-Печерской лавры, истинно русский инок, крепкий духом, стойкий в вере, самородок, глубоко мудрый крепким русским умом.

Кроме покоев, занимаемых Митрополитом и отцом архимандритом, в нижнем этаже патриаршего дворца расположен ряд покоев, которые занимают митрополиты и епископы Сербские в период заседаний Синода или в период Собора, происходящего в Карловцах ежегодно.

По распоряжению гостеприимного, доброго Патриарха отвели прекрасные покои и мне, так что я мог при каждом моем приезде в Карловцы останавливаться в гостеприимных дворцовых покоях. Эта исключительная любезность Патриарха глубоко тронула мое сердце.

В верхнем этаже дворца находится маленькая домовая патриаршая церковь, отделанная художественно, прекрасно, в стиле XVIII века, когда и построен этот дворец и большинство церквей в этой стране – новом местожительстве сербском.

В боковых крыльях дворца расположены покои Патриарха и ряд великолепных, дивно роскошных комнат: императорских, ныне королевских, покоев, тронная зала Патриарха, залы заседаний Собора и Синода. Все эти прекрасные комнаты показывал мне сам Святейший Патриарх Варнава, когда после своего выздоровления и возвращения из больницы он с любовью принимал меня у себя в покоях.

И от внешнего величавого вида Святейшего Патриарха, и от его вдохновенных глаз, и от его блестящего светлого ума, и от любящего сердца его, от этих мудрых, продуманных, исполненных неоторимой силы речей – от всего его нравственного облика веет духом древних величайших духовных вождей великих православных народов. Таков был, вероятно, Амвросий Медиоланский, словом своим поддерживавший империи, таковы были патриархи цареградские и наши московские, всероссийские патриархи в лучший период расцвета Православного Царства.

Мы много говорили с Патриархом обо всех сторонах церковной жизни, обо всех многочисленных вопросах, волнующих Церковь Христову в наше время. И в каждом слове, в каждой мысли, которую так просто и так отчетливо высказывал Патриарх, был виден его широкий ум, его всеобъемлющее сердце, полное веры и любви Христовой, чувствовался настоящий духовный вождь, за которым с полным доверием может смело идти православный народ.

Глубокая духовная энергия и стремление к общей плодотворной работе на пользу родного народа звучат в словах Святейшего Патри-

арха, с которыми в минувшем году обратился он к руководимому им духовенству в первом годишњаке⁵⁸ Сербской Патриархии:

«Слуга Христов је и пријатељ и отац народа, те му не могу бити страна социјална, политичка и привредна питања која се тичу благостанња народа. Односи између цркве и државе, цркве и нације, цркве и књижевности, цркве и уметности, цркве и школе, дужности и права грађана, зла од корупције и узурпације, узаймна права и дужности рада и капитала, етика у трговини и саобрачају, социјализам и анархија – такве и сличне ствари су животна питања, тако животна питања, да се око њих крече општи мир и свеопшта безбедност.

Духовник је реформатор и на социјалном и на религиозном пољу, он је и патриот и проповедник. Земалско и вечно блаженство поверних му душа подједнако су му на срцу. Нека овај први годишњак Српске Православне Патријаршије покаже да сва дневна питања занимају и посланике Божије, чији је дух преданња противан одвеч наглим новаченима, а чије хришћанско милосерђе их гони да сваку праведну нову меру пригрле и унапреджују само ако се ради о помочи браћи која пате и непотребну невољу и немаштину трпе»⁵⁹.

Ја встречался с теперешним Патриархом Варнавој, тогда еще молодым епископом, в Петербурге в Александро-Невской лавре, где мы оба тогда останавливались, когда я был архимандритом. И я глубоко счастлив был возобновить это радостное духовное общение с великим духовным вождем православного славянского народа, столь родного нам. И с его стороны встретил я глубокую трогательную отеческую любовь.

Во все время нашего пребывания в Карловцах мы обедали и ужинали в патриаршей трапезной. Там за ежедневными трапезами тесной и дружной единокрушной семьей объединялись сербские митрополиты и епископы с русскими архипастырями. Там и мы познакомились со всеми с ними, с этими истинными вождями своего народа, из которых многие разделяли со своим народом и скорбь, и страдания в страшные дни военных бурь.

Мы встретили там Иосифа, митрополита Скопљанского, человека огромной энергии, крепкой воли, светлого ума, горячего патриота. В период войны с сербскими партизанами скрывался он, будучи еще иеромонахом, в глубине гор, ночуя под открытым небом, проходя где пешком, где верхом на лошади опасные и труднопроходимые места. И доныне он верхом объезжает многие горные места и селения своей епархии.

Познакомились мы с благостным, добрым и ласковым епископом Вениамином, воспитанником русской Кишиневской семинарии, отнесшимся особенно ласково к нам, гостям далекого Востока. Он также перенес вместе со своей паствой тяжелый исход народа из Сербии в Албанию и на остров Корфу во время Великой войны, основав там в тяжелых условиях изгнания сербскую гимназию.

Встретили там и великого духовного наставника всего православного сербского народа епископа Николая Охридского, златоуста Сербской Церкви, неустанно трудящегося на ниве пробуждения народной совести, укрепления веры православной своими миссионерскими письмами, своими огненными проповедями.

Много и других епископов, выдающихся своими талантами и горячей ревностью в церковных трудах, имеет Сербская Церковь. Из них необходимо еще указать старца Владыку Георгия Банатского, глубоко духовного, глубоко благородного, истинного отца своего народа; митрополита Досифея, с которым мы познакомились в Загребе, где я читал лекции; Владыку Тихона, главного помощника патриаршего; Владыку Емелиана, доброго и чуткого; глубоко культурного Владыку Иринея Новосадского и митрополита Черногорского Гавриила – человека выдающихся талантов и энергии, скромного и смиренного Владыку Викентия, Владыку Серафима Призренского и других.

В Сербской Церкви в настоящее время очень много работы, и сербские иерархи с помощью Божией работают много и плодотворно. Каждому епископу вменяется в обязанность дважды в год объехать всю свою епархию, чтобы быть самому в курсе ее нужд. Объезды эти обычно совершаются весной и осенью, когда крестьянские лошади свободны и легко могут быть предоставлены для нужд архиерея и его свиты, когда сами крестьяне свободны от работ и могут принять участие в церковных праздниках, которыми сопровождается объезд архиерея. Осенью же, когда у крестьян собран урожай и виноград, обычно производится и сбор на церковные нужды.

Мы говорили уже о сербском благочестии, о его своеобразии и отличии от благочестия русского. Здесь упомяну лишь, что как раз в Карловцах на «славе» Патриаршей Церкви в день святого Дмитрия Солунского мне привел Бог впервые принять участие в традиционном ритуале «славы». Накануне этого дня в храме была совершена торжественная всенощная. На литургии присутствовали все пребывавшие в Карловцы сербские и русские архиереи. Служили Владыка Георгий и Владыка Вениамин. После литургии служившие Владыки, митрополит Иосиф и я, т. е. четыре архиерея, совершили обряд освящения

хлеба и вина и сечения колача. Под пение «Исаия ликуй» и «Святити мученицы» мы трижды по трижды поднимали освященный колач, подобие артоса, повертывая его в наших руках, вливали вино в нижнюю сторону колача и разломали его по надрезам на четыре части. Потом подняли эти части и поцеловали их снова трижды по трижды. Таким образом я вступил в духовное родство с теми сербскими иерархами, вместе с которыми я принимал участие в обряде «слава».

Чрезвычайно единодушно и тепло прошло наше взаимное духовное общение с сербскими и русскими иерархами в патриаршем дворце во время моей лекции о Камчатке, о Маньчжурии, Китае и вообще о Дальнем Востоке. И сербские, и русские иерархи чрезвычайно живо и глубоко интересовались Дальним Востоком и той чисто русской жизнью, которая развивается и растет тут. Очень интересовала их и миссионерская работа как на Камчатке, так и в Китае и в Ниппоне (Японии).

В Карловцах познакомились мы с управлением Сербской Церковью и с некоторыми подробностями сербской церковной жизни.

Управляет Сербской Церковью Патриарх вместе с Синодом. Высшим органом управления является церковный собор, который созывается Патриархом ежегодно. Собор происходит в том самом помещении Патриархии, в котором останавливались мы во время нашего пребывания в Карловцах.

В Карловцах сосредоточено и управление Русской Церковью за границей. Синод, во главе которого стоит Блаженнейший митрополит Антоний, включает в свой состав живущего в Иерусалиме архиепископа Анастасия, архиепископа Гермогена, архиепископа Феофана и архиепископа Сергия. Во время моего пребывания в Югославии я также входил в состав Синода.

Во время моего пребывания в Югославии мы провели две сессии Синода, рассмотрев много серьезных, больших, важных вопросов. Особенно важно было учреждение на последнем заседании Синода Братства Святой Руси имени святого князя Владимира, которое должно объединить все русские национальные организации на общей, единой основе – Православной вере. Центр этого Братства находится в Сремских Карловцах, и возглавляет его Блаженнейший митрополит Антоний. Отделы Братства учреждаются во всех епархиях и миссиях, а отделения во всех приходах, разбросанных по всему пространству зарубежья. Тогда же на заседании Синода выработан был и знак этого Братства, которым должны награждаться заслуги отдельных лиц, творящих полезную церковную работу.

Отделы Братства, вероятно, в самом ближайшем времени будут организованы и у нас, на Дальнем Востоке. Блаженнейший митрополит Антоний возлагает большие надежды на это Братство, ибо считает, что именно Братство сможет положить конец тем раздорам и разделениям, которые так вредно отражаются на общей жизни русской эмиграции за границей.

Наши архипастыри, живущие в Югославии, приняли живейшее участие в работе по организации Братства.

Всею душою, сердечно сблизился я с добрым и отечески ласковым Владыкой архиепископом Гермогеном, Донским и Новочеркасским, который стал моим аввой – духовным отцом. Глубоко русский человек, донской казак по рождению, архиепископ Гермоген – горячий патриот России и казачества. Энергичный, предприимчивый, сильный духом, он однажды в начале тяжкого периода беженства с острова Лемноса в маленькой утлой рыбацкой лодке приплыл на Афон за пятьдесят с лишним морских миль. Целую неделю пробыл Владыка архиепископ в море среди бури, ветра и непогоды, одинокий на утлой лодочке. На Афон прибыл он, движимый великой ревностью увидеть и преклониться пред святыней православного иночества.

Архиепископ Феофан совершил великий подвиг, важную духовную заслугу перед русской эмиграцией, ибо он вывез из пределов России святую и чудотворную икону Курской Божией Матери «Знамение», перед которой теперь горячо и усердно молятся русские люди Белграда и всей западной эмиграции, ибо время от времени эту святую икону возят по всем православным церквам Европы. Вместе с тем эта святая икона является и залогом единения русских людей, ибо по благословению митрополита Антония молитвы перед ней совершаются во всех русских церквах, невзирая ни на какие разделения.

Архиепископ Сергей, Черноморский и Новороссийский, – очень престарелый Владыка, глубоко сосредоточенный в оказании помощи своим бедствующим в советской России близким, он пользуется внимательной и ласковой любовью всех наших иерархов и в свою очередь ласково и внимательно относится к своим собратиям и сотрудникам.

Для нужд Русской Церкви в Карловцах у митрополита Антония есть свой небольшой, более чем скромный храм, настоятелем которого является всеми любимый батюшка, отец архимандрит Феодосий. В этом храме ныне изредка по болезни, а прежде каждое воскресенье совершал Божественную службу Владыка митрополит Антоний. С этой кафедры в течение более чем десятилетия раздавалось его божественным вдохновением отмеченное слово.

В этой церкви в праздник Покрова Божией Матери посвятил Блаженнейший митрополит Антоний моего секретаря, о. Нафанаила, в сан игумена, наградив палицей и вручив после литургии игуменский жезл. Во вдохновенном, душу волновавшем слове он указал юному игумену на те великие обязанности, которые на него возлагаются новым саном, указал на путь смирения как на самый прямой и верный путь к Царствию Божию.

В этой же церкви накануне дня моего Ангела по просьбе Патриарха Варнавы и по благословению митрополита Антония я совершил пострижение в иночество Владимира Николаевича Халаева, человека некогда значительного. На склоне лет своих он желал отдать все силы своего ума и духа на служение Богу. Он вступил в клир Сербской Церкви, и для жизни и подвигов ему предназначался тот монастырь, в котором имеет местопребывание Владыка архиепископ Гермоген. Конечно, и для Владыки архиепископа, и для старца-инока Варлаама такое взаимное общение будет источником духовной радости.

В этой же русской церкви в Карловцах много раз дал Господь и мне великое счастье совершать Божественную литургию.

Здесь провел я день своего Ангела, когда был взыскан особенной любовью, особенной лаской благостного, любящего митрополита Антония. От его рук получил я в этот день святой крест, украшенный драгоценными камнями, и трапезу в день моего Ангела Владыка Антоний устроил в своих покоях.

На этой трапезе снова встретились в дружественном, мирном и единомысленном общении все архиереи – представители сербского и русского духовенства.

В этом единомыслии, в любви и мире представителей Единой Святой Христовой Церкви двух великих славянских народов таится огромный смысл, огромное нравственное значение.

Когда во время Божественной литургии в Сербской Церкви слышишь священные с детства знакомые слова молитв и молитвенных возгласов, ярко и ярко сознаешь великое вселенское значение Православия – нашей святой Церкви.

На это указывал мне в наших с ним разговорах и лучший выразитель сербской церковной мысли в нынешнее время – епископ Николай Охридский после моих рассказов об успехах проповеди Православия среди народов Дальнего Востока.

И эти нити, которые протягиваются от дальних краев Дальнего Востока, от нашей Церкви к Церкви родной нам Сербии, служат крепким залогом несокрушимого единства Церкви Христовой.

3. Фрушкая гора

Недалеко от Сремских Карловцев огромным, плотным массивом возвышается над мирными долинами этой области Фрушкая гора.

С этой местностью связано много значительных в жизни края исторических воспоминаний. Здесь когда-то проходила граница Великой Франкской монархии Карла Великого и Византийской империи. По имени франков, чьи пограничные посты стояли когда-то на этой горе, и называется она вот уже в течение более тысячелетия Фрушкой, Франкской горой.

Когда франкские пограничные отряды, воинственные усатые галлы, полудикие германцы и саксы спустились с этой горы и покинули местность, которую стали захватывать многочисленные славянские племена, тогда на протяжении многих столетий осталась стоять одинокой и пустынной старая Фрушкая гора. Проходили мимо нее авары, славяне, угры, византийцы, швабы, потом пришли турки, оглашая окраины горы дикими, воинственными криками, стонами своих жертв, плачем полонянников. Но вот после турецких нашествий снова услышала Фрушкая гора давно ей знакомую славянскую речь на своих склонах. Эти славяне были не воинственные дружины зетских и хорватских князей, не рыдающие пленники угров или аваров. Это какие-то особые люди стали петь особые песни на склонах старой горы.

Из плененной турками старой Сербии к подножию и склонам Фрушкой горы пришли иноки сербские, и целым сонмом священных прекрасных обителей украсилась Фрушкая гора.

Одним из первых монастырей, выросших на склоне горы, был монастырь Крушедол, возникший на рубеже XV и XVI столетий.

С монастырем этим тесно связано имя последней сербской деспотицы, т. е. Великой княгини святой Ангелины и всего ее святого семейства.

После страшного поражения, которое понесли сербы на Косовом поле, своим упорным сопротивлением, своим доблестным героизмом добились они права сохранить некоторую часть своей прежней независимости и славы еще на полтора столетия. Династия Бранковичей получила права князей, подвластных турецкому султану и зависимых от него. Беспредельно тяжело и трудно было положение этих последних сербских властителей – посредников между своим народом и злыми иноземными жестокими завоевателями. Всеми силами, всеми доступными им средствами стремились они продолжать древнюю исконную православную политику сербских великих царей и князей, поддер-

живали монастыри, строили их и украшали храмы. Святая Ангелина, последняя великая княгиня сербская, оказала много помощи, много поддержки русскому монастырю на Афоне – святой Пантелеймоновой обители, переживавшей тогда трудные времена. Но когда почувствовала она, что дальше продолжать это святое дело не в силах, как священный завет передала она попечение над обителью Пантелеймонов-

Монастырь Крушедол

ской Великому князю возрождавшейся России – Иоанну Васильевичу Третьему Московскому, прося его поддержать древнюю обитель, основанную еще Ярославом Мудрым.

В 1480 году умер муж святой Ангелины, слепой Великий князь Стефан. Святая Ангелина удалилась в Венгрию. Ее старший сын, святой Максим, принял власть архиепископскую, ее младший сын Иоанн стал последним великим князем Сербским. И вот с помощью своих сыновей, а также при поддержке владетеля Влахии Иоанна Найгула решила святая Ангелина создать монастырь, в котором нашли бы вечное успокоение останки ее святого мученика мужа. В конце XV века приступила она к постройке монастыря Крушедола, но скоро ясно увидала, что с помощью только своих сыновей и Найгула создать достойной обители не сможет. И тогда снова обратилась она за помощью к Великому князю Московскому, уже Василию Ивановичу, прося его поддержать святое дело.

И Великий князь Российский по-царски ответил на просьбу родной славянской княгини. С духовником княгини Ангелины он прислал четыре связки копр соболей, четыре тысячи белок и другие драгоценные дары. На вырученные за это деньги и был построен великолепный Крушедольский монастырь, ставший впоследствии королевской лаврой династии Обреновичей.

С чувством особого благоговения посетили мы монастырь Крушедол и поклонились святым мощам Великой княгини Ангелины и ее святых сыновей, как бы восстанавливая ту духовную связь ее монастыря с далекой Сибирью, которая началась присылкой Великим князем Московским лучшего дара Сибири – ее великолепных соболей. В прекрасном патриаршем экипаже, любезно предоставленном нам Святейшим Владыкой Варнавой, ехали мы к Крушедолу по горам и долинам осенним вечером.

Прекрасен и великолепен монастырь Крушедольский. Высоко в небо вознесся шпиль его храма, могучи и несокрушимы его стены, но лучшие сокровища таятся внутри. В храме в старинных гробницах покоятся нетленные останки мощей святой Ангелины и ее сыновей: архиепископа Максима и Великого князя Иоанна. Мощи святого Стефана, супруга святой Ангелины, сожгли турки в 1716 году. Тогда же пытались они сжечь и все святые мощи, хранимые в обители, но часть мощей святой Ангелины, Максима и Иоанна остались целыми.

С великим благоговением принял я от благостного настоятеля Крушедольской лавры отца архимандрита Саввы часть мощей святой княгини Ангелины*.

История Крушедольского монастыря говорит нам, что та глубокая духовная связь, которая с самого его начала была завязана между ним и далекой Православной Россией, продолжалась и на всем протяжении его истории. От царей Петра и Иоанна Алексеевичей получил этот монастырь в 1685 году хрисовулу⁶⁰ на ежегодные значительные пожертвования. Щедрые дары царя Алексея Михайловича, императрицы Екатерины и других русских государей хранятся в богатой ризнице монастыря.

В самой церкви прекрасен иконостас, удивительно цельное и художественное сочетание византийского стиля и раннего барокко.

С глубоким интересом и вниманием осматривали мы и владения монастыря: его сад, хозяйство, поля и виноградники.

В монастырских владениях находится священный чудотворный ключ, глубоко почитаемый всеми окружающими поселянами. Мы бы-

* Ныне отец архимандрит Савва посвящен в сан епископа Карловацкого.

ли на этом старинном источнике, вошли под прохладную сень грота и с молитвой пили студеную чистую воду. И казалось, близка тогда была сама седая древность тех давних времен, когда первые славянские племена приходили в эти места и, утомленные после долгого пути, с глубочайшей благодарностью Богу находили студеный, чистый, прохладный ключ. Это благоговейное чувство благодарности Богу за ниспосланную благодатную влагу оставалось и тогда, когда славяне принимали веру Христову, и чувство это, безотчетное и туманное, освящалось первого августа и весной в Преполовение – священники с народом приходят к этим ключам, освящая их чистые воды.

Недалеко от Крушедола высится старинный монастырь Раваница. В те давние и страшные годы, когда, бежав от турецкого ига, сербы покидали любимые родные места, места, овеянные древней исторической славой их предков, они захватили с собой в новые края священнейшие реликвии прошлого. Захватили они и мощи своих великих святых, захватили мощи великого мученика сербского святого царя Лазаря, погибшего вместе со всем своим воинством до единого человека в страшной, жестокой Косовской битве.

И вот над святыми мощами царя Лазаря в новой чужой земле, в стране изгнания, воздвигли сербские поселяне прекрасный благолепный монастырь.

Ранним осенним утром, когда поля кругом желтели спелыми колосьями, а могучая, великая гора Фрушкая на склонах своих краснела и желтела листьями виноградников, сгибавшихся под тяжестью плодородных лоз, на одном из поворотов дороги нам показался Раваницкий монастырь, окруженный могучей стеной монастырских зданий, расположенных как около центра около своего храма, своей главной святыни.

Проехав через старинные огромные ворота монастыря, мы прямо подъехали к церкви и с молитвенным благоговением вступили под ее старинные своды. Высокая, богато украшенная гробница с мощами святого царя Лазаря стоит у иконостаса. С молитвой преклонились мы пред этими святыми, совершенно нетленными вот уже на протяжении шести веков останками.

Там же, в этом святом храме, хранятся все реликвии, все священнейшие воспоминания о царе Лазаре: его окровавленная одежда, его латы, шлем и щит. С самых старинных времен сотнями и тысячами приходят к этой гробнице благочестивые сербы со всей православной Сербии со своими радостями и горестями, со своими мечтами и надеждами.

И встает здесь ясно пред мысленным взором тот страшный, трагический, но славный момент в истории Сербии, когда во главе всего

вооруженного своего народа царь Лазарь на поле Косовом встретился с воинством султана Мурада, во много раз превосходившим малое воинство сербское, с турецкой армией, прославившейся уже победами над всеми, кто дерзал противиться ее силе. Долго длилось страшное, ожесточенное сражение. Как львы, дрались сербы за свой родной край, за свою отчизну, за великую древнюю славу. Но грозны были и турки, вспоенные славой побед, подогретые мечтами о загробной награде каждому павшему в борьбе с гяурами, почерпавшие уверенность в победе в своих подавляющих силах. Битва кончилась лишь тогда, когда не осталось ни одного живого серба. Но, умирая, они сумели прорваться сквозь ряды турок и закололи самого султана Мурада, победителя в этой битве. Все сербское дворянство до единого человека славной смертью окончило свое существование в этот страшный день. Вся страна была обескровлена совершенно. Опустевшие деревни, безлюдные города лежали на пути победителей. Но и у турок оставалось мало силы, а главное, не стало самого вождя, самого султана. И, опасаясь дальнейшего сопротивления, боясь доводить до полного ожесточения этот мужественный народ, турки предоставили сербам еще на полтора столетия относительную свободу под своим верховным владычеством.

А народная память сложила сотни и тысячи песней, баллад и преданий о страшном Косовском дне. Из этих преданий чаще всего слышится предание о Косовской девушке, принесшей чашу воды умирающему последнему герою великой Сербии.

Все это ясно вспоминается в пределах Раваницкого монастыря, где почивают мощи святого мученика царя Лазаря.

А в нашей памяти в эти минуты воскрес образ другого Царя-мученика, нашего Императора Николая II, так же погибшего в неравной борьбе со злым, жестоким и сильным мировым врагом, так же унесшего с собой славные страницы своего народа, также сменившего корону и пурпур царский на венец мученический. Сердце сжалось глубокой болью, тяжелой скорбью. И ясно стало для духовного взора, что эти два великих единокровных царя предстоят ныне пред Престолом Всевышнего в страдальческих, мученических венцах, молясь за великое и многострадальное славянское племя, на долю которого в мировой истории выпало так бесконечно много страданий и мук.

Я высказал эти свои мысли в дружественной беседе с добрым, благостным настоятелем Раваницкой обители отцом архимандритом Макарием и с братией этого монастыря. И в чутких добрых сердцах этих

близких нам по духу и крови людей нашел я задушевный отклик, а на глазах видел отблески добрых слез.

В этом святом монастыре имеет пристанище наш русский архиепископ Феофан, владыка Курский, которому русская эмиграция обязана великим и чрезвычайно важным подвигом: он вывез из пределов России чудотворную икону Курской Божией Матери и тем спас эту святыню от поругания, которому ныне подвергаются другие святыни на Русской земле.

В монастыре, находящемся недалеко от Раваницы – в обители Гергетек, – проживает Владыка архиепископ Гермоген, член Русского Православного Синода за границей.

В ближайшем соседстве с обителью Раваницкой находится монастырь Язык, где хранятся мощи святого царя Уроша вместе со многими реликвиями древнего Сербского царства и старинными прекрасными книгами. Мы были в этом монастыре и благоговейно помолились пред его святынями.

Также на Фрушкой горе среди иных обителей и монастырей притаилась в лесистой местности обитель Хоповская – русский женский монастырь, наследник прекрасного русского Лесненского монастыря, столь чтимого в России, хранителя чудотворной Лесненской иконы Божией Матери и многих иных святынь.

С особенно глубоким чувством подъезжал я теплым осенним вечером к стенам Хоповской обители, сопровождаемый милыми и добрыми моими спутниками – отцом архимандритом Феодосием и отцом игуменом Нафанаилом. С самых ранних детских лет меня связывали глубокие духовные узы со святой обителью Лесненской, с ее великой святыней – чудотворной иконой. Там, в этой обители, посвятили свои силы Богу многие хорошо мне знакомые инокини и между ними моя учительница, моя воспитательница в раннем детстве.

Лесненский монастырь, основанный в 1884 году, имел большое, чрезвычайно важное значение в церковной жизни нашего западного края, ведя большую и настойчивую борьбу со всеми противными Православию течениями нашей западной окраины. Сестры Лесненской обители посвящали себя благотворительной и просветительской работе, которую вели неустанно и которая стояла на высоте своего великого служения делу милосердия и церковной работы. В то же время их обитель являлась форпостом Православия в инославной стране и достойно, свято несла свое трудное, но святое и высокое знамя.

Когда над нашей Родиной разразилась страшная, всеуничтожающая гроза, сестры Лесненской обители во главе со своей настоятель-

Монастырь Хопово

ницей – знаменитой игуменьей Екатериной, в мире графиней Ефимовской, в течение долгих лет руководившей монастырем, покинули пределы порабощенного отечества и прибыли в другую славянскую страну, в землю Сербскую.

В Сербии в это время в течение почти двух веков не было женских монастырей. Мужские монастыри во множестве покрывали страну, но и в мужских монастырях было малоллюдно, часто не более как по два-три монаха, а женских обителей не было совершенно. Между тем нужда в таких монастырях была большая. Пробужденная бедствиями войны и страшного отступления через Албанию, народная совесть внятно звала сербский народ к молитве и покаянию, потерявшие в военной грозе своих мужей, сыновей или отцов женщины искали утешения в молитве, искали крепкого, надежного прибежища в своих скорбях – и не находили. Часть народа нашла выход своим глубоким религиозным чувствам в так называемых «покретах», или «побожничьих братствах», своеобразных полумонашеских религиозных сербских обществах, о которых я буду говорить в одном из следующих очерков. Но некоторые жен-

щины хотели вполне отойти от мира, от мирской жизни, всецело отдаться молитве и созерцанию, хотели монашества, а его не было.

И вот на яркий светильник, возжженный в Хопове пришедшими из России инокинями Лесненской обители, потянулись многие смятенные миром женские души, и женские обители одна за другой вновь возродились в пределах сербских. В настоящее время в Сербской Церкви 180 мужских монастырей с 400 монахами и 16 монастырей женских с 260 монахинями. Ежегодно многое множество исстрадавшихся сербских женщин и горящих глубокой верой девушек стучатся в стены святых обителей, желая отдать Господу Богу чистые свои души, и разум, и сердце.

В монастыре Хоповском в открытой гробнице почивают святые мощи великомученика Феодора Тирона, столь чтимого всем православным миром, в память которого Церковью установлен особый праздник с освящением колива – кутии – в пятницу первой недели Великого поста.

С глубоким молитвенным благоговением преклонились мы пред святынями Хоповской обители. Мы прослушали там всенощное бдение и на следующий день литургию, внимая прекрасному хору инокинь. После литургии совершили мы молебен пред святыми мощами великомученика. От настоятельницы монастыря, глубоко всеми почитаемой игуменьи Нины, я получил на молитвенное воспоминание драгоценный дар – икону святого Феодора Тирона с частицей мощей этого святого. Эту икону уже давно приготовила для себя матушка Нина, чтобы с ней вернуться в Россию, когда благословит это Господь, и в течение многих годов изгнания икона была на святой гробнице. С благоговением принял я святой дар и был глубоко счастлив разделить молитвенное общение и духовное единение с этой святой обителью. Духовник Хоповского монастыря, высоко духовный человек о. Алексей, показал нам дивные, замечательно художественные фрески этого монастыря, к сожалению, большей частью скрытые под слоем штукатурки, которой замазали их за последнее пятидесятилетие рабочие, ремонтировавшие храм еще до переезда в Хопово лесненских монахинь.

Фрушкая гора является центром сербского монашества на севере, но главное множество святых и высоко почитаемых монастырей Сербии находится на юге, в старинных, освященных пребыванием самых чтимых сербских святых долинах Дрима и Моравы.

Во всяком случае можно смело сказать, что монашество в Сербии совершенствуется ныне с каждым годом, с каждым днем благодаря стараниям иерархов, особенно Патриарха Варнавы, благодаря прибытию

в Сербию нескольких глубоко духоносных носителей традиций русских святых монастырей, благодаря высокому стремлению к Богу православных сердец.

В течение ряда веков сербские монастыри имели значение в истории народа главным образом как очаги борьбы за веру православную и родную землю против иноверных поработителей. В тишине монастырей собирались народные вожди, водившие дружины свои в битвах «за Крест честной и свободу златну», из монастырских келий выходили иногда такие неукротимые борцы против турок, как первые вожди Черногории; монастыри благословляли эту борьбу и молились за борцов.

Теперь эта роль окончилась вместе с освобождением и объединением великого югославянского народа. Но лучшие представители иночества хорошо понимают, что теперь наступает время еще более тяжелой и ответственной борьбы, борьбы против стихий и искушений мира, за оцерковление и очищение народа, за правду Божию, против сил зла. В огне этой борьбы пал единокровный и единоверный сербскому народу народ русский, но святое знамя Православия, которое в течение веков нес русский народ, ради которого вынес столько мук, ради которого и ныне столько огненных страданий испытывают лучшие русские люди, это святое знамя крепко держится руками сербских монахов.

Наши молитвы, наше духовное единение, наша глубокая братская связь всегда с ними, и чрез моря, чрез океаны и тысячи верст пространства мы объединяемся в наших молитвах пред Престолом Всевышнего. А как символ этого нашего единения с далекими братьями служит здесь, в Харбине, священный залог Сербской Церкви, переданный мне руками Святейшего Патриарха Варнавы, – святые мощи великого святителя сербского, архиепископа Арсения.

4. Южная Сербия

Из всех наук человечества, великих плодов человеческого разума, полнее и глубже всего касается нашего сердца наука история племен и народов. Постигая истины математики или естествознания, мы можем соглашаться с ними умом, мы можем принимать их сознанием, но чувство наше будет молчать при этом. И в противность этому не можем мы без трепета сердечного слышать повести о делах и событиях исторических тех или иных народов, игравших ту или иную роль на великой мировой сцене всемирной истории.

Наше сердце не молчит равнодушно, когда разум воспринимает известия о событиях исторических. Вместе с Александром Македонским мы торжествуем его победу над варварами, вместе с Цезарем дерзновенно переходим через Рубикон, вместе с крестоносцами духовно радуемся, видя стены святого Иерусалима.

Но если столь велико наше сочувствие при чтении истории народов, нам чуждых и далеких, то во сколько же раз более волнует наше сердце и разум история народа, единого нам по вере и крови, в исторических судьбах которого такое близкое участие принимала наша великая и славная некогда Родина.

Между тем история сербского народа очень мало известна в русском обществе. И если этот прискорбный недостаток хотя бы в малой мере я смогу восполнить моими повестями, я буду искренне и глубоко рад.

Не велика, не обширна та область, на которой совершались самые знаменательные, самые центральные моменты сербской истории. Нет там безграничных степей приднепровских и придонских, нет бесконечных приволжских лесов. Трудно развернуться здесь широкой славянской натуре, и она сжимается здесь в крепкие, отточенные единицы, как солнечный луч, группируется в один или два фокуса, сосредоточивающих всю силу, всю энергию народа. Так, в противоположность могучему орлу, летящему над бескрайними просторами, маленький благородный сокол, родной брат орла, символ доблести, сосредоточивает в своем маленьком теле столько мужества и силы, что никогда никакой иной птице не уступит своего пути.

Долины Моравы, Дрима, Дрины и Неретвы – вот та ограниченная область, на которой совершались события истории Сербии, откуда, как из могучего гнезда, сербский сокол часто простирает свои крылья на во много раз большие пространства, но где неизменно сосредоточивались самые важные, самые священные центры государственного бытия этого славянского народа.

Дождливым осенним вечером по непролазно грязной дороге мы проезжали среди равнин старой Сербии. Среди городов и поселков белели минареты многочисленных мечетей, слышалась албанская и турецкая речь, редко-редко раздавались звуки славянских слов.

Если вы проезжаете по исторической, священной для великого народа стране и не слышите там его речи, если вы видите на каждом шагу при этом дивно прекрасные остатки исторических памятников этого народа – его храмы, дворцы, монастыри, окруженные глубочайшей народной любовью, и в то же время встречаете при этом как коренное население представителей другого народа, ваше сердце под-

скажет вам, что здесь произошла какая-то страшная, тяжелая историческая трагедия.

Трагедией напоена история Сербии, как история и всего славянского племени.

В IX веке, когда на северо-восток от сербских гор и долин основывалось другое славянское государство – великая Русь, было в Сербии уже два могущественных владения – Рашка и Зета. При рашском Великом князе Мутимире сербы приняли христианство, и на память об этом великом событии донныне осталось празднование каждой семьей «славы» – памяти того святого, в честь которого назван был первый принявший христианство серб, прапредок данной семьи.

Несколько раз после того переживала Сербия минуты падения и времена славы, пока усилиями Великого князя Стефана Неманья не была соединена в одну могучую державу, и с того момента приобрела Сербия в лице Неманичей самую великую, самую славную, самую святую свою династию, высоко в голубой купол неба вознесшую славу сербского имени.

Многими трудами и усилиями основатель новой династии первый великий властитель Сербии святой Стефан Неманья сковал юную славянскую государственность.

Его великими и достойными продолжателями были два его сына: Стефан и Ростислав. С детских лет юный Ростислав стремился к благочестивой и богоугодной жизни, стремился оставить этот мир и отдать силы свои всецело Богу. Восемнадцатилетним юношей он покинул удельное княжество, которое предоставил ему отец, и удалился на Афон, в русский Пантелеймонов монастырь, где провел первое время своего монашества. Так на ранних еще ступенях своей истории тесными узами связывались святые Церкви России и Сербии.

С высокой монастырской башни сбросил инок Савва своим спутникам, пришедшим с ним из Сербии, свои богатые великокняжеские одежды, а сам облекся смиренной одеждой инока.

Впоследствии к своему иноку-сыну на святую Афонскую гору с высоты великокняжеского престола пришел и державный отец святого Саввы – Стефан Неманья, который вошел в сонм святых Православной Церкви с именем Симеона Мироточивого. А через несколько десятилетий стал святой Савва первым независимым архиепископом Сербии и венчал на царство первого короля родной страны, своего брата Стефана.

Первоначальной столицей Сербского архиепископства был монастырь Жича. Там жил и подвизался и оттуда управлял Сербской Цер-

Монастырь Жича

ковью святой Савва. Из Жичского же монастыря вышел и великий преемник святого Саввы – святой архиепископ Арсений, продолжавший труды своего учителя и наставника.

По указанию святого Саввы святым Арсением было создано новое средоточие церковной жизни для Сербии в обители Печской, которая стала церковным центром на долгий, долгий период для всей Сербии и прилегающих стран.

К этой-то древней святой обители и приближались мы темной дождливой осенней ночью.

Поздно ночью, около двенадцати часов, мы прибыли в древний город Печь. Еще полторы версты надо было пройти по размытой дождем грязной дороге пешком до монастыря. С нами шли двое местных жителей. Черная ночь царила кругом. Только туманный блеск луны временами просвечивал сквозь ряды тяжелых туч и неверным светом освещал поразительно красивые виды кругом. Огромные застывшие горы сторожили эту местность, быстрая-быстрая горная речка пробежала мимо дороги. Речка эта так и называется – Быстрица. Город Печь

с узенькими грязными улицами, с восточными турецко-албанскими домами и стройными минаретами скоро кончился, мы вступили на горную дорогу, и через час пути пред нами в темноте ночи вырисовывались вековые могучие стены Печского монастыря, древней великой Патриаршей лавры Сербского царства.

Огромные, тяжелые, вековые, кованные чугунными плитами ворота закрывали вход в лавру. Тяжелый молоток висел на воротах для того, чтобы пришелец мог нарушить тишину сна этой обители и получить право войти под ее гостеприимный кров.

Мерно и тяжело застучал молоток по кованным плитам ворот – раз, и два, и три, но безрезультатно. Никто не спешил на зов молотка. Страх стал закрадываться в нашу душу. Дождь медленно накрапывал с темного неба. Горы кругом молчали черным молчанием безлюдной глубокой ночи, вдалеке виднелись очертания также погруженного в темноту абсолютно чужого города, сопровождавшие нас албанцы еле понимали наш полурусский, полусербский язык.

Уже мы были готовы потерять надежду, когда наконец раздались звуки шагов, тяжелые ворота заскрипели на ржавых старинных петлях, и мы, усталые от долгой томительной поездки, от ожидания, продрогшие, промокшие, были с доброй и теплой лаской приняты в священных стенах святой обители.

На следующий день мы были на богослужении в монастырском храме. Богослужение совершал русский иеромонах-валаамец – о. Герман. После литургии мы осматривали храм и обитель.

В Печском храме покоятся мощи всех первых иерархов Сербии, а также мощи святых Петозарных мучеников, столь чтимых Православной Церковью.

Об одном из Петозарных мучеников, о святом Оресте, трогательно повествует святой Димитрий Ростовский. В кратком житии этих мучеников указал он их мужественное, безбоязненное исповедание веры Христовой и поведал, как злобные мучители, раздраженные этим непоколебимым мужеством, влили расплавленное олово в глаза страдальцев, предав их таким образом мученической смерти. Написав житие, святой Димитрий заснул. И во сне видит он святого Ореста, который говорит ему: «Почему ты не рассказал о всех мучениях, которые мы претерпели за Христа? Видишь, не только глаза мои сожжены были за нашу святую веру, но и все тело мое покрывают раны. Каждая эта рана принята нами за Христа. И ни муки, ни раны – ничто не в силах было отторгнуть нас от радости нашей – Христа Спасителя».

С благоговейной любовью и умилением взирали мы на священные главы мучеников, видели залитые оловом чистые их очи, стараясь зажечь наши малодушные сердца чрез тьму веков от пламенной веры этих святых страдальцев за имя Христово. Глубокой, глубокой древностью дышат стены Печской обители, этого единственного, неповторимого прекрасно сохранившегося памятника XIII столетия. Стены храма расписаны художественными фресками, которые местами отлично сохранились. Диаконник с окнами на две стороны, чтобы диаконы во время богослужения могли наблюдать за порядком в храме, крохотные двери в стенах, массивные стены и двери – все производит неотразимое, большое впечатление.

Вдоль стен стоят гробницы иерархов сербских, архиепископов и патриархов.

С молитвенным благоговением поклонились мы этим святыням, а потом прошли в монастырскую библиотеку, где видели поразительные памятники глубокой исторической старины. Там есть Евангелие XIII столетия, написанное прекрасным уставом, есть множество молитвенников, часословов и других церковных книг XIII и XIV веков. Есть трогательные надписи на этих книгах. Одну из них, на святом Евангелии, мы записали.

Она гласит: «Писася сия Божественная книга в лето от сотворения мира семь тысяч восемнадцатое, писа многогрешный и последний во священницех Петр от села глаголемого Горне-Уне, ему же отечество – гроб, земля же – мати.

Да, отци и братие, аще будет что в книге сей погрешено, исправляйте, а не кляните, понеже писах не Дух Святыи, не Ангел, но рукою грешною и брешною, духом унылым и окаянным грешник. Понеже очи мои изнемогости от старости, сего ради благословите, а не кляните, да все улучим деснаго стояния и услышим благаго гласа Владыки: “Приидите благословеннии Отца Моего”. Буди же всем нам улучити славы купно от Отца и Сына и Святаго Духа».

Несколько раз переживала Печская лавра за свое многовековое существование периоды расцвета и периоды глубокого упадка и разорения. В течение ста лет, с 1459-го до 1557 года, стояла Печская обитель, разоренная и опустошенная, без богослужений, без всякого населения. Своим обновлением обязана она Патриарху Макарию, который в 1557 году с помощью своего брата Соколовича – правителя Боснии – восстановил старое священное гнездо Православия в Сербии. С 1766 года опять пришла обитель Печская в полное запустение, из которого окон-

Печская лавра

чательно вышла лишь ныне, в период нового расцвета древней славы южных славян.

Настоятелем Печской обители в настоящее время является игумен Савва, человек в высокой степени талантливый и трудолюбивый инок. Трудолюбие вообще является отличительным качеством братии Печской обители, где с особенным уважением наблюдали мы трудолюбивую монашескую жизнь иноков.

Около полудня мы покинули Печский монастырь, направляясь к другой великой обители – Царской лавре, Дечанам.

Эта обитель связана с самым славным, самым блистательным периодом сербской истории. Несчастный слепой король – святой Стефан, царствовавший с 1321-го по 1331 год, положил начало великой Дечанской лавре.

Сын Стефана – Душан Сильный, пользуясь болезнями и слепотой отца, низверг его с престола и стал управлять Сербией. Но впоследствии, охваченный муками совести за то, что дерзнул поднять руку на своего отца, царь Душан приложил все силы, чтобы возвеличить память отца и с особенными стараниями, с особенным великолепием закончил построение любимой обители Стефановой – Дечанской лавры.

В дни правления Душана Сербия достигла вершины своей славы. Владения ее простирались от пределов Венгрии до южной Греции и от Адриатического моря до половины Болгарских земель. В 1346 году в Скопье Душан короновался царской короной, а сербский архиепископ был провозглашен Патриархом. Великое славянское государство возшло на вершину своей славы.

И полнее всего это величие, эта слава отразилась на дивной красоте Дечанской обители, которая поистине является верхом красоты и художественного духовного великолепия.

Вероятно, нигде и никогда церковная живопись не поднималась до таких высот одухотворенности и красоты, как в живописи православных славянских народов, именно русских и сербов. Творения наших русских живописцев Рублева, Даниила Черного, Дионисия и других иконописцев XIV и XV веков являются высочайшими вершинами духовной красоты. Но эти творения находятся в теснейшей внутренней связи с лучшими перлами сербской церковной живописи середины XIV века. А лучшими образцами этого прекраснейшего творчества являются фрески Дечанского монастыря.

Дечанская обитель всегда, в течение всего золотого века Сербского государства, была излюбленным монастырем царей и королей Сербии. И потому она украшена с исключительной художественной красотой.

Благодаря многочисленным чудесам от мощей святого короля Стефана, основателя Дечан, монастырь пользовался глубоким почитанием всего окружающего населения, не только православного, но и иноверного албанского населения, поселившегося в опустевших после ухода сербов селениях. Во время страшных лет турецкой неволи чудесная помощь святого Стефана несколько раз спасала его монастырь от осквернения.

Предание говорит о том, как однажды в конце XVII века турецкий паша хотел обратить Дечанский храм в мечеть. Уже мусульманский муфтий стал читать перед западным порталом свои молитвы, когда внезапно разразилось землетрясение и каменный лев, стоявший пред церковными воротами, упал со своего пьедестала и умертвил муфтия, устранив пашу и турок и спасши Дечанскую лавру от мусульманского пленения. Чрез полтора столетия, в 1916 году, на том же месте погиб австрийский военачальник, пытавшийся разорить Дечанский монастырь. Пытаясь снять золоченые оловянные плиты с кровли монастыря, он упал на то самое место, где некогда погиб турецкий муфтий. Сербский православный народ свято верит, что это святой Победоносец Георгий.

гий, которому посвящен этот портал храма, защитил достояние Дечанской обители.

Когда на далеком Востоке ярким светилом стало подниматься солнце России, когда на порабощенных славянских Балканах почувствовали ее братскую крепкую руку помощи, тогда и к лавре Дечан поспешила Россия со своей державной помощью. В Дечанах поселились русские иноки и во все время последнего периода турецкого ига защищали эту великую святыню родного славянского народа.

Около двух часов дня мы подъехали к городку Дечаны и, сопровождаемые двумя послушниками Дечанской обители, тронулись в дальнейший путь пешком за две с половиной версты к Дечанскому монастырю. Отраднo было видеть наших спутников – брата Радко и Милорада. Оба они после отбытия воинской повинности возвращались в свой монастырь, горя светлой, духовной радостью, радуясь, что снова из смятенного, загрязненного мира вступают в светлую обитель Божию. В прежней России в старинной монастырской практике всегда считалось очень важным моментом возвращение послушника после отбытия воинской повинности в монастырь. Это служит ясным доказательством, что юноша преодолел соблазн мира, что светоч, зажженный в его сердце в монастырских стенах, не потух под дыханием мятежного мира.

И вот в обоих послушниках Дечанского монастыря ясно чувствовалось, как глубоко в их души заложены святые заветы монашества. Поэтому заранее теплое сочувствие и благоговейное уважение к монастырю, творящему столь великую работу, проникало в наши сердца.

Даст Бог, не раз встретимся мы на духовной ниве с этими дечанскими послушниками, и они впишут свои добрые имена на страницы родной истории Сербской Церкви.

Один из послушников пошел вперед, чтобы предупредить братию обители о нашем приходе.

Извилисто кружилась дорога над берегом быстрой речки. Но вот поворот – и пред нашим взором встала священная великая Царская лавра. Трудно описать величественность и красоту этого вида. Дечаны нельзя описывать, их надо видеть, чтобы иметь понятие об этой исключительной, поразительной красоте.

Белоснежные высокие стены, из-за которых величественным куполом поднимается вершина великолепного храма, роскошная оправа черных гор и темно-зеленого соснового бора кругом – все вместе составляет незабываемую, поразительную картину.

При входе в монастырь нас встретила многочисленная братия монастыря. Это единственный монастырь в Сербии, где братии насчи-

тывается более сорока человек. Настоятель – отец игумен Дионисий – встретил нас в приемных покоях и радостно приветствовал наш приход.

Огромную, большую и чрезвычайно полезную работу проводит в этом монастыре его настоятель – воспитанник сербского Хиландарского Афонского монастыря о. Дионисий – и его два ближайших помощника, русский инок о. Иоанн и серб о. Амвросий – воспитанник Мильковской обители, в которой хранится дух священнойшей Оптиной пустыни. Благодаря этому исключительно благоприятному сочетанию руководителей Дечанского монастыря, эта обитель совмещает в себе самые лучшие традиции славянского иночества и является великим духовным светочем сербского монашества, где воспитываются для будущей чрезвычайно ответственной работы новые поколения сербских монахов.

В этот же день мы осматривали главный храм Дечанской лавры. Он на сто лет позднее Печи и сохранился гораздо лучше. Созданный величайшими мастерами, он производит поразительно глубокое впечатление. Его фрески – высочайшие образцы иконописи – оставили глубокий след в истории православной церковной живописи, стали образцами и для последующих сербских живописцев, и для русских, и для болгарских, и для афонских мастеров. Мне чрезвычайно отрадно было видеть на стенах Дечанского монастыря образ моего святого – мученика Нестора, чрезвычайно почитаемого вместе со святым Димитрием Солунским на Балканском полуострове.

Вечером, накануне воскресенья, была торжественная вечерня в древнем соборном храме Дечан, и величаво звучали голоса молодых иноков в стройном прекрасном хоре, певшем и сербские и русские напевы. После вечерни все молодые иноки и послушники Дечан исповедовались у отцов – иеромонахов Иоанна и Амвросия. Исповедь до недавнего времени была малоизвестна в Сербии. Исповедовались, только совершив какой-нибудь особенно тяжелый грех, тяготящий душу. От мелкой же липкой жизненной грязи, которой мы так часто пачкаем душу, очищались покаянием лишь под старость лет. В обычное же время причащались без исповеди. Ныне лучшими представителями сербского духовенства исповедь старательно вводится в церковную жизнь, и в Дечанском монастыре закладываются глубокие фундаменты настоящего отношения к этому святому таинству.

Этот вечер мы провели вместе с отцом-игуменом, который делился с нами славными и священными воспоминаниями монастыря и своими заветными планами будущей работы.

На следующее утро мы встали очень рано, не было еще четырех часов. Нам надо было спешить, ибо автобус, с которым мы должны были ехать до ближайшей железнодорожной станции Урошевац, отходил от поселка Дечаны в половине шестого утра. А нам обязательно надо было в этот же день быть в городе Скоплье, древней столице Сербского царства, чтобы там читать заранее назначенную лекцию русским жителям этого города.

Чудная, яркая картина открылась пред нами, когда мы вышли из монастырского дома. Черные еще вчера горы и долины были теперь покрыты белоснежным саваном снега. И под бледным светом луны этот кристально чистый убор делал красивейшую панораму Дечан особенно изумительно прекрасной.

Мы шли по чистой, снежной дороге, и одна за другой картины снегом покрытых гор сменялись пред нами. Нас сопровождал посланный Дечанским монастырем стражник в полном вооружении, так как часто с этих диких могучих гор спускаются арнаутские разбойники, нападающие на одиночных путников.

Через час пути по трудной, занесенной снегом дороге дошли мы до селения Дечаны, чтобы там дожидаться автобуса, на котором предполагали ехать к железнодорожной станции. Холод пробирался к нам сквозь легкую одежду. Мы вошли в придорожную хижину и прильнули к окнам, всматриваясь вдаль, каждую минуту ожидая, что вот-вот огоньки автобуса покажутся на дороге.

Но проходила минута за минутой, уже восток загорелся рассветом, уже совсем светло стало кругом, а автобус не показывался. Он должен был прийти в половине шестого, но вот уже семь часов, половина восьмого, восемь, а автобуса все нет и нет. В девятом часу, запыхавшись, прибежал в хижину какой-то арнаут и, волнуясь, сообщил, что автобус занесло снегом в пути и что потому он придет не ранее как через час.

Только в десятом часу на починенном автобусе мы покинули селение Дечаны, жалея, что не остались подольше в монастыре, скорбя о том, что обещанной лекции в Скоплье, которую так ожидали русские жители там, устроить не удастся, ибо на следующий день утром нас ожидали уже в Мильковской обители.

Снова пред нами стали сменяться роскошные, великолепные картины сербской природы, одна лучше другой. Высокие горы сменялись обширными плодородными равнинами, быстрые, мощные реки струились среди скалистых вершин, пробивая себе путь меж гранитных утесов. Особенно восхитителен вид на голубой Дрим, пробиваю-

щий у самой дороги, по которой шла наша машина, могучую скалу. Дорога здесь делает несколько крутых поворотов, и мы дважды пересекли бурно шумящую реку.

Миновав город Джаково, к полудню мы прибыли в город Призрен. Далее наша машина не могла идти. Отсюда начинается крутой подъем в горы, и, чтобы одолеть этот трудный путь, нужна была более мощная и сильная машина. Специально приспособленный для таких путешествий автобус уходит в два часа дня. Остающиеся два с половиной часа мы должны были провести где-то в городе. Проводник нашего автобуса вызвался указать нам квартиру местного православного епископа – Владыки Серафима, и через несколько минут мы были с любовью и радушием приняты добрым Владыкой, епископом Призрена.

Владыка Серафим отнесся к нам с глубоким вниманием и заботливостью. Он не только гостеприимно предоставил нам возможность обогреться, отдохнуть и подкрепиться, но, узнав о цели нашего дальнейшего пути, написал письмо начальнику станции Урошевац, прося последнего, чтобы тот содействовал нам в деле достижения Скопья в этот вечер во что бы то ни стало, чтобы не лишить русских жителей города долго ими жданной беседы с архипастырем.

Владыка Серафим, оказалось, был в течение долгих лет священником Сербского подворья в Москве, и у нас нашлось с ним много общих знакомых, много общих дорогих и близких воспоминаний о великой первопрестольной столице Российской. С чувством глубокой благодарности и сердечного искреннего чувства простились мы с благодетным Владыкой, направляясь в дальнейший путь.

Дорога от Призрена к Урошевацу еще прекраснее, еще величественнее и живописнее, нежели все предыдущие дороги, достаточно живописные. Скала за скалой, одна горная вершина выше другой громоздились пред нами. Наш автобус то поднимался на вершину кряжа, то спускался в глубокие долины, то скользил между высоких гор по узенькой лощине, то мчался по шоссе, которое лепилось на склоне могучих хребтов.

Путь этот, изумительно красивый и разнообразный, по-видимому, достаточно опасен, особенно в снежные дни, ибо мы встретили шесть машин, главным образом военных грузовиков, застрявших в пути, занесенных снегом.

В начале пятого часа вечера мы с горных крутых, узких и опасных дорог спустились в долину и помчались по священному для каждого серба Косовскому полю, месту страшной кровавой трагедии сербского народа.

После смерти царя Душана Сербия недолго пользовалась годами величия и спокойствия. Во всевозможных смутах и волнениях скоро померкла древняя слава. Последние представители династии Неманичей окончили дни своей жизни в тишине монашеских келлий, и на престол Сербии вступила новая династия Бранковичей. Этой династии пришлось владеть Сербией в страшные дни кровавого испытания и видеть закат славы великого народа.

Медленно, медленно, шаг за шагом, как черная туча, как неотвратимая гроза, полоняло Юго-Восточную Европу грозное и жестокое воинство турецкое. Как грозный поток могучей реки, все ниспровергающий на своем пути, иногда случайно оставляющий незалитые островки, но потом и их смывающий, так разливалась в XIV веке по Балканскому полуострову турецкая орда. Когда эта грозная туча подошла к пределам Душанова царства, смолкли там всевозможные раздоры и как один человек встала Сербия под властью своего царя, доблестного Лазаря. Он знал, этот мученик-царь, что идет на гибель, он знал, что смерть ждет его на ратном поле, но и знал он, что славная смерть во сто крат лучше позорной жизни в рабстве и неволе, знал, что героизм и доблесть навеки зажгут яркие светочи в сербских сердцах и в прекрасных песнях сохранятся как образцы для потомства в века и века.

Эти высокие чувства разделяли со своим царем и все его подданные, прежде всего его доблестные дворяне – бояре сербские, которые все до одного человека вышли на бранное поле.

Жестока была Косовская битва. Сербы все до единого человека полегли в этой битве, но и от огромной турецкой армии осталось немало. Сам султан Мурад был заколот родственником убитого царя Лазаря, доблестным Милошем. Турки уstraшились этого неукротимого мужества и на полтора года предоставили Сербии относительную свободу под управлением потомков мученика-царя Лазаря.

Дух косовских героев остался жить в сербских сердцах. В течение всех четырех веков, пока Сербия находилась в порабощении, не было ни одного дня, ни одной минуты, когда бы в той или иной ее части не горели бы огни восстаний. Ни на один момент сербы не смирились с неволей, не сдались врагу.

Этому непрестанному хранению отцовских заветов в сердцах их потомков много способствовали песни и былины, которые слагались неизвестными творцами в глубине народных недр и будили лучшие струны в сербской душе.

Священный девиз: «За Крест честной и свободу златну» живет в лучших сербских сердцах от Косовской битвы до наших дней. И как

символ этого ежегодно в Видов день 15 июня, в день, когда произошла страшная битва на Косовом поле, совершается там панихида по всем павшим на поле чести, и сербские благочестивые крестьяне, селяки, собираются на это поле со всех концов Сербии, молясь о своих мучениках-отцах, проникаясь их священными заветами, и уносят с Косовского поля красные пионы – божур-цвет, который, по преданию, растет на том месте, куда падали капли сербской крови.

Шумадия и Черногория были главными очагами борьбы, не прекращавшейся ни на минуту. Шумадия стала истоком Сербского королевства, Черногория сама была независимым королевством, пока обе эти области не слились в единое целое вместе со всеми своими братьями, которым они принесли освобождение.

Трудно описать то чувство, которое владело нами, когда мы проезжали по Косовскому полю, овеянному великой исторической трагедией, совершившейся здесь. Молитва о всех бесчисленных убиенных, сложивших здесь свои головы за родную землю, наполняла наши сердца.

Казалось, дух этих героев еще веет над темными полями и отзвук их священных заветов звучит в голосе ветра, в шелесте трав, в пении птиц над полем.

В пять часов вечера мы прибыли на станцию Урошевац. Поезда на Скопье не было. Но начальник станции, прочитав письмо епископа Серафима, предоставил нам место в теплушке товарного поезда, отходящего через несколько минут со станции Урошевац в Скопье.

Поблагодарив доброго начальника станции, мы сели в теплушку, где кроме нас поместился еще кондуктор товарного поезда. Отец Нафанаил удивил меня, вступив с этим кондуктором в оживленный разговор на сербском языке. За три месяца нашего пребывания в Югославии он вполне освоился с этим легким для русского, близким к нашему языком. Кондуктор рассказал нам, что товарный поезд, в котором мы ехали, гружен серебром, направляющимся на литейные заводы в Скопье.

В столицу древней Сербии мы прибыли в половине седьмого вечера. Было уже совершенно темно. Никто, конечно, не ожидал нас в этот час, так как все пассажирские поезда давно прошли и никто не мог предполагать, что епископ приедет в город на лекцию в товарном транспорте. Ни одного адреса в Скопье мы не знали. К счастью, наш кондуктор указал нам, что в Скопье есть церковь, в которую по преимуществу ходят русские люди, и что сейчас, накануне праздника Введения во храм Божией Матери, большая часть русской колонии должна быть там.

Мы поспешили последовать этому доброму совету. Сама Матерь Божия заботилась о том, чтобы наши труды не пропали даром, чтобы русские люди Скоплья услышали весть о жизни своих собратьев Дальнего Востока, о трудах и страданиях, о печалях и радостях русских обитателей нашей окраины.

Прибыв в церковь, я обратился с проповедью к богомольцам, призывал их к помощи русским людям и указал, что в этот вечер сделаю доклад о дальневосточной жизни в помещении Русского собрания.

Лекция прошла дружно, тепло и собрала много народа. Наши усилия не пропали напрасно. Поздно вечером мы направились из Скоплья на север, в монастырь Мильково.

От маленькой провинциальной станции Лапово, от небольшого поселка при ней путь к Мильковскому монастырю лежит через ровные поля, засеянные кукурузой, пшеницей и льном. Дорога то вела через поля, то скользила вдоль берега быстрых многоводных речек, то пересекала речки по первобытным, ветхим мостам, кое-как сколоченным из нескольких бревен. И самая дорога находится в состоянии достаточно первобытном, напоминая старые проселочные русские дороги. В то утро, когда мы ехали по этим местам, дорога была особенно ужасна, так как большие комья грязи, устилающие путь, широкие борты колес и глубокие колдобины на дороге смерзлись от утреннего мороза и ветхий, первобытный экипаж, на котором мы ехали к монастырю, немилосердно подпрыгивал на каждом шагу, на каждом повороте дороги, грозя сбросить нас.

Вот вдалеке заблестало зеркало величавой реки Моравы, а за нею показались главы Мильковской обители.

С любовью, с тихим теплым чувством перекрестились мы, увидав кресты этой скромной великой духом обители.

Когда-то давно-давно славные короли сербские, стремясь украсить свои владения святыми обителями и благолепными храмами, воздвигли здесь малую обитель в честь и славу Матери Божией, в память праздника Введения Ее во храм. Доныне у входа в главный храм этой обители высится икона ее строителя, святого короля Стефана Первовенчанного.

Но прошли столетия, миновала пора светлой, великой славы сербских королей и царей, наступили годы лихолетья и тяжкого турецкого ига, в упадок и запустение пришли многие святыи обители. Запустел и этот скромный монастырь, разрушился его храм и строения монастырские, и лишь немногие развалины отмечали место, где когда-то стояла иноческая обитель.

В середине прошлого века, когда напряжением всех народных сил Сербия начала сбрасывать с себя цепи тяжелого рабства, закипела, заволновалась народная жизнь в этой местности, в этом гнезде обновленной сербской свободы, в неукротимой Шумадии. Много доблестных, неустрашимых героев явилось тогда среди сынов Шумадии, иные из них были кристально чистые и светлые рыцари без страха и упрека, отдававшие себя всецело на служение Родине, ничего себе не искавшие, шедшие на смерть, на муки за родной православный народ. Но были и такие, которые, служа Родине, борясь с ее угнетателями, на забывали и себя, которые, разоряя турецкие крепости и поселения, прельщались золотыми дукатами и драгоценными товарами, захватывали с бою бесчисленные сокровища не для общего дела, но для своего обогащения. Некоторые из таких повстанцев-комитов не стеснялись грабить даже своих единоплеменников, если те не хотели отдавать своего добра на борьбу с турками. И часто совсем стиралась грань между такими комитами и простыми разбойниками.

В местности, прилегающей к разрушенному старинному монастырю, к берегу прекрасной Моравы, знамениты были своей доблестью, неукротимостью и смелостью своих набегов два разбойника-комита – Милько и Томко. Грабили они главным образом турок, но не стеснялись захватывать пожитки и сербских богатых селян. Ужас наводили они на всю округу. Напрасно ловили их турецкие отряды, напрасно паша назначал награду за их головы, Милько и Томко были неуловимы.

И вдруг они исчезли.

С ними произошел тот глубокий нравственный переворот, который так хорошо знаком русскому человеку, который воспет во многих наших былинах и песнях: «У разбойников лютых совесть Господь пробудил».

В течение двух с лишним лет, одетые в крестьянскую одежду, бродили по окрестным деревням бывшие разбойники Милько и Томко, отдавая всем ограбленным ими своим единоплеменникам-сербам похищенное у них, вознаграждая потерпевших вдвое, вчетверо. И тем не менее многое еще оставалось у Мильки и Томки награбленного за долгие годы добра. Отдавать туркам они не хотели: глубокая любовь к родному народу, воспитанная веками непримиримость в борьбе с жестокими поработителями не позволяла так поступить. Но пользоваться для себя остатками награбленного добра Милько и Томко не хотели – совесть, пробужденная Богом, властно заявила свои права, и, став на добрый путь покаяния, оба разбойника неуклонно следовали по нему.

Все оставшееся не розданным свое имущество употребили они на восстановление разрушенной старинной обители, в которой и постриглись сами. А восстановленная ими обитель стала называться Мильково по имени старшего из раскаявшихся разбойников.

Когда после падения последнего оплота русской национальной борьбы на юге России множество русских людей хлынули в Сербию, прибыло туда много и русских иноков, и русской молодежи, стремившейся к иноческому житию. С далекого Валаама приехали в Сербию старцы, иноки Валаамской обители⁶¹. И вот всем этим русским монахам и была предоставлена Сербской Церковью Мильковская обитель. Во главе ее встал юный годами, но высочайший духом, достигший чрезвычайно больших высот святости человек – о. Амвросий, проведенный в ранней молодости в великом светильнике иноческого духа прежней России, в Оптиной пустыни, одно лето, но насквозь пропитавшийся святыми заветами этого великого монастыря.

Во время Великой войны и последовавшей гражданской борьбы с поработителями русского народа был он офицером в белых рядах, но когда по воле Божией пришлось русским людям испить горькую чашу изгнания, в православной Сербии выполнил он свое заветное желание, принял постриг иноческий и по благословению первоиерарха Сербской Церкви стал во главе первой русской обители в братской единой стране.

Он сумел силой своей великой веры, своего подвижнического духа с помощью Божией вдохнуть в сердца всех иноков, сотрудничавших с ним, тот дух, который сам когда-то получил от старцев Оптиной пустыни.

Жизнь русских иноков Милькова была чрезвычайно тяжелой. Первое время – не иносказательно, но в действительности – им было часто нечего есть. И они питались лебедой, крапивой, которую собирали в поле, собирали у окрестных крестьян, также очень обедневших после войны, кукурузную труху и этим питались. Так продолжалось более трех лет. Многие из числа братии убоялись такой жизни, ушли в другие монастыри, но много и прибавилось, особенно из среды молодых офицеров и оканчивавших курс обучения русских кадетов, которые пошли по трудному, истинно иноческому пути, вынесли тягчайшие испытания и стали свидетелями того, как благословил Господь их труды, как Мильковская обитель стала одним из светочей церковной жизни в сербской стране.

Весной 1933 года после тяжелой болезни отошел ко Господу отец архимандрит Амвросий, не достигши и сорока лет, но знаемый всем церковным населением страны как духоносный, праведный старец.

Вся жизнь, все подробности жизни Мильковского монастыря пропитаны воспоминаниями о любимом настоятеле, батюшке, о. Амвросии. Вот печь, которую построил батюшка, вот сарай, которому он положил основание, вот пристройка, которую он задумал.

Устав жизни, молитвенные правила, расписание дня – все осталось от покойного великого инока, все им установлено, по его благословению хранится.

Ныне настоятелем Мильковского монастыря является воспитанник о. Амвросия – отец иеромонах Лука. Братия обители состоит главным образом из молодежи русской и сербской – воспитанников Белградского богословского факультета, горящих ярким огнем подвига. Поистине замечательный, кристально светлый и чистый духовный букет собрал для Бога покойный о. Амвросий.

И ныне Мильковский монастырь является рассадником работников Христовой нивы для Русской Церкви во всей Европе и даже во всем мире. Из иноков этой обители вышли епископы: Преосвященный Савва, работающий в Польской Православной Церкви, Преосвященный Иоанн (Максимович), новопосвященный епископ Шанхайский, постриженник Мильковского монастыря, прошедший ряд лет в работе среди сербских «побожничьих братств» под руководством архипастыря высокого духа Преосвященного Николая, епископа Охридского. Из Мильковского же монастыря вышли молодые священноиноки, работающие в различных странах, в различных областях нашего церковного рассеяния: отец игумен Антоний, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, отец иеромонах Филипп (Гарднер), крупный работник по церковной педагогике, трудящийся в Прикарпатской Руси, и много других неизвестных миру, но известных Богу чистых душой тружеников нивы Христовой. Очень близок своим широким отеческим духом к Мильковскому монастырю и Блаженнейший митрополит Антоний, часто отдыхающий среди братии монастыря от трудностей и волнений церковно-административной работы. С Блаженнейшим митрополитом иноки Милькова связаны самой глубокой духовной связью, ибо именно от него почерпают они отеческие, пастырские указания на иноческом пути. Близок к монастырю и епископ Америки Преосвященный Тихон, прошедший в Мильковской обители до посвящения в епископский сан долгое время, привязавшийся всею душой к этой святой твердыне духа. Так же тесно связан с Мильковым и отец архимандрит Феодосий, постоянный любимый и любящий гость святой обители. Вообще на всю церковную жизнь русского населения Югославии, на духовную жизнь окружающей местности и некоторым образом даже на

весь православный мир тихим и ясным светом сияет благословенная иноческая Мильковская лампада.

На первобытном, ветхом пароме переправились мы, я и о. Нафанаил, через широкую, бурную Мораву, и в моем лице дальневосточный архипастырь со славою был встречен в Мильковской обители, праздновавшей в этот день свой храмовый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Церковь монастыря была переполнена народом. Окрестные крестьяне всею душой полюбили святую обитель, и хотя сербы вообще редко посещают церковь, но храм Мильковского монастыря всегда неизменно бывает полон народом, приходящим сюда из самых отдаленных округов, привлекаемым доброю славой о чистейшей подвижнической жизни мильковских иноков.

Я обратился к братии монастыря и к богомольцам их храма с кратким словом, в котором сказал, что приехал сюда не для проповедования, не для того, чтобы поучать, но чтобы самому поучаться редким в наши дни примерам истинно иноческого жития. Я рассказал им, что и на Дальнем Востоке не меркнет огонек монашества, что и у нас есть люди, ревнующие по древней великой славе монашеской.

Потом мы совершили с настоятелем храма и с почетными представителями местного населения древний сербский обычай «славы», с молитвою преломив колач. Совершили заупокойную службу на могиле о. Амвросия и прошли в монастырскую трапезную, где в трогательном, глубоком единении собрались иноки и крестьяне окрестных сел на братскую трапезу.

В благоговейном молчании, под чтение истории праздника на общем и для русских и для сербов славянском языке прошла трапеза. Быстро пролетел этот светлый день нашего пребывания в Мильково. Грустно, печально было расставаться с братией святой обители, которую мы полюбили всей душой, несмотря на недолгое там пребывание.

Вся братия во главе со своим настоятелем и старцем-схимником вышла провожать нас на берег Моравы. Высоко в небо неслись священные песнопения, ярким духовным светом светились лица иноков. Я, стоя на пароме, благословлял это малое стадо Христово, с грустью, надолго прощаясь с ними.

Вот мы уже на другом берегу, быстро мчит нас монастырская повозка, увозя от святого монастыря, но еще долго в темнеющем вечернем воздухе виднеется небольшая группа иноков на берегу реки и далеким, далеким отголоском над православными сербскими полями звучат священные иноческие песнопения.

Недалеко от станции Лапово, связанной с Мильковским монастырем, к западу от реки Моравы, лежит старинный сербский город Крагуевац, в недавнем прошлом – столица Сербии. В настоящее время там расположен главный военный завод Югославского королевства. Русская колония Крагуеваца очень многочисленна, и почти все русские служат там на военном заводе.

Как и всюду в Югославии, русские люди там проникнуты горячим желанием узнать подробности жизни своих собратьев на далеком Востоке. И во время моего пребывания в Белграде я получил много писем и телеграмм из Крагуеваца, настойчиво умоляющих приехать в этот город и прочитать там лекцию о Дальнем Востоке.

Было начало зимы, когда мне удалось исполнить горячее желание крагуевчан. Лекцию в этом городе я читал в зале сербской гимназии, праздновавшей как раз в этом году столетие своего существования. На лекции была вся русская колония и очень много сербов.

Крагуевац играл большую роль в истории Сербии в последнее столетие ее существования, будучи центром той национальной борьбы против турок, которую в течение всего XIX века вели сербы.

Крагуевац – главный город Шумадии, т. е. лесной части Сербии. А Шумадия и была тем очагом, где наравне с Черногорией никогда не угасало пламя восстаний против поработителей. Из Шумадии же происходили и оба рода сербских национальных вождей – Обреновичей и Карагеоргиевичей, давших Сербии в последние столетия две ее национальные династии. Как раз Крагуевац и был родовым гнездом Обреновичей, и здесь до 1842 года была столица Сербского великого княжества. В 1833 году здесь была основана первая сербская гимназия. В день празднования ее юбилея город посетил король Александр. Король вообще часто бывает в этом городе, посещая тамошний военный завод.

За городом расположен большой поселок, специально для служащих завода. Поселок этот построен на репарационные деньги и поражает взор наблюдателя своей чистотой и аккуратностью.

На следующий день после моего прибытия в Крагуевац я был в его прекрасном соборе, где была торжественная служба по случаю дня национального сербского праздника, дня объединения сербов, хорватов и словенцев.

Обширный прекрасный собор был полон народа. Впереди торжественными рядами стояли военачальники местных воинских частей в парадной форме. Торжественно и величаво звучали голоса мощного хора, а мое сердце переносилось к тем радостным дням, когда так же тор-

жественно и еще более величественно праздновала свои праздники наша великая Русь.

На юго-запад от Крагуеваца лежит город Кральево. Путь между этими двумя городами лежит по самому сердцу Шумадии. Здесь, в лесах, которыми была покрыта эта страна, таились неукротимые сербские повстанцы-комиты, здесь скрывались отряды Обреновичей и Карагеоргиевичей. Во время Великой войны эти леса были сплошь вырублены немцами и австрийцами отчасти для снабжения Германии лесом, отчасти для того чтобы прекратить повстанчество в завоеванных австрийцами областях Сербии.

В Кральево расположен большой военный аэродром, на котором работают русские. Русских в Кральево не так много, но колония сплоченная и дружная. Во главе ее стоит всеми уважаемый, почтенный атаман, глава Кубани – атаман Науменко. Я читал лекцию там в помещении аэродрома и был рад встретиться после лекции со всеми представителями русской колонии и местного сербского населения в дружной, единой беседе.

Несколько к северу от Кральева находится очень древний, XII века, сербский монастырь Студеница, в котором почивают мощи святого короля Стефана Первовенчанного и его отца святого преподобного Симеона Мироточивого, основателя славной династии Неманичей.

Несколько южнее Кральева в пределах великого Косового поля лежит монастырь Грачаница, созданный королем Милутином в 1321 году, совершеннейший образец старинной сербской архитектуры, чарующий взор путешественника и богомольца своими стройными линиями, белоснежной чистотой стен и тем духом благочестивой древности, который веет от всего облика старого монастыря.

С искренним сердечным восторгом любовались мы на этот монастырь, проезжая по историческому священному Косовому полю, некогда усеянному костями древних героев.

В каждом селении, в каждой деревне в этом районе видели мы благолепные, прекрасные церкви – иногда древние, насчитывавшие долгие столетия, иногда новые, только что отстроенные благочестивыми поселянами. В одной из церквей в Южной Сербии недавно произошло одно чрезвычайно глубокое по своему внутреннему смыслу чудесное событие. В новоотстроенном храме местные жители решили расписать стены изображениями самых почитаемых в Сербии святых. Иконописец, добрый и благочестивый человек, старательно трудился, исполняя свое дело, и раз за разом вписывал одно за другим святые изображения в полукруги церковных абсид. Все места были уже рас-

Монастырь Грачаница

пределены, кроме одного. И никак не мог иконописец решить, какое же изображение поместить в остающийся полукруг. Однажды вечером он долго и горячо молился и с молитвой заснул. И во сне он видит церковь, в которой он работает, и в не заполненном еще полукруге изображение святого мученика – русского Царя Николая II.

Почитание нашего Государя широко и глубоко распространено во всей Сербии. Там уже давно население считает его святым мучеником за родной народ и за все славянство. Поэтому свой сон благочестивый иконописец принял как прямое указание свыше и вместе со всеми своими односельчанами сообщил о нем Патриарху, прося его разрешить написать образ Царя и поместить в церкви.

Патриарх временно отложил решение этого вопроса, но южно-сербское село решило никакого другого изображения не помещать в незаполненный полукруг и ждать, когда будет разрешено им написать образ Царя-мученика.

Это глубоко благоговейное почитание Государя выразил мне на заседании Русско-сербского общества генерал Божкович, прося меня передать всем русским людям, что Сербия всегда благоговейно чтит па-

мять Государя, принесшего себя в жертву за все славянство, и ни минуты не сомневается, что мученик Государь, как великий святой, предстоит пред Престолом Всевышнего.

К востоку от Кральева лежит большой и значительный центр – город Ниш, в котором в первые годы минувшей войны находилась столица Сербского королевства после захвата Белграда австрийцами, до того страшного дня, когда после неожиданного удара с тыла сербским войскам пришлось покидать родную землю. Здесь имел свое пребывание старый, мудрый король Петр, с которым некогда я имел счастье встретиться в Петергофе на приеме у Государя в Александрийском дворце в 1911 году. Здесь помещался штаб сербских войск, здесь ковались первые звенья единения сербов со своими поработанными братьями-хорватами и словенцами, здесь закладывались первые основания Королевства Югославии.

В Ниш я приехал из Кральева в субботу и вечером был в великолепном Нишском соборе, построенном в прошлом веке, на построение которого много жертвовал наш Государь Александр I. В этом храме благоговейно хранятся также реликвии – пожертвования нашего последнего Царя-мученика Государя Николая Александровича. С благоговейной внимательностью смотрели мы на эти реликвии, столь драгоценные для русского сердца. Потом мы осматривали старый Нишский собор, построенный во времена турецкого ига. Как и все православные церкви, построенные при турках, этот старинный собор построен очень низко. Христиане не могли строить церкви, которые стояли бы выше любой городской мечети.

На следующий день я был на литургии в Нишском соборе. После литургии по просьбе настоятеля я, облачившись в мантию и омофор, пожертвованные Императором Николаем II, произнес проповедь по-русски, которую слушали и русские, и сербские богомольцы.

Вечером была моя лекция в здании Нишской гимназии, во время которой пел казачий хор, обычно поющий за богослужениями в местном соборе.

Ниш – очень древний город, существовавший еще в римские времена. Здесь родился в III столетии император Константин Великий Равноапостольный. От этих древних времен в Нише сохранилась старинная крепость, в которой и мы побывали, с интересом рассматривая ее крепкие, массивные стены, широкие рвы и высокие башни.

Рядом с городом Нишем находится курортная станция – Нишка Баня, один из лучших курортов Сербии. Сюда часто приезжает король Александр, здесь построил он новую прекрасную церковь, и по его распоряжению городок украсился красивыми великолепными садами.

Между Нишем и Нишкой Баней находится памятник, называемый Чела-Кула. Тут погребены сербские герои-повстанцы начала прошлого века. Когда турки осадили их в небольшом замке на соседнем поле, они, не желая сдаться во много раз сильнейшему врагу, взорвались сами вместе с осаждавшими их турками. И теперь на этом месте возвышается часовня, в стены которой вправлены черепа героев Чела-Кула.

Южнее Ниша и Скопля, на берегах Вардара, лежат плодородные равнины Сербской Македонии. Здесь находился когда-то центр великой Македонской державы, разоренной в X столетии византийским императором Василием, тестем нашего святого князя Владимира.

Кроме тесных уз, которые связывают нас вообще с каждым славянским православным народом, с народностью Македонии связывает нас особенно еще то обстоятельство, что как раз на языке этого народа говорили святые братья Кирилл и Мефодий, и на язык этой-то местности перевели они Священное Писание и все богослужебные книги, сделав таким образом македонский славянский язык общим церковным языком всех славян.

Памятью о святых Кирилле и Мефодии глубоко пропитаны доныне горы и долины македонские.

В древнем городе Охриде, на берегу озера того же имени в старинных монастырях покоятся мощи святого Наума и святого Климента, двух ближайших помощников и сотрудников святых первоучителей словенских. Между прочим, по мнению большинства ученых, святому Клименту обязана наша церковно-славянская азбука той своей формой, в какой мы ее знаем ныне.

В настоящее время города Охрид и Битоль служат главными центрами своеобразнейшего религиозного течения в сербском народе – так называемого «побожнического братства», или «покрета», во главе которого стоит епископ Охридско-Битольский Пресвященный Николай, глубоко выдающийся архипастырь Сербской Церкви, духовный оратор-златоуст Сербии.

В течение веков боролся сербский народ за свою веру, отстаивая от нечестивых гонителей, сражаясь за нее в темных лесах и неприступных горных дебрях. Кругом в родных городах и селениях владычествовали магометане – турки или сербы, изменившие вере отцов, изменившие Кресту ради земных выгод. Быть православным в те дни значило в той или иной степени быть мучеником и исповедником. Соблазн пред каждым православным сербом вставал тогда в одной ясно очерченной, грубой форме. Так легко было изменить Православию, стать

магометанином и этой ценой приобрести безопасность, житейские выгоды, богатство и значение.

Этому соблазну сербы в подавляющей массе не сдавались и в течение веков хранили свою святую веру. В веянии славных сказаний о Косовском поле, о героях – борцах за честной Крест, об иноках – защитниках веры и народности вырастали сербские поколения. Они ясно сознавали немудрящим разумом и простым чистым сердцем свои обязанности пред Богом и доблестно свершали их.

Но вот течение истории изменилось. Сербия встала из пропасти падения, успех за успехом, победа за победой стали достоянием ее знамен. Изменились и нравственные требования к православному населению. Исповедовать Православие стало не подвигом, а привилегией, жизнь требовала иных подвигов, соблазны гораздо более утонченные и коварные вставали пред православным сербом, грех все глубже проникал в чистые и добрые недра народа.

В это время грянула война, сначала с турками и болгарами, потом после краткого перерыва – с австрийцами, болгарами и турками. Кровавым пожаром зажигалась несчастная страна. Полоненная иноземными полчищами, лежала поработанная Сербия, лучшие сыны ее должны были оставить страну и идти через неприступные албанские горы, не зная, вернутся ли они когда-либо на родную землю, или сложат кости свои в чужой стране.

И вот тогда, во время этого огненного испытания целого народа, те глубокие покаянные чувства, которые давно назревали в народной душе, овладели не десятками, не сотнями, а тысячами людей. Старые седоусые воины плакали, прощаясь с родной отчиной, беря в ладонку песок с родимых полей. И верующее сердце сознавало, что это тяжелое огненное испытание ниспослано Богом не даром, что оно заслужено всем народом, что оно дается как наказание и как горнило очищения для народной души.

И вот в горных долинах Албании в дни страшных мук сербского воинства родились «побожнические братства», братства мирян, воинов, земледельцев, рабочих, дававших друг другу пред Богом обет исправить свою жизнь, вести ее по-Божьи и объединявшихся в одной общей молитве к Богу, молитве о спасении возлюбленной, огненно любимой Родины.

Видно, вял Господь этим молитвам, ибо никогда не отвергнет Господь сокрушенного сердца, и час испытаний сербского народа окончился скоро и привел страну к небывалой еще сверкающей славе.

Но в лучших, наиболее глубоких сердцах пережитый период испытаний оставил глубокий след, и «побожнические братства» после окончания войны не прекратили своего существования, но продолжали развиваться, ибо поля для их работы в Сербии достаточно много.

В течение некоторого времени братства вели свою работу самостоятельно, без всякого руководства священников. Члены братств собирались в старинных почитаемых церквах и монастырях, пели акафисты, читали Евангелия, пели каноны и особые народные побожные песни, проводя так в посте и молитве иногда целые ночи. Отсутствие руководства священников придавало некоторым братствам опасную сектантскую форму. Тогда на это ненормальное положение глубочайшего народного религиозного движения обратил свой внимательный отеческий взгляд нынешний мудрый Святейший Патриарх Варнава и поставил во главе братств епископа Николая Охридского, человека, особо отмеченного Богом именно для такой работы.

Глубочайше религиозный человек аскетического подвижнического духа, Владыка Николай соединяет в себе обширные научные знания и простоту сердца, которую любит и ценит простой народ. Вообще Владыка Николай многое прошел и многое преодолел. В течение долгого времени воспитывался он и проходил научный курс на Западе в английском университете, но, став православным епископом, сумел преодолеть это западное влияние, отделаться от него, в то же время взяв из западного образования все самое лучшее, самое ценное.

Став во главе братств, духовно руководя ими, епископ Николай сумел стяжать глубокую любовь всего православного населения Сербии.

В прошлом году осенью в одной примонастырской местности Сербии был как бы съезд, вернее, сход братств, туда приходили крестными ходами «побожнические братства» со всей страны, из самых отдаленных ее местностей. В течение трех дней непрерывно совершались богослужения. Целые ночи напролет шли всенощные бдения. И тогда, как рассказывали нам верующие сербы, многие из простых поселян, получившие благословение от епископа Николая, радостно говорили друг другу: «Ну, теперь мы можем спокойно умереть, Господь сподобил нас поцеловать руку нашего Владыки-праведника».

Огромное влияние на религиозное настроение сербского народа оказывает Владыка Николай и своими высокоталантливыми миссионерскими письмами, широко распространяющимися в народных массах.

Работа братств в настоящее время ширится и процветает. Отраднo отметить, что в этой работе принимают участие и некоторые рус-

ские священники и священноиноки, находящиеся под руководством Владыки Николая*.

Много поразительных, светлых, добрых явлений, героических памятников и священных мест имеет Южная Сербия – колыбель сильного духом славянского народа. И для нас, русских, эта земля – не чужая земля. Ради этой земли для ее освобождения от чуждого ига умирали лучшие сыны России, здесь в течение десятилетий, даже веков, всегда помнили сыны этой земли о том, что на далеком севере у них есть могучая старшая сестра – Великая Россия.

И ныне в годы позора, страданий и унижений нашей Родины отраднее русскому сердцу иметь утешение видеть возрождение и благоденствие братского, близкого сердцу и душе народа сербского. Любящий брат, даже терпя невыносимые муки, всегда найдет в себе силы радостно, приветливо улыбнуться, видя успехи любимого младшего брата.

Этой приветливой улыбкой сквозь горькие слезы улыбаются русские люди, видя успехи и процветание возрождающегося народа сербского. А вместе с русскими людьми молятся наши братья-сербы о том, чтобы пробил час милости Божией и для нашей Родины, сознавая, что только в крепком, нераздельном единении с ней таится настоящий прочный успех для великой славянской народности.

5. Банат и Сирмия

У подножия холмов, на которых высится славная столица Югославии – прекрасный Белград, тихо струит свои воды плавыи Дунай, вторая по величине река Европы, древний Данубус, который видел на своих берегах и воинства гордых персидских царей, и легкие отряды свободолюбивых скифов, и красавца Александра Македонского, и железные легионы римских цезарей, завоевателей мира, и, наконец, неукротимые многочисленные племена славянские, подошедшие к его берегам со склонов Карпатских гор.

В песнях почти всех славянских народов воспевается Дунай, хотя бы даже эти славянские народы проводили свою историческую жизнь далеко от его берегов.

С любовью поется и в русских песнях о светлом Дунае Ивановиче.

* Из них мы уже упоминали имя о. Иоанна (Максимовича), ныне посвященного в сан епископа Шанхайского. Необходимо упомянуть и о. Киприана (Жерна), автора прекрасных книг по богослужению («Крины молитвенные»).

Извилисто и прихотливо течение этой могучей реки. Начинаясь далеко на западе, почти у пределов французских – в глубинах Баденских гор, Дунай то поднимается к северу, то склоняется к югу, делает изгибы и колена, омывает подножия великих столиц, вдруг совершенно изменяет своему восточному направлению и бежит на юг, потом снова устремляется на восток и вдруг, почти уже добежав до моря, снова причудливым поворотом поворачивает на север, давая очертания области Добруджи.

В той части Дуная, где он резко меняет свое южное направление на первоначальное восточное, против тех мест, где в воды его вливаются воды Савы и Моравы, на северных его берегах, лежат области Баната и Сирмии, называемые также Воеводиной, ибо здесь в течение веков находились поселения сербские, управлявшиеся воеводами, обязанными защищать простирающиеся к северу от них местности от нашествий турок.

Прямо против Белграда, на противоположном берегу Савы, находится городок Земун, до времен последней войны бывший гнездом австрийцев, откуда они могли беспрепятственно наблюдать за сербской столицей. Из этого-то городка летом 1914 года впервые раздалась выстрелы, возвестившие начало ужасной мировой войны, после которой еще донине страшными судорогами содрогается мир. Отсюда и из Панчева австрийцы разрушали Белград.

Пересекши в маленьком, чистеньком, аккуратном пароходике неширокую Саву, мы проехали по улицам чистенького, аккуратного города, носящего до сих пор неизгладимые следы австрийского владычества, и достигли порога русской церкви в Земуне, церкви, которая прежде была карантинной пограничной церковью, а теперь отдана в пользование русскому населению Земуна. Вместе с несколькими русскими и сербскими священнослужителями мы совершили Божественную литургию и потом ознакомились с городом.

Вечером в помещении штаба сокольской организации состоялась моя лекция и лекция о Нафанаила.

В Земуне находится главный центр русских соколов в Югославии, а также очень сильна и сербская сокольская организация.

По мысли своих создателей и руководителей, организация соколов в Югославии должна сыграть ту же роль, что для современных Италии и Германии организации юных фашистов, или националистов. В этой организации куются молодые силы, которые должны дать новые поколения сильных духом и телом сынов славянского народа.

Русская организация соколов также нашла себе гостеприимный приют в Югославянском королевстве. Она пережила много различных перемен в своей судьбе и ныне решительно и твердо стала на путь все более и более глубокого укрепления национальных и патриотических оснований в душах русских детей. От всей души можно пожелать и русской, и югославянской сокольской организации успеха и процветания и, главное, большего приближения к святейшей руководительнице душ человеческих – Святой Церкви Христовой, чтобы в этой организации дети находили не только укрепление тела, но и совершенствование духа.

Я был встречен в Земунской соколане, как называется по-сербски штаб сокольской организации, с сердечной любовью и трогательным вниманием.

С живейшим интересом видел я знамена соколов, их иконы, реликвии, портреты и фотографии, украшающие стены их штаба. В душевной беседе с соколами я указал им на святого мученика Трифона, покровителя сокольничих древней России, как на того святого, которого надо им считать своим небесным покровителем.

Во всех национальных праздниках Югославии сокола, как югославские, так и русские, неизменно принимают самое живейшее участие, принимают русские сокола участие и в тех международных славянских слетах соколов, которые особенно часто устраиваются в столице Чехословакии – Праге.

Далее вниз по Дунаю, на несколько большем, нежели Земун, расстоянии от Белграда, находится другой, также до недавнего времени бывший австрийским городок Панчево.

Центром русской колонии этого города является прекрасный русский госпиталь, выстроенный и содержимый частью на субсидии югославянского правительства, частью на общественные пожертвования. В этом госпитале больные имеют возможность лечиться в исключительно благоприятных условиях, под медицинским надзором выдающихся опытных врачей. Во главе госпиталя стоит выдающийся врач и человек исключительных качеств – доктор Левитский.

Настоятелем церкви при госпитале, служащей также приходской церковью для русской колонии Панчева, состоит отец протоиерей Петр Голубятников, священник, которого глубоко любят и ценят все русские и сербские жители города, вообще все, кто имеет радость с ним встретиться. С кротостью Иова принес он в годы войны на алтарь Отечества всех своих сыновей, погибших один за другим на Великой и на гражданской войне, ушел с воинскими частями в изгнание, орга-

низовал православный русский приход в египетской пустыне, где буквально из ничего им была создана трогательная, благолепная церковь, достиг пределов Сербии и ныне служит добрым утешителем страдающих русских людей, пациентов панчевского госпиталя.

На новом своем поприще работы он сумел создать задушевное единение с сербскими кругами духовенства, и я был глубоко рад наблюдать это полное задушевное единение.

После литургии, которую я совершал совместно с русскими и сербскими священниками, я проехал по сербским храмам Панчева и был поражен их замечательной художественной красотой. Всюду сербское духовенство встречало меня с глубокой задушевной лаской и с величавой торжественностью, под звон колоколов, под протяжное пение «исполла эти деспота»⁶². Здесь впервые встретился я с сербскими церковными обычаями, и они чрезвычайно поразили и пленили меня своей глубокой церковностью и трогательностью.

Осматривали мы и кладбище Панчева, где много-много могильных холмиков украшено русскими надписями. Есть среди них могила любимого и почитаемого донныне всем населением архиепископа Гавриила, благостного Владыки с чутким, любящим сердцем, простой душой, замечательного знатока церковного пения и музыки, создавшего лично многие песнопения для Церкви.

На восток от Панчево, почти на границе с Румынией, находится город Белая Церковь, особенно близкий русскому сердцу не только потому, что он одноименен с русским городом, воспетым Пушкиным, но и потому, что в этом городе находятся два рассадника русской культуры, русского воспитания в Югославии – Кадетский корпус и Женский институт.

В первый же день моего приезда в Белую Церковь на вечернем богослужении в церкви увидел я ряды кадетов и институток, и сердце перенеслось к милым видениям прежней России, где в этих с детства знакомых формах вырастали лучшие русские поколения.

На следующий день я был в институте, совершил молебен в скромной, заботливо украшенной благолепной институтской церкви и обратился со словом к воспитанницам института, указывая им, какое великое, единственное ныне счастье имеют они, воспитываясь в этом институте, хранящем лучшие, светлые традиции прежней Великой России.

Во главе института стоит г-жа Духонина, вдова известного героя, первого из русских военачальников, погибшего от рук большевиков.

Из института проехал я в кадетский корпус и совершил там молебен в обширной и прекрасной церкви корпуса. Стены церкви укра-

шены глубоко проникновенными надписями, славными заветами русского воинства, в которых тщательно воспитываются эти кадеты от князей русских до простых казачат. Во главе корпуса стоит генерал Б. М. Адамович, истинный рыцарь без страха и упрека, человек железной воли, неослабной энергии и глубокого воинского духа. Своей неукротимой энергией он добивается продолжения работы корпуса и несколько раз в моменты опасности спасал свое любимое детище.

Вечером в помещении корпуса была моя лекция для кадетов и институтков. После лекции мы осматривали музей военных реликвий, составленный директором корпуса. С благоговением взирали мы на старые знамена русских полков, на портреты светлых вождей нашего доблестного бывшего воинства, на погоны, мундиры, ордена русской армии. И казалось, славные тени живут и витают над этими драгоценными реликвиями, вдохновляют своими вечными, не умирающими заветами новые поколения юных русских кадетов, наследников лучших традиций многовекового русского воинства.

В этом корпусе получили, между прочим, воспитание и те дальневосточные кадеты из Хабаровского и Омского корпусов, которые после падения Владивостока были переправлены в Югославию для окончания образования. Многие из них служат ныне в Югославянской армии, многие поступили на военные заводы, в канцелярии, некоторые учатся в Белградском университете. Очень много из числа питомцев кадетских корпусов по окончании корпуса поступили на Богословский факультет Белградского университета, желая в дальнейшем отдать силы свои на служение Церкви Божией, многие из них уже иноками несут крест монашеского служения в русском монастыре Милькова.

Кроме лекций в корпусе я читал в Белой Церкви лекцию и для всего русского населения этого города, имея радость тесного и дружественного общения почти со всеми русскими и многими сербскими жителями городка. Особенно душевно сблизился я с милым благостным батюшкой о. Василием, настоятелем церкви института, воистину добрым пастырем своего юного стада. Кроме института он преподает также Закон Божий и в Кадетском корпусе.

Русский храм в Белой Церкви – лучший русский храм в Югославии, построен стараниями трудившегося там до недавнего времени отца иеромонаха Иоанна, в миру князя Шаховского.

На северо-запад от Белой Церкви, на берегах реки Тисы, лежит город Великий Бечкерек. Несмотря на свое громкое название, город незначителен и по населению, и по пространству.

Я приехал туда как раз накануне храмового праздника тамошней русской церкви в честь Архангела Михаила и прямо прошел в русский храм. Храм помещается в подполье, в бывшей турецкой тюрьме, где в течение веков томили сербских православных пленников жестокие властители.

Отпечаток этого доныне остался в церкви. Низкие своды, узенькие решетчатые окна, каменный пол и толстые стены свидетельствуют о недавнем прошлом этого храма, и кажется, что тени замученных здесь исповедников имени Христова постоянно соприсутствуют в этом храме, где ныне вместо скорбных стонов страдальцев звучат церковные песнопения и вместо злобных надругательств палачей звучат хвалебные славословия Господу, Которого в минувшие дни исповедовали здесь своими мучениями православные страдальцы.

Настоятель храма о. Владимир Востоков, пламенный, неукротимый батюшка, своей энергией и неукротимостью хорошо известный еще и в прежней России.

Прочитав лекции в Бечкереке, я проехал на север, в город Новый Бичей, также расположенный на берегах реки Тисы.

Русская колония в этом городе небольшая, но очень дружная, тесная, хорошо объединенная. Главным центром всей колонии является церковь, которую предоставили русским сербы. Церковь эта очень старинная, начала XVI века; и ее глубоко почитают и русские и сербы. В церкви находится чудотворный образ Матери Божией. К этому образу каждое воскресенье после литургии собираются толпы богомольцев-сербов из окрестных сел, молятся целый день, поют акафисты, каноны, читают жития святых и Евангелие. Под праздник Успения проводят таким образом целую ночь. Трогательно видеть на образе Божией Матери процелованное насквозь в течение веков плечо. Таково постоянное неослабеваемое усердие доброго благочестивого народа.

Церковь эта, посвященная Успению Божией Матери, была прежде монастырской церковью. Построена она в XVI веке и, как и все церкви, строенные при турках, очень низенькая и незаметная. Впоследствии монастырь был razорен, монастырские здания разрушены и церковь пришла в запустение. Со времени построения большого храма в центре города, после того как Бичей перешел к венграм, Успенская церковь опустела совершенно и двести лет стояла без богослужений – «без пения», как говорят русские летописи. Только десять с небольшим лет тому назад, после того как церковь была передана русским беженцам, богослужения там возобновились.

С чувством глубокого умиления совершал я молебен в этом древнем храме, таком скромном и бедном. Множество русских и сербов наполняло церковь. Я обратился к ним с проповедью, указывая на заступничество Матери Божией, рассказав о том, как в момент величайшей русской трагедии, в день отречения от Престола нашего Государя, Матерь Божия чудесно явила Свою икону – «Державную» в древнем селе Коломенском, давая нам тем свидетельство утешения в годы скорбей.

Кроме о. Нафанаила моим спутником во время этой поездки был молодой человек В. Родзянко, любимый послушник митрополита Антония, очень хороший и хорошо настроенный юноша, студент Богословского факультета, думающий с помощью Божией посвятить себя в будущем служению Церкви Христовой. Прислуживали во время богослужения его брат и маленький граф Толстой, правнук писателя. Отрадно отметить, что и эта семья очень близка к Церкви и в глубоко православном духе воспитываются их дети.

Вместе с настоятелем Бичейского храма, милым, любезным и высоко культурным священником о. Божидаром, мы были в главном храме Бичея, великолепном соборе, выстроенном в XVIII веке.

С самыми теплыми и светлыми чувствами простились мы с милым городком Бичеем и проехали на север в Великую Кикинду, где помещается большой русский приют для престарелых и хронически больных, создание бывшего русского посла в Сербии – В. Н. Штрандмана.

Любезно встреченные заведующим этим приютом М. Р. Голуб, мы познакомились со всем приютом, со всеми его насельниками, среди которых есть много носителей славных великих русских имен. Сердце мое перенеслось, видя знакомую картину приюта для страдающих старцев и стариц, к нашему Дому Милосердия в Харбине, где также на закате дней своих призрываются десятки больных, старцев, стариц, слепых и хромых.

В беседе с призрваемыми приюта и со всеми русскими жителями Кикинды я рассказывал подробности нашей дальневосточной жизни, рассказал и о Доме Милосердия с его обитателями.

Большим утешением для приюта и для всех православных жителей Великой Кикинды служит их батюшка о. Василий Шустин, человек высокой духовной настроенности, инок по духу.

На запад от Великой Кикинды, на самой границе с Венгрией, расположен значительный город Субботица, прежде называвшийся Мариетерезиополь. До этого города в 1848 году доходили русские войска, подавлявшие венгерское восстание, и один из русских жителей Субботи-

цы привез с собою из России в этот город саблю своего прадеда, с которой его прадед был в Субботице почти столетие тому назад.

В Субботице на нашей лекции трогательно, единодушно объединились все разрозненные русские политические и общественные группировки, принося нам благодарность за такое неожиданное для них единение. Явление это, которое наблюдалось почти всюду на наших лекциях, чрезвычайно знаменательно и ясно показывает, как в конце концов неглубоки все многочисленные недоразумения и дробления, разделяющие нашу русскую эмиграцию, как все мы тяготимся этими разделениями и как нетрудно при известном старании изжить и уничтожить наши раздоры.

Южнее Субботицы, в ближайшем соседстве со Сремскими Карловцами, находится значительный город Новый Сад – на берегу могучего Дуная. В этом городе мы были несколько раз.

На лекции, которую я прочитал там, присутствовал местный Владыка, чрезвычайно культурный, любезный и почтенный епископ Ириней. С чрезвычайной предупредительностью показывал он нам свои покои, сокровищницу всевозможных образцов церковного искусства, собранную с большим художественным вкусом и утонченной культурностью. Владыка Ириней сам пишет прекрасные иконы, глубоко понимает и чувствует старинную сербскую живопись, и под его руководством у него работают несколько русских мастеров, расписывающих трапезную в древнесербском стиле. Кроме живописи Владыка Ириней создал столь же прекрасные творения и в художественной церковной литературе.

Владыка Ириней сам руководит здесь небольшой русской церковью при большом великолепном Новосадском соборе.

Русская колония в Новом Саде довольно значительная. Здесь находится центр югославянской военной авиации, в которой работают много русских авиаторов, совместно с югославянскими поставивших воздухоплавательное дело в Югославии на значительную высоту.

Здесь, в этих главных культурных центрах великого Югославянского королевства, с отрадой чувствует русское сердце растущую и развивающуюся мощь родного славянского государства. Здесь отдыхает сердце от забитости, затравленности, униженности, которые стали уделом русского человека в изгнании, потому что здесь ни на минуту не чувствует себя русский человек чужим и как родной, как глубоко заинтересованный соучаствует в мощно развивающемся строительстве возрожденного славянского государства, судьбы которого не безразличны, но бесконечно близки и дороги русской душе.

Русский человек в Югославии не посторонний зритель. Он отлично сознает там свои задачи, свои цели, у него есть определенные политические и национальные симпатии. Следуя тем путям, которые всегда проводила Россия в родных славянских странах, русский человек в Югославии всегда радуется более тесному, более полному сближению и слиянию различных славянских народов под скипетром мудрого, доблестного и благородного короля Александра, неизменного друга бывшей Великой России.

И, приглядываясь к политическим течениям в славянских государствах нынешнего дня, русское сердце радуется, видя, что эти движения единения укрепляются в среде славянских народов. Значит, не напрасны были усилия, затраченные поколениями русских людей, значит, недаром была пролита русская кровь за южных братьев. Доблестная героическая Сербия слила уже братские народы хорватов и словенцев в единый мощный государственный организм, к этой славянской скале ныне тяготеют и другие славянские народности, и душа русского сознает, что тогда, когда пробьет час милости Божией и из страшного испытания встанет возрожденной великая национальная Россия, ей не придется опираться в своих внешних путях на чуждые, чужеродные народы, но в неизменном, скрепленном кровью союзе с братским славянским могучим государством Александра будет она творить свой исторический путь.

6. Червонная и Белая Хорватия

Безграничны, бескрайни пространства, на которых раскинулось великое славянское племя: от голубой, солнечной Адриатики, от мглстой, туманной Лабы до вод Тихого океана слышится великая славянская речь, всем нам понятная, единая, несмотря на множество языков, в которые она воплощается.

Еще не достигнув берегов Адриатики, в самой середине Апеннинского полуострова, затерянные среди итальянского народа, говорящего на чуждом и непонятном нам языке, неожиданно почувствовали мы приближение славянского мира в вопросе, который предложил нам какой-то молодой далматинец из Зары, первый вопрос, обращенный к нам в итальянском поезде, который мы поняли: «Докуда долазите, господине попе?»

А когда из города Бари через Адриатическое море переехали мы в Дубровник и вступили на славянскую почву, почувствовали мы, что как будто из чуждых, незнакомых краев вернулись на родину, как будто долгие годы жили мы в этой прекрасной стране.

Дубровник – форпост славянства на юге и западе, одно из немногих искони славянских мест, которое щедро согрето и заласкано солнцем, украшено пальмовыми рощами, расцвечено апельсиновыми садами.

Пестра и красочна история этого города. Возводящий корни свои к седым временам мифов о Кадме и Гармонии, якобы его основателях, этот город видел в своих стенах финикийцев и греков, иллирийских разбойников и гордых римлян, носил название Эпидавра, Рагузы, Венедика до тех пор, пока не стал славянским Дубровником, славной духовной столицей Червонной Хорватии.

В героические времена средневековья Дубровник со своих неприступных повисших над морем скал владел нераздельно Южной Адриатикой столь же самовластно и державно, как Венеция владела Адриатикой северной. И эти две славные республики – латинская и славянская – не опускали оружия в борьбе друг с другом.

Мудрые в дипломатии, храбрые в битвах вожди и руководители Дубровника сумели сохранить независимость своего отечества даже тогда, когда весь Балканский полуостров был залит страшными волнами турецких орд, когда весь мир трепетал пред повелителями Стамбула. Мужеством своих воинов, мудрыми договорами и щедрыми дарами Дубровник сохранил свою независимость от султана до самого XVII века, когда весь город до основания был разрушен страшным землетрясением 6 апреля 1667 года.

Но из этого стихийного бедствия Дубровник вышел с честью благодаря трудам всех его граждан, восстановивших разрушенный город. Но уже никогда после пережитого страшного потрясения город не мог достичь прежней высоты славы и могущества. Гордый, великий соперник Венеции – повелитель Адриатического моря – стал скромным, маленьким, хотя и независимым городом, хранившим свою самостоятельность только по милости сильных соседей. Этой самостоятельности был положен конец в 1806 году войсками императора Наполеона, когда он создавал объединенную Далмацию. А после окончания Наполеоновских войн Дубровник вместе со всей Далмацией оказался во власти Австрии, из-под ига которой освобожден вместе с прочими южнославянскими землями в 1919 году королевичем Александром.

Величественными серыми великанами высятся над гранитными обрывами, над глубокими пропастями могучие стены Дубровника, этого города, сумевшего сохранить дух, стиль, вид седого средневековья.

По крутой горной дороге проехали мы к воротам города. В эти ворота во внутреннюю часть Дубровника не может въехать ни один эки-

г. Дубровник

паж. По красочным своеобразным переходам прошли мы под мощными гранитными сводами старинных ворот, над которыми возвышается рельефная икона святого Власия, покровителя Дубровника, мощи которого покоятся в Дубровникском соборе. Над следующими воротами ныне поставлено изображение короля Петра Освободителя, в дни царствования которого Дубровник, старинная славянская республика, получил снова славянское бытие.

Сейчас же за воротами начинается главная улица Дубровника, живописный проспект с магазинами и официальными учреждениями,

имеющий своеобразный вид, потому что вся улица является как бы сплошным тротуаром, по которому идут пешеходы, ибо, как мы уже упомянули, ни один экипаж не въезжает на улицы Дубровника.

И слева и справа по главной улице возвышаются величественные, художественно-роскошные церкви. В их недрах таится много замечательных сокровищ искусства: полотна Тициана, фрески других знаменитых живописцев эпохи Возрождения и раннего периода новых веков, когда Дубровник переживал вершину своей славы.

В главном кафедральном соборе Дубровника в честь святого Вла-сия, в котором почивают мощи святого, мы были в Рождественскую ночь по новому стилю. Службу совершал местный католический епископ. Торжественно-величаво играл орган, пел мощный, лучший в городе хор, послушать который съехалось к этому дню много знатоков пения из ближайших местностей Далмации.

Служба действительно была красивая, но она много театральнее внешне, нежели торжественная и величавая наша служба. По-земному звучат голоса певцов, которым аккомпанирует орган. Воистину мудро и духовно-художественно поступили наши святые отцы, установив для церкви только голосовое пение, когда живой человек Живо-му Богу воспевае песнь: «Пою Богу моему дондеже есмь»⁶³.

Недалеко от собора возвышается знаменитая городская ратуша, на колокольне которой стоят две бронзовые статуи в средневековых, старинных дубровацких костюмах. Статуи эти являлись в течение многих веков гордостью города, как бронзовые кони являются гордостью Венеции. Во время страшного землетрясения 1667 года ратуша была разрушена, но статуи остались невредимыми. Они были поставлены в музей. И только недавно, после войны, один разбогатевший в Америке дубровчанин восстановил по старинным рисункам древнюю ратушу и поставил опять к колоколу также воспроизведенные статуи звонарей.

Рядом с ратушей возвышаются мрачные стены старинного дворца Дубровацких дождей – князей, президентов своеобразной средневековой республики. Полные мрачной красоты, стены этого дворца таят в своих недрах жуткие глубокие подвалы, в которых во времена расцвета средневековой инквизиции властители города держали в заточении православных черногорцев из окрестных деревень и подвергали их тяжким мукам за святую веру.

Нас провел по этим коридорам и подвалам один престарелый сербский полковник, который вдохновенными словами, дышащими

глубочайшей преданностью православной вере, описывал страдания сербских героев, мучившихся от братской славянской руки в мрачные годы средневековья за свою святую веру.

За дворцом дождей и городской ратушью начинается самая живописная часть Дубровника, расположенная среди садов и пальмовых рощ.

Там, между прочим, расположен богатый дом одного русского латышского коммерсанта. Дом этот называется Шехерезада и действительно напоминает арабские сказки 1001 ночи.

Террасами один над другим спускаются здесь сады, апельсиновые и лимонные рощи к самому морю. А море, лазурное, сверкающее Адриатическое море, чудной волшебной рамкой окружает изумрудные берега. Недаром народы, населяющие эти чудные берега, так беспредельно любят свою красавицу Адриатику, недаром и молодая держава Югославия, так недавно ступившая твердой ногой на Адриатический берег, уже выкинула одним из главных жизненных своих лозунгов девиз «Чуваймо наше море», т. е. «Бережем наше море».

В море у самого Дубровника расположился прекрасный зеленый остров. С этим островом связано замечательное предание, восходящее к восемнадцатому веку, но закончившееся только недавно.

Этот остров принадлежал одному из католических монастырей, которых так много в Дубровнике. Когда Дубровник был захвачен французами, а потом австрийцами, монастырь с острова был изгнан и остров секуляризован. Предание говорит, что, уходя с острова, иезуиты проклинали похитителей церковного достояния – всех будущих владельцев острова. И проклятие это действительно исполнялось в веках. Нам называли нескольких владельцев, которые кончили плохо свою жизнь. Среди них были эрцгерцог Рудольф Габсбургский и принц Фердинанд, послуживший невольной причиной мировой войны.

Когда остров вместе с городом после войны оказался в руках правительства Югославии, король Александр, во владение которого перешел остров, передал его Дубровацкому сиротскому дому, и, как заканчивают ныне дубровчане это предание, молитвами невинных сироток проклятие было снято с острова.

В Дубровнике находится до трехсот человек русских. Центром их культурной и общественной жизни является Русский Дом, в котором есть общежитие для неимущих, общественная столовая и зал для собраний. Там и я читал свои лекции о Дальнем Востоке.

Духовным центром для русского и черногорского населения Дубровника является местный православный храм. В построении его принимали самое близкое участие русские люди.

В течение всей своей исторической жизни Дубровник всегда был главным оплотом католичества на побережье Адриатики среди православного славянского населения. Жители Дубровника были большей частью католики, но за стенами города кругом все окрестное население – черногорцы были искони православными, всею душой преданными святой вере. Многие из черногорцев во время смутных времен, которые переживала страна, поселялись в Дубровнике, и в начале XVIII века православные жители города стали глубоко ощущать нужду в православном храме. Но администрация Дубровника ни за что не соглашалась дать разрешение на построение иноверного храма. Это запрещение несколько раз вызывало смуты и волнения в среде черногорского населения, но правители Дубровника были неумолимы. Только рост русского влияния в Средиземном море заставил их наконец сдаться. В 1774 году русская эскадра под командой гр. Орлова приблизилась к Дубровнику и потребовала, чтобы властители Дубровацкой республики соорудили православный храм в городе для союзников России – черногорцев. Требование это было выполнено, хотя не во всей точности. Православный храм был выстроен все же вне городской стены. Только после Великой войны, когда Дубровник оказался под скипетром православного короля, в Дубровацких стенах воздвигнута была великолепная православная церковь.

Значение Дубровника для истории южного славянства чрезвычайно велико. Несмотря на сильное в нем латинское влияние, этот город все же в течение всей своей исторической жизни оставался в основе славянским и в течение самого тяжелого, самого страшного для южного славянства периода порабощения был тем единственным местом на всем пространстве Балканского полуострова, где копились, ширились и процветали культурные силы южных славян, где созидались истинные сокровища искусства, слагались высокой красоты литературные памятники.

Всеми своими естественными корнями Дубровник связан с остальной Хорватией. Недаром Дубровник называется обычно столицей Червонной, т. е. приморской Хорватии.

Столицей Белой, или Панонской, Хорватии является Загреб, второй по величине и значению город в Югославии.

По необозримым пространствам Панонской равнины, занесенным белым снежным покровом, декабрьским днем ехали мы в Загреб. Густые леса доселе покрывают Хорватию. Эти леса воспеты поэтами и писателями, населившими хорватские леса гномами, карликами, всевозможными сказочными существами.

Здесь, в этих лесах, еще со времен Карла Великого поселились славянские племена, которые в войсках императора Карла составляли одну дружину под начальством своего вождя Войнимира.

Сюда же, в Панонские земли, приходили и святые братья Кирилл и Мефодий, здесь же работали и их ученики. И Хорватия рано стала христианской. Уже в VIII веке в городе Нине была славянская епископия. Но богатым, пышным, прекрасным цветом расцвело христианство в этой западной славянской стране только после проповеди святых первоучителей, когда на своем родном славянском языке услышали хорваты при своем первом независимом князе Бранимире святую евангельскую весть.

Хотя впоследствии из Хорватии, так же как и из северо-западных славянских стран, усилиями немецких и итальянских проповедников было исторгнуто Православие святых Кирилла и Мефодия, но как памятник их трудов в богослужебной практике Хорватии осталась служба на славянском языке, которую не в пример прочим Римский папа разрешил хорватским католикам.

Несколько раз славянское богослужение в Хорватии находилось в большой опасности. Так, еще в 925 году на соборе в Сплите западные епископы постановили, чтобы богослужение по-славянски совершали только приходские священники. В XI веке по настоянию папы Григория VII славянское богослужение хорватским католикам было даже совершенно запрещено, но усердием верующего народа, который не забыл родного языка и свято помнил, что их отцы и деды слушали святую службу на родном языке, славянское богослужение в Хорватии было восстановлено.

Православие в Хорватии не сохранилось совершенно, и вопрос веры более всего разделяет сербов и хорватов, два совершенно братских, родных народа, говорящих на одном языке, имеющих общее культурное достояние. Но благодаря тому что именно в Хорватии полнее всего сохранилась память о святых Кирилле и Мефодии, о великой Православной славянской Церкви, там сильнее всего живут стремления к работе по созданию настоящего единения между Православной Церковью и католичеством. Выразителем этого движения явился знаменитый епископ Иосиф Штроссмайер, один из наиболее выдающихся церковных деятелей в католичестве середины XIX века, известным своим горячим протестом против установления догмата о папской непогрешимости на Ватиканском соборе.

С глубоким вниманием и интересом наблюдали мы Загреб, его величественные соборы, прекрасные улицы, площади, многочисленные

магазины. Загреб из всех городов Югославии более всего имеет характер чисто европейского города.

На моей лекции вечером в день нашего приезда собралась вся русская колония города и большая часть сербских жителей Загреба. В этой столице католического хорватского мира православные русские и сербы еще более чувствуют свое полное единство между собой.

Чрезвычайно большое и глубокое впечатление оставило в нас знакомство в Загребе с тамошним митрополитом Досифеем. Энергичный, обаятельный Владыка рассказывал о своей жизни, в которой он пережил так много: о Киеве, где он учился, о высших школах Германии и Франции, где пополнял он свое обширное образование, и, наконец, о войне 1914 года, которую он пережил в непосредственной близости, ибо остался на своем посту в городе Нише, когда этот город был взят болгарами. Как известно, болгары не щадили сербских пленников, ибо, считая Македонию и Южную Сербию своей областью, они хотели совершенно ликвидировать там всякое воспоминание о связи с остальной Сербией. Поэтому пленных сербов болгары обычно расстреливали, не щадя и лиц священного сана. Той же опасности подвергался и митрополит Досифей. Избавлен он был от смерти благодаря вмешательству царицы Елеоноры, матери теперешнего болгарского царя Бориса.

И вот уже через несколько лет после того, во время многократных попыток со стороны сербов и болгар наладить добрые братские отношения между двумя народами, митрополит Досифей встретился с болгарским царем Борисом. Царь Борис спросил митрополита, каким образом тот, будучи в болгарском плену, остался жив. «Этим я обязан, Ваше Величество, – ответил митрополит, – Господу Богу и Ее Величеству Вашей матери».

После страшных лет войны митрополит, тогда еще епископ Досифей, был назначен в Прикарпатскую Русь для организационной работы там. С чувством глубокого умиления и удовлетворения рассказывал нам Владыка о той работе, которую он проводил в Прикарпатской Руси и в Чехии, о том, как распространялось там Православие. Чехи и моравы принимали Православие, возвращаясь к вере своих отцов, вере святых Кирилла и Мефодия, сотнями тысяч. К сожалению, впоследствии этой работе был нанесен ряд тяжких ударов, от которых Православная миссия в Чехии начинает оправляться лишь теперь. В последнее время известия из Европы снова сообщают нам о новом расцвете православной работы в Чехии, Моравии и Прикарпатской Руси, и в свете этих новых известий особенный интерес, особенное значение приобретают рассказы о великой работе митрополита Досифея.

Дальше на запад от Загреба простирается третья часть Югославянского государства – Словения, страна всецело католическая. Там в глубине Словении есть трогательная православная русская церковь, воздвигнутая трудами русских военнопленных, которые жили здесь во время войны. К этой церкви словенцы относятся с трогательным добрым вниманием.

Словенцы еще ближе по языку к русским, чем сербы и хорваты. Многие фразы по-словенски звучат совершенно одинаково с русскими. Самые восточные и самые западные славяне в языке протягивают друг другу братские руки единства.

Много, много чувств, мыслей, настроений в русском сердце пробуждается при размышлении о возвышении, о величии южного славянства в наши дни. Неразрывными нитями связаны все славяне между собою. И особенно крепки эти нити именно между русским и сербским народом, почему его судьба и судьба всего южного славянства для нас сугубо не безразлична.

Когда из праха, из пыли, из пропасти своего падения восстанет наша Родина, она в своих исторических судьбах будет отныне опираться не на коварных случайных друзей и попутчиков Европы. Усилиями созидателей Югославии для России создан в Европе неизменный верный, могущественный друг. И этот друг в наши скорбные годы, в дни всеобщего нравственного растрепания показал свою моральную высоту, когда устами своего державного Хозяина, благородного витязя короля Александра, сербский народ отказался признать поработителей нашей Родины.

Заключение

Много светлого и яркого видели мы в дни нашего путешествия, в дни, проведенные на территории великого славянского государства южных славян. Эти яркие и светлые впечатления останутся навсегда в нашем сердце источником богатых воспоминаний, согретых благодарной памятью о тех высоких сердцем и разумом людях, от которых видели мы за время нашего пути так много внимания, ласки и поддержки. Их светлые имена с любовью упомянуты на страницах настоящей книги.

Конечно, прежде всего впечатления, которые рождались в наших душах, касались судеб нашей Святой Церкви, верховным представителем которой в югославянских пределах является Святейший Патриарх Сербии – Варнава. И с искренней радостью явились мы свидетелями того, как под мудрым водительством этого Патриарха растет,

ширится, процветает и совершенствуется Сербская Православная Поместная Церковь. Видя глубочайшие признаки духовного родства этой Церкви с нашей родной Русской Церковью не только как частей Единой Вселенской Церкви, но и как носительниц одной духовной культуры, рожденной много веков назад святыми братьями Кириллом и Мефодием, я в сердце своем часто размышлял о возможности теснее и полнее соединить судьбы двух столь родных Церквей вместе с судьбами других Православных славянских Церквей под мудрым водительством Святейшего Варнавы.

Любовь и почтение, которыми в сербских пределах окружен наш духовный вождь Блаженнейший митрополит Антоний, свидетельствуют о том, что в лице Святейшего Патриарха Варнавы Русская Зарубежная Церковь имеет истинного друга, хранящего полноту дружбы в моменты тягчайших наших испытаний.

И я счастлив глубоко, что мои мысли о тесном единении славянских Церквей получили добрый отклик в сердцах прочих дальневосточных иерархов.

Даст Бог, пробьет срок, Богом назначенный, и это единение осуществится, являясь залогом тесного единения всех славян в общей нашей будущей работе по созданию великих памятников нашей единой великой славянской культуры, о которой так пламенно мечтали, так пламенно молились в течение веков лучшие русские люди.

Приложение

Древняя сербская песнь о Косовской девице

Встала рано девица-косовка,
 В день великий встала, в воскресенье,
 В воскресенье прежде красна солнца,
 Засучила рукава сорочки,
 Засучила вплоть до белых локтей,
 Положила на плечи хлеб белый,
 Взяла в руки два золотых сосуда,
 Налила в один воды студеной,
 А другой вином налила красным,
 И пошла она Косовским полем;
 Посреди побоища проходит,
 Славного побоища царева,
 Витязей оглядывает мертвых,
 А кого найдет еще живого,
 Чистою водой его умоет,
 Напоит его вином червонным
 И потом накормит хлебом белым,
 Глядь – лежит в крови удалый витязь,
 Добрый витязь, молодой Орлович,
 Молодой царев знаменосец.
 Он в живых в ту пору оставался,
 Только был он без руки без правой,
 Без ноги без левой до колена;
 Тонки ребра были перебиты,
 И виднелась белая печенка.
 Подняла его красна девица,
 Подняла она его из крови,
 Чистою водой его умыла
 И вином червонным напоила.
 Ожил витязь, удалой Орлович,
 Говорит он девице-косовке:
 «Ах сестра, сестра моя ты дорогая!
 Что тебе такая за неволя
 Здесь в крови людей ворочать мертвых?
 На побоище кого ты ищешь –
 Сына дядина, родного ль брата?
 Иль отца отыскиваешь старца?»
 Отвечает девица-косовка:
 «Милый брат, неведомый мне витязь,
 Не лежат мои родные в поле,
 Не ищу я дядиного сына,

Ни отца родимого, ни брата.
 Али ты не знаешь, как царь Лазарь
 Причащал свое большое войско
 У святой у церкви Грачаницы?
 Три недели причащал он ровно,
 И с ним было тридцать калугеров.
 Причащалось сербское все войско,
 А за войском наши воеводы,
 Самый первый – воевода Милош,
 А за Милошем – Иван Косанчич,
 За Косанчичем – Милан Топлица.
 Я в ту пору у ворот стояла,
 Как пошел наш Милош воевода,
 Добрый молодец на белом свете –
 По камням стучит кривая сабля,
 На макушке шелковая шапка,
 Серебром на ней султан окован.
 На груди кольчуга дорогая,
 Шелковый платок надет на шею.
 На меня, идучи, витязь глянул,
 Снял с себя кольчугу дорогую,
 Снял и подал мне ее и молвил:
 “На, возьми ты, девица, кольчугу,
 По кольчуге ты меня вспомнешь,
 Как зовут меня – провеличаешь,
 Я на смерть иду, на гибель злую,
 С храбрым войском Лазаря-владыки,
 Ты, душа моя, молися Богу,
 Чтобы здоровым вышел я из бою,
 Счастье я за то твое устрою:
 Я тебя возьму Милану в жены,
 Что мне брат по Богу, не по крови,
 Что со мною Богом побратался,
 Вышним Богом и святым Иваном,
 Я отцом вам буду посаженным!”
 А за ним пошел Иван Косанчич,
 Добрый молодец на белом свете –
 По камням стучит кривая сабля,
 На макушке шелковая шапка,
 Серебром на ней султан окован,
 На груди кольчуга дорогая,

Шелковый платок надет на шее,
На руке горит богатый перстень;
Обернувшись, на меня он глянул,
Снял с руки свой перстень драгоценный,
Снял его и подал мне с словами:
“На, возьми, девица, этот перстень!
Этим перстнем ты меня помянешь,
Как зовут меня – провеличаешь,
Я на смерть иду, на гибель злую,
С храбрым войском Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтоб оттуда я вернулся здоровым;
Счастье я за то твое устрою:
Я тебя возьму Милану в жены,
Что мне брат по Богу, не по крови,
Что со мною Богом побратался,
Вышним Богом и святым Иваном;
Я на вашей свадьбе дружкой буду”.
А за ним пошел Милан Топлица –
Добрый молодец на белом свете;
По камням стучит кривая сабля,
На макушке шелковая шапка,
Серебром на ней султан окован,
На груди кольчуга дорогая,
Шелковый платок надет на шее,
На руке убрус золототканый,
На меня, идучи, витязь глянул,
Снял с руки убрус золототканый,
Снял его и подал со словами:

“На, возьми убрус золототканый!
Ты меня убрусом тем помянешь,
Как зовут меня – провеличаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
С храбрым войском Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтоб оттуда я вернулся здоровым;
Счастье я за то твое устрою:
Ты женою верною мне будешь!”
Так прошли в ворота воеводы;
Их-то, брат, ищу я по Косову!»
Говорит ей молодец Орлович:
«Погляди, сестрица дорогая,
Видишь вокруг разметанные копыя;
Где лежит их более и гуще,
Молодецкая там кровь лилася,
До стремян она коню хватала,
До стремян и до поводьев самых,
Добру молодцу по самый пояс:
Тут легли герои-воеводы.
Ко дворам ты белым воротися:
Что кровавить рукава и полы!»
Как услышала она те речи,
Горькие из глаз полились слезы!
Ко дворам своим вернулась белым,
Зарыдавши жалостно и громко:
«На роду написано мне горе:
Подойду лишь к зеленому я дубу –
Глядь: зеленый выцвел весь и высох!»

ЧАСОВНЯ—ПАМЯТНИК ПАМЯТИ ВЕНЦЕНОСНЫХ МУЧЕНИКОВ

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И ВЕЧНАЯ СЛАВА БЛАЖЕННОПОЧИВШИМ
ВЕНЦЕНОСНЫМ ЦАРСТВЕННЫМ МУЧЕНИКАМ УБИЕННЫМ:

<i>Государю Императору Всероссийскому</i>	Николаю II Александровичу	17-VII 1918 г.
<i>Государыне Императрице</i>	Александре Феодоровне	17-VII 1918 г.
<i>Наследнику Цесаревичу</i>	Алексию Николаевичу	17-VII 1918 г.
<i>Великим Князнам</i>	Ольге Николаевне	17-VII 1918 г.
	Марии Николаевне	17-VII 1918 г.
	Татиане Николаевне	17-VII 1918 г.
	Анастасии Николаевне	17-VII 1918 г.
<i>Великому Князю</i>	Михаилу Александровичу	25-VI 1918 г.
<i>Великому Князю</i>	Сергию Михайловичу	18-VII 1918 г.
<i>Князьям</i>	Иоанну Константиновичу	18-VII 1918 г.
	Игорю Константиновичу	18-VII 1918 г.
	Константину Константиновичу	18-VII 1918 г.

Великим Князьям:

Павлу Александровичу 30-I 1919 г.

Димитрию Константиновичу 30-I 1919 г.

Николаю Михайловичу 30-I 1919 г.

Георгию Михайловичу 30-I 1919 г.

Государю Королю Югославии

Александру I Карагеоргиевичу 9-X 1934 г.

Эскиз медали в память Венценосных Мучеников

Короля Александра и Императора Николая II.

Изображение медали сопровождалось текстом архиепископа Нестора:

**«Медаль вычеканена в память Венценосных Мучеников Государей
Императора Всероссийского Николая II и Короля Югославского Александра I.
Медали и жетоны жалуются строительным комитетом почетным строителям
и жертвователям за помощь при постройке часовни-памятника».**

История построения часовни-памятника Венценосных Мучеников

Пустынный и дикий край бассейна реки Сунгари и прилегающих местностей, в котором бродили только дикие племена охотников-дикарей, оживился и развился лишь тогда, когда державной волей Русско-го Государя в этот край были двинуты энергичные и талантливые русские силы, когда на девственные просторы первобытной страны были пролиты потоки русского золота, русского пота и русской крови.

Важное и значительное звено Великого сибирского пути легло именно по лицу Маньчжурской страны. И Державным Хозяином Русской земли тогда, когда совершилось это великое дело, был Государь Император Николай II Александрович.

Вот первая духовная нить, связующая Харбин и Маньчжурию со светлым именем Мученика Государя.

Потом, когда после страшной бури революции тяжкие страдания выпали на долю всего русского народа, как оставшегося в пределах России, так и ушедшего в изгнание, чуткие и совестливые сердца восприняли эти страдания как наказание Божие за грех пред Царем и Родиной, совершенный всем русским народом в его соборном единстве.

Это сознание укрепляется и усиливается ныне, ибо, несмотря на все старания русских людей, несмотря на кровь пролитую в белой борьбе, несмотря на величайшее напряжение энергии, проявленное русской эмиграцией за рубежом, страдания русских людей не уменьшаются, а возрастают с течением времени.

Немногих, очень немногих друзей имеют русские люди в мире. Вместе с великим славянским поэтом Колларом имеем мы полное право воскликнуть: «Милосердный Боже! Почему никто на целом свете не относится к нам справедливо!» И вот одним из немногих таких друзей наших был благородный Венценосный Вождь Югославии – Король Александр I. И 9 октября 1934 года он был сражен злодейской рукой.

Эта новая острая мучительная боль, причиненная русскому сердцу, всколыхнула давно жившие настроения и, в ответ на мой призыв, объединила многих в горячем и действенном стремлении создать в нашем городе – значительнейшем центре русского рассеяния на Дальнем Востоке – молитвенный памятник, в котором постоянно бы возносилась молитва за Мучеников Государей и в котором русские люди перед лицом Божиим могли бы приносить свои покаянные чувства и покаянные молитвы.

4 апреля 1935 года начал работать Строительный комитет по созданию часовни памятника.

И 6-19 мая в день рождения Государя Императора Николая II была совершена закладка часовни.

Литургию в этот день совершали три архипастыря: архиепископ Нестор, епископ Димитрий и епископ Ювеналий. Мощно пел хор церкви Дома Милосердия, и вся Церковь пела «Вечную Память» Благочестивейшему Государю Императору Всероссийскому Николаю II Александровичу и Благочестивейшему Государю Королю Югославии Александру I Карагеоргиевичу.

Глубокое и сильное слово произнес Преосвященный епископ Димитрий, указавший на смысл и значение сооружаемой часовни как памятника Венценосным Мученикам и как места нашей молитвы за них. «Памятник этот будет свидетельствовать, что мы не забыли своего Императора, об этом он будет говорить как нам, так и нашему молодому поколению, сменяющему нас», – сказал Владыка Димитрий.

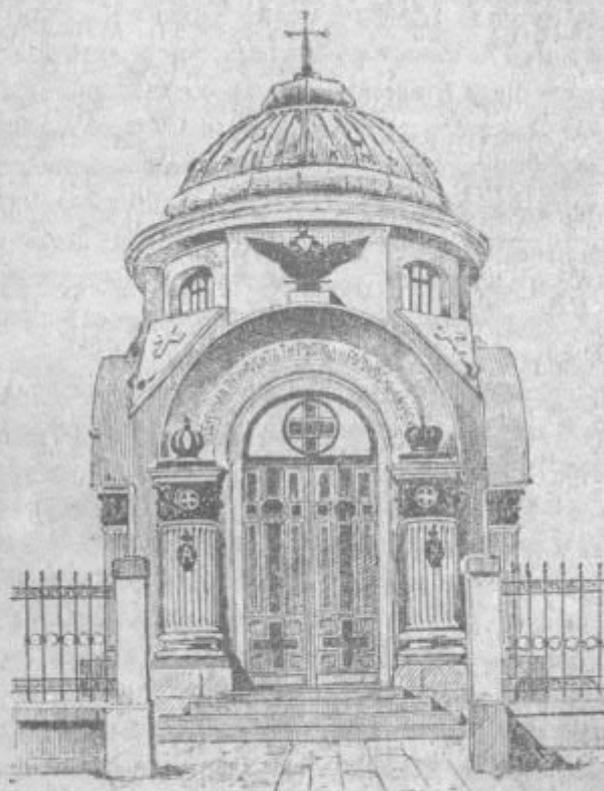
К концу литургии в Дом Милосердия прибыл архиепископ Мелетий, и все четверо архипастырей вместе со множеством духовенства и бесчисленными толпами народа крестным ходом направились к месту закладки часовни.

К этому времени весь двор Дома Милосердия, прилегающая улица, даже крыша храма и соседних домов были заполнены бесчисленными народными толпами.

Я обратился к народу со словом: «Христос Воскресе! Мы все собрались на молитву и на закладку часовни-памятника Венценосным Мученикам – Государю Императору Всероссийскому и всей Его Царской Семье и Государю Королю Югославии Александру I Объединителю. Не на родной земле, а на чужой созидаем мы этот молитвенный памятник, ибо сами мы в изгнании, вдали от родной земли, где не позволяют молиться за Венценосных Мучеников. Не от избытков своих, не от богатства приносят нам жертвователи жертвы на священное дело, но от скудости, среди нужды, когда часто сами жертвователи питаются горькой коркой хлеба. Но “не хлебом единым жив будет человек”⁶⁴, и не о хлебе только должны мы заботиться в эти годы испытаний и мук. Нет, прежде всего должны мы посмотреть, почему мы лишились и хлеба, и крова, и благополучия, и славы, и самого Отечества нашего. Потому что прегрели мы, и прежде всего прегрели пред Царем нашим – Помазанником Божиим, о котором сказал Господь: “Не прикасайтесь Пома-

АРХІЕПІСКОП НЕСТОР.

Часовня памятник памяти
Вѣнценосных Мучеников

Дом Милосердія
ХАРКІВ
1936 г.

Обложка книги архиепископа Нестора
«Часовня-памятник памяти Венценосных Мучеников»

заннику Моему”⁶⁵. Мы все повинны в падении нашего Царства, в утрате нашего Царя. Иные ругались над Ним и клеветали на Него, а иные, как Пилат, умывали руки. Этот грех мы должны искупить ежечасным постоянным покаянием, постоянной покаянной молитвой перед Богом. Об этом-то нашем непреходящем долге да будет постоянно напоминать ныне воздвигаемая часовня-памятник, в которой, если благословит Бог, будет приноситься и Бескровная Жертва. Некоторые говорят, что лучшим памятником Государю было бы собирать детей бедняков, устраивать бесплатные столовые, ибо кругом много нужды. Истинно, нужды много, и тому доказательством является наш Дом Милосердия, полный и детьми, которых здесь более восьми десятков, и убогими, и больными. Есть около храмов Божиих и столовые, и другие приюты. Эта работа во имя милосердия Божия обязательно должна совершаться, потому что страдания человеческие вопиют к каждому сердцу. Но ни приюты, ни столовые, ни богадельни не могут быть памятниками Государю, потому что самая нужда наша, самые страдания наши родились от нашего греха против Царя и Родины, и все наши благотворительные учреждения являются последствием нашего греха, а не искуплением его. Памятником Государю может быть только дом молитвы, дом Божий, где будет возноситься молитва за Царя-Мученика и молитва нашего покаяния. Памятник этот должен быть скромным, как скромным должно быть все у нас на чужбине. Итак, объединимся сейчас все в вере и молитве, прося Бога принять от нас эти малые жертвы, эти малые лепты и труды во искупление нашего великого греха. Аминь».

Потом мы – все архиереи – совершили молебен и с молитвой закладку часовни-памятника.

Вечером в тот день в Русском клубе было многолюдное траурное заседание, посвященное памяти Мученика-Государя. Я рассказал о том, как имел счастье и великую честь многожды видеть Государя и Семью Его в дни мира и счастья России, так же как и в дни страшной войны; бывший воспитатель Наследника Цесаревича – отец игумен Николай рассказал о своих воспоминаниях жизни при Царском дворе; Н. Л. Гондатти и проф. К. И. Зайцев обрисовали светлый образ Мученика-Царя.

В этот день множество русских людей принесло свои посильные лепты для общего священного дела.

Деятельно и энергично закипела работа.

Вице-председателями нашего Строительного комитета были генерал В. В. Рычков и В. С. Фролов. Проект часовни создан архитектором

инженером М. М. Осколковым. Наиболее энергично принимал участие в работе серб – М. А. Авдалович.

Я посетил самые разнообразные слои населения Харбина с призывом помочь делу созидания часовни. И повсюду видел добрый жертвенный отклик. Столь же тепло и усердно откликнулись многочисленные патриотически настроенные русские люди из других стран и городов русского рассеяния.

По моему поручению отец игумен Нафанаил объехал все станции и поселки линии бывшего КВЖД с призывом к русским людям.

Он проник с этим призывом в самые глубокие дебри Маньчжурской тайги, к русским охранникам и рабочим. И эти закаленные в опасностях и трудах люди, затерянные в глуши, почувствовали себя снова русскими, которым близко и дорого общее русское дело, общая русская скорбь. С воодушевлением собрали они свои трудовые окропленные кровью и потом гроши и копейки, радуясь, что и они, затерянные в глубинах тайги, могут принять участие в общем деле.

Был он с этим призывом и у приграничных русских поселков, где особенный смысл, особенное значение приобретал призыв к созданию часовни-памятника нашего покаяния, потому что, казалось, и близкие просторы России прислушиваются к этому призыву.

Так общими трудами, общими усилиями стало возможно осуществление священного дела. И 15-28 июля, в день памяти святого князя Владимира торжественно поднят был крест на купол часовни – первая самая трудная часть работы была закончена.

В дальнейшем работа проводилась главным образом по внутреннему украшению часовни и по отделке ее наружных деталей художником скульптором В. Ф. Винклером под руководством К. А. Караулова.

Наконец 4-17 мая настал день освящения священной часовни.

С улицы перед часовней возвышается чугунная ограда, украшенная художественными литыми медными двуглавыми орлами – даром полковника С. Д. Иванова от Русского Шанхайского волонтерского полка⁶⁶ и К. Э. Мецлера от Русского эмигрантского комитета в Шанхае⁶⁷. Эти орлы⁶⁸ украшали некогда Российское Императорское Генеральное консульство в Шанхае, как стражи русской славы на рубеже дальневосточных стран.

Над входом в часовню широко простер свои царственные крылья величавый огромный Двуглавый орел. Немигающим взором смотрит он, овеянный тысячелетней славой, вспоенный победами своих сынов,

столь многожды видевший страдания своей страны. На колонных постаментах справа и слева у входа в часовню возвышаются императорская и королевская короны – венцы царственных Страдальцев, которые сменили они на мученические венцы. И об этом мученическом их избранничестве вещают слова церковной молитвы, начертанные над входом в часовню: «Вселенная приносит Ти, Господи, Богоносных Мученики»⁶⁹.

Древняя Шапка Мономаха и Держава украшают боковые постаменты, осененные надписями: «Нет у нас Царя, яко не убояхомся Господа»⁷⁰, и «Боже, суд Твой Цареве даждь»⁷¹.

Святое Распятие Христово с молитвенной надписью: «Господи, прости им: не ведят бо что творят»⁷², начертаны на стене часовни противоположной от входа и обращенной к храму. «Господи, прости Россию!» – этот молитвенный вздох связан с каждым камнем, с каждой песчинкой в часовне.

Много, много прегрешила наша Родина. Не снесла она креста своего избранничества, не послушалась голоса лучшего из сынов своих, пророчески возвестившего Ее судьбу:

Помни, быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело:
Своих рабов Он судит строго.
А на тебе, увы, как много
Грехов ужасных налегло!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя слезою покаянья.
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей головой!
С душой коленапреклоненной,
С головой лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

*А. С. Хомяков*⁷³

И вот эта часовня и молитвы, которые мы принесем в ней да будут елеем русского покаяния и русской скорби в страшный переживаемый нами час.

⁶⁹ Работы инокини Олимпиады, копия с Распятия Петербургского «Храма на крови» – места мученической смерти Императора Александра II.

Войдем в часовню...

У стены, противоположной от входа, возвышается величавый иконостас* с большим величавым изображением Святителя Николая Чудотворца и святого князя Александра Невского. На крыльях иконостаса и в верхней части его изображены святые: царица Александра, Алексий Митрополит Московский и другие небесные покровители царственных мучеников. С молитвой предстоят они у Божиего Престола, так же как предстояли тогда, когда созерцали они мученический подвиг царственных духовных чад своих и молитвой своей исходатайствовали у Бога дивную крепость и великое мужество им в мучительный смертельный час.

На иконостасе опять двуглавые орлы и короны. Русская и вся славянская многострадальная слава запечатлелась в этих священных символах, венчающих мученический памятник.

Перед иконостасом на колонном пьедестале возвышается серебряная доска с начертанными именами убиенных Царя, Царицы, Короля, Великих князей, Княгини и Княжон. Вечная им память и вечная им слава! Этот пьедестал с мученическими именами венчается императорской короной лампадой**⁷⁴, украшенной самоцветными камнями, блестящими, словно звездочки в полумраке вечера. «Тако да просветится свет»⁷⁵ их имен у Божиего Престола.

Пред пьедесталом с именами убиенных Венценосцев покоится крест – дар архиепископу Нестору Великой княгини Марии Павловны. На нем четко значится год его создания – 1814-й – год величайшей русской славы, когда пред победоносными рядами русских полков раскрылись врата побежденного Парижа. Снова веяние былой славы, снова мучительная боль в израненном сердце.

На посеребренных цепях из высокого купола часовни спускается лампада – паникадило, созданная из пожертвованных в часовню орденов и медалей – знаков почести, данных некогда русским людям царской рукой. И ныне, когда от этих былых почестей, от прежней славы остались лишь мучительные раны в сердце, нет лучшего места для славных орденов и медалей, нежели лампада в молитвенной часовне – памяти Царя, даровавшего эти знаки славы.

* Работы инокини Олимпиады и ее учениц – детей сирот приюта Дома Милосердия.

** Эта неугасимая лампада сооружена русскими людьми, чтущими память Мученика-Царя.

По бокам центральной лампы видны другие, также украшенные орденами и медалями. И конечно прежде всего здесь приковывает взор священнейший орден – крест святого Георгия.

Святой Георгий – белая эмаль,
Простой рисунок... Вспоминаешь кручи
Фортов, бросавших огненную сталь,
Бетон, звеневший в вихре пуль певучих.

*А. Несмелов*⁷⁶

Пред самым образом опускается золоченая большая лампада – дар коренной жительницы Харбина – И. Т. Вересотской. И неугасимыми огоньками светятся все эти светильники в святой прекрасной часовне – памятнике нашей былой славы. По бокам иконостаса, на аналоях в особых кивотах хранятся дары архиепископу Нестору в 1911 году от Государя Императора – образ преподобного Серафима Саровского и от Наследника Цесаревича – панагия Всемилоственного Спаса – Крест Камчатского Братства*. Обе царские святыни украшены боевыми орденами и медалями и вправлены в ажурный серебряный художественный оклад⁷⁷.

Но не только о земной, так быстро переходящей славе вещает эта часовня.

«Вознесох избранного от людей Моих»⁷⁸, – гласит надпись над входом в часовню, внутри ее. В тот страшный час, когда врагам казалось, что они повергли Божиих помазанников в самую глубокую пропасть падения и мучительной смерти, тогда-то Воля Божественная избрала их и вознесла Избранников Своих на высоту Вечной Славы в века и века.

И тут же под осенением этих слов псаломских видим мы литые изваяния самих Мучеников – Царя и Мученика-Короля, Богом избранных и венчаных, сначала царственным, а потом мученическим венцом.

Грозным предостережением и постоянным напоминанием нам о покаянии звучат слова других двух надписей по правую и по левую сторону во внутренности часовни: «Бога бойтесь, царя чтите»⁷⁹, и «Не прикасайтесь помазанным Моим».

С каждой стороны этих надписей смотрят очи херувимов, застывших в молитвенном спокойствии. Как стражи Божественных глаголов, взирают они спокойными очами на грешную землю, но самый взор их непрестанно напоминает о вечности и непреложности Божественной Правды.

* Наследник Цесаревич был Августейшим Покровителем Камчатского Братства, созданного мною в 1911 г.

И в святой час освящения священной часовни да раскроется каждое русское сердце пред веянием молитвы, пред тенями былой славы, зовущей нас, и да вознесутся пламенные молитвы к Творцу, в Чьих руках все судьбы Вселенной.

Не говорите: то былое,
То старина, то грех отцов;
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов.
Нет, этот грех он вечно с нами,
Он в наших жилах и в крови,
Он сросся с нашими сердцами,
Сердцами мертвыми в любви.

*А. С. Хомяков*⁸⁰

Покаянием и молитвою да очистятся наши сердца, чтобы стать достойными милости Божией⁸¹.

СМУТА В КИЕВЕ И МУЧЕНИЧЕСТВО МИТРОПОЛИТА ВЛАДИМИРА В 1918 ГОДУ

(По личным воспоминаниям)

1. Кровавый человек Муравьев

Пересматривая мрачные, кровавые страницы истории наших последних страшных лет, мы остановили свое внимание на сравнительно недавней истории Киева – матери городов русских.

Киев – это священное место с величайшими для русского народа воспоминаниями. Здесь взошла над русской землей заря христианства, здесь явилась священная купель, в которой крещена была русская земля. В Киево-Печерском монастыре просиял неисчислимый сонм угодников Божиих, и первые родные русские святые нашли себе там пристанище, приобретая множество последователей, утверждая святые заветы свои, которые и поныне не умирают в подвижниках благочестия на Руси.

И вот в годы первых приступов страшной российской смуты, в 1918 году, Киев разделил со всей Россией тяжкую участь – был залит неповинной кровью.

В те отделенные от нас уже почти двумя десятилетиями дни мы не привыкли к впечатлениям кровавого ужаса, которые стали впоследствии такими обычными. И потому, когда мне передавали о жестокостях, которые совершались в Киеве кровавым палачом Муравьевым, я не верил, не хотел верить.

И не верил я, пока судьба не свела меня с самим «кровавым человеком» Муравьевым.

АРХІЕПІСКОП НЕСТОР.

СМУТА В КІЕВЪ

МУЧЕНИЧЕСТВО

МИТРОПОЛИТА ВЛАДИМИРА

В 1918 Г.

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНІЯМ).

Изданіе Общества Милосердія.
ХАРБИН.
1937 г.

Обложка книги архиепископа Нестора
«Смута в Киеве. Мученичество митрополита Владимира в 1918 г.»

Это было весной 1918 года в г. Москве. После моего освобождения из московской Таганской тюрьмы, куда я, первый из русских епископов, был посажен безбожниками, и приобретаю себе друзей в тюрьме, я получил впоследствии возможность посещать камеры заключенных. В тюремном храме я совершал торжественную литургию, последнюю в этой церкви, так как ее скоро уничтожили.

В одной из камер я встретил заключенного Муравьева. Последний узнал о моем посещении заключенных и просил меня посетить и его камеру. Когда я вошел в камеру, то Муравьев сложил свои руки крестообразно и, глядя на меня тупыми выцветшими, словно оловянными, глазами, просил его благословить. В ответ на его просьбу я спросил его: «Это не вы ли известный Муравьев, киевский и одесский кровопийца, на душе которого так много невинных расстрелянных и замученных человеческих жертв?»

Муравьев ответил мне не задумываясь: «Да это я, но иного пути нет к достижению нашей цели, к захвату нами власти. Меня это мучает, гнетет и даже преследует здесь, в одиночной камере; мне подчас бывает жутко и страшно, и я прошу молиться обо мне, чтобы Бог простил меня, ведь я верующий». При этих словах Муравьев достал из бокового кармана образ Божией Матери размером вершка в три, в серебряной ризе, несколько смятой и вдавленной от удара ружейной пули и надколотой; рассказал о получении этого образа от старца схииеромандрита Гавриила в Казанской Седмиозерной пустыни. Рассказал, как эта икона спасала его жизнь на германской войне. «Пуля, летевшая в меня, попала в икону, прикрывавшую мое сердце. Таким образом Богоматерь приняла на свой образ рану, могущую быть для меня смертельной».

Меня глубоко заинтересовал этот человек, в душе которого уживались крайнее преступление и религиозность. Человек, руки которого пропитаны пролитой им невинной детской кровью, с волнением в голосе говорил мне о своей любимой дочурке, от которой он и ее мать скрывают даже пребывание отца в тюрьме, чтобы не причинить ребенку огорчения.

Палач с жестоким сердцем плакал и прижимал к этому сердцу святую икону. Я спросил его: «Как же вы цените свою жизнь, утверждаете, что веруете в чудесное спасение вас от иконы Божией Матери, а сами предводительствуете в убийствах своих же родных русских братьев, разоряете мирные семейные очаги. Оберегаете свою дочурку, а не щадите других детей, зверски убивая на их глазах отцов и матерей».

Преступник стоял опустив голову и просил прощения, а из его глаз капали слезы.

Потом, опустившись на колени, Муравьев продолжал раскрывать предо мной свои преступные деяния. Но это была не исповедь христианина пред пастырем – не таково было настроение этого человека.

Это был вопль ущемленной злодеяниями совести человеческой, стихийно протестующей против насилия над ней затемненного ума и окаменевшего сердца. Очевидно, мучимый в тот момент угрызением совести, он открылся предо мной и в том, что на его душе тягчайший грех убийства старца митрополита Киевского Владимира, что он, могший предотвратить это убийство, даже поощрял прямых убийц. А теперь все эти убийства приводят его в отчаяние, и пред ним постоянно проносятся кровавые тени им загубленных людей.

Он мечтал искупить свою вину свержением большевиков, для чего хотел устроить восстание на Волге. Как известно, попытки эти он и предпринял в 1918 году в Симбирске, но был арестован и убит Тухачевским, получившим теперь такую известность.

Из всех преступлений Муравьева, которыми стяжал он себе страшное наименование «кровавого человека», одним из самых тяжких было убиение митрополита Киевского и Галицкого Высокопреосвященного Владимира, одного из самых выдающихся русских иерархов, первого мученика из среды русских епископов в наше время.

О нем-то, о его светлой и праведной жизни и о священномученической кончине его будут дальнейшие строки настоящей книги.

Посвящая настоящие строки памяти убиенного митрополита Владимира Киевского и Галицкого, мы и позволим себе ознакомить читателей с биографией Владыки, с его поистине крестным служением в Киеве и мученической кончиной.

2. Владимир, митрополит Киевский и Галицкий

Высокопреосвященный Владимир, митрополит Киевский и Галицкий, до пострижения в монашество назывался Василием Никифоровичем Богоявленским. Он родился 1 января 1848 года от благочестивых родителей в селе Малые Моршки Тамбовской губернии, где отец его был священником и впоследствии был тоже зверски убит. Владыка митрополит получил образование в духовном училище и в духовной семинарии и в 1874 году окончил Киевскую духовную академию. Далее следует семилетняя педагогическая служба в качестве преподавателя

Иеромонах Нестор
с матерью, Антонинной
Евлампиевной
Анпсимовой.
1907 г.
Архив А. К. Караулова
и В. В. Коростелева

Благословение на
Евангелии,
подаренном
иеромонаху Нестору
его матерью в день
отъезда на Камчатку.
1907 г.

Архив А. К. Караулова
и В. В. Коростелева

**Святой праведный
о. Иоани Кронштадтский**
Архив ПСТГУ

**Епископ Андрей (кн. Ухтомский),
духовный отец Владыки Нестора
(впоследствии архиепископ)**
Архив ПСТГУ

**Архиепископ Владивостокский
и Приморский Евсей (Никольский)
(впоследствии митрополит)**
Архив Владивостокской епархии

**Священномученик епископ Дамаскин
(Цедрик). Соловецкий лагерь. 1934 г.**
Архив ПСТГУ

Семья Анисимовых.
Мать – Антонина
Евлампиевна,
брат – Иларий
Александрович,
перомонах Нестор
и отец – Александр
Александрович
Архив А. К. Караулова
и В. В. Коростелева

**Реальное училище в
г. Казани, которое
закончил Владыка
Нестор**
Архив А. К. Караулова
и В. В. Коростелева

Камчатские рыбаки. Чукчи
Из кн.: Азиатская Россия. Т. 1. М., 1914

«Венцом всей красоты,
мощи, богатства и глубокой
моей вечной любви
является чистая,
девственная душа
аборигенов, насельников,
туземцев – детей природы
на Камчатке».

Митрополит Нестор

**Камчатка. Местные
жители – коряки**

Камчатский дом и собачья упряжка

Главная улица г. Петропавловка Камчатской обл. (1910-е гг.)
Из кн.: Азиатская Россия

«Главный камчатский насущный хлеб – это рыба, а посему в начале рыбных промыслов и по окончании таковых местные священники на Камчатке служат молебны, совершают к реке крестные ходы и освящают воду и рыбу, запасаемую и заготавливаемую на зиму».

Митрополит Нестор

Освящение воды и рыбы на Камчатке (1910-е гг.)
Архив ПСТГУ

Село Паратунка. Начало XX в.
Из кн.: Камчатка XVII–XX вв. Историко-географический атлас. М, 1997

Село Каменское, юрты оседлых коряков. Конец XIX в.

Село Мильково. Церковь. Конец XIX в.

Иеромонах Нестор (Анисимов) в национальной одежде, 1910-е гг.
Архив ПСТГУ

«На мне надета вся меховая одежда. На голове шапка из лютяги (птица-зверек). Куклянка сшита из оленьего меха (пыжик)... На ногах меховые торбаса, расшитые простым бисером – тунгусской работы. Весь костюм шит оленьими жилами».

Митрополит Нестор

Царская семья. 1913 г.

Великий князь Николай Николаевич

Императрица Мария Феодоровна

**Член Камчатского братства
преподобномученица Великая княгиня
Елисавета Феодоровна**
Архив ПСТГУ

**Председатель Московского отдела
Камчатского братства епископ Арсений
(Жадановский)**
Архив ПСТГУ

Марфо-Мариинская Обитель Милосердия. Нач. XX в.
Из кн.: Сорок сороков. Т. 2. М., 1995

Архиереи, совершившие хиротонию епископа Нестора: архиепископ Евсевий (Никольский), епископ Сергей (Тихомиров), епископ Павел (Ивановский) и почетные гости: генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, адмирал М. Ф. Шульдц и мать Владыки Нестора А. Е. Анисимова
Архив А. К. Караулова и В. В. Коростелева

Выезд епископа Нестора на собачьей упряжке
Архив А. К. Караулова и В. В. Коростелева

Епископ Нестор (Анисимов). 1920-е гг.
Из статьи А. К. Караулова и В. В. Коростелева «Поборник церковного единения»
(Русская Атлантида. 2001. № 8)

Святой Патриарх Тихон

Святой Патриарх Тихон. Икона

Заседание Священного Собора 1917–1918 гг.

Среди присутствующих: протоиерей П. Лахостский, секретарь Собора В. П. Шени, архиепископ Андроник (Никольский), епископ Нестор (Анисимов), архиепископ Анастасий (Грибановский), кн. Е. Н. Трубецкой, протопресвитер Московского Большого Успенского собора Н. Любимов, епископ Никандр (Феноменов), митрополит Арсений (Стадницкий), Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон, архиепископ Михаил (Ермаков), архиепископ Иоасаф (Каллистов), митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Агафангел (Преображенский), епископ Феофан (Туляков), митрополит Платон (Рождественский)

Епископ Димитрий (Абашидзе)
(впоследствии схиархиепископ Антоний)
Архив ПСТГУ

Митрополит Платон
(Рождественский)
Архив А. К. Караулова и В. В. Коростелева

Таганская тюрьма (Москва).
Место заключения епископа Нестора в 1918 г.
Музей общества «Мемориал»

**Священномученик Владимир,
митрополит Киевский и Галицкий**
Архив ПСТГУ

**Священномученик Владимир,
митрополит Киевский и Галицкий. Икона**

Киево-Печерская лавра (открытка нач. XX в.)

**Игуменя София (Гринева),
настоятельница Покровского монастыря
в Киеве.**

Из кн.: Концевич Е. Схиигуменя София.
Форествилль (Калифорния), 1976

**Генерал от кавалерии
граф Федор Артурович Келлер**

Архив А. К. Караулова
и В. В. Коростелева

Златоверхий Михайловский монастырь в Киеве (открытка нач. XX в.)

**Крестный ход по случаю открытия
Приамурского Земского собора во Владивостоке в 1922 г.**
ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 7

Южная линия КВЖД. Долина р. Асан-Хэ. Открытка.
Архив А. К. Карзулова и В. В. Коростелева

в родной Тамбовской духовной семинарии. В 1882 году будущий митрополит посвящает себя пастырскому служению в г. Козлове Тамбовской губернии, где молодой батюшка о. Василий явился ревностным проповедником и учителем народа. В 1886 году Господь ниспослал первый тяжелый крест о. Василию. Умирает его дорогая спутница жизни, молодая любимая жена, умирает вскоре и единственный малютка ребенок. Отец Василий тогда же удалился в обитель и принял монашество с именем Владимира, но не долго оставался о. Владимир в Козловском монастыре. Дальнейшее служение церкви о. Владимира быстро вело его по иерархической лестнице. В 1888 году он был посвящен в сан епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В 1891 году Владыка получил назначение в Самарскую епархию. В то время Самарскую губернию постигло величайшее бедствие от неурожая и холерной эпидемии. Владыка Владимир в эти дни народного бедствия проявил себя великим героем духа, всецело отдавшись служению больным и заботам о голодающих, и своим личным примером воодушевлял пастырей на самоотверженный подвиг служения страждущему народу.

И слово Владыки не было тщетно, а голос святителя не умолкал, пока не утихла буря народного бедствия.

С 18 октября 1892 года преосвященный Владимир управлял в продолжении пяти лет Грузинским Экзархатом, уже в сане архиепископа Карталинского и Кахетинского.

В 1893 году архиепископ Владимир был назначен на высокий иерархический пост, митрополитом Московским и Коломенским, где его служение протекало пятнадцать лет.

В Москве митрополит Владимир на первых же порах своего служения принимал энергичные меры оживления пастырской деятельности московского духовенства и стремился к тому, чтобы частым богослужением и проповедью, религиозно-нравственными беседами столичное духовенство ближе стояло к народу и к фабрично-рабочему классу.

Владыка Владимир не только побуждал к тому свое духовенство, но и сам являлся добрым примером. Нередко митрополит Владимир являлся на фабрики и заводы и после молитвы вел беседы с рабочими о вреде увлечения социализмом, как бы пророчески предсказывая, к какому несчастью приведет Россию это противохристианское увлечение.

Вся архипастырская деятельность митрополита Владимира в Москве была полна любви и забот о пастве. Не знавшие митрополи-

та Владимира близко, считали его недоступным, сухим и неприветливым. Такое ошибочное представление о Владыке люди заключали по угрюмому выражению лица митрополита. Действительно, лицо Владыки, всегда несколько нахмуренное, носило глубокий отпечаток какой-то скорби и страданий. Точно Владыка предчувствовал ожидавший его впоследствии крест тяжелых испытаний. В силу врожденной выдающейся скромности своего характера и даже некоторой застенчивости Владыка старался всегда быть незаметным. Он так же незаметно для посторонних глаз оделял нищих, вдов и сирот. Проявлял горячие заботы о спасении нравственно потерянных людях и о пьяницах. Будучи врагом алкоголя, Владыка энергично покровительствовал насаждению трезвости; сам вел беседы и издавал полезные листки и брошюры о губительности порока пьянства.

Мне Господь дал возможность в 1910 году встретиться с Владыкой митрополитом Владимиром.

Митрополит Владимир жил тогда в Петербурге, где он должен был присутствовать на заседаниях Святейшего Синода. Я же прибыл в Петербург с далекой Камчатки по делам об устройстве Камчатского братства.

Желая воспользоваться имевшимся у меня временем и познакомиться с иерархами, пребывающими в Петербурге, могущими быть полезными для новосозидаемого Братства, я направился к митрополиту Владимиру в подворье Троице-Сергиевой Лавры, что против Аничкова дворца в Петербурге.

Прибыв с Камчатки и не зная строгих правил приема архиереев, пошел я к митрополиту не в приемные часы, а вечером. Швейцар пропустил меня и вызвал келейника. Келейник, узнав, что я камчатский миссионер, сказал мне, что митрополит принимает по утрам в те дни, когда нет заседаний в Синоде (заседания в Синоде происходили дважды в неделю), а по вечерам Владыка отдыхает, но все же келейник сказал мне, чтобы я подождал, что он Владыке обо мне доложит.

Вернувшись от митрополита, келейник сообщил, что Владыка ждет меня и просит пройти в столовую. Когда я вошел, митрополит сидел за самоваром. Он встал мне навстречу, благословил меня и ласково пригласил снять священнический крест и рясу и остаться в подрыснике.

В простом подрыснике был и сам Владыка. Сам разливал он чай и вел задушевную, непринужденную, исполненную глубокой отеческой ласки беседу.

Ни на секунду не забывая – Владыка митрополит сам не давал этого забывать, – что предо мной облеченный великим саном первоиерарх всей Российской Церкви, я в то же время чувствовал себя совершенно просто, задушевно, нимало не стесненно пред ним. Я мог говорить с Владыкой обо всех своих нуждах, о горестях и радостях нашей далекой камчатской жизни и миссионерской работы там.

Владыка дал мне возможность и впредь так же просто приходиться к нему в неприемные часы, пригласив меня постоянно посещать его в часы вечернего чая.

Эта доброта митрополита Владимира дала мне смелость также пойти и к другим архиереям, пребывающим в Петербурге.

Некоторые из них так же ласково и отечески приняли меня, но многие строго указывали на приемные часы и предлагали прийти в определенное для того время.

Немало уделял внимания и учащимся всех учебных заведений, а особенно заботился митрополит Владимир о семинаристах, подготовлявших себя на пастырское служение, и вел с ними отеческие задушевные беседы. Приводим выдержку одной из последних бесед митрополита Владимира с московскими семинаристами. Владыка вспоминал настроенность учащихся старой школы и противопоставлял нынешнему настроению и взглядам будущих пастырей. «Тогда ученики более прониклись идеальным стремлением и по выходе из школы отдавали себя на служение Церкви довольные немногим в жизни. Вы скажете, что хлеб Церкви теперь стал черствым. Верно, иногда это бывает. Сухая корка не поддается молодым зубам. Но следует, прежде всего, думать не о том, что можно взять от народа, а что ему сами вы можете дать. Народ наш беден, жизнь его разъедается пороками пьянства и разврата. Он блуждает в дебрях сектантства и раскола. Когда в народную среду вы внесете истинный свет христианского знания, тогда улучшится материальное положение народа, и он сумеет вас отблагодарить. Нужно помнить, что материальное благоденствие пастыря – не самое главное в его жизни. Служение пастыря само по себе безмерно высоко и имеет ценность в самом себе. Пастырь вносит свет в темную среду, пробуждает лучшие чувства, вносит в душу народа мир и спокойствие. Разве это не великое дело, и разве оно не может примирить человека с недостатком в жизни?»

Вся полнота любви митрополита Владимира к своей московской пастве и глубина связи его с Москвой сильно сказались при расставании Владыки с москвичами, когда Владыка был назначен на Петроградскую первосвятительную кафедру.

Прощаясь, митрополит сказал сквозь слезы: «Дерево, когда растет, не чувствует, каким множеством разнообразных корней и их тончайших разветвлений оно связано с землею. Но когда дерево пересаживают в другое место, оно не может не чувствовать всей глубины своей связи с землею. Так и со мною. Ощущаю всю глубину тяжести при разлуке с Москвою, с которой я за 15 лет духовно сросся, но да будет воля Божия».

В 1912 году, когда скончался Первоиерарх Православной Российской Церкви Антоний, митрополит Петербургский и Ладужский, на его место был назначен митрополит Владимир. Три года Владыка управлял Петербургской епархией, и это было труднейшее время для церковно-общественной работы, ибо тогда усиливалось влияние в Петербурге «темных сил», т. е. «распутинство». Митрополит Владимир со свойственными его характеру прямолинейностью и твердостью убеждений вел посильную борьбу с темными силами.

Борьба эта была особенно трагична по своему внутреннему смыслу при наличии того тягостного и рокового недоразумения, которое существовало между лучшими кругами русского общества, к каковым примыкал митрополит Владимир, – с одной стороны, и Государыней Императрицей Александрой Федоровной – с другой стороны.

Государыня, самоотверженная, беспредельно любящая мать, более всего в жизни любила своего сына – Наследника Цесаревича и более всего трепетала за его судьбу. И вот этой-то силой материнской любви воспользовались темные силы. Случайным ли стечением обстоятельств или действительно действием темных, нам неведомых сил, они добились того, что Императрица глубоко уверовала в то, что судьба Наследника Цесаревича тесно связана с судьбой «старца» Григория Распутина. На этом-то убеждении Царицы построено было его громадное, почти неограниченное влияние.

Когда это влияние стало оказывать действие в сфере церковной жизни, митрополит Владимир счел для себя невозможным дальнейшее молчание и попросил аудиенции у Государя.

Архиереи вообще имели очень редко аудиенции у императора. Все сношения между ними обычно поддерживались чрез обер-прокурора.

Обер-прокурор, в данном случае В. К. Саблер, узнав о цели, с какой митрополит Владимир желал видеть Государя, предупредил Владыку о том, что это очень болезненная и сложная тема. Но митрополит смело шел на исполнение того, что он считал неперемненным сво-

им священным долгом и как Первосвятителя Церкви, и как верноподданного.

Добившись аудиенции, митрополит Владимир смело и прямо указал Государю на все сплетни и грязные рассказы, которые ходили в обществе в связи с именем Распутина, указав на гибельность его влияния, особенно в церковных делах.

Государь, прослушав Владыку митрополита, сказал, что, быть может, он и прав во многих отношениях, но что Царица-мать никогда с этим не согласится.

Государыня, узнав о разговоре Государя с митрополитом, была страшно возмущена и горячо негодовала против митрополита за его вмешательство в семейную жизнь Царской семьи. Государыня заявила, что митрополит – не верноподданный, если он может допустить грязные сплетни и разговоры о Царской семье и передавать их Государю, когда в действительности ничего этого нет. В ответ на обвинения против Распутина она говорила, что «старец Григорий неоднократно спасал жизнь нашего сына Наследника Цесаревича и никогда никакой грязной мысли о старце она не допустит».

Государыня была права по-своему. Конечно, никакой грязной тени, ничего, кроме самого светлого, кристально чистого, не было в жизни и во взаимоотношениях Царской семьи. Но грязь, связанная с Распутиным, проникла в некоторые сферы, близкие ко двору, и об этом то и говорил митрополит Владимир Государю, а Государыня не знала, не хотела знать ничего об этой грязи.

Такова была трагедия тех тяжелых лет: оба чистые, высокие духом, праведные перед Богом Царица и митрополит не поняли друг друга. И Государыня не захотела выслушать того, кто воистину был и верноподданным, и добрым святителем Божиим, того, кому предлагала такая же мученическая смерть, как и всей Царской семье.

Митрополит Владимир в 1915 году впал в немилость и был удален из Петрограда на кафедру митрополита Киевского.

Киевская паства с первых же дней окружила своего архипастыря любовью и искренним сочувствием, видя и ценя в нем гонимого за правду опального святителя.

Как первенствующему в Святейшем Синоде, митрополиту Владимиру, по вступлении в управление Киевской митрополии, пришлось вновь приехать в Петроград.

В 1917 году когда Владыка митрополит возвратился в Киев, то там уже началась разруха церковной жизни под натиском револю-

ции. Образовался «исполком», и быстро начался развал церковной жизни. Бывший в то время в г. Киеве епархиальный съезд духовенства и мирян вылился в «Украинский съезд», и было предъявлено требование, чтобы «в автономной Украине была “независимая от Синода” Украинская Церковь». Митрополит Владимир любовно, заботливо предостерегал тогда сторонников этой ненормальной затеи, видя, что разделение Церкви приведет только к торжеству внутренних и внешних врагов. Пастырей и пасомых митрополит Владимир призывал терпеливо относиться к своим великим обязанностям участия в церковном епархиальном управлении, избегая вражды и разделения. Но сам архипастырь потерпел много тяжких обид, оскорблений и огорчений.

Осенью 1917 года образовалась отдельная от России Украинская держава, а вслед за этим в Киеве провозгласилось и временное правительство для всей Украинской церкви. Во главе этого церковного правительства встал бывший на покое архиепископ Алексей (Дородницын). Образовавшееся самочинное церковное украинское правительство, или, как оно называлось, «рада», начало переустройство всего уклада церковной жизни в отделенных радой украинских епархиях. Во все духовные консистории были посланы «украинские комиссары». Воспрещалось поминовение за богослужением Всероссийского Патриарха Тихона, а вместо него приказывалось поминать «всеукраинскую церковную раду», возглавляемую архиепископом Алексием. По адресу Киевского митрополита Владимира самозванные духовные комиссары высказывались весьма грубо и оскорбительно.

В это время митрополит Владимир присутствовал в Москве на Всероссийском Церковном Соборе, а киевские «комиссары в рясах» обсуждали вопрос о недопущении своего архипастыря митрополита Владимира в Киев – «що нікчому людину», как они грубо выражались о нем по-украински.

Все эти самочинные деяния рады встревожили все православное киевское население. Собралось многолюдное собрание киевских приходских советов, на котором постановили всеми силами протестовать против самочинной антиканонической попытки создать автокефальную украинскую церковь.

Вскоре после описанных событий митрополит Владимир возвратился из Москвы с Церковного Собора в Киев, и тогда началось со стороны врагов Церкви всяческое глумление над семидесятилетним старцем-митрополитом.

Первоначально бунтовщики явились в покои митрополита с грубым требованием об уходе Владыки из Киевской митрополии.

Приводим акт неслыханного дотоле в православно-христианском мире оскорбления. «Девятого сего декабря 1917 года в два часа дня по поручению будто бы центральной рады заявила ко мне комиссия во главе с назвавшим себя председателем украинской церковной рады священником о. Маричевым и депутатами: прот. Н. Шараевским (новый лжемитрополит), священником П. Тарнавским, священником С. Филипенком, дьяконом Ботвиненко и иеродьяконом Порфирием и каким-то военным, и после речи о. Маричева было заявлено мне словесное постановление рады о том, чтобы был удален из Киева преосвященный Никодим, епископ Чигиринский, чтобы немедленно вступили в должность членов консистории вновь назначенные, а также предложено выехать из Киева и мне. Желая иметь письменное заявление об этом со стороны поименованной депутации, я позвал личного своего секретаря и предложил ему записать это требование отцов депутатов и чтобы последние подписались под ним, но они категорически отказались от этого. Этот акт подписали: Владимир, митрополит Киевский, секретарь А. Левков»⁸². Вскоре после этого грубого акта произошел в покоях старца Владыки новый случай. Между 10-12 часами ночи в лаврскую квартиру митрополита явился член церковной рады священник Фоменко в сопровождении военного и с неожиданной ласковостью стал предлагать митрополиту Владимиру патриаршество в украинской церкви (как приложима к настоящим переживаниям Владыки митрополита 4-я глава Евангелия от Матфея об искушении Господа сатаной. «Паки поят Его диавол на гору высоко зело и показа Ему вся царствия мира, и славу их. И глагола Ему: сия вся тебе дам, аще пад поклониши ми ся» (Мф 4: 8-9).

Митрополит выразил удивление по поводу такой перемены фронта: то от него требуют в три дня уехать из Киева, то предлагают быть украинским патриархом. Но через несколько минут секрет этой ласковости открылся. Ночные посетители потребовали, чтобы хозяин выдал из средств митрополичьего дома сто тысяч рублей.

И когда митрополит заявил, что эти средства принадлежат всей епархии, которая одна только и может распоряжаться ими, то поведение гостей резко изменилось и сделалось настолько угрожающим в отношении к одинокому архипастырю, что он поспешил пригласить чрез келейника монастырскую братию, чтобы удалить непрошенных ночных посетителей, но последние безобразничали в митрополичьих покоях еще часа полтора.

Каково было душевное состояние в эти дни тяжелых испытаний Киевского святителя митрополита Владимира, можно судить из рассказа свидетеля-очевидца (подпоручика Кравченко).

12 декабря 1917 года во время приема Владыка обратился к последнему с такими словами: «Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за Веру Православную, чтобы только не дать врагам ее посмеяться над Нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранилось Православие в России, там, где оно началось». Сказав эти слова, Владыка митрополит сильно и горько заплакал.

Митрополит Владимир был глубоко честный, прямой и стойкий человек. Он не подчинился никаким требованиям группы людей, незаконно собравшихся в Киеве в украинской церковной раде под главенством архиепископа Алексия (Дородницына), которого митрополит Владимир считал величайшим и тяжким церковным преступником и мятежником, в чем архиепископ Алексей сам сознался и раскался перед Церковью, уже изгнанный украинцами же. Даже под угрозой лишения жизни митрополит Владимир не подчинился незаконным требованиям, что он и доказал своей мученической смертью, которой он мог бы избежать, если бы захотел укрыться от врагов и убийц.

* * *

В январе месяце 1918 года в Киеве началась гражданская война.

Положенное начало гонения и преследования митрополита Владимира озверевшими его же бывшими духовными детьми продолжалось и завершилось убийством Владыки во время обладания Киевом «сатанистами изуверами».

Красное знамя революции, эмблема крови и сатанизма, позорно развевающееся с 1917 года над Россией, всюду, где появится, влечет за собой потоки неповинной человеческой крови, произвол, братоубийство, а также разрушение святынь и храмов Божиих.

В борьбе двух вражеских партий за обладание г. Киевом многие киевские обитатели и храмы подверглись обстрелу и в значительной степени пострадали. На долю же Киево-Печерской лавры выпали исключительные дни страданий и гонения. С 15 января в Лавру начали попадать ружейные пули и снаряды, а с 22 января канонада усилилась и Лавра оказалась под жестоким обстрелом со стороны большевиков, предположивших, что с лаврской колокольни за ними происходит наблю-

дение, но в действительности колокольня была заперта и в Лавре в то время никаких войск не было.

Обстрел же большевиками церквей и колоколен обычное явление всюду, где они ведут войну.

От снарядов значительно пострадали Великая лаврская церковь и колокольня. Снаряды попадали внутрь церкви и производили значительные повреждения. 23 января вечером большевики овладели Лаврой, и тогда начались в Лавре дикие насилия и варварства. Вооруженные люди врвались в храмы в шапках на головах и с папиросами в зубах. С криком и площадной бранью производили обыски даже во время богослужения; ругались и кощунствовали над святынями.

Монахов-стариков раздевали и разували на дворе, издевались над ними и секли нагайками. Во время обысков происходил повальный грабеж.

В то время когда большевики обстреливали Лавру, митрополит Владимир молился Богу или в храме, или у себя в покоях. Последнюю литургию Владыка служил 21 января в воскресенье в Великой лаврской церкви. 24 января митрополит в той же церкви служил акафист Успению Божией Матери. Это последнее служение в церкви накануне расстрела митрополита Владимира, по наблюдению сослужащих Владыке, отличалось особенной задушевностью и проникновенностью.

Ночь на 25 января была тревожная. В эту ночь было произведено нападение четырех вооруженных мужчин и одной женщины в одежде сестры милосердия на квартиру наместника Лавры. Грабители произвели тщательный обыск, забрали ценные вещи, ели все, что находили в келлии, пили чай, а глубокой ночью трое из них выходили «на разведку» и в то время ограбили деньги у казначея и у благочинного.

Днем 25 января три вооруженных солдата произвели обыск в митрополичьих покоях и, не найдя ничего ценного, взяли из несгораемой кассы золотую медаль. Вечером вновь явилось в Лавру пять вооруженных людей. Один из них, одетый в черную кожаную тужурку, был комиссаром. Все они накануне (24 января) уже были в Лавре и обедали в лаврской трапезе. Комиссар, бывший тогда в матросской фуражке, остался недоволен лаврским черным хлебом, бросил хлеб на пол и закричал на всю трапезу: «Разве я свинья, чтобы есть такой хлеб?» Монах трапезник ответил: «У нас, господа, лучшего хлеба нет, какой нам дают, тот мы подаем». Трапезник монах Иринея свидетельствует, что 24 января вечером эта партия вооруженных людей вторично была

в лаврской трапезной. Матрос был пьян и говорил в трапезной: «Нужно сделать здесь что-либо особенное, замечательное, небывалое». Потом он сказал: «Пойдем к митрополиту на чай, мне нужно с ним поговорить». После этого они все встали и ушли, а через час снова пришли в трапезу и, усевшись, начали высыпать из карманов серебряные деньги, а комиссар-матрос достал еще и золотые часы и на вопрос «товарищей», где взял их, ответил: «Это мое дело». Вся эта кампания 25 января вечером, войдя в Лавру, спросила одного монаха: «Где живет митрополит?» Монах, узнавший их, ответил матросу: «Дом его около того места, где вы кушаете, там он и живет». Матрос на это сказал: «Мы его сегодня заберем».

Будущие убийцы митрополита пошли в трапезу, и монах последовал за ними. Предводитель убийц резко обратился к монаху с вопросом: «Почему у вас комитетов нет? Везде комитеты, а у вас их нет». Монах ответил: «У нас и не должно быть комитетов, мы монахи». Грубый матрос закричал на монаха: «Вы только миллионы и тысячи собираете». Грубый изувер-матрос долго еще ругался, кричал, а потом, начав кощунствовать, он спросил монаха: «Отец! Скажи, что у вас в пещерах? Все оттуда вынесем и рассмотрим, если там ничего не окажется или окажется воск или тырса – всех вас перережем». Монах ответил: «Что я вам буду говорить? Если я вам буду говорить правду, – вы все равно не поверите. Теперь ваша власть, пойдите посмотрите и узнаете правду». В 1917 году безбожники уже кощунствовали в лаврских пещерах – они резали кинжалами святые мощи, прокалывали штыками, выбрасывали из гробниц и, надругавшись, ставили святые мощи преподобных на голову. Грубый матрос продолжал спрашивать монаха: «Ты знаешь, кто был о. Серафим в Сарове?» – «Отец Серафим был вторым лицом после Царя, потому-то Серафим и святой». – «ВОТ И ВАШ МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИР БУДЕТ СВЯТОЙ».

Уходя из трапезной, матрос сказал монаху: «Больше вы митрополита не увидите». Убийцы пошли к Владыке митрополиту, чтобы выполнить убийственный замысел.

Было 6 ½ часов вечера.

На крыльце митрополичьего дома послышалось три резких звонка. В открывавшуюся дверь вошли убийцы – пять человек в солдатской форме, а во главе был матрос.

Матрос спросил: «Где Владимир, митрополит?» Швейцар указал на пребывание Владыки митрополита в нижней келье отца наместника, архимандрита Амвросия.

Проходя в келью к митрополиту, один солдат сказал: «Мы желаем переговорить с митрополитом; мы идем сейчас из трапезной, и нам там братия жаловалась, что он не разрешает комитеты. С ним нужно переговорить, чтобы он разрешил совет, чтобы было так, как у нас».

Владыка митрополит вышел к убийцам и спросил: «В чем дело?» Трое убийц увели Владыку в комнату и там оставались с ним наедине некоторое время. У дверей поставили караул. Потом из комнаты палачи повели митрополита в его верхние покои. Когда Владыка проходил мимо стоявших в стороне епископа Феодора и архимандрита Амвросия, сказал им: «ВОТ ОНИ ХОТЯТ УЖЕ РАССТРЕЛЯТЬ МЕНЯ, вот что они со мной сделали», – и при этом развел руками. Следовавший за Владыкой матрос грубо закричал: «Иди, не разговаривай, кто тебя будет расстреливать! До коменданта пойдешь».

Поднявшись на первую площадку лестницы, ведущей в верхний этаж, митрополит остановился и, обращаясь к сопровождающим его убийцам, сказал: «Ну, господа, если вам угодно расстрелять меня, расстреливайте здесь же, на месте, – я дальше не пойду». Матрос на это грубо заметил: «Кто тебя расстреливать будет! Иди».

Убийцы повели митрополита в его спальню, где, заперев за собою двери, оставались с Владыкой там двадцать минут. Там Владыку пытали, душили цепочкой от креста, требовали денег и глумились. Потом келейники нашли в разных местах спальни, на полу разорванные цепочку, шелковый шнурок, ладанку и серебряную нательную икону.

Через двадцать минут митрополит, окруженный тремя палачами, вышел из спальни, одетый в рясу, с панагией на груди и в белом клобуке на голове.

При выходе на крыльцо к Владыке подошел под благословение его старый келейник Филипп, но матрос оттолкнул его от митрополита, закричал: «Довольно кровопийцам кланяться, кланялись, будет». Владыка, приблизившись сам к келейнику, благословил его, поцеловал и, пожав руку, сказал: «Прощай, Филипп!» – вынул из кармана платок и вытер слезы.

Филипп передавал, что митрополит был спокоен – словно шел на служение литургии. Когда митрополит надевал шубу, один из солдат сказал: «Это важный преступник!» – а матрос закричал на него: «Будет тебе, никаких разговоров».

Забытый и брошенный своей братией, окруженный палачами и убийцами, ни в чем не повинный, кроткий и смиренный старец, митрополит Владимир спокойно шел на казнь. По дороге, в ограде Лав-

ры, митрополит шел, осеняя себя крестным знамением и в предвечные смерти, благоговейно напевал «Благообразный Иосиф»⁸³.

В стенах Великой Лавры зловещая таинственная тишина.

Иноки затворились по кельям.

Все обитатели Лавры притаились, боясь «жестоких товарищей».

Вот послышался резкий лязг тяжелого запора железных ворот.

Скрипя сапогами по твердому снегу и бряцая оружием, убийцы выводили из Лавры старца митрополита на последние пытки и на расстрел.

Снова с шумом затворились тяжелые ворота, затихли зловещие шаги, и водворилась мертвенная тишина.

Господи!.. Хоть бы кто в набат ударил! Ведь в стенах Лавры более тысячи человек только одной братии – и все же некому. Всем страшно. Все боятся смерти, которая так близка и так страшно витает над Лаврой.

Кое-где выглядывали притаившиеся испуганные иноки и робко прислушивались к происходящему в стенах Святой Лавры. Только два более смелых инока стояли на дворе обитатели и делились между собою своими впечатлениями по поводу случившегося события.

Прошло несколько минут, как увели митрополита.

Вдруг, среди гробовой тишины послышались за стеной Лавры ружейные выстрелы. Сначала четыре, а через полминуты еще два и еще. «Это Владыку расстреливают», – говорит один инок.

«Для убийства столько выстрелов слишком много», – замечает подошедший третий инок.

После раздавшихся выстрелов забегали по двору Лавры человек пятнадцать матросов с револьверами и фонарями в руках. Один матрос спросил стоявших монахов: «Батюшки, провели Владыку?» «Провели за ворота», – был робкий ответ иноков. Матросы побежали за ворота и через минут двадцать возвратились в святую обитель. «Нашли Владыку?» – спросил один монах матроса. «Нашли, так всех вас по одному повыведем», – отвечал матрос.

В эту ночь покой Лавры больше не нарушался. Вся обитель спала крепким сном, и не чувствовал никто, что за тысячу шагов от Лавры, в луже крови, лежал прах истерзанного убитого настоятеля и отца Лавры, митрополита Владимира.

На рассвете шли в Лавру на богомолье женщины, и уже от них братия Лавры узнала, что митрополит Владимир лежит расстрелянный за Лаврой на маленькой полянке, среди крепостных валов.

В девять часов утра лаврская братия решила перенести тело убиенного митрополита в Лавру, для чего архимандрит Анфим, получив от большевиков пропуск, отправился с четырьмя санитарями к месту убийства. Отслужив краткую литию и положив тело на носилки, к одиннадцати часам дня принесли останки священномученика в Михайловскую лаврскую церковь, где покойный Владыка проводил в молитве последние дни своей жизни. Когда о. Анфим поднимал тело митрополита для перенесения, то к нему подбежало человек десять вооруженных солдат и рабочих, начали глумиться и ругаться над расстрелянным Владыкой и не разрешали уносить тело. «Вы еще хоронить будете его – в ров его бросить, тут его закопать! Мощи из него сделаете – это для мощей вы его забираете», – неистово кричали изуверы. Когда понесли тело Владыки, то проходившие благочестивые женщины плакали, молились и говорили: «Страдалец-мученик, Царство ему Небесное». А изуверы кричали: «Какое ему царство, ему место в аду, на самом дне». Случайный очевидец убийства митрополита передает, что к месту расстрела от лаврских ворот Владыку привезли на автомобиле. Когда убийцы вывели Владыку из автомобиля на площадку, то митрополит спросил: «Вы здесь меня хотите расстрелять?» Один из палачей ответил: «А что ж, церемониться с тобой, что ли?» Тогда митрополит попросил у них разрешение помолиться Богу, на что последовал ответ: «Только поскорее». Воздев руки к небу, Владыка молился вслух: «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и прими дух мой с миром!» Потом благословил крестообразно обеими руками своих убийц и сказал: «Господь вас да простит».

Во время молитвы и благословения раздались выстрелы, и первосвященник Киевской Церкви упал, обливаясь кровью. Затем убийцы начали поднимать Владыку на штыки. Бездушные палачи не удовлетворились одним расстрелом невинной жертвы – они вонзили еще в живое тело митрополита штыки, они били святителя по лицу. Следы глумления видны на избитой правой щеке. Лицо Владыки проколото в разных местах и простреляно. Грудь зияет страшным кровавым отверстием от разрывной пули. Несколько ребер выбито. Бока пронзены штыками и прострелены. Затылок тоже исколот штыковыми ударами. Жалкие, ничтожные убийцы, о, если бы они знали, какую кроткую, незлобивую жертву они погубили! Загублен ими, как величайший преступник, Великий Служитель Церкви, твердо стоявший всегда за Веру, Правду и Честь.

Оставленный всеми, в полном одиночестве, без сопротивления Владыка шел на заклание и в момент казни благословлял и прощал убийц.

Где вы теперь – прямые и косвенные убийцы святителя Божия? Что теперь скажете вы, черствые, жестокие, лжебратия, нанесшие больно первый удар в сердце святителя, любившего вас любовью отца? Удовлетворены ли вы, довольны ли теперь, что убили по вашим грубым словам «цю никчемну людину»?

Где вы, палачи-матросы? Понимаете ли вы, убившие архиерея Божия, сказанные вашими злодейскими устами злобно и бессознательно, но святые и, быть может, пророческие слова лаврским инокам, когда вы искали Владыку, чтобы убить его: «Вот и ваш митрополит Владимир будет Святой»?

Не бойтесь, исходите в сретение из ваших келлий, многочисленные сонмы иноков Лавры, – возвращается к вам на вечное упокоение изъязвленный, бездыханный ваш священноархимандрит, митрополит Владимир. Он добрый. Он всех вас простит.

Теперь остается только предать тело святителя земле в уготованном месте ближних пещер, среди почивающих подвижников – иноков древней святой Лавры.

Собралась киевская паства к истерзанному мертвому телу своего Первосвятителя – смотрит на него и плачет.

Плачут те, кто поистине осиротел, лишившись своего благодетеля, учителя и отца.

Горько, неутешно плачут сироты и вдовы, нищие и калеки, к ним уже больше не протянется зарубленная злодеями добрая рука кормильца.

Плачут те, кто смалодушествовал, укрылся и не помог спасти своего архипастыря от рук убийц.

Молчат и, кажется, смущены в своей совести те, кто изгоняли из Киева своего архиерея, еще так недавно глумились над ним в стенах Лавры.

Они стоят, как скованные, смотрят издали, считают раны Владыки, они теперь уже не смеют, не могут подойти ближе к его бездыханному телу, ко гробу. Им жутко.

Одни лишь убийцы хохочут дьявольским хохотом. Жалкие преступники – у них уже притупилась совесть.

Они все еще продолжают безнаказанно упиваться невинной братской кровью, в океане которой сами захлебнутся и погибнут навеки.

Но будет Божий суд – небесный.

Этот суд для убийц будет страшный, страшнее их страшных деяний. От этого суда они – жалкие изуверы – никуда не уйдут, никуда не укроются.

На нем, на этом Божьем суде, восстанешь и ты, обогранный кровью страдалец, убиенный Божий архиерей святитель Владимир. И веру, и верность твою, любовь и смирение твоё, и труд, и смерть, и кровь, и архиерейство твоё да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Вечная тебе память, вечная тебе слава, мученик святитель!

* * *

Митрополит Владимир является первомучеником в длинном ряду убиенных и замученных Российских православных архиереев. В то время, когда убили в Киеве митрополита Владимира, в Москве происходил Священный Собор Всероссийской Православной Церкви. Весть о мученической кончине старейшего иерарха России – митрополита Владимира, опечалила всех членов Собора. Было страшно за судьбу всех киевских святынь и за целостность Киевской митрополии, ибо в то смутное время могли легко явиться самостийные священнослужители и сотворить такой же соблазн, какой сотворили впоследствии, в 1921 году, в октябре собравшиеся на самостийном «соборе» священники, диаконы и миряне, «рукоположившие», без участия епископов, в сан митрополита – протоиерея Василия Липковского. В 1918 году на Московском Соборе преемником митрополита Владимира был избран митрополит Харьковский Антоний, впоследствии – Блаженнейший Глава Зарубежной Православной Церкви.

Мужественно, достойно взошел митрополит Антоний на кафедру древнейшей митрополии России, обогранный кровью митрополита Владимира и вскоре также претерпел исповедничество, перенеся горькую ссылку и заточение.

3. Смута в Киеве

В 1918 году 18 октября я выехал из Москвы в Киев.

Всероссийский Церковный Собор в Москве в то время сводился большевиками на нет: архиереев – членов Церковного Собора, большевики начали лишать квартир, отняли соборную палату для заседаний и всячески преследовали всех членов Собора.

Мое пребывание в Москве стало грозить мне опасностью, так как большевики напали на след изданной мною книги «Расстрел Московского Кремля».

Однажды, проходя по Кузнецкому мосту, я был остановлен старушкой, которая продавала газеты. Она меня упрашивала непременно купить газету, так как она продажей газет питается. Тут же она пояснила, что она была учительницей всю свою жизнь, но что большевики ее изгнали, считая саботажницей, и что только что на этих днях она была арестована за продажу книги «Расстрел Московского Кремля», которую издал «какой-то епископ на Соборе», имя его она забыла. Я, конечно, не открыв своего инкогнито, усиленно помог словоохотливой старушке и понял, что опасность для меня надвигается.

Вскоре об опасности предупредил меня Святейший Патриарх Тихон, указавший, чтобы я принимал меры к выезду из Москвы, ибо у Патриарха уже был обыск, большевики арестовали мою книгу и настойчиво требовали, чтобы Патриарх выдал мой адрес.

Меня спасли безграмотные большевистские документы, по которым не было видно, что я – епископ. Там было написано «гражданин Нестор». С этим документом я купил себе билет до Киева и уехал в сопровождении своего секретаря Н. А. О.

Разбитый железнодорожный транспорт, отсутствие порядка и дисциплины в поездах делали поездку крайне неудобной и тяжелой для пассажиров. Мирясь со всеми неудобствами и грубостями, пришлось спасаться бегством из любимой Москвы. Весь путь отравлялся обысками, проверками документов, неимоверной скученностью пассажиров и полной невозможностью покинуть свое место в разбитом вагоне.

По прибытии в г. Курск поздно вечером я отправился с вокзала к Курскому епископу Феофану и просил его разрешения пройти в Собор к чудотворной иконе Знамения Курской Божией Матери.

Эту икону Преосвященный епископ (ныне архиепископ) Феофан самоотверженно спас впоследствии при отступлении белых армий и вывез из Курска за границу. Ныне святая икона находится в русском Троицком соборе в Белграде.

Помолившись у святыни, я снова отправился на вокзал и здесь по совету русского носильщика направился в Киев чрез станции Ворожба и Коренево.

На станции Ворожба мне пришлось продолжительное время ожидать поезда. Здесь видел я те же следы революционного разгула, что и по всей России тогда: разрушенная водокачка, разбитый железнодо-

рожный путь и – холмы-могилы неповинных жертв грубой расправы «товарищей».

Бродя в ожидании поезда по поселку, я разговорился с местной жительницей, которая оказалась религиозным человеком старых добрых правил. Она со слезами рассказала мне жуткие сцены расстрела офицеров бежавшими с фронта солдатами. Особенно остановила она мое внимание на повествовании о расстреле одного офицера по имени Виталия, которого солдаты долго мучили в вагоне, потом вывели совершенно раздетого на полотно дороги и на морозе глумились над ним, а потом расстреляли, и только за то, что у него нашли в кармане документы, в которых была обозначена его немецкая фамилия. Напрасно офицер убеждал солдат, что он чисто русский человек, гвардейский офицер, предлагал навести о нем справки в лейб-драгунском полку – товарищи солдаты были неумолимы и жестоко расправились с ним.

Женщина, рассказывавшая мне, забыла фамилию этого офицера и предложила мне пойти с ней на кладбище, на его могилку, за которой она с любовью ухаживала.

Каково было мое изумление и величайшее горе, когда я прочитал на деревянном кресте краткую надпись: «Убиенный офицер Виталий Павлович Неттельгорс». Это был мой лучший друг в период моего пребывания на фронте во время войны в лейб-драгунском полку.

Убиенный Виталий Павлович был исключительно выдающимся человеком. Весь лейб-драгунский полк его искренне любил, о нем можно было говорить и слышать только одно хорошее. И вот этого-то человека озверелая, грубая, пьяная, жестокая толпа казнила. Когда убийство уже совершилось и убийцы видели, как принимал смерть со спокойствием и верою этот благородный человек, они устыдились и стали ссориться между собой, обвиняя друг друга в смерти неповинного человека.

А сколько таких безвестных жертв принесла революция в угаре разнузданной свободы и дикого варварства!

Помолился я на могиле убиенного своего друга, рассказал доброй женщине про человека, которого убили на ее глазах, и попросил добрую женщину заботиться о могилке мученика-офицера. Дождавшись поезда, я направился дальше к Киеву.

На станции Коренево, на новообразованной границе с Украиной меня ожидало новое испытание и мытарство.

Поезд наш остановился в поле, возле большого длинного сквозного барака в проволочном ограждении. Здесь происходила поверка

документов, осмотр багажа и обыск. Пассажиры встали в два длинных хвоста и подходили по очереди к комиссарам. Здесь у большинства пассажиров нервы, естественно, напрягались до крайности, так как никто и ничто не гарантировало от неожиданной расправы.

Я особенно остро переживал свое приближение к столу сыщиков, опасаясь ареста.

Один хвост людей уже подходил к концу, а тот, где стоял я, был еще очень большой.

Нервы мои не выдерживали напряженного ожидания, и я со своим спутником машинально перешел в другую очередь. Такова была, вероятно, воля Божия.

Когда мы подошли к старику, осматривающему багаж пассажиров, то он, наклонившись к моему спутнику, сказал: «Я знаю – это епископ Нестор, он жил в Москве, в доме князя Куракина, я всегда молился в церкви, где он служил, я очень его уважаю. Пусть он не разговаривает со мной, чтобы товарищи не заметили, я вас пропущу».

С суровым видом обыскав меня, старик сказал комиссарам: «Этого можно пропустить».

Меня пропустили, но отняли у меня мой молитвенник, благословение моего аввы и духовного отца, епископа Андрея с его подписью. Я с 1903 года никогда не расставался с этим молитвенником и стал настойчиво просить комиссаров отдать этот молитвенник мне обратно, как дорогой для меня и совершенно ненужный им. Комиссар просмотрел молитвенник и швырнул им в меня.

Я поблагодарил и вышел из барака на границу Украины, а дальше проехал со своим спутником на деревенской телеге верст 15 до вокзала и уже спокойно добрался 22 октября, в день праздника Казанской иконы Божией Матери, до Киева.

В это время в Киеве происходил Всеукраинский церковный собор под председательством нового Киевского митрополита Антония.

Власть на Украине принадлежала в то время гетману П. Скоропадскому.

Я со своим спутником секретарем поселился в Михайловском мужском монастыре, у гостеприимного старца архимандрита Митрофана. Великим утешением и счастьем для меня было периодически совершать богослужения и читать акафисты у мощей святой великомученицы Варвары, которую я с детских лет почитаю особенно благоговейно.

Председательствовавший на Всеукраинском соборе митрополит Антоний смотрел на собор этот как на уступку духу времени и, объединяя

украинских архипастырей, не допускал никаких отступлений от установленных Святою Церковью правил и мудро берег целость и неотделимость церкви Украины от Всероссийской Православной Церкви.

Недолго просуществовала на Украине власть гетмана Скоропадского. С отозванием из Украины немецких войск гетман должен был бежать в Германию, а Украину и Киев с боем занимали петлюровские войска, так называемые «сечевики».

Снова для Киева настали черные дни.

В Киеве еще оставались остатки белых отрядов, во главе которых стал командир «особого отряда Северной Армии» граф Келлер.

С приходом петлюровцев в городе начались снова аресты, расстрелы, конфискации домов и имущества.

Когда «сечевики» вошли уже в город и в здании городской управы происходило торжественное заседание руководителей новой власти, граф Келлер решил с остатками офицеров прорваться из Киева, чтобы соединиться с Добровольческой армией.

С предложением мне присоединиться к его отряду граф Келлер прислал в Михайловский монастырь своего адъютанта Пантелеева, кавалергарда племянника М. В. Родзянко. Я отправился с ним в штаб графа на Крещатик и, видя безнадежность его плана, стал убеждать графа Келлера не рисковать жизнью своей и офицеров, ибо из города выхода не было, так как петлюровские войска окружили Киев.

Граф все же просил его благословить, оставшись твердо при своем решении – прорываться из Киева с восьмьюдесятью офицерами.

Тяжело вынуждено благословлять на предприятие, которое рассудок ясно изображает как невыполнимое. Получив благословение, граф ушел с офицерами, а я вернулся в монастырь с чувством тяжкого гнета на душе и с опасением за участь этого отряда.

Уже в ту же ночь, в час пополуночи граф с двумя адъютантами пришел ко мне в монастырь и сказал: «Да, Владыка, вы были правы, из города прорываться нельзя. Нам всем пришлось рассеяться, и вот я с группой офицеров пришел сюда и прошу устроить нас на ночлег и покормить, так как мы все очень голодны».

Я повел графа к настоятелю монастыря, епископу Никодиму, и просил Владыку принять участие в судьбе графа и его офицеров.

Владыка приказал отвести во втором этаже братского корпуса келью из двух комнат для графа и его адъютантов, а остальных офицеров приказал разместить в другом дворе монастыря и всех немедленно накормить.

Едва успели разместиться все они на ночлег, как в монастырь стала входить батарея «сечевиков». Началась паника, так как сечевики стали выдворять из келий братию монастыря, занимая помещение под постройкой войска. Орудия расставляли в ограде обители.

Едва лишь я лег спать в эту тревожную ночь, как вдруг ко мне приходит посланный от графа Келлера адъютант и просит меня немедленно прийти к графу. Пока я одевался, адъютант рассказал мне, что пришел автомобиль с немецкими офицерами, желающими увезти графа и спасти его от неминуемой расправы петлюровцев, но что граф категорически отказывается от этих услуг немцев. Немцы в течение всего дня искали графа по Киеву и только поздно ночью узнали место, где он скрывается.

Когда я с адъютантом вышли в ограду обители, мимо нас германские офицеры почти насильно провели к автомобилю графа. Они заверяли его, что им поручено только сохранить его жизнь и вывезти благополучно из города. Но граф не соглашался на это и, увидев меня, взмолился, прося меня разъяснить немцам, что он не может уйти и оставить свой отряд на растерзание, что, если суждено, он желает погибнуть вместе со своими людьми.

Тем не менее германские офицеры довели уже графа до автомобиля и здесь накинута на него германскую шинель. Потом они попросили его снять с себя георгиевское оружие, чтобы легче было ускользнуть от осмотра петлюровских дозоров, патрулирующих по городу.

Но в ответ на это предложение граф Келлер отбилась от державших его немцев, сбросил шинель и каску и, поблагодарив германских офицеров за заботы о нем, резко повернулся обратно и пошел в обитель, а своему адъютанту приказал немедленно пойти в штаб петлюровских войск, занявших монастырь, и сообщить им, что он, граф Келлер, находится здесь, в монастырской келлии.

Этот последний поступок графа был для него роковым. Петлюровцы моментально перевели свой штаб в нижний этаж того корпуса, где поселился граф, и к его келье приставили часового.

3 декабря ст. ст. вечером граф попросил меня и моего секретаря Н. А. О., чтобы я нашел как-нибудь путь пройти к нему и чтобы мы выполнили его поручение по спасению его отрядного штабдарты.

4 декабря был праздник в монастыре в честь святой великомученицы Варвары. Митрополит Антоний поручил мне в этот день совершить крестный ход с обнесением святых мощей вокруг храма после ранней литургии.

Когда духовенство вносило гробницу с мощами обратно в церковь, то я, наученный еще в детстве своей матерью проходить под святыней, наклонил голову, сняв митру, и остался стоять на паперти, чтобы гробницу пронесли надо мной. Когда я оказался под гробницей, то священнослужители, несшие святые мощи так ударили меня гробницей по голове, что я на момент потерял сознание. Потом, придя в себя, я решил, что это какое-то серьезное мне предупреждение от святой великомученицы Варвары.

Позднюю литургию я сослужил с семью архиереями. Первенствующим среди нас был митрополит Одесский Платон. По окончании литургии я решил исполнить поручение графа Келлера и постарался пройти к нему. Без панагии на груди, под видом простого монаха с просфорой я прошел в дверь, где был расположен штаб «сечевиков» и, поднявшись на второй этаж, не обращая внимания на часовых, стоявших у келлии графа, смело открыл дверь и прошел к пленнику. Быстро благословив узников и приняв от графа пакет, я тотчас же вышел из комнаты. Стражи уже у дверей не было.

Конечно, я сразу понял, что мне грозит опасность, и был готов ко всяким неожиданностям.

Только лишь я подошел к крыльцу, чтобы выйти за ограду обители, как из комнаты штаба выбежали какие-то петлюровские офицеры и закричали на меня по-украински – на каком основании был я у графа Келлера без разрешения. Я ответил им по-украински же: «Шо це таке, яж монах, та принес святой хліб до графа, та и все».

В ответ я получил удар по затылку кулаком и пинок в спину таковой, что у меня искры из глаз посыпались, и я кубарем полетел со ступеней крыльца за ограду.

Очнувшись и встав с земли, я пошел не оглядываясь вокруг храма, думая только о том, чтобы скорее унести ноги, так как иначе меня неминуемо должны были арестовать.

Вход в корпус, где находилась моя келлия, был рядом с крыльцом штаба, но, чтобы замести следы, я не пошел прямо к себе, а обошел храм.

Через две минуты уже по всему двору монастыря бегали солдаты и кричали: «Где тот монах, що ходыв до грахва Келлера?»

Я уже успел в это время выйти со двора обители и направился в Покровский женский монастырь, созданный матерью Великого князя Николая Николаевича, игуменьей Анастасией (в мире Великой княгиней Александрой Петровной). Игуменья обители, матушка Со-

фия, ласково приняла меня и устроила вместе с моим секретарем в покоях почившей основательницы монастыря. Здесь я поселился почти на полтора месяца и был окружен большими заботами со стороны всей обители.

Первоначально я жил замкнуто и боялся обнаружить свое местопребывание, но недели через две я уже начал понемногу служить в церкви обители.

Неподалеку от моих покоев также инкогнито, скрывая свое имя, жил в скромной келлии со своей старушкой женой (урожденной Озеровой) Сергей Александрович Нилус, автор знаменитых книг «Близь есть при дверех», «Сионские протоколы» и др.

Я очень подружился с Нилусом и ежедневно часами проводил время, беседуя с ним.

У Сергея Александровича были новые труды по еврейскому вопросу, которые он предлагал издать и которые он передал на хранение кому-то в Киеве, когда ему самому пришлось экстренно выезжать из Киева в Полтавскую губернию.

Между тем графа Келлера еще некоторое время держали в заключении в том же Михайловском монастыре, а в первой половине декабря в 2 часа ночи его вместе с двумя его адъютантами повели на допрос в город и около памятника Богдану Хмельницкому, под знаменитой исторической надписью памятника: «Волим под Царя восточного Православного» – сечевики расстреляли этих доблестных рыцарей без страха и упрека, верных слуг Православного Русского Царя.

Тела их бросили на свалку, куда в большом количестве сбрасывали всех расстрелянных и убитых людей.

Утром, когда слух о расстреле графа дошел до нашей обители, была организована экспедиция на поиски тел убитого графа и его верных адъютантов. Тела были найдены и тайно привезены в Покровскую обитель, где с честью были положены в гроб, и я рано утром совершил их отпевание, похоронив в ограде обители с надписями на крестах. С личной стороны написаны были не подлинные имена убиенных, а псевдонимы⁸⁴.

В Покровской обители в те времена жила старушка Анна – прозорливая юродивая. Ее очень любили в обители и прислушивались к ее глубоким по смыслу юродивым предсказаниям.

Однажды эта юродивая Аннушка пришла ко мне и начала пророчествовать, что Иверская Божия Матерь Нестору даст место.

Как известно, впоследствии, приехав в Харбин на жительство, я сразу же получил приглашение служить в Иверском храме, где долгое время и жил.

А моему спутнику-секретарю эта юродивая необычайно ясно предсказала его ближайшую тогда участь и предостерегла от опасности. Молодой офицер царского времени, мой спутник, естественно, не мирился с революционными событиями и рвался, несмотря на опасность, к активной работе в монархических организациях.

Я его удерживал и не пускал, вполне сознавая несвоевременность тогда всяких выступлений, могущих повлечь за собой лишь гибель молодых жизней. Но молодой человек все же рвался в город на активную работу, и вот неожиданно входит к нам юродивая Аннушка, изображает хромую и говорит моему секретарю: «Лучше ногу потерять, чем голу».

И что же, через самое краткое время в этот же день у Н. А. О. разболелась дотоле совершенно здоровая нога, распухла, воспалилась. Ему пришлось слечь в постель на несколько дней, положить ногу в лубки и не иметь возможности в течение ряда дней выходить в город. А то бы не сносить ему в те дни головы.

Между тем гнет власти в Киеве все усиливался. Прервано было и нормальное течение церковной жизни.

Вскоре после захвата власти в Киеве петлюровцами наряд сечеви-ков явился в Киево-Печерскую лавру к митрополиту Антонию и арестовал его.

Посадив Владыку в грузовой автомобиль под звон лаврских колоколов, в присутствии многочисленной толпы народа, Владыку Антония увезли из Лавры и заточили в униатском монастыре в г. Бучаче. Вместе с митрополитом Антонием там заточено было еще три архиерея⁸⁵, архимандрит Виталий (ныне архиепископ в Северной Америке) и верный послушник митрополита Антония Феодор Мельник, нынешний архимандрит Феодосий, тогда молодой фейерверкер, бывший начальником охраны митрополита в Лавре.

В этом заточении, продолжавшемся восемь месяцев, митрополит Антоний написал многие свои творения, в которых обращался со словом утешения ко всему русскому народу в эти страшные годы.

Только занятие Киева и всего юга России Добровольческой армией принесло 7 сентября 1919 года освобождение митрополиту Антонию.

Еще ранее этого времени, весной 1919 года покинул я взволнованный, мятущийся Киев, пробыл некоторое время в Одессе, потом в Кры-

му, где жил в Ялте и часто гостил, совершая богослужение во дворце «Чаир» у Великого князя Николая Николаевича, посещал также дворец «Харакса» Государыни Императрицы Марии Феодоровны, а потом, стремясь к родной, Богом мне порученной Камчатке, направился в далекий путь на Дальний Восток. Но Господь судил мне в этом пути не возвращение на Камчатку, а долгие годы работы в Харбине на поприще благотворительности, и этой Божией воле я подчинился.

А древний, святой, великий Киев горел в страшном пламени мятежей и волнений. В октябре 1919 года он был занят большевиками, и древняя священная колыбель России погрузилась в тот беспросветный темный мрак, который вот уже восемнадцать лет окутывает нашу родину.

Длится, бесконечно долго длится полночь России, ее страшный кровавый кошмар.

И только надежда на милость Божию, вера в силу молитв бесчисленных мучеников и подвижников Российских дает нам силы жить в это страшное время и ждать светлого часа освобождения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

ВОЗЗВАНИЕ

Чтобы Камчатская область не была забыта, заброшена Россией, чтобы она не была одинока и беспомощна в своей внутренней тяжелой жизни, чтобы на краю русской земли не раздавались упреки о русской христианской бессердечности, да будет у Камчатки свой попечитель – святое Православное братство.

Но мы должны еще в кратких словах выразить нужду Камчатской области.

Камчатская область нуждается в даровании тех же средств, какими три века просвещалось и покорялась Сибирь, т. е. в умножении храмов, приходов, походных миссий, школ с ремесленными, слесарными, столярными отделениями и с общежитиями для детей бродячих инородцев. Является нужда в больницах, в благоустройстве лепрозорных колоний для несчастных мучеников прокаженных, – вот, каков должен быть труд камчатских братчиков. Конечно, нужна для дикарей туземцев и вообще камчадалов точка опоры в нравственной, трудолюбивой, богоугодной христианской жизни, нужна молитвенная купель для православного просвещения всей области, нужна духовная лечебница – мирная, святая иноческая обитель. Пусть же устроится, по благословию нашего благостного архипастыря Владыки Евсевия – печальника о благоустройстве Камчатки, на самом краю русского севера Камчатская Спаская Братская обитель, как бы залог христианского торжества и света над сидящими в стране и сени смертной.

Если громче, убедительнее кликнуть клич по святой Руси, то найдутся смиренные добрые люди, ищущие иноческого подвига, жаждущие и равноапостольной, миссионерской службы Богу и ближним, и будут эти люди просвещать дикий необработанный край светом Божественного Евангелия и орошать неприветливую землю молитвенными слезами, а Бог поможет им в их полезных трудах.

Дорогие Братия!

Так я дерзаю назвать решительно всех вас, православных русских людей, без различия звания, состояния, пола и возраста, как братьев или братчиков отдаленной Русской Камчатской окраины. Итак: Братья! Позвольте же больше не сомневаться в том, что уже коснулась Вашего сердца леденящая даже душу совокупность бед и печалей многострадальной земли забвенной. Если все вы верите, любите и жалеете Камчатку, если не желаете, чтобы Русское Охотское море и весь Тихий океан, в котором нашли себе вечное упокоение многие русские самоотверженные воины, было подчинено Желтому Востоку, то вы, хотя ради этих самоотверженных подвигов своих братий, отстаивавших Русское море за Россией, даже до мученической смерти, – ради их, вы все должны прочно водворить русское братство в Камчатке, представляющей собою передовой оплот против коварного языческого Востока и тем выдворить иностранное своевольное хищное лукавое братство, обращающее Камчатку в рабство.

Поспешим же всею братскою семьею самоотверженно порадеть словом и делом о сохранении и благополучии нашей Камчатки и ее обитателей! Покров для нас – братское знамя Нерукотворенного образа Всемилостивого Спаса. Надежда у нас на небесное предстательство принопамятных православных просветителей Сибири и Камчатки.

Источником благодатного воодушевления да послужит нам обращенный к каждому рабу Божию великой завет Христов: «Изыди на пути и халуги и убеди внити, да наполнится Дом Мой» (Лк 14: 23).

А защита наша, утешение и радование – Нареченный Высочайший Покровитель Камчатского братства Наследник Цесаревич и Великий князь Алексей Николаевич.

О, поистине ныне всеблагой Промысл Божий совершается над забытой Камчаткой! Из далекой убогой Камчатки, из могильной тьмы земли забвенной, из закоптелых подземных юрт Благоверный государь Император и Благочестивые Государыни Императрицы милостивейше благоизволили отечески и матерински принять и обласкать в светлых царских чертогах мое недостойнство. Благоверная Великая княгиня Елисавета Феодоровна ласково принимает меня в своей святой Обители Милосердия и благословляет образом Всемилостивого Спаса и Ангела Хранителя, ободряет меня на дальнейшие труды ради Камчатки. Царское сочувствие и пожелание успеха нашей далекой окраине, Братству и Миссии Их Величества в первый пасхальный день с. г. выразили сердечную телеграммой нашему достойному благостному Владыке Евсевию, устройтелю нынешнего Братства Камчатского.

В незабвенные для меня дни, 5 и 9 апреля с. г. из милостивых, ласковых, отеческих расспросов Их Величествами меня о миссионерской, церковной и общественной жизни Камчатской и Дальневосточной окраины – я понял, что в моем лице Их Величества благоизволили принять не одну Камчатскую миссию и область, но и всю Владивостокскую епархию и Приморскую область, а посему все мы, отцы и братие, дружным гимном прославим нашего благоверного Царя-Батюшку и весь Царствующий Дом, «Боже, Царя храни!»

СЛОВО КО ВСЕМУ КАЗАЧЕСТВУ

Дорогие о Христе Братья, славные казаки.

С верою в промысл Божий я принял призыв походного атамана всех казачьих войск генерала Дутова и Войскового атамана Сибирского казачьего войска генерала Иванова-Ринова, а также других войсковых атаманов к усиленной работе в духовном строительстве жизни всего славного казачества, поднявшегося сейчас для решительной борьбы с большевиками – жестокими врагами нашей Веры и Государства.

Братья-казаки.

К вам обращаю мое настоящее слово.

Большевики стремятся сейчас в пределы вашей родной земли, чтобы отнять вашу землю, все ваши уголья, которыми казачество справедливо владели, как драгоценным наследием своих дедов, приобретших его первоначально своею честью и кровью.

Братья-казаки.

Большевики-сатанисты глумятся, кощунствуют над православной верой и Церковью. Они разрушают святые храмы Божии, построенные по всему миру обширной Руси трудами и заботой наших благочестивых предков.

Большевики пытаются, расстреливают священнослужителей, которые смело и честно восстают на защиту церкви и верующего народа. Расстреляно более двадцати епископов, десятки тысяч священников, монашествующих и верующих мирян за ревностное исповедание Веры в Бога.

Кровожадные, развратные большевики при завоевании жилых местностей насилуют старых и молодых женщин и девушек, заражая их гнилыми болезнями, а потом бросают и избивают эти опозоренные и невинные жертвы.

Братья-казаки.

Вы видите десятки тысяч людей, городских, сельских и деревенских обывателей, бегущих к вам под вашу верную защиту.

Бегут старые и молодые, оставляя свои дома, свое хозяйство, бросая свой домашний скот, родные пашни все свое имущество. Бегут за сотни и тысячи верст. Ведь никто не побежит от хорошей жизни, от хороших людей.

Братья-казаки.

К вам несутся сейчас мольбы о скорейшем избавлении русских братьев, обезоруженных и связанных по рукам голодом, чрезвычайками и красным террором.

К вам, воины-казаки, устремляются изможденные, скорбные лица, простираются исхудалые, костлявые ручки десятков тысяч детей и женщин, питающихся кониной, собачиной и крохами объедков, выбрасываемых на улицу со столов «Народных комиссаров».

К вам, братья-казаки, несутся стоны и вопли из тюрем и заточений советской России, где пытаются, казнят и расстреливают ни в чем не повинных русских людей – мужчин, женщин и детей всякого звания.

Братья-казаки.

Не эта ли тяжелая действительность жестокого кровавого владычества большевиков в родном нам Отечестве побудила всех вас, славных и честных казаков, старых и молодых, подняться и стать на защиту Веры и правды, совести и порядка.

Справедливо вы все сознали грозу и грядущую опасность целостности вашей ВЕРЫ, вашей РОДИНЫ, ваших РОДНЫХ СТАНИЦ, вашей ЛЮБИМОЙ СЕМЬИ и сознали даже невозможность дальнейшего мирного существования вашего на родной земле-кормилице при нашествии красных извергов-большевиков.

Это честное сознание подвигло вас с молитвой и крестом в сердце, с пикой и винтовкой в руках сесть на верного быстрого коня и бодро выступить на поле брани.

Бог вам в помощь.

Братья-казаки.

Честь и слава вам, что, как встарь, вы идете на врага не только за свое благополучие, но и за ВЕРУ и благополучие всего русского народа, плененного большевиками.

Уже не в первый раз сплошной стеной встало казачество на защиту поруганной Руси.

Еще в XIV веке во времена освобождения от ига нечестивых, вы, казаки, поднеся икону Божией Матери князю Дмитрию Иоанновичу, именуемую с тех пор Донской, своей помощью княжескому войску решили исход Куликовской битвы и вопрос: быть или не быть Руси. Славой наполнена дальнейшая история казаков, слившихся в могучее казачество в XVII веке. Тому примером служит взятие Казани. С тех пор вы не только строго охраняли границы России, но примерной отвагой своей и удалью казацкой расширили границы нашего Государства, умножая его владения.

Беспримерное в истории по героизму завоевание Сибири вашим первым Сибирским атаманом Василием Тимофеевичем Ермаком навсегда закрепило ее за Россией.

1613-й год – тяжкая година.

Недаром назвал народ этот год «лихолетьем».

Голод, мор, разбой, внутренние распри, безначалие в государстве, иноземное нашествие в Москву, надругательства над верой, борьба за власть – вот те причины, которые, казалось, навсегда погубили Святую Русь и отдали ее на расхищение чужеземцам.

Но нет. По зову Патриарха Гермогена и под влиянием переживаемых несчастий и разорения обманутый смутьянами русский народ встает под водительством князя Пожарского на защиту Москвы.

Казачество поддержало это движение. В освобожденной Москве был созван Земский Собор¹. Вы, казаки, приняли участие в нем, оказав решительное влияние в прекращении споров и распрей. С того времени Россия вновь стала единой, могучей и сбросила с себя чужеземные влияния.

Далее беспримерной доблестью вашей отличается взятие у турок Азова и героическая защита его².

Вы приняли участие во всех дальнейших войнах, увенчав новой славой свои знамена.

С Петра Великого вы участвовали в упрочении власти на Дальнем Востоке, в Туркестане, на Кавказе, всюду вводя порядок и государственное строительство на основе Православной веры.

1812-й год – нашествие двенадцати языков в Россию, полонение Москвы – опять поднял казачество.

Всесветные победители – французы бежали из России, будучи сломлены Русской армией и казаками. Тысяча восемьсот двенадцатый год познакомил Европу с казаками и с тех пор навсегда заставил каждого европейца трепетать перед словом «казак» и перед силой казачества.

Отечественная война 77-78 годов и последняя Германская, когда все станицы сделали наибольшее напряжение сил, послав всех казаков и все, что могли, в помощь им на фронты, – отличаются рядом блестящих побед.

Не вина казаков, до последней минуты державшихся на брошенном «товарищами» фронте и вернувшихся с честью и оружием в руках в родные станицы, что победа у России сорвана.

История знает виновников. Главный из них большевики, которыми Россия доведена до состояния, когда вновь приходится задать вопрос: «Быть ей или не быть?».

Братья-казаки.

«Быть!»

Ибо ваша история блещет славой, ибо казаки всегда были носителями порядка и никогда разрушителями, ибо ваши прадеды, деды и отцы научили весь мир уважать себя и бояться.

Знайте, казаки, что и теперь вас боятся все враги, и это есть высокая боевая честь всего казачества, не знающего позора поражения.

Братья-казаки.

Еще скована святая Русь цепями красных разбойников – кровавых убийц.

Разрубите же смелой рукой, рассеките казацкой шашкой эти цепи и освободите Святую Русь от большевистского ига.

Не останавливайтесь на полпути. Ваш воинский порыв стремления на фронт воодушевил беженцев, православных и старообрядцев, объединил их подвиг сомкнуться в плотные дружины и стать на защиту Веры и Отечества под знамя Святого Креста, а честных мусульман под зеленое знамя полумесяца³.

Все здоровые силы сознательно, с взаимным уважением и доверием друг к другу, даже без мысли о религиозных разделениях собираются в великую Народную Армию и, воодушевляемые вами, славные казаки, идут на врага.

Да будет имя ваше, имя РУССКОГО КАЗАЧЕСТВА, покрыто ореолом новой славы в истории, когда вы, при помощи Божией спасете и освободите Россию с белокаменной Москвой и ее древними русскими святынями от большевиков-иноплеменников и от русских наемников.

Господь Бог и крестная сила вам в помощь.

Взбранная Воевода⁴ Матерь Божия и Воинство Небесное да сопутствуют вам в победах над врагом.

4/17 сентября 1919 г.

**СЛОВО НА МОЛЕБНЕ
ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ГОРОДЕ ВЛАДИВОСТОКЕ
25 ИЮНЯ 1921 ГОДА**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Сегодня мы совершаем благодарственную молитву Господу Богу, по окончании работ Съезда.

Если членами Съезда в силу политического разномыслия не было достигнуто единство в искании правды, если даже расхождение во взглядах иногда выражалось слишком горячо и резко, то сейчас во время общей молитвы должно быть достигнуто между всеми полное единение во имя Христа. Все мы должны едиными усты и единым сердцем слиться в молитве к Богу. Через молитву мы можем и должны достичь того, чтобы истина была единая и чтобы правда через нас распространялась любовью, а не злом. «Гнев бо мужа правды Божией не соделывает»⁵, так утверждает апостол Иаков. В настоящее время мы обязаны прекратить распри, обязаны достичь полного умиротворения всех верных сынов России, должны выявить чистый, сильный патриотизм и должны делать свое прямое дело укрепления освобожденного от врагов края и спасения гибнущих братьев наших в России, полоненной сатанистами. Нигде, как здесь, никогда, как в данное время, нам вспоминается один поучительный случай из давнего прошлого. В Кесарийском цирке происходило народное увеселение⁶. Все жители Кесарии собрались на него. Нарядные толпы, блеск, пышность, веселый шум и громкие рукоплескания свидетельствовали о беспечности и веселии народа.

Вдруг в самый разгар веселия неожиданно для всех на арену цирка вышел человек по имени Гордий, одетый в рубище, худой, изможденный, бледный, – скорее, это была тень человека.

Гордий обратился к народу со словами о Христе, о Любви Христовой, о человеколюбии, о страдании гонимых несчастных, о бедных и голодных, сущих всюду за стенами цирка. Первоначально с затаенным дыханием все вслушивались в эти правдивые слова носителя и свидетеля людской нищеты и горя, но появившиеся на арене цирка колесницы, топот лошадей и гул людей заглушили речь, полную действительной правды. Народ в своем настроении разбился на две группы. В одной, меньшей количеством, оказались добрые сердца, которые про-

никлись чувством расположения к Гордию и были готовы слушать его и следовать за ним; но большинство беспечных зрителей озлобились за нарушение их веселия, их личного покоя. Что им до страдания ближних! Что им до учения Христова! В ярости и гнев растерзали они непокорного праведника, и тогда уже никто не мешал им беспечно веселиться, пока гнев Божий не вразумил их.

И вот вновь, подобно многострадальному Гордию, стоит пред нами истерзанная, умирающая Мать-Родина, а мы, как кесарийцы, обладатели спокойствия, благополучия и даже беспечного веселия, имеем уют, тепло, одежду и всегда краюху хлеба. И ныне к нам, и только к нам, как к доброй части кесарийцев, устремлены взоры родных нам русских страдальцев. Мы не можем закрыть глаза и не видеть, как на русской земле, полоненной врагами, растет и высится многомиллионная пирамида человеческих тел, замученных, убитых, умерших от голода и эпидемий. Гонимые, лишенные домашнего очага и хотя бы сносного питания матери рожают там полуживых детей, похожих на багровые куски мяса, без признаков ногтей и костей. Эти матери не могут питать, не в силах дать жизнь своим несчастным малюткам – ведь это начало вырождения!

Смотрите: со всей голодающей России комиссарами свезены дети в особый питомник в Самарскую губернию. Боже, как жалки несчастные эти невинные страдальцы-деточки. Потух их ласковый детский взор, искажены от голода их лица, одетые в намордники, эти дети больны еще не виданной болезнью на почве голода и нервного расстройства: они бросаются и кусают окружающих.

Из-за решеток тюрем и подвалов устремлены к нам тысячи глаз томящихся, скованных, ни в чем не повинных узников: мужчин, женщин и даже детей, служителей церкви и мирян. Эти люди приговорены к смерти и ждут от нас спасения.

Люди ума, знаний и искусства, даже сильные волей, не выдерживают ужасов жизни и гибнут, а многие из них, не вынося страданий медленной смерти, кончают жизнь самоубийством.

Хотя в Православной Руси сатанистами поруган Христос, поруганы святыни, но верующий многострадальный народ горячо молится Богу, и в этой молитве теплится надежда его на скорое избавление от антихристианского ига.

Ни на минуту мы не имеем права забывать об этих ужасах, господствующих на нашей Родине. С верой в Бога и в наше правое дело мы

обязаны работать напряженно и не покладая рук для создания единства в святом деле освобождения Родины.

Священный долг обязывает нас принести в жертву этому делу все, чем мы одарены от Бога: несите Веру, разум, чистую совесть, силу и все свои материальные достатки. Помогите в борьбе нашему Христоролюбивому Воинству, душу свою полагающему за гибнущий народ.

Только в единении между собой вы сбережете русское воинство, а с ним и край, освобожденный от врага. Только в полном единении мы достигнем нашей цели – освобождения Родины.

Бог в помощь всем вам. Аминь.

КОНЧИНА МИТРОПОЛИТА ЕВСЕВИЯ КРУТИЦКОГО, НАМЕСТНИКА ВСЕРОССИЙСКОГО ПАТРИАРХА

В Харбине и во Владивостоке получен ряд писем, извещающих о кончине бывшего Владивостокского архипастыря митрополита Евсевия.

Доброе имя покойного Владыки хорошо известно всему Дальнему Востоку. Владыка Евсевий скончался шестидесяти лет. Большую половину своей жизни митрополит Евсевий посвятил служению Церкви в Сибири и на Дальнем Востоке.

Сын бедного Тульского сельского дьячка, в мире Евгений Никольский, покойный с малых лет видел тяжелую материальную нужду и еще ребенком начал трудовую жизнь.

Владыка Митрополит многократно делился со мною воспоминаниями о своем детстве и рассказывал мне, как он служил пастухом в родном селе, чтобы облегчить тяжелую жизнь семьи своего отца. С ранних лет мальчик имел горячее желание учиться, бедность же препятствовала этому, и ребенок горячо просил Бога прийти на помощь его желанию. Господь услышал детскую молитву, исполнил искреннее желание верующего мальчика и своими неисповедимыми путями послал ему помощь в лице добрых, состоятельных людей. Они помогли ему окончить курс Тульской духовной семинарии, после которой покойный получил и высшее духовное образование, окончив в 1885 году курс в Московской духовной академии. По окончании Академии покойный занялся духовно-педагогической деятельностью в Могилевском духовном училище. В 1893 году Евгений Никольский был пострижен архиепископом Могилевским Евсеем в монашество и наречен Евсеем. В том же году отец Евсевий был возведен в сан архимандрита и назначен ректором Иркутской духовной семинарии, куда и выехал на лошадях, т. к. в то время еще не было железнодорожного пути. Вскоре, 30 ноября 1896 года, в Иркутске архимандрит Евсевий был возведен в сан епископа, викария Иркутской епархии. Уже в следующем году Владыка был назначен самостоятельным епископом Благовещенским, Курильским и Камчатским.

В 1899 году по определению Святейшего Синода Владыка Евсевий был командирован из гор. Благовещенска во Владивосток для основания Владивостокской епархии, где и святительствовал в продолжении 20 лет.

В 1906 году он был возведен в сан архиепископа.

Под его святительским руководством зародилась духовная жизнь Приморья и Уссурийского края. Край, до Владыки Евсевия почти не

имевший святых храмов, за его архипастырство на Дальнем Востоке, обогатился мужским монастырем – Свято-Троицкой Николаевской обителью, являющейся духовным и культурно-просветительным рассадником, прославленным народной молвою, – «Дальневосточной Лаврой».

Женский Богородицкий монастырь, находящийся близ г. Никольска-Уссурийского, и свыше ста церквей, построенных и лично освященных Владыкой, были созданы его заботой. Таким образом духовная и церковная жизнь этого обширного края зародилась и развивалась до современных размеров всецело под благословением и руководством приснопамятного Владыки Евсевия. Обширность епархии, большие церковные задачи и нужды ее подвигли Владыку Евсевия создать две епископские миссионерские кафедры: первая с 1912 года – викариатство Никольск-Уссурийское (для корейцев), вторая с 1916 года – полусамостоятельное викариатство на Камчатке (для камчатских инородцев).

Покойный Владыка многократно посещал самые отдаленные окраины своей обширной епархии. Даже при современных ему затруднениях в способах передвижения Владыка был по два раза на о. Сахалине и на Камчатке.

В личной жизни Владыка отличался необыкновенной простотой и доступностью. Имея доброе любвеобильное сердце и пережив тяжелое детство, Владыка на всю свою жизнь сохранил чуткость к страданиям людей и, как никто, умел врачевать их.

Особенной его любовью пользовались дети, сироты и бедняки, которых Владыка собирал вокруг себя, заботился о них, воспитывал и на каждого питомца ежемесячно отделял определенную сумму денег и вносил ее на имя питомца в банк. Когда мальчик достигал самостоятельного возраста и уезжал от Владыки, то получал от него значительную материальную поддержку.

Никогда не действуя на детей страхом, но всегда добротой и лаской, Владыка еще с первых дней своей педагогической деятельности всегда завоевывал себе симпатии детей и их любовь.

Этими же качествами Владыка заслужил глубокое уважение взрослой части всех слоев населения края. К своим подчиненным пастырям относился исключительно сердечно, а всякие затруднения их пастырской жизни и службы разрешал отечески просто и всегда стремился на враждующих действовать примиряюще.

Церковно-общественная деятельность и жизнь Владыки Евсевия на Дальнем Востоке не прошла бесследно, но запечатлелась взаимной любовью и доброй памятью о нем среди населения.

В 1913 году архиепископ Евсевий был вызван для присутствия в Святейшем Синоде, участвовал в прославлении святых мощей Святейшего Патриарха Гермогена и в церковных торжествах в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых.

В 1917 году Владыка Евсевий принимал участие в деяниях Всероссийского Церковного Собора.

Будучи назначен в Священный Синод при Святейшем Патриархе в 1918 году, Владыка вторично выехал в Москву, где и находился до своей кончины.

В 1920 году Святейший Патриарх Тихон избрал архиепископа Евсевия своим заместителем, и Владыка был возведен в сан митрополита с титулом митрополита Крутицкого.

Покойный Митрополит принял это назначение с условием, как временное, ибо все его помыслы были обращены в родную его любимую Владивостокскую епархию, о чем почти в каждом письме он писал к близким друзьям.

18 января по православному стилю митрополит Евсевий скоропостижно скончался от грудной жабы. За сутки до кончины Владыка совершал литургию и еще за несколько часов перед смертью пребывал в бодром и радостном настроении и ласково беседовал с окружающими. В два с половиной часа ночи на 18 января Владыка почувствовал себя плохо, приобщился Святых Таин и тихо, мирно отошел в вечную жизнь.

Заупокойную литургию и отпевание совершил Святейший Патриарх Тихон со всеми пребывающими в Москве архипастырями в храме Христа Спасителя.

Перенесение тела почившего митрополита Евсевия при огромном стечении народа и погребение совершено в Новодевичьем монастыре близ храма на северной его стороне.

Скорбит владивостокская паства, что больше не увидит своего любимого, дорогого архипастыря и отца, для многих это тяжелая утрата, но будем непрестанно молитвенно помнить нашего доброго святителя.

Архиерейство Его да помянет Господь Бог во Царствии Своем.

Осиротели мы, но верим, что теперь еще с большим дерзновением Владыка Евсевий будет предстательствовать перед Богом за Дальний Восток и за любимую им паству, да оградит Господь Бог его молитвами этот край от тех ужасов и бедствий, кои постигли всю Россию и кои сам Владыка был очевидцем в Москве и за свое пребывание там перенес много невзгод и стеснений от большевиков.

Да будет вечный покой душе его в Боге.

ПОСЛАНИЕ К ПАСТВЕ В СВЯЗИ С ОТКРЫТИЕМ КАФЕДРЫ ВИКАРНОГО ЕПИСКОПА В КАМЧАТСКОЙ ЕПАРХИИ

Божиею Милостию Смиренный Нестор, Епископ Камчатский и Петропавловский, возлюбленной о Господе вверенной моему духовному водительству Камчатской пастве – мир вам и Божие благословение да пребудет на всех вас.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, Российское Заграничное Высшее Церковное Управление, внемля голосу в августе месяце ст. ст. сего года Дальневосточного Епископского совещания, образовало 31 августа – 13 сентября сего, 1922, года самостоятельную Камчатскую епархию, с включением в состав Камчатской епархии Охотского уезда, в государственно-административном отношении входящего в состав Камчатской области. Таким образом давнишнее желание насельников Камчатской области, выраженное еще в наказе членам от Камчатки Всероссийского Церковного Собора, в 1917 году по милости Божией осуществилось.

Духовная наша радость усугубляется еще тем, что в Камчатской епархии учреждено викариатство Охотское, на каковую кафедру хиротонисан Преосвященным Приморским Михаилом и моим недостойнством епископ Даниил.

Преосвященного Даниила (протоиерея Шерстенникова) знает вся Камчатская паства, ибо он потрудился на Камчатке около шести лет, еще в сане протоиерея. Едва ли нужно много говорить Вам о строго пастырской и подвижнической жизни Преосвященного Даниила. Вы все хорошо его знаете. Я же свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас (Кол 4:13) и является к вам, как и прежде, пастырем добрым, служащим для всех правилом веры и учителем воздержания и благочестия.

В настоящее тяжелое время духовного и нравственного развала в православном русском народе, некогда Богоносце, такой стойкий, твердый в вере и благочестии архипастырь дорог и желанный для Камчатки, ибо и на Камчатке местное население хотя и добродушное и богобоязненное, но ныне тоже подвергается всякого рода искушениям и вредным, новым учениям, видит и даже воспринимает доверчиво от пришлых людей соблазны и разврат. Пусть же Преосвященный Даниил твердо и неуклонно от канонов церковных, но и с любовью проповедует слово Божие, настоит вовремя и не вовремя обличить, запретить, увещевает со всяким долготерпением и увещанием⁷ благовествует вам

спасение, мир и любовь и утверждает всю камчатскую паству в вере и благочестии. А через проповедь о Христе и через святое крещение приводит к православной вере и иные овцы я же не суть от двора Христовой Церкви⁸, пребывающие доныне в тьме язычества.

Примите же, братие мои, грядущего к вам с отеческой любовью викария и собрата, Нашего сороботника на ниве Христовой, а Вашего нового архипастыря, епископа Охотского Даниила.

Возлюбленные мои, пастыри Камчатской церкви, молю вас: будьте законопослушны и преданы своему долгу.

Вы же, познавшие спасительную веру Христову, верные чада Православной Церкви, в жизни нашей будьте примером по заповедям Господним для неверующих еще в Бога язычников, духовно темных, но все же добрых и кротких детей природы. Храните в себе и соблюдайте твердо и неуклонно святые предания учения Церкви и добрые, православно русские обычаи, благое наследие наших православных отцов и дедов, каковые я с любовью наблюдал в прежние годы в нашей церковной общественной и семейной жизни, как-то: послушание пастырю, исполнение старорусских, благословенных обычаев: при рождении младенцев, при крещении, бракосочетании и погребении, при поминовении душ усопших, при исповеди и причащении, в церковные праздники и при семейных торжествах и, наконец, в ваших домашних и хозяйственных трудах.

Учите и наставляйте детей ваших в любви к Богу и ближним, в послушании пастырям церкви, наставникам и родителям.

Наконец, братие мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель, похвала, о том помышляйте (Флп 4:8).

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте и наш дух и душа и тело во всей целостности да сохраняются без порока в пришествие Господа Нашего Иисуса Христа (1 Фес 5:23).

Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят во истине (3 Ин 1:4).

О себе скажу вам, братия мои, благодатию Божиею я есмь еже есмь (1 Кор 15:10).

Вас же попрошу подкрепить мои немощи молитвой да поможет Господь Бог мне вашими молитвами выполнить ту великую миссию, которую возложил на меня Земский Собор⁹, единогласным избранием и посадничеством меня в Европу и к Вселенским Патриархам.

Да будет Христос посреде нас всегда, ныне и во веки веков.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь моя будет со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ ТИХОН МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

«Он есть человек, посланный от Бога Православному Русскому народу в годину испытаний, гонений на Веру и Церковь». Такой безусловно верный взгляд высказал с глубоким благоговением блаженный Патриарх Фотий в беседе со мною в 1919 году в Александрии, когда разговор коснулся положения Русской Православной Церкви и Святейшего Патриарха Тихона. А что скажу я о почившем Патриархе, которого знал лично.

Святейший Патриарх – человек, который пламенно горел горячей верой в Бога, это человек, который имел чистое сердце, полное любви и сострадания к ближнему, который со злом боролся не посредством зла, а кротостью препобеждал дикую злобу варваров.

Святейший Патриарх Тихон – это человек, многострадальная душа которого никогда не изменила Богу, Церкви и Правде. Это человек, который с полной покорностью и со смирением принял благовестие об избрании его на мученичество, на пост Святейшего Патриарха всея Руси, когда Русь была в разгаре смут. Святейший Патриарх Тихон – это человек, который не дрогнул своей душой, когда проходил страшный и мученический путь своей Голгофы, путь темницы, пыток и глумления.

Это человек, который ни на йоту не уступил и не сделал никаких послаблений в православных вселенских церковных правилах и установлениях, когда неоднократно восставал на него Синод¹⁰ архиереев – изменников Православной Церкви и фарисеев клеветников.

Святейший Патриарх Тихон – это человек, который, будучи оклеветан врагами Церкви Христовой, остался чистым и благороднейшим до конца своей многострадальной жизни, это человек, который страдал, скорбел и оплакивал мучения Церкви, гибель Родины и глубочайшее нравственное падение русского человека.

Святейший Патриарх Тихон – это человек, который стяжал себе вечную славу, вечную память и вечную любовь всей благороднейшей, лучшей части человечества.

Благоговейно склонимся перед его светлой памятью, вознесем горячие молитвы в день его страдальческой кончины и прославим его святейшее имя и подвиги.

ПАСХА НА ВОСТОКЕ

Пасху 1919 года я встречал в Константинополе.

Константинополь... Как много мыслей и чувств пробуждается в нашем уме при этом слове. Константинополь, Византия, Царьград, город святого Константина и Елены, Юстиниана и Феодоры, город Вселенских Соборов и святых отцов. С глубочайшим трепетом благоговения смотрел я на этот город в тяжелые дни нашего национального позора и несчастья. К нему в продолжение веков стремились сладостнейшие мечты лучших сынов России. С самых дней Вещего Олега, как зачарованный царственной красотой города, не отрывал своих взоров от Царьграда русский народ. И вот, в темные годы нашего рассеяния мне привелось посетить это место заветных чаяний и мечтаний наших отцов и дедов.

Была Пасха... На улицах царило оживление. Повсюду пестрели лотки с крашеными яйцами, с пасхальными хлебами, с цветами и лакомствами; сновали юркие греки и армяне, бойко выкрикивая похвалы своим товарам. Темная южная ночь быстро спускалась над городом. Прохладный ветер повеял с севера, как бы неся привет с далекой Родины, и сердце сладко забилося тем самым особенным предпасхальным трепетом, который так понятен всякому русскому человеку. В двенадцать часов зазвонили колокола многочисленных греческих церквей, возвещающая каждой христианской душе радость Светлого Христова Воскресения, а нам, бедным изгнанникам, еще раз больно-больно напомнил дорогую оставленную родину и ликующую торжественную радость там, на ее лоне.

Я совершал пасхальную утреню в русской посольской церкви вместе с архиепископом Анастасием Кишиневским, и, как всегда, великая светлая радость праздника заставила меня забыть все печальное, земное, преходящее. На следующий день было назначено в четыре часа дня богослужение на Фанаре¹¹, в месте пребывания митрополита Николая, Заместителя Константинопольского Патриарха в то время. На это богослужение были приглашены и мы, т. е. архиепископ Анастасий и я. За отсутствием облачения я принужден был только присутствовать на этой пасхальной вечерне, не имея возможности принять участие в богослужении. Архиепископ же Анастасий сослужил митрополиту Николаю и греческим епископам. На вечерне присутствовали и представители многих других христианских исповеданий. Они даже приняли участие в богослужении, читая каждый на своем языке

ке Евангелие в присущих их сану церковных одеяниях. По окончании богослужения мы обошли Фанар, это место, где пять веков тому назад нашли себе приют несчастные, обездоленные греки после страшного падения царственной Византии. Особенный смысл и интерес придавало наше собственное положение всем этим историческим воспоминаниям.

На другой день мы посетили мечеть Ая-София¹². Не правда ли, какой болью, какой горькой иронией звучит это слово! То творение, которое знаменовало собой высочайшее, могущественнейшее напряжение христианского чувства в период наибольшего расцвета христианской мысли и искусства, – сделалось по воле Божией вот уже пять веков тому назад храмом чуждой религии, а ныне пустует холодной мертвящей пустотой, как «памятник искусства». Каким пламенным вдохновением и восторгом горели некогда слова святого блаженного Юстиниана, творца этого величайшего творения христианского зодчества, воскликнувшего: «Я победил тебя, Соломон!» Все лучшее, что было в древнеримской империи, в этот период вторичного ее расцвета, соединилось для создания величественного прекрасного храма Божия. Из Нумидии, Фригии, Греции и Египта свозился мрамор и порфир. Лучшие творения античной древности и самые изумительные, самые роскошные художественные и архитектурные фантазии Востока свозились сюда по повелению императора Юстиниана. Постройка святой Софии знаменовала собой высший расцвет Византийского искусства, и потому так больно сжималось наше сердце, когда мы видели пустые беленые стены храма и только пытались проникнуть умственным взором под слой известки, которая в некоторых местах пропускала смутные очертания скрытых под ней сокровищ красоты. Както особенно отраднo было видеть эти местами явственные очертания святых ликов, пробивавшихся чрез закраску и сквозь века светивших нам своей лучезарной красотой. А там, в самой глубине купола, таинственным мистическим сиянием блистает Божественное Всевидящее Око, как будто строго следя за каждым движением, за каждой мыслью человека. Этот древний глубокий символ не осмелились закрасить и мусульмане победители. Так, несмотря на осквернение святого места, святая София наполняет сердце невыразимым трепетным религиозным чувством и восторгом пред ее неземной красотой. Этот высокий, в самое небо ушедший купол как будто не покоится на стенах, а с самых небес спускается над храмом. Чувствуется громадная, сквозь толщину веков проходящая пламенная религиозная напряженность строите-

лей и глубочайшее вдохновение их. Как при чтении святоотеческих книг нас часто охватывает совершенно особенное благоговейное чувство, нам становится понятным учение Церкви о боговдохновенности творений святоотеческих, так невольно начинает казаться и в храме Святой Софии, что это создание не людей, а Божества. С особенным умилением долго стояли мы перед той знаменитой стеной, куда, по преданию скрылся священник со Святыми Дарами в момент взятия турками собора. Хотелось проникнуть духовным взором в глубины этих стен и пламенной молитвой вызвать из глубины веков чудесное видение. Но, видно, не пробил час, не пришел момент осуществления древней мечты, ибо, к позору наших дней, и по занятии Константинополя войсками христиан в минувшую германскую войну Святая София осталась по-прежнему в запустении и пренебрежении, и даже мусульманам воспрещено было совершение молений в этом храме.

Едва ли кому-либо из верующих людей могла доставить радость такая перемена. В притворах храма, в окружающих его коридорах толпились солдаты оккупационных войск христианских держав, голосами и шумом оружия нарушая тишину древнего собора, который охранялся ими, как «редкий музей». В полуторатысячелетнем храме замолкли молитвы, и он торжественно хранит ныне величавое молчание.

Через несколько дней мы уехали из Константинополя на юг, направляясь к далекому Востоку. Как сон, промелькнула дивная красота Принцевых островов, этих сказочных бриллиантов на светло-голубом фоне Мраморного моря, где мы встретились с целой колонией русских иерархов, остановившихся тогда там. Несколько дней продолжалось путешествие по лазурному Средиземному морю, по усеянному бесчисленными островами Эгейскому. Наконец пароход бросил якорь в гавани Александрии. Приехав туда, мне не удалось застать Блаженнейшего Патриарха Фотия. Он был в Каире, где в то время происходили беспорядки и куда поэтому я не имел возможности попасть. Но, горячо желая увидеть Его Блаженство, я дал ему телеграмму о своем приезде, и Патриарх милостиво ответил, что он немедленно прибудет в Александрию для свидания. На следующий день я увидел его. Высокий, плотный, с огромной седой бородой, он напоминал ветхозаветного пророка, и чем-то старым, но близким и родным веяло от этого наследника древних святых патриархов-пап: святого апостола Марка, Афанасия Великого, Кирилла и многих других. Патриарх хорошо говорил по-русски, и каково же было мое удивление, когда на мой во-

прос, где выучился он нашему языку, Патриарх рассказал, как, живя в течение многих лет в иорданской пустыне на подвиге, он имел спутниками лишь трех верных друзей, которые и научили его русскому языку. Этими тремя друзьями были, по его словам, три Библии: греческая, славянская и русская. Патриарх был проникнут любовью и уважением к русским, преклоняясь перед их страданиями и христианским терпением. Отслужив у нас на пароходе молебен и окропив его святой водой, Патриарх в продолжении всей стоянки радовал нас своими беседами и посещениями. Наконец, когда пришло время прощаться, Патриарх благословил наш путь, и мы поехали дальше под стройное пение «Христос воскрес», прощаясь в эти светлые пасхальные дни с близким, почти родным нам Православным Востоком.

СУНГАРИ

Глубоко интересна страна, в которой мы живем. И очень прискорбно, что большинство из нас, замкнувшись в узких пределах города, никогда почти не знакомится с интереснейшими окрестностями Харбина.

Главным и почти единственным украшением прихарбинской местности является наша Сунгари, мощная красавица река, широко разлившая свои желтые воды по обширной равнине.

Кажется, нет в Харбине человека, который бы в знойный душный день не спешил на Сунгарийский берег, чтобы отдохнуть от городской духоты, под ярким солнцем, под ласковым дуновением речного ветерка. И тем не менее мы очень мало знаем нашу любимую красавицу реку, опять-таки потому что знакомимся мы с ней лишь по маленькому ее отрезку – вблизи города.

Многосторонне интересна поэтому предстоящая завтра поездка по Сунгари, устраиваемая нашим Домом Милосердия, под почетным покровительством ниппонского генерального консула г-жи Сато.

Во время этой поездки мы увидим на десятки верст сунгарийские берега, не оскверненные еще человеческой толпой.

На левом берегу на необозримые просторы раскинулась степь, иногда покрытая пышным густым ковром высокой в рост человека травы, иногда возделанная человеческим трудом, иногда покрытая белыми пятнами содистых и соляных солончаков.

На этих просторах кипит разнообразная жизнь. Бесчисленными стаями вьются жаворонки, то поднимаясь из густой травы, то опускаясь в нее и оглашая воздух звонкими мелодичными трелями. На утренней и вечерней заре несчетными голосами воркуют горлинки, кричат фазаны, клохчут куропатки и перепела. Множество уток самых разнообразных пород выводит на прозрачную поверхность тихих заводей многочисленные семьи утят. Серые гуси пугливо скрываются от шороха в камышовых и тростниковых зарослях, и даже красавец белый лебедь радуется взору пассажиров своим величавым видом среди спокойных вод.

Иногда из высокой травы выглянут птичьи головы, до паразительности напоминающие страусовые. Это огромные маньчжурские дрофы с удивлением смотрят на проходящий мимо пароход.

Водятся здесь бесчисленные множества зайцев, их которых особенно интересен черный заяц, не встречающийся нигде в других местах. Прыгнет по содистым прогалинкам веселый, жизнерадостный тушканчик, иногда пугливыми стайками пробегают маньчжурские га-

зели, т. н. дзерены, а в тех местах, где вязовые и ивовые заросли становятся гуще, там встречаются и дикие козы.

Глубоко интересны и сами сунгарийские воды. В их недрах водится многое множество разнообразных рыб, иногда близко знакомых русскому человеку, как сазан или карась, иногда причудливых и удивительных, как ауха из породы сирен, неправильно называемая здесь окунем, мессакотус и другие рыбы южных вод. Водятся и осетры, и калуги поражающих огромных размеров. А из растительности, бурно разросшейся на поверхности стоячих вод в сунгарийских заводях, обратим мы особенное внимание на гигантскую кувшинку, ближайшую родственницу знаменитой Виктории Регии бразильских рек.

Правый берег нашей реки носит несколько другой характер, нежели левый. В древности до массового прихода сюда человека, по реке Сунгари проходила граница между лесом и степью, между степными пространствами – продолжением монгольских пустынь и степей и огромным пресным морем «шу-хай», простиравшимся до самых берегов Тихого океана.

Поэтому на правом берегу растут кое-где рощицы яблонь, шелковицы, филодендрона, черемухи, клена, ясеня, ниппонского вяза, чудной белой сирени, сейчас как раз находящейся в цвету и других растений волшебного причудливого маньчжурского леса, в котором, как известно, совмещаются растения холодной Сибири с почти тропическими формами. И здесь, на сунгарийских берегах, мы встретим рощицы, перевитые лианами – виноградом, переплекой, дающей, между прочим, превосходный каучук, и другими субтропическими растениями.

Конечно, животных, характерных для маньчжурской тайги, – тигра, леопарда, красного волка, изюбря, кабана и пр. – мы здесь не встретим: слишком мало осталось на берегах Сунгари остатков от древнего леса, но мелких птичек и зверушек – жителей лесов, мы сможем при удаче встретить много.

Когда-то давно-давно все эти присунгарийские просторы были населены особенно густо разнообразным звериным населением. Здесь бродили огромные мамонты, покрытые густой бурой шерстью, защищавшей зверей от суровых холодов маньчжурской зимы, с юга на лето приходили сравнительно более мелкие, так называемые «кочевые» слоны, в степи во множестве ходили стада бизонов, антилоп с красивыми винтовыми рогами. За этими зверями охотились пещерные медведи, тигры, леопарды, гиены. В присунгарийских болотах копошились в грязи огромные мохнатые носороги.

Теперь от всего этого звериного раздолья остались многочисленные ископаемые кости, находимые в Сунгари. Из речного обрыва иногда вдруг покажется огромный скелет носорога, череп бизона или клык мамонта.

Местные жители собирают эти кости и продают их в туземные аптеки, которые выделывают из ископаемых остатков древних животных популярные лекарства. Часть же находимых костей попадает в музей, где удивляют взоры посетителей замечательным богатством и разнообразием древней природы. Довольно много этих интересных остатков древнего первобытного животного царства собрал мой секретарь отец игумен Нафанаил в музей нашего Дома Милосердия: огромный череп бизона, череп каменного барана, чудовищно огромный зуб мамонта, мамонтовые клыки, череп носорога – все это можно видеть в нашем музее.

Много, чрезвычайно много интересного хранит в себе великая река Сунгари, и дай Бог, чтобы воскресная прогулка Дома Милосердия привлекала к себе многих жителей нашего города, умеющих любящим и внимательным взором проникнуть в чудные тайны природы.

Так отрадно, так радостно будет всем без исключения истомившимся в городе людям отдохнуть на лоне могучей реки от городской житейской пыли. Помню, как во время недавней моей поездки по Сунгари вдыхал я живительный воздух лугов, насыщенный ароматом сена, травы и цветов. Как лучший бальзам, как всеисцеляющее лекарство вливалось в меня это свежее дыхание поля, дающее радость и бодрость.

И вместе со всей Богом созданной природой благодарил я Творца за великую радость здоровья и бодрости, которые несли мне свежие веяния речного ветра.

СЕРДЦЕ ВЛАДЫКИ

В дни скорби всего православного населения Харбина по своему почившем архипастыре все более и более ясно становится, какую огромную, какую тяжелую утрату понесла в лице покойного митрополита Мефодия вся Харбинская церковь.

В течение почти десяти лет своего управления Харбинской епархией Владыка Мефодий глубокой осторожностью и сдержанностью сумел уберечь Харбинскую церковь от всех тех раздоров и смут, которые так терзают почти все русские заграничные церкви.

Все слабости, все недостатки людей – своих пасомых и своих подчиненных, покрывал Владыка Мефодий своей исключительно большой любовью. И все козни, все наветы злых людей, которые во зло хотели употребить доброту Владыки, он обезвреживал все той же добротой.

Великая любовь, великая незлобивость Владыки Мефодия подвинула его незадолго до смерти, как бы в предчувствии близкой кончины, примириться со всеми, кто обижал или оскорблял его.

А когда я был у него в больнице незадолго до кончины, он без всякого тайного чувства, без малейшей затаенной обиды говорил об этих людях, только печалуясь, что есть люди, которые не хотят любовью понять других людей.

Доброе сердце Владыки жалело тех, кто не имеет той великой радости, которую дает нам великая доброта.

С беспредельным смирением жалел Владыка Мефодий, что так мало сделал он в своей жизни, не замечая по своему смирению, что своей добротой, своим простосердечием и незлобивостью он сделал больше чем кто-либо иной, ибо для смятенных, исстрадавшихся людей он дал тихую церковную пристань, создавая тем в благодарных сердцах своей паствы и священников и мирян вечный памятник своему светлomu имени...

ПАСХА В АБИССИНИИ

Вот наступила и Пасха – Великий Христианский праздник, который торжественно и радостно празднуется ныне из конца в конец всей земли.

Интересно празднуется Пасха в Абиссинии, в этой древней стране, у берегов которой я проезжал в 1919 году, как раз в Пасхальное время.

Тогда же я был свидетелем, как эти чернокожие христиане непоколебимо хранят свои древние обычаи.

В открытом океане наш пароход встретил лодку с абиссинцами, в течение нескольких недель блуждавшими по океану и не имевшими ни пищи, ни воды.

Мы предложили им и то и другое.

Но абиссинцы, приняв воду, решительно отказались от продуктов, которые мы предлагали им, так как, рассмотрев продукты, они пришли к заключению, что церковные правила не позволяют им их есть.

Эта поразительная твердость в вере позволила абиссинцам в течение тысячелетий сохранить свою христианскую веру, свои обряды и обычаи, несмотря на оторванность от всего христианского мира, несмотря на то что их со всех сторон теснили мусульмане.

История Абиссинии, древней Эфиопии, или страны Куш, начинается очень рано.

Еще за две с лишним тысячи лет до Рождества Христова в египетских памятниках встречается упоминание об этой стране, а около того времени эфиопляне даже вторглись в Египет и эфиопские цари воцарились в древней культурной стране.

Правда, в те времена центр Эфиопии лежал не там, где в настоящее время находится Абиссиния, а несколько западнее, в стране, называемой Дангола, или, по-древнему, Мероэ.

Но народ, обитавший там, был того же происхождения, что и абиссинцы. И история всей страны, как западной так и восточной ее части, одинакова.

В середине IV века из Египта в Абиссинию пришло и христианство.

Святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, посвятил Фрументия в епископы Абиссинии, а святой Фрументий, вместе со святым Эдессием, стали просветителями далекой африканской страны.

К сожалению, в IV веке Абиссиния вместе с большей частью Египта отпала от Православной Церкви в монофизитство (монофизи-

ты признают в Иисусе Христе только Божественную природу и отвергают в нем Богочеловека).

Но так как в течение двух веков своей жизни, веков, самых важных в смысле организации всей церковной жизни, Абиссиния была не разделена со всей Православной Восточной Церковью, то в ее обычаях и обрядах осталось много похожего на наши.

Празднование Пасхи совершается так.

В Великую субботу, как только зайдет солнце, такое горячее в знойной тропической Абиссинии, – в приходские церкви, раскинутые на горах и плоскогориях, начинает стекаться народ из окрестных селений.

Церкви в Абиссинии своеобразны и красочны.

Они бывают трех типов.

Первый, самый старый тип таков же, как наши православные или древние католические церкви, в виде римских базилик.

Из подобных церквей особенно замечателен древний Сионский собор в Аддис-Абебе, в столице современной Абиссинии.

Второй тип – это церкви, высеченные из скал.

Они производят самое глубокое, самое поразительное впечатление.

И стены, и своды, и колонны, и украшения в таких церквах – все высечено из одного монолитного камня, из одной скалы.

Таких храмов много в старинных богатых монастырях, в городах и богатых селениях.

Третий же тип – обычные сельские церкви – это просто круглые, крытые соломой дома, только большого размера с крестом наверху.

Народ, приходящий в храм к пасхальной службе, одет в чистые, белые одежды. Церковь украшена зеленью. Пол посыпан мелкой душистой травой.

В украшении церкви сплетаются ветви тропических растений: баобабов, смоковницы, имбиря, которых так много в жарких долинах Абиссинских гор, с ветвями растений умеренного пояса – винограда, яблони, кедровника и т. п., знакомых нам растений, растущих на прохладных вершинах.

Часов в семь в церкви начинается торжественное Пасхальное богослужение – «мелтан».

В начале его диакон читает ектению, на прошения которой народ поет по-гречески: «Кирие элейсон – Господи помилуй».

С последним возгласом из алтаря выходит протодиакон, неся большой крест.

Став на амвон с крестом в руке, он медленно поет стих:

– Воста, яко спя Господь, яко силен и шумен, и порази враги своя
вспять, поношение вечное даде им¹³.

Вне храма в это время раздается залп ружей, стук барабанов, звон колоколов.

Голос протодиакона смолкает, и на смену ему поет весь народ, вся церковь:

– Воста, яко спя Господь...

Воодушевление народа в это время бывает такое сильное, что звуки пения, выходящие из народной груди, заглушают ружейные залпы, звон и шум, раздающийся вне храма.

После пения читается Евангелие.

Перед этим священнослужители в дорогих одеждах выходят на амвон.

Впереди идет старший священник, с книгой Евангелия на груди.

Он передает Евангелие протодиакону, а сам берет в руки крест.

Протодиакон, раскрыв Евангелие, держит его на своей голове пред священником, а по сторонам становятся два диакона и два младших священника с кадилами.

По прочтении Евангелия о воскресении Христа, протодиакон относит его в сторону и кладет на аналой.

Весь народ поет Пасхальный тропарь:

– Христос воскресе из мертвых...

Затем следует особая абиссинская песнь, в которой передается все содержание праздника.

Эту песнь поет начальник хора – алака.

В сельских церквах, где нет хора, ее поет кто-нибудь из диаконов или умеющий петь мирянин.

Перед пением ученик, взяв из рук протодиакона крест, передает его начальнику хора.

Потом пение повторяется всем хором певцов, с участием литавр, барабанов и прочих инструментов.

Как только звуки песнопения смолкнут, на амвон выходит старший священник и, обращаясь к народу, приветствует его словами: «Христос воскресе!» Народ отвечает:

– С большой властью и силой!

Священник:

– Он освободил Адама.

Народ:

– И связал Сатану.

Священник:

– Отныне настали для нас радость и веселье!

При обмене приветствиями обычая целования у абиссинцев нет.

Непосредственно вслед за мелтаном служится литургия.

Служба обычно кончается к полуночи.

После обедни, как у нас, во всех абиссинских домах начинается разговение.

В первый день Пасхи нищие не ходят за подаванием.

За неделю или за две до Пасхи каждый нищий должен обойти богатых поселян и собрать все необходимое для пасхального разговения.

Так празднуется великий день Христова Воскресения в далекой знойной Африке.

Из конца в конец земли – от холодных тундр Камчатки до залитой солнцем Абиссинии – несется радостный гимн Воскресения.

И человеческий дух, молитвенно славящий Творца, по всему миру переживает великую радость своего освобождения от уз греха и смерти.

РОЖДЕСТВО У ПОДНОЖИЯ ДЫМЯЩЕГОСЯ ВУЛКАНА

Я помню три Рождества, которые провел я у подножия великой Ключевской сопки на Камчатке. Два из них слились для меня в одну светлую, яркую картину. Был тихий солнечный день сочельника, белый саван снега сверкал бесчисленными искрами под солнечными лучами. Сопка в эти дни действовала понемногу, вершина ее дымилась, как курящийся факел, потоки лавы тремя ручьями стекали по склону, и глухой подземный шум нарушал тишину. Наступила ночь, опустилась завеса мрака, очи людей поднялись к небесам, ища заветную рождественскую звезду, а на вершине Ключевского вулкана зажглось яркое багровое пламя, и огненные струи четко обозначились на темном фоне. С высоты семнадцать футов они виднелись явственно, как будто рядом, создавая красивейшую, величественную картину. Гул усилился, он наполнял смущением и беспокойством души людей. Чувствовалось наше жалкое ничтожество пред стихийной силой природы, и благоговение пред Творцом всего яснее сознавалось всеми нами. По древнему церковному уставу мы совершали богослужение великого повечерия и утрени в час ночи. Раздался громкий торжественный звон колокола. Этот святой призыв сразу влился в тишину ночи и покорила ее. Ясный, спокойный, он боролся и побеждал стихийный смущающий гул вулкана, как бы показывая нам, что если ничтожны и бессильны пред стихиями природы мы, слабые люди, то, напротив, наш дух – искры Творца, побеждает все, по слову Того, Кто сказал: «Я победил мир».

Из самого многотысячного Ключевского селения, из окрестных деревень и поселков, пешком или в санях на собаках сходились богомольцы к освещенному, дивно украшенному храму. Церковь наполнялась. Небольшая, скромная, деревянная, истинно сельская, трогательная своей безыскусственной простотой, она в эту ночь сияла сотнями огней лампад и восковых свечей.

О, никогда до гробовой доски не забуду я, с каким умилением совершали мы с настоятелем храма эти рождественские службы, как сосредоточенно благоговейно пел хор, как напряженно молилась толпа и русских и инородцев. Поистине была слава в Вышних Богу, а на земле мир и благоволение.

Но помню я и третью рождественскую службу. Не спокойствием и солнцем встретила меня тогда ключевская природа. Еще не успел я приехать в село в рождественский сочельник, как началась жестокая страшная буря. Вихрь и метель застали меня в пути недалеко от Ключевской сопки.

чевского селения. Ветер бушевал, собаки рьяно старались тащить тяжелые сани-нарту, сбиваясь и путая построжки. Ветер силился холодным дыханием пробраться сквозь меховую одежду. Возница погонял собак, передовой пес, не сдаваясь, вел всю упряжку, и мы, несмотря на бурю, успели вовремя прибыть в село. Между тем многие богомольцы, выехавшие за многие десятки верст, очутились в бурю далеко от всякого жилья, среди полей и гор, и были принуждены остановиться там в пустыне, так как во время разгара метели на Камчатке путешествовать нельзя.

Природа бурлила, ветер завывал, сливаясь с подземным гулом, и ночью, когда началась величавая святая рождественская утренья, богомольцы еле могли идти по занесенным снегом улицам селения ко храму. Их метало в разные стороны, казалось, ветер готов был поднять их на воздух и унести прочь, но, улавливая по звуку колокола направление сквозь вьюгу, бурю и снег, они неудержимо шли в церковь. Страшен был тогда и вулкан, грозный и ужасный, дышащий смертью и разрушением. Но в храме, под святые рождественские песнопения, даже это неистовство природы забывалось, замирал и шум и грохот ветра и подземных стихий. А когда чрез несколько дней, по окончании бури, прибыли в село и те, кто принужден был остановиться в пути, мы могли лишь возблагодарить Бога, радуясь этой встрече и ласковой заботой стараясь возместить потерпевшим все, что они потеряли от стихийного разгула природы.

БОЛЬНИЦА ПАМЯТИ ДОКТОРА КАЗЕМ-БЕКА

Не в счастье и довольстве, а в страдании и нищете познается настоящий, глубокий героизм. И этого героизма русская эмиграция за долгие годы своих безмерных испытаний проявила очень много. Героичен широкий размах строительства нищей русской эмиграции Харбина. Строятся церкви, часовни, приюты, бесплатные столовые.

А теперь на те же гроши и копейки нищих беженцев создана прекрасная величественная больница памяти доброго доктора В. А. Казем-Бека.

Честь и хвала доблестным труженикам больницы. Божие благословение на их трудах.

Для кого, как не для нас, беженцев, понятна тяжесть и скорбность бездомного существования. Такое существование должна была влечить до настоящего момента больница памяти В. А. Казем-Бека. В наемном помещении трудно, невозможно было создать те условия, которые необходимы были больнице. А постоянный тяжкий расход по найму помещения ложился совершенно непосильным тяжелым бременем на и без того скудные средства больницы.

Ныне ненормальность этого положения ликвидирована. Среди улиц нашего города в мирном, тихом Модягоу, главном центре харбинского рассеяния русских, выросло большое, красивое, радостное здание, свидетельствующее о новом героическом подвиге эмиграции, о великом труде, который был вложен в священное дело помощи страждущим всеми сотрудниками больницы – врачами, дамами, администрацией больницы, всеми тружениками ее.

Это здание свидетельствует также, что голос сострадания, любви громко звучит в Харбине, что заветы доброго доктора Владимира Алексеевича, не умирают, по-прежнему живут среди нас и Богом вложенное в человеческое сердце милосердие властно руководит человеческими сердцами здесь.

В ДОМ МИЛОСЕРДИЯ ПОДБРОШЕН ИСТЕРЗАННЫЙ РЕБЕНОК

Три дня тому назад в Дом Милосердия подброшен маленький мальчик, которому идет всего третий год. Приют Дома Милосердия переполнен совершенно, ни для одного ребенка в нем нет больше места. В частности, в приюте для мальчиков, который помещается в трех небольших комнатах, для новой кровати даже физически нет места.

Поэтому оставить подброшенного ребенка не было никакой возможности. Мы отправили мальчика в полицейский участок, но и там не имели возможности взять на попечение ребенка.

Между тем при осмотре несчастного мальчугана обнаружилось, что все тело его покрыто синяками – кровоподтеками – следами какого-то зверского бесчеловечного истязания. Придя немного в себя, бедный ребенок, рассказал, что его «бил дядя». По наведенным нами справкам, оказалось, что мать мальчугана умерла в декабре прошлого года, а отец совершенно безвестен. При мальчике найдена иконка и документ, из которого видно, что его зовут Боря Коновалов.

Как по малолетству, так и своему истерзанному, измученному состоянию, он требует ухода и постоянной заботы. Между тем в нашем приюте для мальчиков, где все дети по утрам учатся и где нет специальной няни, ребенок не мог бы иметь необходимого ему ухода. Поэтому временно мы должны были поместить его в приют для девочек, где в течение протекших трех дней бедный, измученный маленький Боря начинает оттаивать под лучами ласки и заботы своим маленьким, истрадавшимся сердцем. В больших, недетски выразительных голубых глазах его видно бесконечно много скорби, хотя теперь, слава Богу, на лице мальчика появилась и улыбка.

Этими строками хочу я обратиться к неизвестному отцу ребенка, а главное, к тому так же неизвестному зверю-дяде, о котором с ужасом и страхом говорит маленький Боря и следы нечеловеческой жестокости которого остались в виде синяков и кровоподтеков на всем теле маленького мальчика.

Пусть хотя на минуту им станет стыдно.

Кроме того, обращаюсь я к сердцу сострадательных людей. Дом Милосердия задыхается, не имея средств в теперешнем ужасном положении продолжать даже то дело, которое уже налажено и творится.

Расширять его нет никакой возможности. Поэтому я верю, что на мой призыв отзовутся добрые люди или помогут Дому Милосердия взять

на себя содержание еще одного несчастного маленького сиротки, или совсем возьмут на себя заботы о нем.

Документы мальчика находятся у меня. Из медицинского свидетельства видно, что ребенок перенес длительное систематическое недоедание.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ ВАРНАВА

В страшные огненные годы войны, когда наша Родина и с нею весь мир пылала в огне борьбы, в тихих и мирных келлиях Александро-Невской лавры в Петербурге я встретил епископа Варнаву – великого сербского иерарха, ныне духовного вождя сербского народа.

Сотрясая мир... Страшные судороги пробежали по лицу вселенной, и, повинувшись мановениям маршальских жезлов, тяжелые солдатские колонны растаптывали нации и государства в Европе.

Казалось тогда, что растоптано было и славное сербское государство, ибо с глубокой болью в сердце мы, русские люди, слышали тогда о безмерных страданиях сербского воинства, о том, как на вершинах Албанских гор приходилось ему переносить неопишемую муку, быть на краю гибели, о том, как лишь слово нашего Государя всколыхнуло холодное и жестокое (столь ныне нам самим знакомое) равнодушие мира к героической судьбе сербов на берегах Адриатики.

И вот в лаврских келлиях я видел перед собой представителя этого героического народа – иерарха, только что вынесшего вместе с своей паствой огненную муку Албанского похода. И взирая на этого Владыку, скорбного, но спокойного и уверенного, непоколебимого в своей вере и надежде, русское сердце спокойнее становилось за судьбы братского народа.

Прошло много лет...

Под пятой исторических бурь оказался раздавленным не братский сербский, а родной русский народ. Сербия оказалась вознесенной на высоту величия, а Россия поверженной в прах унижения.

И новое, особенное значение приобрел сербский церковный центр, возглавляемый Святейшим Патриархом Варнавой, в глазах всего православного мира. Уже с новыми чувствами взирал и я на великого иерарха сербского в 1933 году, когда Господь снова привел меня свидеться с ним.

И от внешнего величавого вида Святейшего Патриарха, и от его вдохновенных глаз, и от его блестящего светлого ума, и от любящего сердца его, от этих продуманных, исполненных неоторимой силы речей – от всего его нравственного облика веет духом древних великих духовных вождей православных народов. Таков был, вероятно, Амвросий Медиоланский, словом своим поддерживавший империи, таковы были патриархи всероссийские в лучший период расцвета православного царства.

Мы много говорили с Патриархом обо всех сторонах церковной жизни, обо всех вопросах, волнующих Церковь Христову в наше вре-

мя. И в каждом слове, в каждой мысли, которые так просто и так отчетливо высказывал Патриарх, был виден его широкий ум, его всеобъемлющее сердце, полное веры и любви Христовой, чувствовался настоящий духовный вождь, за которым с полным доверием может смело идти православный народ.

С глубоким сердечным отеческим вниманием отнесся Святейший Патриарх ко мне и глубоко всею душою интересовался церковной жизнью нашей далекой страны, жизнью русских православных людей в нашей новой великой империи Маньчжу-диго.

И как драгоценное свидетельство своего внимания и отеческой любви, Святейший Патриарх вручил мне часть мощей Святителя Арсения, Архиепископа Сербского, как благословение Православной Церкви Дальнего Востока.

С глубочайшим благоговением воспринял я этот дар Святейшего Патриарха и с ним направился в обратный путь к странам Дальнего Востока.

Уже в Шанхае, в этом многомиллионном центре дальневосточной жизни, прибытие великой святыни из Сербии пробудило глубокие религиозные чувства среди русского и китайского православного населения. В течение двух недель, когда святые мощи стояли в соборной церкви в Шанхае, народ наполнял церковь для поклонения святым мощам.

В Харбине же, в церковном центре Дальнего Востока, святыня была встречена несметными толпами народными. Буквально весь город вышел на вокзал встречать святыню. Архиепископ, священники, миряне – все преклонялись пред святыми мощами, все радовались духовной радостью святому дару Патриарха.

В эту тяжелую и страшную эпоху, когда мы, русские православные люди, потеряли свои святыни и являемся скорбными свидетелями, как эти великие святыни оскверняются и поругаются, а наше молодое маньчжурское государство слишком молодо церковно, чтобы иметь собственные святыни, в это самое время великую святыню присылает нам, как благословение, великий иерарх братского великого народа.

И потому такой особенной любовью и благоговейным поклонением окружена святыня мощей Святителя Арсения в Харбине. Ежедневно совершаются перед ней моления с акафистом, на которых возносятся имя Святейшего Патриарха и Короля Югославии.

Особенно же много народа собирается на годовые праздники в честь Святителя Арсения. В минувшем году в этот день на духовное торжество собралось множество народа – православных русских, нип-

понцев (японцев) и маньчжур. Были представители и югославянской колонии Харбина, среди которых особенно хочется мне отметить черногорца М. А. Авдаловича, руководителя местной газеты «Гун-Бао», наиболее душевно всегда откликающегося на все церковные славянские торжества.

Благоговейно молятся православные люди Харбина пред святыми мощами Святителя, вознося молитвы Господу Богу о Святейшем Патриархе, благословившем дальние страны этой святыней о далеком по пространству, но близком по сердцу народе югославянском; о всем страдающем славянском мире, моля Святителя Арсения ходатайствовать за соплеменные ему народы пред Престолом Всевышнего.

И в юбилейные дни Святейшего Патриарха Варнавы чувства любви к нему и глубокого уважения, которыми окружено его имя на Дальнем Востоке, вспыхнут особенно ярким светом в наших общих молитвах о нем.

СЛОВО НА ПАНИХИДЕ ПО М. А. ОКСАКОВСКОЙ

Христос Воскресе! Сейчас в столь поздний вечерний час нас собрало здесь наше общее тяжелое горе – утрата Марии Алексеевны Оксаковской.

В сердце каждого из нас глубокая скорбь и печаль, нам всем так понятны скорбные слезы детей, окружающих гроб любимой начальницы, отдавшей им, детям, всю свою душу и свою яркую энергию, чтобы дать им настоящее прекрасное образование и воспитание.

Вы, дети, здесь почерпали из светлейшего источника знания и доброго воспитания, и ваши родители здесь же получали облегчение в своих трудах и заботах о вас.

Никогда не забуду я тех исключительных праздников педагогики, какими всегда были акты в гимназии Оксаковской, так как Мария Алексеевна умела вложить особенно глубокий смысл в старинную традицию русских гимназий, в ученические выпускные акты.

Глубокая любовь Марии Алексеевны к детям всегда была неограниченна, неизмерима. Несмотря на тяжелые минуты, переживаемые гимназией, она представляла десяткам, а если считать за все время, то и сотням и тысячам детей, возможность учиться бесплатно в ее гимназии. Такой любовью и ее добрым материнским отношением пользуются и дети Дома Милосердия, получающие в ее гимназии бесплатное прекрасное образование и воспитание. Вместе со всеми остальными детьми, ученицами и учениками Марии Алексеевны они сейчас, конечно, более всего приложат силы, чтобы своими успехами в учении свято отметить память дорогой начальницы. Я был свидетелем того, как до последней минуты своей жизни Мария Алексеевна жила интересами своей гимназии, интересами воспитанниц. И потому старательное отношение ваше к гимназическому учению будет наилучшей вашей благодарностью ее памяти.

Нам же надо приложить все силы для того, чтобы оберечь гимназию, любимое детище Марии Алексеевны, в память ее светлого имени и тем поддержать продолжателя ее дела любимого сына ее Ф. Е. Оксаковского и охранить этот достойный памятник великой труженицы детского просвещения почившей Марии Алексеевны Оксаковской.

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ГИМНАЗИИ

Исполнилось тридцать лет существования Женской гимназии имени Марии Алексеевны Оксаковской, старейшей гимназии из всех ныне существующих здесь в Харбине.

Тысячи, многие тысячи детских душ воспиталось под мудрым заботливым истинно материнским руководством и попечением почившей Марии Алексеевны в стенах ее гимназии. Целые поколения вырастали под ее ласковым крылом. Вырастая, создавая уже свой семейный очаг, воспитанницы не забыли родной гимназии и своих птенцов, своих любимых детей снова отдавали в стены той же гимназии, которая дала воспитание и родителям.

Кажется, все без исключения дети выдающихся лиц нашего города в течении всей четвертьвековой истории Харбина воспитывались в гимназии Марии Алексеевны. Но далеко не только счастливые и богатые семьи имели эту радость – воспитывать детей своих в «Оксаковской» гимназии. Нет, множество неимущих бедняков совершенно бесплатно имели ту же счастливую возможность благодаря доброму сердцу Марии Алексеевны.

Широко пользуется этой возможностью и наш Дом Милосердия, в котором 16 человек детей, мальчиков и девочек, получают совершенно бесплатно обучение в гимназии Марии Алексеевны Оксаковской, благодаря ее доброму сердцу и благодаря тому, что свято и нерушимо ее традиции хранятся в ее училищах и ее сыном Ф. Е. Оксаковским и директором женской гимназии В. М. Анастасьевым.

Да поможет же Господь этому доброму и священному делу. В наше страшное время, когда кругом видим мы такие тяжелые примеры развала и разрушения, да сохранит Господь дело Марии Алексеевны – ее прекрасную гимназию и да возрастут под воспитательной сенью этой гимназии сильные духом и знанием поколения русской молодежи, выполнив слова церковной ученической молитвы: «Родителям своим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу».

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Прими, мой русский брат-христианин, пасхальный привет!
Ты страдаешь уже десятки лет на своей родине, как пленник.
У тебя отнято святое святых – твоя Церковь.

Поругана твоя чистая вера в Бога, глубоко изранена твоя душа, осквернена твоя совесть, скована твоя свобода, убита воля и растоптана твоя честь.

О брат мой христианин, русский человек!

Ты живешь в России на родине своей, словно в страшном зверинце, среди страшных лютых зверей – людей без Бога.

Когда-то ты – добрый, – миловал и скотинушку, а теперь тебя унизили хуже скотины.

Из тебя сделали лишенца и кормят тебя отбросами.

Ты стал бесправным, ненужным, несчастным, жалким рабом.

Но велики, безмерно славны твои заслуги.

Ты не предал своей чести и совести.

Ты сияешь пред всеми нами, пред всем миром красотой своей души, благородством образа человеческого и чистотой своей исповеднической православной веры в Бога.

Русский брат – христианин!

Ты великий крестоносец, и весь мир тебя недостоин, как некогда мир был недостоин гонимых за правду и веру учеников Христовых и мучеников Христианских.

Ты прости нас, брат-христианин, русский человек, за то, что мы, зная муки твои, не можем тебе помочь в твоей неволе.

Тебя поддерживают ангелы Божии невидимо.

Ты верный раб Божий и достойный наследник Царства Божия.

Ты велик в своем унижении.

Ты вечно жив среди мертвецов и разлагателей жизни в России.

Ты – русский. Ты благородный витязь, ты Богоносец!

Слава тебе и поклон земной!

Следы твои целую я, а слезы твои считаю алмазами драгоценными.

Прими же, моя бедная родина, моя родная мать Россия, со всеми твоими подневольными страдальцами – русскими людьми, христианами православными, мой пасхальный привет:

– Христос Воскресе!

И поверь в мою безысходную тоску по Тебе, моя Матушка, страдальница Святая Русь!

ПАМЯТНИК ПОКАЯНИЯ

Не говорите: То былое,
 То старина, то грех отцов,
 А наше племя молодое
 Не знает старых тех грехов, –
 Нет, этот грех, он вечно с нами,
 Он в наших жилах и в крови,
 Он сросся с нашими сердцами,
 Сердцами мертвыми в любви.

Эти слова, это предупреждение великого русского поэта и мыслителя А. С. Хомякова так полезно повторить для обоих поколений русской эмиграции, для старших и младших, для тех, кто в сознательном возрасте пережил нашу страшную революцию, и для тех, кто маленькими детьми видел ее кровавый смерч. Вечный, постоянный спор отцов и детей особенно остр и болезнен для нас, ибо осложняется вопросом – кто виноват в том, что совершилось, в бунте, в предательстве, в цареубийстве, в разрушении величайшей на земле Империи.

И вот гениально пророчески великий славянофил А. С. Хомяков из дали почти столетия, из середины прошлого века вещает нам о том, что в грехе народа, в грехе страны повинны равно все – и отцы, и дети, старшее поколение и младшее, что, для того чтобы исцелиться от этого греха, надо принять его и, приняв, преодолеть покаянием, сокрушением, исправлением. А оправданием себя, обвинением других только усиливается грех, только увеличивается тяжесть лежащей на нас вины.

Об этой тяжести грехов, лежащих на многострадальном русском народе, так сильно и глубоко говорит другой наш великий поэт – гр. А. К. Толстой.

Русский богатырь едет по лесу и чувствует, как на седло его садится одно за другим русское историческое «горе», исторические грехи, совершенные нашими предками. И каждый из них говорит русскому богатырю: я тебе не чужой. И каждый из этих древних грехов новой тяжестью ломит русскую силу.

«Эх, – думает витязь, – мне б из лесу вон,
 Да в поле скакать на просторе!
 И как я без боя попался в полон!
 Чужое, вишь, горе тащить осужден,
 Чужое, прошедшее горе!»¹⁴

Неправильно думает витязь! Не чужое это горе, а общее русское горе – грехи наших отцов и дедов. И только принятием этого горя,

не как чужого, а как своего, и внутреннее его преодоление даст нам возможность «скакать на просторе» к светлым и радостным дням.

К этим древним историческим нашим винам прибавилась новая страшная вина, вина цареубийства и родиноубийства, в котором виновны все мы – русские люди в соборном, органическом нашем единстве.

Следовательно, все мы соборно и единодушно должны принять участие и в преодолении этой вины, и исцеления от этой тяжелой язвы, доныне больно терзающей наше сердце.

И вот, как крупица, как маленький шаг этого общего нашего дела, преодоления нашего общего русского греха, воздвигнута покаянная часовня-памятник памяти Императора Всероссийского Николая II Александровича и всей Его Царственной Семьи и памяти Короля Югославии Императора Александра I.

Не самооправдание, но глубочайшее сознание своей вины, горячее покаянное наше чувство и беспредельная пламенная любовь к великой нашей Родине воплощаются в этой часовне-памятнике.

Да объединятся же возле священной часовни в день ее освящения 17 мая все русские люди, забыв свои разделения и счеты, вспомнив только, что мы дети одного великого народа, одни у нас грехи, одни муки и одни пути исцеления.

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ И ДЕТИ

Сегодня праздник Святитeля Николая, великого святого, особенно горячо почитаемого издавна русской землей.

И всегда во всех христианских странах образ Святитeля Николая связывается с образом ласкового попечительства о детях. Недаром в западных странах в детской легенде «Санта-Клаус» т. е. Святой Николай, несет подарки и радость детям.

И у нас на Руси в древности одним из ярчайших чудес Святитeля Николая было чудо спасения тонущего во Днепре мальчика, которого чудесно вернул родителям Святитeль Николай.

Когда мы были в Италии, в гор. Бари, где почивают мощи Святитeля Николая, мы видели, как многие сотни детей со своими детскими играми собираются на площади около святого храма. Во всем городе, да и пожалуй и нигде в другом месте, не видел я одновременно собравшимися столько детей, как на этой святой площади. Видимо, чуткое детское сердце чувствует любовь Святитeля к детям и на любовь отвечает любовью. Здесь, в Харбине, у нас имя Святитeля Николая также связано с делом заботы о детях. С 1927 года, с того времени, как основан приют Дома Милосердия, простер Святитeль Николай свою милость и свою помощь над детьми-сиротами, призреваемыми в Доме Милосердия.

По доброму желанию благочестивых православных людей, создавших икону Святитeля Николая, стоящую на вокзале, суммы, которые собираются около этой иконы за свечи, перед нею ставимые, отданы были Дому Милосердия, и на эти средства приняты и ныне воспитываются в Доме Милосердия 15 детей из общего числа 80 человек. Особенно трогательным было обращение к Святителю Николаю одной из девочек-сироток, принятых в Дом Милосердия. Терпя горькую нужду в семье, маленькая девочка своим детским почерком написала письмо Святителю Николаю и опустила это письмо в кружку около иконы.

При вскрытии кружки мы обнаружили письмо.

Эта девочка тогда же, в 1927 году, была одной из первых, кого принял в свои стены Дом Милосердия на милость Святитeля Николая.

Теперь эта девочка выросла и стала уже самостоятельно на ноги, а на ее место принята новая сиротка. И в прошлом году чудо с маньчжурскими детьми, о которых сообщали местные газеты, когда некий старец (мы твердо верим, что это был Святитeль Николай) предупредил детей о грозящей им опасности быть засыпанными обвалом холма между Фудзядяном и Новым Городом, это чудесное событие также

свидетельствует об той заботе Святителя Николая о малых детях, близких его святительскому сердцу своими чистыми детскими сердцами.

Да защитит же, да сохранит Святитель Николай детские души в наши страшные годы от широко разлившихся волн грязи и всяческих соблазнов, силящихся захлестнуть детскую душу.

ОДИНОКАЯ МОГИЛКА

Сегодня исполняется восемь лет со дня кончины доброго, большого человека-труженика, доктора Дмитрия Николаевича Корелкина, доблестно умершего на своем славном посту – врача – целителя человеческих недугов.

В заразных бараках, наполненных сыпно-тифозными, бесстрашно, неустанно и бескорыстно трудился он, пока страшный недуг не поразил его самого. Никогда не забуду я этого ужасного дня, когда доктор Корелкин пришел ко мне, так же лежавшему тогда в тяжелой болезни, и сказал мне, что чувствует себя заразившимся сыпным тифом и, вероятно, умрет. Это тяжелое предсказание сбылось. И я, едва оправившись от своей болезни, с безграничной скорбью в душе, поехал на похороны самоотверженного доктора.

Много, много добра, тихого, незаметного, святого, творил доктор Дмитрий Николаевич Корелкин. Скольким безвозмездно, совершенно бескорыстно оказал он доброй помощи, исцеляя недуги.

Теперь могилка доктора Корелкина стоит одинокой. Нет никого из его родных, кто бы мог позаботиться о ней. Те бесчисленные сонмы больных, которых безвозмездно лечил он, по большей части не имеют возможности и средств для должного ухода за могилой.

Но долг молитвы за почившего доктора лежит на всех нас – его друзьях. Мы не имеем права забывать его светлого имени.

Сегодня в пять часов вечера я буду совершать панихиду на могиле доктора Корелкина и глубоко верю, что много добрых христианских сердец соберется у могилы на искреннюю горячую молитву о добром докторе.

СЛОВО В ДЕНЬ УБИЕНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Снова наступил этот тяжкий и глубоко значительный для всякого русского человека день убиения Государя Императора и всей Царской семьи преступными руками .

Ни одна почти рука в России и за границей не поднялась тогда на защиту Государя. Даже голоса никто не возвышал со смелым и ярким словом защиты.

Люди трусливо жались, трепетали за свою жизнь, за маленькие обрывки своего благополучия.

И что же – ныне все мы потеряли счастье, благополучие, в томительных муках рабства или изгнания влачим свою жизнь, а убиенные Государь и вся Царская семья в святых обителях Божиих вечно радуются со Господом, Которому они сохранили верность в течение всей жизни и в самой смерти. Быть может, увенчаны они вместо тленного венца, венчавшего их при жизни земной славой, – высочайшим и священнейшим венцом святости или будут увенчаны в грядущем.

Мы же здесь на земле в мучительных страданиях, в горьком сожалении о всем случившемся будем проходить свой жизненный путь с молитвами покаяния в сердцах, с горячими молитвами о Мучениках Венценосных. И особенно пламенной да будет наша молитва сегодня, когда так ярко встает перед нами страшное злодеяние, совершенное в подвалах Ипатьевского дома.

Да смилуется Господь над нами, над всей Русской землей и да пошлет Свое благословение. Аминь!

ЗАЯВЛЕНИЕ ИЗ ЛОНДОНА ДЛЯ «ЗАРИ»

Некий господин Моллер пишет: «...Например, в ложе розенкрейцеров состоит популярный русский архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор, друг харбинских иудо-масонов. Факт его пребывания в указанной сатанинской ложе был установлен 22 декабря 1933 года в гор. Харбине на квартире русского почтенного и уважаемого генерала Н. П. Злобина, где это обстоятельство подтвердил присутствовавший в качестве гостя один розенкрейцер, защищавший ложу как филантропическую организацию и ссылавшийся на архиепископа Нестора как на общественный авторитет» (Г. Моллер. Враги Вселенной. Часть 1-я. 1936 г. Издательство «Голос Правды». Гамбург – Прага – Рига, стр. 152).

Кто-то скрывающий свое имя, неведомый мне, вписал мое имя в ложу розенкрейцеров в г. Харбине и называет меня масоном. Я совершенно не знаком ни с ложей розенкрейцеров, ни с какими другими масонскими ложами, никогда не имел с ними ничего общего и никогда не интересовался ими, так как я Божией милостью Архиерей Русской Православной Церкви и носитель Божией благодати, и моя совесть чиста и не запятана никаким прикосновением к масонству.

Приписываемое мне вышеприведенное обвинение и опорочение моего имени причастностью к масонству я объявляю грязной клеветой, кому-то и для чего-то нужной. И в первый раз в жизни за 31 год моего пастырства и 22-й год моего архипастырского служения с душевной тугой налагаю на тех русских православных людей без различия их сана или звания, которые позволяют себе подобную клевету на архиерея, – отлучение от Церкви. И никакой другой архиерей или духовник не может снять с виновных этого отлучения, пока сами виновные не покаются предо мной в своем грехе, за который, если они веруют в Бога, будут отвечать на Страшном Суде Божиим. Для не верующих, конечно, мое настоящее заявление не имеет значения. Я связываю совесть верующего клеветника, чтобы привести его к сознательному покаянию. Лицами, взявшими на себя дерзость клеветы на архиерея, а потому подлежащими отлучению, почитаю я всех тех, кто соучаствует в составлении клеветы и распространении ее. Те, кто по неведению, поверив злему обману, приняли участие в этом тяжелом грехе, должны написать мне, и тогда я сниму с них свое настоящее отлучение.

В свое время некоторые русские люди в тоске по родине действительно болеют болезнью, которая может назваться масономания. И в каждом неугодном им человеке они видят опасного врага, жидо-масона.

Сколько хороших видных представителей старой России было таким образом оклеветано.

Знаю я, что в настоящее время многих соблазняют и увлекают в свои сети различные враждебные нашей вере и Церкви организации и общества. С этим надо бороться, но клевета и обман, приписывающие масонство лицам, никакого отношения к тому не имеющим, служат не делу нашей Церкви, а делу Ее врагов.

Приведенная заметка и другие инсинуации возводят клевету не только на меня, но и на то благотворительное человеколюбивое филантропическое дело, которое я веду в Харбине, – Дом Милосердия.

Этот приют содержатся мною на средства, поступающие от церкви, куда приносят свои трудовые лепты верующие русские люди. Клевета на Дом Милосердия является клеветой на милость Царицы Небесной и на доброе дело богомольцев нашей церкви.

Настоящее мое заявление об отлучении клеветников представляю я Священному Синоду Русской Православной Церкви Заграницей и посылаю в редакцию голоса «Правды», взявшего на себя большую дерзость писать неправду о моем имени. Все газеты и журналы прошу перепечатать где бы то ни было полностью мое настоящее заявление об отлучении от Церкви клеветников.

ДВА ПОДКИДЫША

К нам в Дом Милосердия подбросили вновь двух детей – девочек 7-ми и 2-х с половиной лет. Маленькие несчастные крошки с испугом в глазах, с страшной печатью длительной нужды, голода и лишений. Уже более десятка раз подбрасывают детей в наш приют. Но мы твердо и неумолимо выработали правило: не принимать подкинутых таким образом детей. Средства приюта ограничены, и приют не может в этом отношении подчиняться случайностям. Принимать подкидываемых детей – это значит потерять всякую власть над жизнью приюта, не иметь возможности соразмерять и без того непосильные расходы приюта с его возможностями.

Подкинутых детей осмотрела доктор приюта Дома Милосердия К. С. Оглоблина. У старшей из девочек были обнаружены нарывы на теле, у младшей же – жестокий рахит – последствия тяжкой нужды и недоедания.

Старшая из девочек, видя добрый и ласковый прием в Доме Милосердия, с детской откровенностью стала рассказывать о том, что у них есть еще и братец, которого «тетя» завтра также приведет сюда же, и еще одну «чужую» девочку собираются тоже подкинуть в Дом Милосердия.

Это обстоятельство заставило нас быть еще более настойчивыми в проведении принципа – не принимать подкинутых детей.

Узнав, с большим трудом, у старшей девочки их адрес, я отправил с детьми отца игумена Нафанаила, чтобы произвести обследование и вместе с тем предупредить родных, что нельзя устраивать в приют детей таким явочным образом.

Картинка, которую застал в жилище детей отец Нафанаил, – воистину ужасная. Маленькая комната с деревянной кроватью без постели, на которой сидит больная волчанкой мать девочек, еще молодая женщина 33-х лет. Из обезображенного страшной болезнью лица струится гной в железный таз. Не просто бедность, а ужасающая, вопиющая, гнетущая нищета окружает ее. В комнате воздух, от которого сжимается сердце, останавливается дыхание, несмотря на широко распахнутые двери.

Отец детей зарабатывает гроши копанием могил на кладбище, и под гнетом страшной нужды он опустился до того, что эти заработанные жалкие гроши не приносит домой, а пропивает на стороне.

И вот в такой-то ужасной обстановке, как цветы на болоте, среди грязи и смрада копошатся дети. Их трое – две девочки и один мальчик.

С ними вместе играют и бегают во дворе еще пять или шесть детей и среди них, по-видимому, как раз и те, которых, по наивным рассказам подкинутой девочки, также собираются родители подкинуть в Дом Милосердия.

В это страшное гнездо нищеты и страдания направляются дамы нашего Кружка Милосердия. Несмотря на тесноту и ограниченность средств приюта, Дом Милосердия вырвет из лап нищеты и страданий двух несчастных девочек, но большего сделать мы не в силах.

А там остается еще брат этих девочек, маленький пятилетний Вася, и еще множество обездоленных детей. Хочется верить, что добрые сердца отзовутся на горе и этих несчастных.

Помоги Бог, помогите, добрые люди.

ВЛАДЫКА МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ

Волею Божией из этого мира ушел великий, воистину великий человек, архипастырь и кормчий церковный – Блаженнейший Митрополит Антоний.

Трудно оценить всю тяжесть этой утраты.

Все мы – русские иерархи были его учениками, для всех нас он был пестуном, наставником, руководителем. Я с малых лет, совсем еще юным мальчуганом, прислуживая в архиерейской церкви в гор. Казани, держал его архипастырский жезл, и потом постоянно на всех жизненных путях встречался я с заботливым, отеческим руководящим попечением Митрополита Антония.

Все четыре русских академии – рассадники богословских знаний, из стен которых по преимуществу выходили русские архипастыри, все они были любимым детищами Митрополита Антония и обязаны ему самыми яркими, самым плодотворными годами своего существования.

И навеки веков вся Православная, а отчасти и инославная богословская наука будет полной чашей черпать из богатого кладезя церковной мудрости почившего Владыки.

Хочется вместе с древним Владимирским митрополитом воскликнуть: «закатилось солнце нашей Зарубежной Церкви!»

С двумя такими тяжкими душевными тугами ушел в вечные обители Блаженнейший Митрополит. Первая туга – всеобщая горесть всех русских людей о покинутом и оскверненном нашем Отечестве, о котором непрестанно молился почивший Митрополит Антоний, и вторая туга душевная – скорбь о разделении Зарубежной Церкви.

Все силы свои напрягал Митрополит Антоний на то, чтобы добиться церковного мира в Зарубежье. И частично ему удалось это: в Америке церковный мир установился на всесторонне прочных основаниях, но в Западной Европе, где дело церковного мира столкнулось с упорным противлением Митрополита Евлогия, печальное раздробление продолжается и до сих пор.

Великий наш старец – Авва переселился ныне в вечность. Как раз в грядущее воскресенье, послезавтра – день его Ангела. На этот раз свой день Ангела встретит он, мы верим, в селениях праведных вместе с Небесным своим Покровителем святым преподобным Антонием Римлянином.

Перед Божиим Престолом будет почивший Митрополит свидетельствовать о великих муках русской души, о тех муках, которыми так болело в настоящей жизни его архипастырское сердце.

ЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА-ЧАСОВНИ

Летописи древних седых времен, сохраненные для последующих поколений первым историком человечества Геродотом, повествуют о том, как некогда персидский царь Дарий Гидасп, вторгшийся в пределы скифской страны, был поражен легкостью, с какой скифы оставляли свои поселения на разграбление персов, даже не пытаясь их защищать. Но эти же скифы в ответ на вопрос повелителя персов: «Как же заставить вас сражаться?» – ответили ему: «Вот в наших степях ты видишь могилы и памятники наших царей, пробуй тронь их, и ты увидишь, что мы все умрем до последнего человека за них». И царь персидский с трепетным уважением покинул эту страну, где так свято чтилась память древних повелителей.

Высокий пример и назидание оставили нам эти древние варвары-кочевники, они оставили нам назидание свято чтить память великих государей.

Плох тот сын, который не приходит с молитвой к могиле отца в минуту скорби, раздумья и тревоги, кто не чтит свято его памяти, особенно, если он знает, что тяжкой виной прегрешил он перед своим отцом при его жизни.

Таково именно положение нас, русских, по отношению к нашему замученному Государю.

Со смиренным сознанием своей виновности перед памятью Мученика-Царя, с бесконечной любовью и горячей молитвой должны мы созидать часовню-памятник в честь его светлого имени, сочетав с его именем имя столь близкого Мученику-Царю по вере, по племени, по духу, по жизни и смерти Мученика-Короля Александра.

Сознавая смиренно свою вину перед памятью нашего Императора, мы должны просить прощения у Господа Бога, моля, чтобы Господь принял, как скромнейшую жертву за грех, воздвигаемый нами памятник-часовню. И только этим путем мы докажем, что просветление нашей души, пробуждение от страшного потемнения, охватившего некогда наш народ, начинает просыпаться в нас.

И яснее всего в деле созидания этого памятника-часовни должны мы доказать единомушье наше в благоговейном отношении к памяти нашего Государя.

НАСТАЛО ВРЕМЯ БОРЬБЫ С ОТЦОМ ЛЖИ

Мир переживает ныне страшный и тяжелый период острой и напряженной борьбы за главные и основные идеалы человечества, за свою веру в Бога, за свою уверенность в вечности и непреходящем значении человеческой души, как основной ценности человека.

Длинный мучительный путь прошло человечество, некогда изгнанное из рая, от тех древних времен, когда люди, согбенные непосильной борьбой за существование, звериной жизнью и ужасом полной своей беспомощности и бесприютности впервые подняли глаза к небу и начали призывать имя Господне¹⁵ (Быт 4:26).

С того времени молитва, сознание вечного присутствия Божия над миром стало самым драгоценным, самым священным сокровищем человека – всего человечества во всей его нераздельной общности, во всем его неделимом единстве.

Мучительно тернист, исполнен всяких заблуждений и исканий был дальнейший путь человечества. Мучения исканий и неудовлетворенности выносили на своих плечах самые выдающиеся, самые лучшие, самые духовно цельные представители человечества.

Наконец, 1937 лет тому назад загорелся немеркнущий свет Христов, ибо долгим, мучительным путем, пройденным в предыдущие века, человечество оказалось подготовленным, созревшим для принятия Божественной истины.

И вот теперь, через девятнадцать веков после того, вспыхивает сатанинский бунт людей против света Веры, против всего скопленного великой Божьей милостью и великой мукой человеческой духовного достояния людей. Бунт этот яростно вздымает свои волны и силится вернуть человечество к Каиновым временам, когда не призывалось имя Господне, даже, хуже того, стремится вырвать из человеческих душ сознание Божиего бытия, жившего и в Каиновой душе.

Вот дело воистину сатанинское, дьявольское дело, против которого могут и должны объединяться все силы человеческие, ибо на самое драгоценное, на самое общее человеческое достояние посягают темные силы.

Уже давно в наиболее чутких сердцах зрела мысль о создании всеобщего единения всех верующих в Бога людей для борьбы с безбожием, и ко мне еще десять лет тому назад обращались выдающиеся лица нашего зарубежья с мыслями о создании в противоположность единому фронту безбожников – мощного единения всех верующих в Бога людей под знаменем этой веры.

И при моем пребывании у Блаженнейшего Митрополита Антония три года тому назад я обращался к нему и к Св. Синоду, передав им об этих мыслях и настроениях, и получил благословение принять участие в такой благотворной и священной работе.

«Время раздирать и время сшивать, время борьбы и время мира», – говорит Премудрый (Ек 3:7)¹⁶.

Долго, очень долго было время враждования и борьбы носителей различных религий между собою. Не бесплодна была эта борьба, в которой для нас наиболее ярко сияют из глубины веков имена мучеников первохристианских, победно погибавших под руками античных язычников, нужно было в этой борьбе явиться искуснейшим, чтобы ярче сиял свет истины. Но ныне, перед лицом общего врага, страшного, злобного и лживого, не время борьбы между носителями того или другого служения Богу, а время мира между ними и неустанной борьбы против врага исконного, того отца лжи, который ведет бунт против Бога и против всякой святости Божией.

ПУШКИН И СОВРЕМЕННОСТЬ

Среди мучительных переживаний современности, когда наша Родина стонет под тяжким гнетом, а мы, ее изгнанники, едим горчайший хлеб изгнания в нищете и унижении, когда отчаяние порой готово охватить малодушное, исстрадавшееся сердце, – радостно вдруг осознать, – не разумом только, но сердцем почувствовать, что, вопреки всем унижениям, всякому презрению, которые пьем мы полную чашу, все же принадлежим мы к великому, к величайшему в мире народу.

А это чувство, это неоспоримое сознание никто в нас не будит так ясно, так ярко, как именно Пушкин, – «наше все», по словам Достоевского¹⁷.

Его мятущаяся, его многогранная душа, как в зеркале, отразила всю полноту Русской души, и самый жизненный путь его, исполненный то нравственных падений, то высочайших взлетов духа, – так ярко отображает исторический путь нашей Родины, которой одинаково близки и глубокие пропасти, и высочайшие вершины духа.

И недаром с именем Пушкина в дальнейшей истории Русской мысли так связаны крупнейшие переломные моменты оживления и пробуждения национальных светлых чувств. Таким моментом было торжество открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году, когда огненным словом Достоевского именем Пушкина русское общество оказалось пробужденным от чар интернациональных и революционных бредней, и вдруг почувствовало себя снова русским, православным, облеченным высшим духовным призванием. Быть может, это духовное пробуждение отсрочило на сорок лет нашу тяжкую катастрофу и дало много здоровых ростков в русской душе, не умерших и доселе.

Кто знает, какие последствия для пробуждения русского чувства будет иметь нынешнее чествование его имени. Не будет ли оно связано с зарей возрождения нашей Родины.

Да совершит это чудо Господь.

ПАМЯТИ ПАТРИАРХА-МУЧЕНИКА

Образ Святителя и священномученика Гермогена, Патриарха Московского и всея Руси, особенно близок и ярок остается для всех нас именно в переживаемые нами дни безвременья.

Властным голосом призывал хмельную и гулящую, во Христе юродивую Русь Святейший Патриарх к покаянию, к отрезвлению и к защите Родной веры и чести своей страны.

Как близки, дороги и злободневны эти вдохновенные слова могучего старца и для нас теперь среди мрачного безвременья. Смутное время, невольно воскресающее в памяти при одном имени Патриарха Гермогена, изобилует назидательными примерами любви к Родине, смирения и покаяния, твердость воли дряхлеющего, переходящего в другой мир, заточенного и мучимого Патриарха и донныне проникает в наши сердца.

«Нам проклятого отнюдь не надобно, – пишет слабеющею рукой свою грамоту из заточения Патриарх, – и хотя буде и постраждете, а вас в том Бог благословит в сем веке и в будущем. Стойте за веру неподвижно, а я буду за вас Богу молиться».

Прошло триста двадцать пять лет, как в темной и сырой келье Чудова монастыря угас светильник Правды, не мирившийся с лукавством, подлостью и предательством. Светлая душа его пламенной молитвой предстала пред Престолом Всевышнего.

Прошли немногие месяцы, и семена Патриарха дали плод.

Тогда, в те далекие дни, Господь пощадил нашу Родину и спас ее от позора и гибели.

И хочется верить, что и теперь, когда мы молитвенно вспоминаем светлый образ молитвенника и печальника Земли Русской, верится нам, что и сейчас он предстоит в сиянии Вечной правды, умоляя смягчить страдания Русского народа.

Пусть же образ Святителя Гермогена покаянным призывом запечатлеется в нашей душе, пусть больше будет в ней желания и решимости, «аще и постраждем» стоять за святую веру и Царство наше Российское.

КРЕЩЕНИЕ В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Рука Господня на всяком месте владычества Его, и неисповедимы Его пути, – эту истину ясно могли мы видеть и засвидетельствовать в середине Индийского океана, где дал нам Господь великую радость приобрести для Него не ведавшую Его дотоле душу. На борту парохода «Харана-мару», на котором совершали мы путешествие с Дальнего Востока в Югославию, нас окружали самые разнообразные, разноплеменные и разнородные спутники.

Более всего сблизились мы с итальянским профессором г. О. Вакари и его супругой ниппонкой г-жей Вакари, с канадской миссионеркой г-жей Мунро, с ниппонским англиканским священником г. Нагасава и с четой американцев – господином и госпожой Лайон. Мы, т. е. мой спутник и секретарь архимандрит Нафанаил и русский сопутешественник Ю. Ковалев, – мы принимали участие во всех разнообразных беседах этого разносторонне культурного общества.

Я рассказывал о дивных примерах милости Божией, явленных Господом неоднократно при моей миссионерской работе на Камчатке, о радостях этой работы, о том свете, который загорается в человеческих душах, когда их коснется свет Христов.

Канадка-миссионерка, работающая в миссиях Индии, рассказывала о многочисленных случаях обращения ко Христу язычников-индусов. Ниппонец-священник поведал о том, как он стал христианином. Католики-супруги Вакари принимали участие в этих беседах. И вот тогда-то, к своему глубокому огорчению и удивлению, узнали мы о том, что супруга нашего спутника американца г-жа Лайон не принадлежит ни к какой Церкви и даже не крещена.

Ее родители и предки, будучи настроены крайне вольномысленно, давно покинули ряды своей религиозной общины, почитая себя крайне развитыми философски, относились с полным равнодушием к религиозным вопросам.

Так родилась и выросла она в полной отчужденности от всех религиозных мыслей и запросов, но душа ее не удовлетворялась этим, а жаждала истинной духовной жизни.

И вот, встретившись с православными священнослужителями, она душой почувствовала, что здесь таится сокровище, более полноценное, нежели все, что она до сих пор встречала.

Каждый день вели мы с ней беседы о том, что культурный человек, которому открыто в полной мере ведение Божественных законов

святого Евангелия, тяжко прегрешает пред Богом, если не внимает этим святым заветам.

Большое впечатление на г-жу Лаойн произвело также чтение моей книги о мученичестве митрополита Киевского Владимира, имеющейся у меня в английском переводе.

Наконец, она стала просить меня окрестить ее и присоединить к святой Православной Церкви.

Утром 30 ноября ст. ст., в день праздника святого апостола Андрея Первозванного, было назначено крещение.

Администрация парохода любезно предоставила для совершения Святого Таинства помещение 1-го класса.

К назначенному часу туда собрались все упомянутые мною прежде лица, принимавшие то или иное участие в христианизации этой обрабатываемой к Богу души. Ее крестным отцом был архимандрит Нафанаил. С вечера разъяснил он ей смысл и значение святого таинства. Большую помощь нам в этом деле оказала книга православных богослужений на английском языке, которую мы имели с собой. По этой книге о. Нафанаил переводил крещаемой каждое слово богослужения, которое я совершал по-славянски.

Новокрещеной дал я имя Анны.

По окончании святого Таинства я обратился к ней со словом поучения и сказал: «Бог создал каждого человека из души и тела. Душа человека – богоподобна. Узнать же и почувствовать свое богоподобие можно лишь тогда, когда загорится в душе огонек веры в Бога.

Бог дал каждому человеку свободную волю, но предупредил, что если человек эту свою свободу направляет ко аду, он потеряет образ Божий, станет далеким от Бога. Чтобы идти по пути добра, Господь дал нам Свои святыя заповеди, которые можно можно выразить в одном святом и великом слове – Любовь. Любовь должна через молитву и веру направляться к Богу и во Имя Божие распространяться на всех людей. В любви сочетаются все прочие добродетели, все лучшее, что есть в человеке.

Вместе с тем Господь дал нам великое счастье именоваться сынами, детьми Божиими. Но детьми Божиими можно быть лишь чрез Христа, чрез христианскую веру, а дверь Христианства – Крещение, к которому призывает тебя сейчас Господь.

Отнюдь не виноваты те язычники Камчатки и других краев, о которых ты слышала, не виноваты в том, что они не знают Бога и не просвещены святым Крещением. Они дикари и многого не знают. Но куль-

турный человек, имеющий возможность читать и слышать святое Евангелие, тяжко виноват перед Богом, если не повинуется призывам Христовым.

Тебя призвал сегодня Христос, ибо он любит тебя, и мы вместе с тобой радуемся твоей радости, видя тебя омытой и очищенной святой водой Крещения, в которой омываются и очищаются все грехи человеческие.

Вместе с тем сподобилась ты причащения святых Христовых Таин. Сохрани же как можно дольше – в течение всей своей жизни незапятнанной и светлой свою душу, ныне омытую и очищенную.

Вместе с твоим мужем-христианином мы радуемся все ныне с тобой и приносим наши поздравления в этот радостный день».

Этот день воистину явился самым светлым и радостным из всех дней нашего пути.

Все наше разноплеменное дружное общество в этот день стремилось быть особенно единокордным и объединенным.

Поэтому так как пассажирам третьего класса не позволили обедать во втором классе, то все пассажиры нашей группы из второго класса спустились в мизерные помещения третьего класса, променяли свою обильную трапезу и обедали в этот день все вместе.

Это была действительно трогательная единокордная христианская трапеза, трапеза радости о новой душе, которую приобрел Господь неисповедимыми путями среди беспредельных вод океана.

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ «БРАТСТВА ХРИСТОВОЙ РУСИ ИМЕНИ СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА»

Год, который мы переживаем ныне, – 1938-й год от Рождества Христова, – знаменательный, Владимирский, юбилейный год для русских людей: 950-летие со дня Крещения Руси, Бог судил нам встретить и переживать в муках..

Исполнилось 20 лет пыток нашей Родины и Святой Церкви.

На Родине нашей, с одной стороны, приносится Богу жертва мучеников за веру Христову, Православную, за верность Православию Святого Владимира, а с другой стороны – мы видим, как безбожники, сатанисты, по нашим грехам, сметают все святое на Русской Земле, как в гонении пребывает наша Церковь и в разорении наше Отечество.

Русский народ на Руси задушен и ушел в себя, в тайники своего многострадального сердца. Он молчит 20 лет, а мир издевается над ним, и, умывая руки, как бы повторяет в адрес России: «Иных спасала, себя ли не может спасти».

Мы, изгнанники, – эмиграция – находимся в лучших условиях, чем наши собратия. Мы свободны, но ничем не можем помочь нашим страдающим братьям, не можем даже поддержать их морально, потому что за попытки нашего общения с ними их будут преследовать и лишать жизни.

Но мы не используем и тех возможностей, которые представляются нам. Мы можем подготовляться к делу спасения нашей Родины, но должны сознаться, что подготовляемся очень плохо или совсем к этому не подготовляемся, главным образом потому, что мы разъединены, не сплочены и нуждаемся в духовном обновлении, в нравственном возрождении.

Где же пути к этому обновлению и к сплоченности, к духовному возрождению?

Много организаций, обществ и партий существуют на разных началах и условиях. Но все это не то, что может нас удовлетворить и сплотить. Есть только один верный, неложный путь, указанный Самим Господом Иисусом Христом и Его Святыми Апостолами. Этот путь – Церковь Христова, в ограде которой мы и должны объединиться с любовью и верою Христовой.

Пример ясен нам из слов Христа Его ученикам, когда они пожелали отстранить от себя заботу о народе в пустыне и просили отпустить народ, чтобы они сами о себе позаботились и купили себе пищу.

Но Христос сказал о народе: «Не надо им ходить, Вы дайте им есть», — указывая, чтобы никто другой, а Святые Апостолы дали пищу народу.

И этот голос Божий относится и к нам – преемникам Апостолов, епископам и священникам Христовой Церкви. Голод духовный должно утолить, и утолить его должны только мы. Не можем мы пускать православный народ из церковной ограды в чужие дебри — страну далеке. В Церкви и около Церкви должен быть удовлетворен нравственный голод Русских людей по объединению.

Если нам тяжело, если мы немощны, то все же мы преемники Святых Апостолов, наследники их благодати, неизреченной и неизмеримой благодати Церковной.

И мы должны объединить Русский народ, чтобы он не ушел из ограды Церкви искать другого объединения.

Вот мы составили Собор Церковный, сильный и мощный. И этот Собор должен изыскивать и наметить путь объединения Православных Русских людей около Церкви Христовой. Этим путем объединения должно стать Братство Святой Христовой Руси имени Святого Владимира.

Надо принять этот идеал, вложить его в умы и сердца и с верой осуществить. Тогда Братство действительно станет истинным нашим Центром, к которому мы придем не только сами, но и привлечем всех близких нам, подготавливая себя и друг друга к служению на спасение нашего святого Отечества для прославления и возвеличения значения нашей Православной Истинной Христовой Церкви на земле, а души наши приготавим к вечности.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СЛАВА И ЛИЛИЯ

(Легенда о лилии)

«И об одежде что заботитесь?
Посмотрите на полевые лилии,
как они растут?
Не трудятся, не прядут.
Но говорю вам, что и Соломон во
всей славе своей не одевался так,
как всякая из них».

Мф 6: 28-29

Древний мир превыше всех земнородных [читит] иудейского царя Соломона. И действительно, царь Соломон прославил великою славою народ свой, он победил всех своих врагов, он был славен своим умом, прозорливостью и правосудием. Он прославился как мудрый царь вдохновенный поэт и философ. Его царский двор блистал великолепием и ослепительной роскошью.

Во всем мире не было властителя, блиставшего такой славой, как царь Соломон, сын царя и пророка Давида.

Из пустынной Аравии приехала в Иерусалим царица Савская, чтобы подивиться неслыханной славой царя Соломона.

Когда вошла царица Савская в зал пышного дворца Соломонова, то она была ослеплена необыкновенной роскошью: Соломон сидел на богато украшенном троне из слоновой кости, усыпанном драгоценными камнями. По сторонам трона стояли золотые изваяния львов. Трон окружала блестящая свита царских телохранителей.

Сам царь Соломон сиял красотой и был одет в златотканые пурпуровые одежды.

Полуденное солнце Палестины своими лучами заполняло тронный зал, где стены, потолок и пол – все играло драгоценным блеском алмазов и других камней, коими был украшен весь зал.

Царица Савская – дочь пустыни стояла, как замороженная невиданной славой, и потом с неудержимым восторгом выразила свое восхищение и похвалу.

Эти льстивые восторги одурманили царя Соломона и горделиво вползли в его душу, с этого момента Соломон сделался неузнаваемым.

Из мудрого царя-философа, равнодушного к суетным радостям жизни, он сделался гордым и тщеславным.

Однажды, утомленный и пресытившийся удовольствиями, весельем, музыкой и пением разгульных сотрапезников, царь вышел в сад, цветущий и роскошный. Гордо подняв голову, шел Соломон по прекрасным аллеям сада, упиваясь своим могуществом, славой и богатством, чувствуя себя сильнейшим владыкой Вселенной. Остановившись у хрустального фонтана, Соломон наклонился над бассейном и увидел отражение своего блеска в зеркальной воде. Он еще раз уверил себя в непревзойденной славе, и в этот момент его рука машинально протянулась к цветущей лилии и сорвала белоснежный ароматный цветок.

Лилия, на которую взглянул Соломон, мгновенно поразила его своим нарядом и ароматом.

«О, как прекрасен этот цветок, – прошептал он про себя. – Как строен твой стебель! Какая гармония во всех частях! И что пред этим дивным созданием вся моя роскошь? Что мои златотканые одежды пред этими нежными лепестками? Что блеск моего золота пред блеском этих капель росы, искрящихся под лучами солнца». И задумался великий царь, поникнув гордою главою.

Он думал о том; для чего все то, что он имеет, его слава, богатство и мудрость, для чего все это, если подобно лилии и всему живущему на земле, умрет. Смерть – общий удел всех и всего.

Но нужно жить так, чтобы душа, бессмертная и богоподобная, сохранила свою первозданную чистоту и красоту, как эта чистейшая и прекрасная лилия, повергшая мудрейшего из мудрых в размышление.

Душа не умирает, но живет вечно, и если она чиста от природы или очищена покаянием, после смерти нашего бренного тела она возносится к своему Создателю.

И вот за эту-то Богоподобную душу должны мы молиться, дабы сохранил ее Господь в чистоте духовной.

И по заветам нашей святой Православной Церкви должны мы молиться о душах тех, кои ушли в вечность, потому что для них теперь ничего не нужно кроме горячей молитвы... Помолимся же и мы этой горячей молитвой Господу Богу, да упокоит Он [душу] отошедшей в вечность матушки игумении Руфины.

ХРИСТОС РАЖДАЕТСЯ, СЛАВИТЕ

Снова слышится в храме хвала родившемуся Христу.

Снова повторяется ангельский гимн «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

Снова отверзаются врата Вифлеемова, и сияет звезда над вертепом, где родился Спаситель мира.

Снова по стопам пастухов и волхвов пришли пастыри и человецы в храм поклониться яслям Христовым и прославить родившегося Христа спасения ради человеческого.

И это поклонение Христу Спасителю повторяется и совершается уже 1942-й раз на земле.

Светом небесным и благодатию осиял родившийся Богомладенец всю землю, всю Вселенную.

А лучше ли стали от этого люди?

Приняли ли люди этот свет и благодать Божию?

Где воспетый Ангелами на земли мир?

Пролитая неповинная кровь Иродом в год рождения Богомладенца-Христа продолжает заливать беспощадно землю и донныне.

Христос снова на нашей родине скрывается в вертепе, в хлеве, ибо храмы Божии поруганы и осквернены.

Отняты дары: и злато и ливан и смирна, приносимые волхвами и поколениями их, верующими в Бога, Христу в храмы Божии.

Разошлись пастыри, и разбежались овцы стада Христова.

Двадцатый век неотразимо несет новый порядок жизни на земле.

И нам суждено жить в это страшное, грозное время.

И нам суждено быть строителями новой жизни, нового порядка.

Но без Бога, без веры в Бога, без соблюдения незыблемых, вековых заветов нашего Бога и нашей Матери-Церкви мы ничего доброго и хорошего не сделаем.

Поэтому не угашайте в себе, православные русские люди, веру в Бога и любовь к Матери-Церкви Христовой.

Не изменяйте Христу.

Но воспитывайте в себе и в детях ваших любовь Христову, воспламеняйтесь верой в Бога, зажигайте в сердцах ваших светильники добродетелей.

Ходите по путям правды Божией.

Вооружайтесь оружием креста Христова.

Ополчайтесь на всякое зло и неправду.

Побеждайте темную силу и безбожие силой своей веры.

Возрождайтесь в духе и истине.

Прославляйте Христа, родившегося нашего ради спасения.

Несите ваши дары Христу Спасителю, они ценнее и дороже, драгоценнее тленных золота и серебра – это ваши дела любви и милосердия, помощи и сострадания к ближним, бедным и сиротам.

И тогда вы будете ощущать силу и значение рождения Бога на земле, а сердца Ваши да будут чистыми яслями для принятия родившегося Христа, а уста Ваши да восхвалят вместе с Ангелами небесными Бога Спасителя радостным гимном: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Аминь.

СЛОВО НА МОЛЕБНЕ 19 АВГУСТА ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ НАД ЯПОНИЕЙ И УСТАНОВЛЕНИЯ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Во всю землю изыде вещание о победоносной славе Отечества нашего Российского, и во все концы вселенная гремит эта слава величайших побед русского воинства. Победы русского оружия на полях брани прославляют все народы мира. Неустрашимости русского воинства дивятся ныне побежденные непроходимые дебри, горы и холмы. Отваге их воспещут моря и океаны, восклицают хвалу свою бури и ветры смелости и стойкости нашего войска. Доблести и храбрости русских воинов страшатся и трепещут все враги, воюющие против них. Бесчисленные поля, обильно орошенные кровью, возрастили великие плоды и лавры победы русского оружия, и земля получила покой свой. Когда происходила грозная война, тогда Церковь Христова в лице Ее служителей и верующих горячо молилась о победе своего воинства. Тогда архипастыри и пастыри призывали к жертвам на нужды войны и воодушевляли воинов соучастием в подвигах милосердия и неустанного труда на благо полонимого врагом своего Отечества. Голос Церкви на Руси сослужил великую службу в помощь своей дорогой Отчизны, и зато Церковь Божия сейчас возвеличена и торжествует. Радуйся, Христова Православная Церковь, на великой земле русской, ибо ты плодоносна своими угодниками, мучениками, исповедниками, преподобными подвижниками и святителями, а наипаче воинами, исполнившими величайшую заповедь Божию, положившими жизни свои за други своя. А ныне Ты сделалась великой и торжествующей среди других сестер, Автокефальных Церквей Православных.

Всего лишь полгода назад в Москве собирались Вселенские Патриархи и другие высокие иерархи и голосом и молитвой Вселенской Церкви поставили канонически законного Святейшего Патриарха нашего Алексия Московского и Всея Руси. Радуйтесь, все русские люди-христиане своему русскому и вселенскому Православному торжеству. Милостивый Божий Промысл привел в настоящее время дорогое Отечество наше, нашу матушку-Русь к еще большей силе и славе. Великий народный Советский Вождь Генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин покорил под ноги России сильнейшего и злейшего извечного врага – тевтона, совершенно уничтожил его и тем спас всю Русь от вечно-

го порабощения, смерти и гибели. Он совместно со своими союзниками умиротворил всю Европу.

Достоин похвалы и то, что меч Российский поднимался не для того, чтобы напрасно и безрассудно умерщвлять людей, но чтобы даровать жизнь и спасти их от угрожавших зверскими убийствами. О жестоких зверствах немцев над неповинными женщинами, детьми и старцами теперь знает все человечество и содрогается от ужаса. Одним авторитетным своим словом Великий Вождь народов прекратил страшную долгодетную кровопролитную войну здесь, на Дальнем Востоке. И мы, пережившие в минувшие дни предсмертные страхи ввиду возможности взрыва нашего города в критический момент, мы обязаны возблагодарить Господа Бога за Его милости к нам. Мы все обязаны спасением авторитетному голосу и стальной воле Сталина, опустившему поднятый врага и избавившему от неизбежной гибели и смерти даже вражеских женщин и детей.

И прежде чем смогли возгреметь установленные по городу смертоносные орудия, мы внезапно увидели их разрушенными не огнем и мечом, а единым твердым словом мира. На наш богохранимый город Харбин и в последний грозный момент слетел ангел мира и обратил всех нас от скорби к великой радости.

Вспоминается нам сейчас библейская страница из древней истории, когда водимый Божией волею вождь и предводитель израильского народа Иисус Навин остановил силой веры и воли течение небесного светила – солнца и победил все царства Ханаанской земли и дал успокоение от войн своему народу и земле. А здесь той же силой веры и силой воли вождь и предводитель русского народа затмил и угастил грозно пламеневшее в государствах Восточной Азии Восходящее Солнце – страну Японию. В мгновение ока померкло это восходящее солнце, и народы Дальнего Востока облегченно вздохнули, вернувшись к мирным условиям жизни. Слава Богу! Мир настал во всем мире и во всей вселенной. Радуйтесь, русские люди, радуйтесь, и все люди! Познаем друг в друге брата, и да воцарится любовь Христова во вселенной. Будем неустанно воздавать славу и благодарение Богу. Мы, жившие долгие годы вдали от Родины, чувствовали себя людьми на чужбине и приняли это как наказание и тяжкое испытание, ибо мы всегда тосковали по Родине. Мы остались верными своему Отечеству и счастливы засвидетельствовать, что наши дети и юноши, несмотря на все трудности и сложности в создавшихся условиях жизни и несмотря на то, что наши дети родились здесь и не видали России, все они до мозга костей русские, и часто в ущерб своему спокойствию и бла-

гополучию не скрывали своей любви и готовности послужить милой Родине.

Ныне, когда наша Святая Церковь открыла свои объятия для бывших русских «эмигрантов», да внидем и мы с вожденной радостью в единую общерусскую семью с чувством сыновней верности и принесем молитвы наши Господу Богу. Если Господь благословил примириться с самими воевавшими неприятелями, то да не будем мы всякими злоухищрениями или мезтью преследовать и угрызать друг друга. Мир и любовь да воцарятся между всеми нами русскими людьми-братьями.

Победоносным вождям и воинам Великой Руси воздадим должную славу, хвалу и честь, ибо они победами своими обеспечили благополучие и мир всему Отечеству. Преклоним главы наши и колена пред вечной и славной памятью героев и защитников Великой Руси, павших смертью храбрых и пред всеми замученными неповинными жертвами в плену у злобных варваров-врагов.

И да сияет слава в вышних Богу, а на земле да утвердится мир и в человецех благоволение. Аминь.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПОБЕДОНОСНОМУ ВОИНСТВУ КРАСНОЙ АРМИИ НА МИТИНГЕ 2 СЕНТЯБРЯ В Г. ХАРБИНЕ

Отчего так радостно сияют все лица многочисленного собрания русских граждан г. Харбина?

Отчего так весело трепещут сердца всех народов, населяющих Дальний Восток?

Оттого что низринуто, повергнуто в прах, разбито и совершенно разоружено одно из жесточайших агрессивных государств – Япония, которая с мрачной настойчивостью оттачивала меч для нападения на нашу Родину и покорения ее. Самурайское государство, безжалостно угнетавшее, ограбившее и залившее кровью всю Восточную Азию, теперь на многие-многие годы потеряет охоту и способность творить присутствующие ему злодеяния. Сейчас наш Дальний Восток горит, сияет зарею новой, светлой, лучезарной, зажженной рыцарской рукой русских воинов несокрушимой Красной Армии.

Где вы, японские самураи, кичившиеся тысячелетней непобедимостью?

Куда девалась ваша дерзость, с которой вы навязывали свой пресловутый «новый порядок» под одной вашей крышей?

Вы ныне поверглись в прах от одного панического страха, когда только лишь начало бряцать русское оружие.

Непобедимость, настойчивость и самоотверженность доблестного воинства Красной Армии выявилась в борьбе не только с коварным врагом, но и с дикой природой и с суровыми стихиями здешнего края.

Непроходимые дебри, горы, болота и овраги решительно побеждались героями-танкистами. Бурные многоводные реки, моря и океаны покорялись силе и мощи русской эскадры. Бури и ветры не могли сопротивляться неустрашимости и стойкости наших славных орлов – гигантских самолетов и беспощадных истребителей.

Каждый русский воин своею храбростью и своим овеянным славой оружием наводил страх и повергал в ужас полчища японских солдат.

Горячее русское спасибо тебе, великий вождь Советского Союза Генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин, одним своим твердым авторитетным словом освободивший нас от японского рабства.

Слава Великому миротворцу, мировому герою – вождю Сталину!

Теперь, когда все миновало, мы свидетельствуем перед русской победоносной Красной Армией, что мы, жители Харбина, еще так недав-

но находились в страшной опасности быть взорванными японцами вместе со всем минированным городом. Но панический страх, наведенный вами на самурайское воинство, понудил их к безоговорочной капитуляции, а нас вы, Сталинские орлы-рыцари, спасли от грозившей всеобщей смерти. Благодарность вам, победоносное русское воинство, всегда будет жить в сердцах наших, и мы, православное русское духовенство, всегда будем молиться Богу за вас, наших избавителей.

Слава бессмертная, слава вам вечная, вожди и воины Красной Русской Армии!

Не мы одни торжествуем вашу победу и освобождение Маньчжурии от дерзких захватчиков, но и бессмертные имена многих тысяч героев старых русских воинов, сорок лет тому назад сражавшихся на сопках Маньчжурии и в Порт-Артуре с тем же вероломным врагом – японцами, и они получили, наконец, свободу и успокоение с приходом сюда вас, своих товарищей – бойцов, отвоевавших обратно эту землю с их доселе сиротливыми могилами.

Не стало японцев, – и весь Дальний Восток, словно пробудившийся от кошмарного и ужасного сна, ликуя, приветствует вас, носители мира, поборники правды, гениальные вожди, полководцы и доблестные воины Красной Армии.

В моем лице приветствует вас ныне все православное русское духовенство Дальнего Востока во главе со всеми местными архипастырями. Ведь японцы, бессердечно и зверски угнетая народы Восточной Азии, не только физически, но и морально глумились над человеческими правами поработанных ими людей, заставляя в своем безумии всех, в частности живущих здесь русских детей, совершать ритуальные поклонения своей мифической богине Аматерасу, калеча тем самым чистые души православных детей. Мой голос, восставший против этого изуверства, к сожалению, остался тогда единственным и потерялся как глас вопиющего в пустыне, и только впоследствии всем местным архипастырям с трудом удалось отстоять христианскую точку зрения о недопустимости пресловутых поклонений. Доблестная героическая Красная Армия освободила нас не только от угнетения и порабощения, но и от неминуемой расправы и мести как за непочитание японской богини, так и за признание и подчинение Родной нашей Матери-Церкви и Родины под мудрым водительством Святейшего Патриарха Алексия и славнейшего из славных Великого Вождя Генералиссимуса Сталина. Мы, архипастыри и пастыри Дальневосточной Церкви Православной, в знак своей благодарности и признательности воинам-героям, призы-

ваем и будем призывать всех русских людей к помощи осиротелым детям, у которых убиты на войне отцы и братья и перед которыми мы всегда должны чувствовать и сознавать себя неоплатными должниками.

Всем воинам, принявшим геройскую смерть на войне, да будет вечная слава и вечная память. Благодаря только им, этим героям, наша Отчизна – Русь теперь вкушает мир. О зверствах гитлеровского фашизма знает весь мир, а о зверствах японцев знаем все мы.

Вот один из недавних ужасных случаев, происшедший в Харбине: русская женщина, мать двух маленьких детей, по просьбе японки соседки пошла купить ей продукты, а вернувшись, к своему неопишному ужасу, нашла своих детей зарезанными этой самой японкой...

Кто другой, кроме этих жестоких зверей, мог совершить подобное злодеяние?

А убийства в спину со стороны так называемых смертников-камиказовцев – это ли не зверства?

Слава Богу, это все позади. И минуло оно только благодаря русским героям.

Поистине наша Отчизна Россия есть жилище героев! Да пребудет наша Русь всегда под благодатным Покровом Божиим. Да будет могучая, великая Отчизна наша достойно прославляема всеми народами мира в их славных сказаниях, песнях народных и гимнах торжественных!

Слава тебе, наша Родина-Мать, и поклон тебе земной от нас, беззаветно любящих тебя русских людей – твоих детей, отныне вошедших в единую родную нераздельную великую русскую семью.

Слава тебе, Великий Водитель нашей Матери-России, давший ей недосыгаемую мощь, величие и заслуженный покой!

Дорогие друзья, наша русская Православная Церковь на Руси свободна и никем не преследуется. Священнослужители на Руси, искренние служители Церкви Христовой, исполняют честно и добросовестно свой пастырский долг под мудрым водительством Святейшего Патриарха Алексия. Церковь Русская Православная и ее служители, как и все пастыри и архипастыри во главе с ныне почившим Святейшим Патриархом Сергием и здравствующим Патриархом Алексием, сослужили великую и полезную службу в период тяжелой Отечественной войны духовной и материальной поддержкой как правительству, так и воинству Красной Армии.

Я получил от нашего Святейшего Патриарха Алексия письмо еще до начала войны с Японией в самое трудное тяжелое переживаемое нами время, в котором Патриарх поручает мне передать всем вам Его Святительское Патриаршее благословение.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИЕРУСАЛИМ И ПАЛЕСТИНУ

(Из личных воспоминаний)

Се восходим во Иерусалим...

При одной мысли, что ты, недостойный и немощный, вступаешь в Святейший Град Господень, во Иерусалим, необычайный духовный трепет и чувство высокого благоговения овладевает тобою. Здесь все свято, все проникнуто Божественным дыханием, Христовой Божественной любовью, и потому ты ощущаешь себя как бы опаляемым невидимым благодатным огнем. Здесь даже физически ощущаешь самое очертание своего трепещущего сердца, вмещающего до края, до предела священнейшее дыхание Святой земли. «Слава, Господи, страстям Твоим и Воскресению», – шепчут уста путника, вступающего со страхом Божиим на землю Иерусалимскую, и мысль постепенно пробегает страницу за страницей Святого Евангелия, действительные отпечатки, явные отображения коего здесь всюду видны. Там все кругом свято и Божественно. И вот об этой-то святости и Божественности в Святой Земле будет повесть моя... Пройдя по серым, узким Иерусалимским улицам, подошли мы к величайшей святыне, которую только имеет Вселенная – к Священному Гробу Господню. Осенив себя крестным знаменем, с молитвой благодарения Богу, мы переступили порог священного храма. Пред нами, прямо против входа, был Камень Помазания, на который после распятия Благообразный Иосиф и Никодим возложили Тело Спасителя, помазали миром, обвинили плащаницею и отнесли во гроб. Направо была Голгофа, а налево, впереди, вход во внутреннюю часть церкви, где находится Кувуклия, т. е. сень над гробом Господним, как бы отдельный храм внутри большого храма Воскресения. С глубочайшим умилением мы преклонили колена перед священным Камнем Помазания, молясь: «Тебе одеющемуся светом, яко ризою¹⁸», Тому, кто в оные дни покоился здесь бездыханным Пречистым Телом, чтобы воскресить всех с Собою. Камень Помазания осенен рядами неугасимых лампад, среди которых несколько лампад возжжено русскими руками за нашу Русскую страну. Конечно, и наша немощная слабая молитва была именно за нее, за нашу Родину. Пройдя через небольшую дверь во внутреннюю часть храма, оказались пред Священной Кувуклией, под сенью которой находится Гроб Господень. Здесь молчание сковывает человеческие уста, здесь сердце замирает в молитве, ибо здесь Святая Святых всего человечества, всего христианского мира, здесь Божественный

Алтарь, Престол Божий для всей Вселенной. Здесь совершилось все дело нашего спасения. Здесь вечность соприкасается с землей. Благоговеино склонившись, вошли мы в первую часть Священнейшего Гроба, в так называемый придел Ангела, где некогда Ангел явился женам-мироносицам, возвещая им священнейшую радостную весть о Воскресении Христа. Посредине этого придела стоит Престол, на нем совершается Божественная литургия каждый день, начиная с 12 часов ночи, священнослужителями трех главных вероисповеданий, которым принадлежит Гроб Господень – православными, католиками и армянами. Низенькое каменное отверстие открывает вход в другую половину Святого Гроба, в ту самую, где некогда возлежало Тело Иисусово, где совершилось священное таинство Воскресения Христова. Склонившись низко и войдя туда, мы опустили на колени, не смея ничего сказать. Здесь совершилось Великое Таинство смерти и Воскресения Христа Спасителя, и потому здесь «да молчит всякая плоть человеческая и да стоит со страхом и трепетом ничтоже земное в себе помышляя»¹⁹. Тут яснее чем где бы то ни было, чувствуется веяние Неба, дыхание Вечности, и потому так ясно сознает здесь человек всю свою ограниченность, свою ничтожность, тут ярче всего загорается то опаляющее душу стремление к Небу, которое некогда горячим пламенем захватывало душу христиан, направляя их в леса и пустыни для беспрепятственного созерцания Бога. Здесь постоянно царит то возвышенное радостно-чистое святое чувство, которое нам, недостойным и грешным, Господь посылает лишь однажды в год, в священную Пасхальную ночь. Над камнем, на котором некогда возлежало Тело Спасителя, возвышается образ Воскресения и опускается 40 одинаковых ценных массивных лампад, из которых также часть возжжена русскими руками. Из Гроба Господня выходят, не поворачиваясь к Нему спиной, но благоговеино склонившись в низеньком проходе. Прямо против Кувуклии находится величественный греческий храм Воскресения. Через алтарь этого храма мы прошли в Подножие Святейшей Голгофы, представляющей естественную небольшую скалу, на которую ведет 28 ступеней. С умилением и благоговением мы поднялись туда, где некогда стоял Крест Христов, где в оные священные дни терпел страшные муки за наши грехи Господь и Создатель наш. На месте водружения Креста Христова стоит Православный Престол, а справа от него престол католический. С пламенной молитвой припали мы к тому месту священной скалы, окованному серебром, где некогда был распят на Кресте Спаситель Мира. Справа и несколько позади от этого святого места в скале видна глубокая трещина не вдоль пластов скалы, а поперек. Эта трещина явилась в страш-

ный час Крестной жертвы, когда, по слову Евангельскому, земля потряслась и камни распались. Повторяя слова молитвы: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим²⁰», исполняясь покаянного чувства, мы сошли со Святой Голгофы и долго-долго смотрели на вершину этой святой горы. Яркая, страшная, проникшая до глубины сознания мысль потрясла нас: «Господи, ведь это все здесь, на этом самом месте, совершилось». С величайшим трепетом, с благоговейнейшим страхом мы устремили свой взор на Голгофу, туда, где два тысячелетия тому назад совершилось страшное величайшее Таинство.

Безмолвна Святая Голгофа, полумраком, озаряемым только светом лампы, затянута ее святая вершина, но неизреченными таинственными глаголами явственно гласит Спаситель в сердцах человеческих теми самыми словами, которые некогда прозвучали с этой священной вершины.

Часами можно стоять у Подножия Святой Голгофы на этом святом месте, где некогда стояла Пречистая Богоматерь, глядя на муки Сына Своего и Бога, соучаствуя в Его крестных муках муками Своего Пречистого Материнского сердца. Здесь часы будут казаться минутами, минуты длиться как долгие часы, ибо в мгновенных образах, в часовых размышлениях здесь яснее, полнее и ярче, понятнее и понятнее становится неизреченная глубина дела нашего спасения, совершенного Господом. С Голгофы я прошел в католический храм, расположенный внутри того же обширного Иерусалимского храма. Там хранится часть того каменного столба, к которому Христос был привязан в темнице во время мучений. Рядом с католическим храмом находится храм армянский на месте, где разделяли ризы Христовы. Около Кувуклии приютился престол коптов и абиссинцев. Все племена, все народы, все языки разными обрядами, разными наречиями славят Господа под одним общим куполом в этом месте спасения мира, где совершилось дело нашего искупления, и часто в одно и то же время раздаются все молитвенные прославления: пение, чтение, звон колокольников, музыкальные звуки, крики духовного восторга верующих – все это мощно сливается в общую молитву, усиливает религиозный подъем и умиляет при виде такой сильной, огненно-пламенной веры народа.

От Святого Гроба Господня мы направили стопы свои к Святой Горе Сиону, которую боговдохновенный царь – пророк Давид возлюбил и ублажил в священных псалмах многими хвалами. Он наименовал ее горою Божией, Домом Божиим, Жилищем Бога. Сам Святой Пророк Давид – этот возвышенный духовный поэт псалмопевец – избрал себе жилищем гору Сионскую, где и доныне видна его гробница. Под одной

кровлей с гробницей Царя Давида находится святейшее для христианского сердца место – Сионская горница, та горница, где впервые Христос установил таинство Евхаристии и где Дух Святой сошел на Апостолов, где потом – по Воскресении, Спаситель дважды являлся ученикам Своим. Горница эта находится в руках мусульман, учредивших в ней мечеть. Сняв обувь с ног, по древнему восточному обычаю, с трепетом благоговения мы вошли в Святую горницу. Духовный взор переносился к тем священным часам, когда впервые и на вечные времена раздались здесь Божественные слова: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое» и «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя», «Сие творите в Мое воспоминание»²¹, – когда, показуя Божественное смирение, Христос умывал ноги учеников, когда неизреченной скорбью поведал Он Апостолам, что «един от Вас предаст Меня»²². Отсюда, от этой скромной келлии началась вся история Христовой Церкви, и все бесчисленные, блистательные, величественные соборы и храмы, которые воздвигли христиане во всех уголках земли, являются духовными потомками этой самой убогой Горницы. Так, человек, стоящий у истоков могучей великой реки, имеющей напоить струями своими множество народов, соединить тесными узами взаимообщения многие города и страны, с удивлением видит, как смиренно и скромно начало великих рек. В Святой Сионской горнице мы стояли у самого истока животворной священной реки – Церкви Христовой, животворящие струи которой напоили жаждающее человечество и питают вот уже два тысячелетия живой водой Благодати Божией. Здесь впервые сошла на Апостолов Божественная Благодать, немощная врачующая²³, та самая Благодать, которая передается епископам и священникам по преемству апостольскому. Вот почему Православная Церковь поет: «Радуйся, Сионе Святый, Мати Церквей, Божие Жилище»²⁴. Недалеко от Сиона расположен Бенедиктинский монастырь в честь Успения Божией Матери. Здесь ранее стоял дом святого апостола Иоанна Богослова, здесь же окончила дни земной своей жизни Мать Божия. При входе на Сион находились дома первосвященников Каиафы и Анны, где в страшную ночь предания Христа земные неправедные судьи судили Судию Праведного – Судию Вселенной. Это место находится во владении армянского монастыря. На Сионе же находится и темница апостола Петра, над которой ныне выстроен прекрасный католический храм. Рядом с Сионом высится другая гора, Мориа, место, где некогда возвышался прекраснейший храм Соломона. На вершине Мориа Авраам приносил в жертву Исаака. Место это ныне помещается в середине знаменитейшей мечети Омаровой. Мечеть украшена изящнейшими художественными арабесками и, по мнению многих путешест-

венников, является в настоящее время одним из красивейших зданий во всем мире. И снаружи и внутри ее стены выложены изразцами и мозаиками, передающими стихи Корана. Многие колонны и золотые украшения мечети были перенесены в нее Омаром из храма Гроба Господня. Все окна в мечети, словно плетеными кружевами, разукрашены разноцветными мелкими стеклами, блестящими, как драгоценные камни. В мечети хранятся священные для мусульман реликвии Магомета: его седло, знамя, копьё и древнейший список Корана. Посредине мечети, отгороженная решеткой, высится большая, величественная, естественная скала, по преданию, та самая, на которой Авраам приносил в жертву Исаака. Ворота на площадь Омаровой мечети с севера закрыты наглухо. Эти ворота называются Золотыми Воротами, ими вступил в Иерусалим Христос Спаситель в прославленный день, когда раздавались народные и детские голоса: «Осанна в вышних, благословен грядый во Имя Господне»²⁵. Здесь встречали Христа дети Иерусалимские, постилая одежды свои и листья пальм под ноги Его. Золотые ворота замуравлены, затворены в первые же дни мусульманского владычества, ибо было предсказание, что через них придет освободитель Святой Земли. На противоположной стороне мечети находится остаток стены Соломонова храма, так называемая «стена плача» евреев, у которой ежедневно и непрестанно плачут, кричат, рыдают и бьют себя в грудь евреи. Мы были в мечети и прилегающих частях накануне субботы, и поэтому особенно много евреев теснилось у «стены плача». Поднимая руки к небу, потрясая воздух рыданиями и плачем, они стонали, жалобно молились у этих останков своей древней славы, бились головами, руками о священную стену. Жутко, тяжело у этой «стены плача». К Западу от горы Мориа находятся Овчие ворота. Здесь посетили мы древнюю купель Вифезду – Дом Милосердия, где некогда Христос исцелил ослабленного, страдавшего 38 лет. С особенно глубоким чувством приблизился я к этому Святому месту, названному Домом Милосердия, вознося молитву о моем харбинском Доме Милосердия, наполненном ослабленными и немощными людьми.

Недалеко от Вифезды находился в древности дом Иоакима и Анны. Рядом с этим домом находилась некогда претория Пилата, недавно откопанная археологами, так что ныне претория является одним из наилучших установленных мест Древнего Иерусалима. Здесь душа верующего христианина снова вздрагивает благоговейным трепетом. Здесь снова священнейшие места, освященные страданиями Сына Божия. Высоко поднимается к небу арка «Се Человек», сюда некогда малодушный Пилат привел Спасителя Христа, думая вызвать сострадание у без-

жалостного народа. Здесь начинается крестный путь Христа, отмеченный четырнадцатью остановками, когда, измученный телесно страшными муками, Христос, шествуя в колючем терновом венце, нес Крест Свой ради нашего спасения. Этот страстной путь с благоговением проходит богомольцами, обращающими духовные взоры свои к тем благословенным и страшным временам. Путь этот оканчивается на Святой Голгофе, в преддверии Святого Гроба Господня.

С давних времен в Великую субботу из года в год совершается у Гроба Господня величайшее чудо «низведение над Гробом Господним Небесного Огня». В день Великой субботы утром Святейший Патриарх или его Местоблюститель входит в святую Кувуклию над Гробом Господним, одетый лишь в одну белую, до пят длинную рубашку. Прежде представители турецких властей, а ныне представители местного населения свидетельствуют, осматривают эту единственную одежду-рубашку на Патриархе и завязывают рукава, а потом свидетельствуют пещеру – Гроб Господень, куда и вводят Патриарха.

В это время народ, наполняющий храм и огромную площадь пред храмом, молится напряженно, неистово, со всем пылом южной природы, глубоко возбужденный совершающимся на его глазах чудом. Молятся не только православные греки, русские, сербы, болгары, молятся и армяне, и копты, и сирийцы, и многие представители других восточных народов. И вот, в тот или другой момент, в период Великой субботы, после такой напряженной молитвы, которую Патриарх совершает с поднятыми руками к небу у Гроба Господня, имея в каждой руке по пучку из 33 свечей незажженных, вдруг появляется Небесный огонь, сходящий на свечи Патриарха. В это время ни у Гроба Господня, ни во всем храме не горит ни одна свеча и ни одна лампада. Из пещеры Гроба Господня в Кувуклии на обе стороны имеется два большие отверстия. В эти отверстия Святейший Патриарх, получив Небесный огонь, в тот же момент подает свои пучки свечей с Небесным огнем, и его, обессиленного, обливающегося потом, как водой, выводят к народу, с которым он молится и славит Воскресшего Христа – Спасителя Мира. Огонь же молниеносно раздается народу. Каждый из богомольцев имеет в своих руках также по два пучка свечей, по 33 свечи в каждом пучке, по числу лет земной жизни Христа. Тогда неописуемый восторг овладевает всеми присутствующими в храме Воскресения и Гроба Господня, и все по-своему громогласно, воодушевленно славят Воскресшего Христа, выражая восторг веры всеми образами и способами, смешавшихся воедино, всех религий, всех народов. Этот энтузиазм религиозный невозможно передать словами, он также захватывает

и мусульман-турок, и [представителей] других нехристианских народов, пришедших увериться в чудо явления «Небесного огня». Ежедневно каждую ночь ровно в 12 часов православные священнослужители совершают Божественную литургию на Гробе Господнем, после православных, без промедления, служат литургию на том же Господнем Престоле католики, а за ними непосредственно армяне.

В субботу, 31 декабря ст. ст. я имел величайшую милость Божию, с благословения Святейшего Патриарха Иерусалимского, совершить Божественную литургию на Гробе Господнем в 12 часов ночи. Когда я пробирался по узким иерусалимским улицам к храму Воскресения Христова около 12 часов ночи, то я испытывал чувства душевной радости и особенного волнения такие же, какие обычно я и всякий православный человек испытывает в пасхальную ночь, но мои переживания в данном случае были еще глубже, и более меня волновало сознание, что ведь я приближаюсь к тому самому Святейшему месту, где Христос Воскрес. Вот вырисовывается на фоне темной ночи черная громада храма, а святогробские тысячепудовые колокола торжественно тягуче гудят над полусонным Иерусалимом. Войдя в узенькую дверь громадного храма, я услышал дивный трезвон других мощных колоколов, которые гудели внутри храма. Такой там обычай. Священный трепет овладел душой. По прочтении входных молитв я с архидиаконом приложился к Гробу Господню, и меня облачили в древние кованые серебром и золотом облачения Иерусалимского Патриарха, одели на меня крест и панагию с Святым Древом Креста Господня и тяжелую патриаршую митру. За литургией умирительно пел русский хор монахинь из монастыря с Елеонской горы. Под пение «Приидите, поклонимся» после входа с Евангелием я вступил под святую сень Кувуклии. Невозможно описать то чувство, которое овладело тогда душой. Те светлые исключительные чувства, которые ощущает душа христианина в незабвенную пасхальную ночь, чувства, которые как отблеск небесной радости, посылает Господь нам на нашу грешную землю, чтобы показать к чему мы должны стремиться в грядущем, те чувства постоянно владеют паломниками во Святой Земле. В моменты же поклонения Гробу Господню, в моменты служения под Его священной сенью это чувство удвоется, удесят�еряется, и душа поет гимны, и сердце хвалит Творца, и светлая радость вместе со слезами покаяния с глубочайшей скорбью за свою греховность и мольба об очищении до краев наполняют душу. Как бы каждый день там, у Святого Гроба, переживается христианской душой Святая Пасха. Во время литургии у Гроба Господня всегда неизменно поются пасхальные песнопения «Воскресни Боже», «Ангел во-

пияше» и др. Этим знаменуется и ярко выражается то постоянное настроение души, которое всегда переживает христианин в этом священном месте. И когда я окончил литургию, долго еще в душе пели ангельские хоры, и ясно сознавало сердце, что вот сила, которую не могут победить никакие иные силы, вот свет, который не в силах потушить все усилия зла. Благословенная ночь у благословенных мест... Никогда не забуду я этой радости, никогда не перестану говорить о ней. «Не умолкну ради Сиона, ради Иерусалима, не успокоюсь»²⁶. В период моего пребывания в Иерусалиме я имел счастье многократно беседовать, совместно молиться, совершать богослужение, и я всегда с чувством глубокого уважения и благоговения смотрел на одухотворенное лицо Первосвященителя Иерусалимской церкви того времени Блаженнейшего Митрополита Келадиона – Местоблюстителя Иерусалимского Патриаршего Престола. На того самого благостного старца – избранника Божия, который ежегодно совершает великое чудо милости Божией – низведение Небесного огня в Великую субботу. При последнем прощании моим с Блаженнейшим Владыкой Келадионом я получил из Его святительских рук самую высшую награду, какая только существует на земле, – «Святогробский Крест с частицей Древа Животворящего Креста». При чем митрополит Келадион снял с себя эту величайшую святыню и возложил на мою грудь. Всем же православным жителям Восточной Азии Первосвященитель Иерусалимской Церкви написал по-гречески замечательное, дышащее благодатной церковной древностью, святоотеческим духом послание, которое я и оглашаю, как относящееся ко всем православным народам, ныне вверенного мне митрополичьего округа: «Всем благословенным православным христианам в Маньчжурии, Китае, Корее, Камчатке и прочих местностях Восточной Азии благодать и милость от Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Да будет благословенно и препрославлено Имя Господне, Божественная благодать Которого удостоила Его Высокопреосвященство, Архиепископа и Архипастыря вашего Нестора, чтобы он прибыл пред мироспасительным праздником Рождества Христова во Святый Град Иерусалим и поклонился Святым Местам в этой Святой Земле и укрепил свои надежды и желания и добрые подвиги в деле Евангелия. Святейшая Матерь Церковь, которая носит на своем теле язвы Господа, приняла Его Высокопреосвященство с любовью и честью. Он служил с нами в ночи на праздник Рождества Христова над Божественным Вертепом, над которым звезда, идущая пред волхвами, стала, чтобы показать им рожденного нового Младенца – Предвечного Бога. Затем Его Высокопреосвященство совершил Божественную литургию и на Живоносном Гробе Господнем

и молитвы и моления возносил Всемилосердному Богу о мире, благостоянии и преуспении богоспасаемой своей паствы и о всех вас, православные христиане. Совершив же священное поклонение, Его Высокопреосвященство, приготавливаясь отправиться восвояси, предоставляет нам случай повторить за Вас молитвы, которые постоянно Святая Сионская Церковь от всех Святынь возносит день и ночь за всех православных и молится Всеблагому Богу, чтобы Он даровал вам благая Иерусалима и благословение Сиона, укрепил вас в вере и добрых делах, преуспевая вас в благочестии, исправляя сердца ваши в любви Божией и терпении Христовом. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да умножится на вас и на ваших семьях и домах. Аминь.

Местоблюститель Патриаршего Иерусалимского Трона Келадион, митрополит Птолемаидский, во Святом Граде Иерусалиме 1933 год декабря 29 дня».

С великой грустью расставался я с Святой Землей, так благостно принявшей мое недостоинство в своих святых священных пределах. На всю мою жизнь я сохраняю благоговейно святые воспоминания о днях и часах, проведенных так счастливо в Святой Земле. Сердце мое с трепетом, благоговением всегда напоминает слова псалмопевца Давида: «Аще забуду Тебе, Иерусалиме, забвенна буди десница моя»²⁷. Душа же и доныне чувствует, что от святых пределов Священной земли я уходил как бы вновь родившимся, очищенным и просветленным. Некогда слова Христовы, падавшие в человеческую душу, возрождали ее к новой жизни. Святое Евангелие, распространенное по миру святыми апостолами, обновило человечество. А я в Святой Земле как бы проходил страницу за страницей самого Евангелия, был свидетелем всего Христова деяния, там совершавшегося. Живое Евангелие раскрывалось предо мной, и в мою грешную душу бросало оно живые, немеркнувшие искры. Конечно, жизненный сор черными вихрями пытается всегда загрязнить душу, но в ней неистребимо с помощью Божией будет жить память о Святом Городе, и память эта будет драгоценным факелом на священном пути моего служения и стремления к Горнему Высшему Иерусалиму – нашему Небесному Отечеству. Аминь и Богу слава и благодарение за все.

ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ЛИТВИНОВА

(Некролог)

В начале сего 1946 года в г. Ханькоу скончалась Елизавета Николаевна Литвинова. Покойная была крупная благотворительница и добрая, щедрая попечительница многих детских приютов и старческих богаделен. Она на свой счет содержала много беднейших семей и всегда безотказно помогала всем нуждающимся без различия национальности и вероисповедания. Будучи сама глубоко религиозной православной русской женщиной, она в то же время с уважением относилась ко всем религиям, выявляя огромную терпимость при оказывании существенной материальной помощи как христианам, так и язычникам. Елизавета Николаевна была моей духовной дочерью, а поэтому я ее знаю очень хорошо. Десятки раз я бывал у нее и в Ханькоу, и на Кулине, и в Шанхае, где Елизавета Николаевна совещалась со мной о всяких нуждах благотворительных учреждений не только наших харбинских, но и маньчжурских, шанхайских, пекинских, циндаоских и др.

Ее особая любовь и забота распространялась на наш Дом Милосердия, коего Елизавета Николаевна была почетной попечительницей и прямо матерью всех наших сироток детей, как и приюта епископа Ионы в Маньчжурии. Без умиления нельзя читать предсмертного завещания епископа Ионы, в котором он обращается к доброму сердцу Елизаветы Николаевны не оставить детей его приюта без ее помощи и поддержки. В нашем Доме Милосердия Елизавета Николаевна построила за свой собственный счет третий этаж. Пекинской духовной миссии Елизавета Николаевна щедро помогла огромной суммой, в критический момент, когда миссии по суду грозила опасность из-за невозможности удовлетворить миссийские долги. В Шанхае Елизавета Николаевна выстроила для Пекинской миссии огромный трехэтажный архиерейский дом, опекала там же приюты детей и стариков; много помогала при постройке собора и других шанхайских церквей. Елизавета Николаевна внесла в Харбинскую епархию 20 000 долларов на церковно-благотворительные нужды, по завещанию ее покойного мужа С. И. Литвинова. На Кулине на своей земле Елизавета Николаевна построила уютную церковь для православных жителей Леулина-Кулина; сама читала и пела в церкви, часто пономарила и даже звонила на колокольне, если в это время не оказывалось ее помощника. Широкая помощь Елизаветы Николаевны щедро распространялась в родную ей Сибирь и даже в Москву, где она раньше подолгу жила, ведя чайное торговое дело со своим мужем. В Харбине через меня Елизавета Нико-

лаевна субсидировала многих инвалидов учительского персонала, профессуру. Я наблюдал, гостя у Елизаветы Николаевны, как она ежедневно получала десятки писем и телеграмм со всех концов вселенной и с воодушевлением удовлетворяла нужды обращавшихся к ней, чутко переживая их скорби, бедствия и болезни.

Почившая всегда искренне и сердечно относилась ко всему православному духовенству, начиная от патриархов и кончая диаконами и церковнослужителями. Она имела деятельную переписку со многими патриархами и архиереями в Европе, с иерусалимскими и афонскими старцами, священниками, распространяя и туда щедрую благотворительность.

Когда ее огромная чайная фирма в Китае, в силу разных обстоятельств, постепенно сокращалась, прекращались чайные плантации, закрылась чайная фабрика и остались только дома в Ханькоу, тогда Елизавета Николаевна отказалась от пользования для себя арендной платой со всех своих домов, оставив только для своего жилья один дом, все деньги от аренды домов она отдала бедноте и благотворительным учреждениям, где бы они ни находились. Ее доверенный вел учет этой сумме с арендных домов, а Елизавета Николаевна только распоряжалась, куда, кому и какую сумму денег надо отправить. Надо сказать, что Елизавета Николаевна обладала огромным характером, колоссальной силой воли, большим умом с мужским укладом. Недаром все знавшие ее называли, в шутку конечно, «министр в юбке». Ее особенностью была беспредельная любовь к Родине, она ее всегда неизменно одинаково любила и верила в то великое мощное положение Руси, каковое так ярко и славно выявилось в Великой Отечественной победоносной войне. Победу и славу Советского Союза Елизавета Николаевна неоднократно и уверенно предсказывала. Зная по Москве некоторых членов Советского правительства, Елизавета Николаевна всегда откровенно и удивительно тепло отзывалась о них, предсказывая их полезное служение и стояние на страже интересов Российского государства.

Нравственные устои Елизаветы Николаевны в отношении самой себя были суровы и строги, но и к людям она относилась так же требовательно, особенно к духовенству. Елизавета Николаевна всегда неизменно носила русский национальный костюм. Обычно на ней всегда был черный сарафан с черным же кокошником, а в праздники Елизавета Николаевна одевала русский белый костюм с белым же кокошником. Покойная Елизавета Николаевна – уроженка гор. Тюмени, но всю свою жизнь прожила в Китае и очень любила Китай. Она знала прекрасно китайский и английский языки и имела много друзей среди выдающихся

ся имен китайцев. Последним ее желанием было переехать в Харбин и стать ближе к жизни нашего Дома Милосердия, о чем она постоянно мне писала, ожидая окончания войны и возможности прибыть сюда. Конечно, с великой радостью и я ожидал ее прибытия к нам, но этому не суждено было осуществиться. Елизавета Николаевна скончалась 78 лет, если даже не старше, но она всегда выглядела значительно моложе, и русский наряд с скромным кокошником на голове выделял ее из всех людей. Где бы она ни появилась, – в Шанхае, Циндао или Тяньцзине – все ее знали и с интересом останавливались, чтобы полюбоваться на видную статную русскую боярыню.

Кончина добросердечной филантропки, редкостной благотворительницы, конечно, будет долго оплакиваться всеми благотворительными учреждениями и всей беднотой, кои пользовались ее помощью и материальной поддержкой. Память о ней останется у всех добрая, светлая и преисполненная благодарности, которую всякий будет теперь со скорбью выражать в своей молитве о упокоении ее доброй, светлой души в вечности в селении с праведными.

Счастлива она тем, что не для себя и не для своей корысти богача, а всецело для других, служа щедро от богатства своего. Из далекого Харбина я от себя за всех, кому Елизавета Николаевна благоволила, земно кланяюсь ее могилке и никогда не забуду ее доброго, светлого имени, а Харбинская наша епархия должна особенно чтить молитвенную память почившей за ее большую жертвенность, помощь и материальную поддержку, которую она так много и всегда и во всем оказывала во всех проявлениях церковной жизни этой епархии.

**СЛОВО ПРИ ВРУЧЕНИИ ЖЕЗЛА ЕПИСКОПУ НИКАНДРУ
В ДЕНЬ ЕГО ХИРОТОНИИ 22 СЕНТЯБРЯ 1946 ГОДА
В СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ**

Дорогой Преосвященнейший собрат наш во Христе Никандр.

Радостно поздравляю тебя и приветствую с восприятием святительского сана. Велика, безмерно велика Милость Божия к тебе, поставившего тебя на такое высокое благодатное святительское служение.

Все твои предварительные глубокие переживания остались теперь позади. Ты сейчас словно поднялся на высокую крутую гору, потратив для сего много душевных сил и переживаний.

Ныне благодатная сила осенила тебя и утвердила в тебе покой душевный. В дальнейшем твоём епископском служении с верой опирайся на помощь Божию и на неиссякаемый источник Божественной Благодати, которой ты отныне становишься не только носителем, но и раздаятелем. Если при пострижении в монашество ты стал в ряды равноангельских чинов, то при посвящении в сан Епископа, ты становишься Ангелом Церкви и Стражем Божиим.

И знай, что видимый блеск и положение архиерейского сана покрывает невидимую тяжесть и ответственность перед Богом Архиерейского омофора, символизирующего на плечах твоих овцу – паству твою, за сохранение целостности и чистоты Православия коей ты будешь давать ответ Богу на страшном суде Божиим. Вот Евангельские слова Христа к апостолу Петру так применительны к нам, епископам: «Егда же юн поясаешься сам и хождаше аможе хотяше, егда же состареешься ин тя пояшет и ведет аможе не хоцещи»²⁸. Слова эти, знаменующие мученическую кончину апостола Петра, применимы к нам в том смысле, что мы, епископы, не можем сами распоряжаться собой и делать что бы нам хотелось, а неся крест архиерейского служения, должны во всем повиноваться слову Божию и Заветам Христа и, не имея своей воли, идти по пути, предуказанному нам Промыслом Божиим. Много возлагается на плечи епископов, и мы смиренно и покорно несем подчас тяжёлый крест архиерейского служения и подвига, но неуклонно следуя по стопам Христа и Его Святым Заветам.

Далее Христос Спаситель сказал апостолу Петру: «ИДИ ЗА МНОЙ». Иди же и ты, друг наш, святитель Христов, всюду по стопам Христа Спасителя и тогда исполни свое избрание и посланничество служения Богу и Церкви Христовой на земле и наследуешь Царство Божие.

Избирая тебя в служение нам и в помощь нашему церковному управлению здесь, на Востоке Азии, мы руководствовались тем, что тебя знает, почитает и любит православная наша паства и возведение тебя в сан епископа ныне встретило полное удовлетворение в сердцах верующих русских людей Восточно-Азиатского Экзархата. Гряди с вручаемым тебе архипастырским жезлом, символом высшей духовной власти в открывшийся ныне для тебя новый путь твоего Епископского служения Церкви Христовой, но будь верен и послушен избравшему тебя Святейшему Отцу нашему АЛЕКСИЮ, Патриарху Московскому и Всея Руси и нашей мерности.

Взойди теперь на архиерейскую кафедру и благослови святительским благословением мира и любви всех ожидающих твоего благословения. АМИНЬ.

СЛОВО О ВОЗДВИЖЕНИИ ХРАМА-ПАМЯТНИКА СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Сорок лет города Дальний и Порт-Артур находились под игом врага. 40 лет владычествовали японцы в Маньчжурии. Сорок лет русские воины-герои, павшие в войне с японским агрессором, ожидали достойного отмщения за себя и за поруганную честь горячо любимой своей Родины.

От имени всех верующих Русских людей вверенного мне Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии приветствую вас, дорогие воины-герои, чудо-богатыри – освободители, и приношу вам глубокий русский поклон и искреннюю от всего сердца благодарность всех русских людей, освобожденных вами от безысходного рабства и злодейского самурайского владычества.

Ныне, в ознаменование величайших побед нашей доблестной Советской Армии, исторической победы нашего Великого Могучего Советского Народа над злейшим врагом нашей Родины, японским агрессором, в ознаменование небывалого расцвета и величия и непобедимости Советского оружия, мы решили в городе Дальнем воздвигнуть памятник Славы – величественный собор в честь нашего великого Русского воина-героя Александра Невского.

Являясь представителем здесь, на Дальнем Востоке, Святейшего Патриарха Алексия Московского и Всея Руси, я обращаюсь ко всем, кто только может чем-либо помочь, оказать нам возможное содействие и помощь в получении для постройки этого памятника всевозможных строительных материалов: леса, кирпича, камня, стекла, железа и т. п.

Осуществление постройки такого памятника-собора возложено нами на протоиерея М. Коровина, которому просим оказывать необходимую нам помощь.

Я лично, при первой создавшейся возможности, постараюсь прибыть в город Дальний, где буду счастлив засвидетельствовать перед соответствующими инстанциями свое искреннее уважение и глубокую благодарность и приму на себя долг проследить за проведением в жизнь намеченного плана постройки достойного памятника немеркнувшей славы нашей воистину великой, дорогой и горячо любимой Отчизны.

Создание такого памятника особенно ценно для нас, которые на себе испытали влияние языческой Японии, стремившейся пора-

ботить всю Восточную Азию, называя ее своим домом, и этот дом, основываемый штыками японского империализма, ныне рассыпался в прах под молниеносным, грозным натиском доблестных сынов нашей Отчизны.

Надеясь, что высокая цель увековечения памяти небывалых побед Российского оружия найдет достойный отклик в сердцах всех верных и любящих сынов нашей Родины, мы молим Всевышнего даровать нам радость достичь и достойно осуществить намеченную цель.

СЛОВО О СЯТИТЕЛЕ НИКОЛАЕ, МИРЛИКИЙСКОМ ЧУДОТВОРЦЕ

Пред нашими духовными очами из дали прошлого, конца III века предносится дивный образ Святителя Николая, Мирликийского Чудотворца, в честь коего весенний праздник 22-го мая. Чистая светлая душа Святителя Николая словно алмаз переливается дивными лучами блеска и красоты всех добродетелей. И не знаешь, на какой добродетели остановиться, которую созерцать и которую прославлять. Услаждать ли свой взор тихим светом великой христианской любви и незлобивой кротости Святителя или же восхищаться огнем его непоколебимой пламенной веры. Но пусть лучше Святитель Николай, богатый добродетелями и милостями, внимающий всегда просьбам обращающихся к нему с мольбой, пусть сам он раскроет неисчерпаемый источник благодатных даров и отзовется на все сложные и скорбные запросы людей. Вот припадают с мольбой пред добрым ликом Святителя Николая горько плачущие люди – это потрясенные тяжелой болезнью своих любимых родных, они просят помощи и благодатного участия в исцелении болящих, о возвращении угасающей их жизни. И добрый пастырь – молитвенный ходатай пред Богом – являет свою благодатную силу врачевания душ и телес человеческих, отвечая на силу веры и молитвы обращающихся к нему с мольбой.

Утешь ты страдания и тех, кто тоскует, находясь в разлуке со своими родными и близкими людьми. Ты знаешь все: Божественной волей Тебе раскрыты и сердца людские и пути их; благослови же страдающих, исцели их наболевшие раны, открой им истину, которой они жаждут, и наставь их на доброе деяние, на праведный путь. Вот матери убиваются в беспредельной скорби и отчаянии, потеряв своих дорогих и любимых детей, сраженных беспощадной преждевременной смертью. Они плачут, не хотят утешиться, ибо нет более пред ними родных живых лиц, нет милых детей. Утешь же Ты, Святитель Николай, этих скорбных матерей, устремляющих свой молитвенный и уповающий взор на Тебя. Верни им мир и душевный покой в остатке их земной жизни, утраченный ими в отчаянии и горе. Вот обездоленные, бедные, бесприютные страдальцы, одинокие и чужие для всех здесь на земле: нищие и убогие старцы, вдовы и калеки плачутся к Тебе, Святитель Христов, о своей горемычной доле. Ты, милостивый, укажи и найди для них добрые сердца и приюты милосердия и не оставь их мольбы без ответа. Вот сироты – бездомные дети, потерявшие в бурном море житейском

своих дорогих кормильцев – отца и мать. Они нашли в Твоем образе добрый отеческий взор, ласкающий и согревающий Твоим состраданием и добротой. Невидимая рука Твоя направляет их под защиту и воспитание в приюты и очаги любви, где их принимают сердобольные люди, как родных детей. Вот маленькая девочка, обломок жизни, выброшенная нуждой и нищетой на улицу, написала глубоко трогательное письмо святому Николаю и опустила его в кружку у иконы Святителя на вокзале*. Дитя жалуется Святителю Николаю на свою горькую долю: «Мама моя очень больна, нет пищи дома, нет лекарства маме, нет тепла и одежды. Ты, добрый батюшка святой Николай, помоги моей бедной маме и мне. Мама тоже Тебя просит помочь. Попроси Боженьку, пожалей нас, ну помоги же, а я учиться хочу, а одежонки у меня нет»!.. Навивное детское письмо тронуло добрые сердца, и во имя Святителя Николая отзывчивые люди помогли спасти эту бедную вдову и ее ребенка. А вот из мрачной темницы, из-за решетки смотрят вдаль скорбные, изможденные глаза заключенных, уста их шепчут молитву к Тебе. Ты видишь их страдания, их веру. Ты, как Ангел хранитель, стоишь на страже у их темницы и подкрепляешь их душевные силы, оберегая и спасая неповинно страдающих и вразумляя на покаяние и исправление виновных. Вот в бурном море, на разбитом волнами корабле погибают люди, а Ты, кроткий, милостивый Кормчий, уже готов утишить бурю и спасти погибающих, если они находят в себе силу веры и молят Тебя о помощи. Вот, ожесточенные неправдами и несправедливостями жизни, люди утратили веру, погасили в душе своей огонь любви и братского понимания, презрели молитву и в озлоблении стоят за порогом храма и тщетно ищут умиротворения своей мятущейся, страждущей душе. А кроткий и ласковый образ Святителя Николая умягчает эти ожесточенные сердца и исцеляет их загрубелые души, проникая в мрачные и темные глубины их духа. Вот те, кто не выдержал страшных бурь нашей жизни и погрузился на самое дно житейского омуты, стоят поникнув головой пред Твоим образом, с ужасом и страхом созерцая бездонную пропасть своих грехов, но и их озаряет любовь Твоя, о Святитель, и тихие, скорбные слезы покаяния льются по их лицу, и в душах их зажигается стремление к правде и чистоте. Это Твоя всесильною любовью и чистотой рука, удержавшая их над пропастью отчаяния, поведет их по новому пути. А вот, внешне счастливые, обеспеченные и богатые, подходят к твоему образу, и в их довольных, сытых глазах как будто за-

* Жертвуемые деньги из этой кружки идут на содержание сирот и бедных детей Экзархата.

жжется огонь, огонь, посланный Твоею любовью, Святитель, огонь неудовлетворенности земными достижениями и жаждой небесных благ. И, стоя пред Твоим образом, видя пред собою Того, Кто лишь ничтою богат, невольно подымает руку богач с его лептой, так как видит и душою чувствует он на себе всепожигающий взор Твой, Святитель, вопрошающий его: много ли добра сделал он своим богатством? И чувствуя этот строгий взор, этот бичующий вопрос, несет богач свою лепту. И надолго в душе его остается этот строгий вопрос, и над каждой несчастной рукой, протянутой за помощью; видит этот богач грозный взгляд и слышит он испытующий вопрос Твой, Святитель, призывающий и богатых и бедных на путь милосердия, правды и любви Христовой. Никто, никто не пройдет мимо Тебя, мимо Твоего светлого образа, чтобы не почувствовать Твоей вседействующей благодатной силы, невидимо удерживающей всякого человека от зла, от бед, скорбей и напастей.

Все люди, все народы Тебя знают и почитают, и для всех Ты живой и близкий, добрый отец и покровитель. Тебя знают и в странах глубокой полуночи, где в борьбе с суровой природой и жизнью сидят дикари, но они знают образ Святителя Николая, считая его своим добрым духом, и посвящают ему особый жертвенник-холм, называя его апапелем.

О, если бы все христиане и все народы всех стран поведали нам тайны своей души и связанную с ними любовь и душевное отношение к дивному во святых Святителю Николаю, который в ответ на веру и молитву, на почитание народное неустанно изливает свои милости и щедроты, мы бы тогда увидели неисчерпаемый океан чудес и милостей, исходящих от этого для всех вечно-живого и близкого Божиего угодника.

Много, много, бесчисленно много людей воздавали, воздают и будут воздавать молитвы, прошения и благодарения Святителю Николаю, – этому Вселенскому доброму пастырю.

Величаем Тя, Святой Отче Николае, и мы, недостойные дети Твои, почитающие и любящие Тебя, и прославляем святую память Твою, не покидай Ты и нас своим покровительством и помощью в трудных обстоятельствах жизни нашей. Аминь.

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО,
СКАЗАННОЕ В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ Г. НОВОСИБИРСКА
ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В УПРАВЛЕНИЕ ПАСТВОЙ И ЕПАРХИЕЙ
16 АВГУСТА 1956 ГОДА**

От Господа пути человеку устроятся.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В данный знаменательный момент вступления нашего в управление Новосибирской паствой и епархией в избрании и назначении моего недостойнства Святейшим Отцом нашим Патриархом Алексием и Его Священным Синодом несомненно есть Божественное Произволение.

Но не без смущения прихожу я к Вам, дорогие отцы и братья мои, на дело и на делание мое даже до вечера моей жизни, т. к. мой возраст, склоняющийся уже к закату жизни земной, и мои недуги и немощи стесняют меня. Хватит ли моих сил нести ниспосланное святое послушание. Но да будет милость и воля Божия!

Правда, я утешаюсь тем, что вступаю на ниву Христову уже насаженную, возделанную и возвращенную духовными плодами трудом и подвигами предшествующих мне архипастырей.

В богоспасаемом граде сем, Новосибирске, усердно потрудился глубокий старец – молитвенник и проповедник митрополит Варфоломей, ныне почивший. Вечный покой его доброй душе.

В Алтайском крае, входящем в границы нашей епархии, многоплодно и свято потрудились в свое время просвещением верой Христовой: митрополит Макарий Алтайский, бывший Московский, и святители: Владимир (впоследствии архиепископ Казанский), Епископ Иннокентий бывший Благовещенский, в схиме Иоанн – смиренный подвижник, митрополит Мелетий, бывший Харбинский, и ряд других святителей. Да упокоятся души их в селении праведных.

Нам остается сохранять и оберегать молитвой, богослужением и трудами посеянную и возвращенную прекрасную ниву душ человеческих для Царства Небесного.

Сохраним память в наших сердцах о всех потрудившихся, почивших Святителях и Пастырях на сей ниве Христовой.

Церковь – общество верующих людей, это есть единое семейство, порожденное в одной купели крещения Духом Святым.

Отец наш – Бог, Матерь Божья – наша Мать, а святые ангелы и угодники Божьи – это наши старшие Братья, слагайте в сердца Ваши.

В лице нашего викарного епископа, Преосвященного Доната, всех священнослужителей и сотрудников на ниве Христовой видим добрых друзей и помощников, несущих свой труд и служение во благо Церкви Христовой и на пользу верующих людей.

Да будут благословенны труды ваши.

Богом данная нам паства, – да будут мирны и счастливы семьи Ваши.

Да будут благословенны от трудов Ваших дома Ваши и жилища.

Да будут примерны отцы и матери дорогим детям своим в труде, в жизни и поведении.

Да будет радость и утешение вам, родители, от воспитанных вами детей ваших, в их послушании, поведении и полезном учении.

Да будут благословенны все заботы нашего правительства и власти о детях-сиротах, об инвалидах – героях минувшей Отечественной войны и беспомощных старцах-хрониках в Домах Любви и Милосердия.

Да процветет богохранимый град сей, Новосибирск, в многопольной работе во дворцах науки, искусства, медицины и других культурных отраслях просвещения.

Да развивается и ширится власть человека над природой в целинных, доселе мертвых, землях Великой Матушки Сибири.

И да будет и пребудет благословение Божие на всех Вас, Богом нам данные отцы, матери, братья и сестры, отныне вы дети наши во Христе.

Аминь.

ПОУЧЕНИЕ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ИНОКУ СЕРГИЮ

Возлюбленный о Господе брат инок Сергей!

Совершилось твое душевное желание, ты восприял первый чин рясофорного монашества. Ты произнес священный обет – не любить ни мира, ни то, что в мире.

Ты вошел в Божественный Чертог Церковной ограды, чтобы служить здесь до последних дней твоей жизни на земле.

Ты отдал сердце свое Богу, чтобы Ему служить и во Имя Его ближнему своему.

Но заповедую тебе смотреть на мир сей, от которого ты ушел, не с презрением, а с состраданием и любовью, отстранив себя от суетности его.

Велик сей день для тебя – твоего сознательного обручения с Богом.

Ты получил благословение на сей иноческий путь своей любимой матери, которая с верой смотрит на это как на милость Божию в ее семье.

Ты получил благословение от отчески обласкавшего тебя нашего СВЯТЕЙШЕГО ОТЦА ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ, напутствовавшего тебя благословением этими, омолитвенными ИМ, четками.

Святейший Владыка благословил тебя Святым Евангелием, напутствуя тебя в иноческую жизнь, дабы ты следовал неотступно в монашеской жизни, опираясь на Евангельское учение Христа Спасителя, который есть ПУТЬ, ИСТИНА и ЖИЗНЬ.

Ты получаешь благословение наше – Святую икону Преподобного Сергия Радонежского, в обители которого ты недавно был и просил ЕГО СВЯТАГО РУКОВОДСТВА.

Подражай Его многогранной духовно-патриотической жизни, для Преподобного Сергия ЦЕРКОВЬ и РОДИНА были дороже всего на свете.

Он, спасаясь сам строгим иноческим житием, будучи смиренным служителем Церкви, в то же время был молитвенником и поборником за Родину свою, за Русь родную, болея ее скорбями и радуясь ее благополучию.

Иди же в духовную школу, которая даст тебе много полезного для твоего духовного развития и совершенствования.

Помни, что для тебя, юного инока, необходимо сейчас безоговорочно выполнять полное послушание к твоему АBBЕ – духовному отцу и руководителю, иметь полное смирение, украшающее путь иноческого жития.

Молитва келейная и церковная явится для тебя как необходимое общение с миром небесным.

Не слушай и не принимай лстивых похвал и горделивых соблазнов от людей, от мира – ибо это самое большое для монаха искушение.

Укоризны же и досаждения неизбежны на пути жизни, и принимай их со смирением и молчанием.

В ответ – положи хранение устам твоим и дверь ограждения о устах твоих²⁹.

Уныния не допускай к сердцу твоему, да и не место унынию при изобилии духовной работы над собою.

Обогащайся добродетелями, а наипаче любовью Христовой ко всему окружающему тебя, как это делал твой небесный Покровитель Преподобный Сергий.

Следуй по стопам Его жития. Насыщай свой ум и сердце чтением святоотеческих книг и подражай им смиренно.

Да будет благословенно вхождение твое во иноческий путь на благо служения Церкви Христовой и во спасение твоей души.

Прими сей Святой Образ Преподобного Сергия, благословляющего тебя, и настоящее руководство, преподанное тебе мною. Аминь.

ЕПАРХИАЛЬНОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПАСТВЕ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА КИРОВОГРАДСКОЙ И НИКОЛАЕВСКОЙ — ПАСТЫРЯМ И МИРЯНАМ

По милости Божией, дорогие Отцы духовные, братья и сестры, верующие христиане, все мы встречаем великий праздник РОЖДЕСТВА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

1960 лет тому назад в г. Вифлееме в пресветлый день Рождения Спасителя мира – Богомладенца ХРИСТА образовался первый радостный день христианства. И мы с Вами, верующие христиане, на заре 1961 года празднуем утвердившийся на земле во всей Вселенной неизбываемый, всерадостный и спасительный для человечества день Рождения Христа.

Не нарушая нашего церковного молитвенного подвига, а для большего утверждения и укрепления в нас благодатного сознания значения пришествия чрез Рождение Христа на землю ради нашего спасения, ради спасения душ наших для благодатной вечной жизни в нескончаемом Царстве Божиим мы воспомянем дни наши древние. Возвратимся на мгновение глубокомысленно к годам нашего чистого, счастливого, беззаботного детства. Это весьма будет полезно для нашего духовного возрождения.

О, милое детство! О, дорогие наши, добрые мамы!

Под добрым, ласковым воспитанием наших Матерей, мы – дети, узнали о бытии Бога, о Божией Матери, о Рождестве Богомладенца в Вифлеемском хлеве, где жили маленькие ягнята, о волхвах-мудрецах и их дарах Родившемуся Христу, о явившейся звезде на Востоке.

И эти священные семена, посеянные в наши детские сердца нашими матерями, возросли и дали плоды, утвердили в нас веру в Бога, научили христианской морали, привили послушание в дальнейшей нашей жизни к Евангельскому Христову учению, научили различать доброе от злого, любовь от ненависти, правду от лжи и добродетель от грехопадения.

В эти святые дни Рождества Богомладенца все мы должны постараться восстановить в нас все доброе, чистое, поистине святое наше детство, которое так полезно и драгоценно внедряли в наши детские умы и сердца наши добрые матери.

Но жизнь с нашим постепенным возрастом и мир, полный соблазнов и искушений, затуманили, закрыли от нас детскую чистоту

души и тела, затмили ум и сердце грехами и различными испытаниями и страданиями.

Сбивались мы часто с доброго и верного жизненного пути и, как евангельского блудного сына, нас уводят часто на распутья различных грехов, пороков, а иногда, страшно сказать, и толкают на тяжкие преступления.

Вспоминая хорошее, чистое детство, будем же восстанавливать, возрождать потерянную чистоту, совесть и душевную красоту, столь присущую и нужную во всяком нашем возрасте.

Не будем омрачать дни праздника Рождества Христова праздным, легкомысленным поведением, непристойным разгулом.

Так свят и велик день Рождества Христова, так радостен он для верующего человека.

Да не будет оскорблена и осквернена святыня яслей Вифлеемских с Рожденным Богомладенцем.

Будем сознательно помнить: благословен тот день, когда Господь наш воплотился на земле, чтобы возвести нас на небо. Благословенна ночь, когда над Вифлеемом засияла чудесная звезда. Благословен скромный, скотский Вертеп, соделавшийся величественным дворцом, когда родился в нем Спаситель мира.

Благословен смиренный город Вифлеем, когда в полунощной темноте озарился ярким светом Небесных Ангелов, воспевших Славу в вышних Богу и возвестивших мир земле.

Благословен тот счастливый час, когда, когда заря спасения для душ людских зажглась.

Благословен и наш настоящий час, когда мы с верой и молитвой прославляем Рожденного Христа Богомладенца.

И да будет благословен и преблагословен день полного мира, единения, согласия и любви братской всех народов, обитающих во Вселенной. И да не будет тесно на великой земле людям, ибо всем дана жизнь для труда, для семейного, общественного и государственного благополучия, для пользы и для счастья.

Поздравляем Вас всех, Богом данная нам верующая паства, с светлым праздником Рождества Христова, с Богоявлением и с Новым, 1961-м, годом.

Да преисполнятся Ваши сердца величайшей духовной радостью. Повторяя ангельский гимн родившемуся Христу:

Слава в вышних Богу и на земли мир – славословим и мы воплотившегося Христа нашего общего спасения.

Примечания

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (АНИСИМОВ) Жизнеописание

- ¹ См.: *Шмидт М.* Жизненный путь владыки Нестора: К двадцатилетию пребывания в высоком епископском сане // *Заря*. 25 окт. № 289. С. 7. Возможно, что эти эпизоды относятся к вступительным испытаниям и будущий митрополит так и не поступил в военное училище.
- ² РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 5.
- ³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 83. Л. 5.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Из надписи на фотографии у могилы митрополита Евсевия. 1959 г. (Архив А. К. Караулова и В. В. Коростелева).
- ⁶ См.: Резолюция архиепископа Евсевия от 30 апреля 1907 г. (РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 17).
- ⁷ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1463.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 83. С. 3.
- ⁹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 29.
- ¹⁰ В Съезде русских людей в Москве участвовали: протоиерей Иоанн Восторгов; архимандрит (впоследствии епископ) Макарий (Гневушев); председатель Союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевич; председатель Одесского Союза русских людей Н. Н. Родзевич; депутат Государственной думы Г. А. Шечков; член Государственной думы протоиерей Дмитрий Машкевич. 1(14) октября, в день праздника монархических организаций, на съезд прибыл архиепископ Антоний (Храповицкий), избранный почетным председателем съезда (см.: Степанов А. День Покрова – Праздник русских монархистов // *Воскресный Выпуск «Русской Линии»*. 13.10.2002).
- ¹¹ См.: *Степанов А.* Протоиерей Иоанн Восторгов // *Вестник «Русской Линии»*. 2001. № 5.
- ¹² *Правые партии: Документы и материалы*. Т. 1. 1905–1910. М.: РОССПЭН, 1998. С. 473.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 83. С. 2.

- ¹⁴ См.: Устав Православного Камчатского братства во имя Нерукотворенного Образа Всемилостивого Спаса, Инструкция отделениям Братства и Положение о Братском Кресте. СПб., 1912. С. 29.
- ¹⁵ См.: Описание фотографических снимков Камчатской области и из жизни Камчатки. Ксерокопия (ЦИА ПСТГУ).
- ¹⁶ См.: Устав Православного Камчатского братства... С. 27.
- ¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 44.
- ¹⁸ См.: Устав Православного Камчатского братства... С. 26.
- ¹⁹ Иногда встречается наименование: Толечики, Тилечики и др.
- ²⁰ См.: Открытие мощей святителя Иоасафа: Письмо Камчатского миссионера иеромонаха Нестора на имя Его Высокопреосвященства, Архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия // Владивостокские епархиальные ведомости. 1911. № 21. 1 нояб. С. 706-717.
- ²¹ Камчатка, 1740–1940: Юбилейный сборник. Шанхай: Слово, 1940. С. 56. Цит. по: <http://www.pke.sinho.ru/anisimov.htm>.
- ²² Согласно Определению Св. Синода от 27 марта 1914 г. // РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 453 а.
- ²³ Харбинское время. 1941. № 291. 27 окт.
- ²⁴ Близ губернского г. Петроково (Польша).
- ²⁵ РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 143. Л. 146-146 об.
- ²⁶ Там же. Д. 537. Л. 314-315.
- ²⁷ См.: Русский инвалид. 1915. № 52.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 141.
- ²⁹ См. доклад Н. А. Любимова в соединенном присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета (см.: *Ефремова О., Кривошеева Н.* Новые архивные документы о преследовании властями Святителя Тихона в 1918–1923 гг. // Богословский сб. Вып. 6. М., 2000. С. 166).
- ³⁰ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 65.
- ³¹ Там же. Л. 65 об.
- ³² Новое время. 1915. № 14279. 9 (22) дек.
- ³³ Четверть века святительского подвига владыки Нестора // Харбинское время. 1941. № 291. 27 окт.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. № 292. 28 окт.
- ³⁶ *Васильчиков И., кн.* Мое участие в Поместном Церковном Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. // Мир Божий. 2000. № 1(6) (<http://mir.voskres.ru/index.html>).
- ³⁷ *Руднев С.П.* Всероссийский Церковный Собор и избрание и поставление Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России // Современники о Святейшем Патриархе Тихоне / Сост. М. Е. Губонин (рукопись).

- ³⁸ Четверть века святительского подвига владыки Нестора // Харбинское время. 1941. № 292. 28 окт.
- ³⁹ Православная Москва в начале XX века: Сб. документов и материалов. М.: Мосгорархив, 2001. С. 317.
- ⁴⁰ См.: Московский листок. 1917. 14 нояб.
- ⁴¹ См.: Там же. 6 дек.
- ⁴² См.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства ([http // militera.lib.ru/reseach/volkov/04/html](http://militera.lib.ru/reseach/volkov/04/html)).
- ⁴³ См.: Архив Русской революции, изданный И. В. Гессеном. Т. 17-18. М.: Терра, 1993. С. 281.
- ⁴⁴ Революция и Церковь. 1919. № 1.
- ⁴⁵ См.: Богослужебный дневник Патриарха Тихона // Современники о Святейшем Патриархе Тихоне.
- ⁴⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. М., 1999. С. 78.
- ⁴⁷ Четверть века святительского подвига владыки Нестора.
- ⁴⁸ См.: Аросев А. Октябрьский рассвет: (Из записной книжки) (www.ruthenia.ru/sovlit/j/139.html).
- ⁴⁹ Деяния... Т. 7. С. 99.
- ⁵⁰ Вместо первоначально избранного П. И. Астрова.
- ⁵¹ Деяние 87. 17 февраля (2 марта) 1918 г. // Деяния... Т. 7. С. 107-113.
- ⁵² Там же. С. 113
- ⁵³ *Архиепископ Нестор*. Египет, Рим, Бари, Шанхай, 1934. С. 46.
- ⁵⁴ См.: Там же.
- ⁵⁵ См.: *Прот. Георгий Голубцов*. Поездка на Всероссийский Церковный Собор: Дневник (29 января – 18 апреля 1918 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918) / Подг. текста и публ. М. Одинцова. М., 1995. С. 233. (Матер. по истории Церкви. Кн. 8).
- ⁵⁶ См.: Четверть века святительского подвига владыки Нестора.
- ⁵⁷ См.: Всенародные моления и крестные ходы // Московский листок. 1918. 13 (26) сент.
- ⁵⁸ *Архиепископ Нестор*. Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 году: (По личным воспоминаниям). Харбин: Изд. Обители Милосердия, 1937. Публикуется в настоящем издании.
- ⁵⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763 по обвинению Анисимова Н. А. и др.
- ⁶⁰ Е. Б. Еще раз о Державной иконе Божией Матери // Православная жизнь. 1967. № 8. С. 9.
- ⁶¹ Киевский Покровский монастырь был основан в 1889 г. великой княгиней Александрой Петровной (в иночестве Анастасией), женой Великого князя Николая Николаевича. В 1923 г. монастырь был закрыт.

- ⁶² Митр. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). В 6 т. Erlangen, 1979–1989. Т. 2. С. 158.
- ⁶³ Клейнмихель, гр. Последнее пребывание Ее Величества Императрицы Марии Федоровны в Крыму и ее отъезд в Константинополь и Мальту // Русский вестник. 2003. № 20. С. 20.
- ⁶⁴ См.: Четверть века святительского подвига владыки Нестора.
- ⁶⁵ См.: Вести: Ежедневные камчатские новости. 2004. 18 нояб.
- ⁶⁶ За указание на публикации белой омской печати благодарю Г. Б. Кремнева.
- ⁶⁷ См.: Ефремова О., Кривошеева Н. Новые архивные документы о преследовании властями Святителю Тихона в 1918–1923 гг. // Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000. С. 166.
- ⁶⁸ Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 198.
- ⁶⁹ Четверть века святительского подвига владыки Нестора.
- ⁷⁰ Материалы по истории Русской иерархии: Ст. и документы / Сост. П. Н. Грюнберг. М., 2002. С. 170.
- ⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 93.
- ⁷² См.: Четверть века святительского подвига Владыки Нестора.
- ⁷³ ЦА ФСБ. Д. Р.-39763. Л. 168.
- ⁷⁴ Свет. 1921. 16 июля. За указание на публикацию благодарю С. Н. Баконину.
- ⁷⁵ См.: Крадин Н. П. Харбин – Русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 101.
- ⁷⁶ В 1929 г. на могиле В. О. Каппеля был воздвигнут памятник. В 1956 г. памятник был разрушен, а могила сровняна с землей. В настоящее время ведутся переговоры о перенесении останков В. О. Каппеля в Россию.
- ⁷⁷ Прот. Николай Артемов. Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 г. и закрытие зарубежного ВВЦУ в мае 1922 г.: Ист. и каноническое значение // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.): Материалы конф. в г. Сэнтендре (Венгрия) 13–16 ноября 2001 г. Мюнхен: Изд. Обители преп. Иоанна Почаевского в Мюнхене, 2002. С. 145. Прот. Николай Артемов допускает, что текст пришел одновременно разными путями.
- ⁷⁸ Хвалин А. Восстановление монархии в России: Приамурский Земский Собор 1922 г.: (Материалы и документы). М., 1993. С. 93. Цит по: Божией милостью архиерей Русской Церкви. С. 62–63.
- ⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 202 об.
- ⁸⁰ Новое викариатство в Камчатской области // Свет. 1922. 25 окт.
- ⁸¹ Следственное дело... С. 682.
- ⁸² Там же. С. 695.
- ⁸³ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 193.

- ⁸⁴ См.: *Свящ. Георгий Митрофанов*. Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е гг. СПб., 1999. С. 28.
- ⁸⁵ А. 3-н. Православная Церковь в Маньчжурии // *Заря*. 1930. 18 марта.
- ⁸⁶ См.: Там же.
- ⁸⁷ История Русской Православной Церкви в XX в. С. 552.
- ⁸⁸ Имеется в виду митрополит Сергей (Тихомиров). Вопрос о взаимоотношениях его с Архиерейским Синодом требует специального рассмотрения.
- ⁸⁹ История Русской Православной Церкви в XX в. С. 552.
- ⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 202 об. Опубликовано: История Русской Православной Церкви в XX в. С. 559.
- ⁹¹ См.: *Свящ. Дионисий Поздняев*. Православие в Китае. М., 1998. С. 47.
- ⁹² www.ael.ru/iatp/2002/varaksina/bbago-1.htm
- ⁹³ См.: Там же.
- ⁹⁴ К юбилею архиепископа Нестора: Интересные воспоминания владыки // *Заря*. 1936. 30 окт.
- ⁹⁵ Церковные ведомости. 1925. № 15–16. С. 3–4. Цит по: *Свящ. Георгий Митрофанов*. Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е гг. С. 44.
- ⁹⁶ См.: *Стратонов И. А.* Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 123.
- ⁹⁷ Имеется в виду Патриарший Местоблюститель.
- ⁹⁸ *Стратонов И. А.* Русская церковная смута... С. 124.
- ⁹⁹ См.: Акты. С. 418–421.
- ¹⁰⁰ Деян 4: 18–19 («И, призвав их, приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»).
- ¹⁰¹ 1 Петр 2: 12–14 («...И провождать добродетельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения. Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро»).
- ¹⁰² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 116. Это предложение зачеркнуто, по-видимому как не предназначавшееся к прочтению на заседании Синода.
- ¹⁰³ Там же. Л. 139–140.
- ¹⁰⁴ *Вестник Русского христианского движения*. Париж–Нью-Йорк–Москва. 1974. № 111. С. 147.
- ¹⁰⁵ *Думин С.* Романовы. Императорский дом в изгнании: Семейная хроника. М., 1998. С. 129.
- ¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 138.
- ¹⁰⁷ См.: К юбилею архиепископа Нестора.

- ¹⁰⁸ Осенью 1965 г. икона после длительного пребывания в Гонконге была перевезена в США и помещена в нижнем храме в честь преп. Сергия Радонежского Синодального Собора Русской Зарубежной Церкви. Временами на поверхности этой иконы выделяется миро.
- ¹⁰⁹ См.: *Баконина С.* Николай-До – Сергей-До // Воскресная школа. 2004. Авг. № 28-31.
- ¹¹⁰ Акты. С. 512.
- ¹¹¹ Цит. по: *Свящ. Георгий Митрофанов.* Православная Церковь... С. 140.
- ¹¹² Цит. по: Там же. С. 141.
- ¹¹³ Цит. по: Там же. С. 142. По свидетельству протоиерея о. Ростислава Гана, в этот период в Харбинской епархии формула поминовения была следующей: «Святейшия Православныя Патриархи, господина Местоблюстителя Всероссийскаго Патриаршаго Престола Высокопреосвященнейшаго Петра, митрополита Крутицкаго, господина Высокопреосвященнейшаго Антония, митрополита Киевскаго и Галицкаго, и господина НАШЕГО Высокопреосвященнейшаго Мефодия, митрополита Харбинскаго и Маньчжурскаго...» (*Протоиерей Р. Ган.* О единообразии в богослужении // www.rupnet.dux.ru).
- ¹¹⁴ *Свящ. Дионисий Поздняев.* Православие в Китае. С. 50-51.
- ¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 75. Л. 55 об.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 22. Л. 79.
- ¹¹⁷ Гун-Бао. 1930. 7 февр.
- ¹¹⁸ Сегодня. 1930. 27 февр.
- ¹¹⁹ *Якимова Н. С.* Поселок Танехэ – одна из жертв большевиков // Православный Благовест. 1994. № 24 (www.derbul.roof.ru).
- ¹²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 22. Л. 79.
- ¹²¹ Из письма А. К. Караулова к автору от 1 ноября 2004 г.
- ¹²² Письма Блаженнейшего Антония (Храповицкаго). Джорданвилль, 1988. С.106.
- ¹²³ См: Откр 13:16 («И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их»).
- ¹²⁴ Открытое письмо Китайского и Пекинского митрополита Иннокентия епископу Нестору // Царский вестник. 1930. № 84.
- ¹²⁵ ГАРФ. Ф. 6343. Д. 233. Л. 150.
- ¹²⁶ См.: Трудные дни Дома Милосердия // Русское слово. 1931. 27 янв.
- ¹²⁷ См.: Торжество в Доме Милосердия // Русское слово. 1931. 7 янв.
- ¹²⁸ Епископ Нестор оставляет Иверскую церковь // Русское слово. 1931. 20 мая.
- ¹²⁹ Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 246.
- ¹³⁰ См.: Царский вестник. 1931. № 227.
- ¹³¹ ГА РФ. Ф. 6343. Д. 233. Л.189 об.

- ¹³² Китайский благовестник. 1931. № 5-6. С. 13-15.
- ¹³³ *Архиеп. Нафанашл.* Беседы о Священном Писании и о вере. Т. 3. Нью-Йорк, 1992. С. 123.
- ¹³⁴ *Герасимов В. / В. Гер.* Отец и сын уходят в монашество: Снова поднят вопрос о создании кафедры викарного епископа в Харбине. Русское слово. 1931. 5 нояб.
- ¹³⁵ Многие материалы для настоящего издания переданы его сыном А. К. Карауловым.
- ¹³⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 204. Л. 87.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же. Д. 233. Л. 189-190.
- ¹³⁹ Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 246.
- ¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 204. Л. 89.
- ¹⁴¹ «Царский вестник»: Орган нар. движения за восстановление престола православ. Царя-Самодержца. Выходил в 1928–1939 гг.
- ¹⁴² Лекция епископа Нестора в Кралево // Царский вестник. 1933. № 370.
- ¹⁴³ Публикуются в настоящем сборнике.
- ¹⁴⁴ Журнал Московской Патриархии. 1934. № 22 // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 гг. М., 2001. С. 227.
- ¹⁴⁵ *Протопр. М. Польский.* Новые мученики Российские. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). В 2 ч. М.: Т-во «Светлячок», 1994.
- ¹⁴⁶ См.: *Архиепископ Нестор.* Часовня-памятник памяти Венценосных Мучеников. Харбин, 1936. С. 8.
- ¹⁴⁷ Заря. 1936. 12 апр. № 96.
- ¹⁴⁸ Заря. 1936. 18 июля. № 190.
- ¹⁴⁹ *Jdanoff D.* Russische Faschisten. Der nationalsozialistische Flugel der russischen Emigration im Dritten Reich, Magisterarbeit. – Humboldt-Universitet zu Berlin, 1999, S. 33. Цит по. *Инокиня Васса (Ларина).* «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в период 1920–1945 гг. в аспекте церковной икономии // Ежегодная богословская конф. ПСТБИ. М., 2005. С. 319.
- ¹⁵⁰ См.: Наш путь: Ежедневный орган русской национальной мысли за рубежом. 1937. № 37. 1 янв.
- ¹⁵¹ См.: *Стефан Дж.* Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. М., Изд-во Советско-британского совместного предприятия Слово/ Slovo, 1992. С. 94.
- ¹⁵² Наш путь: 1937. № 37. 1 янв.
- ¹⁵³ *Уткин А.* Дуче из Благовещенска. Русские фашисты служили марионетками японской разведки // Версия. 2003. № 47.
- ¹⁵⁴ То же, что Маньчжоу-Го, название Маньчжурии после завоевания японцами.
- ¹⁵⁵ Письмо А. К. Караулова к автору от 10 июля 2004 г.

- ¹⁵⁶ См.: *Стефан Дж.* Русские фашисты. С. 369-370.
- ¹⁵⁷ Письмо митрополита Нестора Г. М. Маленкову (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Л. 366-366 об.).
- ¹⁵⁸ Сведения представлены А. К. Карауловым.
- ¹⁵⁹ <http://uchenie.narod.ru/NEWSPAPER/>
- ¹⁶⁰ Создан Комитет был 5 сентября 1934 г. Весной 1935 г. распался. Председатель – Н. П. Гондатти, товарищ председателя комитета Г. К. Гинс, секретарь – В. К. Рерих, брат Н. К. Рериха. См.: *Иванов В.* Православный мир и масонство (<http://www.rus-sky.org/history/library/ivanov.htm>).
- ¹⁶¹ *Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной.* М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 33.
- ¹⁶² См.: *Иванов В.* Православный мир и масонство.
- ¹⁶³ *Рерих Е. И.* Письма: 1932–1955 гг. Новосибирск, 1993.
- ¹⁶⁴ См.: *Наш путь.* 1937. № 33. 7 февр.
- ¹⁶⁵ *Митр. Мануил (Лемешевский).* Русские православные иерархи... Т. 5. С. 39.
- ¹⁶⁶ См.: ГА РФ. Оп. 1. Д. 258. Л. 5.
- ¹⁶⁷ См.: *Архиеп. Антоний.* У христиан Южной Индии // ЖМП. 1969. № 5. С. 56.
- ¹⁶⁸ ГА РФ. Оп. 1. Д. 258. Л. 19.
- ¹⁶⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Л. 118.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 118 об.
- ¹⁷¹ В курсе (фр.).
- ¹⁷² Приходы в Лондоне принадлежали к разным юрисдикциям.
- ¹⁷³ Имеется в виду митрополит Серафим (Лукьянов), управляющий приходами РПЦЗ в Западной Европе.
- ¹⁷⁴ Имеются в виду сторонники церковного течения, возглавляемого митрополитом Евлогием (Георгиевским).
- ¹⁷⁵ Чему свидетели мы были... Сб. документов / Сост., подгот. текста, примеч. Ю. И. Стрижева. Т. 2. М.: «Гея», 1998. С. 85.
- ¹⁷⁶ Подробнее об этом см.: *Божией милостью архиерей Русской Церкви / Автор-сост. С. Фомин.* М.: Правило веры, 2002. С. 126-132.
- ¹⁷⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Л. 118 об.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 119.
- ¹⁷⁹ Владыка намекает на издевательский вопрос иудейских первосвященников к распятому Христу: «Других спасал, а Себя не можешь спасти» (Мф 27:42).
- ¹⁸⁰ См.: 2-й Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви Заграницей. Белград, 1938. С. 37-38.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² *Митр. Мануил (Лемешевский).* Русские православные иерархи... Т. 5. С. 39.

- ¹⁸³ См.: Заря. 1938. № 340. 18 дек.
- ¹⁸⁴ См.: *Шмидт М.* Жизненный путь владыки Нестора.
- ¹⁸⁵ ЦА ФСБ РФ. Р-39763. Л. 228-233.
- ¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 75. Л. 10.
- ¹⁸⁷ *Стефан Дж.* Русские фашисты. С. 232-233.
- ¹⁸⁸ См.: *Разжигаева Н. П.* Неугасимая свеча // Русская Атлантида (Челябинск). 2000. № 3. С. 3-11.
- ¹⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. 39673. Л. 124.
- ¹⁹⁰ См.: *Перминов В. В.* Начало и конец русского Трехречья (<http://www.sibcity.ru/>).
- ¹⁹¹ См.: *Диакон Иоанн Хайларов.* Харбинские архиереи и поклонение Амагерасу // Китайский благовестник. 2000. № 2. С. 20.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ *Караулов А. К., Коростелев В. В.* Поборник церковного единения (К 40-летию блаженной кончины митрополита Нестора) // Русская Атлантида (Челябинск), 2001. № 8. С. 36-50 ([hrpt://atlasch.narod.ru](http://atlasch.narod.ru)).
- ¹⁹⁴ *Свящ. Дионисий Поздняев.* Православие в Китае. С. 87.
- ¹⁹⁵ *Иванов В. И.* Отрывочные воспоминания о Высокопреосвященном Несторе, архиепископе Камчатском и Петропавловском, позже митрополите Харбинском и Маньчжурском, Экзархе Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия в Восточной Азии (ЦИА ПСТГУ).
- ¹⁹⁶ *Свящ. В. Герасимов.* Четверть века святительского подвига архиепископа Нестора.
- ¹⁹⁷ *Караулов А. К., Коростелев В. В.* Поборник церковного единения...
- ¹⁹⁸ <http://www.russianshangghai.com>
- ¹⁹⁹ *Караулов А. К., Коростелев В. В.* Поборник церковного единения...
- ²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
- ²⁰¹ *Разжигаева Н. П.* Неугасимая свеча // Русская Атлантида (Челябинск), 2000. № 3. С. 3-11.
- ²⁰² *Караулов А. К., Коростелев В. В.* Поборник церковного единения...
- ²⁰³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 75. Л. 15 об.
- ²⁰⁴ Там же. Д. 22. Л. 31-31 об.
- ²⁰⁵ Там же. Д. 75. Л. 223.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 25 об.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 28.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ *Иванов В. И.* Отрывочные воспоминания о Высокопреосвященном Несторе, архиепископе Камчатском и Петропавловском, позже митрополите Харбинском

- и Маньчжурском, Экзархе Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия в Восточной Азии (ЦИА ПСТГУ. Судя по материалам следственного дела, гражданином СССР митрополит Нестор числился с сентября 1945 г.).
- ²¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 75. Л. 56.
- ²¹¹ Там же. Л. 84.
- ²¹² Там же. Л. 85.
- ²¹³ См.: *Митрополит Нестор (Анисимов)*. «Мои воспоминания». (Родной брат маршала Малиновского был членом Камчатского православного братства. Когда маршал Малиновский был командующим Дальневосточным округом, он распорядился построить санаторий в Паратунке на том самом месте, где когда-то хотел построить Дом Милосердия со здравницами Владыка Нестор. См.: *Дяченко Э. С.* Первый епископ Камчатский и Петропавловский / Спас Нерукотворный (Православная газета Камчатского Православного Братства во имя Нерукотворного Образа Всемилостивого Спаса). 1994. № 6).
- ²¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 75. Л. 225-225 об.
- ²¹⁵ См.: *Караулов А. К., Коростелев В. В.* Экзарх Восточной Азии // Русская Атлантида (Челябинск). 2003. № 6. С. 25 (<http://atlasch.narod.ru>).
- ²¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 75. Л. 105.
- ²¹⁷ Там же. Д. 277. Л. 96.
- ²¹⁸ Там же. Д. 434. Л. 26.
- ²¹⁹ Там же. Д. 277. Л. 19.
- ²²⁰ Там же. Л. 21.
- ²²¹ Об этом доносе писал в Московскую Патриархию протоиерей Н. Лобас, искренне любивший митрополита Нестора (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 434. Л. 51-54).
- ²²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 434. Л. 36-37.
- ²²³ Там же. Л. 19.
- ²²⁴ Там же. Л. 43.
- ²²⁵ Там же. Л. 44 об.
- ²²⁶ См. подробнее: *Караулов А. К., Коростелев В. В.* Арест Экзарха // Русская Атлантида (Челябинск), 2003. № 10. С. 11-26 (<http://atlasch.narod.ru>).
- ²²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 434. Л. 88.
- ²²⁸ Там же. Л. 88.
- ²²⁹ ЦА ФСБ. Д. Р-39765. Л. 1.
- ²³⁰ *Георгиевский Н.* Светлой памяти моего духовного отца: (Митрополит Нестор (Анисимов)) – просветитель Камчатки // *Десятина*. 2000. № 13 (46). С. 4. Цит. по: Божией милостью архиерей Русской Церкви. С. 148.
- ²³¹ «...Следователь на первых допросах предлагает арестованному рассказать откровенно о всех совершенных преступлениях против советской власти и вы-

- дать все свои преступные связи, не предъявляя в течение некоторого времени, определяемого интересами следствия, имеющихся против него уликовых материалов» (См.: Письмо В. С. Абакумова И. В. Сталину о практике ведения следствия в органах МГБ // Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ: Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003. С. 642).
- ²³² Там же.
- ²³³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Л. 32.
- ²³⁴ В 1942–1943 гг. на станции Сунгари 2 дислоцировался отряд Асано, созданный японской военной миссией для борьбы против СССР. В конце 1943 г. отряд Асано был развернут в «Российские воинские отряды» армии Маньчжу-диго. При них было открыто двухлетнее военное училище» (см.: История КВЖД и российской эмиграции в Китае (1-я половина XX века) (<http://asiapacific.narod.ru>).
- ²³⁵ «Измена Родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу... (Собрание узаконений. № 30. Ст. 173).
- ²³⁶ «Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады» (Собрание узаконений. № 49. Ст. 330).
- ²³⁷ «Пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2 – 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания... (Собрание узаконений. № 49. Ст. 330).
- ²³⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Л. 349.
- ²³⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справоч. / О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. В. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 52.
- ²⁴⁰ См.: Там же.
- ²⁴¹ См.: *Левитин А. (Краснов)*. Воспоминания. В поисках нового града. Тель-Авив, 1980. С. 180.
- ²⁴² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Л. 371.
- ²⁴³ Там же. Л. 373.
- ²⁴⁴ Там же. Л. 379.
- ²⁴⁵ Митрополит Нестор был реабилитирован только 8 мая 1990 г.
- ²⁴⁶ См.: *Громов Е. С.* Воспоминания. Расшифровка магнитофонной записи (Архив ПСТГУ).
- ²⁴⁷ См.: Современники о Святейшем Патриархе Тихоне.

- ²⁴⁸ Письмо епископа Афанасия (Сахарова) П. Н. Савицкому от 17 февраля 1956 г. // Собр. писем святителя Афанасия (Сахарова). М.: «Правило веры», 2001. С. 398.
- ²⁴⁹ Письмо А. К. Караулова к автору от 1 мая 2004 г.
- ²⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 83. Л. 8. Печ. по: *Митрополит Нестор (Анисимов). Мои воспоминания: Матер. к биогр., письма / Подгот. текста и публ. М. Одинцова. М., 1995. С.186.*
- ²⁵¹ Письмо А. К. Караулова к автору от 21 мая 2004 г.
- ²⁵² Письмо митрополита Нестора к епископу Афанасию от 24 июля 1958 г. (ЦИА ПСТГУ).
- ²⁵³ Письмо А. К. Караулова к автору от 21 мая 2004 г.
- ²⁵⁴ Письмо иеродиакона Феодорита (Воробьева) к епископу Афанасию от 19 апреля 1957 г. (ЦИА ПСТГУ).
- ²⁵⁵ *Громов Е. С. Воспоминания. Расшифровка магнитофонной записи (Архив ПСТГУ).*
- ²⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 83. Л. 18.
- ²⁵⁷ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. М., 2000. С. 550.
- ²⁵⁸ Молитва всех вас спасет. С. 546.
- ²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2000. Л. 4.
- ²⁶⁰ Письмо А. К. Караулова к автору от 2 мая 2004 г.
- ²⁶¹ Архив А. К. Караулова и В. В. Коростелева.
- ²⁶² Современники о Святейшем Патриархе Тихоне.
- ²⁶³ Митрополит Нестор [Некролог]. ЖМП. 1962. № 12. С. 17.
- ²⁶⁴ См.: *Архиепископ Нестор*. Египет, Рим, Бари. Шанхай, 1934. С. 107. Публикуется в настоящем издании.
- ²⁶⁵ Новая камчатская правда. 2002. 14 марта. № 10.

ЧАСТЬ 1

ОЧЕРКИ КАМЧАТСКОГО МИССИОНЕРА

Из Камчатки

Печ. по: Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 23. № 11-12 (приплетено). С. 1-31. № 23. С. 642-650; 1910. № 2. С. 52-58. 1910. № 5. С. 140-140.

¹ Каюор – возница, который управляет собаками, везущими нарты.

² Остол – палка.

³ Юкола – вяленая пресная рыба.

⁴ Мальма – рыба семейства лососевых.

⁵ «Миссионерское общество для содействия распространения христианства между язычниками» было основано с целью содействия православным миссиям

в России в 1865 г., в 1870 г. переименовано в «Православное миссионерское общество». Находилось в Москве. К 1896 г. насчитывало свыше 14 тысяч членов.

⁶ Ровдуга – выделанная оленья шкура.

⁷ Мф 10:22.

Православие в Сибири (Исторический очерк)

Печ. по: Православие в Сибири: (Ист. очерк): В память основания Камчатского Православного Братства во имя Нерукотворенного Образа Всемилостивого Спаса. СПб.: 1910 (Отечественная типография. Шпалерная, 26). На обложке: Почетным попечителям, учредителям и членам братства на долгую память от камчатского миссионера иеромонаха Нестора. Переиздано: Свет Христов просвещает всех! Сб. трудов выдающихся миссионеров Русской Православной Церкви. Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2000 (Сер. миссионерской письменности).

⁸ Ремезова летопись – труд по истории Сибири, составленный С. У. Ремезовым в конце XVII в.

⁹ Летопись Саввы Есипова («Сибирская») составлена в 1636 г., посвящена памяти Ермака.

¹⁰ В известных нам источниках упоминается о походе 1499 г. на «Югорскую» землю рати под предводительством московских воевод С. Ф. Курбского, П. Ф. Ушаго и В. И. Заболоцкого-Бражника.

¹¹ Ссылка неточна. Скорее всего, автор пользовался изданием: «Древняя Российская Вивлиофика, содержащим в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском Университете: издание второе, вновь исправленное и в порядок хронологический по возможности приведенное». Ч. 3. М.: Тип. компании типографической, 1788. С. 140. В этом издании описываемые события датируются 1623 годом.

¹² См.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813–1894. Ч. 1-5.

¹³ При участии митрополита Киприана на основе собранных им сведений о походе Ермака был составлен Синодик ермаковым казакам и установлено их поминание в Софийском соборе г. Тобольска в Неделю Православия. В нем содержались краткие сведения об обстоятельствах гибели поминаемых людей (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 159. Синодик послужил одним из источников для летописи Саввы Есипова.

¹⁴ Абалакская «Знамение» икона Божией Матери – самая почитаемая в Сибири икона. Представляла собой список иконы «Знамение» Новгородской, дополненный образами свт. Николая и преп. Марии Египетской. Икона не сохранилась. В XVII–XIX вв. с нее было сделано много списков, которые почитались как чудотворные.

¹⁵ Известно лишь одно послание архиепископа Нектария (Теляшина), а именно: «господину Ивану Михайловичу» (предположительно адресат князь И. М. Ка-

- тырев-Ростовский), содержащее просьбу хлопотать о возвращении автора из Сибири и рисующее картины монастырского быта (см.: Словарь книжников... Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 375-376).
- ¹⁶ См.: Букварь (Азбука). М., 1634 (три изд.), 1637.
- ¹⁷ СПб., 1882.
- ¹⁸ В XVI и XVII вв. в существовал обычай: на праздник Входа Господня во Иерусалим, направляясь в храм, царь должен вести под уздцы осла, на котором восседал патриарх. Впереди шел клир с пальмовыми ветвями и иконами. Путь устилался одеждами. Впоследствии осла заменила белая лошадь. В епархиях обряд соблюдался с той разницей, что «на осляти» восседал архиерей. Обряд «шествия на осляти» просуществовал до времени царствования Петра I.
- ¹⁹ В источнике: персский.
- ²⁰ См.: Три послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского // Православный собеседник. 1855. № 2.
- ²¹ Руга – годичная плата священнику и причту деньгами, хлебом и другими припасами.
- ²² Пятидесятник – начальник в казачьих войсках, имевших сотенную организацию, следующая ступень после десятника.
- ²³ См.: Илиотропион, или сообразование человеческой воли с Божественною волею / Пер. с лат., соч. Дрекселлия. Чернигов, 1714; Переложено с церк.-слав. на рус. И. Максимовичем.
- ²⁴ См.: Феатрон поучительный царям, князьям и владыкам. Чернигов, 1708.
- ²⁵ См.: Богородице Дево: Книга наречена от Троицы Пресвятыя пред веки сложена Иоанном Максимовичем, архиепископом Черниговским. Чернигов, 1707.
- ²⁶ Богомыслие «в пользу правоверных трудолюбием Иоанна, архиепископа Черниговского». Чернигов, 1710.
- ²⁷ Имеется в виду Коллегия экономии (1738–1744) – центральное административно-финансово-хозяйственное учреждение, подведомственное Сенату, контролировавшее сбор и расходование денежных и хлебных запасов в вотчинах синодального ведомства. Создана по именному указу императрицы Анны Иоанновны (см.: Государственность в России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV в. – февр. 1917 г.). Словарь-справоч. Кн. 4: Р–Я. М., Наука, 1999. 250-252).
- ²⁸ Пс 17:71.
- ²⁹ См.: Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества». В 4 кн. СПб., 1771–1785.
- ³⁰ В литературе о Енисейском Иверском монастыре обычно сообщается о чтимом старце Данииле, скончавшемся 15 апреля 1843 г. Причтен к лику святых.
- ³¹ Мальтийский иезуитский орден – орден св. Иоанна Иерусалимского (другое название – госпитальеры), основанный в Палестине крестоносцами в XII веке.

В 1530 г. госпитальеры основались на о. Мальта, орден стал называться Мальтийским. В ноябре 1797 г. Император Павел I принял звание «протектора» (покровителя) Мальтийского ордена, а после захвата Мальты французскими войсками избран в октябре 1798 г. великим магистром. С восшествием на престол Александра I в апреле 1801 г. символика Мальтийского ордена исключена из государственного герба России, а звание великого магистра Мальтийского ордена – из императорского титула.

- ³² Британское Библейское общество учреждено в 1802 г. В России открыто в 1813 г. В число вице-президентов входили: митрополиты Киевский Серапион и Петербургский Амвросий и другие иерархи. В числе директоров был архимандрит Филарет, будущий митрополит Московский. Главной своей задачей Библейское общество ставило распространение книг Священного Писания, перевод и издание книг Священного Писания на разных языках, особенно славянской Библии. Русский перевод Библии был поручен архимандриту Филарету с прочими членами академии. Был издан перевод книг Нового Завета и Псалтири. Указом 15 июля 1826 г. все имущество Библейского общества была передано в ведение Синода.
- ³³ «Сомовский полк» – батальон регулярных войск под командованием Сомова, квартировавший на Камчатке, в 1813 г. расформирован.
- ³⁴ Русско-американская компания образована 17 августа 1751 г. купцами Г. И. Шелиховым и М. С. Голицыным. В 1773 г. Г. И. Шелихов на судне компании отправился к берегам Америки, в 1784 г. на о. Кадьяке было основано русское поселение, а через 10 лет доставлена духовная миссия. В 1797 г. компания получила название «Объединенная Американская кампания», в 1799 г. преобразована в Российско-американскую компанию, ее главное правление было перенесено из Иркутска в столицу. В 1802 г. число членов достигло 400 человек.
- ³⁵ См.: *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1922 гг. Т. 2. СПб., 1872.
- ³⁶ Методисты – приверженцы одного из направлений в протестантизме, возникшего в XVIII в. в Англии. В сфере культа и догматики методизм не отличается существенно от англиканства, лишь упрощает его установления.
- ³⁷ «Таинство Креста» («Mystere de la croix») – имеется в виду произведение Дузетана, напечатанное в России в 1784 г., ранее переведенное членами масонской организации А. М. Кутузовым и М. И. Багрянским.
- ³⁸ Возможно, имеется в виду произведение И. Г. Юнга-Штиллинга «Победная песнь, или торжество веры христианской». СПб., 1815.
- ³⁹ Меннониты – протестантская секта, основанная в 30-х гг. XVI в. в Нидерландах Менно Симонсом. Отличительные черты: требование сознательного крещения, запрет браков с инославными, отказ от воинской службы и др. С 1789 г. появились в России в среде немецких колонистов, привлеченных правительством Екатерины II для заселения окраинных земель.
- ⁴⁰ Сепаратисты – одно из течений кальвинизма, возникшее в Англии в XVI в. Основатель Р. Браун провозгласил принцип автономии местных церковных общин (конгрегаций), их независимость от государства, участие в управлении общи-

ной всех ее членов, выборность служителей (пасторов, проповедников, диаконов и т. д.).

- ⁴¹ Пиеизм – мистическое течение в протестантизме конца XVII – нач. XVIII вв. Отвергал внешнюю церковную обрядность, призывал к углублению веры, отказу от развлечений.
- ⁴² Квакеры – члены религиозной христианской общины, основанной в середине XVII в. в Англии. Отвергают институт священников и церковные таинства, проповедуют пацифизм и благотворительность.
- ⁴³ «Сионский вестник» – ежемесячный религиозно-нравственный журнал мистического направления, издавался А. Ф. Лабзиным в 1806 и 1817–1818 гг. в Петербурге. Имел большое распространение благодаря поддержке министра народного просвещения князя А. Н. Голицына.
- ⁴⁴ Точное название: Министерство духовных дел и народного просвещения. Учреждено 24 октября 1817 г.; в состав его вошли Министерство народного просвещения и главное управление духовных дел иностранных исповеданий; к нему же было присоединено и управление делами православного исповедания, сосредоточенное в ведомстве Святейшего Синода. Указом 15 мая 1824 г. было упразднено.
- ⁴⁵ Это исследование было опубликовано священником Иоанном Вениаминовым, будущим святителем Иннокентием, в 1840 г. под названием «Записки об островах Уналашкинского отдела».
- ⁴⁶ Русско-английская конвенция «О разграничении владений России и Великобритании в Северной Америке» от 28 февраля 1825 г. устанавливала пограничную черту, определяла правила русско-английской торговли в Северной Америке, судоходства и рыбных промыслов.
- ⁴⁷ См.: *Архиепископ Нил*. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858.
- ⁴⁸ Русское географическое общество было учреждено в августе 1845 г. в Петербурге с целью сбора и распространения достоверных географических сведений. Экспедиции, предпринятые Обществом, сыграли большую роль в освоении Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Мирового океана, в развитии мореплавания, открытии и изучении новых земель.
- ⁴⁹ Беглопоповщина – течение в старообрядчестве, возникшее в конце XVII в. и принимающее беглых священников, отошедших от Православной Церкви
- ⁵⁰ См.: Иркутская духовная миссия в 1867 г. М., 1868.
- ⁵¹ См.: Выписка из письма преосвященного Петра, епископа Новоархангельского, 20 мая 1860 г. // *Душеполезное чтение*. 1860. Ч. 3. С. 381–386.
- ⁵² Дорджи Банзаров не был ссыльным. Бурят по национальности и буддист, благодаря своим способностям он стал авторитетным специалистом по восточным религиям.
- ⁵³ М. А. Бакунин, идеолог анархизма, после освобождения из заключения в Шлиссельбурге был отправлен в ссылку в Восточную Сибирь, с правом поступления

на государственную службу (в 1857 г.). В Иркутске Бакунин прожил до 1861 г., затем бежал через Японию и Америку в Лондон.

- ⁵⁴ «Чингисханово царство» – сложившаяся в первой половине XIII в. в результате завоевательных войн Чингисхана и его преемников держава, включающая территорию Монголии, Северного Китая, Кореи, тангутского царства Си Ся, Центральной и Средней Азии, Закавказья, Ирана, Афганистана и др. В зависимости от монгольской империи находилась значительная часть русских земель. По обширности она превзошла все когда-либо существовавшие государства.
- ⁵⁵ Степные думы (1822–1890) – административно-хозяйственные сословные органы местной знати у кочевых народов Восточной Сибири (якутов, эвенков, бурят, хакасов). Учреждены «Уставом об управлении инородцев» от 22 августа 1822 г. в некоторых южных округах Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области (см.: Государственность в России... Кн. 4: Р–Я. М., 2001. С. 181).
- ⁵⁶ Иркутск, 1882.
- ⁵⁷ В настоящее время дело в Государственном архиве Томской области отсутствует, возможно по причине списания многих дел Томского губернского правления, происходившем в 1891–1917 гг. (сообщение директора ОГУ «ГАТО» А. В. Большаковой).
- ⁵⁸ Беловодье – легендарная страна свободы в русских народных преданиях XVII–XIX вв.
- ⁵⁹ В 1862 г. состоялся Освященный собор старообрядческой церкви (белокриницкой иерархии), где было принято решение об учреждении новой старообрядческой епархии – Тобольской. В управление нового епископа вверялась вся сибирская старообрядческая Церковь (см: *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири: (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокриницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий (<http://virlib.eunnet.net/books/oldb3/index.html>).
- ⁶⁰ «Ойротовское царство» (ойратское ханство, джунгарское ханство) – государство ойратов в Джунгарии (часть территории современного северо-западного Китая), сложившееся в 30-х гг. XVII века. В 1757–1758 гг. завоевано династией Цин.
- ⁶¹ Портсмутский мир, завершивший Русско-японскую войну 1904–1905 гг., заключен 5 сентября 1905 г. в Портсмуте, США. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Стороны обязались одновременно вывести войска из Маньчжурии. Потерял силу после капитуляции Японии во второй мировой войне.

Расстрел Московского Кремля

27 октября – 3 ноября 1917 года

Печ. по: Расстрел Московского Кремля 27 октября – 3 ноября 1917 года. 2-е изд. Токио, 1920 (с 48-ю фотограф.). Издание сопровождается следующими документами: «В Священный собор Всероссийской Церкви. Комиссия по фотографированию и документальному описанию повреждений Кремля во время бывшей

междоусобицы с 27 октября по 3 ноября сего года, учрежденная по определению Священного Собора, заслушала 8 декабря составленную членом комиссии епископом Камчатским Нестором брошюру для широкого распространения в народе под заглавием: “Расстрел Московского Кремля”.

Признавая составленную брошюру во всем отвечающей действительности, всецело соответствующей фактической стороне составленного Комиссией акта, притом изложенной в доступной для народа форме, а также, признавая чрезвычайную важность немедленного же опубликования в широких народных массах сведений о повреждениях русской Святыни – Кремлевских Соборов, Комиссия просит Священный Собор преподать свое Соборное благословение на напечатание таковой брошюры с воспроизведением в ней фотографий кремлевских разрушений. Издание брошюры берет на себя сам автор ее.

Председатель Комиссии по фотографированию и документальному описанию повреждений Кремля Вениамин Митрополит Петроградский. Члены комиссии: священник Сергей Константинович Верховский, Михаил Глаголев, Владимир Успенский, Александр Июдин, Павел И. Уткин, прапорщик Калиманов». Второе издание несколько расширено.

⁶² Фрагмент составлен из различных стихов «Плача Иеремии» – 1:1,3,5,11; 2:6,21; 3:45,46; 4:4,9,20; 5:2,5,8. «Плач Иеремии» цитировал и Святой Патриарх Тихон в своем слове «Россия в проказе», сказанном при служении литургии в Никола-Воробьинском храме г. Москвы на Воронцовом поле 14 (27) января 1918 г. (см.: Акты... С. 78).

⁶³ Текст незначительно изменен.

⁶⁴ Текст несколько изменен.

⁶⁵ Текст несколько изменен.

⁶⁶ См.: *Мост Иоанн Жозеф*. Религиозная язва. Пг., 1917. Пг., 1918 (2-е изд.). Автор (1846–1906) – деятель левосектантского анархистского течения в германской социал-демократии.

⁶⁷ Автор намекает на Л. Д. Троцкого (настоящая фамилия Бронштейн), в 1917–1918 гг. нарком по иностранным делам, в 1918–1925 гг. нарком по военным делам и председатель Реввоенсовета, и Ю. М. Стеклова (настоящая фамилия Нахамкис) (1873–1941), в 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, редактор «Известий» и других большевистских изданий.

ЧАСТЬ 2

ОЧЕРКИ АРХИЕРЕЯ В ИЗГНАНИИ

Маньчжурия – Харбин

Печ по: Епископ Нестор. Маньчжурия – Харбин. Белград: изд. «Царского вестника», 1933.

¹ Имеется в виду создание в 1932 г. на территории Маньчжурии под протекторатом Японии марионеточного государства Маньчжоу-Го (Маньчжу-Го).

- ² В 1937 г. в Трехречье местечке Солнечная падь на берегу реки Ган был основан мужской Св.-Богородице-Владимирский монастырь. Первым игуменом монастыря стал иеромонах Софроний (Виноградов) (см.: *Троицкая С. С.* Харбинская епархия ее храмы и духовенство: К 80-летию со дня учреждения Харбинско-Маньчжурской епархии. Брисбен (Австралия), 2002. С. 89, 91). Начало женской обители в Трехречье было положено в 1946 г. митрополитом Нестором.
- ³ Даосизм – китайская религия и одна из основных религиозно-философских школ в Китае. Возник в середине в сер. 1 тысячелетия до н. э. на основе верований шаманского характера.
- ⁴ Неточное воспроизведение 148-го псалма царя Давида.
- ⁵ Домовая церковь в честь Святителя Алексия, митрополита Московского, устроенная в 1910 году при Харбинских коммерческих училищах (мужского и женского), славилась высокохудожественными иконами. В 1925 г. была перенесена в район Нового города (на Зеленый Базар).
- ⁶ Имеется в виду домовая церковь при Железнодорожной гимназии имени генерала Д. Л. Хорвата, бывшего управляющим КВЖД, при котором была построена гимназия (1906 г.). Церковь была перенесена в Богородице-Владимирский монастырь.
- ⁷ Институт имени св. князя Владимира был открыт 29 августа 1934 г. в составе трех основных факультетов: Богословского, Политехнического и Факультета изучения государственного маньчжурского языка. Полный курс обучения составлял четыре года.
- ⁸ «Национальная организация русских скаутов» создана среди русских эмигрантов первоначально в Константинополе основоположником русского скаутского движения О. И. Пантоховым (под названием «Организация русских скаутов за границей»). Это движение ставило перед собой задачу воспитания юношества в национальном духе (см.: *О कोरोков А. В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 42-44).
- ⁹ «Национальная организация русских разведчиков» создана в 1928 г. полковником П. Н. Богдановичем. Задачей организации, как и скаутской, было национально-патриотическое воспитание молодежи.
- ¹⁰ Высшие богословские курсы действовали в Харбине с 1927 г. по программе пяти и шести классов духовных семинарий, впоследствии преобразованы в Богословский факультет.
- ¹¹ Российский (Русский) общевоинский союз (РОВС) – создан генералом Врангелем в 1924 г. из остатков белых армий, объединял около 30 тыс. воинов и был стержнем политической эмиграции (см.: *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1994. С. 233). С декабря 1924 г. до своей смерти в 1929 г. РОВС возглавлял Великий князь Николай Николаевич. Отдел в Харбине возглавлял генерал-лейтенант Г. А. Вержбицкий.
- ¹² «Беженский комитет» был создан 14 февраля 1923 г. на собрании русских эмигрантов в г. Харбине как объединение русских эмигрантов. Председателем

- комитета был избран П. П. Васильев. В марте 1924 г. был утвержден Устав комитета и ему присвоено наименование «Харбинский комитет помощи русским беженцам» (ХКПРБ). Комитет оказывал беженцам материальную, моральную и правовую помощь, занимался устройством на работу, на квартиры, организовывал бесплатное питание, медицинское обслуживание и др. для нуждающихся, регистрировал прибывающих беженцев, ходатайствовал перед властями о получении беженцами бесплатных паспортов, права на жительство и так далее. К началу 1935 г. многие функции, выполняемые все эти годы ХКПРБ, взяло на себя Главное бюро по делам российских эмигрантов. Харбинский комитет помощи русским беженцам окончательно прекратил свою деятельность в сентябре 1945 г. (www.ael.ru/iatp/2002/varaksina/1128.htm).
- ¹³ Русский Общественный комитет был создан в Харбинской епархии под председательством архиепископа Мелетия в связи с бедствиями, вызванными наводнением 1933 г. В него вошли все русские общества и организации, из временной эта организация превратилась в постоянную.
- ¹⁴ Восточный казачий союз – военная организация в Харбине, председатель генерал-майор Е. Г. Сычев. Входила в состав РОВС. Казачий союз в Харбине имел отделения в Цицикаре, Трехречье, в этих пунктах были организованы строевые части (сотни), в которых обучались молодые казаки военному казачьему делу. Союз издавал газету «Россия и казачество» (1933 г.).
- ¹⁵ Российская фашистская партия (РФП) провозглашена в 1931 г. в Харбине по инициативе К. В. Родзаевского и др. Первым председателем РФП был избран генерал В. Д. Косьмин, с 1932 г. – К. В. Родзаевский. В 1934 г. РФП объединилась с Всероссийской фашистской организацией А. А. Вонсяцкого, в результате чего была провозглашена Всероссийская фашистская партия, просуществовавшая меньше года. В декабре произошел раскол, организован Российский фашистский союз и Всероссийская национал-революционная партия (А. А. Вонсяцкий). Издания партии: журнал «Нация» и газета «Наш путь» (см.: *Окороков А. В. Русская эмиграция... С. 92*).
- ¹⁶ Имеется в виду «Национальная организация русских мушкетеров», или «Союз мушкетеров». Создана в 1924 г. В. С. Барышниковым. В 1929 г. возглавил «Союз мушкетеров» Великий князь Никита Александрович. Имелось отделение в Манчжурии. Своей целью мушкетеры ставили «свержение советского правительства и установление законной национальной власти на территории России» (см. *Окороков А. В. Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.)*. М., 2000. С. 67-68).
- ¹⁷ Организация «Русские соколы» была создана в 1862 г. М. Тыршем и основана на принципах гармонического развития духа и тела, патриотизма. Большое значение в движении соколов придавалось гимнастическим упражнениям. Начало русского соколовства за рубежом было положено основанием гимнастического общества в Праге 16 января 1921 г. Вскоре сокольские организации были созданы в Королевстве СХС, а в 1927 г. во Франции, Болгарии, Латвии, Польше, Китае и в Америке (см.: *Окороков А. В. Молодежные организации... С. 5-35*).

- ¹⁸ Орден крестоносцев – молодежная организация, учрежденная в ноябре 1924 г. по почину скаут-мастера Б. А. Березовского как «Дальневосточная Национальная религиозная организация Зарубежной Руси». Девиз ордена: «Помни Русь». (см.: *Огороков А. В.* Русская эмиграция... С. 82-83).
- ¹⁹ В январе 1932 г. Лига Наций в связи с агрессией Японии образовала комиссию для изучения обстановки в Маньчжурии во главе с британским дипломатом Литтоном. Комиссия прибыла на место в апреле 1932 г. В докладе, составленном комиссией, констатировалось, что Маньчжурия является территорией Китая. В этой обстановке Ассамблея Лиги Наций 24 февраля 1933 г. абсолютным большинством одобрила доклад комиссии Литтона. В резолюции признавались «особые права и интересы» Японии в Маньчжурии, однако захват Маньчжурии объявлялся незаконным, суверенитет Китая над маньчжурской территорией подтверждался, члены Лиги обязывались не признавать де-юре и де-факто Манчжоу-го, а Японии предлагалось вывести из Маньчжурии войска.
- ²⁰ Русский Дом – приют-училище, созданный 15 ноября 1920 г. для сирот-мальчиков и детей малоимущих родителей. Для него было выстроено специальное здание с домовою церковью. Позднее дом был передан в ведение Иверского братства ревнителей Православия, а после самороспуска братства в 1923 г. училище было передано в ведение Учебного отдела русского муниципалитета г. Харбина. Дом сохранял характер русских военно-морских училищ и кадетских корпусов. Воспитанники, кроме общего образования в объеме начальной и повышенной начальной школы, получали профессию (см.: *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг). М., 1997).
- ²¹ Благотворительная организация «Дом-Убежище митрополита Мефодия» был построен на земельном участке Спасо-Преображенской церкви в Харбине прот. М. Филоловым для вдов, сирот и престарелых из духовного звания (см.: *Свящ. Д. Поздняев.* Православие в Китае. С. 56). Был одним из лучших благотворительных учреждений г. Харбина.
- ²² Имеется в виду благотворительная столовая при Иверском храме в Харбине, где бедные или неимущие могли получать удешевленное или бесплатное питание (см.: *Свящ. Н. Падерин.* Церковная жизнь Харбина // Русский Харбин. М., 1998. С. 27).

Очерки Дальнего Востока

Печ. по: *Архиепископ Нестор.* Очерки Дальнего Востока. Белград, 1934 (Тип. «Слово» И. Попова и А. Большакова). Издание снабжено предисловием митрополита Антония: «Оглядываясь на недавнее прошлое, мы сравниваем положение Русской Церкви, разоренной и униженной, в отношении к рождающейся Православной Церкви в Японии, с положением, существовавшим в IX в. нашей эры. Тогда нравственно возрождалось русское племя – Россия и начиналась проповедь Христовой веры, прежде всего как праведной жизни. События быстро шли к своему завершению в связи с начавшейся войной между язычниками-русскими и христианами-греками. Русская земля тогда была угрожаема и внутренними, и внешними беспорядками, как и в настоящее время.

Ныне тоже висит меч над обитателями Востока, которые желают добиться праведной жизни и именно с этой стороны интересуются Христовой верой. В чем и я убеждался, устраивая знакомство с лучшими юношами японской народности тому назад пятьдесят лет и больше, о чем недавно поместил печатную статью в «Царском вестнике».

Теперь Япония в силе, а мы в слабости. Она ожидает нравственного обновления своим гражданам, а наши нравственные религиозные и общественные силы разбиты во внешнем смысле. Но эти силы имеются в избытке для сообщения братьям по человечеству новых начал жизни народной, жизни духовной, которая никогда не была совершенно чужда последователям буддизма.

Если Богу угодно будет облагодетельствовать обе наши нации, то да примет Он от Японии ее здоровый патриотизм и храбрость, а от России, расслабленной и растерзанной, как древняя Византия, – сокровище глубокого благочестия и святого самоотвержения ради славы Божией.

Таковы пути сближения между двумя народностями. Да умножается же это сближение с каждым поколением и да привлечет оно к себе через молодую Церковь Японскую сердца ищущих, алчущих и жаждущих правды Христовой, Его Вечной Славы. И да прорекнут Божественные уста те слова, что изрек Он Апостолу языков в Коринфе: “Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою и никто не делает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе (народе)” (Деян 18:10). Митрополит Антоний».

²³ См.: *Kotenev Anatol M.* New lamps for old; an interpretation of events in modern China and whither they lead. Shanghai, North-China Daily News and Herald, 1931.

²⁴ См.: *Арнольдов Л.* Китай, как он есть: Быт и политика. Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Изд. авт., 1933 (Рус. тип. «График»).

²⁵ Шинтоизм (синтоизм) – религия, распространенная в Японии, в основе которой лежит культ божеств природы и предков. Высшее божество – Аматерасу, ее потомок Дзимму. В 1868–1945 гг. – государственная религия.

²⁶ Мальтузианство – теория, созданная в конце XVIII в. Т. Р. Мальтусом, в соответствии с которой благосостояние населения определяется естественным законом народонаселения: темпы роста народонаселения значительно превышают темпы увеличения производства средств существования.

²⁷ Эпизод из японской истории XVII в. На основе этого сюжета в Японии создан ряд художественных произведений, ему посвящены радио и телепередачи, кинофильмы.

²⁸ Вероятно, имеется в виду старейший миф в Японии о герое Сусаноо, победившем чудовище, – источник многочисленных легенд о героях, побеждающих страшных чудовищ с помощью меча или хитростью (см.: Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 683).

²⁹ Ямато – племенной союз в Японии в III–IV вв. На его основе зародилось японское государство. Выражение «дух Ямато» стало синонимом «японского национального духа».

³⁰ Формоза – одно из названий о. Тайвань.

- ³¹ Гоминьдан (Гоминдан) – политическая партия в Китае, созданная в 1912 г. Сун-Ятсеном (Сун-ят-сеном). С 1931 г. под руководством Чан-Кайши (Чжан-кай-ши) правящая партия. После провозглашения КНР (1949) сторонники Гоминьдана переехали на Тайвань.
- ³² По преданию, святой Симеон был одним из семидесяти толкователей Ветхого Завета, которых египетский царь Птолемей II Филадельф пригласил в Александрию, чтобы те составили греческий перевод Ветхого Завета. Переводя книгу пророка Исаии и дойдя до слов: «се, дева во чреве примет и родит сына...» (Ис 7:14), святой Симеон усомнился в написанном. Он, взяв нож, решил вычистить это место и написать слово «жена» вместо слово «дева», но появившийся Ангел Господень удержал его руку.
- ³³ Из «Баллады о Западе и Востоке» английского поэта Р. Киплинга.
- ³⁴ Тайпинги – мятежники в Китае (1850–1865), стремились к ниспровержению маньчжурской династии.
- ³⁵ Политический клуб Аньфу создан в 1918 г. на основе милитаристских группировок в Северном Китае. Название получил от провинции Аньхой, уроженцами которой были его руководители – Дуань Цижуй и др. Поддерживался Японией.
- ³⁶ Богдохан (Богдыхан) – священный государь (монг.), титул, которым называли императоров Китая.
- ³⁷ Имеется в виду китайская династия Чжоу (1122 (?) – 256 гг. (по другим данным 246 г.) до н. э.). Чжоуская эпоха ознаменовалась подъемом китайской культуры, появлением философских школ (конфуцианства, даосизма и др.).
- ³⁸ Речь идет о главных событиях китайской революции 1927–1928 гг. 21 марта 1927 г. произошло восстание рабочих в г. Шанхае. 22 марта восставшие заняли всю китайскую часть города. 27 марта 1927 г. части армейского корпуса Народно-революционной армии заняли г. Нанкин.
- ³⁹ Бохай – государство в Северо-Восточной Азии, населенное тунгусскими племенами мохэ и др. В 926 г. завоевано племенем киданей.
- ⁴⁰ Чжурчжени – племена тунгусского происхождения. С древних времен заселяли восточную часть Маньчжурии. В XII в. создали государство Цзинь.

Египет, Рим, Бари

Печ. по : *Архиепископ Нестор*. Египет, Рим, Бари. Шанхай, 1934.

- ⁴¹ См.: Мф 2:15 («...и там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего»).
- ⁴² Из стихотворения А. А. Блока «Скифы». Точный текст: «И дикой сказкой был для вас провал и Лиссабона и Мессины».
- ⁴³ Ватиканский кодекс – список новозаветных книг, составленный в IV в. Заканчивается 14 стихом 9-й главы Послания апостола Павла к Евреям. Хранится в Риме.
- ⁴⁴ Синайский кодекс, составленный в IV или V вв., был обнаружен в Синайском православном монастыре св. Екатерины в 1856 г. немецким ученым К. Ти-

шендорфом. Он содержит весь Новый Завет вместе с Посланием Варнавы и значительной частью «Пастыря Ерма», а также каноны Евсевия. Синайский кодекс был поднесен Императору Александру II и помещен в Императорскую публичную библиотеку в Петербурге. До 1933 г. он хранился в России, а затем был продан Великобритании и сейчас находится в библиотеке Британского музея, являясь самой древней ее рукописью.

Очерки Югославии (Впечатления путешествия)

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Очерки Югославии (Впечатления путешествия). Харбин, 1935.

⁴⁵ Пьемонт – область на северо-западе Италии. С 1720 г. стал частью Сардинского королевства (иначе Королевство Пьемонт) со столицей в г. Турине. Вокруг Пьемонта произошло объединение Италии в 1861 г.

⁴⁶ Калемегдан – старинная часть Белграда, где расположена средневековая турецкая крепость.

⁴⁷ Чудотворная Курская икона Божией Матери «Знамение» («Коренная») с 1951 г. находится в США.

⁴⁸ Демественное пение – стиль древнерусского церковного пения середины XVII–XVIII вв.

⁴⁹ Други (серб.) – второй.

⁵⁰ Каппелевские герои – участники похода (т. н. «Ледового») под командованием генерала-лейтенанта В. О. Каппеля. В походе участвовали несколько десятков тысяч человек, отступавших под натиском Красной армии и партизан. «Ледовый поход» завершился уже после кончины В. О. Каппеля (26 января 1920 г.) переходом через замерзший Байкал. Во второй половине февраля 1920 г. каппелевские колонны вошли в г. Читу, занятую войсками атамана Семенова. Поход продолжался 5 месяцев.

⁵¹ Плавый (правильно: плави) – голубой (серб.).

⁵² Русский дом имени Государя Императора Николая Александровича в Белграде открыт 9 апреля 1933 г. в здании, специально построенном для него архитектором В. Ф. Баумгартеном. Являлся центром научной, просветительной и художественной жизни, приняв под свои своды Русский научный институт, Военно-научные курсы, Русскую публичную библиотеку, русско-сербские мужскую и женскую гимназии и другие организации. После второй мировой войны назывался Домом советской культуры (см.: Русские эмигранты в Югославии. М., 1996. С. 65-66). В настоящее время Российский центр науки и культуры («Русский дом») в Белграде.

⁵³ Российское общество Красного Креста (РОКК) открыло свое представительство в Белграде весной 1920 г.

⁵⁴ В ноябре 1920 г. большая часть войск генерала П. Н. Врангеля была высажена на берег турецкого полуострова Галлиполи. В 1921 г. после переговоров Вран-

геля с союзниками армейские части были в основном приняты в Болгарии и в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

- ⁵⁵ Младороссы – члены политико-общественной молодежной организации, созданной в 1924 г. Под названием «Союз молодой России» переименован в 1925 г. в «Союз младороссов», а в 1935 г. – в «Младоросскую партию». Бессменный лидер и возглавитель партии А. Л. Казем-Бек. В идеологии младороссов большой удельный вес имели национал-социалистические идеи, распространенные в довоенной Европе, в соединении с русским патриотизмом. Лозунги: «Царь и Советы», «Ни белые, ни красные, но русские», «Сталин уйдет, а заводы останутся». С началом второй мировой войны стали выступать с позиций защиты Родины в войне с Германией. В 1941 г. организация была распущена.
- ⁵⁶ «Национальный союз нового поколения» создан в 1930 г. (первоначальное название «Национальный союз русской молодежи»). С 1936 г. Национально-трудовой союз Нового поколения (НТСНП). К концу 30-х гг. насчитывал не менее 2 000 чел. Цель – «национальная революция, которая может быть организована лишь силами народа изнутри России, а не извне», членов НТСНП готовили к отправке в Россию для конспиративной работы.
- ⁵⁷ Имеется в виду созданное в 1932 г. Русское трудовое христианское движение (РТХД) во главе с Г. Г. Миткевичем. Духовником движения был о. Петр Беловидов. Организация ставила своей задачей объединение всех беженских групп с целью подъема хозяйственного и политического значения русской эмиграции. РТХД представляло своим членам правовую защиту, оказывало помощь в подыскании заработка, поддерживало безработных и т. д. Основными лозунгами были: вера, родина и семья (см.: *Косик В. И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000).
- ⁵⁸ Годовщина.
- ⁵⁹ Перевод с сербского: «Служитель Христов является одновременно другом и отцом народа, и поэтому ему не могут быть чужды социальные, политические и экономические вопросы, которые касаются благосостояния народа. Отношения между Церковью и государством, Церковью и литературой, Церковью и искусством, Церковью и школой, обязанности и права граждан, зло, приносимое коррупцией и злоупотреблением властью, взаимные права и обязанности труда и капитала, этика торговли и в транспортной системе, социализм и анархия – эти и подобные вопросы имеют жизненное значение, такое жизненное значение, что вокруг них вертится весь мир и всеобщая безопасность. Духовник – это реформатор и на социальном и на религиозном поприще, он и патриот и проповедник. Земное благополучие и вечное блаженство врученных ему душ в равной мере лежит на его сердце. Пусть эта первая годовщина Сербской Православной Патриархии покажет, что все современные вопросы занимают и посланников Божиих; дух предания, который они хранят, противоречит лишь слишком быстрым переменам, в то время как христианское милосердие заставляет их любую благую перемену принимать и продвигать только в том случае, если она может помочь братьям, которые страдают и терпят и рабство и нищету». В тек-

сте сохранены особенности воспроизведения архиепископом Нестором сербского алфавита.

⁶⁰ Хрисовула (серб.) – грамота, выдаваемая обычно монастырям в связи с получением определенных льгот, пожертвований и пр.

⁶¹ В 1920 г. часть монахов Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, находившегося в это время на территории Финляндии, были вынуждены оставить монастырь в связи с введением григорианского календаря. Многие из них нашли приют в Сербии.

⁶² Исполла эти деспота (греч.) – многая лета, Господин (поется на архиерейском богослужении).

⁶³ Пс 145:2.

Часовня-памятник памяти Венценосных Мучеников

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Часовня-памятник памяти Венценосных Мучеников в г. Харбине. Харбин: изд. Дома Милосердия, 1936. Переизд. с примеч. К. А. Караулова и В. В. Коростелева. См: Русская Атлантида. 2004. № 12.

⁶⁴ Мф 4:4.

⁶⁵ Пс 104:15 («Не прикасайтесь к Помазанному Моим, и пророкам Моим не делайте зла»).

⁶⁶ Русский полк шанхайского волонтерского корпуса создан в 1927 г. по поручению муниципалитета шанхайского международного сэттльмента, обеспокоенного перспективой захвата его территории войсками китайского революционного правительства. Первоначально представлял собой отряд из двух рот в составе шанхайского волонтерского корпуса. В дальнейшем увеличился до четырех рот, стал именоваться «Шанхайским русским полком». Насчитывал в своих рядах 90 офицеров и 438 рядовых.

⁶⁷ Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае создан весной 1924 г. В состав комитета вошли председатели всех русских общественных организаций.

⁶⁸ На экземпляре книги, хранящемся в следственном деле, карандашная помета на полях: «Орлы спрятаны Карауловым».

⁶⁹ Из кондака Всем русским святым.

⁷⁰ Ос 10:3.

⁷¹ Пс 71:1.

⁷² Слова Спасителя на Кресте: «Отче! отпусти им, не веди бо что творят» (Лк 23:34).

⁷³ Цитируется стихотворение А. С. Хомякова «России».

⁷⁴ По свидетельству Г. Б. Тыкоцкого, неугасимая лампада и хоругвь в форме Георгиевского креста для Часовни-памятника были изготовлены его отцом Б. Н. Тыкоцким (см.: Русская Атлантида, 2003. № 12. С. 16). В брошюре,

хранящей в следственном деле, на полях против этого места карандашная помета: «Корона у Караулова».

⁷⁵ Мф 5:16.

⁷⁶ Цитируется стихотворение А. Несмелова «В ломбарде» (*Несмелов А. Кровавый отблеск*. Харбин, 1928).

⁷⁷ На экземпляре брошюры, хранящейся в следственном деле, против этих строк помета «галочка» и надпись: «У Нестора».

⁷⁸ Пс 88:20.

⁷⁹ 1 Петр 2:17: «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите».

⁸⁰ Цитируется неозаглавленное стихотворение А. С. Хомякова, начинающееся словами: «Не говорит: “То бывшее...”»

⁸¹ В конце брошюры помещен «Краткий отчет о постройке часовни», «Список почетных строителей Часовни-Памятника памяти Венценосных Мучеников в Харбине» и «Список членов Строительного Комитета, работников по построению Часовни и всех оказавших ценную помощь делу построения Памятника-Часовни». Опубл.: Русская Атлантида. 2004. № 12.

Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 году

(По личным воспоминаниям)

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 году: (По личным воспоминаниям). Харбин: Изд. Обители Милосердия, 1937.

⁸² Киевлянин. 1917. № 272. Цит. по: В жертву Богу приносится лучшее: Венок на могилу Высокопреосвященного митрополита Владимира. Репр. воспр. изд. 1918 г. М.: Изд. Киево-Печерской лавры. 1992. С. 31.

⁸³ Начало тропаря, поемого на вечерне Великого пятка и на утрени Великой субботы («Благообразный Иосиф, с Древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями во гробе нове покрыв, положи»).

⁸⁴ В статье Я. Тинченко «Последний защитник монархии» сказано: «Несколько дней Директория отрицала убийство графа Келлера, но затем кто-то из ее членов признался, что в морге есть труп некоего генерала исполинского роста с синими казачьими лампасами. Тело Федора Артуровича было выдано его близким и тайно предано земле, но где – об этом никто в городе не знал. По данным известного киевского археолога Александра Возницкого, загадку могилы Келлера раскрыли в начале 30-х годов. Большевики вскрывали все старые кладбища, в надежде поживиться драгметаллами, украшениями, оружием и царскими орденами, даже в те времена стоимыми немалых денег. В безымянной могиле нашли останки русского генерала от кавалерии в полуистлевших шароварах с синими лампасами... Могила была ограблена. В наши дни на месте монастырского кладбища монахи разбила небольшой сад с молоденькими деревцами» (*Киевские ведомости*. 2002. 23 февр. № 41 (2555)).

- ⁸⁵ Вместе с митрополитом Антонием в Бучачском плену, по нашим сведениям, находились два архиерея: епископ Никодим (Кротков) и архиепископ Евлогий (Георгиевский).

ЧАСТЬ 3 СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

Воззвание

Печ. по: *Камчатский миссионер иеромонах Нестор*. Воззвание // Русский патромник. 1911. № 46. С. 733-734.

Слово ко всему казачеству

Печ. по: Слово епископа Нестора ко всему казачеству. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 717.

- ¹ Во время Земского собора 1613 г., когда стал вопрос о выборе государя, «начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засыпали; образовывались стороны, но ни одна из них не брала верх». Какой-то дворянин из Галича предложил в цари Михаила Федоровича Романова, но тут же возникли несогласные. Решило дело письменное мнение донского атамана о «природном царе Михаиле Федоровиче» (см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен Кн. IV (т. 7-8). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 689-690).
- ² В 1637 г. донские казаки после двухмесячной осады взяли турецкую крепость Азов. В 1641 г. крепость была осаждена турецко-татарскими войсками. В 1642 г. казаки оставили Азов. В 1696 г. занят русскими войсками (см.: *Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия*. Т. 1. А–Д. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1994. С. 36).
- ³ В августе 1919 г. в день Преображения Господня Братство святого Гермогена в Омске устроило праздник Святого Креста. В церквях после молебна началась запись добровольцев в дружины Святого Креста для борьбы в рядах белой армии. Вскоре подобные добровольческие дружины стали создаваться среди мусульман. «Развернув зеленое знамя священной войны против врагов мусульманской религии, они готовы идти в бой рядом с христианскими дружинами, на знамени которых будет красоваться символ Святого Креста» (*Сибирская речь*. 1919. № 190. 2 сент.). Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени размещались в здании театра «Кристал-Палас». 20 сентября 1919 г. на фронт отправились первые отряды дружин Святого Креста и Зеленого Знамени.
- ⁴ См. кондак Божией Матери: «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшаяся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице, но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная».

**Слово на молебне при закрытии съезда представителей
несоциалистического населения в городе Владивостоке 25 июня 1921 года**

Печ по: Слово Епископа Нестора на молебне при закрытии Съезда представителей несоциалистического населения в гор. Владивостоке 25 июня 1921 года // Двуглавый Орел. 1921. 1/14 окт. Вып. 17. С. 1-3.

⁵ Иак 1:20.

⁶ Владыка несколько изменяет смысл проповеди мученика Гордия, который во время гонений на христиан отказался от своего воинского звания и ушел в добровольное изгнание. Когда правитель Кесарии, желая привлечь к язычеству горожан, назначил торжественное празднество в честь бога войны Марса, в городском цирке были устроены состязания наездников. Толпы народа, в том числе и тайные христиане, собрались здесь. Узнав о языческом празднестве, св. Гордий покинул уединение и появился в цирке. Он обратился с пламенной проповедью о Христе Спасителе, бесстрашно обличил языческое зловерие. Св. Гордий принял мученический венец через усекновение главы. Память его 3 (16) января. Интересно, что съезды несоциалистического населения происходили в бывшем здании владивостокского цирка, что, по-видимому, и напомнило епископу Нестору мученичество Гордия.

**Кончина митрополита Евсевия Крутицкого,
наместника Всероссийского Патриарха**

Печ. по: *Епископ Нестор*. Кончина митрополита Евсевия Крутицкого, наместника Всероссийского Патриарха // Свет. 1922. 22 марта.

**Послание к пастве в связи с открытием кафедры викарного епископа
в Камчатской епархии**

Печ. по: Свет. 1922. 25 окт. Послание приведено полностью в статье В. Вагова «Новое викариатство в Камчатской епархии».

⁷ См.: 2 Тим. 4:2 («Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием»).

⁸ См.: Ин 10:16 («И ины овцы имам, яже не суть от двора сего»).

⁹ На проходившем во Владивостоке с 23 июля по 10 августа 1922 г. Приамурском Земском соборе была избрана на частном совещании делегация для поездки в Западную Европу в составе Председателя Земского собора Н. И. Миролюбова, С. Д. Меркулова и епископа Нестора. Цель поездки не оглашалась (ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Л. 576).

Святейший Патриарх Тихон Московский и всея Руси

Печ. по: *Епископ Нестор*. Святейший Патриарх Тихон Московский и всея Руси // Русское слово. 1927. 7 апр.

¹⁰ Синедрион – высшее государственное учреждение и судилище евреев в Иерусалиме. Председателем был первосвященник, а членами представители наиболее знатных саддукейских и фарисейских родов.

Пасха на Востоке

Печ. по: *Епископ Нестор*. Пасха на Востоке // Русское слово 1927. 24 апр.

¹¹ Фанар – квартал в Стамбуле, где располагалась резиденция Константинопольского Патриарха.

¹² Ая-София (Айя-София) – православный храм во имя св. Софии, выдающееся произведение византийской архитектуры. Сооружен в 532–537 гг. Внутри храм был украшен цветным мрамором и мозаиками, которые были заштукатурены турками, превратившими храм после 1453 г. в мечеть.

Сунгари

Печ. по: *Епископ Нестор*. Сунгари // Заря. 1930. № 176. 4 июля.

Сердце Владыки

Печ. по: *Епископ Нестор*. Сердце Владыки // Заря. 1931. № 87. 31 марта. С. 3.

Пасха в Абиссинии

Печ. по: Пасха в Абиссинии: Пасхальная статья епископа Нестора для «Зари» // Заря. 1931. 12 апр. № 99. С. 3.

¹³ Пс 77:65-66 («И воста яко спя Господь, яко силен и шумен от вина: и порази враги своя вспять, поношение вечное даде им»).

Рождество у подножия дымящегося вулкана

Печ. по: *Архиепископ Нестор Камчатский*. Рождество у подножия дымящегося вулкана // Царский вестник. 1934. № 378.

Больница памяти д-ра Казем-Бека

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Больница памяти д-ра Казем-Бека // Заря. 1936. 16 февр. № 42.

В Дом Милосердия подброшен истерзанный ребенок

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. В Дом Милосердия подброшен истерзанный ребенок // Заря. 1936. 17 февр.

Святейший Патриарх Варнава

Печ. по: *Нестор, архиепископ Камчатский и Петропавловский*. Святейший Патриарх Варнава // Русское зарубежье Святейшему Патриарху Варнаве по случаю 25-летия епископского служения / Под ред. В. А. Маевского. Новый Сад., 1936 (Рус. тип. С. Филонова). С. 21-24.

Слово на панихиде по М. А. Оксаковской

Печ. по: Слово Архиепископа Нестора на панихиде по М. А. Оксаковской // Женская гимназия имени Марии Алексеевны Оксаковской: Сборник, посвященный тридцатилетию гимназии. Харбин, 1936.

К тридцатилетию гимназии

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. К тридцатилетию гимназии // Женская гимназия имени Марии Алексеевны Оксаковской: Сборник, посвященный тридцатилетию гимназии. Харбин, 1936.

Письмо на Родину

Печ. по: Письмо на Родину: Статья архиепископа Нестора для «Зари» // Заря. 1936. № 96. 12 апр.

Памятник покаяния

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Памятник покаяния // Заря. 1936. № 127. 15 мая.
¹⁴ Цитируется стихотворение А. К. Толстого «Чужое горе».

Святитель Николай и дети

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Святитель Николай и дети // Заря. 1936. № 134. № 22 мая.

Одинокая могилка

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Одинокая могилка // Заря. 1936. 8 июля.

Слово в день убиения Царской семьи

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Слово в день убиения Царской семьи // Заря. 1936. 18 июля. № 180.

Заявление из Лондона для «Зари»

Печ. по: Архиепископ Нестор отлучает от Церкви оклеветавших его. Владыку обвинили в масонстве. Заявление из Лондона для «Зари» // Заря. 1936. № 196. 26 июля. Статья подписана: «Божией милостью смиренный Нестор, архиепископ Камчатский и Петропавловский».

Два подкидыша

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Два подкидыша // Заря. 1936. № 216. С. 2.

Владыка митрополит Антоний

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Владыка митрополит Антоний: Статья для «Зари» архиепископа Нестора // Заря. 1936. № 217. 14 авг.

Значение памятника-часовни

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Значение памятника-часовни. Листовка. 1936 (?).

Настало время борьбы с отцом лжи

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Настало время борьбы с отцом лжи // Наш путь. 1937. № 33. 7 февр.

¹⁵ Быт 4:16 («У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя Господне»).

¹⁶ Еккл 3:7 («время раздирать, и время сшивать; время молчать и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру»).

Пушкин и современность

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Пушкин и современность // Наш путь. 1937. № 37. 11 февр. Переизд.: Вятский епархиальный вестник. 1994. № 6 (публ. В. Сергеева).

¹⁷ Автор ошибается: это выражение принадлежит известному русскому критику Аполлону Григорьеву. Целиком эта фраза звучит так: «А Пушкин наше все: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами (Собр. соч. под ред. В. Ф. Саводника. Вып. 6: Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Москва, 1915. С. 10).

Памяти Патриарха-мученика

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Памяти Патриарха-мученика // Наш путь. 1937. № 56. 3 марта.

Крещение в Индийском океане

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Крещение в Индийском океане // Заря. 1938. 1 янв.

Об учреждении «Братства Христовой Руси имени Святого князя Владимира»

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Об учреждении «Братства Христовой Руси имени Святого князя Владимира» // 2-й Всезарубежный собор Русской Православной Церкви Заграницей. Белград, 1938. С. 37-38.

Человеческая слава и лилия (Легенда о лилии)

Печ. по: *Архиепископ Нестор*. Человеческая слава и лилия: (Легенда о лилии) // Светоч любви. Однодневный сборник, посвященный светлой памяти Всечестной Игуменнии Руфины. Августа 6 года Кан-Дэ (1939), день Успения Божией Матери. Харбин, 1939. С. 9-11.

Христос рождается, славите!

Печ. по: Христос рождается, славите! Листовка. Харбин, 1943. Подпись: Архиепископ Нестор.

**Слово на молебне 19 августа по случаю победы над Японией
и установления мира во всем мире**

Печ. по: Слово Преосвященного Нестора, архиепископа Камчатского и Петропавловского на молебне 19 августа по случаю победы над Японией и установления мира во всем мире. // ЖМП. 1945. № 11. С. 27-28.

**Приветственное слово победоносному воинству Красной Армии
на митинге 2 сентября в г. Харбине**

Печ. по: Приветственное слово Преосвященного Нестора, архиепископа Камчатского и Петропавловского победоносному воинству Красной Армии на митинге 2 сентября в г. Харбине // ЖМП. 1945. № 11. С. 29-31.

**Путешествие в Иерусалим и Палестину
(Из личных воспоминаний)**

Печ. по: Путешествие Митрополита Нестора в Иерусалим и Палестину (Из личных воспоминаний) // Хлеб Небесный (Харбин). 1946. № 9, 10. С. 5-10. В Архиве ПСТГУ имеется машинопись данной работы, несколько отличающаяся от опубликованного варианта.

¹⁸ «Тебе Одеющагося светом, яко ризою», – начало стихиры, поемой в конце вечерни Великой пятницы.

¹⁹ «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет...» – начало песнопения, поемого в Великую субботу на литургии св. Василия Великого во время Великого Входа.

²⁰ Песнопения праздников Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

²¹ Приводятся слова, сказанные Господом на Тайной Вечери (см.: Мф 26: 26-28; Мк 14: 22-24; Лк 22: 19-24; 1 Кор 11: 23-25).

²² Мф 26:21.

²³ «Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи...» – слова из чинопоследования таинства священства.

²⁴ Стихира воскресная на «Господи воззвах», глас 8.

²⁵ Из тропаря праздника «Вход Господень в Иерусалим».

²⁶ Ис 62:1.

²⁷ Пс 136: 5.

**Елизавета Николаевна Литвинова
(Некролог)**

Печ. по: † Елизавета Николаевна Литвинова // Хлеб Небесный (Харбин). 1946. № 9, 10. С. 38-40. Подпись: Митрополит Нестор.

**Слово при вручении жезла епископу Никандру в день его хиротонии
22 сентября 1946 года в Свято-Николаевском кафедральном соборе**

Печ. по: Слово Митрополита Нестора при вручении жезла епископу Никандру в день его хиротонии 22 сентября 1946 года в Св.-Николаевском кафедральном соборе // Хлеб Небесный (Харбин). 1946. № 9,10. С. 56.

²⁸ Ин 21:18 («Аминь, аминь глаголю тебе: егда был еси юн, поясался еси сам, и ходил еси, аможе хотел еси: егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет, и ведет, аможе не хочещи»).

Слово о воздвижении храма-памятника святого Александра Невского

Печ. по: Слово митрополита Нестора о воздвижении храма-памятника св. Александра Невского. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 277. Л. 49 об.–50. Подлинник. Типографская печать с подписью-автографом митрополита Нестора. Печать Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии.

Слово о Святителе Николае, Мирликийском Чудотворце

Печ. по: *Митрополит Нестор*. Слово о Святителе Николае, Мирликийском Чудотворце // Вестник Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии. 1947. № 5-7.

**Вступительное слово, сказанное в кафедральном соборе г. Новосибирска
при вступлении в управление паствой и епархией 16 августа 1956 года**

Печ. по: Вступительное слово, сказанное в Кафедральном Соборе г. Новосибирска при вступлении в управление паствой и епархией 16 августа 1956 г. (Архив А. К. Караулова и В. В. Коростелева).

Поучение новонаначальному иноку Сергию

Печ. по: Поучение новонаначальному Иноку Сергию (в мире Владимир Горошенко), произнесенное Митрополитом Нестором при пострижении в Кафедральном Вознесенском соборе г. Новосибирска 3/16 апреля 1957 года. Великий Вторник. Печ. по: Архив ПСТБИ. Ксерокопия с машинописной копии. «Поучение» вложено в письмо к епископу Афанасию от 5 мая 1957 г.

²⁹ Пс 140:3.

**Епархиальное рождественское послание пастве
Кировоградской и Николаевской – пастырям и мирянам**

Печ. по: Епархиальное рождественское послание пастве митрополита Нестора Кировоградской и Николаевской – пастырям и мирянам // ЦИА ПСТГУ. Подлинник. Машинопись. Автограф митрополита Нестора. Проповедь вложена в письмо к епископу Афанасию с надписью: «С братской о Христе любовью дорогому Владыке епископу Афанасию. М. Нестор. 25.XII 60 г.»

Содержание

Предисловие	7
Митрополит Нестор (Анисимов). Жизнеописание	11

Часть первая Очерки камчатского миссионера

Из Камчатки	101
Православие в Сибири (Исторический очерк)	138
Расстрел Московского Кремля 27 октября – 3 ноября 1917 года	190

Часть вторая Очерки архиерея в изгнании

Маньчжурия – Харбин	215
Очерки Дальнего Востока. Быт, религия и современное положение	245
Египет, Рим, Бари	289
Очерки Югославии (Впечатления путешествия)	315
Часовня-памятник памяти Венценосных Мучеников	402
Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в Киеве в 1918 году (По личным воспоминаниям)	413

Часть третья Слово архипастыря

Воззвание	443
Слово ко всему казачеству	446
Слово на молебне при закрытии съезда представителей несоциалистического населения в городе Владивостоке 25 июня 1921 года	450
Кончина митрополита Евсевия Крутицкого, наместника Всероссийского Патриарха	453

Послание к пастве в связи с открытием кафедры викарного епископа в Камчатской епархии	456
Святейший Патриарх Тихон Московский и всея Руси	458
Пасха на Востоке	459
Сунгари	463
Сердце Владыки	466
Пасха в Абиссинии	467
Рождество у подножия дымящегося вулкана	471
Больница памяти доктора Казем-Бека	473
В Дом Милосердия подброшен истерзанный ребенок	474
Святейший Патриарх Варнава	476
Слово на панихиде по М. А. Оксаковской	479
К тридцатилетию гимназии	480
Письмо на Родину	481
Памятник покаяния	482
Святитель Николай и дети	484
Одинокая могила	486
Слово в день убиения Царской Семьи	487
Заявление из Лондона для «Зари»	488
Два подкидыша	490
Владыка Митрополит Антоний	492
Значение памятника-часовни	493
Настало время борьбы с отцом лжи	494
Пушкин и современность	496
Памяти Патриарха-мученика	497
Крещение в Индийском океане	498
Об учреждении «Братства Христовой Руси имени Святого князя Владимира»	501
Человеческая слава и лилия (Легенда о лилии)	503
Христос рождается, славите	505
Слово на молебне 19 августа по случаю победы над Японией и установления мира во всем мире	507
Приветственное слово победоносному воинству Красной армии на митинге 2 сентября в г. Харбине	510
Путешествие в Иерусалим и Палестину (Из личных воспоминаний)	513

Елизавета Николаевна Литвинова (Некролог)	522
Слово при вручении жезла епископу Никандру в день его хиротонии 22 сентября 1946 года в Свято-Николаевском кафедральном соборе	525
Слово о воздвижении храма-памятника святого Александра Невского	527
Слово о Святителе Николае, Мирликийском чудотворце	529
Вступительное слово, сказанное в кафедральном соборе г. Новосибирска при вступлении в управление паствой и епархией 16 августа 1956 года	532
Поучение новонаначальному иноку Сергию	534
Епархиальное рождественское послание пастве митрополита Нестора Кировоградской и Николаевской – пастырям и мирянам	536
Примечания	538

ВЕРНУВШИЙСЯ ДОМОЙ
Жизнеописание и сборник трудов
митрополита Нестора (Анисимова)

Сборник в двух томах

Том первый

***Серия «Материалы по новейшей истории
Русской Православной Церкви»***

Главный редактор
профессор протоиерей Владимир Воробьев

Автор-составитель

О. В. Косик

Художник

В. В. Стриевская

Редактор

д. и. н. В. И. Косик

Художественный редактор

Л. А. Головкова

Верстальщик

В. Ю. Равжаев

Подписано в печать 9 марта 2005 г. Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Объем 38 п. л.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 525.
Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
ЛР № 030568 от 29.09.1993 г. 113184, Москва, Новокузнецкая ул., 23б.

Отпечатано в ППП Типография «Наука».
121099, Москва, Шубинский пер., 6.